

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ
И КРИТИКИ

II

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ И КРИТИКИ

ТОМ ВТОРОЙ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1965

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Данная книга является вторым томом «Очерков по истории русской журналистики и критики», выпущенных Издательством Ленинградского университета в 1950 г.

В книге две части: «Шестидесятые годы» и «Семидесятые — девяностые годы» XIX в. Каждая часть открывается обзорной главой, в которой дается характеристика общественного и литературного движения, состояния журналистики и цензурной политики правительства. В последующих главах анализируются либо отдельные органы печати, либо группы периодических изданий.

В книге рассматривается развитие провинциальной прессы, формирование журнальных и газетных жанров.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов факультетов журналистики и филологических факультетов, научных работников, журналистов, историков печати и широкие круги читателей.

Редакционная коллегия:

*доценты В. Г. Березина, Н. П. Емельянов, Н. И. Соколов,
Н. И. Тотубалин*

Оглавление

	Стр.
От редакции	5
Часть I. Шестидесятые годы	
Глава I. Общая характеристика периода	9
1. Общественное и литературное движение 1860-х годов. Цензурная политика правительства (<i>Л. А. Плоткин</i>)	—
2. Типологическая характеристика журнальной периодики 1860-х годов (<i>В. А. Алексеев</i>)	18
3. Газеты 1860-х годов (<i>В. Г. Березина</i>)	30
Глава II. «Современник» (<i>А. Г. Дементьев, Н. М. Сикорский</i>) ¹	60
Глава III. Издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева (<i>А. Г. Дементьев</i>).	103
Глава IV. «Русское слово» (<i>Л. Э. Варустин</i>).	126
Глава V. Сатирические журналы 1860-х годов («Искра», «Гудок», «Будильник») (<i>И. Г. Ямпольский</i>).	151
Глава VI. «Библиотека для чтения» (<i>Н. Т. Панченко</i>)	183
Глава VII. «Отечественные записки» (<i>А. Н. Степанов</i>).	193
Глава VIII. Периодика славянофилов (<i>В. А. Алексеев</i>)	204
Глава IX. «Русский вестник» и «Московские ведомости» (<i>В. С. Маслов</i>)	217
Часть II. Семидесятые—девяностые годы	
Глава X. Общая характеристика периода	233
1. Общественное движение 1870—1890-х годов (<i>Г. А. Бялый</i>).	—
2. Основные направления в журналистике, публицистике, критике (<i>Г. А. Бялый</i>)	239
3. Цензурная политика самодержавия в 1870—1890-е годы (<i>А. Б. Муратов</i>)	249
4. Типологическая характеристика журнальной периодики 1870—1890-х годов (<i>А. Б. Муратов, М. И. Ульман</i>)	253
Глава XI. «Отечественные записки» (<i>Н. П. Емельянов</i>)	268
Глава XII. «Дело» (<i>Н. И. Соколов</i>).	310
Глава XIII. Бесцензурная печать революционного народничества (<i>В. В. Чубинский</i>)	337

¹ А. Г. Дементьевым написаны стр. 60—84, Н. М. Сикорским — стр. 84—102.

	Стр.
Глава XIV. «Вестник Европы» (А. А. Савенков)	367
Глава XV. «Русская мысль» (Н. Г. Зорина)	376
Глава XVI. «Северный вестник» (Л. В. Крутикова)	394
Глава XVII. «Русское богатство» (Б. Д. Легов)	413
Глава XVIII. Сатирическая журналистика 1870—1890-х годов (М. И. Привалова, В. И. Ганшин)	431
Глава XIX. Газеты 1870—1890-х годов	449
1. Общий обзор газетной периодики (П. С. Карасев)	—
2. В. Г. Короленко — газетчик (1885—1896) (П. С. Карасев)	462
3. М. Горький — газетчик (С. В. Смирнов)	470
Глава XX. Зарождение марксистской печати. Издательская деятельность группы «Освобождение труда» (С. С. Деркач)	487

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1950 г. Издательство Ленинградского государственного университета выпустило первый том «Очерков по истории русской журналистики и критики», охватывающий XVIII в. и первую половину XIX в.

Настоящая работа, являясь вторым томом «Очерков», представляет собой самостоятельное научное исследование периодической печати второго (разночинского) этапа русского освободительного движения.

Если в XVIII и первой половине XIX в. ведущими в журналах были отделы литературы и литературной критики, то во второй половине XIX в. (в связи с изменениями, происшедшими в общественном сознании читателей и в условиях существования периодики) главную роль в журналах и газетах стали играть отделы публицистические; отличительной особенностью истории периодической печати второй половины XIX в. является также преобладание публицистических журнальных и газетных жанров над всеми остальными. Поэтому в настоящем томе «Очерков» преимущественное внимание уделяется не литературной критике, а публицистике. Это вызвано еще и тем, что в 1958 г. в Издательстве Академии наук СССР вышла «История русской критики», второй том которой посвящен развитию литературной критики в разночинно-демократический период освободительного движения в России.

По сравнению с первым томом значительно шире представлена газетная пресса, интенсивное развитие которой падает на вторую половину XIX в., более детально изучены журнальные и газетные жанры. Сделана попытка дать типологическую характеристику журнальной и газетной периодики, что до сих пор не получило освещения в научной литературе.

Второй том «Очерков по истории русской журналистики и критики» по содержанию, принципам отбора материала и его освещению, а также по характеру изложения является научной монографией, а не учебником; «Очерки» могут быть использованы студентами факультетов и отделений журналистики и студентами-филологами в качестве дополнительной литературы.

Работа выполнена в основном кафедрами факультета журналистики и кафедрой истории русской литературы филологического факультета. В книге не могли не отразиться особенности сводного коллективного труда. Распределение материала и его анализ не во всех главах проводится равномерно: некоторые издания и вопросы освещаются более подробно, другие более бегло.

Настоящий том «Очерков» охватывает период с середины 1850-х до середины 1890-х годов. Однако в отдельных случаях характеристика периодических изданий выходит за пределы данных хронологических рамок.

Редакция приносит глубокую благодарность проф. А. В. Западovu и проф. А. В. Предтеченскому, советы и пожелания которых оказали большую помощь при подготовке книги к печати.

ЧАСТЬ I

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Общая характеристика периода

1. Общественное и литературное движение 1860-х годов. Цензурная политика правительства

60-е годы — одна из поворотных эпох в истории дореволюционной России. Отмена крепостного права, крутая ломка феодальных отношений и вступление страны на путь капиталистического развития, бурный подъем освободительной борьбы — таковы главные черты этого знаменательного времени.

Вся история 60-х годов пронизана острой классовой борьбой. Два лагеря, две тенденции противостояли друг другу — лагерь крепостников и их либеральных сообщников и лагерь революционной демократии. Конечно, имелись оттенки, переходы, но сущность той социально-политической дифференциации, которая столь характерна для эпохи, выражалась именно в этом. Крестьянские массы и отстаивавшие их интересы революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским стояли за безвозмездную передачу крестьянам всей помещичьей земли, за отмену всех кабальных условий, за свободное развитие крестьянского землевладения. Разумеется, осуществить это можно было только путем революционного ниспровержения самодержавия и всех порожденных им феодальных порядков. Правительство, помещики и либералы, стремясь предотвратить революцию, предлагали ограничиться полумерами, реформами, которые в максимальной степени оградили бы помещичьи интересы.

После длительных обсуждений в губернских комитетах, в редакционных комиссиях, в Главном комитете по крестьянским делам и в Государственном совете «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», другие «Положения» и Манифест 19 февраля 1861 г. были подписаны царем. Реформа была проведена крепостниками и в интересах крепостников. Крестьяне не получили ни земли, ни воли. Александр II имел все основания гордиться результатами реформы. «... Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, сделано», — заявил он в Государственном совете. Охранительная журналистика с восторгом восприняла Манифест. М. Н. Катков в высокопарных словах приветствовал его: «Великое, величайшее слово в русской истории произнесено». Чернышевский сразу же понял реакционный, антинародный характер реформы.

Грабительская по своему существу реформа послужила могучим стимулом к дальнейшему разворачиванию революционной борьбы. Следует отметить, что лагерь демократии претерпел во второй половине 50-х годов значительную эволюцию в своей оценке характера и перспектив исторического развития России. Кончина Николая I и воцарение Александра II первоначально были восприняты как некая новая эра. На молодого царя возлагались большие надежды. Создалась иллюзия некой общности всех сил передовой России в борьбе за лучшее будущее. Одним из мотивов «Колокола» в 1857—1859 гг. были апел-

ляции к разуму и совести царя, увещевания поскорее провести реформу во избежание революционных потрясений. Однако одновременно «Колокол» изо дня в день разоблачал злоупотребления властей, беззакония, творимые ими.

Но по мере того как все отчетливей вырисовывалась реакционная суть политики Александра II, реформистские иллюзии уступали место призывам к революции. Острее становились разногласия между либералами и революционной демократией. Знаменательным документом явилось письмо Русского человека к А. И. Герцену. Авторство этого письма до сих пор не установлено. Многие исследователи приписывали его Чернышевскому. Во всяком случае несомненно, что оно принадлежало последователю Чернышевского, близкому к его непосредственному окружению. Источник зла, утверждал автор письма, — в царизме и в либеральных фразерах, возлагающих надежды на реформаторскую деятельность самодержавия. Обращаясь к Герцену, автор писал: «Как ни чисты ваши побуждения, но я уверен, придет время — вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому: Посмотрите, Александр Второй скоро покажет николаевские зубы» («Колокол», 1860, 1 марта, стр. 534).

Предсказания Русского человека сбылись в полной мере. Александр II скоро показал «николаевские зубы». Крестьянство было глубоко недоволено реформой и ответило на «Положения 19 февраля» небывалым ростом волнений. В 1861 г. произошло около восьмисот крестьянских выступлений. Правительство жестоко расправилось с «бунтовщиками». С помощью оружия поддерживало оно порядки и в Польше. В феврале 1861 г. войска расстреляли в Варшаве манифестантов. Обострение классовой борьбы в стране, рост революционных настроений нашли выражение в студенческих беспорядках, которые в начале 60-х годов охватили высшие учебные заведения Петербурга, Москвы и ряда других городов. Дело доходило до прямых стычек с полицией. Студенческие волнения начали принимать такой размах, что власти вынуждены были на время закрыть университеты в Петербурге и Казани.

Для того чтобы в полной мере оценить бурный характер эпохи, необходимо иметь в виду, что события в России происходили на фоне больших потрясений, которые переживал в ту пору весь мир. Сильное впечатление на русское общество произвела героическая борьба итальянского народа за свое национальное освобождение. Редактор журнала «Русское слово» Г. Е. Благосветлов писал об этих событиях: «Редко случалось народам в такое короткое время переживать так много великих событий, как Италии в последние два года» (1861, № 3, «Совр. обозр.», стр. 1). С живым вниманием следила русская передовая общественность и за гражданской войной в Америке: симпатии ее были на стороне Севера в его борьбе с рабовладельцами Юга. Характеризуя обстановку в мире, тот же Благосветлов отмечал: «Везде заметно неудовольствие настоящим и ожидание лучшего будущего: везде чувствуется потребность обновить ветхого человека, изменить отживший порядок общества» («Русское слово», 1861, № 2, «Совр. обозр.», стр. 1—2).

Вся совокупность факторов, характеризовавших обстановку в стране, свидетельствовала о том, что Россия вступала в полосу серьезного революционного кризиса. Над дворянско-крепостнической монархией нависла угроза крестьянской революции. Предполагалось даже, что восстание произойдет в 1863 г., когда закончится размежевание

земель согласно «Положениям 19 февраля»: оно позволило бы всем убедиться в грабительском характере реформы. Идея близкой и неизбежной крестьянской революции пронизывает многочисленные прокламации, появившиеся в начале 60-х годов и призывавшие народ к свержению самодержавия. Эти прокламации представляли собой дальнейшее развитие той революционной пропаганды, которую вели А. И. Герцен и Н. П. Огарев в «Колоколе». Выдающимся документом этой боевой, революционной пропаганды, проникнутой ожиданием близких грозных потрясений, явилась прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». С огромной силой Чернышевский показал в ней, как царь и помещики обманули народ. Автор призывал крестьян готовиться к вооруженному восстанию, объединить усилия с революционной армией. Хотя и не с такой определенностью, как в прокламации Чернышевского, те же мотивы звучали в трех прокламациях «Великорусс», выпущенных революционной организацией, к которой принадлежали В. А. Обручев, братья Лугинины и др. Здесь тоже говорилось о близком восстании, о грабительском характере реформы, о необходимости социальных преобразований. Осенью 1861 г. широкое распространение получила прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым и поэтом М. Л. Михайловым. Разоблачая полную несостоятельность самодержавия, авторы призывали свергнуть монархию и установить выборную власть: «Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий, не горностаевая мантия, прикрывающая наследственную неспособность; мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший».¹

В мае 1862 г. стала известна прокламация «Молодая Россия», принадлежавшая перу П. Г. Зайчневского. Она отличалась крайне радикальным боевым тоном. Автор утверждал, что все основы современного общественного строя нелепы и ложны: и религия, и семья, и торговля — это «организованное воровство», и положение работника, и положение женщины, «лишенной всех политических прав и поставленной наравне с животными». Выход из этого «гнетущего страшного положения» только один — революция, революция кровавая и неумолимая. «Скоро-скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком: „Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!“ — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там...»²

Предчувствием близкого краха императорской России проникнута была и прокламация Д. И. Писарева, написанная в 1862 г. и направленная против правительственного агента Шедо Ферроти (она послужила непосредственным поводом для ареста и осуждения критика). В прокламации Писарев доказывал, что политика Александра II представляет собой цепь преступлений. Мало того, Писарев утверждал, что дело не в Александре II лично, а в самом монархическом принципе, который является исторически несостоятельным. Как и другие революционеры 60-х годов, он считает монархию Романовых обреченной, верит в близкую революцию и приветствует ее. «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть». «То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается толь-

¹ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—Пг., 1923, стр. 63—64.

² Там же, стр. 518.

ко дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».³

В начале 60-х годов была предпринята попытка объединить усилия отдельных революционных кружков и создать некий единый центр, который руководил бы общенародной борьбой против самодержавия. Такой центр был создан в лице подпольной революционной организации «Земля и воля». Вдохновителем ее был Чернышевский. В центральный комитет входили А. И. Герцен, Н. П. Огарев, братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, В. С. Курочкин, А. А. Слепцов, позднее в него вошли Г. Е. Благосветлов и Е. И. Утин. «Земля и воля» имела отделения в ряде городов, выпускала свой орган «Свобода». Программа «Земли и воли» состояла в подготовке всенародного восстания против самодержавия, в установлении нового общественного строя, передаче земли крестьянам. «Земля и воля» была настолько хорошо законспирирована, что до конца своей деятельности так и не была раскрыта полицией. Вся революционно-пропагандистская работа, вся деятельность отдельных лиц и кружков строились в расчете на то, что революция в России близка и неотвратима, что народное восстание сметет с лица земли монархию Романовых.

Эти надежды оказались напрасными. Революция в России не произошла. Правительству удалось справиться с критическим положением и разгромить движение. Подавив крестьянские волнения, правительство приняло все меры к тому, чтобы обезглавить революционное движение, ликвидировать «крамолу» среди интеллигенции. Внешним поводом для этого послужили пожары в Петербурге летом 1862 г. Истинная причина этой катастрофы до конца не выяснена и до сих пор. Не исключена возможность, что пожары явились следствием полицейской провокации. Власти, однако, решили воспользоваться ими для того, чтобы нанести решающий удар революционному движению. Незадолго до начала пожаров появилась прокламация «Молодая Россия». Этого оказалось достаточно, чтобы приписать пожары революционным кругам, студентам и полякам. Власти прибегли к жестокому расправам. На восемь месяцев были приостановлены главные органы революционно-демократической мысли — «Современник» и «Русское слово». Арестованы и осуждены были Чернышевский и Писарев. Те незначительные институты общественной самодеятельности, которые возникли ранее, вроде воскресных школ и Шахматного клуба, были закрыты. Под влиянием этих обстоятельств те либералы, которые раньше разыгрывали из себя демократов, теперь открыто стали на сторону правительства. Эти тенденции стали проявляться еще отчетливей после разгрома польского восстания в 1863 г. Массовое крестьянское движение пошло на убыль.

Но и в этих новых и трудных условиях усилившейся реакции революционное движение не заглохло, оно приобрело новые черты, наполнилось новым содержанием. Огарев в «Колоколе» учил революционную молодежь искусству революционной борьбы, он подчеркивал, что необходимы тщательная подготовка, объединение усилий. О настоятельной потребности в сознательных революционерах много писал во второй половине 60-х годов Писарев. В 1863 г. был опубликован роман Чернышевского «Что делать?» — пламенный манифест революции и социализма. Воздействие романа было огромным. В значительной степени под влиянием идей Чернышевского в 1863 г. возникла подпольная революционная организация ишутинцев (ее руководителем был студент

³ Д. И. Писарев. Соч. в 4 томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1955, стр. 126.

московского университета Н. А. Ишутин). Ишутинцы считали себя сторонниками Чернышевского и противниками Писарева, в идеях которого они усматривали отказ от служения народу. Не вдаваясь в оценку этого ошибочного предположения, важно подчеркнуть, что революционные и социалистические идеи Чернышевского служили основой их деятельности. К ишутинцам принадлежала по преимуществу студенческая молодежь. Ишутинцы считали себя прежде всего защитниками интересов крестьянства. «Народолюбцами» называл участников кружка сам Ишутин, о «дорогом друге — русском мужичке» говорил в своей прокламации ишутинец Д. В. Каракозов. В кругу ишутинцев имела хождение идея индивидуального террора, который должен послужить сигналом для народного восстания. Хотя эта идея и оспаривалась некоторыми участниками кружка, родственник Ишутина Каракозов 4 апреля 1866 г. стрелял в Александра II. Каракозов был арестован и казнен, организация ишутинцев разгромлена. Однако короткая и яркая история ишутинцев, при всех их ошибках, свидетельствовала о том, что победа правительства — мнимая победа, что силы протеста не угасли, что революционное движение полно энергии и революционный дух жив в народе.

Бурное освободительное движение масс, накал революционной борьбы вынудили правительство Александра II пойти на ряд реформ. Преобразования коснулись суда, городского самоуправления, финансов, народного просвещения и цензуры. На этих реформах лежала печать половинчатости, непоследовательности, попытки найти компромисс между интересами крепостников и потребностями времени, но они все же сыграли свою роль в стимулировании капиталистического развития России.

Эти колебания между требованиями времени и реакционными стремлениями самодержавия нашли выражение в цензурных реформах и цензурной политике царизма в 60-х годах.

Во всех высказываниях сторонников правящей клики чувствуется, с одной стороны, страх перед силой слова, перед идеями прогресса, а с другой — сознание невозможности старыми николаевскими террористическими методами расправляться с литературой. Митрополит Филарет, один из самых яростных столпов реакции, горько сетовал на современную «порицательную и кощунственную литературу» и сравнивал ее с литературой эпохи французской революции. Другой деятель того времени — не менее реакционный, чем Филарет, но более дальновидный, — барон Корф отмечал, что, «когда в обществе возникает истинная потребность свободно высказываться, правительству делается невозможным противодействовать сему; потребность эта обращается в неодолимую силу».

В новых условиях сохранить в неприкосновенности порядки николаевского времени, цензурный террор периода «мрачного семилетия» было невозможно, и правительство Александра II пошло на некоторые робкие уступки литературе и печати. Необходимо, впрочем, отметить, что предпринятые в 60-х годах цензурные реформы имели своим источником самые противоположные побуждения. С одной стороны, власти ощущали давление общества и стремились создать видимость широких и либеральных жестов. С другой стороны, отчетливо проявилось стремление сделать цензуру более гибким орудием, призванным, однако, осуществлять старые цели — сохранение устоев самодержавия.

После долгих предварительных обсуждений в апреле 1865 г. был утвержден новый цензурный устав. И хотя он назван был «временными

правилами», но просуществовал сорок лет — вплоть до первой русской революции, изменяясь в частности в соответствии с исторической обстановкой. Указ о новых цензурных правилах был озаглавлен весьма широковецательно: «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». Самым существенным нововведением было освобождение от предварительной цензуры оригинальных сочинений объемом не менее 10 листов и переводных книг объемом не менее 20 листов. С особого разрешения министерства внутренних дел могли освобождаться от цензуры и периодические издания, но при условии, если вносился денежный залог в сумме от 2500 до 5000 рублей. Решаясь на эти уступки, власти вместе с тем обставили «новые правила» такими оговорками и пунктами, которые по существу сохраняли и узаконивали основные принципы старой крепостнической николаевской тирании. Так, согласно § 25, издатели органов прессы, освобожденные от предварительной цензуры, обязывались представлять в цензурные комитеты ежедневные и еженедельные издания одновременно с началом печатания номера, все другие — за два дня до отправления подписчикам и в розничную продажу.

Отмена предварительной цензуры касалась только Петербурга и Москвы. В провинции осталась в силе старая система. Полностью сохранялись прерогативы духовной цензуры — и здесь старая система не изменилась. Освободив от предварительной цензуры некоторые издания, власти вместе с тем сохранили за собой все средства расправы с литературой и печатью. По новым правилам запрещалось нарушать уважение к христианскому вероисповеданию и обрядам, к особам царствующего дома, к верховной власти, ее атрибутам и основным законам, к народной нравственности, к чести и домашней жизни каждого. Уже этот общий пункт был так широк, что позволял в самых разнообразных случаях усматривать крамолу, подлежащую суду. Была выработана целая система предостережений, судебных и административных преследований, достаточно характерных для монархической тирании. В цензурной практике полностью отразились страх перед народом, двуличие и реакционность политики Александра II.

С утверждением нового цензурного устава в 1865 г. репрессии против печати, гонения на свободную мысль не прекратились; они приняли лишь новую форму. Лагерь революционной демократии имел все основания встретить реформы в области печати с сомнением и тревогой. Вскоре самые худшие предположения оправдались. Уже первые бесцензурные номера «Современника» вызвали ярость в правительственных кругах, и в том же 1865 г. журналу был сделан ряд предостережений за статьи М. А. Антоновича, за стихи Н. А. Некрасова «Газетная» и «Железная дорога» и другие материалы, а также за общее «предосудительное» направление журнала. Предостережение было сделано и «Русскому слову» за статьи Д. И. Писарева, Н. В. Соколова, Н. Ф. Бажина и Г. Н. Потанина. В 1866 г. оба главных органа революционной демократии были запрещены — на этот раз навсегда.

* *
*

Несмотря на ограничения и препятствия, которые чинило правительство, интенсивная и разносторонняя деятельность русской демократии сказалась во всех сферах жизни, во всех областях культуры. Подъем общественной жизни выразился в чрезвычайно широком развитии русской науки, в частности естествознания. Блестящие успехи ес-

тествознания отвечали коренным и глубоким потребностям национальной культуры, росту народного благосостояния, потребностям, связанным с необходимостью преодоления социально-экономической отсталости страны.

Обычно связывают эти процессы с успехами естествознания на Западе. Отрицать влияние этих успехов на русскую науку было бы неправильно. Необходимо, однако, подчеркнуть то обстоятельство, что в России складывалась самостоятельная и самобытная школа, школа русской революционной демократии, наложившая отпечаток и на социально-политические, и на философские, и на эстетические искания эпохи. Отличительной чертой этой школы была прочная материалистическая традиция. Эта традиция оказала огромное влияние на развитие естествознания в России. Работы Герцена «Письма об изучении природы», Чернышевского «Антропологический принцип в философии», статьи Писарева находили дальнейшее развитие в конкретных исследовательских трудах русских ученых.

Интерес к естествознанию проник в широкие круги общества. В Петербурге, Москве, Киеве, Житомире, Самаре, Полтаве с большим успехом проходили публичные лекции по естественным наукам. Эти лекции превращались в крупные общественные события. В атмосфере живейших естественнонаучных интересов развернулось дарование великих русских естествоиспытателей — И. М. Сеченова, А. М. Булгерова, И. И. Мечникова, Н. И. Пирогова, К. А. Тимирязева, Д. И. Менделеева, А. О. и В. О. Ковалевских. Указывая на замечательные достижения русской науки во всех областях знания — в химии, физиологии, ботанике, математике, — Тимирязев писал: «За какие-нибудь 10—15 лет русские химики не только догнали своих старших европейских собратьев, но порою даже выступали во главе движения, так что в конце рассматриваемого периода английский химик Франкланд мог с полным убеждением сказать, что химия представлена в России лучше, чем в Англии, отечестве Гумфри Дэви, Долтона и Фарадея. Успехи химии были, несомненно, самым выдающимся явлением на общем фоне возрождения наук в ту знаменательную эпоху. . .»⁴

Важные процессы происходили и в литературе. Ожесточенная борьба между прогрессивными силами России и силами реакции определила развитие литературы и журналистики в 60-х годах. Никогда еще литературно-журнальная борьба не приобретала столь отчетливой идейно-политической окраски. В журналистике к либерально-охранительному лагерю относились «Русский вестник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», в какой-то степени журналы братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха». Лагерь революционной демократии возглавляли «Современник» и «Русское слово».

В художественной литературе охранительные тенденции наиболее полное выражение нашли в так называемом антинигилистическом романе. Характерно, что роман этого типа возник именно в 60-е годы: старые консервативные силы прилагали все усилия к тому, чтобы в сфере литературы противостоять победоносно развивающемуся искусству демократии. В романах А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», Стебницкого (Н. С. Лескова) «Некуда», В. П. Ключниковой «Марево», В. В. Крестовского «Кровавый пух» и других были предприняты попытки опорочить молодое поколение, изобразить революционное движение как чуждое русскому народу, наносное, результат действия ино-

⁴ К. А. Тимирязев. Соч., т. 8. М., Сельхозгиз, 1939, стр. 154.

земных сил. Несмотря на то, что авторами охранительных романов иногда выступали даже такие крупные писатели, как Лесков и Писемский, литература этого рода оказалась мертворожденной в идейном и художественном отношении — слишком противоречили объективному ходу исторического развития идеалы охранителей самодержавно-крепостнического строя, и это порождало неизбежную фальшь и художественную беспомощность. Ни одного сколько-нибудь значительного произведения охранительная литература создать так и не смогла.

Огромный подъем, который переживала страна, наиболее ярко проявился в расцвете революционной демократической литературы. Именно в это время созданы или ему обязаны своим возникновением многие выдающиеся произведения революционно-демократической прозы, поэзии и драматургии. В 1863 г. был опубликован роман Чернышевского «Что делать?». В этом «романе о новых людях» прозвучал мотив, которого до этого в русской литературе не было, — мотив неизбежности победы грядущего социалистического общества. В конце 60-х годов появилось произведение иного плана — «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Если книга Чернышевского была сильно утверждением исторической необходимости нового порядка, высотой своих положительных идеалов, то книга Салтыкова-Щедрина поражала универсальностью, решительностью отрицания монархического принципа, мощью сатирического обличения трагикомического неразумия самодержавной государственности.

В 60-е годы написаны замечательные стихи и поэмы Н. А. Некрасова. Накануне реформы он создал такие произведения, как «Поэт и гражданин», «Убогая и нарядная», «Размышления у парадного подъезда», после реформы — «Мороз, Красный нос», «Железная дорога», цикл «Песен о свободном слове». В эти же годы была задумана поэма «Кому на Руси жить хорошо». В жгучей ненависти к поработителям народа, в искренней и горячей любви к крестьянским массам, к демократической молодежи, в революционном воодушевлении, которым охвачены стихи и поэмы Некрасова, в полной мере сказывался дух эпохи, атмосфера этого грозного десятилетия.

На 60-е годы падает широкий расцвет демократической литературы, которая запечатлела страдания народных масс, несостоятельность существующего строя жизни, убеждение в необходимости радикальной переделки социальных порядков. Творчество Н. В. Успенского, И. С. Никитина, В. А. Слепцова, Н. Г. Помяловского, Ф. М. Решетникова, Н. А. Благовещенского достаточно характерно в этом отношении.

60-е годы наложили отпечаток не только на книги прямых и открытых врагов революции, не только на творчество представителей революционной демократии, но и на произведения писателей, занимавших промежуточные позиции, писателей, которые, хотя и сторонились революции, сумели отразить некоторые существенные стороны этой поворотной эпохи в жизни России.

В 60-х годах созданы романы И. С. Тургенева «Отцы и дети» и «Дым». Отношение писателя к освободительному движению было сложным и двойственным, оно его и тревожило, и привлекало. Эта двойственность проявилась в изображении передовых людей России. Многие их черты вызывали у него чувство недоверия, а иногда и неприязни. Но вдумчивый и большой художник, он сумел в «Отцах и детях» запечатлеть сильную и яркую фигуру страстного борца против крепостнической рутин, против устоев феодальной старины. Базаров стал одним из выразителей взглядов молодого поколения.

Далек был от освободительной борьбы и даже враждебен ей Л. Н. Толстой. Он во многом спорил в своих произведениях с революционными демократами, с Чернышевским. Отзвуки этих споров есть и в гениальной эпопее «Война и мир», писавшейся на протяжении 60-х годов. Но чрезвычайно характерно, что все события Отечественной войны, весь ход истории вообще писатель оценивал с точки зрения роли и значения народных масс. Разве эта «мысль народная», которая, по словам самого писателя, лежала в основе романа, не выражала по-своему атмосферу этого бурного времени?

С 60-ми годами, с эпохой реформ связан и роман И. А. Гончарова «Обломов». Начав свою деятельность в кругу «Современника», Гончаров во второй половине 1850-х годов перешел в лагерь противников революционной демократии. В качестве цензора он повинен во многих репрессиях, обрушившихся на передовые журналы и, в особенности, на «Русское слово». При всем том роман «Обломов», написанный накануне реформы, несет на себе следы эпохи решительной ломки феодальных отношений. Обломов и обломовщина выступают в книге как символ стародавней крепостнической России, обреченной историей на уничтожение.

Одним из проявлений общественного подъема в 60-е годы было широкое развитие сатиры вообще, сатирической журналистики в частности. При Николае I не могло быть и речи о массовой сатирической периодике. В 60-х годах впервые, пожалуй, в истории России столь широко развивается сатирическая журналистика. В эти годы выходят знаменитые издания: «Свисток» Н. А. Добролюбова и «Искра» В. С. Курочкина. Помимо них издавались «Гудок», «Заноза», «Оса», «Будильник», «Развлечение».

Общественное движение 60-х годов нашло плодотворное и многообразное отражение во всех областях русского искусства. Несмотря на противодействие официальных кругов, дух народности и реализма все больше определял репертуар русского театра. Малый театр широко пропагандировал творчество великого русского драматурга Островского. В Москве и Петербурге начала складываться замечательная школа русского сценического искусства во главе с такими мастерами, как М. С. Щепкин, П. М. Садовский, А. Е. Мартынов.

С 60-ми годами связан расцвет русской музыки и живописи. В 1862 г. была открыта консерватория в Петербурге, а через четыре года — в Москве. Они в большой степени стимулировали развитие музыкальной культуры. С идеями Чернышевского и Герцена связана творческая деятельность «могучей кучки» — объединения композиторов, группировавшихся вокруг известного композитора М. А. Балакирева. Среди участников «могучей кучки» были М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, которые утвердили в музыке и, в частности, в оперном искусстве принципы жизненной правды и народности. К 60-м годам относится начало творчества гениального композитора П. И. Чайковского. В это же время широко и разносторонне развертывалась деятельность замечательного композитора и пианиста А. Г. Рубинштейна.

Борьбой против академической рутины, против условности и традиционных сюжетов, стремлением к жизненной правде, к реализму, духом демократизма проникнута была и живопись 60-х годов. С ними связана деятельность передвижников. «Говарищество передвижных выставок произведений русских художников», как оно полностью назы-

валось, оформилось в конце 60-х годов, возникло оно из протеста против мертвого академического консерватизма, господствовавшего в стенах императорской Академии художеств. Движение передвижников сыграло огромную роль в русском искусстве. В объединение входили разные мастера с различными творческими индивидуальностями, но общими для всех них были любовь к родной земле, к родной природе, острое чувство жизненной правды, отказ от рутины и фальши, сочувствие народу. К передвижникам в разное время принадлежали самые выдающиеся мастера русской живописи второй половины XIX в., ознаменовавшие своим творчеством целую эпоху в русском и мировом искусстве. Среди них В. Г. Перов, А. К. Саврасов, И. Н. Крамской, И. И. Шишкин, В. Е. Маковский, И. Е. Репин, В. И. Суриков, И. И. Левитан. Замечательной особенностью передвижников было, помимо всего, стремление сделать искусство достоянием широких народных масс, вывести его из тесных пределов салонов для избранных, превратить искусство в орудие общенародного прогресса.

* *
* *

Таким образом, 60-е годы явились в истории дореволюционной России важнейшей переломной эпохой. Смысл этого перелома состоял в том, что из крепостнической России рождалась Россия буржуазная. В отличие от некоторых стран Европы этот переход совершился неревolutionным путем. Реформы были осуществлены руками крепостников и в интересах крепостников. Это на многие годы осложнило исторический путь страны, и лишь через полвека народу удалось полностью уничтожить на этот раз уже не только феодальные, но и буржуазные отношения. Но несмотря на половинчатый характер реформ, несмотря на то, что революционный подъем не привел к победе, бурное и мощное развитие освободительной борьбы в 60-х годах сыграло в истории России огромную роль и вызвало могучий подъем во всех областях культуры, науки и искусства.

2. Типологическая характеристика журнальной периодики 1860-х годов

60-е годы XIX в. — это период быстрого количественного роста и, что особенно важно, серьезных качественных изменений русских журналов. Именно в эти годы органы печати окончательно приобретают четкое политическое направление, образуются два лагеря — демократический и либерально-охранительный. Эти изменения являются важным показателем развития общественно-политической жизни страны в результате резкого усиления классово-борьбы.

Журналы еще сохраняют ведущее положение в печати, несмотря на увеличение числа, тиражей и влияния газет. Они остаются той трибуной, с которой ведется политическая пропаганда, особенно усилившаяся в годы революционной ситуации 1859—1861 гг.

В первой половине 1860-х годов ведущую роль играют журналы демократического направления: «Современник», «Русское слово», «Искра» задают тон, определяют лицо русской периодики, оказывают решающее воздействие на настроение читателей, особенно молодежи.

Именно в это время возникает бесцензурная демократическая печать с «Колоколом» Герцена во главе — явление, невиданное ранее в русской журналистике. «Колокол» Герцена, нелегально распространявшийся по всей России, имел огромное влияние на читателей.

В полемике с многочисленными изданиями либерально-охранительного лагеря демократические журналы, несмотря на цензурные рогадки, одерживали верх. Показательно, что тиражи их превосходили тиражи либеральных и реакционных изданий. Если «Современник» имел наибольший тираж 7 тыс. экземпляров, а «Искра» — 10 тыс., то наиболее распространенный журнал враждебного лагеря — «Русский вестник» — лишь 5 тыс. экземпляров, «Отечественные записки» иногда достигали цифры 4 тыс., а славянофильская «Русская беседа» — всего 1200 экземпляров.

Во второй половине 1860-х годов общее наступление реакции в стране сказалось и на журналистике. «Современник» и «Русское слово» были запрещены, перестал выходить «Колокол», охранительно-либеральная пресса временно торжествовала.

Большая четкость политического лица журналов стала возможна потому, что под натиском усиливающегося освободительного движения царское правительство было вынуждено допустить в 1856 г. на страницы периодических изданий не только литературно-критические, но и политические статьи.

Важную роль в качественных изменениях журналов сыграли демократические издания. В 1859 г. после настойчивых хлопот редакции «Современника» в нем появились политические обозрения и сатирическое приложение «Свисток». Одновременно изменяется структура журнала: вместо пяти ранее существовавших отделов стало всего два — художественный («Словесность, науки и искусства») и публицистический («Современное обозрение»), куда входили критика и библиография, политика, рецензии на журналы, внутреннее обозрение. Исчезли традиционные «Смесь» и «Моды».

Примеру «Современника» последовали другие «толстые» журналы, в которых тоже появляются политические обозрения и юмористические фельетонные статьи, а затем изменяется и структура изданий. И это были не просто формальные изменения — это был общий, присущий той эпохе процесс превращения литературно-критических журналов в литературно-общественные.

В журналах резко возрастает роль публицистики, интенсивно развиваются публицистические жанры. Очерк прочно занимает в журналах одно из ведущих мест, он все более отделяется от рассказа, от описания отдельных социальных типов, переходит к публицистической обрисовке социальной среды, раскрытию социальных противоречий. Демократические критики, отталкиваясь от содержания произведения, говорят о действительности, о реально существующих условиях жизни. Складывается как самостоятельный жанр передовая статья, получает дальнейшее распространение фельетон, появляются обзоры внутренней жизни, иностранной политики.

Окончательно формируется тип «толстого» литературно-критического и литературно-общественного (политического) журнала, складывается тип «тонкого» журнала — художественного (с иллюстрациями), сатирического и юмористического (с карикатурами), растет отраслевая, специализированная периодика — промышленные, сельскохозяйственные, научные, научно-популярные и другие журналы. Увеличи-

ваются число журналов, ориентированных на определенный круг читателей: это журналы «семейные», «детские», «дамские».⁵

Для типологической характеристики журналов целесообразно разбить их на две группы. Первую группу составят журналы универсальные (литературно-общественные, научно-литературно-политические и т. д.) и литературно-критические; сюда же относятся журналы научно-популярные, библиографические, а также посвященные разным родам искусства — театру, музыке, изобразительному искусству, архитектуре и т. д. Во вторую группу войдут отраслевые, специализированные издания — журналы промышленные, сельскохозяйственные, педагогические и другие, посвященные отдельным отраслям общественного хозяйства и науки.

Перечисленные типы и виды журнальной периодики по общественно-политической позиции примыкали к одному из трех направлений — демократическому, либеральному или реакционному. Как и раньше, в 1860-е годы, журнальная периодика сосредоточивалась почти исключительно в Петербурге и Москве. Развитие журналов в провинции относится уже к следующему десятилетиям.

В 1860-е годы наибольшее распространение получает тип универсального журнала с обязательным включением политического отдела — наподобие журнала «Современник».⁶ Процесс превращения научно-литературных и литературно-критических журналов в литературно-политические и научно-литературно-политические особенно характерен для демократической периодики: среди журналов этого направления не было ни одного чисто литературного. Даже тогда, когда журнал издавался по программе научно-литературного органа, редакция стремилась придать ему общественный характер (так было, например, с журналом «Русское слово», который в 1859—1862 гг. выходил как «литературно-ученый» журнал и только с 1863 г. официально стал литературно-политическим). Несмотря на то, что тип универсального журнала играл ведущую роль в периодике 1860-х годов, продолжали существовать и даже значительно окрепли журналы научные, театральные, музыкальные и др.

Широкое распространение получили научно-популярные журналы. К наиболее интересным изданиям данной группы относятся петербургские журналы «Общезанимательный вестник» (СПб., 1857—1858) и «Вокруг света» (СПб., 1860—1868). Оба выпускались «для семейного чтения» и были рассчитаны на вкусы и интересы различных читателей. Поэтому для них характерен энциклопедизм — сочетание литературы и искусства с различными отраслями знаний (включая технику и статистику). Направление обоих журналов — умеренно-либеральное. О разнообразии, даже пестроте, материалов «Общезанимательного вестника» свидетельствует содержание первой книжки за 1857 г. Она открывалась статьей «Несколько слов по поводу появления новых журналов», затем шел критический обзор «Современное направление русской литературы» Г. Е. Благосветлова. В отделе беллетристики были помещены «Сцены» И. Ф. Горбунова «Квартальный надзиратель» и

⁵ Общепринятых принципов классификации журналов пока не существует. Определение изданий ведется в одних случаях по срокам выхода (ежемесячник, еженедельник), в других — по характеру (литературный, экономический, музыкальный), в третьих — по кругу читателей («детский», «дамский»). Подобная классификация является односторонней и неполной. Предлагаемая далее классификация строится с учетом всех перечисленных выше моментов.

⁶ Подробнее об этих журналах см. в специальных монографических главах.

«Мастеровой»; в отделе поэзии — «Непосланное послание» Я. П. Полонского; в отделе «История художеств» — статья о картине Б.-Э. Мурильо «Девушка с плодами»; в «Новостях» сообщалось о прокладке электрического кабеля через Атлантический океан; в «Языкознании» — об индийских письменах; в «Биографиях» — об одном факте из жизни В. Шекспира; в «Землеведении» опубликована статья о кубинском городке Барракоа; в «Биографических заметках» — статья А. Е. Грена «А. С. Пушкин»; во «Французской литературе» — исторический эскиз «Королевская игра»; в «Педагогике» — «Заметки о воспитании в Англии»; в «Естествоведении» — заметки «Заботливость птиц о своих птенцах», «Послеобеденный сон» и «Подводная лампа». В журнале «Вокруг света» материалы располагались по четырем отделам: «Землеведение. Статистика. Нравы. Обычаи», «Промышленность и изобретения», «Биографии», «Естествоведение». Статьи сопровождались иллюстрациями. При журнале в качестве приложения выходило специальное ежемесячное издание «Природа и землеведение» (1862—1868).

Никогда не издавалось столько журналов, специально посвященных вопросам библиографии, как в 1860-е годы. В рассматриваемый период существовало девять таких изданий, правда, они, как правило, были недолговечны и не отличались достаточной полнотой и точностью описаний. Такой небывалый количественный рост библиографических журналов объясняется возросшими требованиями и интересом читателей, интенсивным развитием книжного дела в стране как следствием этого. Созданные в те годы крупные книготорговые фирмы нуждались в пропаганде своей продукции. Поэтому обычно библиографические журналы возникали при крупных книжных магазинах. Так, при магазинах Н. М. Щепкина, А. А. Смирдина, Н. А. Сеньковского, Ф. Ф. Павленкова, М. О. Вольфа издавались соответственно «Библиографические записки» (М., 1858—1859, 1861), «Русский библиографический листок» (СПб., 1858); «Книжный вестник» (СПб., 1860—1867), «Книжные новости» (СПб., 1867—1868), «Библиографические известия» (СПб., 1863).

Преследуя одну общую цель — служить справочником вновь выходящих книг (за исключением «Библиографических записок»), каждый библиографический журнал все же имел свою специфику.

Для «Библиографических записок» характерен уклон литературно-архивный: в них помещались сведения о редких книгах, о составе библиотек известных писателей и ученых, печатались неизданные рукописи, в том числе Лермонтова, Пушкина, Гоголя; статьи о Новикове, Радищеве, декабристах и других замечательных людях. Журнал литературных новостей, книжной торговли и типографского искусства — «Русский библиографический листок» — больше внимания уделял практической библиографии. В нем подробно описывались новые книги, отмечались печатавшиеся на них рецензии в журналах. В «Общем обозрении», которое выполняло функции передовой статьи, говорилось о новостях книжной торговли, русской и иностранной.

В «Книжнике» (М., 1865—1866) читатель находил не только сообщения о книжных новинках, но и сведения о содержании наиболее известных периодических изданий, статьи по книговедению и типографскому делу, постановления, касающиеся печати. Журнал выступал против идеалистической теории «чистого искусства», пропагандировал творчество разночинцев, материализм, осуждал «антинигилистические» романы. В журнальных обозрениях поддерживались демократические издания — «Современник», «Русское слово», «Искра», а либеральная и

реакционная пресса оценивалась отрицательно. Жанр литературной рецензии, таким образом, служил распространению передовых общественных идей.⁷

Такие же цели преследовали рецензенты «Библиографа» (СПб., 1869), издававшегося К. Н. Дурышкиным. Фактическим редактором журнала был М. Ф. Негрескул, привлечший к сотрудничеству П. Л. Лаврова, И. И. Бобарыкова, И. И. и Н. И. Билибиных. В обзорах журналов и литературы затрагивались важные общественные вопросы, и недаром цензура сразу заподозрила издание в неблагонамеренности и пропаганде материализма и революционных идей.

«Книжные новости» Ф. Ф. Павленкова были чисто библиографическим изданием, скрупулезно отмечавшим место и время выхода книг, их формат, цену, печатавшим списки книжных новинок по разделам «Богословие и философия», «Педагогика, языковедение, учебные, детские и народные книги», «История, география, путешествия», «Словесность и искусства», «Смесь» и т. д.

Еще более разнообразными были журналы, посвященные искусству. Часть из них — специальные, о каком-либо одном виде искусства, например «Архитектурный вестник» (СПб., 1859—1861) или «Русская сцена» (СПб., 1864—1865); другие, как, например, журнал «Искусства» (СПб., 1860), — не только о живописи, скульптуре и архитектуре, но также о музыке, театре, и литературе.

Большинство подобных изданий адресовалось как специалистам, так и всем читателям, интересующимся искусством. В «Архитектурном вестнике» наряду со специальными статьями по архитектуре и строительству, по строительной технике, к которым прилагались чертежи, справочники цен на строительные материалы, печатались также статьи по истории и теории искусства, например «Индийская архитектура», «Общие законы композиции в изящных искусствах», «Обзор иностранных архитектурных журналов» (1859, № 2), жизнеописания знаменитых архитекторов.

В театральном журнале «Русская сцена» печатались пьесы, уже ставившиеся в театре («Что часто бывает? Из житейских сцен» А. Н. Плещеева) или еще не знакомые зрителям («Рукобитие. Картина из купеческого быта» Н. А. Лейкина), статьи по истории отечественного и зарубежного драматического и музыкального театра: «Судьбы оперы в России» А. Н. Серова, «Русский театр, его судьбы и его историки» Ф. А. Кони, «Из жизни Виктора Гюго как драматического писателя», «Письма Генриха Гейне о французской сцене» и др. Публиковались театральные обозрения «Петербургские театры», «Московская сцена», а также обзоры периферийных театров («Орловский театр»).

Русский художественный альбом «Северное сияние» (СПб., 1862—1865) помещал с хорошо выполненных гравюр на стали репродукции картин известных художников, иллюстрации к произведениям знаменитых писателей, рисунки скульптур. Журнал имел также литературный и научный отделы, в которых печатались статьи по искусству и художественные произведения. Обычно репродукции чередовались со статьями; так, вслед за картиной А. А. Иванова «Явление воскресшего Христа Марии Магдалине» шла статья «Иванов и его картины». Библиография в «Северном сиянии» велась без должной системы. Издава-

⁷ Подробнее о «Книжном вестнике» см.: Е. Н. Винер. Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860—1867). Л., 1950. О «Библиографе» см. статью: Н. Бельчиков. «Библиограф». — Русская журналистика, I. Шестидесятые годы. М.—Л., 1930.

лось оно, как и все журналы, посвященные искусству, в увеличенном формате — в четверть бумажного листа.

В 1860-е годы выходило семь «народных» журналов, вполне «благонамеренных» по своему политическому направлению и рассчитанных на то, чтобы дать необразованным классам полезное и «душеспасительное» чтение. Одним из первых изданий такого вида, предназначенных для крестьян, одетых в серые шинели, была петербургская «Солдатская беседа» (1858—1867) А. Ф. Погосского (с 1864 г. — В. В. Дерикера). Политическая линия журнала определялась безоговорочным одобрением политики самодержавия, псевдопатриотическими сентенциями и проповедью религиозных идей. Командование армии рекомендовало журнал для широкого распространения, реакционная пресса умилялась «Солдатской беседой», но демократическая печать резко критиковала произведения издателя-редактора журнала. Писарев в статьях «Народные книжки» и «Московские мыслители» упрекал Погосского «в дидактизме, который, как это неоднократно бывало доказано, никогда не достигает даже своей узкой и ограниченной цели», отмечал, что Погосский «известен своею замашкою идеализировать избираемую среду». ⁸ В журнале существовали отделы: «Статьи военного значения. Распоряжения правительства. Приказы», «Словесность», «Науки», «Смесь». Статьи и художественные произведения «Солдатской беседы» стилизованы под «народный язык», пересыпаны пословицами и поговорками, содержание их нарочито упрощалось, особенно статей на естественнонаучные темы.

Представление о содержании журнала может дать № 1 за 1862 г. Книжка открывалась обращением «К читателям нашим»; редакция обещала поставлять читателям «рассказы, описания и сведения, которые непременно пригодятся со временем каждому служивому». Далее шла статья «Происхождение русских регулярных войск», затем «Правительственные распоряжения», составленные А. Мансуровым, повесть А. Ф. Погосского «Суходольщина», стихотворения А. Н. Майкова «Три правды» и «Колыбельная песня», статьи Д. А. Реутовича «Хлебопашество. О жизни растений» и Н. Ф. Лабзина «Сельские промыслы. Лен, его возделывание и обработка». Заключали книжку краткие сообщения отдела «Смесь». В «Солдатской беседе» периодически велась своя библиография, помещались списки полезных и вредных (по мнению редакции) книг. ⁹

«Народное чтение» (СПб., 1859—1862), издававшееся Н. Лермантовым, под редакцией А. Ф. Оболонского и Г. Щербачева, адресовалось к сельским жителям. Политическая линия журнала также определялась прославлением правительственных постановлений, пропагандой религиозных догматов. В «Народном чтении» печатались художественные произведения, исторические статьи, советы по сельскому хозяйству, медицине. Примерно до 1861 г. в журнале сотрудничали некоторые демократически настроенные писатели и публицисты: М. А. Антонович, М. Вовчок, Н. С. Курочкин, М. Л. Михайлов, И. С. Никитин, А. Н. Плещеев, Н. В. Успенский, Т. Г. Шевченко. Но по мере выявления реакционной направленности журнала они отходили от участия в нем.

⁸ Д. И. Писарев. Соч., т. I, стр. 67, 298.

⁹ В 1862—1867 гг. Погосский, а затем Дерикер издавали «Народную беседу», которая по направлению и типу не отличалась от «Солдатской беседы». В 1867 г. оба издания были преобразованы в иллюстрированный журнал «Досуг и дело» (выходил до 1914 г.):

После ухода из журнала демократически настроенных сотрудников литературный отдел «Народного чтения» утратил свое значение.

В 1863 г. в Петербурге появился еще один ежемесячный журнал «для народа» — «Мирской вестник» (выходил до 1885 г.), издававшийся генерал-майором А. Ф. Гейротом. По программе и направлению «Мирской вестник» не отличался от других псевдонародных журналов, но обслуживал более широкие круги читателей: не только солдат и крестьян, но и городское мещанство. За обязательными «Правительственными распоряжениями» помещались «объяснения важнейших догматов веры на основании учения православной церкви... и вообще все статьи, имеющие назначение содействовать религиозно-нравственному развитию человека». В журнале печатались соответствующие этой программе стихи, рассказы («Сотворение мира» Л. А. Мея, «Безрассудный отец» В. Ск-го, — 1863, кн. 1), статьи («Значение памятника тысячелетию России» И. Нестроева. — Там же). Заклучали журнал «Разные» или «Библиографические известия», в которых большей частью сообщалось о книжных новинках религиозного содержания, например о книге «Притчи Христовы». Изредка печатались статьи, претендующие на научно-популярный характер изложения: «Звезды и кометы» Ю. Маркова (1863, кн. 4).

К числу журналов «для народа» относится также «Грамотей», издававшийся с 1861 по 1868 г. в Петербурге, а затем до 1876 г. в Москве. Это первый «народный» журнал, вышедший за пределы Петербурга. В провинции в 1860-е годы подобных журналов еще не было.

Примыкали к «народным» многочисленные тогда церковные издания, например «Православное обозрение» (М., 1860—1891), духовный «учено-литературный» журнал «Странник» (1860—1917) или издававшийся киевской духовной семинарией журнал «Руководство для сельских пастырей» (1860—1917). По существу они тоже ориентировались на малообразованного читателя, причем в них еще отчетливей выступала защита и пропаганда религиозных догм. Характерно, что создание этих журналов мотивировалось распространением грамотности и необходимостью переключить внимание читателей с интересов общественно-политических на религиозные. «Мы имеем все основания настаивать на необходимости пробуждения внимания к вопросам религиозным в то время, когда особенно возбуждены вопросы общественные...» — обращался «к читателям» издатель «Православного обозрения» (1860, кн. II). Сотрудники журнала всемерно стремились «опровергнуть» материалистические теории, дискредитировать успехи естествознания.

В 1860-е годы появились специальные журналы «для дам». Это были именно «дамские», а не «женские» издания, так как все они адресовались к читательницам из высших слоев общества. Зачастую они имели претенциозные названия: «Ласточка» (1859—1860) — журнал для дам и девиц, «Букет» (1860) — «журнал шитья, вышивания, мод, домашнего хозяйства, литературы и модных новостей», «Монитор», «Новый русский базар», «Модный свет». Иногда заглавие просто информировало читателя о назначении издания — «Моды и новости». Перечисленные журналы, за исключением «Монитера», издавались в Петербурге.

Все эти журналы были далеки от актуальных вопросов времени. В них не было политических статей, серьезных научно-популярных выступлений. Самое большее, на что отваживались издатели, — это рассуждения о женской эмансипации, и то в самых общих чертах. Литературные произведения, как правило, имели слащаво-сентиментальный

оттенков. Обязательным было описание модных туалетов, созданных по новейшей западной моде, выкроек и хозяйственных советов, адресованных светской даме.

Исключение представлял журнал «Женский вестник» (СПб., 1866—1868). В нем сотрудничали в основном литераторы и публицисты закрытого «Русского слова». Журнал был литературно-общественным и состоял из двух больших отделов — художественного (в нем печатались и большие статьи) и «Современного обозрения», куда входили критика и библиография, внутреннее обозрение («Хроника событий нашей обыденной жизни»), журнальное и иностранное обозрения («Заграничная жизнь» или «Хроника заграничной жизни»). В журнале печатались Н. А. Благовещенский, Н. Ф. Бажин, Я. П. Полонский, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, И. В. Федоров-Омулевский, А. К. Шеллер-Михайлов, П. Л. Лавров, В. А. Слепцов, П. Н. Ткачев. Передовые сотрудники журнала стремились сделать его серьезным изданием демократического направления, но четкой программы они не имели, к тому же в журнале выступали либеральные и консервативные журналисты, причем сам номинальный редактор Н. И. Мессарош стоял на консервативных позициях (см., например, его статью «Мысли и заметки о современной подготовке женщины к жизни», посвященную «светским женщинам», — 1866, № 1). Основной вопрос, разрабатывавшийся журналом, — эмансипация женщины — ставился слишком общо и отвлеченно. Такой характер имела программная статья, открывавшая первый номер журнала (1866), — «Женское дело» Слепцова. Далекими от русской действительности были статьи Ткачева «Влияние экономического прогресса на положение женщины в семье» или Лаврова «Женщина во Франции в XVII и XVIII вв.», в которых речь шла о промышленных странах Европы.¹⁰

В 60-е годы издавалось 19 журналов для детей, причем 17 — в Петербурге и 2 — в Москве. Как правило, они были недолговечными и вполне благонамеренными. Примером может служить «Журнал для детей» (СПб., 1851—1865), издававшийся М. Б. Чистяковым и А. Е. Разиным. Это было «духовное, нравственное, историческое, естествоиспытательное и литературное» чтение. Подавляющее число художественных и публицистических произведений журнала носило отчетливую печать религиозности, имело приторно-сентиментальный характер. «Журнал для детей» не раз критиковала демократическая журналистика. Добролюбов писал, что это издание «имеет направление скорее вредное, чем полезное для детей».¹¹ Он отмечал мистический характер литературных произведений журнала, «безобразно сентиментальную тенденцию» теоретических статей и указывал, что лишь исторические и естественнонаучные статьи имеют некоторую ценность, однако и их надо рекомендовать детям с большой осторожностью.

Часть детских журналов издавалась «вообще» для детей, другие имели более узкий адрес. «Рассвет» (СПб., 1859—1862) В. А. Кремпина был журналом «наук, искусства и литературы для взрослых девиц». «Рассвет» примечателен тем, что в нем начал литературно-критическую деятельность Писарев, бывший в 1859 г. основным критиком издания. Чаще всего начинающему литератору приходилось писать рецензии на сочинения типа «Вступления молодой девицы в свет, или Наставление, как

¹⁰ Подробнее о «Женском вестнике» см.: М. Клевенский. Журнал «Женский вестник». — Русская журналистика, I. М.—Л., 1930.

¹¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 томах, т. 5. М.—Л., Гослитиздат, 1962, стр. 500.

должна девица поступать при визитах, на балах, обедах и ужинах, в театре, концертах, собраниях», но вместе с тем он писал и о «Фрегате „Паллада“» Гончарова, «Дворянском гнезде» Тургенева и других классических произведениях русской литературы.¹² Однако, по свидетельству Писарева, направление «Рассвета» было до такой степени «слащаво-приличным», что читать «Дворянское гнездо» девицам не рекомендовалось, потому что в романе слишком много «горькой жизненной правды». «Рассвет» был не единственным «специализированным» журналом: «Забавы и рассказы» (СПб., 1863—1867) издавались для «детей первого возраста» (от 6 до 10 лет), «Детское чтение» (М., 1865) — для «детей от 12 до 15 лет», «Дело и отдых» (СПб., 1864—1866) — «для мальчиков и девочек всех сословий». Часть изданий была иллюстрирована: это «Собеседник» (СПб., 1859—1860), «Росинки» (СПб., 1868—1870) — «журнал для детей с картинками и приложениями».

Большинство изданий для детей имело развлекательный характер: в них печатались детские песенки, сценки для домашнего театра, религиозно-назидательные рассказы, сказки, анекдоты. Но некоторые журналы старались дать читателям и определенные знания, для чего печатались художественные произведения и статьи познавательного характера, сообщавшие основные сведения из естественных наук, из жизни животного и растительного мира, рассказывавшие, как человек добывает пищу и делает необходимые ему предметы домашнего обихода и средства производства, помещались статьи по истории и географии. Такими изданиями были «Чтение для юношества», выходившее как приложение к журналу «Учитель» (СПб., 1861—1870), и «Подснежник» (СПб., 1858—1862), издававшийся В. Н. Майковым. В последнем участвовали П. В. Анненков, А. Н. Афанасьев, В. П. Боткин, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, А. Н. Майков, М. Л. Михайлов, М. Вовчок, Д. И. Писарев. Впоследствии и некоторые другие журналы, вначале имевшие развлекательный характер, стали помещать познавательные материалы — «Детский журнал», «Забавы и рассказы», «Дело и отдых».

* * *

*

Отраслевая журнальная периодика 1860-х годов, как никогда ранее, многочисленна и разнообразна. Она уже имела длительный период развития, начиная с «Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (созданы в 1765 г.). Вступление России на капиталистический путь развития вызвало к жизни специально промышленные издания (наряду с появившимися раньше сельскохозяйственными), а также журналы, посвященные различным отраслям наук.

Не только правительственные учреждения, но и частные лица издают отраслевые (экономические и научные) журналы; это «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли» (СПб., 1861—1863) — орган департамента мануфактур и торговли, в котором печатались распоряжения правительства по торговле и промышленности, экономическая информация, включая и иностранную, статистические сведения, специальные статьи. К официальным отраслевым изданиям принадле-

¹² Писарев написал для «Рассвета» десятки статей и рецензий. Издатель сообщил: «Долгом своим считаем объявить, что все статьи по библиографическому отделу в течение нынешнего года принадлежат Д. И. Писареву» (1859, № 10, стр. 88). В «Рассвете» также начал свою журнальную деятельность Н. К. Михайловский.

жали: «Журнал министерства путей сообщения» (СПб., 1865—1916), «Сельское хозяйство и лесоводство»¹³ (СПб., 1865—1905) и т. д.

Журналы технические, как правило, не имели литературных и политических отделов; они посвящались определенной отрасли хозяйства. Таково одно из старейших промышленных изданий — «Горный журнал, или Собрание сведений по горному и соляному делу с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся» (СПб., 1825—1918). В 60-е годы он выпускался ученым комитетом корпуса горных инженеров ежемесячно, объемом до 10 печатных листов, с приложением специальных чертежей.

Такой же сугубо отраслевой характер имели сельскохозяйственные издания, например «Сельское хозяйство» (М., 1860—1862), с 1863 по 1868 — «Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства», рассчитанный на помещиков и печатавший статьи о механизации сельского хозяйства, лесоводстве, животноводстве, полеводстве. Наряду с этим регулярно помещались протоколы заседаний общества, велась библиография сельскохозяйственной литературы.

Несколько иной, более литературный, уклон имел «Журнал охоты» (1858—1860, 1862), издававшийся в Москве и редактировавшийся Г. Мином. Здесь печатались «Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем ужении» С. Т. Аксакова, стихотворения, исторические документы, относящиеся к тематике журнала.

Научная периодика была представлена юридическими, географическими, медицинскими и другими изданиями. Журналы этого типа появились еще в начале XIX в. как узкоспециальные и получили в 1860-е годы дальнейшее развитие. Часть их издавалась правительственными учреждениями. В «Журнале министерства юстиции» (СПб., 1859—1868) печатались законы и правительственные постановления, а в неофициальной части — статьи по праву, об иностранных законодательствах, о судебной практике, велась библиография специальной литературы. Немногим отличались от официальных и частные издания, например «Юридический вестник» Н. В. Калачева (СПб., 1860—1864), который, также в основном печатал статьи по законодательству и судопроизводству, постановления правительства. Отличие его в том, что в нем помещались дискуссионные материалы по поводу предстоящей судебной реформы, различные практические предложения правоведов.

В 1860-е годы появляется целая серия воспитательно-педагогических журналов — явление, ранее не наблюдавшееся. Одним из первых таких журналов был ежемесячный «Русский педагогический вестник» (1857—1861), выходивший в Петербурге. Консервативное направление журнала не раз вызывало критику со стороны демократической журналистики. Журнал проповедовал верноподданнические и религиозные идеи, с горечью констатировал «падение» религиозных чувств в обществе. Двухнедельный журнал «Учитель» (СПб., 1861—1870) издавался «для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей», и был либеральным по направлению. Основное внимание обращалось на проблемы начального обучения — печатались руководства по данному предмету, рассказывалось об опыте и методике преподавания, регулярно рецензировались детские книги, новинки зарубежной педагогической литературы. Следуя за ведущими литературно-общественными либеральными изданиями, «Учитель» за-

¹³ До 1865 г. назывался «Журналом министерства государственных имуществ».

щищал идеи женской эмансипации, ратовал за одинаковое обучение девочек и мальчиков. В ежемесячном «журнале для воспитателей» «Детский сад» (СПб., 1866—1876) доказывались преимущества воспитания детей в группе, помещались медицинские советы, печатались художественные произведения — рассказы для детей младшего возраста, описания детских игр, велась библиография детской литературы. В 1857—1859 гг. в Петербурге издавался «Журнал для воспитания» — «руководство для родителей и преподавателей», его продолжением в 1860—1863 гг. был журнал «Воспитание», вышедший в 1864—1865 гг. под названием «Журнал для родителей и наставников» (М.). Вначале это было либеральное издание, а после 1861 г. оно стало реакционным. Особенно характерна шовинистическая позиция журнала во время польского восстания 1863 г.

Специально вопросам методики был посвящен «казенный» журнал «Педагогическое обозрение» (М., 1869). Главное управление военно-учебных заведений выпускало «Педагогический сборник» (СПб., 1864—1918); преобразованный из «Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». Если ранее это официальное издание имело историко-литературный характер, то с изменением названия изменился и состав журнала; на первый план выдвинулись проблемы воспитания, что явилось результатом реформы военно-учебных заведений. В журнале принимали участие крупные русские ученые-педагоги, в том числе К. Д. Ушинский.

Прогрессивный характер имел педагогический журнал «Народная школа» (СПб., 1869—1889), издававшийся Ф. Н. Медниковым, затем В. А. Евтушевским и А. П. Пятковским. В нем участвовали Н. А. Демерт, Н. Н. Кайгородов, Н. А. Корф и другие видные деятели русской науки и журналистики. Издание ориентировалось на народных учителей, и содержание его было разнообразным: помещались статьи по методике, печатались учебные программы, биографии известных педагогов, распоряжения правительств о народных школах, заметки медицинского характера, велась библиография педагогической, детской и народной литературы.

В 1862 г. Л. Н. Толстой издавал журнал «Ясная Поляна», состоявший из двух выпусков: «Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический» и «Ясная Поляна. Книжки для детей». Тираж «Ясной Поляны», как, впрочем, и других педагогических изданий, был невелик — 400 экземпляров. Издавался журнал в Москве. Толстой преследовал две цели — дать руководство для учителей школ и соответствующее чтение детям крестьян, чем и объясняется разделение журнала на две серии. В педагогическом выпуске Толстой решительно выступал против официальной педагогики, особенно против догматизма, суровой дисциплины, бессмысленной долбежки, царивших в школах. Он выдвигал теорию «свободного воспитания», отвергая систему расписаний, экзаменов, наказаний и т. д. Обучение, по его мнению, должно подчиняться целиком интересам воспитуемых. Большая часть напечатанных материалов — статьи самого Толстого, например «О народном образовании» (№ 1), «О методах обучения грамоте» (№ 2) и т. д. Серия «Книжки для детей» являлась по существу хрестоматией для народных школ. Здесь печатались произведения Н. В. Успенского, Г. И. Успенского, самого Толстого, учителей толстовских школ, помещались народные песни, сказки, исторические рассказы. Чернышевский положительно отзывался о критике Толстым официальной школы, но упрекал его за невнимание к идеологическим вопросам, за то, что «Ясная Поляна» не

выдвигает четкой положительной программы по вопросам педагогики и народного образования.¹⁴

Кроме рассмотренных выше изданий, составляющих группу отраслевой периодики, в 1860-х годах выходили специально военные журналы, среди которых наиболее известны «Военный сборник» (СПб., 1858—1917) и «Морской сборник» (СПб., 1848—1917). Они издавались соответственно военным министерством при штабе гвардейского корпуса и морским министерством. «Морской сборник» к 1860-м годам утратил былую славу и сделался с середины этого периода специальным изданием, в нем перестали печататься материалы общественного значения.

«Военный сборник» (под редакцией Н. Г. Чернышевского, В. М. Аничкова и Н. Н. Обручева) в первый год своего существования приобрел известность, так как помещал критические статьи, разоблачавшие недостатки и пороки русской военной системы, казнокрадство, отсталость военной техники. В нем имелись отделы: «Официальный», «Военные науки», «Литературный», «Смесь», велась библиография военной литературы. Читатель находил в нем и приказы по военному ведомству, статьи по военным наукам, художественные произведения и мемуары военного характера, описания путешествий, различные заметки.

Журнал получил положительные отзывы демократической журналистики, в частности «Современника», за внимание к положению солдат и матросов, к взаимоотношениям рядовых и офицеров. Однако такое направление журнала не соответствовало замыслу начальства, и поэтому редактирование «Военного сборника» было передано генерал-майору П. К. Менькову, после чего журнал утратил популярность и постепенно превратился в узкоспециальный орган, в котором уже не было литературного отдела.

В 1860-х годах появляются первые журналы, посвященные специально фотографии и типографскому делу: «Фотограф», «Фотографический вестник», «Фотографическое обозрение», «Типографический журнал». Все они были рассчитаны на специалистов-профессионалов и содержали необходимые сведения по данной области знаний. Так, например, «Типографический журнал» (СПб., 1867—1869) печатал законы о печати, публиковал отчеты о судебных процессах, связанных с нарушением законодательства о печати, статьи по типографской технике, объявления и преискуранты. Он издавался для владельцев типографий. Учитывая, что многие издатели и типографы были иностранцами, владелец журнала Р. К. Шнейдер печатал его на русском и немецком языках.

* *
*

Отсталость общественно-политической и культурной жизни провинции сказалась на состоянии местной журнальной периодики. Журналы в провинции исчислялись единицами и по своему типу и виду напоминали столичные, от которых отличались только местной тематикой.

В 1868 г. в Тифлисе появился литературно-общественный журнал «Кавказское эхо», издававшийся Г. Беренштамом и редактировавшийся Э. А. Шварцем. Это был еженедельный «тонкий» журнал — 16 страниц, форматом в четверть бумажного листа. Представление о журнале дает его первый номер: бессодержательная передовая, безобидные заметки

¹⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. 10. М., Гослитиздат, 1951, стр. 514.

о театре, сведения о закавказской железной дороге, перепечатанные из петербургской газеты «Голос», описание Африки под многозначительной рубрикой «Научное обозрение», бесцветная повесть «Охотники за турами», педагогическое обозрение. Естественно, такая программа журнала не могла заинтересовать читателя, и на седьмом номере «Кавказско-эхо» умолкло.

Другое провинциальное издание — реакционный, шовинистический «Вестник Юго-Западной и Западной России», ежемесячный историко-литературный журнал К. Говорского, выходивший в Киеве в 1862—1864 г. Редакция ставила себе в заслугу исполнение доносительной и шпионской «миссии», но вскоре с огорчением признала, что «происки врагов» привели к уменьшению числа подписчиков и ухудшению материальной базы издания. По предложению Муравьева-Вешателя в 1864 г. издание журнала перенесли в Вильно, и он стал называться «Вестник Западной России». Реакционная направленность издания еще более усилилась, в журнале стали печататься благодарственные адреса Муравьеву «от населения» и бесконечные славословия всеильному сатрапу. В 1871 г. издание «Вестника...» прекратилось.

Такой же тусклый шовинистический характер носили и националистские провинциальные органы, например орган «русских евреев» «Рассвет» (1860—1861) и его продолжение «Сион» (1861), выходившие в Одессе, или орган армянских националистов «Радуга» (1860—1862), издававшийся в Феодосии на русском, французском и армянском языках.

Развитие провинциальной периодики в России шло медленно, цензура противодействовала этому, и создание прогрессивных провинциальных журналов было делом последующих десятилетий.

3. Газеты 1860-х годов

Оживление газетной периодики. Изменения в содержании газет

Несмотря на то, что газета является самым ранним видом периодической печати, она долгое время не могла занять должного места в русской журналистике. Не только в XVIII в., но и в течение первой половины XIX в. ведущая роль в нашей периодике принадлежала журналам. Газеты уступали журналам и количественно, и качественно. Частные газеты насчитывались единицами, и все они, за исключением «Северной пчелы», не имели права на политическую информацию. Запрещение касаться общественно-политических вопросов и непреодолимые трудности в получении права на издание газет общего характера (универсальных) привели к тому, что в первой половине XIX в. частная газетная периодика была представлена исключительно литературными или узкоспециальными, главным образом экономическими, изданиями. Развитие газет мешали также слабая почтово-телеграфная связь (телеграммы начали печататься в газетах только с 1855 г.) и отсутствие скоропечатных машин (они появились в конце 1870-х годов).

Очень мало изменений в состоянии газетного дела внесло «мрачное семилетие». Во время Крымской войны газетная периодика испытала кратковременное оживление, но в основном за счет военной информации и корреспонденций с мест сражений. До 1855 г. на 60 млн. жителей Российской империи приходилось всего три ежедневных газеты: «Северная пчела», «Русский инвалид» и «С.-Петербургские ведомости». Правда, ежедневно еще издавались «Ведомости с.-петербургской го-

родской полиции» и «Ведомости московской городской полиции», но они не имели отделов внутренней и внешней политики и представляли собой листки объявлений местного значения, с присоединением в неофициальной части небольшого литературного отдела.

Общественный подъем, последовавший за севастопольскими событиями и смертью Николая I и охвативший широкие круги русского общества, способствует оживлению периодической печати в целом и газетной периодики в особенности. В новых условиях небывало возрастает значение газеты как наиболее оперативного и массового вида печати, способного подробно, систематически и, главное, своевременно информировать читателей о различных сторонах политической, экономической и культурной жизни, как русской, так и зарубежной. Толчком к развитию газетной периодики послужила отмена в 1856 г. распоряжения Николая I (принятого еще в 1836 г.), которое запрещало выдачу разрешений на выпуск частных периодических изданий общего характера. Но особенно интенсивный рост газет начался с 1861 г., когда Россия прочно вступила на путь капиталистического развития.

Если с 1845 по 1854 г. в России возникло всего 6 новых газет, причем почти все они были или правительственными, или узкоспециальными, то в следующее десятилетие (1855—1864) количество новых газет достигло 60. А вообще за период с 1856 по 1870 г., не считая губернских, областных и епархиальных ведомостей, а также разного рода справочных листков, появилось 87 газет: в Петербурге — 41, в Москве — 21, в провинции — 25. Это были разные по направлениям, типам, структуре, периодичности газетные издания. Постепенно меняется соотношение между газетами и журналами в общем движении периодической печати. С 1855 по 1860 г. число одновременно существующих газет и журналов общего содержания, т. е. литературно-политических и общественно-научно-литературных, было примерно одинаково. С 1861 г. газеты этого типа начинают даже количественно преобладать над журналами. Вот характерные данные:

Издания	Годы выхода											
	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	
Газеты	16	20	26	26	28	28	30	32	35	34	36	
Журналы	16	14	15	12	11	13	12	15	15	12	10	

Количественный рост газет сопровождается увеличением их периодичности. Уже в 1859 г. в России выходило ежедневных газет 12, по 4 раза в неделю — 2, по 3 раза в неделю — 7, по 2 раза в неделю — 9. В этом же году возникло 89 еженедельных изданий — газетных и журнальных. К 1870 г. количество ежедневных газет возросло до 38, причем 17 из них издавались в Петербурге, 4 — в Москве и 17 — в других городах. С каждым годом растет число частных газетных изданий: если в 1855 г. частные газеты составляли 10% общего числа выходивших газет (не считая губернских ведомостей), то в 1869 г. — уже 70. В небывалых размерах растут тиражи газет, все больше становится у них читателей; увеличивается формат газетной полосы, заметно улучшаются техника набора, культура печатания.

В официальном отчете, составленном по распоряжению министра внутренних дел П. А. Валуева, говорилось, что значительный рост еже-

дневных периодических изданий позволяет «периодическую литературу нашу за 1863 г. назвать по преимуществу газетной». Здесь же отмечалось, что в 1864 г. «ежедневные и еженедельные издания по-прежнему преобладали над ежемесячными и специально учеными».¹⁵

Набирает темпы и провинциальная газетная периодика, хотя качественно она все еще отстает от петербургской и московской. В свою очередь Петербург, как и раньше, превосходит Москву количеством и разнообразием выпускаемых газет. Это объясняется тем, что в 1860-е годы Петербург стоял во главе освободительного движения и был административным центром. Кроме того, петербургская журналистика в определенные годы находилась в несколько более выгодных условиях. Так, например, в силу распоряжения министра просвещения Е. П. Ковалевского от 28 февраля 1859 г., политическая информация в московских газетах, по не зависящим от издателей причинам, появлялась с сильным запозданием, поскольку министр приказывал «текущие политические известия как в ежедневных газетах, так и в недельных изданиях, печатаемых в Москве, заимствовать исключительно из газет с.-петербургских, которых политические отделы разрешаются к печати цензурою министерства иностранных дел».¹⁶ Согласно этому же распоряжению, далеко не все политические обозрения и статьи могли перепечатываться московскими газетами из петербургских.

Хотя по силе воздействия на читателя газеты в 1860-е годы еще не оттеснили журналы на второе место (это произойдет в следующие десятилетия), но уже в эту пору газетная периодика начала успешно конкурировать с журналами. Впервые за все время своего существования газета стала огромной политической силой и буквально жизненной потребностью для всех слоев общества.

Прекрасно понимая, что газета по своему характеру более оперативна и массова, чем журнал, некоторые издатели и редакторы вместо журнала начинают выпускать газету или реорганизуют издаваемый журнал в газету с тем же названием.

В 1860 г. прекращается издание журнала славянофилов «Русская беседа», выходявшего раз в два месяца: в следующем году появляется газета «День», продолжившая направление журнала. В редакционной статье новой газеты И. С. Аксаков так объясняет, почему журнал пришлось заменить газетой: «„Русская беседа“ ... стояла особняком в русской журналистике и, как ученый сборник, а не газета, не могла идти в состязание с периодическою, газетною литературою» (1861, № 1). Преимущества газетных изданий перед журнальными в руководстве общественным мнением отчетливо представляло и правительство. Не случайно поэтому ежемесячный «Журнал министерства внутренних дел» (1829—1861) с 1862 г. реорганизуется в ежедневную газету того же министерства — «Северная почта» (1862—1868). Начало процессу реорганизации журнала в газету с тем же названием положил А. В. Старчевский, который в 1862 г. преобразовал еженедельный журнал «Сын отечества» в ежедневную дешевую газету. Вслед за «Сыном отечества» из журнала в газету превратились «Якорь» (1864 г.), «Русская сцена» (1865) и некоторые другие издания.

¹⁵ Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг. СПб., 1865. стр. 205, 248.

¹⁶ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862, стр. 441—442.

Усиление роли газеты в общественно-политической, экономической и культурной жизни России не могли не заметить такие предприимчивые и дальновидные журналисты, как М. Н. Катков и А. А. Краевский. В начале 1860-х годов оба имели по собственному журналу (Катков — «Русский вестник», Краевский — «Отечественные записки»), но каждый из них считал необходимым издавать газету.

В ожидании, пока «Московские ведомости» перейдут в его руки, Катков реформирует «Русский вестник». До 1861 г. в журнале Каткова имелся отдел «Современная летопись», посвященный вопросам политики, литературной критики и библиографии. Чтобы давать читателям более свежую политическую информацию, Катков решает выделить названный отдел в самостоятельное еженедельное издание. С 1861 г. при «Русском вестнике» начала издаваться газета «Современная летопись». Когда в 1863 г. Катков стал издателем-арендатором «Московских ведомостей», «Современная летопись», продолжая оставаться газетой, начала издаваться как воскресные прибавления к «Московским ведомостям», причем в отличие от основных номеров, раздававшихся подписчикам вечером, она выходила утром.

Будучи издателем «Отечественных записок», Краевский в 1852—1862 гг. редактировал «С.-Петербургские ведомости», арендуемые у Академии наук А. Н. Очкиным. Но как только Краевскому стало известно, что по истечении срока аренды ему не разрешат стать руководителем академической газеты вместо тяжело больного Очкина, Краевский, не желая ограничиваться изданием журнала, начинает усиленно хлопотать о собственной газете; с 1863 г. он единолично издает и редактирует ежедневную газету «Голос».

Несмотря на некоторые цензурные послабления, развитие русской периодики в 1860-е годы проходило в очень тяжелых цензурных условиях. Особенно неистовствовала цензура в период усиления реакции, начавшегося летом 1862 г. «Никогда цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный», — писал И. С. Аксаков в феврале 1863 г., вскоре после того как цензура была передана в ведение министерства внутренних дел.¹⁷

Учитывая усиление газетной периодики, широкое распространение газет среди всех слоев населения, возросший интерес «среднего» читателя к ежедневным и еженедельным изданиям, цензурное ведомство применяло особую строгость по отношению к газетам. Например, когда в 1858 г. возникло много юмористических и сатирических уличных листов, министр просвещения приказал «воспретить придавать сим листкам наружную форму, исключительно принадлежащую периодическим изданиям вообще, а в особенности газетам».¹⁸ «Ежедневная газета должна подлежать еще более строгому наблюдению, чем ежемесячный журнал», — напоминал министр внутренних дел Валуев министру просвещения А. В. Головнину 2 июня 1862 г., выражая общую политику правительства по отношению к газетам («Вестник Европы», 1882, кн. 5, стр. 168).

В многочисленных распоряжениях по цензурному ведомству, как открытых, так и конфиденциальных (секретных), предписывалось при пропуске статей для периодики обращать внимание не только на политическое направление, но и на самый тип издания, степень его распро-

¹⁷ И. С. Аксаков в его письмах, т. 4, ч. 2. СПб., 1896, стр. 270.

¹⁸ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. ., стр. 429.

странности и уровень развития читателя. Постоянно также подчеркивалось, что дешевые издания, предназначенные для «простого» народа, должны просматриваться с особой строгостью. Кроме того, дешевые издания не могли выходить по полной программе. Так, согласно «временным правилам» 1862 г. и закону о печати 1865 г., недостатки и злоупотреблений администрации могли касаться только те периодические издания, которые стоили с пересылкою не менее семи рублей, таким образом, этого права были лишены все дешевые газеты, рассчитанные на широкого читателя. С большими ограничениями разрешалось дешевым газетам включать в свою программу отдел иностранной политики. В 1866 г. строго запрещаются перепечатки «в газетах и популярных изданиях статей из строго научных и специальных изданий, которые могут подать повод к разным толкам» («Северная почта», 1866, № 191). В 1869 г. еще раз подтверждается это распоряжение (см.: «Правительственный вестник», 1869, № 179). По-прежнему право на издание газеты получить было куда труднее, чем на издание журнала. Оно выдавалось (да и то не всегда) только тем лицам, в благонамеренности которых правительство не сомневалось.

Кроме обстоятельств цензурного порядка, развитие газетной периодики тормозилось самой системой ее распространения. В 1860-е годы газеты распространялись преимущественно через подписку, так как право на розничную продажу давалось с большими ограничениями. Продажная цена номера была значительно выше подписной (например, в 1862 г. номер «Северной пчелы» по подписке обходился в 4 коп., а в розничной продаже он стоил 10 коп.). Превышение продажной цены над подписной объяснялось прежде всего тем, что при плохой организации розничной торговли газетами издатель не был уверен в полной реализации всей части тиража, предназначенной для продажи.

Слабая розничная торговля подрывала материальную базу газет, так как сокращала возможный тираж. С годами этот способ распространения газетной прессы расширяется, что придает ей еще большую силу воздействия на читателя. Газеты начинают продаваться в киосках на улицах, на станциях железных дорог и т. д., что беспокоит правительство. Поэтому в 1868 г. вводится еще одна мера административного воздействия на периодику, подрывающая материальную сторону издания, — это запрещение розничной продажи. «Розничная продажа, с каждым днем увеличиваясь, часто бывает поводом к беспорядкам», — так мотивировало правительство введение этой новой карательной меры.¹⁹

Одновременно с количественным ростом газет, наметившимся с конца 1850-х годов, в газетной периодике происходят очень важные качественные изменения.

Правительство понимало, что в сложившихся исторических условиях необходимо идти на некоторые уступки общественному мнению. Первой такой уступкой было разрешение летом 1855 г. арендным и частным газетам печатать телеграфные известия и корреспонденции с театра военных действий в Крыму, на что раньше имели право только официальные газетные органы — «Русский инвалид» и «Journal de St.-Petersbourg». С каждым годом расширяется круг вопросов, допускаемых на страницы периодики, правда, почти всегда это допущение сопровождается разного рода цензурными оговорками. Особенно много

¹⁹ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности комитета министров, т. 3, ч. 2. СПб., 1902, стр. 204.

ограничений было сделано в связи с освещением крестьянского вопроса. Например, согласно «временным правилам», строго запрещались к печати статьи, «которых содержание, перенося разрешение крестьянского вопроса с сельскохозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательные и неуместные толкования по этому вопросу».²⁰ Обсуждение вопроса о земских учреждениях цензура старалась вместить в узкие рамки хозяйственного порядка и не пропускала статьи, «в которых вновь вводимым земским учреждениям стараются придавать политическое значение, обуславливающее самое широкое их развитие, между тем как в виды правительства отнюдь не входит расширять круг деятельности земских учреждений далее пределов, для них начертанных».²¹

Осенью 1862 г. в России вводится гласное судопроизводство, и газетам разрешается освещать судебные процессы. Если раньше в наших газетах писали главным образом о судебной практике за границей, то теперь судебная хроника становится постоянным отделом многих газет. Такие вопросы, как финансовое положение России, система университетского и среднего образования, положение печати, тоже обсуждались всеми газетами вне зависимости от их направления и типа.

Одновременно расширяются возможности газет в освещении зарубежных политических событий, хотя и здесь цензура всегда была начеку. Теперь все газеты могли перепечатывать политическую информацию из официальной прессы, но право открывать в газетах отделы внешней политики (или политические отделы, как тогда говорили) предоставлялось с большими ограничениями. Однако, чтобы несколько отвлечь внимание русской периодики от общественно-политической жизни России, газетам весной 1862 г. было разрешено не ограничиваться перепечаткой иностранной информации из официальных и арендных газет, а самим составлять эту информацию по материалам зарубежных изданий (прошедших, конечно, предварительную проверку цензуры). Правда, уже 21 сентября 1862 г. министр просвещения Головин дал распоряжение цензорам строго следить за иностранными отделами в русской периодике, поскольку «под эту рубрикою систематически проводятся такие стремления и идеи, которые бы при самой снисходительной цензуре не могли быть пропущены в других отделах газет и журналов» («Исторический вестник», 1883, № 4, стр. 78). В мае 1862 г. министрам народного просвещения и внутренних дел поручается лишать газеты возможности печатания политических статей, если направление этих изданий покажется им подозрительным.

О том, как зорко следила цензура за иностранной информацией в газетах, свидетельствуют трудности, возникшие с освещением польских событий 1863 г. Уже в феврале газеты были лишены права печатать собственные телеграммы и сообщения собственных корреспондентов и вообще обсуждать польские события, а должны были пользоваться сухими информацией официальных газет. Вскоре это запрещение отменили, но периодика была поставлена перед необходимостью освещать польский вопрос, не выходя за рамки официальной точки зрения.

Как ни строга была цензура по отношению к материалам на общественно-политические темы, но именно они с каждым годом все больше

²⁰ Цит. по кн.: М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, стр. 171.

²¹ Предписание министерства внутренних дел от 27 февраля 1864 г. — Сборник распоряжений по делам печати с 1863 по 1-е сентября 1865 г. СПб., 1865, стр. 29.

и больше утверждались в периодической печати вообще и в газетной периодике в особенности. Уже с конца 1861 г., как сообщалось в официальном отчете, «в периодической литературе стало заметно увеличиваться количество статей по вопросам жизни общественной».²² В 1861—1863 гг., по свидетельству самого министра внутренних дел Валуева, «общий характер литературы... и в особенности характер литературы периодической заключался в преобладании политического элемента над всеми другими» («Северная почта», 1865, № 264).

Типологическая характеристика газетной прессы. Газета и читатель

Усиленный интерес русского общества к вопросам политики и разрешение органам печати освещать русскую и зарубежную общественно-политическую жизнь наложило отпечаток на самый тип тогдашних периодических изданий. Все наиболее крупные журналы меняют свою структуру: они вводят отделы политики и из литературных или научно-литературных журналов превращаются в литературно-политические или научно-литературно-политические.

Еще в большей степени это отразилось на характере газетной периодики. Читателя перестают интересовать, например, специально литературные газеты. Поэтому в 1860-е годы (в отличие от предыдущих десятилетий) чисто литературных газет вообще не существовало. Из всех газет, которые выходили между 1856 и 1870 г., только на славянофильской «Молве» значилось: «литературная газета». По существу же и «Молва» не была узкоспециальной литературной газетой. Лишенный возможности ввести в газету политический отдел, фактический редактор «Молвы» К. С. Аксаков все же сумел превратить ее в остро публицистическое общественно-литературное издание.

Наибольшее распространение в 1860-е годы получают газеты общего характера, так сказать универсальные — с многими аспектами (политическим, экономическим, литературным и т. д.).²³ Так создается газета «политическая и литературная» (в Петербурге — «Весть», «Голос», «Очерки», «Якорь», «Русь», «Вечерняя газета», «Неделя», «Петербургская газета», «Новое время», «Русско-славянские отголоски», в Москве — «Московский вестник», «Наше время», «Русский»), «политическая, общественная и литературная» (в Петербурге — «Русский мир», «Современный листок», «Народный голос» и др.), «политическая, экономическая и литературная» (в Петербурге — «Биржевые ведомости», «Народное богатство», «Народная летопись», «Петербургский комиссионер» и др., в Москве — «День», «Русская газета», «Москва», «Москвич», «Всеобщая газета» и пр.) и иные виды газеты, в которых политика и литература сочетаются с многими другими аспектами. Сам по себе тип универсальной газеты имел свои разновидности: в одних газетах господствовала политическая тематика, в других — экономическая, в третьих — литературная; одни широко отражали провинциальную жизнь, но были и такие, в которых местный отдел вовсе отсутствовал, и т. д. Характер газеты во многом зависел от читателя, которому она адресовалась.

²² Краткое обозрение направления периодических изданий и газет и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 г. СПб., 1862, стр. 64.

²³ В первой половине XIX в. существовали всего три универсальные газеты — две арендные («С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости») и одна частная («Северная пчела»).

Показательно, что многие отраслевые (экономические) газеты с годами также изменяют свою программу в сторону введения политического и литературного отделов. Например, буржуазно-либеральная по направлению петербургская «Промышленная газета» (1865—1867), посвященная исключительно вопросам промышленности, торговли и ремесел и мало чем отличающаяся от еженедельного журнала, в 1868 г. преобразуется в экономическую, политическую и литературную газету «Содействие русской торговле и промышленности», которая в свою очередь реформировалась в крупную ежедневную газету того же профиля и направления — «Деятельность» (1868—1872). Аналогичную трансформацию претерпела еженедельная газета «Петербургский комиссионер» (1866—1867): созданная как «газета коммерческая и домашнего хозяйства», она вскоре реорганизуется в «экономическую и политическую», а в 1867 г. уже издается как «политическая, экономическая и литературная».

Политический аспект становится настолько необходимым в газете любого типа, что неуспех той или иной газеты часто объяснялся отсутствием в ней политического отдела. Например, о вынужденном прекращении ежедневной газеты «Русский дневник» издатель П. И. Мельников-Печерский так информировал читателей: «В настоящее время, когда внимание публики преимущественно обращено на политические события, совершающиеся на Западе Европы, для „Русского дневника“, не получившего еще разрешения сообщать об них известия, прекратилась возможность рассчитывать на увеличение ограниченного числа своих подписчиков» (1859, № 141).

С учетом новых требований, предъявляемых эпохой к газетам, и в связи с некоторым расширением возможностей газет меняется структура универсальных газет, видоизменяются, совершенствуются уже существующие газетные жанры и создаются новые. Многие газеты увеличивают неофициальную часть за счет официальной, причем в некоторых газетах официальные материалы переносятся с первой полосы на вторую и третью. Если раньше неофициальная часть включала в основном научные статьи, критику, библиографию, литературные произведения, театральную хронику, развлекательный фельетон и смесь, то теперь в этой части появляются такие новые отделы, рубрики и жанры, которые делают газету не только информационным, но и публицистическим органом. Политическое обозрение (или общее обозрение иностранных политических событий), внутреннее обозрение, передовая статья, злободневный общественный фельетон; обильная русская и зарубежная корреспонденция, обзор иностранной печати, телеграфные известия (политические и коммерческие), хорошо поставленная хроника русской (столичной и провинциальной) и зарубежной общественно-политической жизни, яркие коммерческие объявления, иллюстрации — все это внесла на страницы наших газет эпоха 1860-х годов. Показательно, что многие публицистические газетные жанры (передовая статья, политическое обозрение иностранных и русских событий, общественный фельетон и т. д.) встречались не только в универсальных газетах, но и в различных специализированных газетных изданиях — экономических, иллюстрированных и т. д., а также в официальной и полуофициальной газетной прессе.

В 1862 г. были освобождены от общей цензуры все ведомственные и узкоспециальные издания. Этим поспешили воспользоваться некоторые редакторы газет подобного типа и расширили программы своих изданий, стараясь по содержанию, структуре и жанрам сделать их похо-

жими на частные газеты и тем самым привлечь больше читателей (так поступил, например, редактор «Русского инвалида» Н. Г. Писаревский). Это вызвало резкое недовольство правительства. В отчете о периодической печати за 1863 г. сообщалось по этому поводу: «Кроме части официальной и статей, составляющих специальность ведомства, издающего газету, в изданиях правительственных учреждений стали печатать без рассмотрения общей цензурой статьи самого разнообразного содержания и направлений, как, например, руководящие статьи по части внутренней и внешней политики, статьи по всевозможным предметам и фельетоны, не имеющие ровно никакого *специального* характера и при том совершенно не входящие в круг их компетентности».²⁴

Более разнообразными и гибкими становятся методы работы редакций вообще и в особенности по привлечению читателей — в связи с тем, что усиленный количественный рост газет вызывает между ними конкуренцию, чего не знала газетная периодика первой половины XIX в. Раньше «Северная пчела» не нуждалась в саморекламе, так как она была единственной в России частной ежедневной газетой, да еще с правом политической информации. Теперь газет много, и в конкурентной погоне за читателем используются все средства — от широкообещательных обещаний перед началом подписки на новый год о намечающемся расширении программы до нападков и почти оскорблений в адрес конкурентов. Редакции привлекали читателей льготными условиями подписки, более низкой таксой на помещенные платных объявлений, разного рода приложениями, а в отраслевой периодике — бесплатными присылками образчиков семян (семенными премиями) и письменными консультациями по различным вопросам земледелия, скотоводства, садоводства, огородничества и т. д. Борьба за читателя диктовалась двумя соображениями — экономическим (чем больше подписчиков, тем выше доход издателя) и идеологическим (влияние на читателя в определенном духе).

В это время каждая газета строго ориентируется на определенного читателя. Поэтому читатель, его интересы, запросы, уровень подготовки, материальные возможности становятся в центре внимания редакции газеты. Содержание и структура газеты, характер и тип статей, даже стоимость годовой подписки — все определяется с учетом того читателя, которого обслуживает данная газета. Причем издателями руководили, за редким исключением, не бескорыстные заботы о просвещении читателей, а открыто корыстные соображения конкурентной борьбы.

В свою очередь читатели получили возможность выбирать себе газету, учитывая ее направление, тип, структуру, подписную плату. Зачастую читатели сами пишут в газету, и если газета столичная, а они живут в провинции, то становятся корреспондентами своей газеты на местах. В связи с этим широко распространенное в русской периодике XVIII и первой половины XIX в. «письмо к издателю» перестает быть чисто литературным приемом и превращается в газетный жанр, за которым стоит реальный корреспондент. Так впервые в истории русской газетной периодики редакции газет начинают вести работу с письмами читателей. Письмо иногда печатается целиком. В тех же случаях, когда редакция считает по каким-либо причинам невозможным полностью опубликовать письмо читателя, оно приводится в извлечении с соответствующими комментариями редакции в отделе «Ответы редакции», ко-

²⁴ Собрание материалов о направлении... , стр. 226.

торый, кстати сказать, также является приобретением газетной периодики 1860-х годов. Иногда письмо вообще не цитируется, но редакция, обращаясь к автору, высказывает свою точку зрения по поводу затронутых в письме вопросов или просто ограничивается объяснением причин непомещения письма. Отделы «Ответы редакции» существовали не только в крупных газетах, но и во второстепенных, например в «Московском курьере» (1861).

Потребности идеологического воздействия на малообразованные слои населения и коммерческие соображения вызвали к жизни новый вид газеты, которого не знала газетная периодика раньше, — это дешевые, «массовые» газеты, рассчитанные на «среднего» читателя. Если начало дешевым журналам положил «Сын отечества», перешедший в 1856 г. в руки А. В. Старчевского, который в 1862 г. преобразовал его в дешевую ежедневную газету, то первой еженедельной газетой подобного типа была московская «Русская газета», созданная С. А. Полем в ноябре 1858 г. как политическое, экономическое и литературное издание. Установив годовую плату в 3 р. 50 к., редакция старалась сделать газету «доступной каждому». Все материалы газеты должны были удовлетворять «потребности среднего и недостаточного круга нашего общества» (1859, № 7). Преимущественное внимание газета уделяла общественно-политическим и экономическим вопросам, которые трактовались в умеренно-либеральном духе.

Вслед за «Русской газетой» в Москве появляется целый ряд дешевых газет — «Московский вестник» (1859—1861), «Оберточный листок» (1860), «Московский курьер» (1861); газета «Русские ведомости», созданная в 1863 г., вначале также ориентировалась на «многочисленные классы небогатых людей» и, выходя три раза в неделю, стоила всего 3 р., включая доставку и пересылку. В Петербурге, кроме «Сына отечества», по типу дешевой газеты издавался «Русский листок» (1862—1863); он выходил раз в неделю, цена годовой подписки составляла 2 р. 50 к., причем учителям народных школ делалась скидка на 1 руб.

Самой дешевой газетой в 1860-е годы и одним из интересных изданий этого типа был еженедельный московский «Оберточный листок. Газета литературная и промышленная» (1860); он стоил всего 1 р. 50 к. в год. Издавал и редактировал газету М. Захаров.

Как и многие другие дешевые газеты, «Оберточный листок» не получил права на внешнеполитический отдел. Номер открывался правительственными распоряжениями, затем шли четыре отдела: промышленный, внутреннее обозрение, литературный и справочный; лучше всего был поставлен промышленный отдел. В литературном отделе печатались мелкие беллетристические произведения, литературные и театральные обозрения, отчеты о бенефисах, популярные статьи на научные темы. Во втором номере было помещено стихотворение А. С. Грибоедова «Крылами паря, стрелами звеня» из альбома композитора А. Н. Верстовского. Среди литературно-критических статей выделяется содержательный разбор М. И. Писаревым «Грозы» Островского (в № 19—20). Эта статья, написанная за несколько месяцев до статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве», — одна из наиболее интересных в критической литературе о пьесе Островского. «Новое произведение г. Островского исполнено жизни, свежести красок и величайшей правды. Только изучивши непосредственно ту среду, из которой взято его содержание, можно было написать его», — заключает автор.

Газета печаталась в формате большого листа на четырех полосах твердой бумаги, удобной для заворачивания покупок. Редакция предла-

гала хозяевам магазинов и торговых лавок выписывать газету и использовать ее для упаковки товаров: это давало возможность необеспеченным слоям населения получить бесплатно серьезное и полезное чтение.

В 1861 г. Захаров превратил газету в ежедневное издание и назвал ее «Московский курьер»; цена газеты устанавливалась недорогая — 6 р. в год (обычно ежедневная газета стоила 12—15 р.). Программа оставалась прежней, но структура газеты изменилась — с учетом того, что «Московский курьер» был создан как «газета новостей»; большую площадь стала занимать разнообразная хроника — московская и иногородняя. Газета просуществовала всего полгода; редакция мотивировала прекращение тем, что ей оказались «недоступны те отделы, на которые она хотела бы главным образом обратить свое внимание», т. е. отдел иностранной политики.

Дешевые, «массовые» издания встречались в 1860-е годы не только среди универсальных газет, но и таких газетных изданий, как «народные», театральные, иллюстрированные, экономические и др. К их числу относятся «Воскресный досуг», «Иллюстрированный листок», «Листок для всех» и др.

В 1860-е годы складывается особый тип так называемых «народных» газет. В 1863 г. в Петербурге возникли три такие еженедельные газеты: «Воскресный досуг», «Мирское слово» и «Народная газета» (последняя с апреля 1868 г. выходила в Москве, в 1869 г. была преобразована в ежедневную «Всеобщую газету»). «Воскресный досуг» — это скорее не газета, а «тонкий» иллюстрированный журнал, который выходил в виде тетради (в 16 страниц) с картинками и давал легкое, занимательное праздничное чтение. Разнообразный материал, свободная форма изложения, иллюстрации и сравнительно дешевая цена (3 руб. в год) делали это издание довольно популярным в среде городских мещан, ремесленников, зажиточного крестьянства и деревенской интеллигенции. Еще в меньшей степени «народными» были «Мирское слово» (1863—1879) и «Народная газета» (1863—1869), открыто реакционные издания, ориентирующиеся в основном на сельскую и городскую буржуазию и духовенство.

В 1860-е годы появилась еще одна новая разновидность газет — это вечерние выпуски, которые, как правило, отличались более свежими телеграфными депешами. С 1857 г. издаются вечерние выпуски при петербургской газете «Посредник промышленности и торговли». Политическая и литературная газета «Очерки» (1863) выходила в Петербурге ежедневно в двух изданиях — утреннем и вечернем. «Биржевые ведомости», значительно увеличив число коммерческих телеграмм, уже в 1864 г. выходили 9 раз в неделю (т. е. трижды в неделю давали дополнительные вечерние выпуски), а в 1866 г. при них создается «Вечерняя газета, политическая и литературная», которая представляла собой несколько сокращенный и вдвое удешевленный вариант «Ведомостей».

По существу «Московские ведомости» с переходом в руки Каткова (1863) превратились в вечернюю газету, так как выходили не утром, а в 5 часов вечера. В объявлении о подписке на газету на 1863 г., опубликованном в № 284 за 1862 г., так мотивировалось предпринимаемое нововведение: «Эта перемена в выпуске газеты, т. е. превращение ее из утреннего издания в вечернее, даст ей возможность представлять своим читателям самые свежие новости каждого дня и не отставать в этом отношении от петербургских газет. Все, что принесет в Москву утренняя почта, и все, что по телеграфу будет сообщено в Петербург из-за границы до двух часов пополудни, появится в „Московских ведомостях“ тем

же днем, через несколько часов, так что московская публика узнает накануне многое из того, что будет напечатано лишь утром следующего дня в большей части петербургских газет». В 1863 г. и «Русский инвалид» выходил вечером, накануне того дня, на который назначался номер.

Хотя окончательное становление типа воскресных газет относится к последующим десятилетиям, уже в 1860-е годы предпринимаются первые попытки создания этой разновидности газетной периодики (таковы, например, еженедельники «Иллюстрированный листок» и «Воскресный досуг»). Кроме того, в некоторых ежедневных универсальных газетах 1860-х годов воскресные номера (или субботные, если газета не выходит по воскресеньям) по содержанию, а иногда и оформлению заметно отличаются от прочих. В них помещаются преимущественно легкие занимательные беллетристические произведения, популярно написанные политические или общеобразовательные статьи, фельетоны в собственном смысле слова (а не как рубрика). Иногда в таких праздничных номерах встречаются иллюстрации, главным образом юмористического (или реже — сатирического) характера. В истории газетной иллюстрации (и прежде всего в истории жанра карикатуры) воскресным номерам принадлежит значительная роль. Эти номера входят в состав газеты или печатаются отдельно как прибавление к ней. Наиболее интересно составлялись воскресные номера газеты Старчевского «Сын отечества» и «С.-Петербургских ведомостей» периода редакторства В. Ф. Корша.

В 1860-е годы в Петербурге и Москве создается тип местной городской газеты с исключительным интересом к политической, экономической, культурной жизни и к новостям данного города — это «Петербургский комиссионер» (1866—1867), преобразованный в газету «Петербург» (1868), «Петербургский листок. Газета городской жизни и литературная» (1864—1917), «Петербургская газета» (1867—1917), «Московская газета. Политическая и учено-литературная» (1866—1867) и др. Каждая из названных газет старалась сохранить свою специфику и приобрести постоянного читателя. Между такими одновременно существующими газетами развертывалась острая конкуренция, которую выдерживали только единичные издания, уделявшие большое место хронике происшествий, разного рода сенсациям и рекламе. Газеты этого типа положили начало русской бульварной прессе, получившей широкое развитие уже в следующие десятилетия.

Вступление России на путь капиталистического развития не только вызвало увеличение роли экономической и хозяйственной тематики в универсальных газетах, но и привело к усиленному росту специализированной газетной периодики, в которой, как и вообще в газетах данной поры, происходит процесс вытеснения официальных и казенных изданий частными. Если в 1856 г. в России существовали только три газеты хозяйственно-экономического профиля (и все они выходили в Петербурге): две официальные — «Коммерческая газета» (1825—1860) и «Земледельческая газета» (1834—1917), издававшиеся соответственно при департаментах внешней торговли и земледелия, и одна частная — «Газета лесоводства и охоты» (1855—1859), то с 1857 по 1870 г. возникло более 15 частных газет данного типа. Это были газеты торговые и торгово-промышленные,²⁵ специально посвященные земледелию, са-

²⁵ «Золотое руно» (СПб., 1857—1859), «Посредник» (СПб., 1857—1863), «Промышленный листок» (М., 1858—1859), «Акционер» (М., 1860—1863), «Промышленная газета» (СПб., 1865—1867), «Торговый листок» (М., 1866—1867).

доводству и огородничеству,²⁶ отражающие различные стороны хозяйственной деятельности,²⁷ и др.

В первой половине XIX в. в России выходила всего одна медицинская газета «Друг здоровья» (СПб., 1833—1869), в 60-е годы их уже несколько, и все они частные.²⁸ В 1866 г. в Москве создается «Юридическая газета» — первое частное газетное издание подобного рода. Возникновение земских учреждений и развитие земского движения вызвали к жизни петербургскую «Всеобщую газету, земскую, судебную и политическую» (1866—1867) — частное умеренно-либеральное издание. Что касается научной, научно-технической и педагогической периодики, то она в 1860-е годы была представлена исключительно журналами и сборниками. Специальных газет для женщин, юношества также еще не было. Единственная газета, предназначенная для детей среднего возраста — «Калейдоскоп» (СПб., 1860—1862), успеха не имела.

В 1860-е годы специализированная газетная периодика пополнилась еще двумя видами — театральной газетой, а вслед за ней музыкальной, чему во многом способствовала отмена в 1862 г. театральной цензуры.

Пробразом театральной газеты были «Театральные афиши» и «Антракт», издававшиеся в 1864—1865 гг. при дирекции московских театров, причем «Афиши» печатались ежедневно, «Антракт» — в дни спектаклей вместе с «Афишами». Редактировал это издание талантливый театральный критик А. Н. Баженов. В «Антракте» помещались передовые статьи, статьи по истории и теории драматического искусства, рецензии на театральные постановки, театральные обзоры, библиография книг о театре, художественные произведения в прозе и стихах, очерки, «анекдоты» (любопытные случаи из театральной жизни), частные объявления и сообщения о спектаклях на следующие дни. Несмотря на то, что «Антракт» в это время был только приложением к «Театральным афишам», он по существу выполнял функции серьезной театральной газеты, заботившейся о полноценном театральном репертуаре и совершенствовании творчества актеров.

В 1866 г. «Антракт» отделяется от афиш и превращается в самостоятельную частную газету. Программа «Антракта» расширяется за счет рецензий о спектаклях, театральных отчетов и сообщений о провинциальных и европейских театрах; по-прежнему борьба за репертуар и актера в центре его внимания. Поэтому редакция газеты имела все основания заявить: «В настоящее время „Антракт“ есть единственное в России издание, посвященное исключительно театру; он следит за деятельностью как русских (столичных и провинциальных), так и иностранных театров» (1866, № 43). «Антракт» пользовался большим успехом не только у читателей, интересующихся театром, но и у актеров-профессионалов.

²⁶ «Садовник и огородник» (М., 1860—1861), «Газета для сельских хозяев» (М., 1861—1862), «Земледелие, садоводство и огородничество» (М., 1864—1866).

²⁷ «Листок для всех» (СПб., 1858—1860), «Производитель и промышленник» (СПб., 1859—1861) и др.

²⁸ «Московская медицинская газета» (1858—1877), «Врачебная газета» (СПб., 1860—1862), «Медицинский вестник» (СПб., 1861—1885), «Домашний врач» (СПб., 1869—1870) и «Современная медицина» (Киев, 1860—1880) — единственная специальная провинциальная газета.

Вообще отраслевая периодика в 1860-е годы в провинции почти отсутствовала. Провинция не имела сатирических и юмористических изданий, специальных литературных, театральных и музыкальных газет. Хозяйственная газетная периодика состояла преимущественно из различных справочных, торговых, ярмарочных, навигационных и тому подобных листков.

Если «Антракт» преимущественно уделял внимание драматическому театру, то петербургская газета «Русская сцена», созданная в 1865 г. на основе журнала того же названия, была посвящена и драматическому, и музыкальному театру. Во второй половине 1860-х годов в Петербурге выходят первые специально музыкальные газеты: «Музыка и театр» (1867—1868) и «Музыкальный сезон» (1869—1871).

В 1860-е годы появляется еще один новый вид периодического издания — иллюстрированные еженедельники (прообраз будущей «Нивы»), занимающие среднее положение между газетами и тонкими журналами.²⁹ Издавались они в Петербурге и почти все печатались в «политехнографическом заведении» А. О. Баумана. Так, одновременно Бауман выпускал «Иллюстрацию. Всемирное обозрение» (1858—1863) и «Иллюстрированный семейный листок. Журнал занимательного и полезного чтения» (1859—1863). «Иллюстрация» выходила по четвергам форматом в лист, «Иллюстрированный листок» по воскресеньям, форматом в четвертую долю листа; оба издания — вполне благонамеренные по направлению.

«Иллюстрация» издавалась по более широкой программе и по структуре мало отличалась от универсальных изданий. Номер открывался передовой статьей, затем шли: политическое обозрение, внутренние известия, словесность, статьи по вопросам науки и искусства, петербургская летопись (статьи этого отдела назывались фельетонами), корреспонденции, объявления. В каждом номере давалось по 10—15 рисунков форматом в лист и меньше. Тематика рисунков самая разнообразная: батальные сцены, портреты, виды и пейзажи, памятники архитектуры и скульптуры. В основном иллюстрации состояли из репродукций произведений иностранных авторов и перепечаток из французских иллюстрированных изданий. Иногда помещались изображения народных типов и сцен, а также карикатуры, сопровождаемые текстом. «Иллюстрация» стоила довольно дорого (14 руб. в год) и была рассчитана на обеспеченные слои городской интеллигенции.

«Иллюстрированный семейный листок» — значительно более дешевое издание (годовая цена 5 руб.), причем редакция разрешила подписку на небольшие сроки (до двух месяцев) и в кредит. Это, естественно, привлекло к нему довольно широкие читательские круги — мелких чиновников, купцов, вообще обывателей, мечтающих о легком занимательном воскресном чтении. «Иллюстрированный листок» не окупал себя из-за низкой подписной цены; кроме того, его формат не позволял печатать большие рисунки. Поэтому в 1863 г. «Иллюстрация» и «Иллюстрированный листок» сливаются и образуют «Иллюстрированную газету», которая издается по той же программе, в том же формате и для того же читателя, что и «Иллюстрация», хотя цена издания понижена с 14 руб. до 7.

Единственной иллюстрированной газетой в Москве в это время была «Современность и экономический листок», которая начала выходить в конце января 1860 г. Хотя в № 2 (от 8 февраля) редакция сообщила, что «все 52 номера выданы будут в течение 1860 года», уже на этом номере издание газеты прекратилось из-за малого числа подписчиков (всего 364 человека).

²⁹ В 1860-е годы не было четкого употребления слов «газета» и «журнал» применительно к иллюстрированным еженедельникам: зачастую одно и то же издание даже сами его руководители называли то журналом, то газетой.

Основные направления в газетной периодике

Долгое время правительственные общественно-политические газеты выходили только на иностранных языках — это «*Sanct-Petersburger Zeitung*», орган министерства народного просвещения, и «*Journal de Saint-Petersbourg*», орган министерства иностранных дел (иногда немецкая газета сдавалась правительством в аренду частным лицам). Обе газеты, по самому своему характеру, имели довольно узкий круг читателей и не могли быть в должной мере использованы правительством для пропаганды официальной идеологии и борьбы с передовым общественным мнением. Этой цели призвана была служить «Северная почта» — орган министерства внутренних дел, созданный в 1862 г.

«Северная почта» — первая крупная правительственная общественно-политическая газета; выходила ежедневно, в формате большого листа. По внешнему виду и структуре она мало чем отличалась от универсальных частных газет. Ядро сотрудников газеты составляли члены Комитета по делам книгопечатания, чиновники министерства и наиболее образованные цензоры. Сам П. А. Валуев много писал в «Северную почту», почти все передовые статьи по наиболее важным вопросам составлены или отредактированы им. По распоряжению Валуева сразу же были приняты меры, затрудняющие сотрудничество в газете частных лиц, сокращающие поступление в газету неофициального, особенно литературного, материала. Первый редактор газеты А. В. Никитенко постоянно жаловался на «недостаток в честных сотрудниках, бедность материала, способного оживить газету и придать ей литературное значение, бесконечные стеснения со стороны министерства».³⁰ Несмотря на обязательную подписку среди сотрудников казенных учреждений и должностных лиц как в столицах, так и в провинции, «Северная почта», печатавшаяся тиражом в 3000 экземпляров, расходилась с трудом и приносила министерству большие убытки. В 1869 г. она преобразована в «Правительственный вестник» — официальную газету, общую и единственную для всех министерств и ведомств.

В 1860-е годы значительные изменения претерпела газета «Русский инвалид», официальный орган военного министерства. Уже с 1857 г. она стала издаваться как «газета военная, литературная и политическая»; в ней расширяется неофициальная часть и прежде всего отдел политической информации. В 1861 г. редактором «Русского инвалида» становится Н. Г. Писаревский, превративший его в довольно популярное полуофициальное либеральное издание, способное конкурировать с частными газетами. В июне 1862 г. редактор оставляет в «Русском инвалиде» только официальную часть, а неофициальную преобразует в отдельную газету «Современное слово».³¹ В середине 1863 г., после запрещения «Современного слова», Писаревского отстранили от руководства «Русским инвалидом». Преемники Писаревского по редактированию «Русского инвалида» вначале старались сохранить некоторую самостоятельность неофициальной части газеты. «„Русский инвалид“ продолжает идти своей дорогой, наперекор взглядам $\frac{3}{4}$ правительства», — записал Валуев в дневнике 17 апреля 1865 г.³² В после-

³⁰ А. В. Никитенко. Дневник, т. 2. Л., 1955, стр. 256. — В дальнейшем ссылки приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

³¹ В январе 1863 г. неофициальная часть вновь вошла в состав «Русского инвалида».

³² П. А. Валуев. Дневник, т. 2. М., 1961, стр. 36. — В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием тома и страницы.

дующие годы, особенно после создания «Правительственного вестника», «Русский инвалид» превращается в сугубо военную газету без политического и литературного отделов и строго придерживается намеченной программы.

Промежуточное положение между универсальными и чисто отраслевыми газетами занимала полуофициальная политическая, экономическая и литературная газета «Биржевые ведомости» (1861—1879), издававшаяся крупным финансистом К. В. Трубниковым. «Биржевые ведомости» — это первая солидная буржуазная газета в России. Официальная часть была органом ведомства почт и телеграфов и имела обязательных подписчиков, а неофициальная — частным изданием, все материалы которого были проникнуты духом буржуазного предпринимательства. Экономический аспект доминировал в газете над всеми остальными; политические вопросы рассматривались лишь в связи с экономикой; литературный материал помещался в нижней части газетной полосы (в «подвале») и большого места не занимал. По обилию коммерческих телеграмм «Биржевые ведомости» намного превосходили все другие газеты. С образованием «Правительственного вестника» «Биржевые ведомости» превратились в частную газету.

Несмотря на усиление официальной и полуофициальной газетной периодики, в 1860-е годы ведущее положение в газетной прессе заняли частные универсальные газеты, причем большинство крупных газет уже имело более или менее четкое политическое направление. «Газеты как органы разных партий общественного мнения выдвигаются на первый план в литературе», — сообщалось в программе газеты «Очерки» («С.-Петербургские ведомости», 1862, № 223). В частной газетной периодике 1860-х годов были три направления: реакционное, либеральное и демократическое. Первые два были представлены большим числом изданий и имели множество оттенков и разновидностей. Демократические органы по причине цензурных строгостей насчитывались единицами. Особую группу составляли газеты славянофилов; все они издавались в Москве и отличались ярко выраженной публицистичностью.

Реакционный лагерь газетной периодики в 1860-е годы возглавляли «Московские ведомости», арендатором-редактором которых в 1863 г. стал М. Н. Катков (совместно с П. М. Леонтьевым). При Каткове, которого Герцен называл «ливрейным холопом реакции», «лейб-трубачом» М. Н. Муравьева-Вешателя,³³ «Московские ведомости» пользовались особым покровительством правительства: цензура была к ним менее требовательна, номера газеты рассылались в пакетах редакции непосредственно подписчикам, минуя почтовый департамент. Каткову разрешили получать иностранные газеты без вмешательства цензуры министерства иностранных дел, что обеспечивало свежесть политической информации. В случаях трений с цензурой сам царь оказывал поддержку Каткову.³⁴ Тираж газеты при Каткове возрос в два раза (с 6000 экземпляров в 1862 г. до 12 000 в 1865—1866 гг.), но распространялась она преимущественно среди консервативно настроенной части столичного населения и обывателей, а также в провинции.

К крайне реакционному лагерю относилась и еженедельная петербургская газета «Домашняя беседа», издававшаяся в 1858—1877 гг.

³³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 19. М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 153, 197, 232. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

³⁴ См. об этом в статье Герцена «Катков и государь» (Там же, стр. 117—120, 406) и в «Дневнике» Валуева (т. 2, стр. 133).

мракобесом В. И. Аскоченским. Имея в виду доносительный характер газеты Аскоченского, «Искра» писала в 1859 г.: «„Домашняя беседа для народного чтения“ издается не для народного чтения, а для имеющих уши, чтобы слышать, и очи, чтоб видеть» (№ 33). Газета ежегодно теряла подписчиков: в 1859 г. ее тираж составлял более 5000 экземпляров, в 1860 — только 3000, а потом и того меньше.

Петербургская политическая и литературная газета «Весть» (1863—1870) В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматова выражала интересы крупного дворянства, мечтающего о восстановлении крепостного права. Она ратовала за восстановление власти дворянства в деревне, в том числе за право помещика подвергать телесным наказаниям его бывших крепостных крестьян, за привилегии дворянской аристократии в занятии государственных должностей, выступала против самоуправления крестьян, против земских и мировых учреждений. Поэтому Герцен называл «Весть» «газетой неокрепостников». Указывая на связь «Вести» с «Московскими ведомостями» Каткова, Герцен писал, что «из-за висящих Муравьева, обернутых „Московскими ведомостями“, выглядывает во всем безобразии дворовая „Весть“» (т. 29, стр. 246).

Министр внутренних дел Валуев, стремясь одновременно с созданием «Северной почты» в Петербурге организовать и в Москве газетный орган с правительственной ориентацией, осенью 1861 г. вступил в переговоры с Н. Ф. Павловым, который с 1860 г. издавал еженедельную газету «Наше время», и убедил его превратить «Наше время» в оплачиваемую правительством полуофициальную газету. 20 октября 1861 г. Валуев записал в дневнике: «Государь утвердил мои предположения... о сделке с Павловым насчет его газеты» (т. 1, стр. 122). В результате «сделки» Павлов начал получать большие правительственные субсидии (первая — в 26 тыс. руб.); кроме того, ему разрешили с 1862 г. выпускать газету ежедневно по расширенной программе, включающей также иностранный политический отдел. «Наше время» получило привилегию на помещение иностранных телеграмм: свежая телеграфная информация шла в редакцию газеты Павлова непосредственно из канцелярии Валуева. Реакционное направление «Нашему времени» прежде всего придавали научно-публицистические статьи Б. Н. Чичерина («Мера и границы», «Что такое охранительные начала?», «Различные виды либерализма»), гневно осужденные передовой печатью и горячо поддержанные реакционными кругами. Несмотря на все старания, Павлов, однако, не смог оказать ожидаемую Валуевым поддержку «Северной почте». Более надежного союзника правительственной периодики Валуев увидел в «Московских ведомостях» Каткова.

«Северная пчела» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча вплоть до середины 1850-х годов продолжала оставаться самой влиятельной газетой, так как единственная из частных изданий выходила ежедневно и имела право на политическую информацию. Эту верноподданническую газету вынуждены были читать даже ее противники, за неимением другого органа. В 1860 г. «Северная пчела» переходит к П. С. Усову, при котором направление газеты почти не меняется. Рост частной газетной периодики в 1860-е годы и разрешение частным газетам касаться общественно-политических вопросов лишили «Северную пчелу» ее привилегированного положения. «Северная пчела» не выдерживает конкуренции с другими газетами. С каждым годом ее тираж падает (в 1854 г. — 10 000 экземпляров, в 1863 — 4000). Ничто не помогает редакции удерживать читателей — ни увеличение формата газеты до большого листа,

ни расширение программы, ни улучшение телеграфной информации, ни бесплатная выдача подписчикам «Северной пчелы» газеты «Посредник промышленности и торговли», которая издавалась также Усовым. Даже в официальном отчете за 1863 г. указывалось, что «Северная пчела» пришла в упадок «по скудости материальных средств».³⁵ В 1864 г. издание газеты прекратилось.

Через пять лет Старчевский, бывший издатель-редактор газеты «Сын отечества», создал вторую «Северную пчелу» (1869—1870) как газету «политическую, промышленную и литературную». Продолжая политическую линию своей предшественницы, «Северная пчела» Старчевского значительно превосходила ее объемом и разнообразием материала, оформлением и техникой набора. В газете много ярких рекламных объявлений, встречаются иллюстрации и в основном тексте, при статьях. Чувствуется, что газета уже становится коммерческим предприятием.

Промежуточное положение между славянофильской газетой И. С. Аксакова «Москва» и «Московскими ведомостями» Каткова должна была занимать, по замыслу М. П. Погодина, его политическая и литературная газета «Русский» (1867—1868). Скоро, однако, выяснилось, что «Русский» оказался куда ближе к газете Каткова, чем к «Москве». В письме к Огареву от 8 сентября 1867 г. Герцен охарактеризовал идейную позицию «Русского» как «бред в духе холопской демократии, пропущенной через кишки попа и пузырь старой няньки, любящей Митрофанушку» (т. 29, стр. 195).

Заметно оживилась в 1860-е годы либеральная и умеренно-либеральная газетная периодика. Именно в эти годы складывается тот тип универсальной либеральной газеты, который прочно закрепится в русской газетной практике вплоть до Октябрьской революции. Умение приспосабливаться к историческому моменту, заигрывание с общественным мнением и в то же время страх перед возможными социальными потрясениями, вынуждающий искать опоры в самодержавии и религии, характеризуют издания этого направления. На страницах таких газет формируется и особый тип либерального публициста, умеющего широкоэпистолярно писать обо всем, создать видимость серьезного разговора, а по существу не сказать ничего.

Самой влиятельной либеральной газетой в 1860-е годы был «Голос» Краевского (1863—1884) — наиболее законченный тип буржуазно-либерального газетного органа. Ориентирующийся на либерально настроенные буржуазные круги и крупное чиновничество, «Голос» пользовался поддержкой некоторой части бюрократической верхушки, рассчитывающей на выгоды от буржуазных преобразований, проводимых «сверху». «Голос» ежегодно получал крупные денежные субсидии от министерства народного просвещения, ему также оказывал доверие министр внутренних дел Валуев, который иногда сам сотрудничал в газете Краевского или организовывал публикацию в ней статей и заметок, подготовленных в министерстве. В первые годы тираж «Голоса» составлял около 5000 экземпляров, в конце 1860-х годов — более 10 000.

Наиболее сильным конкурентом «Голоса» были «С.-Петербургские ведомости», которые с 1863 г. перешли под редакцию В. Ф. Корша. Самая долголетняя русская газета — «С.-Петербургские ведомости» до 1875 г. принадлежала Академии наук, которая сдавала ее в аренду частным лицам по конкурсу. В 1836—1862 гг. газету арендовал Очкин,

³⁵ Собрание материалов о направлении... стр. 226.

пригласивший в 1851 г. в качестве редактора Краёвского. В 1850-е годы «С.-Петербургские ведомости» были, пожалуй, самой интересной русской газетой, хотя преодолеть конкуренцию «Северной пчелы» им не удавалось. Правительство стремилось укрепить влияние академической газеты как полуофициального издания, что не было достигнуто при Очкине и Краевском. Поэтому, когда истек срок шестилетней аренды Очкина, газету передали Коршу, до того (в 1856—1862 гг.) редактировавшему «Московские ведомости». Однако Корш, вопреки ожиданиям правительства, добился относительной независимости от Академии наук и придал арендной газете характер либерального органа, объединившего писателей и публицистов либерального и демократического лагеря. В значительной степени успеху «С.-Петербургских ведомостей» способствовали злободневные острые фельетоны В. П. Буренина и А. С. Суворина, впоследствии перешедших в лагерь реакции.

Политическая, литературная и ученая газета «Сын отечества» (СПб., 1862—1901), преобразованная Старчевским из журнала того же названия, была самой дешевой ежедневной газетой (цена годовой подписки с доставкой и пересылкой — 6 руб. вместо обычных 12—15 руб.) и самой распространенной: в 1862 г. она печаталась тиражом в 20 000 экземпляров, из которых 13 000 расходились в провинции.

В первой половине 1862 г. «Сын отечества» выражал умеренно-либеральные взгляды. Он полемизировал с «Московскими ведомостями», положительно отзывался о демократических деятелях (Некрасове, Добролюбова и др.) и изданиях (например, об «Искре»). В четвертом номере рассказывалось о литературном вечере в первой петербургской гимназии, одно из отделений которого было посвящено памяти Добролюбова. Автор статьи так передал выступление Некрасова: «Добролюбова, заметил он, нужно искать не в стихотворениях, а в критических и полемических статьях; из них только можно видеть, какой это был честный и благородный человек и как глубоко он сознавал и свято исполнял долг гражданина и какого полезного деятеля мы в нем лишились». Со второй половины 1862 г. «Сын отечества» постепенно переходит на консервативные позиции. В период польского восстания 1863 г. он мало чем отличался от тогдашних реакционных газет.

Довольно известной умеренно-либеральной газетой 1860-х годов была политическая, общественная и литературная газета «Русский мир» (СПб., 1859—1863), при которой выходил сатирический иллюстрированный журнал «Гудок» (1862), лучшее после «Искры» издание подобного типа. Преимущественный интерес к провинции проявляла умеренно-либеральная еженедельная газета «Русский дневник» (СПб., 1859), на издание которой Мельников-Печерский получил небольшую субсидию от министерства просвещения.

В 1860-е годы революционно-демократическое направление в русском общественном движении и в русской общественной мысли было представлено исключительно журнальной периодикой. Русская революционная демократия не имела в своем распоряжении ни одного газетного органа. И однако в цензурном отчете за 1863 г. сообщалось, что «на долю цензурной деятельности в Санкт-Петербурге пришлось постоянное наблюдение за целой массой газет и журналов, более близких по направлению их к характеру „Современника“». ³⁶ Указание на «массу» газет — это, конечно, преувеличение, но самый факт наличия в Петербурге газет, в какой-то степени «близких по направлению»

³⁶ Там же, стр. 244.

к «Современнику», отмечен правильно. Это прежде всего относилось к газете «Очерки».

Ежедневная политическая и литературная газета «Очерки» издавалась с 1 января по 8 апреля 1863 г. Очкиным, который прекрасно понимал, что успех газеты во многом зависит от того, сумеет ли она приобрести свое «лицо», свой характер, отличный от других газет. Такой ее могли сделать сотрудники «Современника», руководители молодого поколения, не имевшие до сих пор своего газетного издания. Поэтому в качестве редактора и по существу руководителя газеты Очкин пригласил Г. З. Елисеева, вместе с которым в «Очерки» пришли демократические публицисты, ученые и литераторы, до того сотрудничавшие в «Современнике», — М. А. Антонович, П. А. Гайдебуров, А. П. Шапов, Н. М. Мазуренко, М. Вовчок, А. И. Левитов, Н. Г. Помяловский и др. «Очерки» подготавливались и начали издаваться во время приостановки «Современника» (он не выходил с июня 1862 г. по февраль 1863 г.), поэтому их воспринимали как своего рода «филиал» журнала.

Открывалась газета передовой статьей, обычно составлявшейся Елисеевым, злободневной публицистической статьей или литературным произведением. Затем шли «Телеграфические депеши», публицистическое «Политическое обозрение» (его вел Антонович) и «Иностранные известия» — подробная хроника политических событий, подобранная по отдельным государствам. Живой интерес к современным общественно-политическим вопросам (государственное устройство и общественное движение на Западе, пути развития России, крестьянский вопрос, земская, судебная и цензурная реформы, университетское образование и т. д.) и решение их с демократических позиций, умелое сочетание публицистических материалов с художественными, серьезные статьи с «легким» чтением, сравнительно невысокая цена (6 руб. в год) — все это привлекло к газете широкие слои демократически настроенной столичной и провинциальной интеллигенции.³⁷ Это же вызвало резкий отпор со стороны реакционной печати; например, мракобес Аскоценский обвинил новую газету в материализме и коммунизме (см.: «Домашняя беседа», 1863, № 2, стр. 53).

Испугавшись растущего радикализма газеты и возможных репрессий, Очкин на № 94 прекратил издание «Очерков», предложив подписчикам получать газету «Современное слово». Передача подписчиков именно в «Современное слово» вполне оправдана: из всех выходивших тогда в Петербурге газет оно по направлению было ближе всего к «Очеркам». Не случайно как «Очерки», так и «Современное слово» правительство относило к органам «ложного и мелочного обличительного направления и превратного понимания гласности»,³⁸ а реакционная пресса — к изданиям группы «прогрессистских демократов», состоящей «из недоучившейся молодежи» («Русский листок», 1863, № 4, стр. 68).

«Современное слово» образовалось в июне 1862 г. в результате отделения от военной газеты «Русский инвалид» ее неофициальной части; в 1862 г. выходило при «Русском инвалиде», в 1863 г. — самостоятельно. «Современное слово» было литературно-политической газетой, с преимущественным интересом к общественно-политическим

³⁷ Об общественно-политической позиции «Очерков» и о разногласиях между ведущими сотрудниками газеты по некоторым важным вопросам (в том числе и по вопросу о путях дальнейшего развития России) см.: С. Брейтбург. К истории газеты «Очерки». — Русская журналистика, т. I, стр. 53—71.

³⁸ Собрание материалов о направлении... стр. 221.

вопросам. Издателю Писаревскому удалось привлечь довольно широкий круг сотрудников; многие из них были связаны с «Современником». Сам издатель писал публицистические фельетоны, видный публицист 1860-х годов Э. К. Ватсон — политические обозрения, экономист А. Шаров вел финансово-промышленную хронику. Уже 2 июля 1862 г. Валуев писал министру просвещения Головнину: «Если журналы „Современник“ и „Русское слово“ подверглись временному запрещению вследствие замеченного в них систематически вредного направления и постоянных усилий к распространению вредных противорелигиозных и противуправительственных теорий, то в настоящее время кажется, что ту же самую меру надлежало бы принять в отношении к газете „Современное слово“». Здесь же подчеркивалось, что за истекший месяц отделившееся «Современное слово» «обнаруживает еще более систематическое старание противодействовать видам правительства и возбуждать умы против настоящего общественного порядка» (далее перечисляются наиболее «крамольные» статьи).³⁹ Головнин распорядился предупредить Писаревского о возможной приостановке газеты и обязал цензоров более строго следить за ней. В результате неоднократных замечаний «Современное слово» было закрыто 2 июня 1863 г.; поводом послужило напечатание в одной статье нескольких строк, исключенных цензурой.

После прекращения «Современного слова» в России почти два года не издавалась ни одна демократическая газета. Только 2 марта 1865 г. начала выходить «Народная летопись. Газета политическая, экономическая и литературная», основанная группой публицистов круга «Современника». Официальным издателем-редактором считался беллетрист Н. Д. Ахшарумов, но фактическим руководителем «Народной летописи» и ее основным сотрудником был Ю. Г. Жуковский, его ближайшим помощником — А. Ф. Головачев. Кроме них, в газете участвовали В. А. Зайцев, В. О. Ковалевский, А. М. Скабинчевский и другие передовые публицисты. Вопреки желанию Ахшарумова, Жуковский и его сотрудники сумели превратить «Народную летопись» в радикально-демократическую газету, сразу же оцененную передовыми современниками как «умный и дельный» орган.⁴⁰ Что касается III отделения, то оно также, по словам Никитенко, «тотчас по основании газеты обратило на нее внимание министра внутренних дел», поскольку «около этой газеты сгруппировались последователи Чернышевского» (т. 2, стр. 513). Газета выходила два раза в неделю на четырех полосах в формате большого листа. Годовая подписка стоила довольно дорого — 6 руб. без пересылки.

По содержанию и структуре «Народная летопись» заметно отличалась от тогдашних газет, адресовалась она подготовленному, развитому, мыслящему читателю. Отличительной особенностью «Народной летописи» является ярко выраженная публицистичность. Это скорее орган теоретический, чем информационный: газету интересуют не факты сами по себе, а размышления, рассуждения по поводу фактов, выводы теоретического и практического порядка. — Материалы газеты:

³⁹ М. Лемке. Эпоха цензурных реформ., стр. 221—222. — У Лемке письмо Валуева ошибочно датировано 2 июня.

⁴⁰ См. корреспонденцию из Петербурга, опубликованную в «Колоколе» (1865, л. 199, стр. 1636). Общая характеристика «Народной летописи» и анализ содержания основных статей содержится в работе: Б. Козьмин. Газета «Народная летопись». — Русская журналистика, т. I, стр. 75—103.

предназначались не для быстрого прочтения и ознакомления, а для глубокого изучения.

Учитывая успех «Народной летописи» у передовых читателей, руководители газеты по совету и при материальной поддержке Некрасова решили превратить ее в ежедневный орган, подыскав при этом другого издателя. Однако этот проект не осуществился, так как на № 12 от 16 апреля правительство приостановило «Народную летопись» на 5 месяцев, воспользовавшись тем, что № 11 вышел без черной каймы и без информации о смерти наследника престола, а в № 12 траурная кайма была, но сообщалось не о смерти наследника, а об убийстве президента Северо-Американских Соединенных Штатов Авраама Линкольна. «Я вытребовал несколько номеров и убедился, что цензору давно следовало сделать то, что я теперь делаю», — записал в дневнике Валуев 17 апреля, запретив газету (т. 2, стр. 36). В сентябре 1865 г. истек срок временной приостановки, но издание газеты так и не возобновилось. Недавно опубликованы архивные документы, свидетельствующие о том, что в ноябре 1865 г. Жуковский и Антонович безуспешно хлопотали о передаче им права на издание «Народной летописи». ⁴¹ Так же безуспешно закончились хлопоты В. О. Ковалевского о разрешении ему с 1866 г. издавать и редактировать журнал «Летописец», который, по его мнению, должен был заменить запрещенную «Народную летопись». ⁴²

Кроме упомянутых недолго издававшихся газет демократического направления, в Петербурге выходили еще три газеты, сотрудники которых на некоторое время смогли придать им характер умеренно-демократических органов: это литературно-политические газеты «Русь» (1864), «Неделя» (1866—1901) и судебная, политическая, литературная и экономическая газета «Гласный суд» (1866—1867). Однако издателю «Руси» Н. И. Шульгину удалось выпустить всего пять номеров (№ 18—22), а фактическому редактору «Гласного суда» П. А. Гайдебурову — несколько номеров за июль 1867 г. Что касается газеты «Неделя», то она претерпела сложную эволюцию. Созданная по инициативе и при поддержке Валуева, «Неделя» на первых порах являлась субсидированным правительственным изданием. Газета в таком виде успеха не имела и через 11 месяцев прекратила свое существование. В 1868 г. издание «Недели» возобновляется; она становится органом передовых писателей и публицистов, тесно связанных с «Искрой» и обновленными «Отечественными записками».

Провинциальные газеты

В первой половине XIX в. провинциальная газетная периодика почти исключительно состояла из губернских (и областных) ведомостей, о которых Добролюбов писал, что они «до того сухие, что иногда в них целый год ничего не помещается, кроме перепечатки объявлений

⁴¹ См.: В. В. Чубинский. К вопросу о судьбе газеты «Народная летопись». — Уч. зап. ЛГУ, № 284, Вопросы теории и истории журналистики, сер. филолог. наук, вып. 57, 1960, стр. 133—134.

На наш взгляд, заметка Герцена о «Народной летописи» в 214-м листе «Колокола» от 15 февраля 1866 г. (см.: т. 19, стр. 32) составлена на основании полученной из Петербурга информации (правда, не совсем точной) именно о данных хлопотах Жуковского и Антоновича.

⁴² См.: «Литературное наследство», т. 62, 1955, стр. 264—265.

вновь выходящих книжек петербургских и московских журналов» («Современник», 1859, № 10, отд. II, стр. 358). На национальных окраинах России существовали три официальные газеты — «Официальная газета Царства Польского» (Варшава, 1838—1861), «Виленский вестник» (1841—1915) и «Кавказ» (Тифлис, 1846—1918).⁴³

Полуофициальный характер имела одна из лучших провинциальных газет — «Одесский вестник» (1827—1894), созданная при генерал-губернаторе Новороссийского края и претерпевшая значительные изменения за время своего существования. С 1858 г. «Одесский вестник», по ходатайству Н. И. Пирогова переданный в ведение профессуры Ришельевского лицея, становится полуофициальным изданием, либеральным по направлению, объединившим наиболее передовые научные и литературные силы Новороссийского края. Газета, руководимая Пироговым, оперативно откликалась на самые злободневные вопросы общественно-политической, научной и литературной жизни. Программа ее строилась по образцу частных столичных газет и включала внутреннее обозрение, современную хронику, иностранные известия, статьи серьезного содержания, фельетон (как рубрику и как жанр), торговый бюллетень и др.

В результате многочисленных доносов, которые посылались министру народного просвещения и в цензурное ведомство, «Одесский вестник» в 1859 г. вновь был передан в канцелярию генерал-губернатора. Редактировал газету передовой ученый и литератор Н. П. Сокальский, которому, однако, не удалось сохранить «пироговское» направление. Теперь в «Одесском вестнике» упор делается на экономические и хозяйственные вопросы, рассматриваемые с точки зрения потребностей буржуазно-капиталистического развития страны. Увеличивается промышленно-торговая информация, расширяется площадь, отводимая под коммерческие объявления и рекламу. В литературном отделе преобладает развлекательный материал, появляются произведения детективного жанра. Не теряя своего официального характера, «Одесский вестник» в 1860-е годы по материалу мало чем отличался от обычных частных либерально-буржуазных изданий. В то время он был самой распространенной официальной провинциальной газетой: тираж его превышал 3000 экземпляров. После смерти Сокальского (1871) газета превращается в сухое, малоинтересное издание.

В 1860-е годы в провинции начинает появляться частная газетная периодика. Провинциальные газеты строятся по типу универсальных; они включают в свою программу политику, экономику и литературу и стараются не отставать от столичных газет в разнообразии жанров и методов подачи материала (например, многие провинциальные газеты печатали передовые статьи, фельетоны, политические обозрения, телеграфную информацию).

С 1859 по 1870 г. возникло свыше 30 частных газет в наиболее развитых экономических, торговых и культурных центрах России — в Поволжье (Астрахани, Саратове, Ярославле, Самаре, Рыбинске, Казани), Сибири (Иркутске, Кяхте, Николаевске-на-Амуре), южных городах (Одессе, Киеве, Николаеве, Новочеркасске, Чернигове). Из

⁴³ Вначале «Кавказ» издавался «на правах собственности» чиновником О. И. Константиновым под контролем кавказского наместника М. С. Воронцова. В середине 1852 г. газета полностью перешла в ведение канцелярии наместника; с 1864 г. сдавалась в аренду частным лицам (см.: В. Т. «Кавказ». 1846—1896. Библиографическая заметка к 50-летию газеты. — «Кавказ», 1896, № 4).

городов центральной России, кроме поволжских, частные газеты были только в Воронеже, из прибалтийских — в Риге. В каждом из названных городов одновременно существовало по одной газете. Исключение составлял только Киев; здесь с 1859 по 1870 г. возникло семь конкурирующих между собой частных газет, различных по направлению, типу и характеру читателя.

Большим успехом, и не только у местного населения, пользовались следующие газеты: «Киевский телеграф» (1859—1876), при котором в 1860—1863 гг. выходили бесплатные литературные прибавления, «Волга» (Астрахань, 1862—1865), «Воронежский листок» (1862—1868), неоднократно вызывавший недовольство цензуры, «Сибирский вестник» (Иркутск, 1864—1868), «Черниговский листок» (1861—1863), «Восток» (Астрахань, 1866—1867), «Дон» (Воронеж, 1868—1915) — крупная провинциальная газета, один из ранних примеров хорошо поставленной местной провинциальной прессы.

К 1860-м годам относится попытка создать в провинции демократический научно-публицистический газетный орган. Таким органом должна была стать литературная и политическая газета «Амур», издававшаяся в Иркутске в 1860—1862 гг. и объединившая передовую сибирскую интеллигенцию, тесно связанную с политическими ссыльными и прежде всего — с петрашевцами. Инициатором организации «Амура» выступил М. В. Буташевич-Петрашевский, который выхлопотал у игравшего в либерализм Н. Н. Муравьева-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири, разрешение на издание газеты и добыл деньги у местных образованных купцов. Редактировал «Амур» известный сибирский общественный деятель и журналист М. В. Загоскин. Местное обозрение вел Петрашевский, общее внутреннее — местный общественный деятель М. П. Шестунов, иностранное — П. А. Горбунов, бывший воспитатель в семье декабриста С. П. Трубецкого; в разных отделах печатались петрашевцы Ф. Н. Львов, Н. А. Спешнев и др. Однако уже на № 8 закончилось активное сотрудничество Петрашевского: его выслали в Енисейскую губернию. Вынужденно покидают газету Львов и другие передовые сотрудники. Местные власти оказывают давление и на авторов корреспонденций и заметок, присылаемых с мест: им угрожают увольнением со службы, понижением в должности и т. д. Вскоре «Амур» превращается в субсидированную правительством газету, мало чем отличающуюся от казенных губернских ведомостей.

Несмотря на то, что в 1860-е годы частные газеты в провинции были поставлены в довольно тяжелые условия (над ними продолжала тяготеть предварительная цензура), их влияние на местах росло с каждым годом. Чтобы несколько ослабить это влияние, правительство старается укрепить в провинции официальную прессу путем создания разного рода «полицейских листков» при местных градоначальствах и «Епархиальных ведомостей» при губернской церковной администрации, а также посредством расширения официальной части некоторых губернских ведомостей «в видах большего их распространения в народе и для возмещения издержек на их издания»: в 1863 г. ведомостям предоставляется право «перепечатывать из всех существующих у нас официальных изданий политические известия и вообще правительственные распоряжения, равно как заимствовать из них руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления».⁴⁴

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи, т. 38, отд. 2. СПб., 1866, стр. 204—205.

Если правительство всемерно усиливало официальную часть губернских ведомостей, то редакторы некоторых ведомостей (особенно в городах, где отсутствовали частные газеты) старались, напротив, ослабить их казенный характер и с этой целью расширяли неофициальную часть вопреки утвержденной программе. Это рассматривалось как нарушение цензурных правил и вызывало строгие взыскания. В секретном циркуляре министерства внутренних дел начальника губерний от 24 марта 1865 г. указывалось на необходимость строго наблюдать, чтобы в неофициальной части губернские ведомости не уклонялись от программы и не уподоблялись частным изданиям; губернаторам и вице-губернаторам приказывалось лично следить за неофициальной частью губернских ведомостей, удерживая ее в «правильной колее»,⁴⁵ а не передоверять надзор чиновникам губернского правления. Подобная охранительная политика правительства по отношению к губернским ведомостям привела к тому, что по мере роста в провинции частной газетной прессы они стали иметь чисто ведомственное значение.

Новые газетные жанры и рубрики

К числу новых газетных жанров, возникших в пору общественного подъема 1860-х годов, относится передовая статья, которой не знала газетная периодика первой половины XIX в. Этому способствовали прежде всего два обстоятельства: допущение в периодику с 1856 г. материалов на политические и общественные темы и более четкая дифференциация общественного движения и общественной мысли по политическим направлениям. Самый термин «передовая статья» не сразу завоевал в русском языке права гражданства; вместо него в 1860-е годы часто употреблялось выражение «руководящая статья». В русской лексикографии термин «передовая статья» впервые был зарегистрирован в 1865 г. в «Толковом словаре» В. Даля, и здесь «передовая» дана как синоним к «руководящая»: «Передовая статья в газете, руководящая, содержащая обзор событий и их значения».⁴⁶

Передовую статью, посвященную внешнеполитическим вопросам, ввела «Северная пчела», где в 1857 г. отдел «Новости заграничные» был разбит на две части: вступительную статью, в которой высказывается мнение редакции по поводу тех или иных зарубежных событий и явлений, и подборку иностранных «телеграфических депеш» и выписок из зарубежных газет. Но передовая статья, выражающая позицию редакции по вопросам внутренней жизни, впервые появилась в газете славянофилов «Молва» (1857). Эти передовые носили открыто публицистический характер, поскольку формулировали основные положения определенного идейного течения (славянофильства) и были адресованы читателю-единомышленнику. Передовые статьи играли ведущую роль и в других газетах славянофилов — «Парус», «День», «Москва», «Москвич». Возникновение и утверждение жанра передовых статей в славянофильских изданиях не случайно: славянофильство раньше других идейных течений сформировалось как самостоятельное общественное направление, как общественно-политическая группировка.

Постепенно передовые статьи начинают входить в состав большинства продолжающихся и вновь издаваемых газет всех направлений и типов, в газеты частные, арендные, а иногда даже официальные и

⁴⁵ Сборник распоряжений по делам печати. ., стр. 47.

⁴⁶ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. Изд. 1-е. М., 1865, стр. 42.

правительственные.⁴⁷ В одних газетах передовая открывала номер, в других помещалась в начале неофициального отдела; в одних печаталась как самостоятельная статья с постоянной пометой (Москва, дата; Петербург, дата) или с постоянным заголовком («Политическое обозрение», «Современное обозрение», «Всеобщее обозрение», «Общественные дела» и т. д.), в других входила в состав одного из главных отделов (в «Современную летопись», «Петербургскую летопись», «Московскую летопись» и др.). Включая три обязательных момента — современность, программность и публицистичность, передовые статьи в разных газетах отличались по содержанию, структуре, размеру, форме и языку. Характер передовых статей зависел от политической позиции газеты, ее типа и от того читателя, которому она адресовалась.

«В прошедшие годы вообще, а в минувшем году преимущественно, — читаем в цензурном отчете за 1863 г., — развился у нас еще особый род литературы, свойственной исключительно ежедневным газетам, — так называемые *руководящие статьи* по предметам внешней и внутренней политики. Эти статьи стали решительно необходимостью сколько-нибудь заметной политической русской газеты. В этих статьях газеты стремятся заявить собственные свои взгляды и направления».⁴⁸ Возросшая самостоятельность частных и арендных газет вызвала недовольство правительства — и только передовые Каткова в «Московских ведомостях» получают высокую оценку. Особенно беспокоило цензуру проникновение передовых статей на страницы специальных ведомственных изданий, освобожденных от общей цензуры в 1862 г., а также на страницы некоторых губернских ведомостей, что, по мнению цензурных органов, «ослабляло официальный характер означенных изданий и даже совсем устраняло этот характер».⁴⁹

С конца 1850-х годов вследствие общего оживления газетного дела значительно изменяются содержание и структура фельетона, возрастает его роль среди других газетных жанров.

Прежде всего увеличивается число газет, включающих фельетон в свою программу, — это все универсальные арендные и частные газеты, большинство газет сугубо специальных (экономических, театральных, медицинских и т. д.), причем фельетоны в отраслевых газетах имели свою специфику: они строились на материале, интересующем читателя данной газеты. Например, в еженедельном петербургском «Листке для всех», который издавался как «газета реальных знаний, промышленности, хозяйства, домоводства и общедоступной медицины» и предназначался главным образом для провинциальных дворян-помещиков, цель фельетона состояла «в изображении верном и точном разных страных, а подчас и смешных сторон нашего хозяйствования, преимущественно чисто в техническом отношении» (1858, № 4). Фельетон часто встречается в правительственных и казенных изданиях Петербурга и Москвы, проникает на страницы губернских ведомостей, что

⁴⁷ Приведем перечень некоторых новых газет, включивших в свою программу передовые статьи: в 1857 г. — «Молва», «Северная пчела»; в 1859 — «Русский дневник»; «Русский мир», «Иллюстрированный семейный листок», «Парус»; в 1860 — «Наше время», «Современная медицина», «Акционер»; в 1861 — «Биржевые ведомости», «День»; в 1862 — «Северная почта», «Сын отечества», «Современное слово», «Народное богатство»; в 1863 — «Голос», «Народная газета», «Иллюстрация», «Очерки», «Русские ведомости», «Современный листок»; в 1865 — «Народная летопись»; в 1866 — «Вечерняя газета», «Антракт»; в 1867 — «Москва», «Москвич», «Петербургская газета»; в 1869 — «Всеобщая газета» и др.

⁴⁸ Собрание материалов о направлении... стр. 209.

⁴⁹ Там же, стр. 296; ср. стр. 226.

вызывает недовольство правительства. Утверждению фельетона в столичных официальных отраслевых газетах способствовало освобождение в 1862 г. этих типов изданий от общей цензуры.

Во второй половине 1850-х и в 1860-е годы термин «фельетон» употреблялся в двух значениях: как место на газетной полосе и как жанр. Фельетоном чаще всего называлась «подвальная» газетная рубрика, разделяющая неофициальную часть от официальной и включающая разнообразные по содержанию и форме газетные материалы: серьезные статьи самой различной тематики, рецензии, театральные и музыкальные обзоры, художественные произведения, небольшие заметки и сообщения; сюда же относились все виды полемических выступлений. Одновременно фельетоном называли также статьи, затрагивающие самые различные темы, — от политики до модных туалетов, но написанные живо, популярно, без претензии на глубину и рассчитанные на широкого читателя. «Легкая статья об общественной жизни и ее вседневных интересах», — так определяется фельетон в «С.-Петербургских ведомостях» (1859, № 30). Создав в «Иллюстрированном листке» жанр «денежного фельетона», редакция газеты охарактеризовала его как «популярные статьи о финансах, биржевых и торговых операциях в форме бесед и рассказов» (1862, № 50).

Фельетон получает и более узкий смысл — как произведение юмористического плана, как «забавное разглагольствование». С таким значением слово «фельетон» вошло в первое издание «Толкового словаря» В. И. Даля (1866). Здесь фельетоном назван «отдел росказней в газете», причем «росказни» определяются как «болтовня, балагурство, потешные рассказы».⁵⁰ Такие юмористические, чисто развлекательные фельетоны чаще всего помещали дешевые «массовые» газеты, приспособляющиеся к вкусам обывателя, например «Сын отечества», «Петербургский листок», «Северная пчела» и т. д. «Искра» имела все основания заявить, что «фельетоны „Сына отечества“ тогда лишь приобретают соль, когда лавочкины завертывают в них селедки»: Некоторые газеты старались приурочить подобные развлекательные, шуточные фельетоны к воскресным или субботним номерам, чтобы обеспечить подписчика легким занимательным праздничным чтением.

В это же время создается совершенно новый вид фельетона, который отсутствовал в газетах первой половины XIX в., — это «общественный фельетон» как один из видов газетной публицистики. После того как в 1856 г. газеты получили право на освещение вопросов русской жизни, фельетон становится средством серьезного обсуждения общественно-политических проблем. Если в 1840-х годах Булгарин утверждал, что «фельетон не кафедра и в нем как с кафедры нельзя развивать вполне высокие истины» («Северная пчела», 1848, № 58), то теперь именно эта сторона привлекает внимание к фельетону. Сами газеты рассматривают фельетон как «общественную хронику», обращают внимание на его «новую одежду», утверждают, что русскому фельетону отныне предстоит «играть роль поважнее той, которая выпала на долю французских хроник».⁵¹ Подобный публицистический «общественный фельетон» зачастую играл в газете роль передовой статьи, заменяя или дополняя ее (таковы, например, фельетоны в «Народной летописи» и «Очерках»). К числу новых видов фельетона

⁵⁰ В. И. Даль. Толковый словарь. ., т. 4, стр. 487, 49.

⁵¹ См., например, «С.-Петербургские ведомости», 1857, № 251, 262; «Русский инвалид», 1859, № 105 и другие газеты.

относится также «фельетон во вкусе отрицания»,⁵² т. е. остро сатирический фельетон; он встречался главным образом в демократических сатирических изданиях — «Искре», «Свистке», а также в газетах «Очерки», «Современное слово» и некоторых других.

Новым для газетного фельетона 1860-х годов является закрепление за отдельными газетами определенных фельетонистов. Особенной популярностью у тогдашнего читателя пользовались воскресные общественные фельетоны А. С. Суворина в «С.-Петербургских ведомостях» Корша. Полные острых политических намеков и социальных обличений, эти фельетоны неоднократно вызывали цензурное вмешательство и послужили поводом к тому, что в 1874 г. Корша отстранили от редактирования газетой. «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути», «начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем начал Суворин в 50—60-х годах прошлого века», — писал В. И. Ленин о Суворине периода его участия в газете Корша.⁵³

В 1860-е годы фельетон не только завоевывает права гражданства среди других газетных жанров, но зачастую даже определяет успех подписки на ту или иную газету. В последующие десятилетия, когда газетное дело ставится полностью на коммерческую основу, когда все подчиняется погоне за подписчиком, фельетон (и главным образом фельетон развлекательный) превращается в ведущий жанр буржуазной газетной прессы.

С конца 1850-х годов изменяются содержание и структура газет благодаря увеличению и усовершенствованию политической и коммерческой информации, что в свою очередь стало возможно в связи с введением в России электромагнитного телеграфа. В 1852 г. устанавливается регулярное телеграфное сообщение между Петербургом и Москвой, а в 1854 г. вступила в строй линия между Петербургом и Варшавой, продолженная затем до прусской границы и соединенная с западноевропейской телеграфной сетью. С 1855 г. налаживается телеграфная связь Петербурга с Ригой, Гельсингфорсом (Хельсинки), Ревелем (Таллином), Киевом, Одессой, Николаевым, Симферополем и другими городами. В том же году издается положение о приеме и передаче депеш по электромагнитному телеграфу внутри страны, заключаются первые конвенции о соединении телеграфных линий России с линиями других государств.

С 1855 г. в наших газетах начинают печататься «телеграфические депеши» — с театра военных действий в Крыму и из других городов России, с которыми восстановлена телеграфная связь. В следующем году уже встречаются заграничные телеграммы политического характера, а еще через год — коммерческие телеграммы. Преимущественное право на публикацию иностранной телеграфной информации принадлежало, естественно, официальным и полуофициальным газетам, они располагали и большими материальными возможностями ее приобретения. Напротив, получение телеграмм непосредственно через иностранные телеграфные агентства очень дорого обходилось редакциям частных газет, особенно если учесть, что далеко не все политические телеграммы пропускались цензурой министерства иностранных дел. Поэтому многие частные газеты на первых порах все еще вынуждены были либо

⁵² Собрание материалов о направлении. ., стр. 185.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 43.

пользоваться информацией зарубежных газет, также пропущенной через нашу цензуру, либо (и это чаще всего) перепечатывать телеграммы из официальных русских газет. Однако по мере укрепления материальной базы некоторые наиболее крупные частные газеты уже не ограничиваются перепечаткой депеш из официальных газет, а создают отдел собственных телеграмм, получаемых непосредственно от иностранных агентств или от своих корреспондентов за границей. Эти телеграммы, как правило, набираются более крупным или жирным шрифтом, помещаются впереди остальных и, являясь собственностью данной газеты, не подлежат перепечатке в других изданиях.

Централизация телеграфной информации в России относится к 1866 г., когда в С.-Петербурге было организовано частное Русское телеграфное агентство (РТА), призванное снабжать телеграммами редакции газет, различные учреждения и частных лиц. С середины 1866 г. РТА начало выпускать в Петербурге «Телеграммы высочайше утвержденного русского телеграфного агентства». Эти бюллетени выходили по 2—3 раза в день. Издание телеграмм и налаженная телеграфная связь всех городов России с Петербургом привели к оживлению отделов информации не только в столичных, но и в провинциальных газетах.

Введение телеграфа способствовало не только количественному росту газетной информации, но и изменению ее характера. Информационная заметка становится более сжатой; существо дела отражается уже в первой фразе заметки-телеграммы, остальной текст только дополняет или разъясняет сказанное. На газетной полосе иностранные телеграммы группировались по странам и печатались под общим заголовком «Телеграфические депеши», «Последние новости» и т. д. В некоторых газетах (например, в «Северной пчеле») текст каждой телеграммы, кроме того, предварялся кратким заголовком, выражающим главную мысль сообщения, т. е. постепенно вырабатывался тот способ подачи телеграфной информации, который применяется в газетной практике и поныне.

В газетах 1860-х годов значительное место стали занимать коммерческие объявления — частные и казенные. Вплоть до 1840-х годов монопольным правом на печатание платных частных объявлений пользовались «Московские ведомости» и академические «С.-Петербургские ведомости». Затем это право было распространено на «Ведомости с.-петербургской городской полиции», «Русский инвалид» и некоторые губернские ведомости. Частные издания такого права не имели, и это отрицательно сказывалось на их материальной стороне. Только в 1862 г. было дано разрешение всем газетам на платные объявления от частных лиц, причем каждая газета могла устанавливать свою цену. И сразу же правительство начинает применять метод временного запрещения печатания этих объявлений как меру взыскания, экономического притеснения. Уже в мае 1863 г. министру внутренних дел поручается по его личному усмотрению запрещать печатание частных объявлений тем или иным изданиям сроком от 2 до 8 месяцев. Что касается казенных объявлений — от министерств, ведомств, присутственных мест и т. д. (в том числе извещений о купле-продаже, подрядах, отдаче в наем и т. д.), то они в 1860-е годы по-прежнему составляли монополию официальных и арендных газет. Исключение было сделано только для некоторых частных газет, пользующихся особым расположением правительства, например для «Северной пчелы», «Нашего времени», «Голоса» и др.

Постепенно коммерческие объявления (и в первую очередь, частные объявления) занимают все большую и большую газетную площадь и зачастую составляют специальные дополнительные листы. Объявления различны по размеру и оформлению — в зависимости от цены. Эти коммерческие объявления сыграли значительную роль в усовершенствовании и разнообразии газетных шрифтов, в художественном оформлении набора, даже в становлении газетной иллюстрации.

Если не считать специальных журналов, посвященных искусству, иллюстрированных еженедельников и сатирических и юмористических изданий с карикатурами, русская периодика, как правило, иллюстраций не печатала. Среди газетных изданий выделялась «Земледельческая газета», которая одной из первых стала помещать изображения сельскохозяйственных орудий, машин, зданий, рисунки растений, животных, птиц и т. д., причем иллюстрации давались при статьях и иногда занимали до половины газетной полосы. В газетах же универсального типа иллюстрации первоначально появляются не в основном тексте, а при объявлениях, которые иногда включают изображения различных предметов, видов местности, зданий и т. д., т. е. всего того, что служит предметом рекламы. Таким образом, путь иллюстрации в газету лежал через ярко оформленное иллюстрированное коммерческое объявление. С конца 1860-х годов иллюстрации чаще встречаются на страницах универсальных газет, причем первенство принадлежит газетам городского типа, рассчитанным на среднего читателя, — таким, как «Петербург» (1868), «Северная пчела» (1869) и др.

1860-е годы являются важной вехой в истории русской газетной периодики. В это время небывало возросло число одновременно существовавших газет, четко обозначились основные направления в газетной прессе, появились различные типы и виды газетных изданий, возникли новые газетные жанры, укрепились связи газеты с читателем.

„Современник“

«Современник», издаваемый с 1847 г. Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, стал после преобразования самым содержательным и интересным журналом своего времени. Имея идейным руководителем В. Г. Белинского, «Современник» по своему направлению был журналом революционно-демократическим. Он проводил сквозь препоны цензуры те идеи, которые были выражены Белинским в зальцбруннском письме к Гоголю, — идеи революционной борьбы с крепостничеством, самодержавием и религией.

Неудивительно поэтому, что в годы политической реакции и цензурного террора, установившихся после событий 1848 г., «Современник», обвиненный в пропаганде коммунизма и революции, был отдан под строжайший надзор III отделения и «Комитета 2-го апреля». Вся тяжесть руководства журналом в этих трудных условиях пала на плечи Некрасова и Панаева. Смерть Белинского была невозместимой утратой для «Современника». Никто не мог заменить в журнале и эмигрировавшего за границу А. И. Герцена. Некрасов и Панаев были вынуждены привлечь к более активному участию в «Современнике» В. П. Боткина, П. В. Анненкова и других либеральных литераторов, которые ранее считали себя друзьями Белинского и Герцена, а теперь явно отреклись от их заветов.

В годы так называемого «мрачного семилетия» (1848—1855) общий упадок русской журналистики коснулся и «Современника», всех его отделов. Журнал потускнел и в известной мере утратил прежнюю ярко выраженную революционно-демократическую направленность. Однако он и в то время продолжал оставаться лучшим из тогдашних русских журналов. Некрасов и Панаев не жалели ни сил, ни времени, ни средств, чтобы удержать «Современник» на высоком уровне. Их письма к И. С. Тургеневу, Д. В. Григоровичу и другим литераторам свидетельствуют, с какой энергией и настойчивостью добывали они материал для каждой книжки журнала, ценою каких постоянных усилий поддерживали и сохраняли «Современник» в тяжелые годы реакции.

Благодаря Некрасову и Панаеву на страницах «Современника» в это время появились замечательные произведения русской литературы. В журнале были напечатаны первые выдающиеся произведения Л. Н. Толстого: «Детство» (1852), «Набег» (1853) и «Отрочество» (1854). Активно продолжал сотрудничать в «Современнике» И. С. Тургенев. Кроме ряда рассказов из «Записок охотника», в журнале были опубликованы его повести «Три встречи», «Два приятеля», «Затишье», «Муму» и несколько рецензий. В «Литературном сборнике», изданном в виде приложения к журналу в 1849 г., появился «Сон Обломова» И. А. Гончарова. В 1849—1854 гг. «Современник» печатает: «Рыбаки»

и «Похождения Накатова» Д. В. Григоровича, «Богатый жених» и «Фанфарон» А. Ф. Писемского, «Три страны света» Н. А. Некрасова и Станицкого (А. Я. Панаевой).

Поэзия «Современника» представлена произведениями Н. А. Некрасова, А. Н. Майкова, Н. П. Огарева, Я. П. Полонского, А. К. Толстого, А. А. Фета. В 1850 г. в статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов напомнил читателям о забытых многими стихах Ф. И. Тютчева, отнеся его к числу истинных поэтических талантов, и перепечатал в «Современнике» более ста стихотворений поэта. С этого времени Тютчев занял подобающее ему место в русской поэзии. В «Современнике» в отделе «Литературный ералаш» в 1854 г. впервые появился на свет знаменитый Козьма Прутков (А. М. Жемчужников, В. М. Жемчужников, А. К. Толстой), афоризмы которого были направлены против казенно-бюрократической тупости и самодовольства, а стихи высмеивали поэтов чистого искусства и эпигонов романтизма.

В «Современнике» в эти годы были напечатаны ценные научные работы (Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, Д. М. Певесникова и др.), переводы Ч. Диккенса («Давид Копперфильд», «Холодный дом»), В. Теккерея («Ярмарка тщеславия», «Ньюкомы»). Таким образом, «Современник» продолжал быть интересным и содержательным журналом.

В основном осталось прежним и его направление. Несмотря на некоторые отступления от направления, взятого журналом при Белинском, Некрасов и Панаев все же были верны традициям и заветам великого критика и вели журнал, хотя и с отдельными отклонениями, по пути, намеченному их учителем и другом. Неверными являются утверждения В. Е. Евгеньева-Максимова, что «Современник» периода «мрачного семилетия» «выражает идеологию того слоя дворянской интеллигенции, который находится под влиянием идей либерального западничества», что журнал «становится органом буржуазно-дворянского, в большей мере дворянского, чем буржуазного, либерализма»¹ и т. п. Выводы о либеральном характере «Современника» того времени основываются обычно на «Письмах иногороднего подписчика» и других выступлениях А. В. Дружинина. Но направление «Писем иногороднего подписчика» нельзя отождествлять с направлением журнала. «Смешивать Иногороднего подписчика с редакцией „Современника“ совершенно несправедливо», — заявил Панаев в «Заметках Нового поэта о русской журналистике» в майской книжке журнала за 1851 г., осуждая манеру Дружинина с «бесцеремонностью и фамильярностью говорить о предметах, заслуживающих серьезного и делового обсуждения». Некрасов и Панаев не раз выступали на страницах журнала против его мнений и оценок.

Более верное представление о направлении «Современника» дают программные произведения Некрасова, опубликованные в журнале в те годы. В стихотворениях «Новый год», «Блажен незлобивый поэт...», «Муза», «Беседа журналиста с подписчиком», в статье «Русские второстепенные поэты» раскрываются мировоззрение Некрасова, его понимание задач литературы и журналистики.

В стихотворении «Новый год» (1852, № 1) под видом философских сентенций о прошедшем годе, разбившем легковверные надежды, Некра-

¹ В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-е годы. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, стр. 294, 336.

сов дает резко отрицательную характеристику эпохи николаевской реакции:

Не меньше ль видел он могил,
Вражды и клеветы.
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты:
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

Цензура не пропустила строк «Не пощадил он никого и не дал людям ничего!» и не разрешила перепечатать это стихотворение в изданиях стихотворений Некрасова 1861, 1864 и 1869 гг. Вместе с тем в общий тон «Нового года» жизнерадостный. Именно эту сторону стихотворения подчеркивал Чернышевский, цитируя его в «Критике философских предубеждений против общинного владения».² В романе «Что делать?» Чернышевский, приведя три строки из стихотворения «Новый год», придадим им характер предсказания грядущей революции и будущего социалистического строя.

В стихотворении «Блажен незлобивый поэт...» речь идет о Гоголе, но образ поэта-сатирика, нарисованный Некрасовым, несомненно, имеет не только литературное, но и политическое значение. В то время как вся реакционная и либеральная критика (в том числе Дружинин) выступала против «гоголевского направления», против сатиры и критики крепостничества, за идеализацию действительности, за «чистое искусство», Некрасов совершенно в духе Белинского воспевае поэта-гражданина, бойца и обличителя, который «проповедует любовь враждебным словом отрицанья».

В 1917 г. В. И. Ленин в статье «Политический шантаж» использовал стихотворение Некрасова в борьбе с буржуазной печатью, клеветавшей на большевиков. «Большевик вообще, — писал Ленин, — мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья».³

К стихотворению «Блажен незлобивый поэт...» примыкает и стихотворение «Муза», написанное Некрасовым в 1851 г. и напечатанное в «Современнике» в 1854 г. Здесь поэт тоже утверждает правдивое изображение жизни в искусстве и связь поэзии с трудом и страданиями народа. Характерно, что по прочтении «Музы» поэт «чистого искусства» А. Н. Майков обратился к Некрасову со стихотворным посланием, в котором призывал его отказаться от «вражды» и «злости» и «склонить усталый взор к природе».⁴

Большое значение имела статья Некрасова «Русские второстепенные поэты» (1850, № 1), в которой пропагандировались передовые эстетические принципы. Некрасов выступил убежденным сторонником демократической эстетики, которая, не боясь обвинений в проповеди «дидактизма», решительно отвергала поэзию, лишенную серьезного общественного содержания. Он утверждает, что первая и главная причина бедности современной поэзии заключается в том, что поэты обращают внимание только на отделку формы. Между тем, по мнению Некра-

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. 5. М., Гослитиздат, 1950, стр. 392. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 90.

⁴ См.: «Литературное наследство», т. 49—50, 1949; стр. 615—616.

сова, в настоящее время литература «находится уже на той степени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимым». Теперь от поэта требуется ум, от поэзии — содержание. Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» называл мысль «живой силой» искусства, Некрасов также защищает поэзию, «исполненную мысли и неподдельного чувства» (1850, № 1, отд. 6, стр. 42).

Настоящей декларацией Некрасова-журналиста является стихотворный фельетон «Беседа журналиста с подписчиком» (1851, № 8), в котором высмеиваются серьезные недостатки тогдашних журналов: безыдейность и крохоборство научных отделов, низкий уровень полемики, подмена серьезных, принципиальных споров пустыми перебранками, вызываемыми главным образом соображениями журнальной конкуренции («промышленная стычка, критический отдел наполнившая: весь»), преобладание переводных произведений над оригинальными сочинениями («переводы пора бы выводить решительно из моды»). «Беседа журналиста с подписчиком» показывает, что Некрасов как редактор глубоко осознавал особенности и недостатки периодических изданий своего времени, прекрасно понимал запросы читателей, неутомимо боролся за идею и народность русской журналистики.

Наряду с Некрасовым активно сотрудничал в журнале Панаев: из номера в номер он помещал пародии и фельетоны Нового поэта и обзоры русской журналистики. По справедливому мнению И. Г. Ямпольского, выступления Панаева в «Современнике», при всех их недостатках, характеризуют его «как человека, который в основном остался верен литературным взглядам Белинского», как критика, высказывания и оценки которого «не только не сближаются со взглядами и оценками Дружинина, как об этом иногда писали, но прямо противоположны им».⁵

В обзорах журналистики и фельетонах Панаев вел неутомимую борьбу с враждебными «Современнику» журналами, в первую очередь с «Отечественными записками» и «Москвитяином». И хотя обзоры Панаева не отличались такой глубиной, содержательностью и остротой, как выступления Белинского, все же они отстаивали передовые эстетические принципы, реалистическое направление в литературе. Вместе с Некрасовым Панаев боролся на страницах «Современника» за гоголевское направление в литературе, за правдивую литературу, «которая изображает жизнь без прикрас, *сквозь видимый миру смех и невидимые слезы*» (1852, № 12, отд. 6, стр. 269). Он с глубоким уважением отзывался о Гоголе, Диккенсе, Теккерее, выдвигал на первый план современной русской литературы Некрасова, Тургенева, Островского, с сочувствием отнесся к «Рыбакам» Григоровича, к творчеству Писемского. С ожесточением преследовал Панаев литературу, которая «усиливается украшать и завивать» действительность. Он отмечал нереальность, вымышленность сюжетов и персонажей повестей Дружинина и различных второстепенных литераторов, излишний психологизм в некоторых пьесах Островского («Неожиданный случай»), авторский произвол в «Проселочных дорогах» Григоровича, резко отрицательно относился к приукрашенному изображению крестьянской жизни. И в обзорах журналистики, и в фельетонах Нового поэта Панаев вел постоянную войну против теории и практики «чистого искусства».

Постоянный фельетонист «Современника», Панаев решительно расходился с Дружининым в отношении к фельетону. В специальном:

⁵ См.: И. Г. Ямпольский. Литературная деятельность И. И. Панаева. — И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. XXI и XXXIV.

обзоре, посвященном разъяснению взглядов редакции «Современника» на фельетон (1852, № 10, отд. 6, стр. 242), Панаев заявил, что он, как и Иногородний подписчик, любит остроумную шутку, но ему «грустно и жалко видеть, когда вся литература превращается в фельетон, добровольно отказывается от собственного высокого призвания и значения, от высокой цели искусства; когда она служит только одним пустым развлечением, одною забавою праздного любопытства». В свете такого отношения редакции «Современника» к фельетону становится ясно, почему фельетоны Дружинина «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам» быстро исчезли со страниц журнала.

С № 1 1854 г. в «Современнике» начинают печататься рецензии и статьи Н. Г. Чернышевского. Появление Чернышевского в «Современнике» имело поистине историческое значение: в журнал пришел великий революционер, ученый, публицист и критик, достойный продолжатель Белинского, непоколебимый защитник интересов угнетенного народа, который скоро станет властителем дум передового русского общества и вождем революционных демократов 60-х годов.

Еще в студенческие годы Чернышевский, по его словам, стал убежденным «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев» и твердо решил отдать свою жизнь во имя «торжества свободы, равенства, братства и довольства» (т. 1, стр. 122). Революция в России, по убеждению Чернышевского, должна уничтожить абсолютизм и крепостное право и установить правление «самого низшего и многочисленного класса — земледельцы + поденщики + рабочие» (т. 1, стр. 355). К началу работы Чернышевского в «Современнике» сложились его материалистические взгляды в области философии и эстетики, ясные представления о задачах русской литературы и литературной критики.

Чернышевский сразу же стал одним из основных сотрудников «Современника». В 1854 г. он поместил в нем до двадцати рецензий, статью «Об искренности в критике» и два обзора «Иностранные известия». Чернышевский писал рецензии на книги по истории России (в том числе на «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева), языкознанию («О сродстве языка славянского с санскритским» А. Ф. Гильфердинга) и экономическим вопросам («О земле как элементе богатства» А. Н. Львова), но более всего — на произведения художественной литературы: произведения М. В. Авдеева, роман Евг. Тур «Три поры жизни», пьесу А. Н. Островского «Бедность не порок», сочинения А. Погорельского и др.

Уже первые выступления Чернышевского в «Современнике» обратили на себя внимание. Помещенный в № 2 журнала за 1854 г. строгий разбор произведений Авдеева, по свидетельству Е. Я. Колбасина, «произвел целую бурю в литературных кружках. Многие были задеты, другие заинтересованы, все расспрашивали, кто этот отважный критик, осмелившийся так резко разбранить Авдеева, известного в свое время литератора и постоянного сотрудника „Современника“». ⁶ Столь же отрицателен был отзыв Чернышевского о светском романе Евг. Тур «Три поры жизни», в котором «нет ни мысли, ни правдоподобия в характерах, ни вероятности в ходе событий; есть только страшная аффектация, натянутость и экзальтация» (1854, № 5, отд. 4, стр. 11).

⁶ Е. Колбасин. Тени старого «Современника». — «Современник», 1911, № 8, стр. 234.

С предельной ясностью Чернышевский высказал свои литературные и общественные убеждения в рецензии на пьесу Островского «Бедность не порок». В этой пьесе Островский отдал известную дань идеализации патриархального купеческого быта, за что и был провозглашен А. А. Григорьевым «глашатаем правды новой». Чернышевский в своей рецензии подверг резкой критике и «апофеоз старинного быта», и славянофильские идеи Григорьева, и слабые стороны пьесы Островского. «В правде сила таланта,— писал Чернышевский,— а ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабые даже и в чисто художественном отношении» (1854, № 5, отд. 4, стр. 24).

Статьи и рецензии Чернышевского отличались поразительной эрудицией, глубиной мысли, принципиальностью и, главное, последовательным и боевым демократическим направлением. Естественно, что они сразу вызвали нападки со стороны враждебной критики. В № 6 «Отечественных записок» за 1854 г. была помещена анонимная статья «Критические отзывы „Современника“ о произведениях г. Островского, г-жи Евгении Тур и г. Авдеева». В ней утверждалось, что критические оценки нового сотрудника «Современника» несправедливы, недопустимо резки и противоречат прежним мнениям журнала. Чернышевский ответил «Отечественным запискам» большой статьей «Об искренности в критике» (1854, № 7), в которой развил свои взгляды на задачи передовой литературной критики. Критика, доказывал Чернышевский, должна отличаться строгой принципиальностью и твердостью убеждений, стремиться к «ясности, определенности и прямоте»; она не должна бояться выступать против любых литературных авторитетов, если они предлагают читателям «дурные сочинения». По мнению Чернышевского, именно уклончивая, умеренная и беспринципная критика повинна в том, что в русской литературе опять появились риторические произведения в духе Марлинского и Полевого и новые «Марьяны роши», лакирующие действительность.

Первые же рецензии и статьи Чернышевского пришлись не по вкусу не только «Отечественным запискам», но и некоторым сотрудникам «Современника» — Дружинину, Боткину и др. Однако руководители журнала — Некрасов и Панаев — солидаризировались с выступлениями Чернышевского, увидев в нем достойного продолжателя Белинского.

После смерти Николая I и окончания Крымской войны в истории «Современника» наступает новый период. Начавшийся общественный подъем в стране, вытеснение дворян разночинцами в русском освободительном движении, обострение противоречий между революционной демократией и либералами — все это отразилось на направлении журнала. Заметно возрастает в «Современнике» роль Чернышевского, который становится не только активнейшим сотрудником и одним из руководителей журнала, но и идейным вдохновителем, определяющим его направление.

До прихода в «Современник» Н. А. Добролюбова Чернышевский ведал критикой и библиографией и выступал преимущественно со статьями и рецензиями на литературные темы. Одной из крупных работ Чернышевского тех лет были четыре статьи о «Сочинениях» Пушкина, издаваемых Анненковым (№ 2, 3, 7 и 8 за 1856 г.). Основываясь на анненковском издании, Чернышевский дает подробное описание жизни и деятельности Пушкина. Огромное историческое значение и художественные достоинства творений великого русского поэта уже определены, по мнению Чернышевского, «критикой, возникшей после смерти Пуш-

кина», т. е. Белинским. Поэтому он приводит многочисленные выписки из цикла статей Белинского о Пушкине в «Отечественных записках» 1843—1846 гг. Таким образом, Чернышевский не только оценил по достоинству творчество Пушкина, но и сделал первую попытку заговорить о Белинском, имя которого было запретным, напомнить о его наследи, воздать должное его заслугам.

Восстановлению заветов Белинского посвящена программная работа Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы», которые начали печататься с № 12 «Современника» за 1855 г. и печатались на протяжении всего 1856 г. (№ 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12). Они вышли в период активных нападков на «гоголевское направление» в литературе и «тенденциозное» искусство, на традиции Белинского и Герцена со стороны Дружинина, Григорьева, защитников «чистого искусства» и славянофилов и имели необычайно актуальное значение. «Очерки гоголевского периода» утверждали и развивали философские, общественно-политические и эстетические взгляды Белинского и Герцена. Этой цели служат и глубокая характеристика эволюции мировоззрения «критика „Отечественных записок“» (лишь с пятой статьи «Очерков» Чернышевский получил возможность назвать его фамилию), и описание споров кружка Н. В. Станкевича с «кружком Огарева и его друзей» (только в такой форме и можно было сказать о Герцене), и беспощадная критика славянофильства и «официальной народности». Попутно Чернышевский с позиций материализма рассматривает сильные и слабые стороны философии Гегеля и теорий утопического социализма. Считая критический реализм, «гоголевское направление» единственно жизненным, «сильным и плодотворным» в русской литературе того времени, Чернышевский решительно осудил идеалистическую теорию «искусства для искусства». Являясь по форме историческими очерками, статьи о гоголевском периоде русской литературы были насквозь современны и полемичны. Чернышевский резко напал в них на Дружинина, Боткина и других критиков, пытавшихся ревизовать идеи Белинского.

По своей литературной и общественно-политической тенденции к «Очеркам гоголевского периода» примыкали рецензии Чернышевского на стихотворения Н. П. Огарева (1856, № 9), на первые произведения Л. Н. Толстого (1856, № 12), на «Губернские очерки» Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова) (1857, № 6). Выбор для рецензирования стихотворений Огарева был неслучайным. Чернышевский несомненно знал, что Огарев несколько месяцев назад уехал к Герцену в Лондон. В этот момент было особенно важно высказать свое положительное отношение к руководителям Вольной русской типографии. Поэтому в рецензии критик говорит не столько о поэзии Огарева, сколько об историческом значении его жизни и деятельности, причем цитаты из стихотворений Огарева все время заставляют читателя вспоминать Герцена. Чернышевский писал, что если он и его поколение «могут теперь сделать шаг вперед, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников» (1856, № 9, отд. 4, стр. 8). Вместе с тем он подчеркивал, что новое поколение пойдет дальше «людей 40-х годов», что и в жизни, и в литературе должен появиться новый герой.

В отзыве о первых произведениях Л. Н. Толстого Чернышевский поразительно глубоко и тонко раскрыл отличительные особенности творчества писателя. Уже тогда он отметил гениальное умение Толстого раскрывать «диалектику души». Позднее в «Заметках о журналах»

(1857, № 1), касаясь рассказа «Утро помещика», Чернышевский подчеркнул замечательное знание Толстым быта и внутреннего мира крестьянства.

«Губернскими очерками» Щедрина, по словам Чернышевского, «гордится и долго будет гордиться наша литература» (1857, № 6, отд. 3, стр. 66). Главное достоинство их критик видит в том, что они не ограничиваются изображением и обличением взяточников, казнокрадов, самодурствующих бюрократов, но показывают, что все эти «герои» порождены «пагубными обстоятельствами». «Нужно изменить положение дел», внушает Чернышевский читателю, тогда не будет взяточничества, казнокрадства, произвола и беззакония.

В семи номерах «Современника» (1856, № 10, 11, 12 и 1857, № 1, 3, 4, 6) была напечатана большая работа Чернышевского о великом немецком просветителе Лессинге, который по характеру и духу своей деятельности был очень близок и дорог критику. Известно, что Энгельс называл Чернышевского и Добролюбова социалистическими Лессингами. Говоря о Лессинге, Чернышевский подчеркивал значение его борьбы за передовую науку и искусство, за сближение литературы с жизнью.

Каждое выступление по вопросам литературы Чернышевский использовал для беспощадной критики крепостнического строя и пропаганды революционных идей. Этим же целям служили и «Заметки о журналах», которые Чернышевский вел в «Современнике» в 1856—1857 гг. В них он давал обзоры «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Русской беседы», «Русского вестника» и других журналов, подвергал критике их направление, часто полемизируя с их выступлениями. Наиболее важной и острой является полемика Чернышевского с реакционными журналами по вопросу об общине. Еще в «Заметках о журналах» за апрель 1856 г. Чернышевский выступил против напечатанных в «Русском вестнике» статей известного либерала Б. Н. Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины». Через год он вновь вернулся к вопросу об общине. В № 4 и 5 «Современника» за 1857 г. он дал критическую оценку как славянофильских, так и буржуазно-либеральных взглядов на общину. Тем самым было положено начало полемике Чернышевского с редактором либерального журнала «Экономический указатель» И. В. Вернадским. Этой полемике Чернышевский посвятил статью об известном исследовании барона А. Гакстаузена о русской общине (1857, № 7) и две статьи «О поземельной собственности» (1857, № 9 и 11). К вопросу об общине Чернышевский обращался и позднее — в статьях «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» (1858, № 12) и «Суеврие и правила логики» (1858, № 10).

Чернышевский решал вопрос об общине как социалист-утопист (т. е. предполагал через общину перейти к социализму), но вместе с тем он всегда рассматривал его в связи с крестьянской революцией и уничтожением крепостнического строя. Отстаивая общинное землевладение и тем самым переход земли к крестьянству, Чернышевский выступал как защитник интересов широких крестьянских масс. Его основное утверждение было сформулировано в статье «О поземельной собственности»: «Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу» (1857, № 11, отд. 3, стр. 11):

Под воздействием нарастающего общественного подъема «Современник» все более и более становится журналом не только литературным, но и общественно-политическим. В 1857 г. редакция «Современника» (видимо, на основании устной договоренности с цензурным комитетом), начиная с № 9, заменила «Заметки о журналах» «Внутренним обозрением». Именно в это время Чернышевский передает литературную критику и библиографию в руки Добролюбова и начинает писать по преимуществу на экономические, философские и исторические темы.

Во «Внутреннем обозрении» № 9—12 «Современника» за 1857 г. Чернышевский писал о распространении грамотности в народе, о семейных отношениях в деревне и других вопросах, касающихся в той или иной мере положения русского крестьянства. Очень резко высказался он по поводу развернувшихся в журналистике того времени споров о телесных наказаниях крестьян: «И о таких вещах надобно еще спорить! Говорите же о прогрессе! Если эти споры прогресс, то прогресс, достойный монгольских степей, а не Европейской России; времен какого-нибудь Тимур Култука, а не XIX века!» (1857, № 11, отд. 5, стр. 141). Чернышевский явно издевательски относился к либеральным восторгам по поводу прогресса, на путь которого якобы вступила Россия в царствование Александра II. Никаких надежд на прогресс сверху, на правительственные «начинания» он не возлагал.

Получив возможность освещать на страницах «Современника» общественно-политические вопросы, Чернышевский в 1858 г. поместил целый ряд статей экономического и политического характера. В статье «О новых условиях сельского быта» (1858, № 2) он доказывал, что результатом крепостнической системы являются отсталость сельского хозяйства, промышленности, торговли, транспорта, слабое развитие городов, что «организация войска, администрация, судопроизводство, просвещение, финансовая система, чувство уважения к закону, народное трудолюбие и бережливость — все это сильнейшим образом страдает от крепостного права» и что «с уничтожением этого основного зла нашей жизни каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы» (1858, № 2, отд. 1, стр. 398). Со всею страстью революционера-демократа Чернышевский разоблачал в статье ученых-крепостников, вроде Л. В. Тенгоборского, пытавшихся оправдывать и защищать крепостное право.

Этой статьей редакция «Современника» начала обсуждение вопроса о крепостном праве. В № 4 журнала за 1858 г. она извещала читателей, что «будет постоянно помещать статьи, посвященные вопросу об уничтожении крепостного права под общим заглавием „Отменение крепостного права“», и просила «знающих дело людей, ученых и практиков» не оставить журнал своим содействием (там же, стр. 192). Руководители «Современника» имели смелое намерение добиться открытого общественного обсуждения крестьянского вопроса с тем, чтобы поднять политическую сознательность масс; обнажить крепостнический характер правительственных реформ, разоблачить либералов. В том же номере «Современника» была опубликована ходившая по рукам «Записка об освобождении крестьян в России» либерала К. Д. Кавелина, в которой содержалась критика крепостного права, предлагалось освободить крестьян с землей и всем принадлежавшим им имуществом, но за выкуп. Редакция «Современника» в специальных предисловии и послесловии к «Записке», написанных Чернышевским, в общем поддерживая предложения Кавелина, оговорила и свое несогласие с ними.

Но даже публикация «Записки» Кавелина вызвала переполох

в правительственных сферах и «неудовольствие» Александра II. Цензор, пропустивший статью, получил выговор. Кавелин был отстранен от преподавания государственного права наследнику. Официального редактора «Современника» Панаева вызвали к шефу жандармов, где ему была прочитана соответствующая нотация. Затем последовало высочайшее повеление, в котором предписывалось «не допускать к напечатанию сочинений и журнальных статей, в которых... будет излагаться мнение о принадлежащем будто бы им [крестьянам] праве собственности на землю владельцев, которою они пользуются».⁷ Таким образом, Чернышевский добился, что правительство само разоблачило свою крепостническую сущность.

Поскольку открытое обсуждение крестьянского вопроса под воздействием цензурных репрессий было крайне затруднено (даже заглавие отдела «Отменение крепостного права» пришлось заменить более нейтральным — «Устройство быта помещичьих крестьян»), Чернышевский предложил другой путь пропаганды революционных идей: он выступил с рядом статей по вопросам европейской истории (такие статьи легче проходили сквозь рогатки цензуры), в которых давал ответ на наиболее острые проблемы русской жизни. Еще в январской и мартовской книжках «Современника» Чернышевский поместил две статьи о военном диктаторе Франции Л.-Э. Кавеньяке, где подверг критике «умеренных республиканцев» за то, что во время и после июньского восстания 1848 г. они пренебрегли «выгодами масс», действовали нерешительно, трусливо, половинчато. Характеристика умеренных республиканцев без особого труда могла быть отнесена читателем и к русским либералам.

В статье «Борьба партии во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858, № 8 и 9) Чернышевский углубил критику либералов, показав, что у либералов и демократов «существенно различны коренные желания, основные побуждения». В то же время он утверждал в статье, что потеря престола Карлом X явилась следствием пренебрежения интересами народа. У читателя неизбежно возникала мысль, что та же участь ждет и правительство Александра II. В статье «Тюрго» (1858, № 9) Чернышевский еще более резко критиковал формально-юридическое понимание прав и свобод личности, разоблачая не только Тюрго и его реформы, но и русских «освободителей», намеревавшихся дать крестьянам личную свободу, но без земли. Вместе с тем он высмеивал в статье либеральные славословия Александру II и надежды на его реформы, подводя читателя к выводу, что единственным средством коренного преобразования жизни является революция.

Как только цензурные условия стали более сносными, Чернышевский вновь вернулся к непосредственному обсуждению русских дел. В последней книжке «Современника» за 1858 г. он поместил статью «Критика философских предубеждений против общинного землевладения». Это одно из важнейших выступлений Чернышевского и «Современника» по крестьянскому вопросу. Оно беспощадно разоблачает характер будущей крестьянской реформы, предельно остро ставит вопрос о необходимости революции в России и является одним из знамений приближающейся революционной ситуации.

В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», цитируя отрывок из этой статьи критика,

⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862, стр. 427.

отмечает «глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, — пишет Ленин, — что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати».⁸ И далее Ленин дает общую характеристику Чернышевского, которая позволяет понять и по достоинству оценить не только статью «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», но и другие его выступления на страницах «Современника»: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести „мёрзость“, жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получил крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов».⁹

Приход Чернышевского в «Современник» сказался на всем облике журнала. Его содержание становится более цельным, а революционно-демократическая направленность более последовательной и резкой. Усиливается и обостряется борьба «Современника» с враждебными журналами, с реакционными направлениями общественной мысли и литературы. Обновляется состав постоянных сотрудников журнала. Уже в 1855 г. сократилось, а в следующем году и совсем сошло на нет сотрудничество в «Современнике» Дружинина. Он перешел в «Библиотеку для чтения».

Усиление деятельности Чернышевского и вытеснение Дружинина натолкнулись на сопротивление со стороны некоторых старых сотрудников «Современника», которым были чужды литературно-эстетические идеи Чернышевского и еще более — его политические стремления и цели. Летом 1855 г. Дружинин, Боткин, Григорович составили нечто вроде заговора, рассчитывая изменить положение дел в «Современнике», помешать росту влияния Чернышевского, вернуть в журнал Дружинина. В мае все трое гостили в имении Тургенева Спасское-Лутовиново. Они старались убедить Тургенева в злобности Чернышевского и в известной мере преуспели в этом. Под их влиянием Тургенев в начале июля 1855 г. выступил против только что вышедшей в свет диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и был готов поддержать любые действия, направленные против ее автора. Но, естественно, решение вопроса об удалении Чернышевского из «Современника» или ограничении его деятельности в журнале, как и о возвращении в «Современник» Дружинина, зависело от Некрасова. Под нажимом Боткина и Дружинина (за ними стояли также Григорович и Тургенев) Некрасов решил вернуть Дружинина в «Современник», но при условии, что тот изменит отношение к гоголевскому направлению в русской литературе, столь ясно высказанное им в статьях «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений», напечатанных в «Библиотеке для чтения» (1855, № 3, 4). Так как Дружинин отказался изменить свои позиции, Некрасов не стал настаивать на его возвращении в «Современник».

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 290.

⁹ Там же, стр. 292.

В апреле 1856 г. Боткин предпринял еще одну попытку вытеснить Чернышевского из журнала, предложив Некрасову заменить его Григорьевым. Однако к этому времени Чернышевский настолько завоевал уважение Некрасова, его идеи были настолько близки поэту, что о замене не могло быть и речи.

В годы, предшествовавшие новому подъему общественного движения в России, редакция «Современника» не только отказалась от сотрудничества литераторов иных идейных и эстетических взглядов, но и вступила в активную борьбу за гоголевское направление в литературе. С осени 1855 г. Некрасов стал вести «Заметки о журналах». В этих обзорах он предстал перед читателями как талантливый критик, сумевший правильно оценить многие явления тогдашней литературы, организовать последовательную борьбу против теории «искусства для искусства», за торжество гоголевского направления в литературе, за реалистическое, идейное и народное искусство.

Некрасов, автор «Заметок о журналах», касается острых и важных проблем литературы — о наследии Пушкина и Гоголя, о творчестве Толстого, Тургенева, Островского. Он защищает Пушкина от нападок К. А. Полевого, пытавшегося в «Северной пчеле» в связи с выходом анненковского издания опорочить не только произведения великого поэта, но и его личность. Некрасов с негодованием отвергает клеветнические намеки Полевого на «изменчивость» и «гибкую философию» поэта и призывает молодое поколение учиться у Пушкина. В отличие от Дружинина, видевшего в Пушкине только поэта формы, Некрасов воспринимает творчество Пушкина как пример любви и «рвения» к искусству, правде, родине. Как известно, даже Чернышевский и Добролюбов (не говоря уже о более поздних выступлениях Писарева) не видели всей лживости измышлений реакционной критики о Пушкине и не смогли до конца разоблачить их. Отношение Некрасова к наследию Пушкина было в те годы наиболее правильным и глубоким.

Высказывания Некрасова в «Заметках о журналах» о Гоголе и его творчестве были тоже диаметрально противоположны дружининским. Когда Писемский в статье о втором томе «Мертвых душ» заявил (отчасти в духе Дружинина), что Гоголю как сатирику и даже «пасквилисту» якобы совсем чужд лиризм, Некрасов выступил с горячим опровержением этой мысли. Как в Пушкине Некрасов справедливо отказывался видеть поэта антиобщественного и противоположного Гоголю, так и в Гоголе он не признал сатирика, чурающегося поэзии, антагониста Пушкина. Дружининское противопоставление Пушкина Гоголю и пушкинского направления гоголевскому Некрасов решительно отверг. С его точки зрения, Пушкин и Гоголь, при всех их различиях, являются представителями одного направления русской литературы — народного, реалистического.

В преданности коренным принципам этого направления Некрасов видел силу лучших современных ему писателей — продолжателей традиций Пушкина и Гоголя. С высокой похвалой писал он о Тургеневе как создателе галереи народных характеров в «Записках охотника» и типа «людей, стоявших еще недавно во главе умственного и жизненного движения», в повести «Рудин». В творчестве Толстого Некрасов пленили «глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда» и реалистическое изображение простого русского солдата. Островский для Некрасова — «бесспорно первый драматический писатель», в пьесах которого выведены «живые и мастерски очерченные лица» и дан «русский склад и в жизни, и в ре-

чи»: Вместе с тем Некрасов критиковал пьесу «Не так живи, как хочется», в которой Островский отдал известную дань ложным славянофильским идеям. Заметки Некрасова о Тургеневе, Толстом, Островском и других писателях-современниках также способствовали утверждению реализма и подлинной народности в русской литературе, противодействовали попыткам реакционной критики (Дружинина в первую очередь) увести литературу с пути критического реализма в болото «чистого искусства» и примирения с крепостнической действительностью.¹⁰

Забота о развитии литературы, подрывающей основы крепостничества и способствующей освобождению народа, лежала в основе всех отношений руководителей «Современника» с писателями, которые сотрудничали в журнале или которых они считали нужным привлечь к участию в нем. «Обязательное соглашение» Некрасова с Толстым, Тургеневым, Островским, Григоровичем об исключительном сотрудничестве в «Современнике» тоже следует рассматривать в свете борьбы редакции «Современника» за объединение лучших русских писателей вокруг журнала, отстаивающего передовое идейно-политическое и литературное направление.

Между тем в освещении вопроса об «обязательном соглашении» в нашей научной и популярной литературе не изжит еще несколько упрощенный подход. Суть общепринятой «концепции» сводится к следующему. Либеральные позиции и маневры Александра II ввели в заблуждение даже демократов, в том числе Чернышевского и Некрасова. У них возникают «либеральные иллюзии», они считают целесообразным вступить в союз с либералами. Свообразным отражением этого стремления демократов к союзу с либералами и явилось «обязательное соглашение». Когда же назревание революционной ситуации в стране и «самоопределение борющихся общественных сил» заставили демократов отказаться от либеральных иллюзий и расчетов на союз с либералами, «обязательное соглашение» было ликвидировано.¹¹

«Теория» довольно стройная, но, с нашей точки зрения, неубедительная. Совсем или почти совсем упускается из виду главное — соглашение касается художественной литературы и крупнейших писателей, которые создали выдающиеся произведения, по праву считающиеся народными. Если не принять во внимание, что Тургенев, склонявшийся к либерализму, в те же годы был автором «Записок охотника», «Муму», «Рудина», что Толстой, защищавший мирное решение вопроса о крепостном праве, написал «Детство», «Отрочество», «Севастопольские рассказы», что Островский, тяготевший к славянофильству, явился

¹⁰ Совершенно очевидно, что Некрасов в «Заметках о журналах» выступает как единомышленник Чернышевского. Высказанное в свое время одним из исследователей мнение, что у Некрасова по вопросу об эстетических мериллах не возникало противоречий с Дружининым, Боткиным, Анненковым, что «Некрасов-критик не мог осмыслить дело Некрасова-поэта» и т. п., неосновательно (см.: А. Лаврецкий. Литературно-эстетические взгляды Некрасова. — «Литературное наследство», т. 49-50, 1949). Некрасов не был столь последовательным и непримиримым в борьбе с идеалистической эстетикой и критикой, не обладал такой теоретической подготовкой, как Чернышевский, но и по убеждениям, и по вкусам он был критиком одного лагеря с Белинским, Чернышевским, Добролюбовым.

¹¹ См. статьи: В. Евгеньев-Максимов. Неудавшаяся коалиция. — «Литературное наследство», т. 25-26, 1936; С. Макашин. Ликвидация «обязательного соглашения». — «Литературное наследство», т. 53-54, 1949, а также стенограмму лекции Б. П. Козьмина «Журналистика шестидесятых годов XIX века» (М., 1948) и монографию В. Е. Евгеньева-Максимова «„Современник“ при Чернышевском и Добролюбове» (Л., 1936).

одним из создателей русской реалистической драматургии, что «легкомысленный» и умеренный Григорович заслужил любовь демократического читателя «Антоном-Горемыкой» и «Деревней», то правильная оценка «обязательного соглашения» будет невозможна. Совершенно очевидно, что «обязательное соглашение» является одной из попыток Некрасова и Чернышевского привлечь лучших русских писателей к более активному участию в освободительной борьбе, объединить их на позициях реалистического, народного искусства, оторвать от либеральных журналов, помочь им преодолеть чуждые влияния. В условиях общественного подъема такая попытка была закономерной, тем более, что с появлением «Русского вестника» и «Русской беседы» число журналов, выступающих против реализма, идейности, народности искусства, увеличилось. Толстой же, Тургенев, Островский, Григорович, не разделявшие политических взглядов Чернышевского и Некрасова, пошли на договор с редакцией «Современника» каждый по различным внутренним побуждениям: в силу старых связей с «Современником» или преданности традициям Белинского и принципам реалистического искусства, вследствие идейных противоречий и колебаний или в расчете приобрести большее влияние в журнале с тем, чтобы направить его по желательному для себя пути, отличному от того, по которому вели его Чернышевский и Некрасов.

Суть соглашения¹² заключалась в том, что Григорович, Тургенев, Толстой, Островский обязывались помещать свои произведения только в «Современнике», а за это приобретали право участвовать во всех делах журнала и получать, кроме положенного гонорара, определенную долю тех доходов, которые оставались после покрытия расходов по изданию. В «Современнике» создавалась как бы «редколлегия», в которую на одинаковых условиях и правах входили два редактора — Некрасов и Панаев — и четыре «участника».

В августе 1856 г. Некрасов уехал за границу и пробыл там более десяти месяцев. Уезжая, он передал свои редакторские права Чернышевскому. Это был самый сильный и убедительный ответ Боткину, Дружинину и всем, кто надеялся на вытеснение Чернышевского из «Современника». Еще задолго до отъезда Некрасов намеревался составить текст объявления об издании «Современника» на 1857 г. с разъяснением значения для журнала «обязательного соглашения». Однако ни написать текст объявления, ни обсудить его с Тургеневым Некрасову не удалось. Судя по всему, он успел перед отъездом лишь набросать начало объявления и поручил закончить его Чернышевскому, что последним и было сделано. Черновая рукопись «Объявления», опубликованная Н. М. Чернышевской («Литературное наследство», т. 49—50, 1949), — свидетельство совместной работы Некрасова и Чернышевского — показывает, что великий критик принимал деятельное участие в оформлении и осуществлении «обязательного соглашения».

¹² Представляется возможность несколько уточнить время заключения «обязательного соглашения». Обычно считалось, что впервые о соглашении упоминают в письме Боткина к Некрасову от 19 апреля 1856 г., и заключение соглашения относили к марту — началу апреля этого года. Но, по-видимому, соглашение было заключено раньше. В неопубликованном дневнике Дружинина от 14 февраля 1856 г. есть такая запись: «Генеральный обед у Некрасова. Пиши здоровье Островского. Потом Толстой и Григорович передали мне какой-то странный план о составлении журнальной компании, исключительного сотрудничества в „Современнике“, с контрактами, дивидендами and what not (и т. д.). В субботу обо всем этом будет поговорено серьезнее, но я не вполне одобряю весь замысел». Таким образом, заключение соглашения можно с полным основанием отнести еще к февралю 1856 г.

Объявление об издании «Современника» в 1857 г. информировало читателей об исключительном сотрудничестве в журнале Тургенева, Толстого, Григоровича и Островского, разъясняло выгоды этого сотрудничества для писателей и читателей, всемерно подчеркивало значение «обязательного соглашения» для журнала. При этом указывалось, что направление журнала и состав редакции «Современника» остаются неизменными. Как только объявление об исключительном сотрудничестве появилось в печати, оно сразу же подверглось жестоким нападкам со стороны враждебных «Современнику» изданий. «Отечественные записки» утверждали, что обязательное соглашение «несовместимо с понятием о литературе» и означает посягательство на убеждения литераторов. Катков на страницах «Московских ведомостей» упрекал Тургенева в невыполнении обязательств перед «Русским вестником»; газета «С.-Петербургские ведомости» изошрялась в остроумии насчет «коалиции». Все эти выступления показывают, что «обязательное соглашение», спланированное лучшими русскими писателями вокруг «Современника», пришлось не по вкусу либералам, подвизающимся в журналистике, и соответствовало интересам передовой русской литературы.

Больше всех возмущался «обязательным соглашением» Дружинин. Он лучше других сознавал его смысл и те опасности, которые таятся в нем для «чистого искусства». У него же возник и довольно продуманный план «переворота» в «Современнике» с помощью новых «участников», опираясь на предоставленные им права. Этот план предполагал «свержение» не только Чернышевского, но и Некрасова с Панаевым. Так, в письме к Тургеневу от 26 января 1857 г. Дружинин, давая Некрасову как редактору чрезвычайно нелестную и несправедливую характеристику, уверял, что выход у «Современника» только один: «чтобы Вы, Толстой и Боткин стали господами в журнале, отодвинувши как можно подальше всю его редакцию».¹³ И далее Дружинин показывает, какой большой ущерб нанесло «обязательное соглашение» кругу литераторов, еще недавно тесно сплоченных (как ему казалось) на основе идей и интересов, близких его уму и сердцу. Сожаление Дружинина о том, что «силы раздроблены», станет особенно понятно, если учесть, что он в это время был не просто «вольным» литератором, но и редактором журнала «Библиотека для чтения».

Итак, осенью 1856 г. «Современник» оказался в центре острой общественной и литературной борьбы, отражавшей нарастание классовых противоречий в стране. Передача Некрасовым редакторских прав Чернышевскому, публикация «Очерков гоголевского периода русской литературы», объявление об «обязательном соглашении», переход «Библиотеки для чтения» в руки Дружинина и появление в ней его программной статьи «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», направленной против Белинского, обострили литературные споры до крайней степени. С переходом «Библиотеки для чтения» к Дружинину образовался новый литературно-политический центр с продуманной и отчетливо выраженной программой.

Однако на первых порах «Современник» довольно благожелательно встретил известие о назначении Дружинина. Вероятно, редакция не желала в тот момент выступать против Дружинина, который в течение ряда лет был сотрудником «Современника» и с которым поддерживались приятельские отношения. Однако долго продолжаться это не могло:

¹³ Письма А. В. Дружинина к И. С. Тургеневу. — Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, стр. 206.

слишком глубоки и принципиальны были разногласия и противоречия между ними. Уже в девятой — последней — статье «Очерков гоголевского периода» (1856, № 12) Чернышевский подверг уничтожающей критике «аристократическую» теорию «чистого искусства», которую Дружинин противопоставлял эстетике Белинского. Другой удар по дружининским теориям Чернышевский нанес в споре с ним по поводу «Очерков из крестьянского быта» А. Ф. Писемского. Дружинин в статье об «Очерках» Писемского в «Библиотеке для чтения» (1857, № 1) утверждал, что значение Писемского, а также Островского и Толстого в развитии русской литературы заключается в том, что они «стали в разлад» с критикой Белинского и гоголевским направлением в литературе. Белинский изображался Дружининым как злой гений русской литературы, чья критика налагала «стеснительные узы» на литературу, сбивала писателей на ложный путь и т. п. Чернышевский, рецензируя «Очерки» Писемского в «Современнике» (1857, № 4), убедительно разъяснил, что Дружинин извратил взгляды Белинского на искусство и совершенно неправильно охарактеризовал творчество Писемского.

В октябре 1856 г. выходят в свет «Стихотворения» Некрасова, отдельное издание «Детства» и «Отрочества» и «Военных рассказов» Л. Н. Толстого (в двух книгах), «Повести и рассказы» Тургенева (в трех томах). Если появление сборника стихотворений Некрасова, имевшего потрясающий успех, нашло отклик главным образом в переписке современников (в журналах писать о нем было запрещено),¹⁴ то выход книг Тургенева и Толстого вызвал многочисленные отзывы критики. В первых двух номерах «Отечественных записок» за 1857 г. с пространной статьей по поводу «Повестей и рассказов» Тургенева выступил С. С. Дудышкин. Он открыто возмущался отзывами Белинского о Тургеневе, не скрывал своего недовольства «Записками охотника». Главный же смысл статьи Дудышкина заключался в нападении на «идеалы» — мировоззрение Тургенева и образ «лишнего человека» как положительного героя. С точки зрения Дудышкина, идеалы Тургенева не являют «гармонии с обстановкой», они основаны на пренебрежении к трезвой практической деятельности и олицетворяют идеалы «лишних людей», оторванных от русской почвы. В неблагоприятных выпадах Дудышкина против «идеалистов», пренебрегающих «полезной деятельностью» в России, нельзя не увидеть намека на Герцена, Огарева и других политических эмигрантов.

Большую статью о «Повестях и рассказах» Тургенева опубликовал в «Библиотеке для чтения» Дружинин (№ 2—4). Все отрицательное у Тургенева критик связывает с влиянием Белинского и гоголевского направления в литературе, все положительное — с идеями «свободного творчества» и «чистого искусства». Дружинин, как и Дудышкин, холодно относится к «Запискам охотника» и повестям «Муму» и «Постоялый двор», явно предпочитает им такие произведения, как «Два приятеля» или «Фауст», интерпретированные им в духе «чистой поэзии».

В «Современнике» с ответом Дудышкину (а по существу и Дружинину) выступил Чернышевский (1857, № 2, «Заметки о журналах»). Он взял под защиту взгляды Белинского, подверг критике неисторический подход к «лишним людям» и, показав различия между Рудиным и его предшественниками — Онегиным, Печориным и Бельтовым, отметил,

¹⁴ О нескольких успешных появлениях в печати отзывах см. в сообщении: А. А. Ижидина. Забытые отзывы о Некрасове в печати 40-х и 50-х годов. — «Литературное наследство», т. 53-54, 1949, стр. 91—96.

что Рудин и ему подобные герои вовсе не являются «идеалами» Тургенева и не выражают его «понятий». Главное же внимание Чернышевский сосредоточил на критике «любопытной эстетической системы», которая порицает «лишних людей» и утверждает, что «идеал необходимо должен представляться примиренным с действительностью». Не ограничиваясь выступлением в «Современнике», Чернышевский вел борьбу за Тургенева против либерально-эстетствующей критики и в своих письмах к нему. Всеми силами он старался оградить Тургенева от реакционных влияний и приблизить его к революционной демократии.

Столь же острая борьба развернулась вокруг творчества Толстого. Совершенно игнорируя могучий реализм Толстого и его связь с лучшими традициями русской литературы, горячий протест писателя против социальной несправедливости, его любовь к народу и моральные искания, Дружинин в статьях о Толстом («Библиотека для чтения», 1856, № 9 и 12) фальсифицировал творчество писателя, видя в нем воплощение теории «искусства для искусства». Толстой, по мнению Дружинина, якобы стоит на почве «примирения с жизнью», «симпатического взгляда на людей и дела людские» и относится к своим героям «без гнева и пристрастия», с «артистическим бесстрастием».

Чернышевский хорошо знал, что попытки Дружинина повлиять на Толстого имели некоторый успех. Известны были сильные колебания Толстого, его увлечение дружининскими «теориями», недовольство «обязательным соглашением». Всему этому необходимо было противодействовать. 5 ноября 1856 г. Чернышевский писал Некрасову: «На днях приедет Толстой и привезет „Юность“ для 1-го № „Современника“. Я побываю у него, — не знаю, успею ли получить над ним некоторую власть — а это было бы хорошо и для него и для „Современника“» (т. 14, стр. 328). Одновременно Чернышевский подготовил статью о «Детстве», «Отрочестве» и «Военных рассказах» Толстого, появившуюся в № 12 «Современника» за 1856 г. Желание, чтобы она понравилась Толстому, не помешало Чернышевскому дать в ней вполне объективную характеристику творчества писателя, глубоко раскрыть его особенности. В противоположность Дружинину, противопоставлявшему Толстого реалистическим и демократическим традициям русской литературы, Чернышевский настойчиво подчеркивал связь молодого писателя с передовой русской литературой. И «чистота нравственного чувства», и внимание к «диалектике души», и реализм в изображении действительности, и глубокий интерес к жизни простого народа — все главные черты творчества Толстого свидетельствуют о его близости к тому направлению русской литературы, которое было горячо поддержано Белинским.

Беседы и статьи Чернышевского (в № 1 «Современника» за 1857 г. была помещена, кроме того, статья о повести «Утро помещика»), по видимому, оказали известное влияние на Толстого. Отношения между ним и Чернышевским улучшились. 18 декабря 1856 г. после встречи с Чернышевским на квартире Панаева Толстой записал в дневнике: «Там Чернышевский, мил». Через три недели, 11 января, Чернышевский нанес визит Толстому, после чего Толстой снова записал в дневнике: «Пришел Чернышевский, умен и горяч».¹⁵ В то же время Толстой, вероятно, охладел к Дружинину и его идеям. Во всяком случае Е. Я. Колбасин, посетивший Толстого, был очень удивлен увиденным и услышанным: «Перед ним [Толстым] лежат статьи Белинского о Пушкине. По по-

¹⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 47. М., Гослитиздат, 1937, стр. 165, 100.

воду этого завязался между нами разговор и, боже! какая славная перемена. Самолюбивый и упрямый оригинал растаял, говоря о Белинском... Поклонник Дружинина сознался, что ему тяжело оставаться с Дружининым с глазу на глаз...» (письмо к Тургеневу от 15 января 1857 г.).¹⁶ У Чернышевского также появляется надежда, что Толстой, преодолев вредные влияния и заблуждения, начнет «образовываться и вразумляться».

Борьба редакции «Современника» за идейность и народность творчества крупнейших современных писателей имела, разумеется, огромное значение для развития русской литературы и в той или иной мере оказала влияние на Тургенева, Толстого, Островского и других литераторов. Но что касается «обязательного соглашения», то, несмотря на вступление его в действие в 1857 г., «исключительные сотрудники» крайне редко украшали своими произведениями страницы «Современника». В пяти книжках журнала из двенадцати за 1857 г. совершенно не было их произведений. Даже в предыдущие годы Тургенев и Толстой более активно участвовали в «Современнике».

Пассивность участников «обязательного соглашения» поставила редакцию «Современника» в довольно затруднительное положение. Обещания, данные читателям, оказывались невыполненными. 30 июля 1857 г. Некрасов и Панаев, не довольствуясь уговорами и требованиями, сделали еще одну, последнюю попытку повлиять на «исключительных сотрудников»: они разослали им официальное обращение редакции ультимативного характера, в котором весьма категорически требовали новых произведений для поддержания «достоинства журнала» и «собственной доброй славы». Однако и эта мера не дала результатов. Только Толстой прислал рассказ «Люцерн», остальные не прислали ничего. В феврале 1858 г. «обязательное соглашение» было расторгнуто.

В сущности расторжение соглашения было одним из своеобразных проявлений размежевания общественных сил в стране накануне революционной ситуации. В условиях обострения классовой борьбы участники соглашения и стоявшие за их спиной либералы типа Дружинина и Боткина не могли примириться с общественно-политической линией «Современника», которая под влиянием Чернышевского становилась все более смелой, последовательной и непримиримой к либерализму, а редакция журнала не желала идти ни на какие компромиссы.

Несомненно, соображения материального характера играли при расторжении соглашения тоже существенную роль. Из-за «неаккуратности» «исключительных сотрудников» коалиция становилась явно невыгодной для редакции «Современника». Но, конечно, кроме этих мотивов, были и другие. Некрасову для идейного руководства журналом были необходимы «свобода действий» и «развязанные руки». Обстановка в стране накалялась. И по своему направлению, и по содержанию «Современник» должен был отвечать растущим запросам демократических читателей. Возросла роль Чернышевского в «Современнике», в журнал пришел Добролюбов, появились другие новые сотрудники такого же образа мыслей. В этих условиях вмешательство «исключительных сотрудников» в вопросы руководства журналом (а на основании «обязательного соглашения» они имели на это право) становилось крайне нежелательным и даже опасным. Планы замены Чернышевского Дружининым или Григорьевым, советы Дружинина Толстому и Тур-

¹⁶ Тургенев и круг «Современника», стр. 315. — Об отношении Толстого к Белинскому в эту пору см. также статью: Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой за чтением Белинского. — «Молодая гвардия», 1956, № 2, стр. 232—234.

геву статью вместе с Боткиным «господами в журнале, отодвинувши как можно подальше всю его редакцию», были небезызвестны руководством «Современника».

Ликвидируя «обязательное соглашение», Некрасов и Чернышевский вовсе не отказывались от борьбы за объединение лучших русских писателей на основе передовой политической и эстетической программы, не закрывали для них дорогу в «Современник». Наоборот, им устанавливался повышенный полустыльный гонорар (150 руб. серебром за лист), и Некрасов даже надеялся, что они станут работать более энергично.¹⁷

Вместе с тем к этому времени у редакции «Современника» сложилось убеждение, что «исключительное сотрудничество» не имеет решающего значения для успеха журнала. Прежде всего потому, что в условиях быстрого общественного подъема читательские интересы изменились, и популярность журнала зависела теперь не столько от романов, повестей или стихов, сколько от критики и публицистики, смело затрагивающей актуальные вопросы общественной жизни.

Что касается художественной литературы, то читатели проявляли все больший интерес к произведениям с острым социально-политическим содержанием, с резкой критикой действительности, с ярко и определенно выраженными демократическими и радикальными тенденциями. Неудивительно, что редакция журнала привлекла к сотрудничеству М. Е. Салтыкова-Щедрина (в №10 «Современника» за 1857 г. появилась его «картина провинциальных нравов» — «Жених»), напечатала в 1856—1857 гг. несколько критических очерков и рассказов вроде «Провинциальных воспоминаний» И. В. Селиванова или «Доноса» Н. А. Добролюбова¹⁸ и усердно искала новых авторов, таких, как Н. В. Успенский, пять рассказов которого из крестьянского быта были опубликованы в журнале в 1858 г.

В соответствующем духе подбиралась и переводная художественная литература: в 1856 г. в «Современнике» были напечатаны несколько стихотворений Р. Бёрнса в переводе М. Л. Михайлова, в 1857 г. — десять стихотворений П. Беранже в переводе Д. Ленского (Д. Т. Воробьева), в 1858 г. — шесть стихотворений Г. Гейне в переводе Михайлова. В качестве бесплатной премии с первой книжкой «Современника» за 1858 г. подписчикам журнала рассылался переведенный на русский язык знаменитый роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», в котором с необычайной силой разоблачалось рабовладение.

Ликвидация «исключительного сотрудничества» нашла отклик в литературных кругах и вызвала к жизни всевозможные журнальные планы и проекты. Толстой намеревался создать чисто эстетический журнал; Григорьев — возобновить «Москвитянин»; Дружинин снова начал убеждать Толстого, Боткина и других литераторов объединиться, с тем чтобы издавать с 1859 г. новый журнал или взять в аренду «Библиотеку для чтения». Однако проекты Дружинина, Григорьева, Толстого не были реализованы. Им не удалось объединить «всю изящную литературу» под знаменем «чистого искусства» и оказать успешное противодействие «Современнику», который с каждым годом приобретал все большее влияние в русском обществе.

¹⁷ В 1858 г. в «Современнике» были напечатаны: повести Толстого «Альберт» и Тургенева «Ася», пьеса Островского «Не сошлись характерами». Повесть «Альберт» была последним произведением Толстого, опубликованным в журнале Некрасова.

¹⁸ В 1858 г. в «Современнике» были напечатаны шесть стихотворений Добролюбова и один рассказ — «Делец».

Столь же значительным событием в истории журнала, как и появление в нем Чернышевского, был приход Добролюбова в 1856 г.

Добролюбов начал выступать в «Современнике», будучи двадцатилетним студентом. Но, как и Чернышевский, он пришел в журнал с уже определившимися взглядами. Его стихотворения 1854—1855 гг., выступления в подпольной студенческой газете «Слухи», дневник, письма к друзьям не оставляют сомнений в том, что Добролюбов еще на студенческой скамье стал непримиримым врагом самодержавия, крепостничества и официальной идеологии, защитником интересов народа, революционером и социалистом. Не возлагая никаких надежд на Александра II и правительственные реформы, Добролюбов был убежден, что народ сам должен «сломать все жилое здание нынешней администрации».

Уже первая напечатанная в «Современнике» статья Добролюбова «Собеседник любителей русского слова» (1856, № 8 и 9)¹⁹ обратила на себя внимание читателей и вызвала резкие нападки реакционной и либеральной критики — прежде всего из-за страстного обличения эмпирического, узкобиблиографического направления в истории литературы и критике, получившего в те годы довольно широкое распространение. Некоторые либеральные журналы, в особенности «Отечественные записки», именно фактографические «разыскания» и «исследования» противопоставляли тогда якобы «отвлеченной» и неосновательной критике Белинского. Поэтому Добролюбов взял под защиту великие традиции Белинского. «Уважаю я труд библиографа. . . — писал он, — но позвольте же мне более уважать критика, который дает нам верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения, который произносит новое слово в науке или искусстве, который распространяет в обществе светлый взгляд, истинные, благородные убеждения. . . И долго будет в обществе отзываться звучный ясный голос этого критика, долго будет чувствовать народ благотворное влияние его убеждений, его горячей, смелой, задушевной проповеди» (1856, № 8, отд. 2, стр. 35).

Еще более встревожила либеральную критику отрицательная характеристика Добролюбовым литературно-общественной деятельности Екатерины II. Искусно обходя цензурные препятствия, он шаг за шагом разоблачал лицемерие императрицы, заигрывавшей с французскими вольнодумцами и в то же время любыми способами защищавшей крепостничество и монархический образ правления. Осторожно, но чрезвычайно убедительно Добролюбов показал никчемный характер литературных упражнений и самой Екатерины II, и пригретых ею «сатириков». В период широковещательных речей и обещаний Александра II разоблачение либерального лицемерия Екатерины II имело весьма злободневный политический смысл. Очень актуальной в годы борьбы «Современника» против мелкого обличительства за гоголевское направление в литературе была и критика Добролюбовым «улыбательной сатиры», насаждавшейся Екатериной II.

После окончания Педагогического института Добролюбов начал постоянно писать для «Современника», и с сентября 1857 г. Чернышевский передал в его полное ведение отдел критики и библиографии. С начала 1858 г. Добролюбов, согласно заключенному с ним условию, читает вторую корректуру каждого номера журнала, а приблизительно

¹⁹ Подробнее об этом см. в статье: А. В. Запатов. Журнал «Собеседник любителей русского слова» в оценке Н. А. Добролюбова. — Вопросы журналистики. Сб. статей. Изд. МГУ, 1959, стр. 375—398.

с середины года становится вместе с Чернышевским, Некрасовым и Панаевым членом редакции «Современника». В качестве ведущего критика Добролюбов в течение 1857—1858 гг. выступил в журнале с такими замечательными статьями и рецензиями, как «Сочинения графа В. А. Соллогуба», «Стихотворения А. Полежаева», «„Губернские очерки“ Щедрина, том 3», «Сочинения Пушкина, том 7», «Новые стихотворения В. Бенедиктова», «О степени участия народности в развитии русской литературы», «Деревенская жизнь помещика в старые годы», «Николай Владимирович Станкевич», «Стихотворения А. Н. Плещеева», «Стихотворения Михаила Розенгейма», «Песни Беранже» и др.

«В Добролюбове во многом повторился Белинский», — говорил Некрасов. С первых же своих выступлений в журнале Добролюбов, развивая традиции Белинского, со всюю страстью стал бороться за реализм и народность русской литературы против реакционных тенденций и либерального обличительства в литературе, против эмпирической и так называемой «эстетической» критики.

С наибольшей глубиной и широтой взгляды Добролюбова на литературу сказались в эти годы в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858, № 2), написанной по поводу второго издания книги А. П. Милюкова «Очерк истории русской поэзии». Добролюбов начинает статью с возражения «книжникам»-идеалистам, которые считают, что «литература заправляет историей». Обращаясь к различным эпохам истории человечества, он с неопровержимой убедительностью показывает, что развитие литературы определяется развитием общества, что изменения общественных отношений ведут и к изменениям в литературе. Добролюбов близко подходит к пониманию классового характера литературных явлений в эксплуататорском обществе. Он утверждает, что любой общественный вопрос, любое историческое событие трактуются в литературе «непреренно в видах частных интересов той или другой партии, того или другого класса», что «даже поэзия постоянно увлекалась духом партии и классов». Он указывает на то, что в крепостнической России литература недоступна народу и «доселе имеет такой ограниченный круг действия» (1858, № 2, отд. 2, стр. 123, 124). Самый же главный вывод критика сводится к тому, что «до сих пор наша литература почти никогда не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений» (там же, стр. 157), что, начиная с древнейших времен и кончая современностью, русская литература по преимуществу отражала жизнь и выражала интересы господствующих сословий: духовенства, бояр, дворянства.

Народность и реализм («приближение к настоящей, действительной жизни») в их неразрывной связи — вот решающие критерии, с которыми Добролюбов подходит к русской литературе. Именно с этих позиций он подвергает критике и древнюю русскую литературу, и литературу XVIII в., и творчество Карамзина и Жуковского. С этих же позиций он приветствует Пушкина, Гоголя, Кольцова, Лермонтова, хотя и видит в их творчестве серьезные недостатки: «генеалогические предрассудки», слабость критического начала у Пушкина, безжизненность положительных идеалов Гоголя, ограниченность социально-политического кругозора Кольцова. В борьбе за народность и правдивость искусства против дворянских и либеральных тенденций в литературе, в процессе горячей полемики Добролюбов иногда допускал односторонние оценки деятельности того или иного писателя. Отчасти это проявилось, например, в подходе Добролюбова к литературе XVIII в. и к творчеству Пушкина, в некоторых неоправданно резких и преувеличенных суждениях о них.

Однако Добролюбову было совершенно чуждо нигилистическое преенебрежение к литературному наследию, которое иной раз сказывалось в критике 60-х годов. Он утверждал, что русская литература «постепенно сближалась с народом и действительностью», что круг ее действия все более расширялся. В деятельности Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Кольцова, Белинского и Герцена, в увеличении количества их приверженцев и последователей Добролюбов видел залог будущего расцвета русской литературы.

Взгляды на литературу, выраженные в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы», лежат в основе всех других статей и рецензий Добролюбова, напечатанных в «Современнике» в 1857—1858 гг. Большой интерес в этом отношении представляет его выступление по поводу выхода 7-го тома Сочинений Пушкина под редакцией Анненкова (1858, № 1). По сути дела, это выступление — панегирик Радищеву. Под видом полемики со статьей Пушкина о Радищеве (помещенной в вышедшем томе) Добролюбов, искусно преодолевая цензурные препоны, характеризует Радищева как непримиримого врага самодержавия и крепостничества, последовательного защитника интересов народа, выдающегося общественного деятеля, ставшего жертвой деспотизма. Не менее важна рецензия Добролюбова на стихотворения Полежаева (1857, № 9). Добролюбов видел в Полежаеве одну из многочисленных жертв полицейского режима, установившегося в стране после поражения восстания декабристов, и всемерно подчеркивал революционный смысл его творчества.

Несмотря на исключительные цензурные трудности, Добролюбов неоднократно высказывал на страницах «Современника» свое отношение к Герцену. В рецензии на стихотворения Полежаева, представлявшей собою как бы перевод на подцензурный язык рассказа о Полежаеве из «Былого и дум» Герцена, несколько позднее в статье «О степени участия народности...» Добролюбов весьма одобрительно отозвался о деятельности Герцена в 1840-е годы и за границей (разумеется, не называя его по имени), а в статье об уличных листках (1858, № 9) смело высмеял первое печатное выступление в России против «Колокола» — басню-акrostих Б. Федорова «Ороскоп кота».

Не менее опасно, чем о Герцене, было в те годы упоминать о петрашевцах, память о жестокой расправе с которыми была тогда еще слишком свежа. Но Добролюбов и здесь нашел выход из положения. В 1858 г. вышел сборник стихотворений поэта-петрашевца А. Н. Плещеева, в том же году вернувшегося из ссылки. В рецензии на этот сборник Добролюбов, критикуя либеральные иллюзии и риторическое пустословие, проникшие после воцарения Александра II в поэзию Плещеева, советовал ему вернуться к политической лирике 40-х годов. Цитируя известный «гимн петрашевцев» (стихотворение Плещеева «Вперед без страха и сомненья»), он утверждал, что это был «смелый призыв, полный... веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность» (1858, № 10, отд. 2, стр. 190). [«В своем прошедшем, — писал Добролюбов, — г. Плещеев может найти много страстных и мощных мотивов, способных увлечь человека с душою»].²⁰

Добролюбов горячо боролся с реакционными явлениями в современной ему литературе. В статьях и рецензиях он разоблачал и высмеивал салонную беллетристику В. А. Соллогуба и Е. П. Ростопчиной, славянофильские мотивы в поэзии Н. М. Языкова, восхваление патриар-

²⁰ Эти строки не вошли в журнальный текст статьи.

хальной, прадедовской Москвы в элегиях М. А. Дмитриева, «обличительные» произведения М. П. Розенгейма, Н. М. Львова, В. Г. Бенедиктова и др.

Особенно беспощадно издевался Добролюбов над либеральным обличительством, получившим после Крымской войны и смерти Николая I широкое распространение в литературе и журналистике, и едко высмеивал литераторов, пытавшихся «осветить грозным факелом сатиры темные деяния волостных писарей, будочников, станowych, магистратских секретарей и даже иногда отставных столоначальников палаты, пробудить в сих очерстивших и ожесточенных в заблуждении, но тем не менее не вполне утративших свою человеческую природу, существах горестное сознание своих пороков и слезное в них раскаяние, чтобы таким образом содействовать общему великому делу народного преуспеяния, совершающегося столь видимо и быстро во всех концах нашего обширного отечества...» (из рецензии на пьесы К. С. Дьяконова «Уголовное дело» и «Бедный чиновник» — 1858, № 12, отд. 2, стр. 225—226).

Критика либерального обличительства велась Добролюбовым с позиций высокой идейности, реализма, народности. С этих же позиций он оценивал творчество современных писателей. Добролюбов приветствовал появление третьего тома «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина, поэмы И. С. Никитина «Кулак», мемуаров С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», сборника «Народные русские сказки», составленного А. Н. Афанасьевым, сборника стихотворений Ю. В. Жадовской, книги переводов В. С. Курочкина из Беранже, перевода М. Л. Михайлова «Песен» Гейне.

Наиболее значительным и симптоматичным произведением передовой русской литературы тех лет Добролюбов считал «Губернские очерки» Щедрина. В то время как многие критики относили «Губернские очерки» к либерально-обличительному направлению в литературе, Добролюбов считал их произведением, в котором нашли выражение народные интересы и взгляды. В статье о третьем томе «Губернских очерков» (1857, № 12, отд. 3) он правильно определил характер сатиры Щедрина («Все отрицание г. Щедрина относится к ничтожному меньшинству нашего народа») и показал глубокое сочувствие писателя к «неиспорченному простому классу народа» (стр. 75, 76).

Есть в статье Добролюбова о «Губернских очерках» еще одна важная сторона — это критика так называемых «талантливых натур» и борьба за положительного героя русской жизни и литературы. «Талантливыми натурами» Щедрин назвал Корепанова, Лузгина, Горехвастова — провинциальных печориных, рудинных и гамлетов, уездных «лишних людей». Добролюбов находит у «талантливых натур» типические свойства дворянской либеральной интеллигенции и сурово осуждает их. Здесь намечается та критика «лишних людей», которую Добролюбов развернет позднее с огромной силой в статье «Что такое обломовщина?». Бессильным и беспринципным «талантливым натурам» он противопоставляет другой тип людей, которых еще немного, но которых с каждым годом становится больше. Эти люди «не опускаются до злобного фразерства и цинической лени — с досады, что ничего великого сделать нельзя, — а до конца идут против враждебной силы, и если не успевают ее покорить, то падают, звуком самого падения созывая на труп свой новых самоотверженных деятелей» (1857, № 12, отд. 3, стр. 57).

Как литературный критик Добролюбов представлял «партию народа» в русской литературе, его критические и публицистические выступления неразрывно связаны с освободительными идеями революционно-

демократической пропаганды. Считая литературные произведения отражением действительности и проявлением общественной борьбы, Добролюбов раскрывал их реальный смысл и общественное значение. Его критика отнюдь не сводилась к оценке чисто художественных достоинств и недостатков того или иного произведения, а всегда была насыщена боевым политическим содержанием. В своих статьях и рецензиях он наносил сокрушительные удары по самодержавию и крепостничеству, разоблачал либералов, возвеличивал революционеров, призывал народ и передовую интеллигенцию к борьбе против крепостного права и политического гнета.

В отделе критики и библиографии «Современника» помещалось немало статей и рецензий на книги публицистического, научного, философского характера. Став во главе отдела, Добролюбов усилил «ученую» критику и библиографию. Среди его выступлений в «Современнике» 1856—1858 гг. заметное место занимают статья «Несколько слов о воспитании. По поводу „Вопросов жизни“ Пирогова» (1857, № 5),²¹ две рецензии на очерки Н. С. Толстого «Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии» (1857, № 10 и 12), статья «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» (1858, № 5), три статьи по поводу «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (1858, № 6, 7 и 8), две статьи «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1856, № 10 и 11) и др. В этих выступлениях Добролюбов развивал свои исторические и философские взгляды, боролся со всевозможными разновидностями «ученой» реакции, пропагандировал необходимость освобождения народа от крепостного права.

В статье «Органическое развитие человека...» Добролюбов, опираясь на данные естественных наук, подчеркивает, что «новейшая наука отвергла схоластическое раздвоение человека и стала рассматривать его в полном, неразрывном его составе, телесном и духовном, не стараясь разобщать их», что «связь духовной деятельности с отправлениями мозга признана несомненно в сочинениях всех лучших и добросовестных натуралистов» (1858, № 5, отд. 2, стр. 8, 19). Вместе с тем (и это является еще одним свидетельством поразительной глубины и самостоятельности мышления Добролюбова) он решительно отвергал взгляды вульгарных материалистов типа популярных тогда Я. Молешотта, Ф. Бюхнера, К. Фогта, сводивших сознание человека к физиологическим функциям. Как материалист решает Добролюбов и другие главные вопросы философии. Он оспаривает мнение идеалистов, согласно которому «понятия и суждения существуют в человеке при самом рождении», и утверждает, что «человек не из себя развивает понятия, а получает их из внешнего мира» (там же, стр. 21). В рецензии на брошюру некоего А. П. Кусакова «Об истинности понятий» (1858, № 5) Добролюбов ядовито высмеивает учение агностиков о непознаваемости внешнего мира.

В статьях о книгах Н. Г. Устрялова и Н. А. Жеребцова Добролюбов излагает свои взгляды на историю. Подобно Белинскому и Чернышевскому, он рассматривает историческое развитие как закономерный процесс, в котором отдельные события подчиняются общим законам. Исторические явления, по мнению Добролюбова, возникают не случайно и не по воле отдельных личностей, а в силу глубоких объективных причин и обстоятельств. История, по убеждению Добролюбова, только в том

²¹ В собрание сочинений вошла под названием «О значении авторитета в воспитании».

случае станет наукой, если в ее основу будет «положена мысль об участии в событиях всего народа, составляющего государство». Выдвинув на первый план истории народные массы, Добролюбов пришел к важнейшему выводу о том, что главное содержание всей истории человечества составляет борьба между трудящимися и эксплуататорами. Именно эта мысль лежит в основе его статьи «О степени участия народности...», ее он развивает и в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым». «Уничтожение дармоедов, и возвеличивание труда — вот постоянная тенденция истории», — пишет он. Борьба между трудящимися и дармоедами, по мнению Добролюбова, шла в разных формах на всех этапах истории человечества, во всех странах, ведется она и сейчас: и в России, и в западноевропейских государствах. «Дармоедство, — говорит Добролюбов, — теперь прячется, правда, под покровом капитала и разных коммерческих предприятий, но тем не менее оно существует везде, эксплуатируя и придавливая бедных тружеников...» (1858, № 11, отд. 2, стр. 29, 30).

Таким образом, Добролюбов не только в области философии, но и в области истории близко подошел к марксизму и даже развил некоторые положения, в которых можно видеть зародыш материалистических взглядов на историю. К сожалению, как и другие русские революционные демократы, он не в силах был преодолеть до конца ни утопический социализм, ни идеалистическое понимание истории. Так, в той же статье о книге Жеребцова Добролюбов связывает уничтожение дармоедов и возвышение труда с «развитием образованности», распространением знаний. Тем не менее, несмотря на ограниченный характер некоторых воззрений Добролюбова, приходится поражаться их силе и глубине. Его суждения о решающей роли народных масс в истории, о борьбе трудящихся с дармоедами имеют не только теоретическое, но и практически политическое значение.

* * *

В предреформенный период завершается переход «Современника» на позиции революционного демократизма, а это в свою очередь приводит к изменению характера издания: журнал превращается из литературного, каким он был еще не так давно, в «толстый» общественно-политический и литературно-художественный ежемесячник. Задачи и принципы ведения журнала были четко сформулированы в объявлении о подписке на 1858 г.: «Если определить одним словом характер, который редакция желает иметь характером своего журнала, — это слово „общественный“». С того самого времени, как мы начали издание „Современника“, он всегда стремился к тому, чтобы быть журналом общественным. Горячее сочувствие и твердая поддержка со стороны общественного мнения позволяют нам в настоящее время обещать, что цель, к которой мы всегда стремились, может быть достигана полнее, нежели прежде».²² Изменяется структура журнала. Вместо пяти отделов теперь стало три: первый — словесность, науки и искусства, второй — критика и библиография и третий — смесь. Такое изменение структуры дало возможность расширить публицистический отдел, выдвинуть публицистику на первое место. Показателен такой пример: первая книга «Современника» за 1858 г. открывалась публицистической статьей Чернышевского «Кавеньяк».

²² Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах, т. 12. М., Гослитиздат, 1953, стр. 188.

«Современник» под руководством Некрасова, Чернышевского и Добролюбова стал ярко выраженным политическим журналом; в нем ставились и решались с революционно-демократических позиций злободневные вопросы современности и наиболее важные из них — отношение к крестьянской реформе, проблемы народа и крестьянской революции в России.

Отношение русских революционеров-демократов, группировавшихся вокруг «Современника», к проводимой царским правительством реформе было единодушным: они понимали ее крепостнический, грабительский характер, отчетливо сознавали, что правительство крепостников-помещиков не в состоянии провести серьезные социально-экономические преобразования. Не имея возможности открыто, на страницах журнала, дать собственную оценку реформы, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Н. А. Серно-Соловьевич сказали свое слово в бесцензурных материалах. К ним относятся: прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», его статья «Письма без адреса», изданная в Берлине в 1861 г. брошюра Серно-Соловьевича «Окончательное решение крестьянского вопроса», письма сотрудников «Современника».

Наиболее полно взгляды революционеров-демократов на «Положения 19 февраля» выразил Чернышевский. В прокламации «Барским крестьянам...» он подчеркнул крепостнический характер проводимых преобразований. По мнению Чернышевского, в результате реформы крестьянин попадает в «такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней». Для автора прокламации ясна тесная связь крепостничества с царским самодержавием. «А не знал царь что ли, какое дело он делает?» — спрашивал Чернышевский. И сам отвечал: царь, конечно, знал, он тот же помещик, не дождетесь вы от него настоящей воли, потому что царь «держит барскую сторону» (т. 7, стр. 520, 521). Манифесты и указы он выпускает для обольщения и обмана народа. Воззвание «Барским крестьянам...» заканчивалось призывом к революционному уничтожению помещичьего землевладения, к свержению царского самодержавия.

Те же мысли выразил Чернышевский в «Письмах без адреса». Правда, о многом здесь сказано намеками, так как «Письма» предполагалось опубликовать в мартовской книжке «Современника» за 1862 г. Однако статья была запрещена цензурой и впервые увидела свет в 1874 г. на страницах журнала П. Л. Лаврова «Вперед!». В «Письмах без адреса» раскрывается антинародный смысл реформы, которая и не могла быть иной, потому что ее проводили крепостники. «Тяжела была для крепостных крестьян и вредна для государства законная сущность крепостного права, — писал Чернышевский. — Но она сообразна была всему порядку нашего устройства; потому сам в себе он не мог иметь силы, чтобы отменить ее» (т. 10, стр. 25). Вместе с тем здесь говорится о единственно возможном пути ликвидации крепостничества — народной революции. В письме втором Чернышевский указывал: Крымская война провала «небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрагиваться; и вот вы видите теперь... что все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое; штопать оно не хочет» (т. 10, стр. 96). Слова «одеться с ног до головы в новое» были почти открытым призывом к революции.

Глубокое недовольство реформой не раз выражали Добролюбов, Некрасов, Н. А. Серно-Соловьевич. В 1860 г. Добролюбов писал

С. Т. Славутинскому: «Точно Вы в самом деле верите, что мужикам будет лучше жить, как только редакционная комиссия кончит свои занятия...»²³ Некрасов, по воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева, ознакомившись с содержанием «Положений», сказал: «Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами».²⁴ Серно-Соловьевич в брошюре «Окончательное решение крестьянского вопроса» резко критиковал царский указ и «Положения»: «...Крестьянский вопрос, — писал он, — нерешенный или, правильнее, искаженный Положениями 19 февраля, разрешим только двумя способами: или общою выкупною мерою, или топорами; третьего исхода нет, а нерешенным вопросом оставаться не может...»²⁵

Таким образом, все ведущие сотрудники «Современника» начала 60-х годов в бесцензурных материалах достаточно определенно выразили свое отношение к царскому манифесту. Что же касается «Современника», то его позицию помогает понять ленинская характеристика. Имея в виду Чернышевского, Добролюбова, революционеров-демократов, группировавшихся вокруг «Современника», В. И. Ленин писал, что они «умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высыланием и шельмованием тогдашних либералов...»²⁶ Эта характеристика раскрывает идейно-политический смысл так называемого «молчания», которое было единственно возможным в тогдашних жесточайших цензурных условиях видом протеста против царских реформ.

Журнал действительно не напечатал никаких материалов, непосредственно связанных с царским манифестом и «Положениями», ограничившись лишь помещением в 3-й и 4-й книгах официальных документов да упоминанием о дне объявления манифеста в Петербурге в фельетоне Панаева «Заметки Нового поэта». Причем описанию этого дня отводилось примерно полстраницы журнального текста, тогда как обычным фельетонным новостям посвящалось несколько страниц. Демонстративное молчание «Современника» казалось особенно примечательным рядом с безудержными восторгами всех без исключения либеральных изданий. В напыщенной славословии по поводу дарованной свыше «свободы» соединялись голоса «Отечественных записок», «Московских ведомостей» и даже таких специальных изданий, как «Указатель экономический, политический и промышленный».

Читатель 60-х годов, воспитанный на статьях «Современника», понимал, что означает молчание, которым журнал встретил царский манифест. «Проклятие молчанием» давало основание ждать отклика с помощью так называемого эзопова языка. И отклик действительно последовал. Г. З. Елисеев во «Внутреннем обозрении» мартовского номера «Современника» за 1861 г., как бы стремясь объяснить причину молчания журнала, писал: «Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы, журнальцы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам свободе. Напрасно. Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете» (стр. 101—102). Сообщив в такой категорической форме о своем нежелании говорить о том, «о чем трезвонят, поют, говорят... все журналы», Елисеев далее намекал читателям на то, как он отно-

²³ «Литературное наследство», т. 25-26, 1936, стр. 50.

²⁴ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М.—Л., 1958, стр. 476.

²⁵ Н. А. Серно-Соловьевич. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861, стр. III.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 251.

сится к реформе. «Я не подал вам никакого, даже малейшего повода думать. . . — писал обозреватель, — что я безустанно буду гоняться за всеми новостями, какие бы они ни были, которые появятся в течение месяца, ловить их и представлять вам в своем „Обзрении”». Елисеев при этом разъяснял, что он хочет «вести речь связную, разумную и основательную», а не давать читателям, как это делают обозреватели других журналов, «перечень всех явлений, возникающих в течение месяца, разнородных и разнородных, связывая их только таким образом, по общепринятому обычаю: „поговорив, дескать, о полиции, перейдем к театру, а поговорив о театре, перейдем к сапожному цеху, а сказав о сапожном цехе, скажем несколько слов о философии, а от философии, дескать, прямой переход к балаганным представлениям, где весьма важную роль играет наша народная философия” и т. д.» (там же, стр. 102). Нетрудно заметить, что за насмешкой над манерой составлять обозрения была скрыта критика реформы, которая характеризуется как явление незначительное: о ней если и следует говорить, то в порядке перечисления заурядных фактов.

Чернышевский в политическом обозрении мартовского номера «Современника» намекал читателю на свое отношение к объявленным законам, вспоминая австрийские «организационные законы 26 февраля». Известно, что разговор об Австрии всегда служил для него лишь поводом, дававшим возможность высказать суждения о России. Указав, что в Австрии готовятся реформы «для успокоения недовольства, которое высказывалось все громче и громче после военных неудач», Чернышевский сообщал, что «перечислять реформы. . . было бы теперь совершенно напрасно, потому что ни одна из них не удалась» (1861, № 3, отд. 2, стр. 173). Не может быть сомнения в том, что автор имел в виду не столько Австрию, сколько Россию.

Нельзя считать случайным и помещение именно в № 3 «Современника» за 1861 г. статьи В. А. Обручева «Невольничество в Северной Америке» и «Песен о неграх» Г.-У. Лонгфелло. Писать о рабстве в Америке в тот момент, когда объявлялся царский манифест, означало признать ликвидацию российского рабства такой же неотложной задачей, какой она была раньше. «В обстоятельствах, в которых теперь находится Россия, — писал Обручев, — конечно, едва ли какой-нибудь разряд сочинений может быть для нее интереснее, чем книги, определяющие относительное достоинство принужденного и свободного труда» (стр. 279). В статье резко критикуются плантаторы-помещики, единственная, по мнению Обручева, категория лиц, заинтересованная в сохранении невольничества. Чтобы и дальше существовал принудительный труд, плантаторы стремятся во что бы то ни стало «предупредить в невольнике сознание ужаса его положения» (там же, стр. 284).

«Современник» выражал настроения широких масс крестьянства, увидевших в реформе стремление помещиков под прикрытием «дарованной воли» еще больше угнетать их. Как известно, вскоре после объявления реформы начались массовые крестьянские восстания, охватившие все губернии европейской России, на которые распространились «Положения 19 февраля». Правительство не только принимает меры к подавлению восстаний, но и решает «обуздать» журналистику. 12 мая 1861 г. были утверждены так называемые «Временные правила по цензуре» с «особыми (секретными) наставлениями». В «особом наставлении» по крестьянскому делу, в частности, предписывалось: «Не допускать никакого порицания в общем виде высочайше утвержденных „Положений 19 февраля” и вообще ничего противного основным началам этих поло-

жений». Наставление предусматривало запрещение периодическим изданиям печатать статьи, в которых заключено мнение, что крестьянам принадлежит право собственности на землю. Предписывалось также «не допускать никаких резких и язвительных отзывов о настоящих отношениях между помещиками и их служителями или бывшими крестьянами и вообще не разрешать к печати никаких статей и рассуждений, которые могли бы возбудить *неудовольствие* и *раздражение* одного сословия против другого».²⁷

«Временные правила по цензуре» вместе с «особыми наставлениями» означали новое усиление цензурной реакции. Деятельность «Современника» до крайней степени осложнилась. Но и в таких условиях журнал по-прежнему находил способы выразить свое отношение — то с помощью иносказания или специальной организации материала, то путем разоблачения безудержного восторга либералов, то просто умолчанием.

Крупным событием в истории «Современника» этого периода явилось «Внутреннее обозрение», написанное возвратившимся из-за границы Добролюбовым и напечатанное в августовской книжке журнала за 1861 г. В нем в иносказательной форме говорилось об отношении к реформе, о перспективах крестьянского движения, о сплочении сил демократии в беспощадной борьбе против либералов. В обозрении Добролюбова шла речь о самых различных фактах, казавшихся на первый взгляд незначительными: об улучшении дорог, о петербургском климате, об одесских мостовых и т. д. Но он так умело группировал эти факты, так анализировал их, выделяя политическую сторону, что получилась яркая картина пореформенной России. Добролюбов не раз обращался к этому публицистическому приему. В письме к Славутинскому в апреле 1860 г. он просил сообщать факты провинциальной жизни без комментариев, но так располагать их, чтобы они имели «смысл более общий, служа отчасти показателем общественного движения в России», «чтобы из одного сопоставления их видно было, в чем дело».²⁸

«Внутреннее обозрение» начиналось как бы полемикой с постоянным обозревателем журнала Елисеевым по поводу его «весенних настроений». Добролюбов писал: «Весенние мечты вообще мне противны с тех пор еще, как я читал в русских журналах весенние „звуки“, „песни“, „гимны“, „мечты“», т. е. славословия либерально-монархической печати в честь реформы 19 февраля. «Уж вы не сердитесь, господа: у меня теплоты особенной не найдете, да и время теперь не такое подходит. . .» — продолжал автор обозрения. Аллегорический образ петербургской осени, так часто встречающийся в статьях Чернышевского и Добролюбова, получал обобщающее значение, когда Добролюбов указывал, что «петербургская скверная погода и осенние расположения должны отражаться и на всей России» (1861, № 8, отд. 2, стр. 393, 394, 400). Это значило, что «крестьянская» реформа не оправдала надежд народа и нечего предаваться радостным, весенним настроениям. «Уже если меня надули, — говорит он, — извините, я не скоро опять поддамся, да еще и других предостерегу» (там же, стр. 394).

Вторым аллегорическим образом обозрения является «больная», «чахоточная». За ним скрывается крестьянство. Как только блеснуло солнышко и стал «ветер как будто помягче. . .» — пишет Добролюбов, — чахоточная наша начинает пробовать, нельзя ли подышать пополнее, нельзя ли на свет взглянуть. . .» «Робко она выглядывает, потому что

²⁷ См.: М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, стр. 171—172.

²⁸ «Огни», т. 1. Пг., 1916, стр. 77.

уже раз поплатилась за неосторожность» (там же, стр. 396). Это был намек на восстание крестьян с. Бездна, происшедшее в апреле 1861 г. «Наш климат не таков, чтобы помочь чахоточному выздороветь...» (там же, стр. 397), иными словами, от самодержавия нельзя ждать настоящего освобождения крестьян.

Недвусмысленная оценка реформы дается и в очерках участника революционных кружков И. А. Пиотровского «Погоня за лучшим», которые печатались в № 5—8 «Современника» за 1861 г. «Каждому, конечно, известно, что манифестом 19 февраля 1861 г., объявленным у нас 5 марта, русские крестьяне вышли из крепостной зависимости с обязанностью оставаться в прежнем повиновении к своим помещикам» (1861, № 8, отд. 2, стр. 242). Пиотровский высмеивал либеральные журналы с их восторженными статьями по поводу «Положений 19 февраля». «...Образованное общество, — писал с иронией автор очерков, — торжествовало и уверяло, что вся Россия, весь народ точно так же мирно торжествуют. И казалось, что уверенность эта вполне естественная, законная и неопровержима. Но в это самое время обнаружилось печальное явление: начались недоразумения... и в газетах появились статьи и известия о разных беспорядках по крестьянскому делу» (там же). Статья Пиотровского была одним из тех произведений, напечатанных в «Современнике» в 1860—1862 гг., которые говорили о путях коренного решения крестьянского вопроса, о народе как главной силе общественно-политических преобразований. Наряду с произведениями Чернышевского «Не начало ли перемены?», «Научились ли?» и Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» и «Черты для характеристики русского простонародья» статья «Погоня за лучшим» ставила вопрос о возможности революционного выступления крестьянства.

* * *

Как видим, еще в период назревания революционной ситуации 1859—1861 гг. глубокое изучение крестьянства, его моральных и социальных качеств составляет предмет постоянной заботы публицистов «Современника», и материалы такого рода широко печатаются в журнале. К 1860 г., когда освободительное движение пошло в гору, проблема эта получает новое развитие. На первое место выдвигается вопрос о готовности народа к революции. Именно он составляет идейное содержание довольно многочисленных материалов «Современника», и прежде всего статьи Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья» (1860, № 9), статьи Чернышевского «Не начало ли перемены?» (1861, № 11), многих стихотворений Некрасова, «Сатир в прозе» Салтыкова-Щедрина и др. «...Мы хотели, — отмечал Добролюбов, — привлечь внимание людей, пишущих на вопрос о внешнем положении и внутренних свойствах народа, [готового теперь вступить в новый период своей жизни]» (1860, № 9, отд. 3, стр. 87).

Исследуя нравственные и социальные качества народа, Чернышевский и Добролюбов при этом четко различают, что идет «от его внутренних и естественных стремлений» и что является последствием «внешнего гнета», т. е. крепостного права, выясняют соотношение этих сторон.

Готовность народа к революции — центральная тема статьи Добролюбова «Народное дело» (1859, № 9), явившейся откликом на так называемые «трезвенные бунты».²⁹ В массовых протестах против вин-

²⁹ По требованию цензуры в журнальном тексте заглавие было изменено — «О распространении трезвости в России».

ных откупов Добролюбов увидел способность народа к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях. Это движение, по его мнению, наглядно показало, что в народе — великая сила, неиссякаемые революционные возможности. Слово народных масс, писал Добролюбов, никогда не праздно; оно всегда призыв к делу, условие предстоящей деятельности. «Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате. Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созревает в их душах» (1859, № 9, отд. 3, стр. 35). Итак, если исходить из главного — «внутренних и естественных стремлений» народа, — то, по мнению Добролюбова, вывод можно сделать один: народ способен на революционное выступление.

Но есть и другая сторона, необычайно существенная, — она связана с последствиями «внешнего гнета» — крепостного права. Анализируя рассказы Н. В. Успенского, М. Вовчка, Чернышевский и Добролюбов отмечали немало отрицательных черт в крестьянстве. Во-первых, низкий уровень классового самосознания; в большинстве случаев крестьянин протестует стихийно, даже не понимая того, до какой степени он угнетен. В конце 60-х годов Щедрин верно сказал об этом: «...русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и — что всего хуже — беден сознанием этой бедности».³⁰ И, во-вторых, — вера в царя. Будучи в непосредственной зависимости не от царского правительства, а от помещика, крестьянин именно в нем видит причину своей бедности, и обвиняет кого угодно, — «министров и генералов, советников и исполнителей», только не царя. Крестьянское движение 60-х годов убедительно показало, что «наивный монархизм», царистские настроения прочно живут в крестьянской массе. Даже крупнейшие восстания 1861 г. — Бездненское и Черногай-Кандеевское — при всей их организованности и сплоченности, ярко выраженном антикрепостническом характере, не переросли в выступления против царского самодержавия. «В России в 1861 году, — писал В. И. Ленин, — народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу».³¹

Понимали ли это революционные демократы 60-х годов? На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Не идеализируя крестьянство, видя его невысокую классовую сознательность, деятели «Современника» тем не менее верили в победу крестьянской революции. Это, конечно, была утопия, исторически в ту пору неосуществимая. Однако, даже будучи утопической, вера в крестьянскую революцию объективно сыграла большую положительную роль, потому что она воодушевляла широкие народные массы на борьбу с крепостничеством и царизмом.

Вывод о том, что победа крестьянской социалистической революции возможна, но народ к выступлению пока не готов, послужил революционерам-демократам толчком для всемерного расширения легальной и нелегальной пропаганды. На страницах «Современника» велась огромная работа по подготовке масс к революции, делались попытки, по словам Чернышевского, оказать «внешнее влияние» на крестьянина, внушить ему сознание великой роли, которая принадлежит народу в освобожде-

³⁰ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. в 20 томах, т. 7. Л., ГИХЛ, 1935, стр. 255.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

нии. Поэтому все большее и большее место в журнале начинает занимать тема революционных выступлений народа в прошлом и настоящем.

Ряд материалов журнала посвящен прославлению подвигов итальянского революционера Джузеппе Гарибальди — народного героя, решительно выступившего в середине XIX в. против феодально-абсолютистского строя и клерикальной реакции, против иноземного порабощения, за объединение Италии. Образ Гарибальди в 60-е годы воспринимался как символ грядущего освобождения всех угнетенных народов. В «Политических обзорах» «Современника» (1859—1860 гг.) широко освещались победы Гарибальди. Печатается и специальная статья Е. П. Карновича «Жизнь Гарибальди». Во всех этих материалах подчеркивалось: Гарибальди пользуется широкой поддержкой итальянского народа потому, что он придерживается революционной тактики. Его отличают «твердость убеждений», глубокая преданность народу.

В середине 1861 г. в «Современнике» печатается поэма Т. Г. Шевченко «Гайдамаки», посвященная борьбе украинских крестьян с польской шляхтой. Здесь дана широкая картина крестьянских выступлений конца XVIII в. Несмотря на стихийный характер, эти восстания были могучими и грозными, ими руководили сильные, волевые люди, умелые организаторы — Максим Железняк и Иван Гонта. Поэма Шевченко «Гайдамаки», как и статьи, посвященные Гарибальди, была созвучна событиям, происходившим в стране.

Мысль о том, что освобождение от эксплуатации и угнетения — дело самого крестьянина, все чаще и чаще повторяется в публицистике «Современника» периода революционной ситуации. Особенно ярко выражена она в статье Чернышевского «Не начало ли перемены?». Используя известные строки «Песни убогого странника» из «Коробейников» Некрасова (поэма печаталась в десятой книжке журнала за 1861 г.):

Я в деревню: Мужик, ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!
Я в другую: Мужик, хорошо ль ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!—

Чернышевский писал: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. „Я живу холодно, холодно“. — А разве не можешь ты жить тепло?.. Разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь?.. Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (1861, № 11, отд. 2, стр. 101). Но большинство крестьян 60-х годов не могло отвечать иначе. И это хорошо понимал Чернышевский, когда писал о «жалкой нации, нации рабов», когда высказывал слова великого отчаяния: «сверху донизу — все рабы». «Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии), — говорил В. И. Ленин, — не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности, в массах великорусского населения. Тогда ее не было».³² Вся деятельность «Современника» была направлена на то, чтобы воспитать в народе эту революционность, пробудить в нем классовое самосознание и вывести его на путь революции.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

«Современник» не ограничивался революционной пропагандой. В 1901 г. Ленин писал о натиске на царизм революционной «партии», во главе которой стоял Чернышевский.³³ Теперь в научный оборот введены новые факты, которые сделали возможным предположение, что незадолго до реформы 1861 г., на почве бурного роста крестьянских восстаний, под все возрастающим влиянием легальной и нелегальной пропаганды, которая проводилась революционными демократами, революционно настроенные представители разночинной молодежи стали организовывать кружки не только в Петербурге и Москве, но и в Вятке, Казани, Перми, Белоруссии, Польше и т. д. Объединяющим идейным центром революционного движения становится журнал «Современник», а его вдохновителем и организатором — Чернышевский.

Накануне реформы 1861 г. «Современник» был связан крепкими нитями не только с другими передовыми журналами, но и с различными студенческими кружками; журнал пользовался большой популярностью среди передовой части русского офицерства. Известное распространение в военной среде получили кружки «чернышевцев» — последователей Чернышевского. Трезвый политик, Чернышевский хорошо понимал, что в грядущей революции офицерство может сыграть крупную роль, если наиболее радикально настроенные его представители перейдут на сторону революционной демократии. С этой целью он приблизил к «Современнику» значительную группу офицеров. В нее входили, в частности, Н. В. Шелгунов, В. А. Обручев, З. Сераковский и некоторые другие. В 1858 г. Чернышевский согласился редактировать «Военный сборник», вероятно преследуя ту же цель: пробудить в передовом русском офицерстве сознание необходимости решительных преобразований.

В период революционной ситуации связи Чернышевского с революционными кругами ширились и развивались. Он не упускал даже малейших легальных возможностей. Для более тесного сближения с народом Чернышевский использовал, например, так называемые «воскресные школы» и Шахматный клуб в Петербурге. К концу 1861 г. относится возникновение тайной революционной организации «Земля и воля», в которую вошли активные участники «Современника» А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев и др. Чернышевский был идейным руководителем и вдохновителем «Земли и воли».

Таким образом, деятели «Современника», не довольствуясь пропагандой революционно-демократических идей, принимали непосредственное участие в революционной борьбе.

* *
*

Большую роль в решении задач, поставленных революционными демократами в 60-е годы, играл сатирический отдел «Современника» — «Свисток». Его создателем и основным автором был Добролюбов; в отделе принимали участие Некрасов, Чернышевский, Салтыков-Шедрин, а также братья А. М. и В. М. Жемчужниковы и А. К. Толстой, выступавшие под псевдонимом Козьма Прутков. Всего вышло девять номеров «Свистка», в том числе в 1859 и в 1860 гг. — по три номера, в 1861, 1862 и 1863 гг. — по одному.

Уже первый номер «Свистка» имел огромный успех. В редакции «Современника» возникла мысль превратить отдел в самостоятельную газету. Добролюбов намечал темы и авторов, тщательно разрабатывал

³³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 28.

программу. Задачи будущего издания он видел в том, чтобы с помощью смеха преследовать «зло и неправду». Конкретизируя свои мысли в специально составленной для цензурного ведомства «Программе», Добролюбов, в частности, писал: «В нем [обществе] отделяются две категории людей, подлежащих сатире: *рутинисты*, приверженцы к своим старым ошибкам и порокам и ненавидящие все новое, — и *прогрессисты*, кричащие о современных успехах цивилизации, о правде, свободе и чести, без надлежащего усвоения себе истинных начал просвещения и гуманности... Доселе все поражали рутинистов; но „Свисток“ предполагает себе задачу не шадить и неразумных прогрессистов, так как они ложными толкованиями и безрассудными применениями могут повредить делу общественного просвещения не менее людей самых отсталых и невежественных».³⁴ Под «рутинистами» Добролюбов имел в виду крепостников, откровенных реакционеров, а под «прогрессистами» — либералов. При этом он старался создать впечатление, что критика «прогрессистов» в новой газете будет вестись с умеренных позиций, якобы за излишний либерализм. Однако обмануть цензуру не удалось. Не помогла и подставная фигура — зятя Некрасова Буткевича, который ходатайствовал о новом издании. Выпустить сатирическую газету не позволили. Тогда редакция «Современника» решила публиковать сатирические материалы по мере их накопления.

По своему идейному содержанию «Свисток» был тесно связан с публицистикой «Современника». Фельетоны, сатирические куплеты, стихотворные пародии «Свистка», отмеченные политической остротой, посвящались злободневным вопросам: борьбе с либерализмом, критике социально-политического строя России, высмеиванию «чистой поэзии» дворянского толка. Основными объектами сатиры были так называемая «гласность» и «обличительная литература».

И «гласность», и «обличительная литература», столь распространенные в 60-е годы, были рассчитаны лишь на то, чтобы мелкими усовершенствованиями «заштопать», «улучшить» государственный строй России. Либеральные деятели с помощью «гласности» старались создать видимость оппозиционности монарху и тем завоевать доверие народа. Сотрудники «Современника» понимали, какой вред наносит либеральная «обличительная» литература освободительному движению. В № 1 «Свистка» Добролюбов печатает серию сатирических стихотворений «Мотивы современной русской поэзии», в которых пародирует либерально-обличительные стихи М. П. Розенгейма:

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Все себя грязним!

Смело мы теперь смеемся
Сами над собой
И без страха окунемся
В грязь — хоть с головой...

Высмеивая либеральный оптимизм, восхищение «эпохой великих реформ» и успехами «российского прогресса», Добролюбов вскрывает истинную сущность либерализма, представителя которого, критикуя частные недостатки общественного устройства, испытывали страх, когда речь шла о коренных преобразованиях страны.

³⁴ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6 томах, т. 6. М., ГИХЛ, 1939, стр. 695.

В № 4 «Свистка» Добролюбов помещает стихотворение «Чернь». Тонкая пародия на стихотворение Пушкина «Поэт и толпа», ложно истолкованное теоретиками «чистого искусства», дала ему возможность представить либеральный прогресс в истинном свете. Простой русский народ, увидев прогресс, который «стопою благородной шел тихо торною стезей», выражает недовольство, говорит: «Зачем так тихо он идет, так величаво выступает?». «Что даст он нам? Чему он служит?» Ведь «нынче с голоду мы мрем... всё в ожиданьи благ неверных». В ответ слышится окрик прогресса:

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наедаться сыто,
Но к высшей правде ты слепа,
Покамест брюхо не набито!..

Когда же народ от тихого ропота переходит к требованию хлеба и работы, либеральный «прогресс» отвечает:

Подите прочь! Какое дело
Прогрессу мирному до вас?..
Прогресс — совсем не богадельня,
Он — служба будущим векам;
Не остановится бесцельно
Он для пособия беднякам.

Такова цена либерализма и либерального «прогресса», не способного защищать интересы народа.

Выступления Добролюбова в «Свистке», направленные против «обличительной литературы», были подписаны псевдонимом Конрад Лиленшвагер. Это был не только псевдоним, но и образ ограниченного восторженного либерала — типичного представителя «обличительной поэзии».

Второй цикл, созданный Добролюбовым для «Свистка», — стихотворения Якова Хама. В этих пародиях на реакционных поэтов и поэтов «чистого искусства» (А. С. Хомякова, А. Н. Майкова и др.) Добролюбов создал новую литературную маску. Яков Хам — имя, образованное из перестановки слогов в фамилии Хомякова, — по мысли сатирика, поэт-монархист, беспринципный человек, которому ничего не стоит в зависимости от хода политических событий изменить свои взгляды. Сатирический смысл стихотворений особенно подчеркивался тем, что они печатались как переводы с несуществующего «австрийского языка».

«Неаполитанские стихотворения» Якова Хама помещались в «Свистке» в 1860 г. (№ 6), когда в Европе происходили важные политические события. Росло национально-освободительное движение итальянского народа, во главе которого стоял Гарибальди. Привыкшая хозяйничать в Италии Австрия поддерживала монархическое правительство Неаполя, всячески препятствовала объединению страны. Эти проблемы находили широкий отклик в «Современнике», прежде всего в политических обзорах Чернышевского. Его симпатии, разумеется, всегда были на стороне Гарибальди. Тем же целям служил и другой цикл пародий Добролюбова — «Опыты австрийских стихотворений. Сочинения Якова Хама» (1859, № 3). В стихотворении «Неблагодарным народам», как бы выступая от имени Австрии, Добролюбов писал:

Не стыдно ль вам, мятежные языки,
Восстать на нас? Ведь ваши мы владыки!
Мы сорок лет оберегали вас
От необдуманных ребяческих проказ.

Мы, как детей, держали вас в опеке
И так заботились о каждом человеке,
Что каждый шаг старались уследить...

Мы братски не жалели ничего
Для верного народа своего:
Наш собственный язык, шпионов гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы, —
Все, все давали вам мы щедрою рукой...
И вот чем платите вы Австрии родной!
Не стыдно ль вам? Чего еще вам нужно?
Зачем не жить по-прежнему нам дружно?
Иль мало наших войск у вас стоит?
Или полиция о деле не радит?

И читатель понимал, конечно, смысл этой ультрамонархической трескотни. Восхваляя полицейский режим неаполитанского короля, да еще словами, которых устыдился бы мракобес типа В. И. Асоченского, Добролюбов разоблачал этот режим. Но разоблачение австрийского режима было для сатирика своеобразной ширмой. В «Свистке», как и в публицистике журнала, Австрия служила устойчивым шифром для обозначения России. Вот почему, знакомясь с циклом стихов Якова Хама, читатель воспринимал их как разоблачение царского самодержавия, всего социально-политического строя России.

Третья литературная маска, вызванная к жизни сатирическим талантом Добролюбова, — «юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию» — Аполлон Капелькин. Стихи Капелькина — цикл остроумных и злых пародий на произведения так называемой «чистой» поэзии, на шовинистические оды. Здесь и «Первая любовь» — пародия на стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...», и «Общественный деятель» — стихотворение, зло высмеивающее возвышенные порывы либерала, которых хватает лишь на то, чтобы поднять бокал шампанского «Здоровье бедняка, страдающего там!», и другие стихи.

Значительное место в «Свистке» занимали произведения Козьмы Пруткова. Басни Пруткова появлялись в «Современнике» и раньше. Еще в 1851 г. Панаев в «Заметках Нового поэта о русской журналистике» привел три басни: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки», написанные Жемчужниковыми и А. К. Толстым. Позже без подписи была опубликована в «Современнике» басня «Стан и голос». В 1854 г. Козьма Прутков становится одним из главных сотрудников «Литературного ералаша» — юмористического отдела «Современника». Здесь были напечатаны многие его афоризмы, эпиграммы, «Досуги» и т. д. Затем сотрудничество Пруткова прекратилось, и лишь спустя пять лет он появился на страницах «Свистка».

Участие Козьмы Пруткова в сатирическом «Свистке» на первый взгляд может показаться фактом трудно объяснимым. В самом деле, что общего было между проникнутой революционным пафосом сатирой Добролюбова и весьма умеренным, «либеральным» юмором Пруткова? Дело, однако, заключалось в том, что в окружении сатирических произведений «Современника», в сопровождении небольших предисловий Добролюбова творения этого «автора» (часто вопреки его желанию) звучали весьма злободневно и иногда политически остро. Да и сам Козьма Прутков в «Свистке» далеко не тот, что в «Литературном ералаше». Достаточно вспомнить басню «Помещик и трава» (1860, № 4), в которой высмеяны раздурмья либерального помещика накануне реформы, широко известный «Проект введения единомыслия в России» (1862, № 9) — злую сатиру на царских бюрократов и реакционно-монархиче-

скую прессу, и другие вещи, опубликованные в «Современнике» в 1860 г.

Почти в каждом номере «Свистка» печатался и Некрасов; после смерти Добролюбова он руководил этим отделом. В «Свистке» были опубликованы заметки «Кювье в виде Чацкого и Горвица», «Развязка диспута 19 марта», фельетон «Отъезжающим за границу», статья «Причины долгого молчания „Свистка“», «Письмо из провинции», «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» и некоторые другие статьи. По своей тематике они близки к сатирическим произведениям Добролюбова. Некрасов разоблачает крепостнические порядки в России, показывает лицемерие и болтовню либералов, высмеивает так называемый «библиографический уклон» либерально-буржуазной литературной критики.

Участвовали в «Свистке» также Чернышевский и Салтыков-Щедрин. Чернышевский напечатал здесь два фельетона: «Опыт открытий и изобретений» и «Маркиз де Безобразов», Салтыков-Щедрин — статью «Сопелковцы» — злую сатиру на М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева.

«Свисток» пользовался большим авторитетом у демократического читателя 60-х годов, вызывал ненависть реакционеров и либералов. Талантливый, яркий, всегда откликнувшийся на злободневные темы, «Свисток» содействовал популярности «Современника», привлекая к нему новых читателей.

* *
*

Революционизирующее влияние «Современника» на общество в период революционной ситуации 1859—1861 гг., последовательное разоблачение позиций либерально-монархической прессы не остались без внимания царского правительства. С каждым днем усиливался полицейский гнет. Цензоры безжалостно уродовали материалы, уже подготовленные к печати, красным карандашом перечеркивались десятки листов. Однако в 1861 г. и это уже не устраивало царских сатрапов, которые все больше ощущали свое бессилие в борьбе с революционным журналом. «Предосудительность общего направления и духа „Современника“ не подлежит сомнению, — писал председатель Петербургского цензурного комитета в Главное управление цензуры, в сентябре 1861 г. — Сколько бы цензура в подобном журнале ни старалась о зачеркивании и смягчении предосудительных мест, ей никогда не удастся уничтожить в нем все следы и всякое проявление того духа, который предгосподствовал при выборе и составлении статей. Неизгладимые эти следы заключаются во множестве мелких частных, которые в отдельности кажутся позволительными и безвредными, но в совокупности статей целой книги или нескольких книг явно обнаруживают предосудительность общего направления и делаются вредными».³⁵ После обсуждения приведенной записки в Главном управлении Петербургскому цензурному комитету было направлено предписание, в котором говорилось, что статьи «Современника» в религиозном отношении лишены всякого христианского значения, в законодательном — противоположны настоящему устройству, в политическом — одобряют революцию, отвергая даже умеренный либерализм, в социальном — представляют презрение к высшим классам общества, страшную идеализацию женщины и привязанность к низшим классам, в философском — полны грубого материализма. Предписание выносило редакции предостережение: в случае, если позиции журнала не будут изменены, его закроют.

³⁵ Цит. по кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова, стр. 501—502.

Нажим на «Современник» усиливался по мере обострения революционной ситуации и особой силы достиг после появления прокламаций «Великорусс», «К молодому поколению», «Барским крестьянам...». 14 сентября 1861 г. за участие в составлении листовок был арестован один из ведущих сотрудников журнала Михайлов. Широко распространялись, несомненно в провокационных целях, слухи, что «Современник» в 1862 г. издаваться не будет. Редакции журнала пришлось выступить с обращением к читателям, в котором решительно заявлялось, что подобные толки преждевременны. «...Покамест, — говорилось в обращении, — ни желанья с нашей стороны, ни какой-либо другой причины к прекращению „Современника“ не существует, и журнал наш в следующем году будет издаваться на прежних основаниях» (1861, № 11, стр. 1 обл.). Однако тучи продолжали сгущаться. 1862 год начался для журнала в обстановке новых преследований со стороны правительства и атак либерально-монархической журналистики. «Современник» рассматривался как идейный центр революционно-демократических сил страны. В июне 1862 г. за «вредное направление» он был приостановлен на восемь месяцев, а 7 июля арестован Чернышевский. Идеологическая борьба в общественной жизни и в журналистике, в ходе которой либерально-монархический лагерь потерпел серьезное поражение, завершилась полицейской расправой. Временную победу одержала реакция.

Приостановка «Современника» в июне 1861 г. на 8 месяцев, смерть Добролюбова 17 ноября 1861 г., арест Чернышевского в 1862 г. явились невосполнимыми утратами. Некрасов добился разрешения возобновить журнал с февраля 1863 г., однако «Современник» в 1863—1866 гг. не смог вновь подняться на те высоты, которых он достиг при Чернышевском и Добролюбова.

В новую редакцию на первых порах, кроме Некрасова, вошли М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев, А. Н. Пыпин. Антонович и Елисеев участвовали в «Современнике» и раньше, активно сотрудничал в журнале и Салтыков-Щедрин. Пыпин, двоюродный брат Чернышевского, тоже был связан с кругом «Современника», хотя дальше умеренного либерализма он никогда не шел.

В конце 1864 г. Салтыков-Щедрин отказался участвовать в редактировании «Современника». Основной причиной такого решения была его неудовлетворенность тем, что руководящая роль в журнале все больше переходила к Пыпину, Антоновичу, Елисееву. Это, конечно, отражалось на позициях издания, которые по многим вопросам становились противоречивыми, нечеткими. О настроении Салтыкова-Щедрина в 1863—1864 гг. свидетельствуют, в частности, его письма к Некрасову. 5 октября 1863 г. он, например, писал: «...Мне совершенно необходимо видеться с вами и поговорить обстоятельнее. Ибо тут идет дело об том, могу ли угодить на вкус гг. Пыпина и Антоновича. Я послал на днях мою хронику, с просьбой уважить меня, напечатать без перемен. Что будет — не знаю. Когда я поступал в редакцию, Вы говорили, что необходимо придать журналу жизни, и так как это совершенно совпало с моими намерениями, то я и отнесся к делу сочувственно. Надо же дать мне возможность вести это дело».³⁶ А позже, в апреле 1865 г., Щедрин еще более резко отзывался о журнале в целом, называя редакцию «Современника» «духовной консисторией».

Уход из редакции Салтыкова-Щедрина явился тяжелой потерей для журнала. Щедрин был единственным человеком, который в своем пуб-

³⁶ Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 184—185.

лицистическом творчестве стоял на уровне Чернышевского и Добролюбова. Место Щедрина занимает Ю. Г. Жуковский. Публицист не без способностей, умевший писать много и хлестко, он вскоре приобрел некоторую популярность как знаток политэкономии. Однако статьи его были поверхностны и эклектичны, да и радикализм не очень глубок. Впоследствии Жуковский дослужился до генеральского чина, стал крупным чиновником министерства финансов и охотно участвовал во враждебной кампании, которую вела русская либерально-монархическая печать против Маркса.

Сложные взаимоотношения внутри редакции, некоторая пестрота состава сотрудников сказывались на облике журнала. Наиболее ярким, идейно цельным становится с 1863 г. беллетристический отдел, который возглавлял по-прежнему Некрасов. В 1863 г. в «Современнике» удалось напечатать написанный Чернышевским в Петропавловской крепости роман «Что делать?» — выдающееся произведение, подлинно революционное по своему духу. Цензура дала разрешение на его печатание, так как не разобралась сначала в содержании книги. Однако позднее цензор В. Н. Бекетов, разрешивший публикацию, был уволен в отставку. В страницах «Современника» в эти же годы опубликованы такие произведения, как «Трудное время» В. А. Слепцова, «Подлиповцы» и «Горнорабочие» Ф. М. Решетникова, «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, «Очерки бursы» Н. Г. Помяловского, рассказы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Во многих номерах печатались стихотворения Некрасова.

В центре внимания беллетристов журнала в 1863—1866 гг. была тяжелая жизнь русских крестьян, не изменившаяся после пресловутого «освобождения». Рассказы Щедрина «Миша и Ваня» (1863, № 1—2), Д. Соколова «Сарыч» (1865, № 3), повесть Решетникова «Подлиповцы» (1864, № 3, 4, 5) рисуют страшную картину материальной и духовной нищеты народа, прошедшего через века рабства и угнетения. Рядом с ними печаталось немало произведений, проникнутых верой в народ и его способность добиться освобождения революционным путем. В начале 1864 г. читатель «Современника» познакомился с поэмой Некрасова «Мороз, Красный нос». В борьбе с реакцией особое значение имели сатирические очерки Щедрина «Как кому угодно...» («Семейное счастье») (1863, № 8), «Здравствуй, милая, хорошая моя» (1864, № 1), «На заре ты ее не буди» (1864, № 3) и другие, а также многие стихи Некрасова.

Если направление беллетристического отдела было ясным и определенным, он продолжал традиции «Современника» Чернышевского и Добролюбова, то материалы, помещаемые в отделе публицистики и критики, были крайне разнородными.

Стремление следовать путем, намеченным Чернышевским и Добролюбовым, обнаружилось в ряде выступлений сотрудников «Современника» сразу же после его возобновления. Наиболее определенно выразил это Салтыков-Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь», напечатанной в февральской книжке журнала за 1863 г. Отвечая на вопрос: «Очистились ли мы постом и покаянием?» (под «постом» и «покаянием» имелась в виду приостановка журнала), он неувдвусмысленно заявил: сохраняя прежние взгляды, «мы обещаемся быть благонамеренными», потому что хотим «беседовать с читателями именно двенадцать, а не пять раз в году» (1863, № 2, отд. 2, стр. 359, 360). Основную задачу хроники общественной жизни Щедрин видел в том, чтобы определить суть «благонамеренных», раскрыть подлинный смысл русского либерализма, показать его страх перед революционным движением. Это составляет

идейное содержание публицистики Щедрина той поры — цикла «Наша общественная жизнь», некоторых рецензий и статей.

На позициях философского материализма стоял в 1863—1866 гг. М. А. Антонович. В своих статьях, насколько было возможно в условиях жестокой цензуры, он подчеркивал верность идеям Чернышевского, критиковал реакционные социально-политические воззрения Гегеля, пытался вскрыть корни идеализма (статья «Литературный кризис», 1863, № 1—2).

Верность революционно-демократическим идеалам проявлялась и в той полемике, которую вел «Современник» в 1863—1866 гг. с журналами «почвенников» и другими изданиями, представлявшими либерально-монархическую прессу. Начало полемики с журналом «почвенников» «Время» относится к концу 1861 г., когда были опубликованы две статьи Антоновича: «О почве (Не в агрономическом смысле, а в духе „Времени“» (№ 12) и «О духе „Времени“ и о г. Косице как наилучшем его выражении» (№ 4), в которых он выступал не только против отдельных положений программы «почвенников», но и против «почвенничества» в целом как «нового направления», увидев за «патриотической» фразеологией его идеологов вредную проповедь примирения трудящихся с их поработителями. После возобновления «Современника» в полемику с журналами братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха» включается и Салтыков-Щедрин, который особенно много сделал для разоблачения «почвенничества». Его статьи «Литературная подпись. Соч. А. Савронского» (1863, № 1—2), «Тревоги „Времени“» (1863, № 3) и прежде всего «Литературные мелочи» с драматическим этюдом «Стрижи» (1864, № 5) — убедительное доказательство того, что Щедрин отчетливо понимал реакционную сущность философии Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова, ясно представлял себе тот вред, который может нанести освободительному движению ее распространение. Щедрин высмеивает «почвенников», показывает их растерянность перед реакцией. Когда же выступления против «Эпохи» стали невозможны («Журнальный ад» — ответ сатирика на статью Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» — был запрещен), в июльской книжке 1864 г. печатается статья Антоновича и Салтыкова-Щедрина «Стрижам, послание обер-стрижу господину Достоевскому» — достойная отповедь врагам революции и противникам материалистической философии. Отвечая Достоевскому и Страхову, Антонович подчеркивал, что журналы «почвенников» и «Современник» выражают противоположные идеологические и политические взгляды.

Революционный демократизм журнала проявлялся и в его полемике с такими реакционными органами, как «Русский листок» Г. И. Кори, В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматова, «Русский вестник» М. Н. Каткова, славянофильский «День» К. С. Аксакова и др. Здесь также выделялись выступления Антоновича и прежде всего его статья «Суемудрие „Дня“» (1865, № 10).

Однако многие материалы «Современника» противоречили идеалам революционной демократии, являлись уступкой легальному народничеству и умеренному либерализму. Автор «Внутренних обозрений» Г. З. Елисеев, разделяя увлечение социалистическими идеалами, еще во времена Чернышевского относился скептически к революционным способам борьбы. Теперь эта черта становится заметнее. В одном из обозрений он, например, писал: «Русская история есть дело любовного земского строения, в ней не было никогда и тени борьбы словесностей, народность, земственность составляют ее корень и почву. и

не имеют в себе ничего похожего на балансирующее положение западного демократизма. . . Она [Россия] не видела в своем прошедшем ни борьбы партий, ни даже возможности их существования, она не видит ничего подобного и в настоящем» (1864, № 3, отд. 2, стр. 118—119). И это написано в то время, когда царизм учинил жестокую расправу с революционерами 60-х годов, когда Катков вел бешеную травлю передовой журналистики. В дальнейшем в публицистике Елисеева все более отчетливо стали проявляться либерально-народнические тенденции. Он верил в то, что России удастся избежать «образования пролетариата, прикрепления рабочих к нанимателю и тому подобных милых вещей» (1865, № 1, отд. 2, стр. 126).

Буржуазные тенденции были свойственны экономическим воззрениям Ю. Г. Жуковского, который после ухода из «Современника» Щедрина стремился стать идейным вождем журнала. В статье «Затруднения женского дела» (1863, № 12) Жуковский скептически отзывался о женских артелях и по существу в завуалированной форме полемизировал с Чернышевским. В статьях о Г. Маклеоде, А. Смита и П.-Ж. Прудоне (1864, № 3, 9—12, 1865, № 2, 3, 7) он открыто проповедовал прудонизм, предлагая «мирное разрешение рабочего вопроса». Не случайно Маркс писал о Жуковском, что этот мнящий себя энциклопедистом³⁷ человек неизбежно приходил к политическому компромиссу.

Противоречивостью и непоследовательностью отличалась философская программа журнала. Наряду с материалистическими статьями Антоновича немалое место занимали выступления Э. К. Ватсона, характерные уступками реформизму. В 1865 г. он напечатал в «Современнике» большую статью «Огюст Конт и позитивная философия», где пытался сочетать несоединимое — материализм Фейербаха и идеалистические построения позитивиста Конта.

Естественно, возникает вопрос, что же было в 1863—1866 гг. в «Современнике» определяющим, главным, — то, что связывало его с традициями Чернышевского и Добролюбова, или то, что противоречило им? В конечном счете — революционно-демократическое начало. Непоследовательность и нечеткость позиций журнала, вызванные прежде всего составом сотрудников и серьезными противоречиями внутри редакции, привели к резкому снижению идейного уровня «Современника». Но несмотря на это, в тяжелых условиях спада освободительного движения и наступления реакции он оставался лучшим и самым демократическим журналом той поры.

Именно поэтому на «Современник» обрушивались главные удары царизма и реакционной печати, а цензурный гнет был просто беспрецедентным в истории журналистики. Достаточно сказать, что только в 1864 г. цензура запретила публикацию материалов общим объемом около 58 печатных листов. Это также накладывало отпечаток на характер издания. Журнал становился все бледнее и бесцветнее. Цензурная история «Современника» в 1863—1866 гг. — это беспримерная борьба редактора журнала Некрасова за существование издания. Мужественная, сложная, она требовала изобретательности и гибкости, искусного маневрирования. Некрасов нередко обманывал цензоров, использовал свои давнишние литературные связи, восстанавливал отношения с людьми, с которыми давно разошелся, имевшими влияние и вес в обществе.

Положение журнала особенно осложнилось после того, как 6 апреля 1865 г. был принят новый закон о печати. Усиленно разрекламированный

³⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 277.

либерально-монархической прессой как одно из достижений «эпохи великих реформ», закон о печати по существу ставил прогрессивную журналистику в еще более трудные условия. Первая же «бесцензурная» книжка «Современника» (1865, № 8) вызвала возмущение цензурного комитета. Журнал обвинили в пропаганде «социального демократизма» и «коммунистических тенденциях». Выход следующего, девятого, номера явился причиной новых нападков. Член совета Фукс обнаружил во многих статьях тома стремление в оскорбительном тоне говорить о представителях власти, в том числе о царских цензорах. За статьи «Новые времена» в № 8 и «Записки современника» в № 9 журнал получил первое «предостережение», после выхода ноябрьской книжки — второе. Любопытно привести выдержку из связанного с этим документа министерства внутренних дел. «Принимая во внимание, — говорилось в нем, — что в журнале „Современник“ (№ 10) в статье „Суемудрие „Дня“ заключаются неприличные суждения о значении православия вообще и в особенности в отношении к событиям отечественной истории (стр. 195 и 196), сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов и насмешки над уважением к религии (стр. 188), глумление над нашим государственным устройством, равно над отношениями народа к правительственной власти (стр. 195—205), а в стихотворении „Железная дорога“ сооружение Николаевской железной дороги изображено как результат притеснения народа, и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, министр внутренних дел... определил: „Объявить второе предостережение журналу „Современник“...»³⁸

Так, к исходу 1865 г. сложились условия, при которых издавать журнал практически было невозможно. Два «предостережения» сильно сказались и на распространении издания: только 2100 подписчиков изъявили желание получать «Современник» в 1866 г., т. е. вдвое меньше, чем в 1865 г. «Существование журнала с двумя „предостережениями“, — писал Некрасов начальнику Главного управления по делам печати, — немыслимо, подобно существованию человека с пораженными легкими».³⁹ Далее в этой записке излагается план прекращения издания. Некрасов указывает, что по материальным соображениям он не может «ликвидировать дело, длившееся 20 лет, внезапно, в один месяц» и просит дать ему возможность выпускать журнал в течение 1866 г. Какой ответ получил редактор «Современника», мы не знаем. Ясно лишь одно — журнал с каждым номером становился все бледнее и бесцветнее. Чтобы предотвратить беду, редакция и прежде всего Некрасов усиливают автоцензуру. «Сам читаю теперь корректуры и мараю чужие статьи», — писал он об этом времени. Все, что хоть в какой-то мере могло вызвать недовольство властей, откладывается в сторону или просто вычеркивается. По подсчетам В. Е. Евгеньева-Максимова, вымарки в тексте только последней книги за 1865 г. (это был сдвоенный номер 11—12) составили около 10 печатных листов.

После неудачного покушения Д. В. Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. начинается новая волна реакции и полицейских репрессий. Всякий литератор, не принадлежащий к направлению Каткова, по словам Елисеева, считал себя обреченною жертвою. «Каждый день... — писал он, — приносил известия: сегодня ночью взяли такого-то и такого-

³⁸ Цит. по кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М., 1952, стр. 285.

³⁹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 53.

то литератора, на другое утро опять взяли таких-то и таких-то и т. д.»⁴⁰ Елисеев тоже был вскоре арестован. В этих условиях Некрасов, стремясь спасти «Современник» от гибели, решается на крайнюю меру: он вместе с другими членами литературного фонда подписывает верноподданнический адрес Александру II, на обедах в Английском клубе читает стихотворения в честь «спасителя царя» Комиссарова и генерала Муравьева, которому было поручено расправиться с революционерами. В апрельской книжке «Современника» Некрасов опубликовал стихи, посвященные Комиссарову, и верноподданническую статью Розанова о событиях, связанных с покушением на царя. Малодушный поступок, который Некрасов мучительно переживал всю жизнь, не привел к спасению «Современника»: в июне 1866 г. журнал был закрыт навсегда. Поводом послужила статья Жуковского «Вопрос молодого поколения», а истинной причиной было, как значилось в казенной бумаге, «показанное с давнего времени вредное его направление».

«Современник» сыграл выдающуюся роль в истории русской журналистики, он был органом революционной демократии 60-х годов. Пример «Современника» открыл путь новым журналам демократической и социалистической печати позднейшего периода. Все лучшее в «Отечественных записках», «Деле», изданиях революционных народников — политическая острота, злободневность, революционная страстность — было продолжением и развитием традиций «Современника».

⁴⁰ Г. З. Елисеев. Воспоминания. — Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 332.

Издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева

В феврале 1853 г. А. И. Герцен напечатал воззвание «Братьям на Руси», в котором объявлял о создании «вольного русского книгопечатания в Лондоне» и обращался к читателям с просьбой: «Присылайте, что хотите, все, писанное в духе свободы, будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений. . . Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др. . . . Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет — это останется на вашей совести. . . Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью — вся моя цель».¹

Герцен справедливо полагал, что основание вольной печати является неотложной потребностью русского освободительного движения. В написанном тогда же открытом письме в редакцию газеты «Польский демократ» он обосновал историческую необходимость и своевременность своего начинания. Он утверждал, что русское политическое и литературное движение развивалось до сих пор в «среде аристократического меньшинства», без участия народа, «за пределами народного сознания» (т. 12, стр. 74). По мнению Герцена, возможность единения передовой интеллигенции с народом была найдена в идее социализма, который он, будучи утопистом, видел в общинном землевладении, в освобождении крестьян с общинной землей. Но в тот момент, писал Герцен, «когда впервые у нас было что сказать народу», царь цензурными гонениями «лишил нас языка» (там же, стр. 78). Отсюда — неизбежность создания вольной печати за границей. «Основание *русской типографии* в Лондоне, — утверждал Герцен, — является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел» (там же, стр. 79).

Вольная типография начала действовать 22 июня 1853 г. Спустя несколько дней появилось первое издание — брошюра «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Начиная агитацию за раскрепощение крестьян, Герцен адресует ее к дворянам, надеясь, что среди них живы традиции декабристов. Он еще не видит революционного народа и не верит в него. Но и в этой брошюре он угрожает дворянам призвать крестьянство «к топору», к революции. «Мы еще верим в вас. . . — писал Герцен, имея в виду дворян, — вот почему мы не обращаемся прямо к несчастным братьям нашим для того, чтобы сосчитать им их силы, которых они не знают, указать им средства, о которых они не догадываются, растолковать им вашу слабость, которую они не подозревают, для

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 12. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 63—64. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

того, чтобы сказать им: „Ну, братцы, к топорам теперь! Не век нам быть в крепости, не век ходить на барщину да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков. . . Ну-тка, детушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погреются в последний раз!“» (там же, стр. 85).

«Я основал на собственные средства русскую типографию, — сообщил Герцен Ж. Мишле 13 октября 1853 г., — полностью оборудованную и очень хорошо действующую. Начиная от матриц и шрифтов и кончая фактором и наборщиком — все это трудно было достать» (т. 25, стр. 122). Серьезную помощь в организации русской типографии оказали Герцену проживавшие в Лондоне польские революционные эмигранты, особенно С. Ворцель. При их содействии был приобретен в Париже русский шрифт, отлитый для Академии наук, в типографии польской эмиграции был поставлен печатный станок, из среды польских эмигрантов вышли два постоянных, ближайших помощника Герцена по типографии и издательству: Л. Чернецкий и С. Тхоржевский. Чернецкий был и первым наборщиком Вольной типографии (позднее наборщиками работали некоторые русские эмигранты — в том числе и знаменитый «таинственный узник» М. С. Бейдеман).

Крымская война почти полностью разорвала слабые связи типографии Герцена с Россией. «Начала наши были темны и бедны, — вспоминал Герцен в предисловии к сборнику „Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне“. — Три года мы печатали, не только не продали ни одного экземпляра, но не имея возможности почти ни одного экземпляра послать в Россию. . . все, напечатанное нами, лежало у нас на руках или в книжных подвалах. . .» Печатали в Вольной типографии в 1854 и в начале 1855 г.: лишь старые и новые произведения самого Герцена — «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка» (из «Былого и дум»), «Письма из Франции и Италии», «С того берега», речи на организованных революционной эмиграцией «сходах» и др. — да прокламации близившегося в те годы с Герценом русского эмигранта В. А. Энгельсона. Отдельным листком в 1854 г. было выпущено известное стихотворение П. А. Вяземского «Русский бог».

Резкий перелом в положении Вольной русской типографии наступил после смерти Николая I и окончания войны, в связи с новым подъемом общественного движения в России. Герцен задумал тогда издавать альманах «Полярная звезда». 25 июля 1855 г., в годовщину казни декабристов, вышел его первый номер, на обложке которого были изображены профили пяти казненных декабристов: Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Каховского, а эпиграфом к сборнику служили слова из «Вакхической песни» Пушкина: «Да здравствует разум!» Всеми средствами Герцен старался раскрыть «непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» (1855, кн. 1, стр. III) своей вольной печати с деятельностью декабристов. Во введении к первой книге «Полярной звезды» Герцен характеризовал ее как «русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей» (там же, стр. III).

Строго периодически выпускать «Полярную звезду» оказалось невозможно (из России поступало мало материалов); поэтому вторая книга вышла только в конце мая 1856 г. В статье «Вперед! Вперед!», помещенной там, Герцен писал: «На первый случай вся программа наша сводится на потребность *гласности*, и все знамена теряются в одном —

в знамени *освобождения крестьян с землею*. Долой дикую цензуру и дикое помещичье право! Долой барщину и оброк! Дворовых на волю! А с становыми и квартальными мы сделаемся потом. . .» (1856, кн. 2, стр. X).

Эта книга «Полярной звезды», по свидетельству Герцена, «разошлась, увлекая за собой все остальное». В начале 1857 г. все напечатанное в Вольной типографии было распродано, материальные издержки стали окупаться, а лондонский издатель и книгопродавец Н. Трюбнер в 1858 г. предпринял за свой счет второе издание четырех вышедших книжек альманаха. Более того, уже к середине 1856 г. обнаружилось, что рукописей из России поступает так много, а по характеру своему они иногда столь значительно отличаются от направления «Полярной звезды», что необходимо время от времени издавать особые, составленные из этих рукописей сборники. Так возникли сборники «Голоса из России», первый из них вышел в свет в июле 1856 г. «Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами», — предупреждал Герцен в предисловии к «Голосам из России».

Ближайшим помощником и соратником Герцена стал его старый друг и единомышленник Н. П. Огарев, который приехал в Лондон в начале апреля 1856 г. и немедленно принял участие в изданиях Вольной типографии. Уже во второй книге «Полярной звезды» была помещена его статья «Русские вопросы» за подписью «Р. Ч.» («Русский человек»). Огареву, который только что прибыл из России и потому живо чувствовал потребности русской общественной жизни, принадлежала мысль — издавать в Лондоне новый периодический орган. Это издание должно было выходить чаще, чем «Полярная звезда», откликаться на все текущие события и вопросы русской жизни и быть удобным для распространения. По словам Н. А. Тучковой-Огаревой, «Герцен был в восторге от этой мысли» и тут же предложил назвать новый орган «Колоколом».²

Первый номер «Колокола» появился 1 июля 1857 г.³ В передовой статье издатели писали: «В отношении к России мы хотим страстно, со всей горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с нее спали наконец ненужные старые сивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 году, считаем первым необходимым, неотлагаемым шагом:

Освобождение слова от цензуры!

Освобождение крестьян от помещиков!

Освобождение податного сословия от побоев!» (1857, № 1, стр. 1).

В период общественного подъема, начавшегося в России после Крымской войны, усиления крестьянского движения, постепенного созревания революционной ситуации «Колокол», открыто разрешая наболелые вопросы русской жизни, имел неслыханный успех и приобрел исключительное влияние.

² Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1959, стр. 111.

³ Подлинный текст всех 245 номеров «Колокола» и приложений к нему воспроизводит выпускаемое сейчас факсимильное издание «„Колокол“. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон — Женева». (М., 1960 и сл.). Это издание подготовлено под общим руководством акад. М. В. Нечкиной группой по изучению революционной ситуации в России конца 1850 — начала 1860-х годов при Институте истории АН СССР. В предисловии Нечкиной к первому выпуску (М., 1960, стр. V—XVI) содержится обзор исследований о «Колоколе» в дореволюционном и советском литературоведении.

Научная публикация статей Герцена в «Колоколе» осуществлена в завершеном тридцатитомном собрании его сочинений, подготовленном и прокомментированном герценовской группой Института мировой литературы АН СССР и другими исследователями.

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга... Рабье молчание было нарушено». «...Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*».⁴

Своим успехом «Колокол» был во многом обязан талантливым руководителем газеты — Герцену и Огареву. Н. Г. Чернышевский считал, что «по блеску таланта в Европе нет публициста, равного Герцену».⁵ Незаменимым соратником Герцена был Огарев, который, как никто другой, умел писать статьи и прокламации, обращенные к народу. Его перу принадлежит большая часть выступлений «Колокола» по экономическим и юридическим вопросам. Изредка помещались в журнале стихотворения Н. П. Огарева, Н. А. Некрасова, М. Л. Михайлова и др. В 1860-е годы в «Колоколе» не раз публиковались и перепечатывались революционные прокламации. И, наконец, постоянно публиковались злободневные сообщения из России, блестяще обработанные редакцией и снабженные остро ироническими примечаниями.

В «Колокол» приходило множество писем. Корреспондентов не мог остановить даже страх перед правительственными репрессиями. Герцен получал сообщения отовсюду, даже из министерских канцелярий и царских дворцов. «Колокол» доставил много хлопот русскому правительству, когда, воспользовавшись услугами своих вездесущих корреспондентов, опубликовал государственный бюджет на 1859 и 1860 гг., всегда составлявший ранее государственную тайну. Громадный секретный материал министерства внутренних дел о раскольниках весь по частям был переписан и выслан Герцену в Лондон. Министр иностранных дел А. М. Горчаков был поражен, увидев напечатанным в «Колоколе» отчет о тайном заседании Государственного совета по крестьянскому вопросу.

Царское правительство боялось герценовских разоблачений. «Граф Виктор Никитич [Панин — министр юстиции] опасается, чтобы книги, издаваемые Герценом, не проникли в низшие слои народа», — писал чиновник III отделения Попов в докладной записке своему начальнику. Меры борьбы с лондонскими изданиями стали предметом постоянных забот правительства. Прежде всего были предприняты шаги дипломатического характера. После того как английское правительство не согласилось закрыть типографию Герцена, русское министерство иностранных дел обратилось к государствам европейского континента с предложением запретить продажу изданий Вольной типографии на их территории. Правительства Франции, Пруссии, Саксонии пошли навстречу этим пожеланиям.

Для борьбы с распространением изданий Герцена за границей туда был послан управляющий III отделением А. Е. Тимашев. До крайности был усилен жандармский надзор на сухопутных и морских границах. Не ограничиваясь регулярными донесениями дипломатических миссий о деятельности Герцена и Вольной типографии, русское правительство послало в Лондон нескольких агентов III отделения, которые установили надзор за Герценом и Огаревым и сообщали о всех приезжающих к ним и возвращающихся от них в Россию. Некоторые из агентов (Михаловский, поступивший на службу в книгоиздательство Трюбнера, «ученые путешественники» М. С. Хотинский и А. К. Геденштерн) были разоблачены Герценом.

В России уличенные в распространении изданий Вольной типогра-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258—259 и 262.

⁵ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова..., т. 1. М., 1890, стр. 319.

фии или в связях с Герценом и Огаревым подвергались преследованию. Так, в 1862 г. правительство, воспользовавшись найденными при аресте и обыске Ветошникова⁶ письмами в Россию А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина, В. И. Кельсиева, арестовали Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. Л. Налбандяна и еще около трех десятков лиц, предъявив им обвинения в «сношениях с лондонскими пропагандистами». Возник громкий судебный процесс «тридцати двух». Многие из обвиняемых были высланы в различные глухие города России, а Серно-Соловьевич и некоторые другие приговорены к каторжным работам.

Русской печати запрещалось даже упоминать имя Герцена.⁷ В то же время подкупленная русским правительством зарубежная пресса не останавливалась перед явной клеветой на Герцена. Особенно злобно нападала правительственная русская газета «Le Nord», выходившая в Брюсселе на французском языке.

За границей же стали появляться книги, направленные против Герцена. Первой из них была вышедшая в Берлине в 1859 г. книга «Искандер-Герцен». Принадлежала она перу Н. В. Елагина, одного из самых жестоких и придирчивых цензоров при Николае I. Написанная по предложению петербургского митрополита, эта книга была полна плоских, грубых ругательств по адресу Герцена — «богоотступника, врага христианской веры, беглеца, ускользнувшего от надзора полиции, унесшего с собой сотни тысяч франков и желающего нам республики и социализма» (стр. 260—261). В 1861 г. в Берлине вышла брошюра барона Ф. И. Фиркса, агента русского правительства, скрывшегося под псевдонимом Шедо Ферроти. Эта брошюра, автор которой упрекал Герцена в чрезмерном самомнении, честолюбии, проповеди анархии и призывал его к умеренности и благожелательному отношению к русскому царю, была затребована царским правительством из Берлина, где она печаталась, и распространена в России. В среде революционной демократии книжонка Шедо Ферроти вызвала глубокое негодование. «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо Ферроти», — писал Д. И. Писарев в статье-прокламации, которую он предполагал напечатать в подпольной типографии.⁸ Четырьмя годами, проведенными в камере-одиночке Петропавловской крепости, заплатил он за это выступление.

Разрешив публикацию брошюры Шедо Ферроти, правительство дало понять, что находит желательным также выступления в русской печати против Герцена. И реакционная пресса во главе с М. Н. Катковым начала систематическую травлю Герцена. Однако ничто не могло помешать успеху и влиянию «Колокола». Уже с 15 февраля 1858 г. он выходит дважды в месяц; а не один раз, как раньше. Тираж его, увели-

⁶ Ветошников был служащим английской торговой фирмы, имевшей свое отделение в Петербурге. Будучи в Лондоне, он познакомился с Герценом и Огаревым и согласился провезти их письма в Россию. На пароходе Ветошников был арестован. Его выдал подосланный к Герцену агент III отделения Г. Перетц.

⁷ Впрочем, печально известный сподвижник Ф. В. Булгарина Б. М. Федоров в 1858 г. выпустил под псевдонимом «Ижицын» уличный листок, носивший название: «Басня. Ороскоп kota. Акrostих». Из букв акrostиха слагались слова: «Колокольщику петля готова». В самой басне выражалась надежда, что kota Ваську, забравшегося в Альбион, «велят: за полюса-звезду повесить, а колокол коту к хвосту привесить». Герцен, познакомившись с листком, ограничился перепечаткой его в «Колоколе». В России басню Федорова высмеял Добролюбов в статье об уличных листках («Современник», 1858, № 9).

⁸ Д. И. Писарев. Соч. в 4 томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1955, стр. 126.

ченный до 2500 экземпляров, был по тем временам очень большим, особенно если принять во внимание, что каждый номер «Колокола» проходил через добрый десяток рук. В 1862 г. количество выпущенных номеров достигло 35. Продолжал ежегодно издаваться альманах «Полярная звезда». С 1855 по 1862 г. вышло семь книжек.⁹ В них публиковались стихотворения русских поэтов, запрещенные в России, материалы о декабристах, стихи Огарева, «Былое и думы» Герцена, теоретические статьи о социализме. До 1860 г. выходил и сборник «Голоса из России». Всего было издано девять выпусков.

Вольная типография печатала много книг и материалов исторического характера. Кроме двух «Исторических сборников» (1859, 1861) и шести сборников, посвященных раскольникам и старообрядчеству (составленных В. И. Кельсиевым), вышли «Записки Екатерины II», «Записки кн. Е. Р. Дашковой», «Записки И. В. Лопухина», «О повреждении нравов в России» кн. М. М. Щербатова. Эти издания имели громадную ценность для исторической науки. Герцен же рассматривал их и как «материалы для уголовного следствия над петербургским периодом нашей истории». Особенно большое значение придавали Герцен и Огарев публикации материалов о жизни и деятельности декабристов, революционные традиции которых высоко чтили. Не ограничиваясь обширными публикациями в «Полярной звезде», они издали три выпуска «Записок декабристов», а также выступили с книгой «14 декабря 1825 года и император Николай I», направленной против верноподданнической книги барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I».

Важное место среди изданий Вольной русской типографии занимали революционные воззвания, прокламации и брошюры, рассчитанные на распространение в народе. Начало было положено в 1854 г. прокламациями В. А. Энгельсона «Первое видение святого отца Кондратия», «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий поклон» и др. Много прокламаций и воззваний было напечатано в «Колоколе» и отдельными изданиями в 1860-е годы. Среди них воззвания «Земли и воли» («Что нужно народу?», «Что надо делать войску?», «Свобода» и др.), «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова, три листка «Великорусса», несколько брошюр и прокламаций, написанных представителями «молодой эмиграции».

Исключительную роль сыграла Вольная типография в издании запрещенных в России художественных произведений. Здесь впервые были напечатаны ода «Вольность», «Деревня», «Послание в Сибирь», «К Чаадаеву» Пушкина, агитационные песни Рылеева и Бестужева, «Смерть поэта» Лермонтова и множество других. Герцен и Огарев выпустили отдельными изданиями «Думы» Рылеева, сборники «Русская потаенная литература XIX столетия», «Свободные русские песни», перепечатали книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Были опубликованы многие произведения издателей «Колокола».¹⁰

* * *

В основу программы «Полярной звезды» и «Колокола» была положена теория «русского социализма».

⁹ На этом издание «Полярной звезды» было фактически прервано: последняя — восьмая — книжка появилась только в 1869 г.

¹⁰ См.: П. Н. Берков. Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, 1853—1865. М.—Л., 1935.

После поражения революции 1848 г. Герцен и Огарев пришли к убеждению, что Россия скорее и легче перейдет к социализму, чем Западная Европа, так как в ней сохранились общинное землевладение, мирское управление и понятие о праве каждого на землю. В крестьянской полуфеодальной общине они увидели проявление социалистических начал, а в русском крепостном крестьянине — бессознательного социалиста. Герцен и Огарев надеялись, что принципы частной собственности никогда не получат в России такого развития, как в Западной Европе, что Россия может перейти к социализму, миновав стадию капиталистического развития. Исторической роли пролетариата они не понимали. «Мы не мещане, мы мужики, — писал Герцен в передовой статье второй книги „Полярной звезды“ за 1856 г. — Мы бедны городами и богаты селами. Все усилия создать у нас городское мещанство в западном смысле приводили до сих пор к тощим и нелепым последствиям... Нашу особенность, самобытность составляет деревня со своей общинной самозаконностью, с мирской сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол» (1856, кн. 2, стр. VII—VIII). Именно поэтому, по мнению Герцена и Огарева, Россия более подготовлена для социального переворота и социализма, чем Западная Европа. «В форме общинного землевладения, — писал Огарев, — социализм становится на почву, потому что при наследственном землевладении почва для него невозможна».

Теория основоположников вольной печати, представляя одну из разновидностей утопического социализма, была, по словам В. И. Ленина, лишь прекрасноречивой фразой и добрым мечтанием, а на деле в ней не было «ни грана социализма».¹¹ В дальнейшем учение о «русском социализме» было принято и усвоено идеологами народничества, в борьбе с которым развивался научный социализм в России.

Значение и сила программы «Полярной звезды» и «Колокола» заключались не в идеализации русской общины и учении о самобытности исторического развития России, а в тех практических требованиях, которые были облечены в форму «„русского“ социализма». Вера в близкое торжество социализма соединялась у Герцена и Огарева с постоянным стремлением к радикальному преобразованию существующего социально-политического строя России, к уничтожению крепостного права и самодержавия. «Герцен видел „социализм“ в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее „права на землю“... — писал В. И. Ленин. — Идея „права на землю“ и „уравнительного раздела земли“ есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения».¹² «Полярная звезда» и «Колокол» были органами революционной крестьянской демократии. «Мы — крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками», — справедливо заявляли руководители Вольной типографии («Колокол», 1857, № 5, стр. 38).

Борьба за освобождение крестьян от крепостного права стала главным направлением «Колокола» и всей вольной печати. «Колокол» систематически разоблачал «ужасы помещичьей власти», с сочувствием говорил о крестьянских волнениях, требовал немедленного уничтожения

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

¹² Там же, стр. 257—258.

крепостного права с передачей крестьянам той земли, которая находилась в их пользовании. «„Колокол“ (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян», — указал В. И. Ленин.¹³

«Колокол» и вольная печать защищали всестороннюю демократизацию государственного строя в России. Они настаивали на передаче законодательной власти в руки земской государственной думы, на введении крестьянского самоуправления и выборности государственных органов, на уничтожении чиновничества, полиции и III отделения, выступали за отмену телесных наказаний, за свободу слова, печати и вероисповеданий, за бесплатное обучение.

Борясь против самодержавия и крепостного права, Герцен, Огарев с помощью вольной печати подняли и развили традиции первого поколения русского освободительного движения — декабристов. Герцен и Огарев считали себя «детьми декабристов» и цель своей жизни видели в том, чтобы передать революционные традиции декабристов следующему поколению русского освободительного движения. «Нашими устами говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева», — писал Герцен (т. 12, стр. 203). При этом он хорошо понимал основной недостаток организации декабристов — отсутствие связи с народными массами. «Один лишь Пестель, — писал он в брошюре „Русский заговор 1825 года“, — хотел, чтобы революция опиралась на народ и на экономическое начало, и вот следствие этого. В день восстания на Исаакиевской площади и внутри второй армии заговорщикам не хватало именно народа» (т. 13, стр. 144).

Постоянно указывал Герцен и на связь своей деятельности с идеями и заветами В. Г. Белинского. В первом же номере «Полярной звезды» он поместил портрет Белинского, опубликовал его знаменитое письмо к Гоголю и дал яркую и глубокую характеристику великого критика в напечатанной в сборнике главе из «Былого и дум». И позднее в «Колоколе» Герцен не раз говорил о своей близости к Белинскому, которого в противовес либералам называл «самой революционной натурой николаевского времени» (см., например, «Письма к противнику» в № 193 «Колокола за 1865 г., стр. 1587).

Будучи органами революционной крестьянской демократии, «Полярная звезда» и «Колокол» отразили в то же время либеральные тенденции своих руководителей, их отступления от демократизма к либерализму. Герцен и Огарев были менее последовательными революционерами, чем Чернышевский и Добролюбов. Не понимая классовый природы русского самодержавия, они наивно мечтали о «революции сверху». Этим и можно объяснить появление в «Полярной звезде» и «Колоколе» писем Герцена к Александру II, в которых он уговаривал царя освободить крестьян с землей и вообще быть милостивым к народу. В. И. Ленин писал об этих письмах, что их «нельзя теперь читать без отвращения».¹⁴ «Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх».¹⁵

Раскрывая причины и основания идейных колебаний Герцена в до-реформенные годы, В. И. Ленин указывает на то, что он до 1860-х годов «не видел революционного народа и не мог верить в не-

¹³ Там же, стр. 258—259.

¹⁴ Там же, стр. 259.

¹⁵ Там же.

го».¹⁶ С другой стороны, ошибки Герцена, несомненно, связаны и с той духовной драмой, которую переживал он после 1848 г. и которая, по мнению В. И. Ленина, «была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела».¹⁷ Опыт событий 1848 г. позволил Герцену правильно понять ограниченность буржуазных революций, при которых народные массы остаются по-прежнему обездоленными, но он при этом впал в крайность и стал вообще колебаться в своем отношении к насильственным методам преобразования действительности.

Программа «Колокола» неизбежно приобрела некоторые черты умеренности. Так, настаивая на освобождении крестьян с землей, находящейся в их пользовании, Герцен и Огарев не требовали ликвидации помещичьего землевладения и считали возможным установить за переданную крестьянам землю небольшой выкуп из средств государства. Огарев писал, что выкуп обойдется правительству дешевле, чем восстание, а для помещиков передача земли крестьянам выгоднее, чем новая пугачевщина.

Непоследовательность руководителей «Колокола» сказалась и на их отношениях с либералами и революционными демократами. Либералы в штыки встретили основание Герценом Вольной типографии и выход «Полярной звезды» и «Колокола». Однако либеральные иллюзии руководителей «Колокола» вызвали у западников и славянофилов надежды на коренное изменение курса вольной печати. Учитывая огромное влияние «лондонских изданий» на русское общество, они стремились использовать их в своих интересах. П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, И. С. Тургенев, И. С. Аксаков и другие охотно снабжали Герцена различными корреспонденциями, настойчиво советуя при этом не увлекаться «крайностями» и «обратиться на путь истины». К сожалению, в предреформенные годы Герцен и Огарев не были достаточно последовательны и решительны в своем отношении к либералам, иногда прислушивались к их советам, предоставляли страницы своих изданий для их статей. Здесь сказались вера Герцена в прогрессивность русской дворянской интеллигенции, желание в союзе с ней выступить против крепостничества.

Но, при всех ошибках, вольная печать Герцена всегда оставалась защитницей народных интересов, а «Колокол» — органом революционной демократии. Герцен и Огарев никогда не были либералами, а только допускали отступления от демократизма к либерализму. Подтверждением коренного, принципиального различия между направлением «Колокола» и либерализмом может служить вся история отношений Герцена с русскими либералами. В 1856 г. К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин прислали Герцену несколько статей, снабдив их вступительным «Письмом к издателю», в котором резко выступали против революционных идей Герцена. «Только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов, — писали они. — ... Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отклика, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторской трибуной, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение». Герцен опубликовал все присланное в первой книжке «Голосов из России», указав в предисловии, что не согласен с письмом и не отвечает за мнения, изложен-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 256.

ные в статьях. В письмах же к М. К. Рейхель и И. С. Тургеневу он заявлял, что «во всем расхочется» с Кавелиным и Чичериным, что «воззрение осиплых Голосов» — глупое и подлое.

Позднее, в 1858 г., Чичерин, побывав в Лондоне и убедившись, что «исправить» Герцена невозможно, написал ему письмо, где снова упрекал «Колокол» в «легкомыслии», «запальчивости» и «шаткости». Возражая Чичерину в статье «Нас упрекают» («Колокол», 1858, № 27, стр. 237), Герцен защищал любые средства освобождения крестьян от крепостной зависимости, вплоть до «топора», прибавляя, что «поэтическим капризам истории» мешать «неучтиво». Эта статья, а также несколько других революционных статей и писем, присланных из России и помещенных в «Колоколе», вызвали яростные нападки Чичерина. «Вы открываете страницы своего журнала безумным воззванием к дикой силе», — писал он Герцену в пространном ответе («Колокол», 1858, № 29, стр. 220), высказывая сожаление, что царская цензура не имеет власти над вольной печатью. Выступление Чичерина, которое Герцен назвал «обвинительным актом», раскрывало истинные отношения между руководителями вольной печати и либералами. Герцен, отметив, что письмо Чичерина «писано с совершенно *противной* точки зрения», порвал отношения с его автором и группой либералов, поддерживающих «Обвинительный акт», — Н. Х. Кетчером, Е. Ф. Коршем, Н. А. Милютиным.

Руководителям вольной печати было ясно, что «нынешние государственные формы России никуда не годятся», что «жалкой системой мелких частных улучшений» их не исправишь, необходима коренная ломка общественно-политического строя. Если мирное преобразование страны окажется невозможным, Герцен и Огарев, при всем своем «отвращении к крови», были готовы поддержать крестьянскую революцию. В этом их основное отличие от либералов, для которых революция при любых условиях была неприемлема. По словам В. И. Ленина, «Колокол» выдвинул важнейший вопрос — «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о „соглашательской“ (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен „Колоколом“ Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу „теорий“ и учений, а не наоборот».¹⁸

Буржуазные ученые Котляревский, Корнилов, Ашевский и другие, «тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала»,¹⁹ изображали руководителей «Колокола» и «Современника» как деятелей различных классов и политических направлений, боровшихся между собою, охотно писали о разногласиях между Герценом и Чернышевским. Однако совершенно очевидно, что Герцен и Огарев, хотя и допускали отступления от демократизма, все же находились в одном лагере с революционной демократией, а не с либералами. В руководителях «Колокола» Чернышевский и Добролюбов видели своих ближайших предшественников и учителей, хотя это не мешало им сурово критиковать Герцена за уступки либерализму.

Одним из наиболее явных отступлений Герцена от демократизма к либерализму явилась его статья «Very dangerous!!!» (Очень опасно!!!), опубликованная в № 44 «Колокола» 1 июня 1859 г. В ней он

¹⁸ Там же, стр. 258.

¹⁹ Там же, стр. 255.

резко осуждал руководителей «Современника» и «Свистка» за их насмешки над либерально-обличительной литературой и отрицательное отношение к «лишним людям». Герцен обвинял «Современник» и «Свисток» в «пустом балагурстве» и заявлял, что, «истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что на этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина и Греча, но (чего боже сохрани!) и до Станислава на шею». Выступление Герцена не было случайным. Оторванный от России, он не понимал еще, что разночинцы стали огромной политической силой, и продолжал переоценивать роль дворянской интеллигенции в революционном движении.

Статья Герцена произвела ошеломляющее впечатление на редакцию «Современника». «Однако хороши наши передовые люди! — записал Н. А. Добролюбов в дневнике 5 июня 1859 г. — Успели уж пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности».²⁰ Н. Г. Чернышевский поехал в Лондон для объяснения с Герценом, и в двадцатых числах июня 1859 г. они встретились. Эта поездка была не напрасной. В № 49 «Колокола» за 1859 г. появилось разъяснение, в котором Герцен в значительной степени признавал ошибочным выпад против руководителей «Современника».

Это разъяснение, к сожалению, не помешало Герцену через год еще раз вернуться к разногласиям с «Современником» в статье «Лишние люди и желчевики» («Колокол», 1860, № 83). Называя «Современник» «одним из лучших русских обозрений», Герцен признавал правильным отношение журнала к либеральному обличительству. «Люди, говорящие, что не на взяточников и казнокрадов следует обрушивать грома и стрелы, а на среду, делающую взятки зоологическим признаком целого племени... совершенно правы», — писал Герцен. Защищая «лишних людей», Герцен в то же время писал, что они «были столько же необходимы» в 1830-е и 1840-е годы, «как необходимо теперь, чтобы их не было». В «желчевиках», т. е. в разночинной демократии, Герцен видел «людей озлобленных и больших душой», его пугали их нетерпимость, беспощадность, «злая радость отрицания». Вместе с тем Герцен признавал, что «желчевики» представляют «явный шаг вперед». Но и «лишних людей», и «желчевиков», по мнению Герцена, должны сменить новые люди. Как ни выигрывает эта статья по сравнению с «Very dangerous!!!», все же и в ней сказались плохое знание Герценом русской революционной демократии, его либеральные тенденции.

О том, что конфликт между руководителями «Колокола» и разночинной демократией был вызван не случайными недоразумениями, а более серьезными причинами, свидетельствуют «Письмо из провинции» («Колокол», 1860, № 64), подписанное «Русский человек», и предисловие к нему Герцена. Автор «Письма» до сих пор неизвестен, но несомненно, что он разделял взгляды Чернышевского и Добролюбова.²¹ «Все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, — писал Русский человек Герцену, — что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия; и что же?

²⁰ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6 томах, т. 6. М., ГИХЛ, 1939, стр. 487.

²¹ Свод данных о возможном авторе письма см.: А. И. Герцен. Собр. соч., т. 14, стр. 541—542.

Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие. Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства... Вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите — Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте... Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!.. Перемените же тон, и пусть ваш „Колокол“ благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать».

«... Где же у нас та среда, которую надо вырубать топором? — возражал Герцен в предисловии „от редакции“, которое было ответом на „Письмо из провинции“. — „К метлам! надобно кричать, а не к топорам!“... Кто же в последнее время сделал что-нибудь путного для России, кроме государя? Отдайте же и тут кесарю кесарево» (стр. 533, 534, 535, 532). Здесь открыто столкнулись либеральные иллюзии и надежды Герцена с принципами революционной демократии.

Разногласия между Герценом и редакцией «Современника» были глубокими и серьезными. Но было бы ошибкой на основании приведенных фактов объявлять Герцена либералом и видеть в этих столкновениях борьбу классово различных политических направлений.

К сожалению, и в нашем литературоведении встречались неверные утверждения, что редакция «Колокола» до реформы состояла в блоке с либералами,²² что Герцен и редакция «Современника» в 1859 г. «сражались на разных сторонах баррикады, ибо защищали интересы враждующих классов».²³ Дань этим ошибочным представлениям отдал и Б. П. Козьмин, много сделавший для подлинно научного изучения наследия Герцена, Огарева и всей русской революционной демократии. Признавая, что Герцен и Огарев колебались в предреформенные годы между либерализмом и демократизмом, Козьмин чрезмерно преувеличивает в ряде своих работ либеральные иллюзии издателей «Колокола».²⁴ Главный смысл дореформенной деятельности Герцена и Огарева он видит в письмах к царю, в советах правительству и дворянству освободить крестьян, в призывах к русскому обществу не устраивать революции: «В 1859 г. они [Герцен и Огарев] считали революцию в России не только маловероятной, но и ненужной». Вся издательская деятельность Герцена и Огарева в этот период, по мнению Козьмина, строилась в расчете на среднее сословие дворян: «Для него они выпускали „Полярную звезду“ и „Колокол“. Представителей его привлекали к сотрудничеству в своих изданиях». Программа «Колокола», пишет Козьмин, «отличалась чрезвычайной умеренностью и под ней мог бы подписаться любой либерал». За обличениями и разоблачениями «Колокола» якобы не стояло никакой теории и социально-политической

²² З. П. Базилева. «Колокол» Герцена (1857—1867). М., 1949, стр. 72, 107 и др.

²³ В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбе. Л., 1936, стр. 372—373.

²⁴ См. статьи: Б. П. Козьмин. 1) А. И. Герцен в истории русской общественной мысли. — Известия АН СССР, сер. истории и философии, 1945, № 2; 2) Выступление Герцена против «Современника». — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 4; 3) Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом. — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 2.

программы: связи между отдельными проявлениями произвола и лихоимства и всем общественно-политическим строем тогдашней России Герцен будто бы не видел.

Наличие у Герцена и Огарева в дореформенный период каких-либо революционных замыслов или намерений создать тайную революционную организацию Козьмин решительно отрицает: «Они в это время не могли еще строить каких-либо планов подготовки революции и создания тайного революционного общества». Даже публикуя «Записку о тайном обществе» Огарева, Козьмин пытается характеризовать общество, проектируемое Огаревым, как «просветительную ассоциацию, занятую распространением знаний», хотя это определение противоречит его же заявлению о том, что «основная цель этого общества — подготовка переворота». Предположение, что у Герцена и Огарева были революционные планы, означает, по мнению Козьмина, признание «издателей „Колокола“ политическими двурушниками», которые считали возможным на страницах «Колокола» «убеждать русское общество в возможности и необходимости предотвратить народное восстание и призывали к мирному разрешению вопроса, а в то же самое время тайком готовили революционный переворот».

Такое понимание позиций Герцена и Огарева предопределило в некоторых работах Козьмина и соответствующее освещение взаимоотношений между ними и Чернышевским и Добролюбовым. Делая оговорку, что Герцен и Огарев, Чернышевский и Добролюбов принадлежат к одному лагерю, Козьмин на деле настолько раздувает разногласия и противоречия между ними, что от провозглашенного им единства почти ничего не остается. Не ограничиваясь заявлением, что революционно-демократические круги якобы отошли и «отмежевались» от Герцена, Козьмин утверждает даже, что «влияние Герцена на русское общество, в том числе на его демократическую часть, не могло не страшить Чернышевского», что Чернышевский считал необходимым «противодействовать» влиянию Герцена «на русскую революционную молодежь».

Как одно из проявлений «противодействия», как «столкновение» рассматривается Козьминым поездка Чернышевского в Лондон в 1859 г. По его мнению, Чернышевский ездил не для того, чтобы объяснить и договориться с Герценом, не для достижения взаимопонимания, а лишь для того, чтобы сделать Герцену выговор за статью «Vergu dangerous!!!», в которой содержались нападки на «Современник». Исход переговоров Герцена с Чернышевским Козьмин находит неудачным, почти безрезультатным: «... как Герцен, так и Чернышевский убедились в том, что им не по дороге». Отзыв Чернышевского о Герцене «Кавелин в квадрате» (данный в письме к Добролюбову под влиянием спора и раздражения и никогда впоследствии не повторенный), по мнению Козьмина, исчерпывающе характеризует отношение Чернышевского к Герцену после поездки.

Несомненно, что такое понимание Козьминым деятельности Герцена и Огарева в предреформенные годы и взаимоотношений их с Чернышевским не соответствует историческим фактам. Верно, что Герцен и Огарев не были столь последовательными революционерами, как Чернышевский, и колебались между демократизмом и либерализмом, верно, что после реформы 19 февраля они в значительной степени освободились от либеральных иллюзий, но верно и то, что демократ всегда брал в них верх над либералом, что их убеждения и в дореформенные годы (при всех отступлениях в сторону либерализма) имели

революционный характер. Главный смысл их тогдашней деятельности заключался вовсе не в советах царю и дворянству, а в непримиримой борьбе против крепостнического строя, в революционной агитации, целью которой была передача революционных традиций декабристов новому поколению борцов против крепостничества и деспотизма. Герцен и Огарев и в дореформенные годы боролись против либерализма и постепенности, подвергали беспощадной критике самодержавие и самого царя и выступали в защиту революции. Достаточно сослаться на гневную отповедь Герцена либералу Чичерину — программную статью 1858 г. «Нас упрекают». «Будет ли это, освобождение [освобождение крестьян] сверху или снизу — мы будем за него, — писал Герцен. — Освободят ли их крестьянские комитеты [т. е. дворянские комитеты по крестьянскому вопросу], составленные из заклятых врагов освобождения, — мы благословим их искренне и от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты, — мы первые поздравим их братски и также от души... Средства осуществления бесконечно различны: которое изберется, в этом поэтический каприз истории, — мешать ему неучтиво...» («Колокол», 1858, № 27, стр. 220).

Разве эти слова могли быть написаны убежденными противниками насилия, какими пытается представить Герцена и Огарева Козьмин? Даже отвергая совет Русского человека «К топору зовите Русь», Герцен не отказывался от революционного насилия. Он только считал, что топор — это «ultima ratio [последний довод] притесненных», что призыв к топору преждевременен: «Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план...» Если же крестьянское восстание станет фактом, тогда, писал Герцен, «рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его *любовь* велит» («Колокол», 1860, № 64, стр. 531, 533).

Мог ли в таком случае подписаться под программой «Колокола» любой либерал (а о программе издания нельзя, разумеется, составлять мнение только на основании первого номера), выпускался ли «Колокол» для среднего сословия дворян и понимал ли издатель «Колокола» связь между отдельными проявлениями произвола и лихости и всем общественно-политическим строем тогдашней России? Конечно, «Колокол» и либералы и в дореформенные годы представляли совершенно противоположные, враждебные направления, «Колокол» был голосом угнетенного русского народа и обращался с вольным словом к самым широким демократическим кругам русского общества, обличения «Колокола» — это беспощадная критика всего самодержавно-крепостнического строя. Документы свидетельствуют также, что Герцен и Огарев уже в те годы вынашивали планы создания широко разветвленной по всей России подпольной революционной организации и восстания против самодержавия.²⁵ И, конечно, подобные планы нисколько не противоречили направлению «Колокола». Наоборот, они органически связаны с революционной агитацией вольной печати и ее распространением в России.

²⁵ См., например, материалы: «Литературное наследство», т. 61, 1953. В этом и трех последующих — 62, 63 и 64-м — томах «Литературного наследства» опубликованы документы так называемых «пражской» и «софийской» коллекций, переданных в дар советскому народу, а также материалы, хранящиеся в ряде зарубежных собраний. Благодаря этим публикациям в научный обиход вошло много ценных сведений о деятельности Герцена и Огарева.

Основываясь на документах «пражской коллекции» и других материалах, М. В. Нечкина, полемизируя с Козьминим, убедительно показывает, что Добролюбов и Чернышевский, Герцен и Огарев находились в одном революционно-демократическом лагере.²⁶ Более того, Нечкина устанавливает, что в годы революционной ситуации в России постепенно складывается подпольная революционная организация — предшественница «Земли и воли». В Лондоне над созданием тайной организации начали работать Огарев и Герцен, в Петербурге — Чернышевский и Добролюбов. Возникают два революционных центра, которые еще в дореформенные годы устанавливают между собой тесную связь. «В России, — пишет Нечкина, — в период революционной ситуации 1859—1861 гг. происходила консолидация революционных сил для организованного выступления. Несмотря на борьбу мнений, споры и разногласия, оба революционных центра действовали совместно на пользу общего дела».

Разногласия между издателями «Колокола» и Чернышевским, временами острые и серьезные, были разногласиями между «своими», внутри революционно-демократического лагеря. Чернышевский *упрекнул* Герцена за отступление от демократизма к либерализму, но это не мешало ему высоко ценить деятельность издателя «Колокола». Достаточно хотя бы вспомнить положительные отзывы Чернышевского о Герцене в дневнике, в «Очерках гоголевского периода русской литературы», в рецензии на стихотворения Огарева, а также совместное участие издателей «Колокола» и Чернышевского в обществе «Земля и воля», оценку выступления Герцена со статьей «Very dangerous!!!» как «удивительное недоразумение», в которое впал «один из значительнейших и действительно лучших деятелей русской литературы»; об этом свидетельствуют и донесения агентов полиции, утверждавших, что Чернышевский и его жена хранили и распространяли лондонские издания, и показания многих современников, например хорошо осведомленного М. А. Антоновича: «Некоторые пытались объяснить и оправдать враждебность и жесточенность статьи [имеется в виду «Very dangerous!!!»] принципиальными причинами. Тогда будто бы образовалось два противоположных „течения общественной мысли“, и вот, естественно, что между ними произошло враждебное столкновение, — и статья была одним из наиболее ярких проявлений этого столкновения. Это очень натянуто и неверно... Разве же на самом деле Герцен и „Современник“ были принципиальные враждебные противники?.. Разве же Герцен и „Современник“ были в самом деле двумя противоположными и враждебными лагерями? Вовсе нет, это были не два лагеря, а только две части одного лагеря и вовсе не враждебные, а согласные между собой в большинстве принципов и пунктов и разногласные только в некоторых частностях и подробностях».²⁷

При всех колебаниях Герцена, «Колокол» и другие издания вольной печати оказали огромное влияние на развитие политического сознания демократической интеллигенции 1850—1860-х годов и сыграли большую роль в русском освободительном движении. Глубокие мысли об отношении Герцена к революционной демократии высказал

²⁶ См. статьи: М. В. Нечкина. 1) Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). — «Литературное наследство», т. 61, 1953; 2) Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. — Известия АН СССР, сер. истории и философии, 1947, т. 4, № 2.

²⁷ М. А. Антонович. Воспоминания. — Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 87—88.

В. И. Ленин в своих работах «Памяти Герцена» и «Из прошлого рабочей печати в России». С одной стороны, он установил идейно-политическую общность взглядов Герцена и революционной демократии: «Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“». ²⁸ С другой стороны, он вскрыл и различия между Герценом и лучшими представителями революционной демократии. Чернышевский, по мнению В. И. Ленина, «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом». ²⁹

* *
*

Направление «Колокола» становится все более революционным по мере нарастания революционной ситуации в России. «Александр II не оправдал тех надежд, которые Россия имела при его воцарении», — писал Герцен в «Колоколе» (1858, № 18, стр. 141). «Мы каемся перед Россией в нашей ошибке. Это — то же николаевское время, но разварное с патокой», — заявил он через два с половиной месяца (1858, № 23, стр. 185). Непосредственно перед реформой его разочарование достигло высшей степени. «Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! *Bon voyage!*... Нам сюда», — писал Герцен 15 апреля 1860 г. (№ 68-69, стр. 568). Те же убеждения и настроения нашли яркое выражение в статье Огарева «На новый год», помещенной в «Колоколе» 1 января 1861 г. Говоря о подготавливаемом правительством Александра II освобождении крестьян, Огарев писал: «Какое бы оно ни было, в первый день оно примется с восторгом. Не один шкалик откупного вина разопьется в честь свободы... Но день пройдет — все оглянутся и увидят, что и вино поддельное и свобода поддельная. Наступит пора страшного молчания, от которого много лиц побледнеет, а потом люди очнутся, жизнь взойдет в свои права и станет искать себе выхода» (№ 89, стр. 745).

Герцен и Огарев все отчетливее сознавали, что их обращения к верхам напрасны, что во дворце нет «живых», что нужно звать и будить народ и демократическую интеллигенцию. Решительные и смелые призывы все чаще раздаются со страниц «Колокола». «В Тамбовской губернии крепостной человек убил своего помещика, вступившись за честь своей невесты. И превосходно сделал, прибавим мы», — сообщал Герцен («Колокол», 1860, № 62, стр. 517). «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам вместо того, чтобы душить их, сядет на престол Романовых», — утверждал он в следующем номере (1860, № 63, стр. 530).

Хотя и не сразу, но довольно скоро руководители «Колокола» поняли и сущность реформы. Разбирая опубликованное «Положение» об отмене крепостного права, Огарев писал в № 101 газеты: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут». Сообщения из России о том, что крестьяне ответили на «освобождение» восстаниями, заставили Герцена и Огарева выразить свою оценку реформы еще более определенно. С 1861 г. в «Колоколе» появляются статьи, рассчитанные на читателя из народа и написанные доступным для него языком («Что нужно народу?»),

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

«Ход судеб», «Что надо делать войску?» и др.). Руководители вольной печати призывали народ к борьбе за землю и волю, за выборность всех властей снизу доверху, за уничтожение бюрократии и чиновничества. Одновременно с публикацией в «Колоколе» эти статьи выпускались в виде прокламаций и брошюр и в тысячах экземпляров отправлялись в Россию. Было также решено издавать для читателей и корреспондентов из народа новое прибавление к «Колоколу» под названием «Общее вече», которое стало выходить с 15 июля 1862 г.³⁰

Теперь уже руководители «Колокола» требуют не только передачи крестьянам той земли, которая находилась в их пользовании при крепостном праве, но и полной ликвидации помещичьего землевладения; они призывают не верить обещаниям царя и правительства, а с оружием в руках подниматься «на притеснителей».

Хорошо сознавая неорганизованность и бессилие стихийных крестьянских восстаний, Герцен и Огарев настойчиво пропагандируют в 1860-е годы идею создания тайной революционной организации, способной возглавить народное движение. В статье «На новый год» Огарев заявлял, что так как «от правительства ждать нечего», то «общество вынуждено составлять свои центры действия».

Известно, что в 1861—1862 гг. руководители «Колокола» совместно с Н. А. Серно-Соловьевичем, Н. Н. Обручевым, А. А. Слепцовым и другими представителями русских прогрессивных сил создали тайное революционное общество «Земля и воля», которое в России было связано с Чернышевским. В основу программы этой организации легла опубликованная в № 102 «Колокола» прокламация «Что нужно народу?», написанная Огаревым совместно с Н. Н. Обручевым и при содействии Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова и М. Л. Налбандяна. На вопрос: «Что нужно народу?» — авторы прокламации отвечали: «Очень просто, народу нужна земля и воля», а на вопрос: «Кто же... доставит ему все это?» — разъясняли, что «шуметь без толку и дезть под пулю вразбивку нечего; а надо молча собираться с силами, искать людей преданных, которые помогли бы советом, и руководством, и словом, и делом, и казней, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую». Прокламация советовала народу не ждать «никакого добра» от царя и учила, что «пуще всего надо народу сближаться с войском».

Еще более ясно и остро вопрос об организации тайного революционного общества был поставлен в № 107 и 108 «Колокола» в статьях по поводу прокламаций общества «Великорусс». Серно-Соловьевич в статье «Ответ „Великоруссу“» и Огарев в редакционном примечании к этой статье открыто призывали к созданию тайных организаций. «Для страны, находящейся под вековым рабством, — писал Серно-Соловьевич, — нет другого средства сбросить иго, как тайные союзы.

³⁰ Всего вышло 29 номеров. Особые надежды «Общее вече» возлагало на раскольников и старообрядцев. Ложные идеи об исключительной революционности раскольников, характерные для революционного движения 1860—1880-х годов, настойчиво развивал в кругах лондонской эмиграции В. И. Кельсиев, оказавший в этом отношении влияние и на Герцена и Огаревым. «Мне захотелось, — писал Кельсиев в „Исповеди“, — приманить раскольников на нашу сторону, возбудить в них политическую оппозицию правительству, воспользоваться беспоповским учением, что царь — антихрист, министры и архиереи — архангелы сатаны, чиновники и священники — воплощенные черти... „Ну, — сказал мне Герцен, выслушав мои панегирики расколу, — вам и книги в руки. Я в вероучениях мало понимаю, но, само собой, раскольникам следует помочь“». — «Литературное наследство», т. 41-42, 1941, стр. 288.

Они образуют борцов, соединяют силы, готовят движение, без них массы или не поднимаются, или, поднявшись, не подготовленные, не выдерживают борьбы с организованным врагом» (1861, № 107, стр. 896). Определяя задачи революционной организации, Серно-Соловьевич и Огарев, в противоположность «Великоруссу», утверждали, что надо обращаться не к обществу, а к народу. Разошлись они с «Великоруссом» и в понимании целей организации. «Великорусс» полагал, что главная цель движения — конституция, а Серно-Соловьевич и Огарев, соглашаясь, что «конституция лучше самодержавия», считали, что не она «цель и последнее слово». «Наша цель, — заявлял Серно-Соловьевич, — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей» (там же, стр. 897).

С напечатанием в «Колоколе» статьи «Что нужно народу?» влияние «Земли и воли» стало заметно сказываться на облике издания. Оно становится заграничным центром этой революционной организации. Появление на страницах «Колокола» прокламаций «Земли и воли», перепечатка их в виде отдельных листов и брошюр, объявление редакции об основании «общего фонда» на «общее русское дело» (1862, № 133), обращение Совета общества «Земля и воля» ко всем русским людям вносить денежные пожертвования «в пользу сосланных и ссылаемых» (№ 157) ярко свидетельствуют об этом. 1 марта 1863 г. Герцен выступил с открытым братским обращением к «Земле и воле» (№ 157). Начиная с № 197 «Колокола» (25 мая 1865 г.), Герцен и Огарев прибавили к старому девизу журнала «Vivos voco»³¹ девиз «Земля и воля».

Участие руководителей «Колокола» в создании и деятельности «Земли и воли» неизбежно привело к тому, что Герцен и Огарев стали по-иному относиться к разночинной демократической интеллигенции, к ее убеждениям и духовному облику, к ее вождям. И если прежде Герцен и Огарев полагали, что руководящую роль в жизни России сыграет передовая дворянская интеллигенция, и на страницах «Колокола» иногда находили место достаточно резкие выступления против «желчевиков», то теперь положение меняется. Героическая борьба революционной демократии против самодержавия, мужественное поведение осужденных Чернышевского, Михайлова, Н. А. Серно-Соловьевича и многих других заставили Герцена и Огарева по-иному оценить «новых людей» и их историческую роль. Герцен, еще недавно защищавший «лишних людей», пишет теперь о превосходстве «новой России» перед «людьми 40-х годов», перед дворянской интеллигенцией. Во втором «Письме к противнику», адресованном славянофилу Ю. Ф. Самарину, Герцен писал: «И вы и мы по положению, по необходимости были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжниками, тайнобрачными супругами наших идей... Молодое поколение стало складываться с большим мужеством, с большей выдержкой и с большей готовностью на бой... Что, *энервированный* Михайлов просил пощады? Обручев валялся в ногах у царя? Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, они ушли на каторгу с святою нераскаянностью» («Колокол», 1865, № 193, стр. 1586—1587). «La roture [разночинцы], — заявлял Герцен и в „Письмах к путешественнику“ — единственная гавань, в которую можно спрыгнуть с тонущего дворянского судна» («Колокол», 1865, № 197, стр. 1617).

³¹ «Зову живых» — начальные слова «Песни о колоколе» Ф. Шиллера.

С глубокой скорбью и сочувствием писал «Колокол» о преждевременной смерти Добролюбова — «одного из замечательнейших публицистов русских», об осужденных и погибших в Сибири М. Л. Михайлове, Н. А. Серно-Соловьевиче и др. Михайлову было посвящено специальное прибавление к № 119-120 «Колокола» за 1862 год, в котором, кроме присланных из России стихотворения «Узнику» и ответа на него Михайлова («Крепко, братья, вас в объятия...»), были помещены страстная статья Герцена и стихотворение Огарева «Михайлову». Горячо веруя в близкое торжество народа, Огарев обращался к ссыльному Михайлову с прочувствованными словами ободрения:

Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

В том же номере «Колокола» было помещено и стихотворение Михайлова «Памяти Добролюбова» («Вот и твой смолк голос честный»).

Еще до ареста Чернышевского и его осуждения Герцен изменил свое отношение к вождю русской революционной демократии и отказался от выступлений, подобных статьям «Very dangerous!!!» или «Лишние люди и желчевики». А когда Чернышевский был арестован и осужден и самое его имя было запрещено произносить в России, «Колокол» в многочисленных статьях защищал «самого выдающегося публициста», разъяснял значение «замечательного писателя» и разоблачал правительство и либеральное общество, рукоплескавшее ссылке «самого талантливого из преемников Белинского». В статье «Н. Г. Чернышевский» Герцен писал: «Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику... Поздравляем всех различных Катковых, — над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе? Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье и, если возможно, — мечь!» (1864, № 186, стр. 1525). А в следующем номере «Колокола», в статье «VII лет», говоря с восхищением о новой разночинной среде в России, Герцен еще энергичней подчеркивал свое полное единомыслие с Чернышевским: «Для этой новой среды хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба, о чем им говорят подземные голоса из царских кладовых, о чем денно и ночью проповедует царская крепость — наша печальная Петропавловская лава на Неве».

Не ограничиваясь выражением горячего сочувствия Чернышевскому, Герцен пытался еще в 1864 г. поставить вопрос об организации побега Чернышевского. Об этом сообщил в своих показаниях привлеченный правительством «по подозрению в сношении с злонамеренными лицами» иркутский купец Н. Н. Пестерев. По словам Пестерева, Герцен (которого он посетил в мае 1864 г. в Лондоне), склоняя его к «увозу» Чернышевского, говорил ему: «Пусть придет Чернышевский, я с руками передам ему мой станок. А что, ведь от вас уйти можно? Бакунин ушел же?»³²

Выступления «Колокола» в защиту Чернышевского исходили из

³² См. статью и публикацию В. Н. Шульгина «Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией». — «Литературное наследство», т. 63, 1956, стр. 332.

понимания общности их дела и направления со взглядами и деятельностью Чернышевского. «Мы служим взаимным дополнением друг друга», — писал Герцен в статье «Порядок торжествует», с уважением отзываясь о социалистической и революционной теории, с «огромным талантом и пониманием» развиваемой Чернышевским. По мнению Герцена, Чернышевский, «стоя один, выше всех головой» в России, указывал «труженику, съедаемому капиталом», и «труженице, съедаемой семьей», что делать для своего освобождения и как найти дорогу к «иной жизни» (1866, № 230).

Тесное сближение Герцена и Огарева с революционной демократией, отказ от либеральных надежд привели их к окончательному разрыву с либералами. В то время как направление «Колокола» после крестьянской реформы революционизируется, русские либералы, напуганные подъемом общественного движения, решительно поворачивают на путь реакции и союза с правительством. С началом польского восстания 1863 г. оборвались и последние связи «Колокола» с либералами. Одержимая, по выражению Герцена, «пеньковым патриотизмом», русская реакционная и либеральная пресса бесстыдно клеветала на восставших поляков, яростно требовала от правительства немедленной кровавой расправы с ними. И только «Колокол» открыто отстаивал свободу Польши. Не ограничиваясь выступлениями в «Колоколе», Герцен и Огарев оказывали и материальную поддержку польскому восстанию, а также вместе с обществом «Земля и воля» выпустили несколько воззваний и прокламаций, призывающих русских солдат и офицеров не участвовать в усмирении Польши, а послужить делу народного освобождения. «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“, Герцен не смутился, — писал В. И. Ленин в статье „Памяти Герцена“. — Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии».³³

В 1860-е годы «Колокол», благодаря разрыву Герцена и Огарева с либералами и сближению с революционной демократией, стал более последовательным демократическим органом, чем раньше. Но и в этот период решительные призывы к свержению самодержавия иногда уступают место старым надеждам на мирное преобразование государственного строя России. Особенно наглядно пореформенные колебания руководителей «Колокола» сказались в статьях по поводу прокламации «Молодая Россия», появившейся в России в мае 1862 г. «Молодая Россия» призывала к «революции кровавой и неумолимой» и справедливо порицала «Колокол» за обращения к царю, за либеральные надежды на мирный переворот, за «близорукий ответ» на письмо «Русского человека». Герцен посвятил «Молодой России» две статьи: «Молодая и старая Россия» (1862, № 139) и «Журналисты и террористы» (1862, № 141). Энергично защищая авторов прокламации от клеветы и расправы правительства, издеваясь над испугом либералов перед «Молодой Россией», он в то же время продолжал надеяться, что революция является не единственным способом освобождения народа: «Придет роковой день — станьте грудью, лягте костями, но не зовите его, как желанный день. Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в мономаховой шапке или во фригийской — все равно». В герценовской критике «Молодой России» было вместе с тем

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 260.

много верного. Герцен справедливо обвинял авторов прокламации в доктринерском пренебрежении к народу и перенесении на русскую почву бланкистской, заговорщической тактики. При этом он вовсе не считал революционные методы борьбы принципиально недопустимыми: «Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут и у нас... на них надобно быть готовыми».

Герцен, писал Ленин, «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции».³⁴

С осени 1863 г. начался упадок «Колокола». Резко уменьшается поток корреспонденций, падает количество читателей. «К концу 1863 года, — вспоминал Герцен, — расход „Колокола“ с 2500, 2000 сошел на 500 и ни разу не подымался далее 1000 экземпляров» (т. II, стр. 374). С 15 мая 1864 г. Герцен и Огарев стали выпускать «Колокол» лишь один раз в месяц, а 15 июля того же года закончили выпуск «Общего веча». Вольная типография и книгоиздательство Трюбнера прекращают издание всяких книг и сборников. Еще раньше — с 1863 г. перестает выходить «Полярная звезда». Этот упадок был вызван общим спадом революционной волны в России. Летом 1862 г. царское правительство, подавив стихийные крестьянские волнения и обвинив в петербургских пожарах «бунтовщиков»-разночинцев, начало поход против революционной демократии. Были закрыты на восемь месяцев «Современник» и «Русское слово», запрещены воскресные школы. В казематах Петропавловской крепости томились Чернышевский и Писарев, подверглись аресту десятки людей, обвиненных в сношениях с «лондонскими пропагандистами». Надежды на близкую крестьянскую революцию рассеялись. Революционные организации, не имевшие прямой опоры в народе, или были уничтожены правительством, или распались. В 1864 г. прекращает свое существование «Земля и воля». Либералы, напуганные возможностью новой «пугачевщины», полностью перешли на сторону правительства. Широкие круги интеллигенции, сочувствовавшие раньше революционным демократам, отказываются от участия в общественно-политической жизни страны. С другой стороны, и среди революционной интеллигенции популярность «Колокола» постепенно падает. У разночинцев был другой властитель дум — более последовательный и решительный, чем Герцен, — Чернышевский.

Чтобы поправить ставшее исключительно тяжелым положение Вольной типографии и «Колокола», Герцен решает перенести его издание из Лондона в Женеву, надеясь найти поддержку у русской революционной эмиграции, которая после разгрома революционного движения в России спасалась от преследований царского правительства за границей, чаще всего в городах Швейцарии. Здесь проживали А. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, М. Элпидин, В. Касаткин, Н. И. Жуковский, Л. И. Мечников, позднее С. Г. Нечаев и многие другие представители эмигрировавшей из России разночинной интеллигенции. Были среди них и последователи М. А. Бакунина, и люди, случайно, круговоротом событий, захваченные революционной стихией и затем «принесшие покаяние», но большинство «молодой эмиграции» имело полное право называть себя достойными учениками Чернышевского.

³⁴ Там же, стр. 261.

Вольная типография была переведена в Женеву, где, начиная с № 197, вышедшего 25 мая 1865 г., стал издаваться и «Колокол». Это, однако, не помогло. Реакция, усилившаяся в России после покушения Д. В. Каракозова на царя, препятствовала его возрождению. Не суждено было сбыться и надеждам Герцена и Огарева на сотрудничество с «молодой эмиграцией», которая требовала, чтобы «Колокол» был подчинен корпорации эмигрантов. Герцен же, предлагая «молодой эмиграции» активное участие в «Колоколе» и даже соглашаясь допустить некоторых постоянных сотрудников в совет редакции, решительно отказывался выпустить руководство «Колоколом» из своих рук и передать его и средства, обеспечивающие издание, корпорации, так как во многом расходился с «молодой эмиграцией» и не верил в ее литературные силы.

Против Герцена с нашумевшей брошюрой «Наши домашние дела» (1867) выступил А. А. Серно-Соловьевич. Он был прав, обвиняя Герцена в колебаниях, в заигрывании с либералами, иронизируя над умилением Герцена перед идеей земского царя и возмущаясь его несправедливым отзывом о стрелявшем в царя Каракозове как о «сумасшедшем». Однако Серно-Соловьевич и некоторые другие выдвинули против Герцена и ряд неверных обвинений. Так, Серно-Соловьевич совершенно бездоказательно утверждал, что все молодое поколение «с отворачиванием» отвернулось от Герцена, что никакого положительного значения для русского революционного движения деятельность Герцена не имеет, что между Герценом и Чернышевским «нет, не было, да и не могло быть ничего общего». Серно-Соловьевич не понимал, что Герцен, несмотря на все свои колебания, принадлежал к одному лагерю с Чернышевским, что значение Герцена в формировании взглядов молодого поколения и в развитии революционного движения в России было огромно.

Герцен со своей стороны справедливо возражал против увлечения некоторых представителей «молодой эмиграции» бакунинскими, заговорщическими методами, против их склонности к террору, против нечаевщины, подложных манифестов и т. п. И хотя Герцен иногда недооценивал значение массовых революционных насилий, это не мешало ему быть в данном случае более глубоким политическим мыслителем, чем многие революционеры того времени и будущие русские народники.

В десятилетнюю годовщину «Колокола», в № 244-245 от 1 июля 1867 г., Герцен и Огарев объявили, что они приостанавливают его издание на полгода. Но русский «Колокол» — журнал для России и на русском языке — уже не возобновился. Через полгода Герцен и Огарев стали выпускать «Колокол» на французском языке под названием «Kolokol (La Cloche), revue du développement sociale, politique et littéraire en Russie». Это был журнал, преследовавший особые задачи. От имени русской демократии он обращался к европейскому обществу с целью разъяснить ему истинное положение дел в России и ее историческое значение. Выпустив пятнадцать номеров «Kolokol» и семь номеров «русского прибавления» к нему, Герцен и Огарев 1 декабря 1868 г. навсегда прекратили издание «Колокола».³⁵

³⁵ 15 февраля 1869 г. были выпущены «Supplément du Kolokol» (Прибавление к „Колоколу“) и последняя книга «Полярной звезды». В 1870 г. — уже после смерти Герцена — Огарев совместно с С. Г. Нечаевым сделал попытку возобновить издание «Колокола». Ими было выпущено шесть номеров. Но по своему направлению и по содержанию этот орган, руководимый Нечаевым, резко отличался от «Колокола» Герцена.

«Колокол» с честью заканчивал свой путь в качестве демократического и революционного органа. Больше того, в последние два-три года в статьях Герцена «К концу года», «Порядок торжествует», «Мащину — полякам», «Нашим врагам» и других выразился новый взгляд на роль пролетариата в истории и на перспективы социального развития человечества.

Будучи социалистом-утопистом, Герцен не понимал исторической роли пролетариата и считал, что рабочий класс в Западной Европе подчинится всевластию частной собственности и мещанства. В последние же годы жизни у него наметилось несколько иное отношение к пролетариату, и он, по словам В. И. Ленина, «обратил свои взоры... к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»³⁶ И хотя надежды на социалистическое преобразование России Герцен по-прежнему связывал преимущественно с крестьянством и общинным землевладением, его мнение о перспективах исторического развития Западной Европы сильно изменилось. Теперь он склонялся к мысли, что пролетариат явится той исторической силой, которая осуществит в Западной Европе социалистический переворот. Так, в письмах «К старому товарищу», написанных уже после прекращения «Колокола» и «Полярной звезды» и опубликованных в «Сборнике посмертных статей» (1870), Герцен утверждал, что «экономические вопросы подлежат математическим законам» и «конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому» (т. 20, стр. 578, 577). Второе письмо он начал с признания огромной роли I Интернационала, «международных рабочих съездов», объединяющих в «боевую организацию» «мир рабочих». «Работники, — писал Герцен, — соединяясь между собой, выделяясь в особое „государство в государстве“, достигая своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников... составляют первую сеть и первый всход будущего экономического устройства» (там же, стр. 582). В конце своей жизни Герцен переходил, по определению В. И. Ленина, «от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата».³⁷

Вольная русская печать во главе с «Колоколом» сыграла огромную роль в борьбе против крепостного права и самодержавия и содействовала пробуждению разночинцев.

Несомненно исключительное влияние вольной печати и «Колокола» на развитие русской журналистики, в особенности бесцензурной печати. «Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда [при крепостном праве. — Ред.] общедемократическая бесцензурная печать с „Колоколом“ Герцена во главе ее», — указывал В. И. Ленин.³⁸

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

³⁷ Там же.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

„Русское слово“

Ежемесячный литературно-ученый журнал «Русское слово» начал издаваться в январе 1859 г. в Петербурге, объемом в 25—30 печатных листов. Каждый номер журнала делился на три отдела, имевших самостоятельную пагинацию. В первый отдел входили произведения художественной прозы и поэзии, а также статьи научного содержания. Критика и библиография составляли второй отдел. Фельетон «Общественная жизнь в Петербурге», рассчитанный преимущественно, как писал его составитель, «на усладу иногородних подписчиков», а также произведения малых форм — короткие рассказы, одноактные пьесы, заметки о зарубежной жизни — все вместе образовывали третий отдел «Смесь». К журналу прилагался специальный листок для любителей шахмат.

Основателем журнала явился известный петербургский вельможа, литературный меценат, граф Г. А. Кушелев-Безбородко. Что же влекло непрактичного, избалованного барина с полумиллионным доходом на издательское поприще? Помимо честолюбивой слабости к «писательству», в этом стремлении проявилась и своеобразная «дань моде». Ожидание реформ, преувеличенное представление о роли печати и литературы в «обновлении России», расширение круга читающей публики и рост популярности писателя и журналиста — все эти причины побуждали Кушелева основать свой периодический орган. Захваченный общей волной либеральных иллюзий, он задумывает «Русское слово». Приглашая Ф. М. Достоевского сотрудничать в журнале, Кушелев так сформулировал свой взгляд на назначение «Русского слова»: «Все, кому бог дал силу и дарование, должны соединиться теперь в одну дружную семью, не составляя партий славянофилов и западников, и единодушно трудиться на общее благо».¹

В соответствии с таким широким и расплывчатым представлением о «коренных основаниях» «Русского слова» определились и его руководители: Кушелев — издатель и главный редактор, второй редактор — поэт Я. П. Полонский, помощник редактора по отделу критики — А. А. Григорьев. Привлеченные этим триумвиратом постоянные сотрудники «Русского слова» составили весьма пестрое сообщество. Среди ведущих «вкладчиков» журнала оказались поэты «чистого искусства» — А. А. Фет, А. Н. Майков, Л. А. Мей, Ю. В. Жадовская. В отделе прозы и публицистики господствующее положение занимают произведения либерально настроенных литераторов: Кобяковой (А. П. Студзинской), Кохановской (Н. С. Соханской), В. В. Крестовского, профессоров Петербургского университета А. В. Лохвицкого, А. К. Казембека. Критический отдел заполняется по преимуществу статьями самого Гри-

¹ Письмо Г. А. Кушелева-Безбородко Ф. М. Достоевскому от 5 июля 1858 г. — Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ф. Ф. М. Достоевского, П15/60.

горьева. Помимо него, здесь выступают бывший сотрудник «Москвитянина» Е. Н. Эдельсон, А. А. Фет, преподаватель словесности Воронежского кадетского корпуса М. Ф. Де Пуле. Наряду с этой группой сотрудников, придававших «Русскому слову» общий благонамеренный тон, в журнале приняли участие и литераторы демократических убеждений — Г. Е. Благовестлов, бывший петрашевец Ф. Г. Толль, поэт, известный переводчик Г. Гейне М. Л. Михайлов. В конце 1859 г. в журнале дебютирует профессор Лесного института Н. В. Шелгунов, в будущем виднейший представитель русской демократической печати, один из ближайших соратников и последователей Н. Г. Чернышевского.

Даже у ведущих редакторов журнала не было единства во взглядах. Если Полонский рассматривал предполагавшиеся реформы Александра II как светлый день России, высоко отзывался о петровских преобразованиях, сблизивших Россию с европейской культурой, то Григорьев был убежденным противником каких-либо социальных перемен, ратовал за воскрешение и обновление старых патриархальных устоев допетровской Руси. Кушелев же руководил журналом в общем и целом, не вникая глубоко в практические дела, руководил издавала — то из подмосковного имения, то из-за границы.

По замыслу издателя, выношенному в тиши графских гостиных, «Русское слово» должно было возвышаться над низменной жизнью, стоять вдали от политических страстей. А. Н. Майков, один из наиболее влиятельных советников Кушелева в это время, заявлял: «„Русское слово“ явится преимущественно учено-историческим изданием, и художественный элемент должен быть в нем главным».² Страницы журнала заполняются произведениями поэтов «чистого искусства». Уход от пугающей своими социальными противоречиями современности в далекое прошлое, усиленный интерес к библейским и средневековым сюжетам, к античности — отличительные особенности поэзии журнала. Лишь изредка в эту безмятежную эпикурейскую заводь врываются современные мотивы, но они не нарушают настроения общей умиротворенности и благодушия. Ликованием по поводу наступления новой эры, весны обновления, всеобщего благоденствия проникнуты строки А. Н. Апухтина и других поэтов — либеральных «прогрессистов»:

Опять я очнулся с природой!
И кажется, вновь надо мной
Все радостно грезит свободой,
Все веет и дышит весной.

(1860, № 4, отд. I, стр. 285).

Среди прозаических произведений наиболее значительным и ярким явилась повесть Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон», опубликованная в № 3 «Русского слова» за 1859 г. Обещанные же читателям новая повесть И. С. Тургенева и новая комедия А. Н. Островского так и не появились на страницах кушелевского издания. В журнале печатаются по преимуществу сочинения второразрядных или неизвестных литераторов. Беллетристика «Русского слова», как правило, не выходила за рамки унылой благонамеренности. Прочитав роман «Семейство Подошвинных» Кобыковой, чиновник Главного управления цензуры Ю. Богушевич с удовлетворением отмечал, что, в отличие от драм Островского, романистка в своем сочинении из купеческого быта дает «развязку в высшей сте-

² Письмо А. Н. Майкова Я. П. Полонскому от 2 марта 1858 г. — ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Рукоп. отдел. Архив А. Н. Майкова, 17023/ЛХ. б. 1.

пени благодушную и примиряющую».³ Эту оценку можно было отнести ко многим романам, повестям, рассказам, печатавшимся в журнале. «Русское слово» отдало немалую дань и произведениям псевдонародным, в радужно-благодушных тонах рисовавшим отношения крестьян и помещиков. Слащавые шварцвальдские рассказы немецкого писателя Б. Ауэрбаха, роман польского прозаика Ю. И. Крашевского «Два света», «Гайка» Кохановской — типичный пример такого рода поделок.

Прозаические произведения, опубликованные в «Русском слове», старательно обходили острые углы жизни, смягчали и приукрашивали существующую действительность. Опубликовав в журнале «Записки станового пристава», автор которых правдиво показал, что вся уездная полицейская власть продажна, живет за счет взяток и грубого произвола, редакция поспешила выразить свои расхождения с направлением «Записок». В специальном примечании Кушелев, Полонский, Григорьев заявляли: «Мы... положительно не согласны с выводами автора о невозможности честного выполнения своих обязанностей на *свободно избранном* поприще и думаем, что язва взяточничества может быть искоренена не прибавками жалований, а разве только распространением образованности, силою гласности и изменением некоторых форм судоустройства и судопроизводства» (1859, № 4, отд. III, стр. 114).

Общий тон в отделе критики в первые месяцы издания журнала задавал А. А. Григорьев, бывший до этого (в 1851—1855 гг.) ведущим критиком погодинского «Москвитянина». В «Русском слове» он лишь продолжил ту линию в подходе к литературе, которая была определена им еще в статьях «Русская литература в 1851 году», «Русская изящная литература в 1852 году», «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (1855). Григорьев переносил в «Русское слово» целые страницы из «Москвитянина». Из всего напечатанного им в кушелевском журнале наибольший интерес представляют две статьи: «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» и «Тургенев и его деятельность по поводу романа „Дворянское гнездо“». В этих обширных выступлениях критик изложил свою концепцию развития русской литературы, начиная от Пушкина и кончая творчеством современников — Тургенева и Гончарова.

В своих критических оценках Григорьев исходит из сугубо идеалистических представлений об искусстве, развивает «учение» об органических началах. По его мнению, в натуре каждого художника, «в русской натуре вообще заключается одинаковое, равномерное богатство сил, как положительных, так и отрицательных» (1859, № 2, отд. II, стр. 13). С петровских реформ начался процесс распада органических русских начал в литературе, появились ложные, занесенные с Запада идеалы. Они пагубно влияли на писателей. Григорьев упрекает литературу за ее протестующий характер, за то, что после Пушкина в «своих сочувствиях и враждах» она «постоянно пересаливала». Гоголь явился «поэтом чисто отрицательным; симпатий же наших кровных, племенных, жизненных он олицетворить не мог, во-первых, как малорос, а во-вторых, как уединенный и болезненный аскет» (там же). Творчество Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Тургенева (до романа «Дворянское гнездо») также представляет, с точки зрения Григорьева, сплошь ненормальное искривление в литературе.

³ Ю. Богусевич. Отзывы о журнале «Русское слово». — ИРЛИ АН СССР. Архив А. В. Никитенко, 19361/СХХI. б. 16.

В качестве антипода этим нездоровым отклонениям критик выдвигает Пушкина, в поэзии которого, как он полагал, заключается «оправдание и примирение для всех наших теперешних, по-видимому, столь враждебно раздвоившихся сочувствий» (там же, стр. 12). Последователем Пушкина в современной литературе Григорьев объявляет Тургенева, причем только Тургенева — автора романа «Дворянское гнездо». Этот роман критик рассматривает как вершину тургеневского творчества, как осуждение писателем всего предшествующего пути, ибо главный герой романа — Лаврецкий, в отличие от прежних тургеневских героев — протестантов, отрицателей, «лишних людей», — смирился с жизнью и вернулся под мирный кров в родное Васильковское пахать землю. Такое тенденциозное толкование творчества Тургенева было направлено против критического реализма, гоголевского направления в русской литературе, которое В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский справедливо рассматривали как единственно плодотворное и подлинно народное.

Тут же Григорьев вступает в полемику с основными положениями статьи Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?». В поисках аргументов он спешит опереться на авторитет Тургенева, по-своему очистив и препарировав его роман: «Ведь, собственно говоря, если бы наши яростные враги „обломовщины“ хотели и могли быть последовательны, они должны бы были с ужасом отворотиться от теперешнего Тургенева в пользу Тургенева прежнего... Ведь и Лаврецкий, и его Лиза, и неценная Марфа Тимофеевна — все это „обломовщина“, обломовцы — да еще какие, еще как тесно, физиологически связанные не только с настоящим и будущим, но и с далеким прошедшим Обломовки» (1859, № 8, отд. II, стр. 23).

Славянофильская по духу, критика Григорьева вливалась в общее русло либерально-помещичьей и помещичье-реакционной идеологии, старательно вынашивавшей заветную мысль — оторвать литературу от освободительного движения русского народа, лишить ее критического запала.

Тут же умеренность, но облаченную не в славянофильские, а в либеральные одежды, проповедовал в «Русском слове» плодовитый, но менее одаренный и менее самобытный, чем Григорьев, критик М. Ф. Де Пуле. «Теперь, в наше время, — писал он, — когда на горизонте ярким блеском засветилась заря иной, лучшей жизни, когда благие дары свободы будут вскоре уделом не некоторых только, но всех, мы... можем смотреть спокойнее и любовнее на жизнь [чем Гоголь]» (1859, № 11, отд. II, стр. 2). Де Пуле утверждал, что мир крепостного крестьянина может быть удачно изображен только в одном из разделов лирической поэзии, а именно в идиллии (1859, № 10, отд. II, стр. 7). Дальнейший литературно-критический путь де Пуле весьма показателен для большинства либерально настроенных сотрудников «Русского слова». Выступая в 1859—1860 гг. за распространение гласности, за осуществление других мелких реформ, в 1861 г. он отрешивается от либерализма, клянет коноводов революционной борьбы, заявляет, что крамольные прокламации являются «порождением больного воображения, расстроенного чтением заграничных изданий» (т. е. изданий А. И. Герцена и Н. П. Огарева). В последующие годы Де Пуле, как и Лохвицкий, Кохановская, Крестовский, находят приют на страницах реакционных изданий — аксаковского еженедельника «День» и катковских «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

Оторванная от жизни, покоящаяся на устаревших идеях, к тому же

изложенная тяжелым, наукообразным языком, критика Григорьева и Де Пуле не способствовала упрочению авторитета «Русского слова». Полонский был недалек от истины, сообщая Кушелеву, что, судя по многочисленным письмам из провинции, «журнал никого не удовлетворяет».⁴

Пробуждение в русском обществе широкого интереса к политике, истории общественного движения, экономическим теориям привело к тому, что к концу 50-х годов большинство крупных журналов превратилось из литературно-ученых в общественно-политические и художественные издания. Вопреки общей тенденции, «Русское слово» пыталось идти против течения и не имело таких отделов, как политическое обозрение зарубежной и внутренней жизни. Его публицистические и научные статьи далеки от насущных запросов времени. Печатаются, например, такие «актуальные» материалы, как лекции по санскритскому эпосу, исследования о византийских женщинах.

Умеренно-либеральная программа журнала, его академическое бесстрашие отчетливо проявились в освещении крестьянского вопроса, в оценке важнейших общественно-политических событий. Как правило, «Русское слово» пыталось обойти молчанием наиболее острые проблемы эпохи. Непосредственно крестьянскому вопросу за первые полтора года издания журнала посвящена всего одна рецензия на сборник «Деревня». Ее автор, В. В. Крестовский, дал восторженную оценку деятельности губернских комитетов по составлению проектов крестьянской реформы. В отличие от революционно-демократической печати, публицисты «Русского слова» стремились убедить читателей, что о судьбе крестьян беспокоиться нечего, ее благоразумно и вполне удовлетворительно разрешит правительство. Всякая мысль о коренной ломке существующего порядка вызывала у них приступ негодования.

В «Русском слове» безудержно восхвалялись западноевропейские порядки, раздавались призывы учиться у Запада. Речь шла отнюдь не о заимствовании политических учреждений (руководители журнала и в мыслях не имели ничего крамольного), а о перенесении на русскую почву технических новшеств, иноземных обычаев и нравов. Публицисты «Русского слова» восхищались добротными экипажами и умеренной такой французских извозчиков, практичностью немецких барынь, которые «не стыдятся вязать чулки на концерте или в театре», ставили в пример лютеран, у которых, в отличие от российского простонародия, «вместо бессознательной, рабской набожности» «глубокое благоговение перед святынею — благоговение сознательное, проникнутое не страхом, а теплою любовью» (1860, № 6, отд. I, стр. 39).

Этому благостно-умиротворенному тону журнала резко противоречили произведения небольшой группы демократически настроенных сотрудников. Антикрепостническая направленность, отличает рассказ М. Вовчка «Ледащица», стихи И. С. Никитина. М. Л. Михайлов в романе, озаглавленном со злой иронией «Благодетели», разоблачал фальшь, лицемерие, дикое ханжество помещичье-дворянского общества. Еще больший сатирический заряд несла его же комедия «Тетушка». Написанная в 1849 г., она только теперь пробилась сквозь цензурные сети. «Тетушка» — гневная сатира на уездное барство. Писатель показывает, как зреют в народе гроздь гнева, скапливается возмущение в среде великорусских крестьян, а также малых народностей, загоняемых властями силой в лоно христианской церкви.

⁴ ИРЛИ АН СССР. Архив Я. П. Полонского, 11173/LXIV. 6. 13.

С осени 1859 г. Михайлов активно выступает в журнале и как критик. В рецензии на путевые письма московского профессора-экономиста И. К. Бабста «От Москвы до Лейпцига» (1859, № 9) он допускает серьезные ошибки либерального толка, отступает от революционно-демократической программы переустройства жизни. В дальнейшем общественно-политические взгляды писателя значительно левеют. В статье «Последняя книга Виктора Гюго» (1860, № 1), по существу полемизирующей с основными положениями рецензии «От Москвы до Лейпцига», Михайлов пишет о революции как о благотворной движущей силе исторического прогресса. Он клеймит сторонников «мирного развития и постепенного совершенствования, прямо заинтересованных в угнетении масс». Подобные «герои кредита и торгового баланса» руководствуются лишь одним принципом: «не трогай моего кармана», «не мешай моему эгоистическому спокойствию».

В двух рецензиях на «Пермский сборник», в заметках о поэзии М. Ю. Лермонтова, Э. И. Губера, Д. В. Давыдова, Т. Г. Шевченко все более проясняются антимонархические, антикрепостнические устремления критика. Михайлов ратует за сбор материалов о пугачевском движении; он беспощадно критикует поэта и партизана Давыдова за то, что тот, увлекшись гусарскими пирушками, не нашел дороги к декабристам, забывавшим о личной славе ради Родины. В этих выступлениях чувствуется внутренняя готовность автора повторить вслед за декабристами их революционный подвиг.

Популяризация восстания Пугачева (Михайлов приводит даже один из пугачевских указов, даровавший крестьянам волю), декабристского движения имела несомненно революционизирующее значение. Само обращение к этим фактам и событиям истории показывает, насколько отличались уже в начале 1860 г. политические позиции Михайлова и либералов, мечтавших о сугубо мирных путях обновления России.⁵

На общем умеренно-либеральном фоне «Русского слова» выделялись своим демократическим звучанием статьи Г. Е. Благосветлова, будущего редактора этого журнала. Чтобы обмануть цензуру, Благосветлов умело отбирал факты и события зарубежного общественного движения, которые легко можно было сопоставить с русскими событиями. Посылая в начале 1859 г. Полонскому статью «Об ораторской деятельности Маколея», он признавался, что желал бы представить еще

⁵ В этом свете далеко неточными представляются суждения о политических взглядах Михайлова в 1859—1860 гг., высказанные Б. П. Козьминым в статье «Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов». Козьмин утверждает, что только «последний год своей жизни на свободе [М. Михайлов] по своим политическим взглядам в значительной степени приблизился к позициям, занятым Чернышевским и Добролюбовым» («Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 17). Он основывается лишь на двух узких рецензиях — на сборник И. Бабста «От Москвы до Лейпцига» и на драму А. Ф. Писемского «Горькая судьбина». Наиболее же сильные, пронизанные революционным духом выступления Михайлова конца 1859 и начала 1860 г. в «Русском слове» даже не упоминаются. Таким образом, явно преувеличиваются либеральные заблуждения поэта-революционера, неожиданным предстает его путь к революции, повлекший за собой арест в сентябре 1861 г. и ссылку на каторжные работы в Сибирь. Об этом подробнее см.: М. Дикман, Ю. Левин. Вступит. статья. В кн.: М. Л. Михайлов. Соч. т. I. М., 1958; В. В. Богатов. М. И. Михайлов — мыслитель-революционер. Изд. МГУ, 1959; Ю. Д. Левин. Об отношениях Н. А. Добролюбова и М. Л. Михайлова в 1861 году. — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1961, т. XX, вып. 5; Ф. Прийма. Н. А. Добролюбов и русское освободительное движение. — «Русская литература», 1963, № 4. См. также: Л. Э. Варустин. Журнал «Русское слово» в период первой революционной ситуации и крестьянской реформы в России (1859—1862 гг.). Канд. дисс. Л., 1954, стр. 174—184 и 236—258.

«ряд подобных очерков, избирая те личности, которые бросают свет не только на европейскую жизнь, но и нашу».⁶ Благодетель использовал выступление Маколея в парламенте в защиту билля о запрещении продажи негров, чтобы высказать свое отношение к крестьянской реформе. «Рабство... должно быть уничтожено», — заявлял он (1859, № 3, отд. I, стр. 195). Благодетель предлагал немедленно, без каких-либо проволочек, ликвидировать крепостное право в России. Причем все расходы, по его мнению, должны принять на себя государство и плантаторы, т. е. помещики.

Чем объяснить этот противоестественный союз либералов и демократов на страницах одного издания? Вероятно, процесс общественно-политического размежевания в печати 60-х годов проходил более сложным путем; чем мы порой привыкли считать. Нельзя судить о нем лишь на основании внутривыпускной борьбы в «Современнике», где политические разногласия обнаружались гораздо раньше, чем в других журналах. В «Современнике» работали Чернышевский и Добролюбов, обладавшие большей пронизательностью, чем многие их соратники и друзья, в понимании союзников и врагов крестьянской революции. Этой политической зрелости, классовой непримиримости к либералам еще не хватало в 1859—начале 1860 г. демократически настроенным журналистам «Русского слова», хотя в это время уже отчетливо обнаружился их различный подход к важнейшим событиям современности. Явно назревал разрыв, который и произошел спустя несколько месяцев, в период обострения политической борьбы.

Эклектизм, невыдержанность направления журнала чувствовали и его руководители. Они пытались хотя бы внешне примирить непримиримое. С этой целью были введены в практику редакционные примечания, в которых руководители журнала объясняли читателям, почему, разделяя взглядов того или другого автора, они публикуют его произведения на страницах «Русского слова». Тем не менее противоречия достигали иногда такой остроты, что в одной и той же книжке шла печатная полемика: сегодня оспаривалось то, что торжественно декларировалось вчера.

Внутриредакционная борьба в «Русском слове», которая дала себя знать в первых же номерах журнала, усиливается по мере того, как его руководители все более убеждаются в равнодушии читателей к их детищу. Полонский полагал, что «Русское слово» терпит поражение единственно из-за того, что ему не даны неограниченные редакторские права. «Журнал, — писал он Кушелеву, — у которого каждый отдел имеет своего представителя, по-моему, величайшая ошибка, которая ведет журнал к его быстрому падению, — что рано или поздно случится с „Русским словом“».⁷ Григорьев же был убежден, что если бы Полонский не мешал проводить ему славянофильские теории, то «Русское слово» стало бы одним из наиболее распространенных и влиятельных печатных органов.⁸

Личная вражда, усилившаяся борьба за власть, переписка с Кушелевым об изменении состава редакции обострили разногласия. Полонский в письмах к Кушелеву неоднократно указывал, что критика Григорьева «отличается сбивчивостью понятий, отсутствием последовательности и подчас таким туманным языком, что простые смертные

⁶ «Звенья». Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в., т. I. М.—Л., 1932, стр. 325.

⁷ ИРЛИ АН СССР. Архив Я. П. Полонского, 11073/LXIV. б. 13.

⁸ А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Пг., 1917, стр. 231 и 245.

едва ли в состоянии понимать его».⁹ Григорьев в свою очередь умело играл на самолюбии Кушелева и предостерегал его об узурпаторских намерениях Полонского, намекал, что последний чуть ли не рассчитывает захватить всю власть в свои руки и лишить таким образом Кушелева его законных прав издателя и главного редактора.

В июне 1859 г., т. е. после выхода первых шести книг, наступила развязка. Полонский отверг план Кушелева дополнить редакцию «Русского слова» третьим независимым лицом — заведующим отделом и потребовал от него назначения одного редактора журнала с «независимыми правами». Кушелев не согласился с предложением Полонского и уведомил его о решении окончательно изменить «самые коренные основания журнала». Эти преобразования свелись к назначению управляющим редакцией А. И. Хмельницкого. 15 июля 1859 г. Полонский официально объявил в «С.-Петербургских ведомостях» о своем выходе из редакции «Русского слова», а через месяц был уволен и Григорьев.

Хмельницкий, сменивший Полонского и Григорьева, имел весьма отдаленное представление о журналистике. Это был мелкий, неразборчивый в средствах авантюрист. При новом управляющем «Русское слово» падает еще более. Беспринципность провозглашается открыто как знамя журнала: «Имена, известные и любимые публикой, говорят за себя лучше всяких программ». Литературным Чичиковым окрестил Хмельницкого Полонский, коновалом в литературе называл Михайлов. Пошлые вкусы управляющего «Русским словом» привели к тому, что журнал был оттеснен на задворки печати и стал удобной мишенью для насмешек и острот. «Русский инвалид» и тот считал своим долгом ущипнуть кушелевское издание. «„Русское слово“, — свысока замечал сотрудник этой газеты, — напоминает собою балованных, пухлых и одуловатых детей, вскормленных на конфетах и сладостях и продолжающих свое жалкое существование единственно по необъяснимой снисходительности природы, дающей место и роскошной пальме, и бесцветному слизняку» (1859, № 190).

В середине 1860 г. тираж «Русского слова» составлял не более 1200 экземпляров. Так бесславно закончилась попытка издавать в эпоху социальных бурь журнал, далекий от потребностей времени, навязать отвлеченные, умозрительные, выношенные в тиши кабинетов представления о жизни.

* * *

*

Пытаясь спасти журнал, Кушелев пригласил в Ларош — свое имение на юге Франции — Благосветлова и предложил ему место редактора. Благосветлов принял это предложение. Летом 1860 г. после трехлетнего пребывания за границей он вернулся в Петербург, выдворил из редакции Хмельницкого и с июльского номера «Русского слова» взял на себя ведение редакционных дел. На этот раз Кушелев не ошибся в выборе.

Григорий Евлампиевич Благосветлов (1824—1880) происходил из типичной разночинской семьи. Блестяще окончив в 1844 г. Саратовскую духовную семинарию и отказавшись от духовного чина, Благосветлов добирается до Петербурга, учится в Медико-хирургической академии, затем переходит в университет, который и оканчивает кандидатом по юридическому факультету в 1851 г.

⁹ ИРЛИ АН СССР. Архив Я. П. Полонского, 11073/LXIV. 6. 13.

В Петербурге Благосветлов сблизился и подружился с И. И. Введенским, преподавателем русского языка и словесности в петербургских военно-учебных заведениях, видным педагогом, известным переводчиком Диккенса и Теккерея. На собраниях в доме Введенского (среди участников был и Чернышевский) велись споры по преимуществу литературные, но под влиянием революции 1848 г. пробуждается живой интерес к общественно-политическим проблемам. Участники кружка знакомятся с произведениями утопического социализма. При поддержке Введенского Благосветлов получил место преподавателя русского языка и словесности в столичных военно-учебных заведениях, но в 1855 г. был уволен «за неспособность преподавать воспитанникам учение в выражениях приличных».¹⁰

Опальный педагог обращается к журналистике. Первые его статьи появляются в умеренно-либеральных столичных изданиях: «Сыне отечества» А. В. Старчевского, «Отечественных записках» А. А. Краевского, а также в малоприметном «Общезанимательном вестнике», который издавал В. Рюмин, будущий управляющий типографией «Русского слова».

В статьях 1855—1856 гг. Благосветлов далек от того боевого радикализма, который проявился в период его сотрудничества в «Русском слове». Его взгляды на отечественную историю, литературу и журналистику весьма противоречивы, порой глубоко ошибочны. В России, распятой николаевским деспотизмом, не может быть большой самобытной культуры — таково его искреннее убеждение. В письме к М. И. Семевскому в декабре 1855 г. Благосветлов писал: «... что такое вся русская литература в собственном смысле? Жалкая копия чужих европейских оригиналов, темная масса предрассудков и общих мест...»¹¹ Крайнее «западничество» Благосветлова проявлялось двояко: в области политики — в несомненной демократизации его взглядов, в литературе — в нигилистических характеристиках отечественной культуры, в поощрении будущих кавалерийских наскоков «Русского слова» на творчество Лермонтова, Пушкина, заподозренных в «эстетическом искусстве».

Трехлетнее пребывание за границей (1857—1860) не прошло бесследно для Благосветлова. Он приходит к выводу, что Россия далеко отстала в своем политическом развитии от передовых стран Западной Европы. Швейцария и Англия поражают его развитым в народе чувством человеческого достоинства, отсутствием полицейского самоуправления, политическими свободами, обилием машин, промышленным могуществом. Уважение к машине, технике, вера в силу знания сохранились у Благосветлова на всю жизнь.

В Лондоне Благосветлов знакомится с Герценом и становится учителем его детей. Документы III отделения показывают, что через Благосветлова шли материалы из России для «Колокола».¹² Связи с Герценом он поддерживает и после возвращения в Россию.¹³

¹⁰ Поводом послужил нелестный отзыв об ученическом сочинении племянника генерала Дубельта, посвященном Николаю I.

¹¹ Цит. по кн.: В. В. Тимошук. М. И. Семевский. СПб., 1895, прил., стр. 17.

¹² В дневнике воспитанника Константиновского корпуса Мишовского сказано: «Либеральное наше письмо отправлено Благосветлову, а от него Искандеру». — ЦГАОРСС, ф. 109, № 5.

¹³ В письме к редактору журнала «Иллюстрация» В. Р. Зотову содержатся такие многозначительные признания: «... не далее как за два дня до Вашего письма я отправил три пакета в Лондон, Владимир Рафаилович, и тем надолго заключил свои отношения с Темзой. К осени и сам надеюсь вырваться на несколько недель за границу; тогда прошу Вас уполномочить меня передать словесно и письменно, что найдете нужным». — ИРЛИ АН СССР. Архив В. Р. Зотова, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 98.

Вернувшись на родину, Благовосветлов берется за редактирование журнала. В 1862 г. Кушелев, напуганный правительственными репрессиями, приостановкой «Русского слова» на 8 месяцев, «дарит» его Благовосветлову. С этого времени безвестный литератор становится полноправным хозяином и руководителем крепнущего год от года оппозиционного издания.

Благовосветлов придавал особое значение идейному звучанию журнала, стремился добиться единства взглядов всех сотрудников. «Между редактором и его сотрудниками, — говорил он в 1859 г., — должно быть согласие и спетость, без этого нет идеи и ее результатов».¹⁴ Плебейским убеждениям Благовосветлова претил унылый, учено-респектабельный либерализм всякого рода первостепенных светил кушелевского издания типа Де Пуле, Лохвицкого, Казембека. Не колеблясь, твердой рукой наводит он новый деловой порядок в «Русском слове». С июльской книжки 1860 г. прекращает свое сотрудничество Де Пуле. В ответ на его настойчивые попытки установить отношения с новой редакцией Благовосветлов деликатно, но вместе с тем определенно дает понять о нежелательности его участия в обновленном журнале.¹⁵ В октябре 1860 г. вынуждены были распрощаться с журналом Лохвицкий и Казембек. Благовосветлов решительно очищал редакцию от филистеров, либеральных профессоров, от скучных, не умеющих чувствовать пульс времени сотрудников.

На смену этим, не делавшим погоды в литературе и журналистике, умеренно-либеральным публицистам Благовосветлов с редким умением и проницательностью подбирает новых, демократически настроенных сотрудников, близких по своим убеждениям и принципам. В журнале возобновляет сотрудничество Н. В. Шелгунов. В качестве фельетониста Благовосветлов приглашает популярного поэта-сатирика Д. Д. Минаева. Ежемесячное обозрение зарубежных событий новый редактор поручает вести левому французскому публицисту, будущему участнику Парижской коммуны Э. Реклю. В 1862 г. Благовосветлов печатает первые экономические статьи революционно настроенного подполковника Генерального штаба Н. В. Соколова и привлекает его к постоянному участию в журнале. Одной из ведущих фигур в «Русском слове» становится с 1863 г. и В. А. Зайцев, «главный нигилист», составитель остро полемических рецензий, «Библиографического листка» и сатирического обозрения «Перлы и алмазы русской журналистики».

В прозе Благовосветлов ориентируется опять-таки на писателей-разночинцев, выходцев из «низов», хорошо знающих подлинную, «убогую и забитую» Русь: Н. Г. Помяловского, Н. А. Благовещенского, Ф. М. Решетникова, Н. Ф. Бажина (Н. Холодова), М. А. Воронова. С января 1864 г. начинают печататься рассказы и очерки Г. И. Успенского.

В последние годы издания «Русского слова» в нем эпизодически выступают А. П. Щапов, Н. А. Серно-Соловьевич, Леон Бранди (псевдоним Л. И. Мечникова — революционера и политического эмигранта, сражавшегося в рядах гарибальдийцев в Италии), П. Н. Ткачев — будущий теоретик русского народничества. При всех оттенках и даже различиях во взглядах, это были люди, стоявшие в оппозиции к существующему режиму, ненавидевшие крепостнические и самодержавные порядки. Многие из них были активными участниками важнейших рево-

¹⁴ «Звенья», т. I. М.—Л., 1932, стр. 329.

¹⁵ ИРЛИ АН СССР. Архив М. Ф. Де Пуле, ф. 569, № 145.

люционных событий 60-х годов, подвергались жандармским преследованиям. Не случайно рабочим кабинетом Д. И. Писарева на долгие годы стал каземат Алексеевского рavelина. Там же писал свои статьи для «Русского слова» в 1863—1864 годах Шелгунов. Из сибирской ссылки приходили корреспонденции Шапова, из эмиграции — Мечникова.

Благосветлов отнюдь не делал ставки на признанные имена и высокие авторитеты. Он безбоязненно привлекал к сотрудничеству в журнале молодежь, свежие силы, предоставляя им широкое поле деятельности. По первым, подчас ученическим, выступлениям он умел разгадать скрытый творческий потенциал литератора, заинтересовать его работой в «Русском слове». Благосветлов ввел в журналистику Зайцева, Соколова, Ткачева; он распознал талант Писарева, помог расправить крылья его могучему дарованию. В этом заслуга Благосветлова в истории нашей демократической печати.

В декабрьском номере «Русского слова» за 1860 г. появляются первые работы Писарева: перевод поэмы Гейне «Атта Троль» и рецензия на «Сборник стихотворений иностранных поэтов». Тогда же Писарев знакомится с Благосветловым и уже через несколько месяцев становится постоянным и наиболее активным сотрудником «Русского слова». Благосветлов, проницательно оценив талант Писарева, предоставляет ему самостоятельность в выборе тем, доверяет молодому сотруднику программные выступления. За полтора года работы в журнале Писарев из политически незрелого юноши превратился в убежденного и смелого борца с самодержавием. От узкоспециальных вопросов библиографии¹⁶ он обращается к обсуждению жгучих общественно-политических проблем: народ и образование, народ и его роль в истории, народ и движущие силы революции.

К 1861 г., перед лицом возможной крестьянской революции, консолидируются силы реакционной журналистики. Никогда прежде журнальная полемика не носила столь открыто политического характера. Главный свой удар реакция наносила по Чернышевскому и его статье «Антропологический принцип в философии», прозвучавшей как призыв к революции. Издания М. Н. Каткова и либеральная пресса наперебой спешат уличить Чернышевского в неблагоденности. Катков прозрачно советует правительству быть тверже и «вязать смутьянов». Одновременно подвергается остракизму и «Русское слово».

Писарев оказывается в центре этих идейных боев, он вмешивается в полемику, разгоревшуюся вокруг отношения к крестьянской реформе, к революции и материалистической философии.

Уже в первых философских статьях в «Русском слове» Писарев отстаивает материализм как единственно правильное миропонимание. Он верно решает вопрос о материальности мира и возможности познания его закономерностей. Сила человеческого разума беспредельна, хотя и ограничена историческими условиями. В статье «Идеализм Платона» Писарев разоблачает его учение как безнравственное, посягающее на права личности. Он приходит к выводу о непосредственной связи идеализма с политикой. В статье «Схоластика XIX века» критик прямо заявляет, что идеализм служит духовной опорой крепостничества и потому борьба с ним является настоятельной потребностью общества, желающего освободиться от старых предрассудков. «Кто же это втолковал

¹⁶ В 1859 г., еще студентом университета, Писарев вел библиографический отдел в литературно-педагогическом журнале «для взрослых девиц» «Рассвет», издаваемом В. А. Кремпным.

нам доктрину материализма? — спрашивает Писарев. — Да и возможна ли пропаганда материализма в таком обществе, где до наших времен, до нынешнего года существовало крепостное право? Ведь только идеалистическое воззрение, говорящее, что высокая степень духовного развития дает право одному человеку брать опеку над другими, только такое воззрение, говорю я, может оправдывать порабощение личности» (1861, № 9, отд. II, стр. 26—27).

Таким образом, Писарев сознает, что отрицание идеализма расшатывает политические устои крепостничества, а пропаганда материалистических знаний является одним из важных средств политической борьбы.

Религия, по искреннему убеждению критика, — главный враг материализма и науки. Поэтому борьба с идеализмом смыкается у Писарева с решительным отрицанием религиозных верований. Вопреки утверждению попов и казенных публицистов об исконной набожности русского народа. Писарев вслед за Белинским заявлял, что русский человек по своему характеру глубоко атеистичен. Здравый смысл, значительная доля юмора и скептицизма, являющиеся свойствами национального характера, послужат активным противоядием против любого мистицизма. «На этом основании, — утверждает Писарев, — мне кажется, что ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный, здоровый и свежий материализм» (1861, № 5, отд. II, стр. 67).

В условиях отсталой крепостнической России критик не смог подняться до материалистического объяснения истории. В статье «Бедная русская мысль», «Очерках из истории труда» отчетливо проводится идея, что изменения в сознании людей определяют движение истории. Идеалистически понимая движущие силы исторического прогресса, Писарев осмысляет его с сугубо демократических позиций. Он видит цель исторического развития в уничтожении всякой эксплуатации, в конечном торжестве социалистических идеалов.

С приходом в «Русское слово» усиливается критическое отношение Писарева к существующим порядкам, углубляются революционные настроения. В развитии его демократических взглядов показательна одна из наиболее важных статей этого периода — «Схоластика XIX века». Первая ее часть появилась в майском номере «Русского слова» за 1861 г., окончание — в сентябрьском. В начале статьи Писарев еще далек от правильного понимания общественных сил, борющихся в России, ему кажется, что журналистика и литература оторваны от народа и не имеют на него никакого влияния потому, что их замучили бесплодные споры по пустякам, заели рутинная и схоластика. В этом он видит причину бессилия современной литературы.

По убеждению Писарева, журналистика и литература только тогда обретут действительность и могущество, когда будут просвещен и образован народ. Просветить же народ может только среднее сословие, «провинциальное дворянство и мелкое чиновничество», которое живет среди народа и ежедневно общается с ним. «Гуманизировать» это сословие, чтобы оно перестало быть таким, каково оно есть, — вот дело литературы и преимущественно журналистики.

Программа Писарева была утопична и политически несостоятельна. Однако серьезные общественные задачи, поставленные им перед литературой, закономерно вели к отрицанию «чистого искусства».

Вторая часть «Схоластики», вышедшая в свет в разгар студенческих волнений, свидетельствовала о резком полевении взглядов Писа-

рева. Она была воспринята в широких кругах русского общества как революционный манифест «Русского слова», публичная демонстрация в защиту Чернышевского.

Автор «Схоластики» четко определяет расстановку политических сил в России: «В нашем общественном мнении есть множество оттенков, нечувствительно переливающихся один в другой. Крайними полюсами этого общественного мнения можно назвать с одной стороны — Аскоченского, с другой — ну хоть бы Чернышевского, благо мы часто о нем упоминаем. У Аскоченского есть положительная сторона — ханжество и отрицательная — ненависть к человеческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него выражается грубо, рьяно, нелепо; если от Аскоченского мы будем постепенно подвигаться к Чернышевскому, эта ненависть будет находиться в убывающей прогрессии; мракобесие перейдет в мраколюбие, наконец в довольство мраком, в терпение мрака; доводы против разума будут видоизменяться, но полную эмансипацию разума мы найдем только на противоположном полюсе» (1861, № 9, отд. II, стр. 12). В подцензурных условиях невозможно было яснее высказать свои политические симпатии к революционной демократии.

Опираясь на многовековой опыт борьбы представителей новых идей с рутинерами, критик устанавливает историческую преемственность русского освободительного движения как одного из течений общечеловеческого прогресса. В самом начале второй части «Схоластики» он заявляет, что все лучшие люди прошлого выполняли ту же очистительную работу, какая выпала на долю Чернышевского и его сподвижников.

«Схоластика» явилась важным событием в отечественной журналистике 60-х годов. Имя Писарева становится широко известным. Чернышевский встречается с молодым критиком, беседует с ним, предлагает сотрудничать в «Современнике». По-своему реагировал на эту статью реакционный лагерь. Цензор А. В. Никитенко составил специальный доклад о направлении «Русского слова». Статья Писарева характеризовалась в этом докладе как ускоряющая потоп революции. 23 ноября 1861 г. «Русское слово» получило строжайший выговор Главного управления цензуры. Против Писарева выступает «Русский вестник» Каткова, расценивший боевой ультиматум критика решительно перетряхнуть все наследство, оставшееся от крепостничества, как прямой призыв «к разрушению», к революции.

Статья «Схоластика XIX века» явилась переломной в дальнейшем сближении «Русского слова» с революционными демократами. Уже одно это ставит автора ее головой выше всех его сотоварищей по журналу, включая и Благосветлова.

Писарев настойчиво пропагандирует мысль о необходимости глубоких перемен в России. Современное общество, пишет он, устроено так нелепо, уродливо, бесчеловечно, «что если бы нарочно выдумывать, то нельзя было бы изобрести чего-нибудь более неудобного» (1862, № 4, отд. II, стр. 32).

Резко отрицательное отношение к существующему политическому режиму неизбежно ставило перед Писаревым вопрос о том, каким путем может избавиться народ от разлагающего влияния крепостнической системы. Осенью 1861 г. в статье «Стоячая вода», солидаризируясь с Благосветловым, критик заявлял, что переменить «окружающую атмосферу», «спустить вниз по течению тину, накопившуюся в продолжение целых столетий», можно лишь посредством эмансипации личности,

распространения в народе независимого от казенной идеологии образования (1861, № 10, отд. II, стр. 21).

Но вскоре Писарев убеждается в том, что просветительские требования «Русского слова» не могут быть осуществлены, пока в России существует самодержавие. Статья «Бедная русская мысль», опубликованная в апрельском и майском номерах журнала за 1862 г., проникнута уже откровенно революционным настроением.¹⁷ Рассматривая реформаторскую деятельность Петра, но несомненно имея в виду и реформы Александра II, Писарев убедительно показывает, что в основе исторического развития лежит деятельность народа. Он вскрывает бесплодность деспотических мудрствований сановных реформаторов, не желавших считаться с потребностями масс, с велением времени. Если при таком незаурядном человеке, как Петр I, жизнь народа не изменилась в лучшую сторону, то что тогда можно сказать о реформах Александра II? — вот основная идея статьи Писарева. О «великой» крестьянской реформе он отзывается в подчеркнуто иронических тонах.

Вместо политики реформ, являвшейся желанной программой либералов, Писарев призывает возбуждать революционную сознательность народных масс, так как только полное высвобождение человека из-под гнета крепостнических понятий приведет к тому, что народ станет во главе истории. Когда появятся тысячи и миллионы разумных существ, они не потерпят произвола самодержавия, и всякое «самое легкое посягательство отдельного лица на такие права, которые общество привыкло считать своею неотъемлемою и законною собственностью», приведет к самым решительным и резким переверотам. «Достаточно назвать Карла I и Иакова II английских, Карла X и Людовика-Филиппа французских» (1862, № 4, отд. II, стр. 39).

Обосновывая необходимость революционного выступления народа, Писарев сам активно участвует в освободительном движении. Он пишет рецензию, разоблачающую продажную роль царского агента барона Ф. И. Фиркса, оклеветавшего Герцена. В мае 1862 г. появляется его памфлет, направленный против ренегатов революционного подполья. Воспользовавшись выходом в свет второго издания «Сборника стихотворений иностранных поэтов», Писарев под видом литературного разбора переводов Вс. Костомарова публично заклеил этого низкого доносчика. В памфлете «Пчелы» на примере социального устройства пчелиного улья Писарев рисует злую картину современного деспотического государства. Описывая, как лучи света, проникающие в улей, неизбежно вызывают бунт рабочих пчел против царицы и ее фаворитов — пчел-трутней, он прозрачно намекает на возможность революции.

В 1862 г. Писарев окончательно убеждается в реальной силе протеста против самодержавия. Более проницательным становится и его критический взгляд. В нашумевшей статье «Базаров» (1862, № 3) Писарев положительно оценил роман Тургенева. Он анализирует деятельность Базарова с точки зрения готовности его на революционное дело. Как и Добролюбов, он сурово осуждает «лишних людей» за праздность, бесплодное «махание крыльями». Базаров — человек иной породы, у него «мысль и дело слились в одно твердое целое». Люди базаровского типа способны совершить революционный подвиг, если в стране развернется серьезная борьба. Писарев настойчиво подчеркивает, что никакие реформы самодержавия не победят упорного скептицизма

¹⁷ Недовольство Писарева существующим режимом проявилось в ней настолько ярко, что статья находилась под цензурным запретом вплоть до первой русской революции.

Базарова, что он «не примет случайной оттепели за наступление весны» (1862, № 3, отд. II, стр. 48). Так углубляются и эстетические представления Писарева. Проблема положительного героя — демократа, мыслящего пролетария — надолго станет предметом самого пристального внимания критика «Русского слова».

С упрочением влияния Писарева в редакции «Русское слово» приобрело боевой, наступательный дух, приводивший в смятение российских филистеров и охранителей. Шелгунов, познакомившийся в это время с Писаревым, рассказывал, что молодой критик производил всей своей фигурой впечатление неукротимого, бесстрашного борца, которое целиком соответствовало его творчеству: он стремился как можно ярче выразить свои взгляды, «выкинуть знамя».

Весной 1862 г. правительство Александра II взяло открыто реакционный курс: были приостановлены «Современник» и «Русское слово», арестован Чернышевский. Летом был заточен в Петропавловскую крепость и Писарев: полиции удалось захватить написанную им революционную прокламацию в защиту Герцена. Четыре года провел он в одиночном заключении. Но ни крепостные стены, ни вынужденное молчание (Писареву было разрешено заниматься литературным трудом лишь спустя год после его ареста) не сломили боевой дух критика. Бодростью, уверенностью в правоте своих убеждений проникнуто все его творчество на страницах опального, только что оправившегося после восьмимесячного запрещения «Русского слова». Уже в первых выступлениях 1863 г. — «Наша университетская наука», «Очерки из истории труда», — в не пропущенных цензурой «Мыслях о русских романах» Писарев решительно и смело заявляет о верности своим убеждениям, о «неисправимой слабости глубоко сочувствовать Чернышевскому». В мрачное время торжествующей реакции он бесстрашно защищает революционно-демократическое движение, наносит чувствительные удары по своим противникам. Именно в это трудное для демократии время Писарев становится признанным властителем дум передовой молодежи.

Новая сложная обстановка требовала выработки новой стратегии и тактики борьбы с самодержавием. В раздумьях над историей общественного движения, в уроках французской революции Писарев мучительно ищет разгадку томительных «антрактов» истории, стремится нащупать перспективу развития современных событий. Он создает цикл исторических работ («Очерки из истории труда», «Исторические эскизы» и др.). Гениальные материалистические догадки Писарева — о том, что истоки народных выступлений, их «действующая сила лежала и лежит всегда и везде — не в единицах, не в кружках, не в литературных произведениях, а в общих и преимущественно в экономических условиях существования народных масс» (1864, № 1, отд. I, стр. 68) — говорят о дальнейшем углублении исторической мысли идейного руководителя «Русского слова». Обращаясь к опыту якобинцев, критик вскрывает коренную непримиримость народных масс и буржуазии, обнаружившуюся уже в революции 1789 г. Он поднимается до понимания исторической обреченности капитализма: «Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала» (1863, № 11—12, отд. I, стр. 90).

Чём же объяснить мирно-просветительские настроения, отчетливо выразившиеся в программной статье Писарева «Реалисты» (1864, № 9, 10, 11; по требованию цензуры статья вышла под названием «Нерешенный вопрос»), в «Мотивах русской драмы» и ряде других?

Исходным моментом в «Реалистах» служит по-прежнему мысль о неразумности всего современного социально-экономического уклада. Жизнь должна быть решительно перестроена и перестроена в интересах трудящихся масс. Достичь этой цели можно двумя путями: механическим; т. е. открытым, революционным действием, и химическим — мирным преобразованием общества, умножением и распространением научных знаний. Писарев в это время — сторонник второго пути. Будущее России зависит от усилий мыслящего пролетариата, мыслящих работников, реалистов типа Базарова. Задача общественного движения — всемерно увеличивать их ряды, превращать «чувствительных тунеядцев в мыслящих работников».

Писарев разрабатывает программу действия реалистов. Общечеловеческая солидарность (под ней Писарев подразумевает социалистические тенденции), теория разумного эгоизма и экономия умственных сил — вот чем должны руководствоваться современные Лопуховы и Базаровы.

Огромные надежды возлагает автор статьи на естественные науки, способные, по его мнению, с наименьшей затратой умственных сил, с экономией труда общества дать пищу и одежду голодным и раздетым людям. Естествознание важно еще и потому, что оно формирует материалистическое мировоззрение, поскольку имеет дело с реальной жизнью и основано на конкретно-чувственном опыте. Талантливая и страстная пропаганда естественнонаучных знаний, дарвинизма (не без преувеличения общественной роли естествознания), которую вело «Русское слово», дала ощутимый толчок развитию отечественной науки, выдвинула плеяду блестящих русских естествоиспытателей и физиологов — И. М. Сеченова, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева и др.

В общеполитическом плане «теория реализма» была уступкой мирно-просветительским идеям. В новых условиях борьбы, когда революционные силы оказались рассеянными, а руководители их обезглавлены, Писареву казалось, что у общества нет реальной опоры для нового штурма самодержавия. Эти ошибки проистекали из непонимания того, что революцию и революционное сознание масс надо готовить годами, а иногда и десятилетиями, даже в периоды отступления и горьких потерь. Однако, выдвигая новую мирную тактику борьбы, Писарев не стал реформистом, не изменил революционному знамени. В статье «Цветы невинного юмора» он заявлял: «Конечная цель лежит очень далеко, и путь тяжел во многих отношениях; быстрого успеха ожидать невозможно; но, если этот путь, к счастью, путь умственного развития, оказывается необходимым, единственно верным путем, то это вовсе не значит, чтобы следовало исключить из истории все двигатели событий, кроме опытной науки. Народное чувство, народный энтузиазм остаются при всех своих правах; если они могут привести к цели быстро, пускай приводят» (1864, № 2, отд. II, стр. 42). «Теория реализма» рассматривается Писаревым как тактическая линия, годная в период отступления революционных сил. Критик настойчиво разъясняет в «Нерешенном вопросе» историческую обусловленность такой тактики, подчеркивая, что «местные и временные условия нашей русской жизни заявляют свои определенные требования, и русский реалист не может оставлять их без внимания» (1864, № 10, отд. II, стр. 34).

В статье «Новый тип», являющейся и по сей день лучшим литературно-критическим отзывом о романе «Что делать?», критик указывал, что Рахметов — последовательный представитель реалистов и что лишь в силу гнетущих российских условий он вынужден проявляться мел-

кой черновой работой. Случись революция, Рахметовы бесстрашно пойдут на борьбу, возглавят историческое движение эпохи.¹⁸ Интерпретация образа Рахметова, как наиболее твердого и цельного реалиста, окончательно убеждает, какой разрушительный, антимонархический смысл вкладывал критик в свою «теорию реализма».

Писарев сыграл выдающуюся роль в переводе «Русского слова» на демократические рельсы. Его страстность, неотразимая логика в защите передовых революционных и демократических идей, бесстрашие в ниспровержении авторитетов, блестящий пропагандистский и популяризаторский талант содействовали тому, что «Русское слово» стало популярным изданием и оказало большое воздействие на широкие круги демократической интеллигенции.

* *
*

Работа в «Русском слове» — яркий и наиболее плодотворный период в жизни Благосветлова. Энергичный, неутомимый, захваченный обширными планами и замыслами, верящий в необходимость перемен в России, он отдает журналу все свои силы и страсть. Требовательно относясь к сотрудникам, он и сам работает за троих: правит рукописи, читает корректуру, хлопочет по делам журнала в цензуре, руководит типографией и одновременно успевает писать ежемесячно несколько печатных листов. Среди статей Благосветлова в «Русском слове» нет ни одной, посвященной непосредственно литературной критике. Политические события, история общественного движения, политэкономия, социология — вот что привлекает внимание вчерашнего рецензента и критика.

Важнейшей проблемой, определяющей характер мировоззрения редактора журнала, а также его место в освободительном движении (известно, что Благосветлов входил в состав нелегальной революционной организации «Земля и воля», с ноября 1862 г. был членом ее Центрального народного комитета),¹⁹ является отношение к революции. О революции и революционных средствах преобразования жизни Благосветлов пишет в обзорах «Современной летописи» (1861, № 4, 5), в

¹⁸ Как удалось установить В. Архипову, опубликованная в октябрьском номере 1865 г., после отмены предварительной цензуры, полная революционного недовольства статья «Новый тип» (за нее «Русское слово» получило первое предостережение министра внутренних дел) идентична по содержанию более ранней, написанной в 1863 г. и тогда же запрещенной властями статье «Мысли о русских романах» (В. Архипов. Незвестные страницы Д. И. Писарева. — «Литературная Россия», 1964, № 18, стр. 9—11). Возвращаясь год спустя к той же теме в «Реалистах», узник Петропавловской крепости, понятен, вынужден был постоянно оглядываться на цензуру, приглушенно излагать свои антиправительственные взгляды. Весьма вероятно, что, обращаясь в «Реалистах» к анализу образа Базарова как представителя нового течения русской современной жизни — реалистов, Писарев делал это в значительной степени вынужденно, поскольку говорить о Рахметове и «Что делать?» означало заранее обречь свой труд на закание цензуры.

¹⁹ В статье «„Журнальный эксплуататор“ или революционный демократ? (Г. Е. Благосветлов)» («Русская литература», 1960, № 3, стр. 60—83) Ф. Ф. Кузнецов объявляет редактора «Русского слова» революционным демократом, наиболее последовательным и проницательным среди руководящих сотрудников журнала. Доказательства такой точки зрения исследователь находит в многочисленных полицейско-жандармских доносах на Благосветлова. Один из важнейших просчетов Кузнецова состоит в том, что он не сопоставил жандармское досье на Благосветлова с его публицистическим наследием. Искусственное преувеличение революционности Благосветлова приводит не только к искажению правды об этом крупном журналисте-демократе, но и мешает выяснить действительную картину внутриредакционных взаимоотношений в «Русском слове», принижает роль Писарева как идейного и наиболее стойкого руководителя журнала.

статьях «Историческая школа Бокля» (1863, № 1—3), «Дж. Ст. Милль» (1863, № 9), обзорах «Политика» (1863, № 4), «Домашняя летопись» (1863, № 7). Он не отрицает роли революционных переворотов в истории, клеймит французских либералов, которые в декабре 1851 г. выступили решительно против Луи-Наполеона из боязни помять белые жабо и испортить цвет лица среди уличной свалки (1863, № 4, «Политика», стр. 7). Заявляя о благотворности революционных перемен в изменении экономического благосостояния народов, редактор «Русского слова», в отличие от руководителей «Современника», не зовет к революции, не говорит о необходимости свержения старых порядков как единственной возможности удовлетворить крестьянские чаяния о земле. В августе 1861 г., как только обозначился спад крестьянских волнений и бунтов, Благосветлов выдвигает проект выкупа государством помещичьих земель и передачи их за известный процент в руки крестьян и земледельческих обществ. Это была программа мирного углубления реформы.

Благосветлов — не противник революции, но и не активный ее сторонник. Благосветлов торопит правящие верхи согласиться на более существенные демократические реформы, иначе, предупреждает он в статье «Историческая школа Бокля», все кончится взрывом, «ужасным бедствием» — революцией. Перед Францией, заявляет Благосветлов в другом месте, также стояло множество социальных задач, и, за неимением ясного и здравого взгляда на них, они были разрешены революциями (1863, № 7, «Дом. летопись», стр. 42).

В рассуждениях Благосветлова о революции явственны отзвуки его прежних заблуждений. Но если в 1857—1860 гг. опыт западноевропейских стран, безусловно, усиливал и обострял в нем чувство протеста против варварских российских порядков и стеснений, то крушение западноевропейской буржуазной революционности рождало скептицизм, неверие в успех революционного дела в России.

В своих взглядах на исторический прогресс, на революцию Благосветлов исходит из «права труда», из идеи, что главной, «капитальной» задачей общества является «равновесие труда и капитала», «уменьше народа устроить свои экономические отношения» (1863, № 9, отд. II, стр. 8). Осуществить право труда Благосветлов рассчитывает мирными средствами, путем распространения среди трудовых масс просвещения, знаний, в том числе естественнонаучных. Ссылаясь на английского либерального историка Бокля, автора популярной в демократических кругах России «Истории цивилизации в Англии», Благосветлов категорично заявляет, что достоинства той или другой цивилизации следует оценивать «на основании более или менее здоровых мозгов у каждого исторического народа» (1863, № 11-12, «Дом. летопись», стр. 45). «Чем меньше ума у народа, тем меньше энергии и способности в выполнении своего дела, тем ниже общий итог народного труда» (там же). Благосветлов явно переоценивает роль образования, знаний в историческом прогрессе.

Выдвигая как основную задачу времени проблему труда и собственности, веря, что «рано или поздно, но тунеядство и нищенство должны исчезнуть с лица земли, как исчезли черные язвы средних веков» (там же, стр. 46), Благосветлов не улавливает взаимосвязи политических учреждений и общественно-политического строя, склонен даже отделять и противопоставлять их друг другу. В 1862 г. в рецензии на сочинения Токвиля он смело заявляет, что нет надобности заботиться о том или другом государственно-политическом устройстве. Год спустя, обращаясь к работам английского буржуазного экономиста Дж. Ст. Милля, редак-

тор развивает эту же точку зрения. Недооценивая роли политики, не понимая классово-природы государства, он полагает, что можно создать систему образования и воспитания народа, не зависящую от правящих верхов, изолированную от растлевающей атмосферы крепостничества. «Русское слово» отстаивает независимость университетов, народных училищ, воскресных школ, а также суда, земства от правительства и его чиновников. Тем же антимонархическим духом проникнуты идеи Благосветлова об эмансипации личности.

Пропаганда свободы личности, независимого от властей народного образования, местного самоуправления, которую вело «Русское слово», сыграла положительную роль в пробуждении демократического сознания многих разночинцев. И все же самая мысль отделить государство от общества, от интеллигенции была наивной. Благосветлов не понимал, что для осуществления этих важных демократических требований необходимо изменить существующий режим, положить конец господству семьи Романовых и класса дворянства.

Итак, в своем отрицании самодержавного деспотизма, в симпатиях к трудящемуся люду Благосветлов смыкался с революционной демократией, и она находила в нем соратника и сподвижника по борьбе. Что же касается конкретной программы действий для достижения лучшего будущего России, которое, по убеждению Благосветлова, — пока весьма отдаленная перспектива, то здесь редактор «Русского слова» находился под серьезным влиянием мирно-просветительских идей и настроений. Успешной революции должна предшествовать длительная школа гражданского, не зависящего от казенного давления воспитания народа. Поэтому дорога к освобождению и очищению страны от крепостнических язв и наслоений, по мнению Благосветлова, проходит через университет, книгу, знания, эмансипацию личности, а не через баррикады и насильственное ниспровержение династического режима.

В сомнениях и отступлениях Благосветлова от последовательно революционного курса уже тогда обнаружались признаки болезни, которая в 70—80-е годы дает себя знать в форме благовоспитанной и трезвой буржуазности, одного из течений русского просветительства. В 1867 г. он избивает рабочих своей типографии, требовавших выплаты жалования. Обогащаясь (Благосветлов становится владельцем типографии, книжного магазина, издательства, поместья и двух домов в Петербурге), редактор более придирчиво относится к статьям, где он усматривает покушение на собственность. Шелгунов в своих воспоминаниях справедливо рисует Благосветлова как демократа-разночинца, постепенно перерождавшегося в буржуа. Значит ли это, что Благосветлов был неискренен в своих убеждениях? Разумеется, нет. Он действительно стоял на стороне тех, кто боролся с крепостническими порядками. В его публицистических выступлениях и практически-организаторской деятельности не было своекорыстия, эгоистических целей.

В статье «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин, характеризуя просветительские взгляды сотрудника «Отечественных записок» Скалдина (Ф. П. Еленева), автора очерков «В захолустье и в столице», как взгляды умеренного буржуа, выступал против узкого, антиисторического понимания русского просветительства. «Нельзя забывать, — говорил Ленин, — что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противо-

речия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного». ²⁰ Это ленинское указание дает ключ и к объяснению идейной эволюции Благосветлова, вскрывает корни той двойственности, которую не могли до конца понять и объяснить его современники.

Благосветлов значительно уступал Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, Салтыкову-Щедрину и по масштабу дарования, и по силе воздействия на современников, и по политической зрелости и дальновидности. Однако он был недожинным журналистом. В лучших его работах чувствуется напряженное биение мысли, стремление разобратся в движущих пружинах исторического процесса, определить пути к лучшему будущему России.

* *
*

В обстановке 60-х годов «Русское слово», все активнее вторгавшееся в общественную жизнь, существенно изменилось. Из литературно-ученого оно превратилось в литературно-политическое издание. К 1863 г. окончательно складывается новое лицо журнала. В нем сохранились три отдела. Первый включал прозу, поэзию, публицистику, статьи научного характера. Однако беллетристику здесь основательно потеснили статьи и очерки на общественно-политические темы. Подчеркивая важность материалов такого рода, редакция неоднократно печатает «в качестве передовиц» сочинения исторические, естественнонаучные. Второй отдел — «Литературное обозрение» — включал критику и библиографию. С 1863 г. в нем систематически появляется «Библиографический листок». И опять же характерно для журнала, что наряду со статьями по литературе широко рецензируются общеполитические, экономические, естественнонаучные труды. Третий отдел — «Современное обозрение» — имел три главных самостоятельных раздела: «Политика» — обозрение современных зарубежных событий; внутреннее обозрение — «Домашняя летопись»; фельетон — «Дневник темного человека». Постоянная борьба с цензурой заставила Благосветлова ввести постатейную пагинацию.

В первом отделе печатаются повести, рассказы, очерки многих писателей-разночинцев. Наиболее интересными были произведения М. Вовчка, молодого Г. И. Успенского («Ночью», «Эскизы чиновничества», «Бесприютные»), А. Ф. Писемского («Батька»). Активно сотрудничают в «Русском слове» Н. Ф. Бажин, М. А. Воронов. Со страниц повестей и рассказов «Русского слова» вставала неприкрашенная российская действительность: бесправие, нищета крестьянства, бесчеловечность нравов и семейных отношений, пошлость и безысходность. В этой атмосфере задыхаются люди с хорошими природными задатками. «Зачумленная» крепостничеством страна — важнейшая тема «Русского слова». «Неудавшаяся жизнь» — так озаглавлена одна из повестей 1863 г. Название ее полностью соответствует судьбам героев многочисленных повестей А. Г. Витковского, очерков М. А. Воронова, первого бытписателя «дна жизни», московских трущоб и ночлежек; повести Г. Лунина (Благосветлова) «Женитьба от скуки».

Прозаики «Русского слова» беспощадно обличали помещиков-крепостников. На страницах журнала рассказывалось, как горят подожжен-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

ные крепостными усадьбы помещиков-самодуров, ретивых российских рабовладельцев. Писатели-беллетристы боролись за демократизацию русского общества. Показывая, что благополучие дворянства, правящей военной верхушки, духовенства, чиновных бюрократов возможно только при условии, если народ живет впроголодь и кормит своим трудом тунеядцев, «Русское слово» делает вывод, что существующие в стране общественные порядки аморальны и преступны, что подобный общественный строй не отвечает естественным потребностям человеческой природы.

«Русское слово» не идеализировало крестьянскую общину, трезво смотрело на общественные отношения в деревне. В рассказах П. Б-ца «Степная охота», особенно в очерке А. Н. Молчанова «Андреевка», показывалось, что сельским миром верховодят богатеи. Однако, отображая лишь первый этап классового расслоения деревни, «Русское слово» считало, что «крепкий» мужик обогащается с помощью мошенничества, плутовства, обмана, а не эксплуатации чужого труда.

В прозе журнала 1864—1865 г.г. появляются новые мотивы. Бажин в повести «Степан Рулев», имевшей характерный подзаголовок «Черты из жизни хороших людей», выводит новый тип убежденного демократа-разночинца. Автор повести отчетливо дает понять, что Степан Рулев подчиняет свою жизнь общественному долгу, он разъезжает по деревням и уездам, ищет связи с единомышленниками.

Оригинальная поэзия — весьма немногочисленная — носила в «Русском слове» гражданский, вольнолюбивый характер. Однако малохудожественность, декламационность и риторичность губительно сказывались на ее содержании. Значительно интереснее переводная поэзия (Г. Гейне, Д. Байрон, Ш. Петефи). «Русское слово», обходя цензуру, стремилось напомнить читателям о судьбе поэтов-революционеров. В апрельском номере за 1861 г. под понятным сокращением «Кондр. Р-в» были напечатаны две элегии знаменитого декабриста. «Русское слово» публикует также переводы сосланного в Сибирь Михайлова.

Но направление первого отдела определялось не прозой, а прежде всего творчеством Писарева. Не случайно многие его исторические и социологические работы открывали журнал. Насколько высоко ценится публицистика в этом отделе, показывает объявление об издании «Русского слова» на 1865 г. В нем говорилось: в первом, «литературно-беллетристическом» отделе помещаются общедоступные статьи по естествознанию, истории, политической экономии, романы, повести, драмы и очерки» (1864, № 10, прилож., стр. 1). Даже статьи по естествознанию даются под общей рубрикой литературно-беллетристических произведений. Плодотворно работает в журнале Шелгунов. В первом же отделе печатаются экономические статьи Соколова.

«Русское слово» определяет свое отношение к таким важнейшим проблемам пореформенного времени, как крестьянская община и капитализм, пропагандирует учение утопического социализма. Шелгунов, как и другие сотрудники журнала, весьма скептически оценивает роль общины в русской жизни, усматривая ее лишь в плотничьих артелях. Внимательно вглядываясь в новые тенденции российской действительности, изучая опыт западноевропейских стран, публицисты журнала явственно видели, что в России утверждаются капиталистические отношения. В статьях Писарева, в «Рабочих ассоциациях» Шелгунова звучит мысль о том, что и нам, вероятно, не избежать капитализма с его грозными социальными противоречиями и контрастами. Рабочий вопрос, подчеркивает Писарев в статье «Школа и жизнь», в будущем станет «неизбежным и неотвратимым». Экономические статьи Соколова при-

зывают к развитию промышленного, мануфактурного производства, к защите отечественной экономики от иностранного капитала, ибо только так можно, по его мнению, поднять благосостояние народа.

Публицисты «Русского слова» отнюдь не идеализируют капитализм. Они видят его хищническую, эксплуататорскую природу. «Вся ценность земли, как и всякой другой вещи, заключается только в труде человека», — утверждает Писарев. Опираясь на идеи утопического социализма (программой в этом отношении являлась статья Шелгунова «Рабочие ассоциации» — 1865, № 2 и 11, за которую «Русское слово» получило предостережение цензуры), публицисты журнала стремятся выработать программу, которая высвободила бы труд из-под гнета капитала. Они обосновывают с точки зрения естественнонаучного материализма необходимость уничтожения всякой эксплуатации, ратуют за производственные рабочие ассоциации, рассматривая их как средство оградить труд производителя от «лихоимства» капитала.

Второй отдел — «Литературное обозрение» — составляли произведения Писарева и Зайцева. Иногда здесь печатались статьи и рецензии Благосветлова и Шелгунова. Под своеобразной сатирической маской — М. Бурбонов — выступал с рецензиями Минаев. «Литературное обозрение» обычно включало руководящую статью и «Библиографический листок». В этом отделе были опубликованы такие программные выступления Писарева, как «Нерешенный вопрос», «Посмотрим», «Новый тип», «Сельские картины» и многие другие. В них Писарев предстает как вдумчивый и яркий истолкователь таланта Тургенева, Чернышевского, Л. Н. Толстого, Помяловского и многих других писателей-современников. В статьях «Сердитое бессилие», «Прогулка по садам российской словесности» он подвергает сокрушительной критике антинигилистические романы В. П. Ключникова, А. Ф. Писемского, Н. С. Лескова, издевается над бесплодными потугами «чистой поэзии».

Однако, проповедуя принцип экономии умственных сил, утилитаризма, ставя подчас знак равенства между эстетикой и «чистым искусством», Писарев допустил в 1864—1865 г. ряд серьезных просчетов. Наиболее отчетливо ошибки критика сказались в статьях «Разрушение эстетики», «Пушкин и Белинский». Недооценивая того, что реализм и народность все активнее проявляют себя в русской музыке, живописи, скульптуре, Писарев начисто отрицал эти виды искусства как забаву и роскошь, необходимые лишь привилегированным тунеядцам. В этом решительном отрицании он исходил из искреннего стремления направить все усилия общества на разрешение одной цели — накормить и одеть голодных и раздетых. Однако его позиция, которую еще более вульгаризировал Зайцев, была узкой и антиисторичной.

Третий отдел — «Современная летопись» — открывался обзором зарубежных событий «Политика». Впервые он появился в июльском номере за 1860 г. Вначале его вел Благосветлов, а с 1861 г. и до конца издания — Эли Реклю, подписывавший свои статьи псевдонимом Жак Лефреть.²¹ Внимание обозревателя концентрируется на освещении революционно-демократической и национально-освободительной борьбы

²¹ Э. Реклю был французским мелкобуржуазным революционером и публицистом, близким к анархизму. Он участвовал в революции 1848 г. В одном из обзоров «Политика» за 1865 г. Реклю объявляет себя партизаном утопического социализма, республиканцем, сторонником Ш. Фурье. Таковым он и был на самом деле. Познакомившись с трудами К. Маркса, Реклю собирался перевести на французский язык первый том «Капитала». Правда, впоследствии его кандидатура отпала, поскольку выяснилась его руководящая роль в бакунинском Альянсе социалистической демократии — организации, постоянно интриговавшей против I Интернационала.

народов. Война Севера против рабовладельческого Юга в Америке, движение гарибальдийцев в Италии, подъем антимонархических настроений во Франции — все эти события освещает с демократических позиций Жак Лефрень. «Русское слово» использует зарубежный материал для воспитания в русском народе республиканских настроений.

Несмотря на строжайшие запреты, «Русское слово» сделало попытку высказать свое отношение к польскому восстанию. В февральском, мартовском, апрельском номерах журнала за 1863 г. Благосветлов заявлял о симпатиях к польским повстанцам, информировал о создании в Польше гражданского революционного правительства и его первых распоряжениях. Участвовать в подавлении восстания, писал Благосветлов, значит «примыкать к самой гнилой части Европы» (1863, № 3, «Дом. летопись», стр. 6).

Еще более прозрачно позиции журнала в польском вопросе определял Жак Лефрень. Он высказывался за необходимость революционной войны европейских государств и прежде всего Англии и Франции против реакционно-монархической России, угнетательницы народов. Он настойчиво призывал к военной поддержке повстанцев, проницательно писал о том, что за войну против России стоят в Англии «народ и низшая буржуазия», которые чрезвычайно сочувствуют Польше. Напротив, английская аристократия, как и Луи Наполеон, в своекорыстных целях шумят о симпатиях к Польше, но не желают пожертвовать для нее «ни одним шиллингом, ни одним человеком». На стороне восставших, заявляет Жак Лефрень, симпатии всех демократов, всех друзей свободы.

В мартовском номере «Русского слова» за 1861 г. было впервые напечатано обозрение внутренней жизни России, озаглавленное «Современная летопись». С января 1863 г. отдел «Современная летопись» был переименован в «Домашнюю летопись». Необходимость введения такого отдела в журнале была вызвана подъемом демократического движения 60-х годов, ростом общественного самосознания, наконец, тем, что в политику оказались вовлеченными широкие слои разночинцев, т. е. те читатели «Русского слова», на которых прежде всего ориентировали журнал Писарев и Благосветлов. «Домашняя летопись» представляла собой ежемесячное обозрение наиболее значительных событий русской жизни. В ней подробно сообщалось о крестьянских волнениях и помещичье-чиновничьем произволе, обозревались и широко комментировались законодательные и административные распоряжения правительства, приказы местных властей, приводились экономические и статистические сведения о состоянии промышленности, финансов, народного образования в стране. Как и в других отделах «Русского слова», здесь велась полемика с реакционными газетами и журналами. Пропаганда антикрепостнических идей, трезвость и скептицизм по отношению к правительственным реформам определяли направление «Домашней летописи». Автором «Домашней летописи» в 1861—1863 гг., как это удалось установить сравнительно недавно,²² был Благосветлов. В 1864 г. он вел эту летопись совместно с журналистом-демократом И. И. Дмитриевым. В 1865 г. составление летописи легло на плечи Шелгунова.

Фельетон был восстановлен в «Русском слове» Благосветловым в начале 1861 г. под заглавием «Дневник темного человека». Его автором-составителем с февраля того же года до августа 1864 г. был извест-

²² См.: Л. Э. В. Арустин. Кто был автором внутреннего обозрения в журнале «Русское слово» в 1861—1863 гг.? — Уч. зап. ЛГУ, № 218, сер. филолог. наук, вып. 33, 1957, стр. 205—208; Ф. Ф. Кузнецов. Кто вел домашнюю летопись в «Русском слове»? — «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 199—201.

ный русский поэт и публицист Минаев. Он в это время сотрудничал в самых передовых изданиях эпохи — «Современнике», «Искре», «Русском слове». Фельетон был одним из боевых и содержательных отделов журнала, пользовавшихся широкой популярностью у читателей. В остроумных, ярких по форме обозрениях, в прозаический текст которых Минаев вводил стихотворные пародии и перепевы, колкие эпиграммы, драматические сценки, полные сарказма комментарии по поводу правительственных распоряжений или выступлений реакционных публицистов и писателей, высмеивались многочисленные и сильные враги демократического движения. Автор черпал обширный материал из собственных наблюдений над провинциальной жизнью, знакомой Минаеву еще по Симбирску, где он в течение трех лет служил в казенной палате (в фельетонах Минаева Симбирск, как и в «Искре», фигурирует под названием Приволжск). Большое место в фельетоне занимала петербургская общественная и литературная жизнь. Петербург Минаев также знал хорошо. В земском отделе министерства внутренних дел, где ему пришлось тянуть лямку чиновника, он воочию увидел, кто правит Россией. Здесь же он узнал и другой Петербург — Петербург, читавший демократические издания, увлекавшийся идеями Чернышевского.

Большое разнообразие в фельетон вносили факты, постоянно сообщаемые в редакцию «Русского слова» из различных уголков России. В журнале были свои добровольные корреспонденты, которые постоянно писали в редакцию о самоуправстве местных властей, об издевательствах помещиков над крестьянами и т. п. Минаев широко привлекал для своих обозрений многочисленные известия из провинции о диком произволе и бесчеловечном обращении с «простолюдинами», печатавшиеся в отделе «Нам пишут», который талантливо вел в «Искре» М. М. Стопановский. Получение свежей информации для фельетона было предметом постоянных забот редакции «Русского слова». Благовосветлов, например, в письме Д. Л. Мордовцеву от 28 июня 1861 г. поручал ему доставлять факты, достойные «темного человека». Само название фельетона «Дневник темного человека» определяло позиции, с каких автор был намерен подходить к оценке современной действительности. Оно перекликалось с «Письмами темных людей» немецкого просветителя и врага богословской схоластики Ульриха фон Гуттена.

В первом же «дневнике» (февраль 1861 г.) Минаев предъявил высокие требования к фельетонному обозрению. По его мнению, фельетон — боевой жанр, легкий и игривый по форме, имеющий назначение — говорить обо всем с целью «поднимать всевозможные вопросы, если они жизненны, и опускать всевозможные авторитеты, если они мертвы» (1861, № 2, отд. III, стр. 51). Таким образом, фельетонное обозрение рассматривалось Минаевым как одно из наиболее острых средств вмешательства в общественную борьбу.

Обычно фельетон в «Русском слове» имел определенный план. Вначале помещались важнейшие общественно-политические новости, журнальная и литературная полемика, сатирические картинки нравов и быта Петербурга, затем публиковались провинциальные известия, театральная хроника. В каждом фельетоне Минаев вел сатирически заостренную летопись успехов прогресса и гласности.

Типичный разночинец, чувствовавший свою духовную связь с Чернышевским и Добролюбовым, Минаев был скептически настроен относительно политики самодержавия. Беспощадно и зло высмеивал «темный человек» либералов; их излюбленные фразы о «нашем бедном страждущем брате», «о чистой заре всеобщего процветания» служили объектом

эпиграмм и стихотворений поэта. В многочисленной галерее сатирических героев «темного человека» представляли все признанные фигуры российского либерализма и крепостнической реакции: А. А. Краевский, М. П. Розенгейм, Б. Н. Чичерин, М. Н. Катков, В. Д. Скарятин и др.

Общественно-политическая жизнь в 60-е годы развивалась настолько стремительно, что теоретическое осмысление ее публицистами-демократами должно было осуществляться по горячим следам событий. Признанных вождей революционно-демократического движения «Современник» уже потерял: Добролюбов умер, а Чернышевский был обречен на молчание. Поиски путей преобразования России в этих условиях вызвали полемику между двумя ведущими демократическими органами: журналами «Современник» и «Русское слово». Начало ее относится к апрелю 1863 г., когда Зайцев в статье «Перлы и алмазны русской журналистики» упрекнул редакцию «Современника» в снижении тона по сравнению с добролюбовским периодом. Здесь же публицист «Русского слова» допустил личный выпад против Щедрина, намекая на его вице-губернаторскую службу, т. е. на неискренность его демократических убеждений. Но большой принципиальный спор, отразившийся на дальнейшем развитии общественной мысли России, развернулся в 1864—1865 гг., после того как в январской хронике «Современника» за 1864 г. «Наша общественная жизнь» Щедрин выступил с критикой отвлеченного просветительства, «зайцевской хлыстовщины» и отхода «Русского слова» от революционно-демократических традиций.

Полемика охватывала вопросы философии, экономики, политики, эстетики. Нападки на Щедрина (например, в статье Писарева «Цветы невинного юмора» и фельетоне Зайцева «Глуповцы, попавшие в „Современник“», напечатанных в февральском номере за 1864 г. или в анонимном «Фельетоне», опубликованном в № 4 за тот же год), с одной стороны, а также то, что Щедрин не понял революционной силы публицистики Писарева, а Антонович не сумел оценить положительное значение писаревской «теории реализма» — с другой, — все это дало новый материал для выступлений либерально-монархических изданий против демократии, ослабляло единство ее рядов. Писарев видел отрицательные стороны полемики. Подготавливая в 1866—1867 гг., в период разгула муравьевского террора, первое издание своих сочинений, он снял полемические выпады против «Современника» в ряде статей, а статью «Посмотрим!» исключил из издания. И все же, каковы бы ни были издержки спора между «Русским словом» и журналом Н. А. Некрасова, главным, определяющим в полемике было то, что в новых, трудных исторических условиях она способствовала выработке широкой революционно-демократической программы. Немалая заслуга в этом Писарева. Его популярность и авторитет как ведущего сотрудника «Русского слова», несомненно, возросли в ходе полемики.²³

К 1865 г. тираж «Русского слова» поднялся по одним сведениям до 3300, по другим до 5000 экземпляров. Правительство понимало, какого сильного врага оно приобрело в лице «Русского слова». Цензура делала все, чтобы оборвать его независимый и свободолобивый голос. В 1866 г. «Русское слово» получило третье предостережение и было приостановлено на пять месяцев. В апреле 1866 г., сразу после выстрела Каракозова, журнал был закрыт окончательно.

²³ Подробнее о полемике см.: Ф. Ф. Кузнецов. М. Е. Салтыков-Щедрин и журнал «Русское слово» (еще раз о «расколе в нигилистах»). — «Русская литература», 1961, № 2; Л. А. Плоткин. Д. И. Писарев. М.—Л., 1962, стр. 96—113.

Сатирические журналы 1860-х годов

(«Искра», «Гудок», «Будильник»)

Одним из интереснейших явлений литературной жизни конца 50-х и 60-х годов был расцвет сатирической журналистики. Именно в эти годы возникает в России и уверенно внедряется в русскую журналистику самый тип еженедельного журнала с карикатурами — плод тесного сотрудничества писателя и художника.

Характерна общая эволюция сатирической журналистики 60-х годов. Начало положил легковесный юмористический журнальчик «Весельчак» (1858—1859), основанный при содействии О. И. Сенковского. Очень близок к нему «Гудок» 1859 г. Оба заполнялись плоскими безвкусными шутками, давно забытыми анекдотами и были рассчитаны на невзыскательных людей, ищущих исключительно развлекательного чтения, преимущественно на городское мещанство. К этим журналам примыкает и большая часть уличных юмористических листов 1858—1859 гг.

В 1859 г. начала выходить «Искра» и впервые появился в «Современнике» «Свисток». Скоро журнал типа «Весельчака» стал полным анахронизмом. Его место занимает сатирический журнал с более или менее определенным политическим лицом. Таковы «Заноза» и «Оса» справа (оба возникли в 1863 г.), «Искра» и «Гудок» 1862 г. (под редакцией Д. Д. Минаева) — слева. Наиболее яркими в литературном отношении были журналы демократического лагеря. И это понятно. Сатира революционной демократии 60-х годов была неизмеримо шире по своему диапазону, глубже и острее.¹ Сатирические журналы постепенно завоевали себе определенное место в литературном движении 60-х годов. Они принимали участие в повседневной политической борьбе, в острых полемических схватках, нападая на врага и стараясь скомпрометировать его в глазах своих читателей. Особой популярностью, большей, чем многие толстые журналы, пользовался лучший из них — «Искра».

«Заноза» и «Оса», основанные в целях борьбы с демократической мыслью, прекратились в 1865 г., а два передовых журнала — «Искра» и возникший в 1865 г. «Будильник» пошли впоследствии по двум различным путям. «Искра» с начала 70-х годов мало-помалу теряет сатирический характер и превращается в обычный журнал, близкий по своему типу, скажем, к «Неделе»; в 1873 г. она прекращает свое существование, задавленная цензурными преследованиями. «Будильник» же, радикальные политические тенденции которого в 60 — начале 70-х годов неоспоримы, все более заполняется легковесным развлекательным

¹ О «Весельчаке», «Гудке» 1859 г., «Занозе» и «Осе» см.: И. Г. Ямпольский. Из истории сатирической журналистики 1860-х годов. — Уч. зап. ЛГУ, № 76, сер. филолог. наук, вып. 11, 1941; о юмористических листках 1858—1859 гг. см. его же статью: Доклады и сообщения Филологического ин-та ЛГУ, вып. 2. Л., 1950.

материалом, подготавливая почву для пошлой юмористической журналистики 70—80-х годов, одним из ярких представителей которой был он сам.

«Искра»

Мысль об издании сатирического журнала возникла у художника-карикатуриста Н. А. Степанова и поэта В. С. Курочкина, который к тому времени стал уже известен в литературных кругах как переводчик Беранже, летом 1857 г. Осенью они получили разрешение, но из-за недостатка средств «Искра» начала выходить лишь с 1859 г. Это был журнал обычного для еженедельного издания нашего времени формата, с большим количеством карикатур, объемом в 1—1½ печатных листа (8—12 страниц), позже — до 2 печатных листов. «Искра» сразу обратила на себя внимание читающей публики. Тираж журнала быстро растет: в 1859 г. печатается 6000 экземпляров, из которых более 5000 расходилось по подписке, в 1860 г. — 8000 (6800 по подписке), в 1861 г. — 9000 (7410 по подписке), цифры для той эпохи очень большие.²

Скоре наметилась группа постоянных сотрудников, образовался редакционный кружок. Ближайшими сотрудниками и членами редакции по литературной части были П. И. Вейнберг и Г. З. Елисеев, а по возвращении в Петербург (в начале 1860 г.) — Н. С. Курочкин; с конца 1859 — начала 1860 г. к ним примкнули М. М. Стопановский и Д. Д. Минаев. При всей значительности роли Степанова в «Искре», душою ее был В. С. Курочкин. Человек веселый, общительный и к тому же прирожденный редактор, Курочкин хотел и умел помогать сотрудникам, особенно молодежи. Л. И. Пальмин, А. Ф. Иванов-Классик, Н. М. Ядринцев, Л. Е. Оболенский, П. В. Быков и многие другие с добрым чувством вспоминали об его тактичных, товарищеских отношениях с сотрудниками. Н. К. Михайловский, перевидавший на своем веку не один десяток редакторов, отметил блестящие организаторские способности Курочкина. У него был, по словам Михайловского, «хоровой» талант. «Несмотря на все свое авторское самолюбие, он топил свой талант в деле газеты: здесь давал мысль, предоставляя выработку формы другим, там брал на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы определить, что именно принадлежало в „Искре“ Курочкину и что другим».³

На протяжении пятнадцати лет в «Искре» принимало участие огромное количество литераторов. Назовем главных сотрудников. Поэты (многие из них печатали не только стихи, но и статьи и фельетоны) — В. С. Курочкин, Н. С. Курочкин, Д. Д. Минаев, В. И. Богданов, П. И. Вейнберг, В. П. Буренин, Н. Л. Ломан, А. П. Сниткин, Л. И. Пальмин, Г. Н. Жулев, Н. И. Кроль, И. П. Можайский, П. В. Шумахер, А. Г. Лакида, А. Н. Иволгин; прозаики — Н. В. Успенский, Г. И. Успенский, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, П. И. Якушкин, В. А. Слепцов, Н. Н. Златовратский, Н. И. Наумов, К. М. Станюкович, С. Н. Федоров, Н. А. Лейкин, А. С. Афанасьев-Чужбинский, Н. Ф. Бажин, П. В. Засодимский, А. С. Александров, Д. И. Стахеев, Н. А. Потехин; публицисты, фельетонисты, критики — Г. З. Елисеев, Н. А. Демерт,

² И. Ямпольский. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). М., 1964, стр. 77, 148. — Далее ссылки на эту книгу даются сокращенно: И. Ямпольский. «Искра».

³ Записки профана. — «Отечественные записки», 1875, № 9, стр. 91.

И. И. Дмитриев, П. А. Гайдебуров, И. Н. Россинский, А. П. Лукин, И. В. Андреев, И. А. Рождественский, П. А. Бибиков, С. С. Шашков, П. А. Ефремов, А. М. Скабичевский, П. Д. Боборыкин, В. В. Чуйко. По одному-два произведения напечатали в «Искре» Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов. Из художников, кроме Н. А. Степанова, принимали активное участие А. Н. Бордгелли, А. М. Волков, Я. Я. Громов, К. Д. Данилов, М. С. Знаменский, Н. В. Иевлев, В. Д. Лабунский, С. А. Любовников, П. Ф. Марков, В. Р. Щиглев и др.⁴

Подобно тому, как Герцен в первом же номере своего журнала призывал «соотечественников, делящих *нашу* любовь к России», не только «слушать наш „Колокол“, но и самим звонить в него»,⁵ «Искра» также ориентировалась не на одних профессиональных литераторов. Она нередко обращалась к читателям с просьбой снабжать ее материалами и всячески побуждала к сотрудничеству. Почти в каждом городе, во многих столичных и провинциальных государственных учреждениях, торговых и промышленных предприятиях, учебных заведениях находились друзья, которые информировали «Искру» о злоупотреблениях и безобразиях, творившихся там. В этом отношении «Искра» весьма сходна с «Колоколом» Герцена; без учета широких связей, широкой опоры на массу рассыпанных по всей стране друзей-читателей и корреспондентов общественный облик и звучание обоих журналов не могут быть до конца поняты.

«Искра» откликалась на все как значительные, так и относительно мелкие, но почему-либо интересные факты и явления общественной и литературной жизни. Она представляет собой своеобразную сатирическую летопись русской жизни. Оперативность, быстрота отклика — неотъемлемые качества искровской сатиры. Злободневность «Искры» явилась причиной того, что многие современники называли ее газетой (те же колебания при определении жанра периодического издания наблюдаем мы по отношению к «Колоколу», который тоже называли то газетой, то журналом).

Для «Искры» как для сатирического журнала характерна полемическая форма выражения своих взглядов и оценок. Полемике с враждебными журналами и газетами она уделяла весьма значительное место. При этом она не ограничивалась чисто оборонительной позицией, ответами на нападки, а в большинстве случаев сама вела активную, наступательную борьбу с антидемократическими, антинародными идеями, показывая подлинное лицо своих идейных противников. Тут играло роль одно немаловажное обстоятельство. Возможности откровенно говорить непосредственно о явлениях действительности были обратно пропорциональны значительности этих явлений. Менее опасной в глазах цензуры была литературно-журнальная борьба. Однако и полемика давала возможность журналам если не всегда прямо излагать свое сгедо, то намеками, иносказательно проводить свои взгляды на социальный уклад России, ставить и решать актуальные вопросы.

В «Искре» почти не было твердо установленных отделов. Наиболее устойчивым являются «Искорки» — отдел смеси, где печатались небольшие стихотворения, мелкие заметки, «изречения» и т. д.; им заканчивались обычно номера журнала. Много места занимал в «Искре»

⁴ Библиографическое описание «Искры» см. в кн.: И. Ф. Масанов. Русские сатиро-юмористические журналы, вып. I. Владимир, 1910. Несмотря на многие неточности, она сохранила свое значение до наших дней.

⁵ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 12. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 358.

провинциальный материал. Наибольшей популярностью пользовался отдел «Нам пишут», состоявший из ряда обличительных заметок, но и до его появления, и после его прекращения возникали аналогичные отделы под самыми разнообразными названиями: «Картины из русского быта», «Между прочим», «Пестрые главы», «Сказки современной Шехеразады», «Голоса из провинции» и др. До 1866 г. ими заведовал Стопановский. В 1859—1865 гг. часть передовых статей была объединена в «Хронику прогресса»; вел ее сначала Елисейев при участии других искровцев, а в 1865 г., когда Елисейев был уже всецело занят работой в «Современнике», ее некоторое время продолжал Гайдебуров. С конца 60-х годов серьезное внимание уделялось иностранной политической жизни, сатирическое обозрение которой печаталось под названием «Заметки со всех концов света»; вел его Богданов. Однако большинство отделов имело более или менее случайный характер и не определяло, как и в «Колоколе», структуры журнала. По существу даже печатавшаяся в течение нескольких лет «Хроника прогресса» и провинциальные отделы являлись чем-то промежуточным между отделами и циклами. Распределение материала по циклам вообще в гораздо большей степени характерно для «Искры». Такими циклами были «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений „Искры“» Вейнберга, «Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова» и «Рекреационные часы» Минаева и др. Они заполнялись отчасти полемикой с разными журналами и журналистами, отчасти сатирическими заметками о тех или иных фактах действительности и то и дело были пересыпаны стихотворными отрывками, появлявшимися в самых острых местах и как бы обобщавшими приведенные до этого факты. Подобные циклы возникали в силу стремления так сгруппировать материал, чтобы он живее воспринимался читателем и производил нужное впечатление.

* *
*

С первых же шагов «Искра» привлекала к себе пристальное внимание цензурного ведомства и вообще властей предрержащих. О каждодневной борьбе «Искры» с цензурой свидетельствует огромное количество сохранившихся документов. Далее указаны лишь основные вехи цензурной истории журнала.⁶

Осенью 1860 г. Степанов и Курочкин возбудили ходатайство о разрешении с нового года отдела «„Искра“ за границей. Юмористические очерки современных событий во всех частях света — с рисунками», но оно было отклонено. Только с 1868 г. удалось осуществить этот отдел под названием «Заметки со всех концов света», и то без иллюстраций. Постоянную борьбу вела цензура с отделом «Нам пишут». 3 июля 1862 г. он был закрыт по распоряжению министра народного просвещения.

В год польского восстания цензурный террор невероятно усилился. «Бешенство цензурной реакции дошло до времен Мусина-Пушкина, — писал В. С. Курочкин В. П. Буренину 25 июня 1863 г. — Вы бы очень обязали меня, если бы на это, как говорят, *переходное* время присылали статейки и стихотворения невинного содержания».⁷ Вести в таких

⁶ Материалы об «Искре» из цензурных дел приведены в кн.: И. Ямпольский. «Искра», стр. 92, 149, 224, 226—227, 230—231 и др.

⁷ Поэты «Искры». Л., 1933, стр. 406.

условиях журнал, сохраняя его политическую физиономию, было очень трудно.

Воинственный тон «Искры», острая полемика с реакционной публицистикой, в том числе с М. Н. Катковым, в 1861—1864 гг., в годы петербургских пожаров и студенческих волнений, процесса Чернышевского и польского восстания, не могли не отразиться на ее судьбе. Надежды Курочкина на временный характер цензурных свирепостей не оправдались. Цензура характеризует «Искру» как «один из деятельнейших органов периодической прессы, которых нигилистические принципы и отуманивающие воскурения молодому поколению наиболее содействовали к развитию в последних духа отрицания и заносчивой самонадеянности». Осенью 1864 г. В. С. Курочкин был отстранен от редактирования. К этому же времени относится и уход из «Искры» Степанова, который стал издавать отдельный сатирический журнал «Будильник». Официальным редактором был утвержден брат Василия Курочкина Владимир; фактически журналом по-прежнему руководил он сам, но отстранение его явилось грозным предостережением, и приходилось соблюдать осторожность. С осени 1865 г. столичные периодические издания были освобождены от предварительной цензуры и подчинены административной и судебной ответственности. Это не распространялось на иллюстрированные издания. Вас. Курочкин и Степанов обратились в Главное управление по делам печати с просьбой освободить «Искру» и «Будильник» от предварительной цензуры, с тем, что они будут издаваться без карикатур, а карикатуры будут выходить на прежних основаниях особыми ежемесячными альбомами. Однако ходатайство их удовлетворено не было. Тогда же была отклонена просьба В. С. Курочкина о восстановлении его редактором.

После каракозовского выстрела В. С. и Н. С. Курочкины, Минаев, Дмитриев, Елисеев, Слепцов наряду с другими «неблагоданеренными» литераторами были арестованы за сотрудничество в журналах «крайнего направления». Сподвижник Муравьева, П. А. Черевин, вспоминая о 1866 годе, писал, что Муравьев «в лице Чернышевского, Некрасова, Курочкиных и др. объявил войну литературе, ставшей на ложном пути».⁸ Сугубое внимание обращается на сатирические журналы. Естественно, что в такой обстановке пришлось несколько смягчить боевой тон журнала, но за более скромной словесной оболочкой скрывалась та же идейная позиция. Мнение, что с середины 60-х годов «Искра» поблекла и утратила свое значение и влияние, противоречит фактам.

В декабре 1867 г. В. С. Курочкину разрешено было выпускать журнал с подписью «за редактора», а в июне 1868 г. он был восстановлен редактором, но Главное управление одновременно обязало цензурный комитет установить за «Искрой» «неупустительное наблюдение». В середине 1869 г. Курочкин возобновил хлопоты об освобождении журнала от предварительной цензуры, приостановив его издание больше чем на полгода. После длительной волокиты хлопоты Курочкина увенчались успехом. С начала 1870 г. «Искра» стала выходить без предварительной цензуры, но и без карикатур. На страницах журнала появились интереснейшие публицистические статьи, выходявшие за рамки утвержденной для сатирического издания программы. Цензура быстро реагировала на это: в июле, в связи с тем, что никакие внушения «не повлияли желательным образом на направление редакции»,

⁸ П. А. Черевин. Записки (Новые материалы о деле каракозовцев). Кострома, 1918, стр. 41.

Курочкину было предложено в двухнедельный срок представить на утверждение Главного управления нового редактора. В течение трех месяцев «Искра» не выходила. Осенью редактором «Искры» и соиздателем Курочкина был утвержден В. Н. Леонтьев, журналист либерального лагеря, в прошлом сотрудник «Голоса» и помощник Краевского по редактированию газеты. Леонтьеву было чуждо идейное направление «Искры». Между тем Курочкин заключил с ним контракт о передаче ему «Искры» на двенадцать лет. Первое время он принимал близкое участие в редактировании журнала. Затем между ним и Леонтьевым начались столкновения, вследствие чего Курочкин стал отходить от редакционной работы, да и печатался в «Искре» сравнительно мало.⁹

В начале 1871 г. была запрещена розничная продажа номеров «Искры». В сентябре за ряд вещей, напечатанных в № 37—39, обнаруживающих «вредное направление, которое не может быть терпимо», «Искра» получила первое предостережение. После этого она вынуждена была прекратить отдел «Правда ли?». В апреле 1872 г. уже напечатанный № 15 был задержан, а затем уничтожен за помещенное в нем окончание сцен Буренина «Исправленный реалист, или Юноша ликея» — сатиры на катковский лицей с его «греко-римско-полицейским направлением». Одно за другим возбуждаются против «Искры» судебные преследования. Крайнее недовольство цензуры вызвало то обстоятельство, что Курочкин вошел в соглашение с бывшим сотрудником «Искры» художником Волковым, начавшим издавать с весны 1871 г. карикатурный журнал «Маляр». В 1871 и 1872 гг. он рассылался подписчикам «Искры» в качестве бесплатного приложения. Только трения между министерством внутренних дел и министерством юстиции спасли «Искру» от очередного судебного преследования. Вообще Главное управление считало себя обманутым «этой гнусной „Искрой“ и очень сожалело о том, что освободило ее от предварительной цензуры».¹⁰

В мае 1872 г. «Искре» был нанесен непоправимый удар. Леонтьев скрылся с подписными деньгами, не оставив ни редакционных книг, ни списка подписчиков и их адресов. Через некоторое время В. С. Курочкину удалось все же разыскать Леонтьева и заставить его, ценою серьезных материальных жертв, отказаться от прав на журнал. Тогда же возник слух, будто Леонтьев действовал не по собственной инициативе, а «по чьему-то макиавеллистическому внушению — сразу, одним махом убить два зловредных издания»¹¹ (в конце 1871 г. Степанов передал права на издание «Будильника» тому же Леонтьеву). В. О. Михневич высказал сомнение в правдоподобности этой версии, но ее подтверждали, по свидетельству А. В. Амфитеатрова,¹² сотрудники «Искры» и «Будильника», которых он знал, в частности Пальмин. В их глазах Леонтьев был литературным провокатором, получившим задание ликвидировать сатирические журналы, доставлявшие властям много хлопот.

Оказавшись после истории с Леонтьевым снова без редактора, «Искра» опять замолчала на девять с лишним месяцев, вплоть до февраля 1873 г. Просьба В. С. Курочкина о восстановлении его в качестве редактора, а затем об утверждении его брата Владимира, была откло-

⁹ См. его письмо в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (1872, № 127).

¹⁰ В. Михневич. Страничка из литературных воспоминаний. — «Исторический вестник», 1891, № 6, стр. 637.

¹¹ Там же.

¹² Забытый смех. Сост. А. В. Амфитеатров. Сб. I. М., [1914], стр. 44.

нена. Наконец, Курочкин нашел нового редактора — беллетриста Афанасьева-Чужбинского.

То ли сказались усталость Курочкина, то ли плохие материальные дела и вместе с тем отсутствие живых активных сотрудников, но в 1873 г. «Искра» переживала упадок. И все же Курочкин не изменил своим убеждениям, и этим объясняются не прекращающиеся цензурные преследования. В мае 1873 г. журналу было объявлено второе предостережение, а вскоре после этого и третье, с приостановлением журнала на четыре месяца. В распоряжении управляющего министерством внутренних дел от 27 июня 1873 г. говорилось о «превратных и совершенно неуместных суждениях о правительственной власти» в «Журнальных заметках» № 36-37 и 38 и о том, что, несмотря на два предостережения и запрещение розничной продажи, «Искра» продолжает следовать «вредному направлению». Прошло четыре месяца, а журнал не возобновился. В декабре Афанасьев-Чужбинский сообщил в Главное управление, что слагает с себя обязанности редактора. В связи с этим Главное управление вынесло решение, согласно которому «до утверждения нового редактора журнал „Искра“, как не имеющий такового, выходить в свет не может». Это и был конец «Искры». Курочкин понял, что никакой предложенный им редактор не будет утвержден, и больше не предпринимал никаких попыток в этом направлении.

Изменение политической обстановки, усиление реакции, отход части радикально настроенной интеллигенции от передовых взглядов, цензурные преследования не могли не отразиться на тираже журнала. Если в 1862—1863 гг. он держался примерно на том же уровне, что и в 1861 г. (6000—7000 подписчиков), то затем снизился: в 1864—1866 гг. колебался между 3000 и 4500, а в 1867—1869 гг. — между 2500 и 3500 экземпляров. По аналогичным причинам значительно уменьшился в 1864—1866 гг. и тираж «Современника». В 1870 г. тираж «Искры» несколько повысился (3200—3400), а в последние годы снова упал (2000—2500).¹³

* *
*

С самого начала «Искра» была журналом с ясно выраженным демократическим направлением. В «Выдержках из практического словаря» давалось следующее ироническое разъяснение понятий «труд» и «собственность»: *Труд*. По мнению политико-экономов, капитал; но по мнению людей практических, неизбежное следствие отсутствия капитала, с которым бы можно было жить без всякого труда. . . *Собственность*. Для большей части пользование тем, что не стоило никакого труда» (1859, № 8, стр. 84). «Ипохондрические максимы» Н. С. Курочкина открываются афоризмом: «Всех людей можно разделить на две категории: на меньшинство, у которого более обедов, чем аппетита, и на большинство, у которого более аппетита, чем обедов» (1860, № 48, стр. 551).

От имени этого большинства сразу и заговорила «Искра». Противопоставление нужды, бедности одних и роскоши, в которой живут другие, становится одной из основных ее тем. В первые годы, думая о сытых и голодных, она имела в виду главным образом интересы городской бедноты и демократической интеллигенции. В дореформенный период в журнале не чувствуется, как в последующие годы, что крестьянский вопрос является в сознании искровцев центральным вопросом русской истории. Жизнь крестьянина и связанные с нею проблемы еще занимают весьма

¹³ И. Ямпольский. «Искра», стр. 235, 340, 435, 438.

скромное место. Это объясняется социально-политической позицией «Искры» тех лет — ориентацией на несколько суженную социальную базу и неизжитыми либеральными иллюзиями. Хотя «Искра» сразу выступила как радикальный журнал, хотя и в первые годы она посмеивалась над либералами, их осторожностью и трусостью, враждебность либерализма интересам народа не была еще осознана так ясно, как после отмены крепостного права. «Искра» не была свободна и от либеральных иллюзий относительно подготавливавшейся крестьянской реформы.

1861 год был переломным в истории «Искры». Осенью этого года братья Курочкины вступили в члены «Земли и воли»; примкнул к ней и Елисеев. С весны 1862 г. В. С. Курочкин является одним из пяти членов (кроме него — Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев) ее центрального комитета, а осенью того же года кандидатами в члены комитета были избраны Н. С. Курочкин и Г. З. Елисеев.¹⁴ Это не могло не отразиться на содержании и направлении журнала. После реформы 1861 г. «Искра» все более тесно примыкает к «Современнику». Направление ее идейной эволюции аналогично эволюции «Колокола». Являясь одним из наиболее видных органов демократического лагеря пореформенных лет, «Искра» боролась бок о бок с «Современником», а затем «Отечественными записками» Некрасова, «Колоколом» и «Русским словом». Отдельные столкновения (например, резкая реакция на муравьевскую оду Некрасова) не меняли общего характера отношений. В «Современнике» искровцы видят образец серьезного журнала с ясно выраженным общественным направлением. «Искру» считали своеобразным «филиалом» «Современника». «Оба они дружно шли к одной цели — писал Елисеев, — „Современник“ представлял род оптового магазина или, лучше сказать, фабрики, где заготавливались или отпускались оптом товары, „Искра“ была что-то вроде мелочной при нем лавочки и продавала тот же товар враздробь».¹⁵ Так же оценивалась «Искра» и в стане ее врагов. Касаясь в своих воспоминаниях общественно-литературной борьбы начала 60-х годов, Н. Н. Страхов назвал «Современник» «комитетом общественного спасения», «центральным комитетом» революционного лагеря, а «Искру» — «отделом комитета».¹⁶

Некоторые вопросы ставились в «Искре» не так глубоко, как в «Современнике», «Колоколе», «Отечественных записках». Но при всем том это были постоянные соратники. На протяжении всего своего существования «Искра» вела неустанную борьбу с разношерстными противниками Чернышевского, Добролюбова, Герцена и других революционных деятелей и мыслителей 60-х годов, отражая нападки на них и изо дня в день защищая их социально-политические, философские и литературные идеи — иногда совершенно открыто, в других случаях пользуясь эзоповским языком.

Искровцы были просветителями в том значении этого слова, в каком употреблял его В. И. Ленин, причем просветителями революционного толка. Именно поэтому защита интересов народных масс стояла у них на первом плане, определяла все их стремления и оценки. Именно поэтому они понимали, что не только самодержавие, но и помещичий класс, дворянство в целом враждебны народу, который останется по-

¹⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке; т. 16. Пб., 1920, стр. 74, 76, 85.

¹⁵ Поэты «Искры», стр. 42.

¹⁶ Н. Н. Страхов. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — Биография; письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, стр. 197—198.

прежнему угнетенным, если оно сохранит господствующее положение. «Искра» видела антагонистический характер русских общественных отношений и никогда не стремилась затушевать или смягчить их. Разоблачение господствующих классов, понимание непримиримости интересов бедных и богатых, угнетенных и угнетателей проходит через весь журнал.

Развенчивая реформу 1861 г., «Искра» внушала читателям, что либеральное славословие реформе — обман, что помещики, как и раньше, издеваются над крестьянством и выжимают из него все соки. Не только в стремлении наиболее реакционных слоев помещичьего класса вернуться, насколько это возможно, к дореформенным порядкам, но и во всем строе русской жизни «Искра» видела сильные пережитки крепостного права. Эти пережитки «Искра» усматривала и в сохранившемся экономическом неравенстве, и в полицейском режиме, политическом бесправии и гнете, и в бытовых предрассудках и представлениях «времен очаковских и покоренья Крыма», но прежде всего в положении крестьянства, страдающего от малоземелья, непосильных налогов, произвола помещиков и местных властей.

Помимо множества рассказов, очерков, заметок о пореформенной деревне, в «Искре» появился ряд статей, рисующих суммарную ее картину. Так, статья «Противоречия и бессмыслицы» (1870, № 15—16) является доказательством все возрастающего обнищания крестьянства. В ней приводится примерный расчет рабочего времени крестьянина. Если и до реформы он половину времени тратил на себя, а половину на помещика, то теперь, чтобы не умереть с голоду, ему приходится работать вдвое интенсивней.¹⁷ При этом только четверть всего заработанного достается самому крестьянину, половина — помещику и четверть — сборщику податей, купцу и священнику. Автор статьи подробно останавливается на той системе кабальных отношений, которая делает положение крестьянства совершенно невыносимым. Особенную злобу вызывает у него помещик, дающий крестьянину хлеб в долг с тем, чтобы тот за проценты отработал на помещичьей земле летом, когда еще не убран его собственный хлеб. Автор статьи подсчитал, что помещик получает таким образом минимум 300%. «Я полагаю, — пишет он, — что если бы на крестьянине лежало менее налогов и податей, то землевладелец вынужден был бы заплатить ему деньгами за ту же самую работу и за возделывание той же самой земли, которая обрабатывается теперь даром, за проценты с нищеты. Если бы, кроме того, крестьяне были наделены землею такого же качества, как оставшаяся в руках землевладельцев, то эти 300% были бы также немыслимы». Иначе говоря, он считает это безысходное положение русского крестьянства непосредственным результатом реформы 1861 г. Статья вследствие цензурного «внушения» осталась незаконченной. «Мы выработали себе крепостное право, — говорится в другой статье, — и в настоящее время, несмотря на то, что право это уничтожено, мы всеми зависящими от нас мерами стараемся восстановить его под сурдиною. . . Ведь мы о форме не хлопочем — нам дорога суть» (1867, № 34, стр. 416).¹⁸

Говоря о живучести крепостничества, «Искра» пользуется иногда выразительным приемом, впоследствии широко применявшимся Щедриным. Героев Фонвизина, Грибоедова, Гоголя она переносит в пореформенные времена и показывает, что они совсем неплохо себя чувствуют в новых условиях, легко приспособившись к ним. В одних случаях ак-

¹⁷ К слову «интенсивный» автор прибавляет в скобках: «по выражению некоторых экономистов и между прочим Маркса».

¹⁸ См. также: Дневник отставного штаб-офицера. — «Искра», 1862, № 27, стр. 365.

цент делался на том, что в новом очень много старого, потому и приспособиться к нему нетрудно; в других, в более поздние годы, — на том, что происходит процесс попятного, контрреформаторского развития. В 1865 г. Стопановский писал: «Если бы кто-нибудь стал нам доказывать, что тип знаменитого Павла Ивановича Чичикова — тип отживший, невозможный в настоящее время, когда и т. п., то мы бы возразили добрейшему оптимисту... с совершенным чистосердечием: — Ошибаетесь, милый и добрый человек, ошибаетесь! Такие типы, как Чичиков, страшно живучи... и ради чего бы, от каких причин вымирать им? Какая эпидемия может искоренить их? Мало ли для них простора?» (1865, № 39, стр. 521). Политический смысл этих тенденций искровской сатиры станет особенно ясным, если учесть, что помещичьи идеологи еще до реформы утверждали, что классические литературные герои, олицетворяющие крепостнические понятия, нравы и вожделения, уже устарели и утратили актуальность.¹⁹

Хотя искровцы, как и другие шестидесятники, объективно боролись за буржуазно-демократические идеалы, они были настроены резко антибуржуазно. Эксплуатация народа буржуазией была для «Искры» так же неприемлема, как и феодальная; античеловеческий закон буржуазной конкуренции, накладывавший свою печать на все общественные отношения, отвергался ею не менее решительно. Опираясь на факты русской жизни конца 60 — начала 70-х годов, «Искра», подобно Щедрину, изобличала не только социальный строй наиболее развитых капиталистических стран, но и русское буржуазное хищничество, уже вполне показавшее себя в это время. «Искра» с самого начала внимательно всматривалась в новые явления русской действительности, свидетельствовавшие о бурном развитии капитализма и охватившем русское общество духе наживы. Чем дальше, тем все большее место занимали они в журнале, а со второй половины 60-х годов не сходили с его страниц. То, о чем многократно писала «Искра», находится в русле позднейшей характеристики В. И. Ленина: «...вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи».²⁰ «Искра» с презрением относилась к панегиристам хищничества, публицистам, прославлявшим предприимчивость и энергию буржуазии, поскольку они были направлены на своекорыстные цели и закабаление народа.

Историческая ограниченность «Искры» заключалась в том, что она подчас не видела в капитализме ничего существенно нового по сравнению с крепостничеством, его относительной прогрессивности. Это было свойственно не ей одной. Уже в конце 70-х годов, в «Убежище Монрепо», отмечая, что «русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, то есть новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентчиков, железнодорожников, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов», Щедрин охарактеризовал их как «ублюдков крепостного права, выбивающихся из всех сил, чтобы восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойнической, но несомненно более воровской».²¹ Так же смотрела на буржуазию и «Искра»; она неоднократно писала, что капиталистические отношения — это то же крепостничество, только несколько переиначенное, обновленное и завуалированное. Подобно тому как положение крестьянства после реформы 1861 г. «Искра»

¹⁹ См., например, статью Е. Лодыженского в «Трудах Вольного экономического общества» (1856, т. 2, стр. 67, 69).

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 109.

²¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. в 20 томах, т. 13. Л., ГИХЛ, 1936, стр. 111—112.

считала по сути тем же крепостным правом, только в других формах, — замаскированным крепостным правом считала она и труд рабочего. «Гримировка крепостничества и его маскировка посредством самых незначительных изменений в форме произведены на русских фабриках с необыкновенным мастерством», — читаем, например, в статье «Что следовало бы поместить на выставке» (1870, № 18, стр. 611).

Одним из главных объектов искровской сатиры был либерализм в его разнообразных проявлениях и облициях. Чем более склонялись либералы в пореформенные годы под влиянием роста революционного движения, а затем наступления реакции к примирению с царизмом, тем более решительно развенчивала «Искра» их трусость и приспособленчество. Чтобы показать мизерность либеральной политической программы, искровцы часто прибегали к щедринскому приему стирания граней между либералами и крепостниками. Либерализм и консерватизм, заявляли они, — не разные понятия, а только разные слова, за которыми скрывается сходное содержание. Подобным сближением и Щедрин, и искровцы подчеркивали, что либеральная идеология тоже выражает интересы господствующих классов, а представители разных течений внутри господствующих классов могут легко договориться перед лицом общей опасности, т. е. революционного движения народных масс. Следует подчеркнуть, что указанный сатирический прием имел вполне реальные основания: например, Б. Н. Чичерин еще в 1862 г. писал о необходимости «союза между либеральным обществом и правительством».²² Расхождение между словами либералов и их делами, сглаживание всех острых вопросов, приписывание непомерного значения частным преобразованиям постоянно развенчивались в «Искре». Не отрицая известного значения реформ 60-х годов и преследуя своими насмешками сопротивляющихся им крепостников, журнал недвусмысленно заявлял, что отнюдь не склонен «писать панегирики современным реформам»: «найдутся перья красноречивее наших» (1868, № 29, стр. 345—346).

Отрицательное отношение не только к феодально-крепостническому, но и к капиталистическому строю, вообще к любой эксплуатации человека человеком, к цивилизации, основанной на принципе частной собственности, мечты об обществе, где не будет социального неравенства, об организации труда, свободного от гнета капитала, теплые отзывы о представителях социалистической мысли — все это свидетельствует о социалистических идеалах искровцев. Речь идет, разумеется, об утопическом социализме, который в 60-е годы окрашивал их просветительские взгляды, а с конца этого десятилетия был облечен, как и у большинства представителей передовой русской общественной мысли, в народнические одежды. Таким образом, просветительство, как и у Герцена, и у некоторых других передовых деятелей этого времени, сочеталось в «Искре» с народническими тенденциями. Подобно Герцену, «Искра» не только не возлагала надежд на «искусственную» промышленность, крупное промышленное производство, но была его резкой противницей. Она защищала так называемое «народное производство», небольшие крестьянские фабрики, артели, кустарные промыслы, а также общину, которые якобы предохранят деревню от пролетаризации. «Искра» рассматривала крестьянский труд как единственный производительный труд, а крестьянина как «соль земли» и прирожденного социалиста. Она не понимала исторической миссии рабочего класса в России и, с большим сочувствием говоря о его бедственном положении, о его эксплуата-

²² Б. Н. Чичерин. Несколько современных вопросов. М., 1862, стр. 7.

ции, его борьбе, не выделяла его из крестьянской массы, что имело свои основания и в исторической действительности, в недостаточном еще развитии русского рабочего класса и тесной его связи с деревней.

«Искра» не была чисто народническим журналом. Самая картина русской действительности, которая вставала со страниц «Искры», во многом противоречила народническим иллюзиям (см., например, «Путевые заметки» Г. И. Успенского, где говорится об одном из главных центров кустарной промышленности, селе Павлове, — 1871, № 31). Кроме того, более или менее различимые народнические мотивы появляются в ней лишь с середины 60-х годов. Но и в этот период искровцам были чужды недооценка политической борьбы и анархические тенденции, которыми окрашено народничество конца 60 — начала 70-х годов. И тем не менее к ней вполне применимо определение В. И. Ленина: «Народническая утопия — выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии *совсем* покончить с старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда „заодно“ устранить эксплуататоров новых, капиталистических».²³

Видя преимущества буржуазного парламентарного строя по сравнению с самодержавием, «Искра» отнюдь не была склонна его идеализировать. Она настойчиво показывала страшные социальные контрасты и противоречия, угнетение и нищету народа, иллюзорность буржуазных свобод, которыми на деле не могут воспользоваться народные массы. Вместе с тем буржуазный парламентаризм был в понимании искровцев «одною из переходных форм государственного быта» (1872, № 16, стр. 251—252), этапом, который давал большие возможности для борьбы за подлинную демократию. Политическим идеалом искровцев было «правительство, свободно вышедшее из народа и возвращающееся в него же по миновании своих полномочий, правительство, чуждое бюрократизма и узких кастовых целей» (1873, № 38, стр. 7). Такое правительство, полагали они, обремененное доверием народа, явится подлинным выразителем его интересов.

При помощи разнообразных намеков и иносказаний «Искра» выражала свое сочувствие революционным преобразованиям, которые только и могут привести к существенным и ощутительным для народных масс изменениям. Сочувственное отношение к росту народного самознания и всем проявлениям народного протеста, борьба с проповедью примирения с действительностью и довольства своей судьбой,²⁴ развенчание психологии «лишнего человека», неспособного к настоящему «делу», насмешки над боязнью переворотов, прославление героического подвига борцов за счастье народа,²⁵ иносказательное изображение революции — все это било в одну цель. Однако было бы неверно утверждать, что «Искра» всегда признавала только этот путь. В годы, когда надежды на близкую революцию исчезли, искровцы, как и многие другие представители демократического лагеря, не исключали, по-видимому, и иных возможностей. Это были, конечно, иллюзии, но они отнюдь не свидетельствовали об изменении социальных идеалов, — напротив, являлись отражением мучительных поисков их осуществления. Характерны в этом отношении статьи 1870 г. об экономическом переустройстве России (при помощи разбросанных по всей стране небольших кре-

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

²⁴ Особенно интересен в этом отношении цикл Дмитриева «Путевые впечатления Ивана Добронравова» (1866, № 31—33, 36).

²⁵ В 1865 г. (№ 11) в «Искре» было помещено стихотворение Пальмина «Requiem» («Не плачьте над трупами павших борцов...»), ставшее революционной песней.

стьянских артельных фабрик). Это было свойственно не одним искровцам. Известны, например, размышления Писарева о «механическом» и «химическом» пути общественного развития. Подобные противоречия можно обнаружить и у Н. В. Шелгунова, и у В. В. Берви-Флеровского.

Как было указано, «Искра» откликалась на все сколько-нибудь значительные факты русской истории и общественной жизни. Правительственные реформы — судебная, земская, городская, проект податной реформы, польское восстание 1863 г., студенческое движение, петербургские пожары 1862 г., официальное празднование тысячелетия России, споры о классическом и реальном образовании, славянский съезд 1867 г., приезд в Россию американской миссии, съезд фабрикантов и заводчиков, нечаевское дело — все это и многое другое нашло отражение на страницах журнала.

«Искра» много писала и о зарубежных делах. Вспоминая о революционном прошлом Европы, «неотразимом образе» Марата, «страстном крике черни», раздававшемся на баррикадах в 1830 и 1848 гг., она противопоставляла этому прошлому власть современной реакционной буржуазии, стремящейся оградить «на долгий ряд годов свои стяжания» (1863, № 20, стр. 282). Она тепло отзывалась об итальянском национально-освободительном движении и о Гарибальди, о борьбе северных американских штатов против рабовладельческого юга. С ненавистью писала «Искра» о полицейском режиме империи Наполеона III, политике Бисмарка и прусской военщине, национальном гнете в Австрии, о клерикализме, милитаризме, колониальной политике крупнейших европейских держав в Азии и Африке. Говоря о боях западного пролетариата с капиталом, «Искра» всегда на стороне первого. Интересны с этой точки зрения довольно многочисленные заметки о стачках и рабочих волнениях и особенно ее отношение к Парижской коммуне. В ряде статей, фельетонов, стихотворений ход событий изложен таким образом, что само собою становится очевидной правота восставших коммунаров. Искровская оценка Парижской коммуны — едва ли не наиболее существенное из всего, что появилось в русской периодической печати демократического направления в 1871 г. Большой интерес представляют также сочувственные отклики о деятельности I Интернационала.

* * *

Волна общественного подъема после Крымской войны способствовала усилению обличительных тенденций в русской литературе и публицистике. Однако обличение принимало разнообразные формы в зависимости от того, каковы были его стимулы и цели: было ли оно направлено на частные недочеты и крайние проявления общественного зла или на самые основы существующего социального строя. В представлении либералов и некоторых консерваторов обличение и гласность, с одной стороны, являлись отдушиной для революционных настроений, с другой — служили делу мирного приспособления крепостнической государственной машины к потребностям развития капиталистических отношений. Именно поэтому «Искра» вслед за «Современником» язвительно высмеивала либеральное обличительство.

Отношение органов надзора за печатью к сатирической журналистике характеризовалось двумя моментами. Осуждалось и преследовалось, во-первых, обличение конкретных лиц, особенно если это были лица значительные, принадлежащие к верхушкам господствующих классов, занимающие видные посты и пр. Во-вторых, недопустимыми признава-

лись насмешки над целыми сословиями или правительственными учреждениями и звеньями государственного аппарата, обобщение отдельных фактов и случаев. Сатире дозволяется, говорится в одном документе, «нападать на пороки, как на явления случайные, возможные по естественному ходу дел человеческих во всяком сословии, но отнюдь не дозволяется колебать уважения, по праву сословию сему принадлежащего, и выставлять предосудительные случаи в виде неизбежных следствий его сущности и учреждения». Совершенно неприемлемым было для цензуры, то, что «описание частных проступков должностных лиц часто сопровождается суждениями об общей испорченности административных и судебных учреждений и властей и из частного случая выводится заключение о положении целого общества и правительства». ²⁶

Принципы искровской сатиры коренным образом расходились с этими требованиями. Искровцы считали сатиру «на лица» действенным оружием в борьбе с враждебным народу общественным строем и реакционной идеологией. Они не раз прямо заявляли об этом. В № 1 за 1870 г. было помещено «Письмо с того света», написанное В. С. Курочкиным от имени Н. И. Новикова. Он напоминает о споре по поводу характера и задач сатиры в сатирических журналах XVIII в. Его «Трутень» неизменно стоял за сатиру «на лица», на виновников тех или иных злоупотреблений и отвергал незлобивую, не задевавшую личностей сатиру на «общий порок», которую пропагандировала «Всякая всячина» Екатерины II. Все это тем более существенно, что устами Новикова Курочкин называет «Трутень» «прародителем» «Искры». Сатира «на лица» занимает на страницах журнала весьма значительное место. Обличая социальное зло и неправду, «Искра» часто писала об их конкретных носителях, прямо называя или только намекая и помогая читателям разгадать их подлинные имена. Но факты и поступки, связанные с этими лицами, интересовали «Искру» не сами по себе, а как выражение тех или иных тенденций эпохи, ее политической атмосферы, как типические черты, характеризующие политическое поведение и нравственный облик господствующих классов. «Казня лицо, — писал П. А. Ефремов в некрологе Курочкина, — он старался казнить направление, казнить общее зло». ²⁷

«Искра» отдавала себе отчет в том, что успешный ход борьбы за лучшее будущее определяется в значительной степени пониманием причин социального зла. «Я никогда не сержусь на людей, как бы они ни рассуждали, — читаем в рассказе Н. С. Курочкина, — я сержусь только на те обстоятельства, которые обуславливают для многих способ рассуждения наперекор разным разностям» (1864, № 48, стр. 630). Приведенные слова, в которых подчеркивается определяющее значение общественных «обстоятельств», могут быть сопоставлены со статьей Чернышевского о «Губернских очерках», где он подробно развивал эту мысль. Подчеркивая свою «наклонность к извинению человеческих слабостей», Чернышевский писал о героях Щедрина: «Постарайтесь изменить эти обстоятельства и тогда вы увидите, что быстро исчезнут дурные привычки». ²⁸ Стопановский вложил в уста героя своего фельетона рассуждения, приводящие к тем же выводам: «Вопрос не в отдельных личностях... Вопрос не в больных... а в болезни» (1864, № 20, стр. 295).

²⁶ Записка председателя комитета для пересмотра цензурного устава д. ст. сов. Берте и члена сего комитета ст. сов. Янкевича. СПб., 1862, стр. 41, 10.

²⁷ «Всемирная иллюстрация», 1875, № 349, стр. 190—191.

²⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн.: собр. соч. в 16 томах, т. 4. М., Гослитиздат, 1948, стр. 279.

Но если пороки и порочные личности — порождение среды, результат общественных «обстоятельств», то не должно ли это привести к равнодушному взиранию на правых и виноватых? «Искра» решительно отвергает такую постановку вопроса. Напротив, она всегда призывает к активности, поскольку все в этом мире делается людьми и через людей (1863, № 35, стр. 485) и потому, что и в большом и малом, и в общих теоретических рассуждениях, и во «вседневной практической сатире» (слова из объявления о подписке на 1859 г.) ею руководило желание вступить за «безгласных маленьких людей» (1862, № 18, стр. 262), оградить их от притеснителей и эксплуататоров, с которых она не снимает ответственности за творимое ими зло (особенно если речь идет не о мелких сошках, а о столпах и идеологах).

Из сказанного выше ясен подход сатириков «Искры» к изображению отдельных фактов произвола, насилия, эксплуатации, лицемерия, фразерства, обывательщины. Факты, не обобщенные или не дающие материала для обобщения, мало интересовали «Искру». «Признаюсь, когда я читал вашу статью, — обращается автор „Элегий в прозе“ к одному из корреспондентов журнала, — то все чего-то ожидал к концу; сути вашего рассказа в том виде, в каком вы дали его, казалось мне недостаточно». И дальше он говорит, что любой газетный факт можно подать иначе, если, «горячо приняв к сердцу... представить его читателям с известной стороны» (1863, № 46, стр. 677—678). Иногда такого рода освещение давалось непосредственно после сообщенного факта. Но чтобы осветить факты «с известной стороны», не было необходимости к каждой заметке присоединять в виде концовки вывод, да это было и невозможно по цензурным условиям. Часто факты и выводы разобщены в журнале; читателю самому предоставлялось их сделать. Однако самый способ изображения этих фактов, угол зрения, под которым они рассматриваются, их подбор и сопоставление уже показывали их «с известной стороны». Ведь любая заметка, фельетон, стихотворение воспринимались не изолированно, а в свете общей идейной позиции «Искры», в связи с общим характером русской жизни.

«Искру» нередко упрекали в однообразии объектов ее сатиры. Но правильнее было бы говорить не об однообразии, а о постоянстве. Внимательно следя за новыми жизненными явлениями и откликаясь на них, она видела, что основное зло русской жизни сохранилось. Это постоянство имело и другую сторону. Обилие однотипных фактов, их повторяемость свидетельствовали, что речь идет не об исключениях, отступлениях от нормы, а о самой сущности общественных отношений, проявлением которых они были.

«Искра» не стремилась пробудить в обличаемых лицах стыд и раскаяние. Менее всего, прямо заявил Стопановский в одном из своих фельетонов, думаем мы об исправлении «закоснелых» (1866, № 4, стр. 61). «Искра» ставила себе совсем другие цели. Во-первых, — и это главное, — отражение в зеркале ее сатиры повседневных безобразий жизни России, где трудящийся человек на каждом шагу становится жертвой насилия и обмана, было рассчитано прежде всего на широкую демократическую аудиторию, раскрывало ей глаза и внушало ненависть ко всем существующим порядкам. Способствовать росту сознательности демократической интеллигенции, революционизированию ее взглядов и стремлений — такова была основная задача. В этом отношении журнал следовал за «Колоколом» пореформенных лет и осуществлял то, о чем еще в 1860 г. писал С. Т. Славутинскому Добролюбов, характеризуя политические задачи, стоящие перед печатью демократического лагеря: «Нам

следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: „Да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше“». ²⁹ Во-вторых, это был своеобразный террор по отношению к властям всех рангов. «Искра» стремилась держать в страхе всякого рода держиморд, эксплуататоров и лицемеров и ценила, как и «Колокол», свою устрашающую роль. Любопытно, что в «Отчете» отдела «Нам пишут» за 1861 г. фигурируют лица, которые «подают надежду» с будущего года стать ее основными героями, войти в «постоянный и главный штат „Искры“» (1862, № 1, стр. 14).

* *
*

«Искра» постоянно подчеркивала, что весьма стеснена цензурными рамками и что в этом заключается причина недосказанности ее сатиры, недомолвок и умолчаний. «Иногда, — писал Н. С. Курочкин в одной из статей цикла „Житейские выводы и измышления“, — когда мне хочется довести иное соображение до его последних (а по-моему, и логических) результатов, я обмакиваю перо... но останавливаюсь; над ухом моим как будто слышится: э! братец! как ты хватил! а в сущности я очень хорошо знаю, что не только не перехватил, а весьма значительно недохватил, а все-таки остановишься и не напишешь» (1864, № 6, стр. 96). «Искра» взывала к догадливости читателей:

Читать умеете между строк
На самом интересном месте.

(1871, № 8, стр. 228)

Как и вся революционная литература и журналистика 60-х годов, «Искра» должна была зашифровывать и свои взгляды, и нередко объекты своих нападков. В обличительных заметках и статьях в большинстве случаев нельзя было называть подлинные имена и место действия. Поэтому «герои» «Искры» и города, являвшиеся ареной их деятельности, получали на страницах журнала более или менее постоянные вымышленные имена и названия. И читая о Приморске, Угрюмске, Грязнославле, Приволжске, ЧерниLINE, Лахани и пр., читатели уже знали, что речь идет об Одессе, Саратове, Екатеринославе, Симбирске, Чернигове, Астрахани. Встречая имена Муму и Ферфлюхтера, они догадывались, что за ними скрываются псковский губернатор В. Н. Муравьев и минский губернатор Э. Ф. Келлер, что Макар Гасильник — это ректор новгородской духовной семинарии архимандрит Макарий, Тармаламаки и Гусин — миллионеры-откупщики Бенардаки и Утин, Сикофантов — Катков и т. д. Присваивая губерниям и городам эти названия, искровцы нередко руководствовались простым созвучием (Кострома — Кутерьма), смысловой ассоциацией (Белгород — Белосельск), а в других случаях географическим положением города (Новгород — Волхорецк), национальным составом населения (Казань — Татарштадт), гербом губернии (Гродно — Зубровск), фамилией губернатора (Вильно — Назимштадт) и т. д. В таком же плане обыгрывались имена представителей местных властей, литературы и печати.

²⁹ «Огни», кн. I. Пг., 1916, стр. 67—68.

Обличению существенно помогали карикатуры «Искры». По свидетельству Елисеева, прекрасный рисовальщик Степанов придавал изображаемым на них лицам «такое сходство с подлинными, что цензура нередко приказывала или сбривать бакенбарды с изображаемого лица, или поставить его не en face, а в профиль, чтобы не так резко бросалось в глаза сходство».³⁰

Исследователю эзоповского языка русской литературы и публицистики «Искра» может дать обильный и разнообразный материал. Так, обличение современных порядков нередко переносилось в давние времена. «Дело было давно», — заявляет, например, автор запрещенного цензурой рассказа «Из записок учителя» и просит не искать в нем «намеков на современность и указаний на существующие личности», тем самым подчеркивая наличие этих намеков. Оценивая события западноевропейской жизни, «Искра» то и дело наталкивала читателей на аналогии с близкими им фактами и явлениями, имевшими место в России. В других случаях русские явления просто переносились за границу, ваграница становилась совершенно прозрачным псевдонимом России. Последний прием неоднократно раскрывался в самой «Искре». Под одной карикатурой Степанова помещен такой диалог: «— Да-с, в этом проекте я пишу, что тесные воротники вредны для здоровья; от этого, как всем известно, у нас воспитанники страдают головокружением. — Так, но у нас — это как-то неловко, напишите лучше: в Англии» (1862, № 21, стр. 295). Исходя из западноевропейского материала, было легче высказать и свои политические взгляды. В «Заметках со всех концов света» Богданов не раз высмеивал монархов и монархию, отдавая предпочтение республиканскому строю.

Разумеется, многое из того, что было ясно современникам, может быть понято нами только после специальной расшифровки; нередко мы даже не подозреваем, что невинные на первый взгляд карикатура, фельетон, заметка имеют скрытый, иногда очень острый политический смысл. Таковы карикатуры на одного из столпов крепостнического лагеря М. Н. Муравьева-Вешателя (1859, № 2), на председателя Редакционных комиссий, возглавлявшего работы по подготовке крестьянской реформы Я. И. Ростовцева (1860, № 40), председателя Государственного совета и кабинета министров, в прошлом начальника III отделения графа А. Ф. Орлова и государственного секретаря В. П. Буткова (1860, № 11); заметка об отставке московского генерал-губернатора А. А. Закревского (1859, № 23); сцены Потехина «Фигуры откупной колоды» (1861, № 41), где под именем Карла Ивановича выведен Николай I; отклики на борьбу с «нигилистками» в Обществе женского труда (1865, № 4, 10), студенческие волнения 1869 г. (1870, № 14); известное Мясниковское дело (1872, № 10); удаление Гарибальди из Англии в 1864 г. и из Франции в 1871 г. (1864, № 19; 1871, № 18); цикл фельетонов Н. С. Курочкина 1862 г., направленный против Чичерина; фельетон «Китайская наука» (1868, № 41) об А. Д. Градовском; рассказ «Бес в Холопске» (1860, № 25); одно место которого имеет в виду В. В. Григорьева и его пасквильные воспоминания о Т. Н. Грановском, и т. д.

Одним из основных способов морального уничтожения врага была у искровцев ирония со всеми ее оттенками. Художественная палитра журнала была разнообразна, и он достигал нередко ярких эффектов. Иронические заглавия и подзаголовки, обозначающие жанровую принадлежность произведения и резко контрастирующие с его содержанием

³⁰ Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 476.

(стихотворения В. С. Курочкина «Человек с душой. Идиллия», «1861 год. Элегия»); ироническое использование цитат путем включения их, иногда без всяких изменений, в другой контекст; иронический комментарий к приведенным мнениям; высказывание, внутренний смысл которого диаметрально противоположен выраженному в словах, — насмешка под видом утрированной похвалы и почитительности и теплое, сочувственное отношение под видом осуждения, — этот перечень можно значительно увеличить.

В искровской сатире, как и вообще в революционно-демократической сатире, наличествуют часто как бы два смысла: прямой, совершенно безобидный, и скрытый, подлинный смысл. Говоря об этом скрытом смысле, следует, однако, отметить, что наличие его нередко демонстративно подчеркивается, автор как бы испытывает догадливость и сообразительность читателя, заставляя его в самых обыденных выражениях и бытовых деталях распознавать политическое содержание. Иронические рассуждения то и дело незаметно сменяются в «Искре» прямыми высказываниями — часто в форме словно мимоходом, случайно оброненных фраз. Это переплетение иронического с «серьезным» содержит в себе интересные художественные возможности, активизируя читателя, заставляя его глубоко вникать в самую ткань повествования.

Иронические размышления от лица высмеиваемого героя часто становятся в «Искре» структурной основой целого произведения. Одним из главных приемов выражения своего отношения к действительности был в сатирах искровцев рассказ от лица благонамеренного человека, чуждого всяких «крайностей», «нигилистических» взглядов и настроений. Общий смысл приема заключается в том, чтобы довести до логического конца, а иногда и до абсурда, враждебный образ мысли и тем самым дискредитировать его перед лицом общественного мнения. В результате сущность антинародной идеологии и отрицательные стороны действительности показываются и развенчиваются как бы изнутри.

Маска благонамеренного человека — прием очень давний в сатире. В русской сатирической литературе, революционной публицистике и критике середины прошлого века он получил особенно широкое распространение. Этот прием широко применялся искровцами в рассказах и стихотворениях, статьях и фельетонах. С подобными масками мы сталкиваемся в журнале буквально на каждом шагу. Они весьма разнообразны: благонамеренный чиновник, провинциальный обыватель, либерал во всех его обличьях, крепостник, мракобес-ханжа, славянофил, великосветский писатель, обобранный заправилами акционерных обществ рядовой акционер и один из этих заправил, один из «заштатных», т. е. лишившихся трона, королей, и многие другие. Создавая такую маску, сотрудники «Искры» пользовались писаниями и фактами биографии своих идейных врагов, конечно, по-особому, в зависимости от общего замысла стихотворения или фельетона, препарирова их. В подобной сатире нередко элементы пародии. В монологе, вложенном в уста противника, имитируется подчас его литературная манера, фразеология, используются отдельные выражения.

Большей частью сатирические маски создавались на каждый данный случай, в связи с откликами на те или иные явления общественной и литературной жизни. Иногда же они имели и более устойчивый характер (см., например, цикл фельетонов Н. С. Курочкина «Заграничные письма», 1862 г.). Из встречающихся в «Искре» сатирических масок, имевших длительное существование, вроде Козьмы Пруткова или вымышленных Добролюбовым поэтов Конрада Лилиеншвагера, Якова

Хама и Аполлона Капелькина, в первую очередь нужно назвать отставного майора Михаила Бурбонова. Это не только один из многочисленных псевдонимов Минаева, а и созданный им образ, от имени которого он написал множество стихотворений и прозаических фельетонов. В писаниях Бурбонова высеиваются и самый тон, и взгляды на жизнь и искусство солдафона — с их прямолинейностью, тупостью и грубостью.

Существенное место в арсенале искровой сатиры занимает пародия. Речь идет не только о литературной пародии, но и о пародировании в более широком смысле этого слова. Предметом пародирования являются взгляды и представления враждебных народу классов и групп, зафиксированные в слове. Чиновничий жаргон и язык официальных документов, бюрократическое красноречие, косноязычная речь провинциального помещика, либеральная фразеология, славянофильское витийство и т. д. — все это многократно пародировалось в «Искре», причем, пародируя словесную оболочку, журнал обнажал заключающуюся в ней, часто маскирующуюся ею, социальную сущность.

В системе выразительных средств «Искры» нужно отметить также постоянное использование отдельных слов и словечек, за которыми стоят важные социально-исторические понятия, характеризующие исторический момент, тактику классов, идейных течений и пр. Таковы «компромисс» (как основа либерализма), «недоразумения» (между крестьянами и помещиками), «скачки» (как псевдонимное обозначение революционного пути развития), «аукцион» и «штраф» (вошедшие в словарь пореформенной деревни) и многие другие.

Широко пользуется «Искра» каламбуром, который не является простым острословием, но служит основным целям ее сатиры. Карикатура Степанова, на которой изображены редакторы журналов, в том числе В. С. Курочкин, ожидающие приема в цензурном комитете, сопровождается подписью: «Редакторы журналов *отстаивают* свои статьи» (1862, № 32, стр. 418). Юмористические куплеты Минаева «Роковое число» (1871, № 11) кончаются четверостишием:

Чтоб горя в жизни не иметь им,
Во избежанье всяких бед
Шепнул бы я еще о третьем...
Да жалко, времени мне нет, —

где речь идет о III отделении.

Сатира «Искры», стихотворная, прозаическая, написанная в драматической форме, весьма разнообразна в жанровом отношении. Кроме рассказа, очерка, фельетона (стихотворного, прозаического, прозаического со стихотворными вставками), сатирического портрета (как индивидуального, так и обобщенного), корреспонденции, обозрения, пародии, эпиграммы, следует отметить исключительную выдумку в малых жанрах: это разнообразные острые и язвительные заметки, циклы сатирических или пародийных сентенций и изречений всякого рода, задачи, загадки, вопросы и ответы, анекдоты, предсказания, письма в редакцию, объявления, проекты и др.

* * *

*

Литература и искусство, как и журналистика, были в понимании искровцев видами общественной деятельности. Они должны учить правильному пониманию жизни, давать ответы на актуальные вопросы современности и тем самым способствовать изменению социального строя. «Всякий художник должен жить тою же жизнью, какою живут все, —

читаем в статье „Критик „Отечественных записок“, — волноваться теми же интересами, какими волнуются другие, и светом своей высшей интеллигенции способствовать к развитию человеческого и общественного сознания в других» (1865, № 16, стр. 232). Являясь сторонниками открыто тенденциозного искусства, искровцы отвергали вместе с тем нигилистическое отношение к художественной форме. Но исходным моментом критической оценки всегда была для них идейная направленность произведения.

«Искра» неизменно боролась с теорией «искусства для искусства» и вообще со всем, что уводило от самых жизненных вопросов или давало ложное их освещение. Она подвергала сатирическому обстрелу противников гоголевского, критического направления. С Гоголя, считала «Искра», начинается «наша эпоха» литературного движения, главными особенностями которой являются «общественные интересы» и «борьба за народ» (1861, № 20, стр. 292—293); он проложил «новый путь», и заслуги его «неисчислимы» (1870, № 26, стр. 768). Литературные взгляды искровцев восходят к Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову, о которых они вспоминали довольно часто и всегда с глубоким уважением и любовью.

Все более или менее заметные и характерные факты литературы 60 — начала 70-х годов получали в «Искре» ту или иную оценку: и поэты школы «чистого искусства», и антинигилистический роман, и либерально-обличительная поэзия и драматургия, и историческая драма. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев и И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский и Н. С. Лесков, П. Д. Боборыкин и В. П. Ключников, В. В. Крестовский и В. П. Авенариус, В. А. Соллогуб и М. П. Розенгейм, А. А. Фет и А. Н. Майков, А. К. Шеллер-Михайлов и И. В. Федоров-Омулевский, Д. В. Аверкиев и А. К. Толстой и многие другие не раз фигурировали на страницах «Искры».

В ряде случаев «Искра» впадала в крайности, давала упрощенные оценки, не улавливала сильных сторон многих крупнейших русских писателей, социально-политические взгляды которых были далеки от революционной демократии. «Искре» нередко не хватало глубины критического анализа Чернышевского и Добролюбова, умевших раскрывать объективное содержание художественных произведений, заключавшуюся в них жизненную правду. Но даже слишком прямолинейные и вовсе ошибочные суждения были вызваны стремлением поднять идейный уровень литературы и искусства, сблизить их с жизнью, поставить на службу народу.

Согласно представлениям «Искры», общественно-воспитательная роль литературы и искусства той эпохи неразрывно связана с их реалистическим направлением и передовыми идеями. Как и вся критика демократического лагеря, «Искра» требовала от литературы правдивого, без всяких прикрас, изображения русской жизни и раскрытия социального смысла изображаемых явлений, социальной природы человеческих характеров. Интересна в этом отношении вступительная часть к очерку Г. И. Успенского «Неизвестный» (1865, № 36). Речь идет здесь о «загадочной фигуре Неизвестного» в романтической литературе, о том, что она не выводилась писателями из окружающей их реальной действительности. Глядя на эту фигуру, пишет Успенский, «решительно невозможно допустить ни одного из вопросов, которые сами собою рождаются при взгляде на личность невыдуманную: что это за человек? где родятся такие люди и чем живут они?».

Пристальное внимание к рядовым, а не исключительным личностям говорит о том, что журнал следовал художественным принципам, которые отчетливо обозначились уже в творчестве Гоголя. Однако, в отличие от Гоголя, в революционно-демократической критике и литературе 60-х годов, в том числе и в «Искре», вопрос «что это за человек? где родятся такие люди и чем живут они?» более решительно и осознанно переведен в социальную плоскость.

В очерке Александрова «На волжской каменоломне», появившемся через несколько лет после «Неизвестного», содержится своего рода манифест писателя-демократа. «Я наблюдатель не издалека, — характеризует он свою литературную позицию, — писатель нравов и обычаев не по слухам, а все, что описываю, вижу собственными глазами, смотрю открыто в глаза труженикам мира сего и зачастую даже вхожу в роль их товарища по работе». И дальше он указывает, что иначе «нет возможности узнать народную жизнь во всей ее неприкосновенной наготе, во всей ее правде. . . А правда в описании и вообще правда в литературе есть самая великая обязанность писателя» (1869, № 17, стр. 198). Перед нами целая программа действий писателя и этнографа.

Утверждение, что «великие настоящие герои» привлекают их внимание в меньшей степени, чем «маленькие», имеет непосредственное отношение и к социально-политическим, и к эстетическим взглядам искровцев. Большой интерес представляет с этой точки зрения очерк Бажина «Из записок наблюдателя жизни, нравов и понятий русских людей» (1867, № 12). Почти каждая человеческая жизнь, говорит Бажин, является в условиях современного общества в той или иной мере жертвой трагических обстоятельств. Мы часто сталкиваемся с людьми, совершавшими преступления против человека, заевшими не одну жизнь; однако эти тихие убийства на многих не производят того впечатления, которое вызывают убийства, совершаемые вооруженной рукой. Речь идет здесь о преступности не только отдельных людей, но и всего социального строя. Большое количество таких повседневных историй рассказано на страницах «Искры». И в этом отношении она шла в русле эстетических идей революционной демократии и литературы критического реализма, в первую очередь Щедрина и Некрасова.

В требованиях, которые искровцы предъявляли к живописи и к театру, в их вкусах и симпатиях сказались те же общие тенденции, что и в литературных взглядах и оценках. Особо следует отметить направленную против академической рутины статью Дмитриева «Расшаркивающееся искусство» (1863, № 37 и 38) — одно из самых значительных выступлений революционной демократии в области художественной критики.

* *
*

«Искра» была одним из самых популярных периодических изданий 60-х годов. По словам П. В. Засодимского, «влияние этого маленького журнала на развитие нашего общественного самосознания» было «значительнее влияния некоторых толстых, quasi-серьезных (вернее сказать, скучных) журналов того же и позднейшего времени». ³¹ О популярности «Искры» говорят многочисленные факты и свидетельства современников. Ее номера с нетерпением ожидали друзья-читатели и с боязнью раскрывали все, кто имел основания опасаться ее разоблачений. Страх пе-

³¹ П. В. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908, стр. 304.

ред «Искрой» напоминает те ощущения, которые вызывал «Колокол» Герцена. И действительно, «попасть в „Искру“, — по словам хорошо помнившего это время А. М. Скабичевского, — было так же страшно, как и в „Колокол“». ³²

Велики были роль и популярность «Искры» в провинции, где она пользовалась репутацией защитницы справедливости и обличительницы зла. В те годы провинциальная печать была еще очень слабо развита и носила в основном официальный характер, провинциальные отделы в столичных газетах также занимали сравнительно небольшое место, и потому обильный провинциальный материал, печатавшийся в «Искре», имел огромное значение.

Остротой искровской сатиры объясняется и позднейшая ее репутация в демократических кругах русского общества и революционной среде. Имя Курочкина и других поэтов «Искры» и самый журнал были здесь широко известны. Н. К. Крупская вспоминала о том, какой популярностью пользовались поэты «Искры» у людей ее поколения, в семье Ульяновых, как много стихотворений искровцев знал В. И. Ленин. В своей статье по поводу сборника «Поэты „Искры“» она писала о большом влиянии их творчества на революционную молодежь: «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, авторов не знали, а стихи знали. . . Поэты „Искры“, их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт. . . они учили разбираться в людях. . . Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты „Искры“». ³³ Много раз сочувственно отзывался об «Искре» и ее редакторе, указывал на историческое значение журнала хорошо знавший его с детства А. М. Горький.

«Гудок» 1862 г.

В 1859 г. некий Г. К. Блок издавал в Петербурге бессодержательный юмористический журнал «Гудок». Он просуществовал несколько месяцев и был закрыт из-за недостатка подписчиков. Через два года Блок, не надеясь на возобновление «Гудка», передал издательские права журналу «Русский мир», редактором которого был А. С. Гиероглифов, а издателем — Ф. Т. Стелловский. В августе 1861 г. Блок и Гиероглифов получили разрешение объединить журналы в одно издание и выпустить «Гудок» в виде приложения к «Русскому миру». ³⁴

Из появившегося вскоре после этого объявления о подписке на «Гудок» (при «Русском мире» он рассылался бесплатно, но была открыта и отдельная подписка) стало ясно, что с прежним «Гудком» он не имеет ничего общего. «Отрицание во имя честной идеи, — говорилось в объявлении, — сатира и юмор во всех их проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни — вот те начала, которыми будет руководствоваться редакция „Гудка“. . . Мы верим в смех и в сатиру не во имя „искусства для искусства“, но и во имя жизни и нашего общего развития; одним словом, мы верим в смех как в гражданскую силу». ³⁵

³² А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 276.

³³ «Литературная газета», 1934, № 101. См. также: Н. К. Крупская. Детство и ранняя юность Ильича. — «Большевик», 1938, № 12, стр. 69.

³⁴ И. Ямпольский. Сатирический журнал «Гудок» (1862). — «Русская литература», 1962, № 3, стр. 102. — В этой статье приведены и другие данные о цензурной истории «Гудка».

³⁵ «Русский мир», 1861, № 102, стр. 4 обл.

Близкие к «Искре» позиции обозначаются в «Гудке» с первого же номера. В сцене «Ночной раут», где высмеяны либеральные и реакционные периодические издания, на вопрос «Библиотеки для чтения»: кто этот молокосос, который на всех смотрит исподлобья, «Искра» отвечает: «Это „Гудок“, умерший три года назад, по причине, как он сам выражался, собственной бездарности, и опять воскресший под новой опекой...» (1862, № 1, стр. 5, 7). Эта солидарность с «Искрой» естественна: редактором «Гудка» был приглашен один из ее активных сотрудников Д. Д. Минаев (Обличительный поэт). Кроме него, в «Гудке» писали искровцы Н. С. Курочкин и М. М. Стопановский, К. В. Лаврский, С. Н. Терпигорев, А. П. Пятковский, В. В. Крестовский, Н. И. Кроль, М. А. Воронов, П. В. Шумахер и др. Главными карикатуристами «Гудка» были Н. В. Иевлев и А. В. Богданов. Журнал был небольшой, с несколькими основными сотрудниками.³⁶

Уже с первого номера читателям «Гудка» представилось совершенно необычайное зрелище: на заглавной виньетке был изображен Герцен, произносящий речь перед жадно слушающей его толпой крестьян; в руках у него знамя, на котором написано: «Уничтожение крепостного права». Имя Герцена было запретным для русской журналистики с начала 50-х годов вплоть до весны 1862 г., когда «Русский вестник» открыл против него поход всей консервативной прессы; тем более «крамольным» должно было казаться сочувственное изображение его. Тут же группы молодежи: одни читают «Гудок», другие наблюдают за тем, что происходит на противоположной стороне виньетки, играют на дудочке, пишут сатирические заметки. А с противоположной стороны — представители крепостнической России: помещики, военщина, чиновники, с ненавистью глядящие на Герцена, угрожающие ему и крестьянам нагайкой или ищущие спасения от страшной действительности в вине, любовных похождениях и т. д. Между ними — бородатый мужчина в цилиндре и в пальто с широкими рукавами, обнимающий женщину. В таком виде виньетка была напечатана в двух номерах, но в № 3 некоторые лица и фигуры были подрисованы, в частности цилиндр у бородатого мужчины превратился в клубок, пальто — в рясу, перед взором читателей оказалось духовное лицо в столь компрометирующей его позе. Виньетка была разрешена, конечно, по недосмотру, хотя и просматривалась не только цензурным комитетом, но и Государственной канцелярией, куда направлялись в то время все предназначавшиеся для печати материалы, в той или иной степени относящиеся к крестьянскому вопросу. В правительственных сферах произошел большой переполох. 30 января 1862 г. министр народного просвещения А. В. Головнин, вероятно, непосредственно после разговора с Александром II или с кем-нибудь, передавшим его распоряжение, отправил председателю петербургского цензурного комитета бумагу, которая начиналась следующими словами: «Государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы сатирический листок „Гудок“ издавался впредь без виньетки, помещенной в заглавии четвертого номера оного».

«Гудок» обращался к Герцену и впоследствии. Когда Катков выступил со злобной статьей против Герцена «Заметка для издателя „Колокола“», «Гудок» первый высмеял его на своих страницах (№ 20, стр. 159). Затем (в № 36) появилась «Заметка для издателя „Русского вестника“», а в последнем номере «Гудка» — карикатура Иевлева. Другие карикатуры и статьи, связанные с Герценом, застряли в цензуре.

³⁶ См. воспоминания С. Н. Терпигорева. — «Исторический вестник», 1896, № 4, стр. 51.

Естественно, что под знаком виньетки воспринимался и весь другой материал. Такие «погудки», как «Самая популярная игра в России — далки», «Многие полагают, что под рычагом, могущим перевернуть весь мир, Архимед подразумевал кулак» (№ 1, стр. 7), «Между признательностью начальства и признательностью потомства то различие, что первая приобретаетс^я благонамеренностью, а последняя неблагонамеренностью» (№ 17, стр. 134) и т. п., оценивались читателями как насмешки над основами общественного строя.

«Гудок» высмеивал чиновничество и протекционизм, взяточников-становых и помещика, который не обзаводится паровыми плугами, отдавая предпочтение «рукопашной» системе, либеральную болтовню и откупщиков, спаивавших и разорявших крестьян, превознесение судебной реформы и казенно-патриотическое празднование тысячелетия России, противников женской эмансипации, жульнические проделки акционерных обществ и т. д.

Неоднократно откликался «Гудок» на текущие события политической и литературной жизни. В связи с обсуждением вопроса о преобразовании цензуры и обращением по этому поводу Головнина к редакциям ряда журналов и газет «Гудок» не без язвительности писал: «Предупредительная цензура — это намордник, сквозь который можно лаять, нюхать, лизать, но укусить — никаким образом; разве только можно настрашать; подобие же карательной цензуры всякий русский человек может видеть на медведях, которых водят ярославские мужики для увеселения публики. Кольцо, продетое в ноздрю, и подпиленные зубы — вот эмблемы карания. Физически можно укусить хоть и подпиленными зубами; но как медведь по опыту знает, что за всякую дерзость бывает очень больно его ноздре, то всякая попытка и ограничивается лишь желанием. Которая цензура лучше, предоставляем делать выбор самому читателю, что же до нас, то по нашему мнению — *обе лучше*» (№ 16, стр. 126). Вскоре после этого сам Головнин, слывший либералом, был изображен на карикатуре Иевлева «Либерал, сделавшийся министром» (№ 19). «Гудок» дает здесь едкую оценку в высшей степени умеренному сановному либерализму Головнина. Иронически отозвался «Гудок» об отставке ярого крепостника — министра юстиции В. Н. Панина (№ 43).

Большой интерес представляет совершенно невинный на первый взгляд рисунок Иевлева «В учебном заведении» (№ 14), который является сочувственным откликом на петербургские студенческие волнения. На нем изображены с большим портретным сходством четыре исключенных из университета и высланных из Петербурга студента. В ряде карикатур, заметок, стихотворений обличаются тайная слежка за «неблагонадежными», доносчики, аресты среди представителей передовых кругов русского общества.

«Гудок» явился застрельщиком кампании, направленной против возмутительного решения Театрально-литературного комитета, который не допустил на сцену «Женитьбу Балзамина» А. Н. Островского (№ 40, 42, 43), но затем, под давлением общественного мнения, вынужден был пересмотреть свое решение.

Много места, как и в «Искре», уделялось провинциальным помпадурам. В отделе «Из провинции» (аналогичном искровскому «Нам пишут») появлялись небольшие заметки, в которых детально описывались злоупотребления местных властей и нравы провинциального общества, причем подлинные имена «героев» и место действия были, как и в «Искре», по цензурным причинам заменены псевдонимными обозначениями вроде «Ведьминск», «Приволжск», «Чепухинск». Впрочем, как самостоятель-

ный отдел он существовал недолго, но и после этого провинциальный материал регулярно появлялся в «Гудке». Кроме безымянных корреспондентов, в «Гудке» писали о провинции, частично обрабатывая присылавшиеся в редакцию заметки, частично на основании собственных впечатлений, Стопановский и Терпиголев. Будущий автор «Оскудения» начал свою литературную деятельность именно в «Гудке». Много шуму надедал его обличительный очерк о тамбовском губернаторе К. К. Данзасе «Шинский воевода Дурандас и ресторатор» (№ 9), который и после не раз фигурировал в «Гудке» под этим прозвищем. Не менее сильное впечатление произвела поэма Минаева «Губернская фотография» (№ 4 и 6), в которой резко обличались нравы симбирского дворянства и бюрократии и которая вызвала бурю негодования среди местных «тузов».

Обличая те или иные возмутительные факты, «Гудок» рассматривал их не как нечто исключительное и случайное, а как типические проявления социально-политического строя России. В статье «Областное безобразие» это выражено вполне определенно, и именно поэтому она была запрещена цензурой. «Ну, кажется, что могло быть общего между Екатеринославом и Архангельском: один лежит под полярным полюсом... другой освещается палящими лучами солнца юга... а между тем родной между ними *все*, потому что безобразие составляет *все* нашей жизни, и альфу и омегу ее». ³⁷ Произвел в цензуре переполох рассказ «Берточка и шалун» (№ 14) — о том, как дворовая девка была высечена за невыполнение распоряжения помещицы о надзоре за ее комнатными собачками. Министр внутренних дел Валуев выразил свое недовольство помещением этого рассказа, как «возбуждающего еще более не остывшую вражду нового возникающего сословия против их прежних владельцев».

Не всегда можно было говорить непосредственно о явлениях общественной жизни и нередко приходилось обращаться к ней через журналистику. Жалуюсь на такое положение вещей, «Гудок», подобно «Искре», писал: «Где взять нам новостей? У нас если и существует движение, то в одной только журналистике. Одна журналистика дает вам пищу, даёт толчки, не позволяющие никому из нас дремать и забываться. Как ни горько нам откликаться на разные скандальные явления журналистики... но все же полезнее, хоть с точки отрицания, говорить о рыболовной ягоде „Нашего времени“... чем толковать о новостях улиц и театральных подъездов» (№ 5, стр. 34). Но, обличая отдельных реакционных и либеральных журналистов, «Гудок» большей частью имел в виду, конечно, не их личные качества, а воплощавшиеся в их деятельности и проводившиеся ими политические тенденции.

Соединение рядового либерального журнала, каким был «Русский мир», с «Гудком» — явление довольно парадоксальное. Без сомнения, оно было вызвано чисто коммерческими соображениями. «Гудок» был отдан, так сказать, в вотчину Минаева. Но Гиероглифов все-таки вмешательством объясняется появление в № 2 «Гудка» «Завещания Павла Иванова сына Круглополова», принадлежащего Писемскому и содержащего завуалированный выпад против Н. А. Степанова и В. С. Курочкина. Минаев редактировал «Гудок» только три месяца; № 12 журнала — последний, скрепленный подписью «Обличительного поэта», а в № 15 появилось сообщение Минаева о том, что с № 14 «Гудка» он

³⁷ Эта статья появилась в кн.: Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году, т. 2. СПб., 1862, стр. 471—478.

не имеет к нему никакого отношения и не несет перед публикой ответственности за его содержание. Причины ухода Минаева не вполне ясны. Весьма вероятно, что известную роль сыграл переполох, произведенный виньеткой. Недаром Н. Я. Николадзе утверждает, что именно за нее «редактор: . . . был сменен вовсе». ³⁸ Мотивировать же отстранение Минаева могли тем, что «Гудок», как приложение к «Русскому миру», не должен иметь отдельного редактора. По крайней мере Стелловский заявил в 1867 г. в петербургском окружном суде, «что „Гудок” был слит правительством в одно с „Русским миром” издание и составлял отдел „Русского мира” . . . что первые 12 №№ „Гудка” вышли за подписью отдельного редактора, но на остальных этой подписи, по распоряжению правительства, уже не допущено». ³⁹

По уходе Минаева позиция журнала становится менее выразительной и отчетливой, особенно, когда одним из основных сотрудников становится А. П. Пятковский, ещё сравнительно радикально настроенный, но тем не менее далекий и от «Современника», и от «Искры». Наряду с насмешками над «Северной пчелой» и «Домашней беседой», Чичериным и Павловым, Катковым и Юркевичем, Краевским и Страховым, Валувенным и Паниным, в «Гудке» появился и ряд выпадов против «Современника» и «Искры».

Через некоторое время Минаев возвращается в «Гудок», правда не в качестве редактора. Выпады против «Современника» и «Искры» исчезают со страниц «Гудка». Минаев ведет обозрение литературной и общественной жизни «Заметки Дон-Кихота С.-Петербургского», иногда заполняющее целый номер. Начал писать в «Гудке» и П. И. Вейнберг. В объявлении о подписке на 1863 г. названы три главных сотрудника журнала: Дон-Кихот С.-Петербургский, Гейне из Тамбова (псевдоним Вейнберга) и художник Иевлев. Но все же журнал был бледнее, чем в первую треть года.

Просуществовал «Гудок» только один год. Между Стелловским и Гиероглифовым возник конфликт, приведший к длительному судебному разбирательству. ⁴⁰ Министерство внутренних дел воспользовалось конфликтом, и выход «Русского мира» и «Гудка» был приостановлен до решения спора. На первом номере за 1863 г. «Гудок» прекратился.

На протяжении всего своего существования «Гудок» был крайне стеснен в своих высказываниях и принужден был смягчать и в известной степени приспособлять их к цензурным требованиям.

«Будильник» 1865—1871 гг.

Денежные недоразумения между редакторами «Искры» Н. А. Степановым и В. С. Курочкиным привели в 1864 г. к разрыву. Степанов решил издавать отдельный сатирический журнал «Будильник». Причина, по которой разрешение на издание нового сатирического журнала было получено сравнительно легко, совершенно ясна благодаря небольшой записке, сохранившейся в делах III отделения. Она была составлена кем-то из чиновников этого ведомства после получения запроса из цензурного комитета, до того, как управляющий III отделением А. Л. Пота-

³⁸ Н. Я. Николадзе. Воспоминания о шестидесятых годах. — «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 32.

³⁹ Материалы, собранные особою комиссиею . . . для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 3, отд. 2. СПб., 1870, стр. 999.

⁴⁰ См. там же, стр. 994—1005. — Из этих материалов мы узнаем, между прочим, что «Гудок» печатался в количестве 3600 экземпляров.

пов дал ответ на него. Вот ее текст: «Мера эта весьма удачная. Степанов скорее благонамеренный, чем вредный редактор, а Курочкин, лишенный сотрудничества Степанова, не выдержит и года, и «Искра» погибнет». ⁴¹

Однако и цензурному ведомству, и III отделению очень скоро пришлось разочароваться: Степанов не оправдал их надежд, и новый журнал сразу же стал причинять им немало беспокойства. «Искра» же и без Степанова успешно продолжала свое дело.

В качестве заведующего литературным отделом Степанов пригласил молодого талантливого публициста, сотрудника «Искры» — И. И. Дмитриева. Дмитриев выполнял эту работу до марта 1866 г., а затем разошелся со Степановым. Его заменил покинувший «Искру» П. И. Вейнберг. Однако и он недолго проработал в «Будильнике». В разные годы рассматриваемого периода в «Будильнике» сотрудничали, кроме Дмитриева и Вейнберга: поэты Д. Д. Минаев, Г. Н. Жулев, В. П. Буренин, В. И. Богданов, В. Р. Шиглев, Л. И. Пальмин, Н. Л. Пушкарев, И. В. Федоров-Омулевский, А. Н. Иволгин, беллетристы М. А. Воронов, Н. А. Лейкин, Н. В. Успенский, Г. И. Успенский, Ф. М. Решетников, Д. И. Стахеев, Ф. Д. Нефедов, К. М. Станюкович, Н. Н. Златовратский, публицисты и фельетонисты М. М. Стопановский, Л. М. Корхов, И. В. Андреев, М. В. Родевич, И. А. Рождественский, В. О. Михневич, сам Степанов и др. Из художников, кроме Степанова, следует назвать А. Антоновича, Ф. Добужинского, С. А. Любовникова, В. И. Никитина, Н. Введенского, Н. И. Цихоцкого, К. И. Юрьева, Я. Я. Громова, В. Г. Ратькова, В. Р. Шиглева.

Первые полтора года «Будильник», в отличие от других сатирических журналов, выходил два раза в неделю. Но скоро пришлось отказаться от этого. В заявлении в Главное управление по делам печати от 19 мая 1866 г. Степанов указывал, что подписчики считают «этот способ выпуска неудобным в том отношении, что почти каждую статью приходится тянуть в нескольких номерах».

В конце 1865 г. Курочкин и Степанов возбудили ходатайство об освобождении «Искры» и «Будильника» от предварительной цензуры, но им было отказано в этом (см. выше, стр. 155). Степанов не успокоился и предпринял еще одну попытку. В январе 1866 г. он просил о разрешении издавать вместо сатирического журнала политическую и литературную газету под тем же названием, освободив ее от предварительной цензуры. Представленная Степановым программа газеты — это прежняя программа «Будильника», в которой изменены лишь отдельные слова и выражения. По существу же в ней осталось все, что было и раньше, кроме карикатур, которые предполагалось печатать в отдельных подцензурных приложениях в газете. Но получить, хотя бы и в замаскированном виде, то, чего он незадолго до этого добивался вместе с Курочкиным, Степанову не удалось. Через полгода, в августе 1866 г., Степанов обратился в Главное управление с новым проектом. Он просил разрешить ему издание при «Будильнике» ежемесячных приложений размером в 15—20 печатных листов. Программа этих «литературно-ученых» альманахов под названием «Действительность» состояла из четырех отделов: I. Беллетристика оригинальная и переводная; II. Статьи ученого содержания по

⁴¹ И. Г. Ямпольский. Из истории сатирической журналистики 1860-х годов. «Будильник» (1865—1871). — Уч. зап. ЛГУ, № 158, сер. филолог. наук, вып. 17, 1952, стр. 314. — В этой статье приведены и другие данные о цензурной истории «Будильника».

истории, литературе, естественным наукам и т. п.; III. Библиография; IV. Фельетон. Петербургская, провинциальная и заграничная летопись общественной жизни. И снова Степанов получил отказ.

Осенью 1869 г., узнав о том, что Курочкин временно приостановил «Искру» и деятельно хлопочет об освобождении журнала от предварительной цензуры, Степанов решил последовать его примеру. В прошении, поданном в Главное управление, говорится о материальном и нравственном ущербе, который наносит цензура «Будильнику», и о произволе, при котором издание сатирических журналов вообще делается невозможным. Но Степанов не решился, подобно Курочкину, совсем пожертвовать карикатурами; он продолжал настаивать на их издании в виде подцензурных приложений к «Будильнику», и хлопоты его опять остались безрезультатными.

Осенью 1871 г. Степанов сделал последнюю попытку освободиться от предварительной цензуры. В очередном прошении он ссылался на разрешение, данное «Искре». Ссылка на «Искру» меньше всего могла помочь Степанову. И действительно, начальник Главного управления М. Р. Шидловский в докладе министру внутренних дел от 29 сентября 1871 г. писал, что считает совершенно недопустимым бесцензурное издание сатирических журналов, которые, «отклоняясь от своего прямого назначения: исправлять слабости и недостатки общества сатирою на его нравы, обращают свою сатиру на политические вопросы, занимаются обличением органов правительственной и общественной власти и т. п. и тем производят на общество самое вредное влияние, ускользя между тем от карательных мер благодаря особой форме изложения своих статей, затрудняющей подведение оных под определения закона. Примером может служить журнал „Искра“, относительно которого, при всем его вредном направлении, административные меры взыскания оказывались бессильны, а судебные преследования безуспешны».

После новой неудачи Степанов переуступил право на издание журнала В. Н. Леонтьеву, в то время официальному редактору и издателю «Искры». Последний, расчитывая, что все подписчики «Будильника» перейдут к «Искре», счел более выгодным издавать один журнал, и в № 50 «Будильника» за 1871 г. Степанов объявил о его прекращении. В письме в редакцию «Голоса» (1871, № 349) он сообщил, что к этому побудили его не материальные дела журнала, а «причина, нравственная и более солидная — невозможность направить журнал, при теперешней его обстановке, на путь тех живых интересов, которые требуются от всякого сатирического журнала в Европе». Но Леонтьев заплатил Степанову за несколько месяцев и, как было указано выше, скрылся в мае 1872 г., захватив подписные деньги. Через три месяца Степанову удалось восстановить свои права на журнал, а затем он возбудил ходатайство о переводе его в Москву и о передаче прав на издание московскому купцу А. П. Сухову и В. Н. Горчакову. С 1873 г. «Будильник» издавался в Москве; номинальным редактором вплоть до самой смерти (1877) оставался Степанов, но фактически он не имел к нему никакого отношения.

Первые два года, когда в «Будильнике» принимали ближайшее участие Дмитриев, Минаев и другие, являются самыми яркими в рассматриваемый период его существования, и тогда он пользовался наибольшей популярностью. Затем журнал (отчасти под давлением цензуры) становится более бледным как с точки зрения политической сатиры, так и в чисто литературном отношении. В 1865 г. тираж «Будильника» достигал 3500—4200 экземпляров; в 1866 г. он резко колебался — между 2000 и 4200, а затем значительно снизился. В 1867—1871 гг. тираж «Будиль-

ника» уже не поднимался выше 2500, нередко же спускался до 2000.⁴²

Хотя в «Будильнике» и в «Искре» было немало общих сотрудников, хотя не только внешняя история этих журналов тесно переплеталась, но и направление их во многом сходно, между ними была и существенная разница. Если в «Искре» развлекательному, нейтральному материалу отводилось минимальное место, то в «Будильнике» этот нейтральный материал занимает значительную часть журнала. Острые политические высказывания, образцы подлинной политической сатиры, яркие бытовые рассказы нередко окружены пустыми и неталантливыми фельетонами, статьями, стихотворениями на темы, свойственные юмористике «всех времен и народов», и другими, хотя и окрашенными злободневностью, но бесцветными и в идейном, и в художественном отношении. В «Будильнике» гораздо чаще описываются мелкие факты и случаи, которые не типизируются, из которых не делается никаких общих выводов. Борясь с теми же журналами и публицистами, «Будильник» далеко не всегда поднимает полемику на принципиальную высоту, которая свойственна, как правило, полемике «Искры»; в «Будильнике» она зачастую легковесна и поверхностна. И весьма характерно, что в то время как в «Искре» либеральные и консервативные газеты и журналы видели опасного врага и неустанно преследовали ее на своих страницах, «Будильник» их интересовал сравнительно мало, и в полемике 60-х годов упоминания о нем встречаются очень редко.

И все же, если извлечь из «Будильника» 1865—1871 гг. материал, втрагивающий основные социально-политические вопросы, то обнаружится, что он принадлежал, без всякого сомнения, к демократическому лагерю русской журналистики. В первом же номере «Будильник» выражает свои взгляды на сатиру, смеясь над отношением к ней благонамеренной журналистики и критики. «Сатира есть произведение чисто художественное, — иронизирует автор сценки „Родная болтовня“, — а потому ее предметом должны быть чисто художественные этюды и чисто эстетическое острословие. Комическое в жизни сатира может находить только в рассказах о фарсерах, буффонах и дураках... Российская сатира должна любить Россию, поощрять Россию и защищать ее от явных и тайных врагов» (1865, № 1, стр. 2, 4).

Немало статей и карикатур характеризуют общую атмосферу русской общественной жизни, зажатой в тиски полицейского режима, произвол, насилие, взяточничество, преследование свободной мысли и т. д. Вся дворянско-бюрократическую государственную машину Щиглев называет в запрещенном цензурой стихотворении «Современный чародей» «всемогущим кукишем», который стоит на пути всех благих начинаний и коверкает жизнь людей.⁴³ Яркое и сильно написано фельетон В. О. Михневича «Смеха невинного ради», в котором рассказывается о «хорошем человеке», неожиданно появившемся в одном городе и снискавшем доверие и симпатии местных жителей. Он объединил вокруг себя молодежь, вел с нею беседы на волные темы, но вскоре после этого «стала у нас совершаться в городе некая непонятно чудодейственная штука... Живет, к примеру, какой ни на есть обыватель, живет да вдруг и скроется... И так это стало часто повторяться, что недолге все обыватели один за другим поразъехались куда-то далече». Этот фельетон о провокаторе также не увидел света.

⁴² Там же, стр. 326.

⁴³ Несколько предназначавшихся для «Будильника», но запрещенных цензурой стихотворений Щиглева напечатаны в приложении к сборнику «Поэты „Искры“» (Л., 1933).

Одним из мотивов, по которым цензура запрещала статьи и заметки «Будильника», было противопоставление богатства — бедности, имущих классов общества — неимущим. Но и среди напечатанного материала есть целый ряд высказываний и карикатур на эту тему. «Если принять во внимание, — пишет в новогодней статье 1869 г. Рождественский, — что, с известной точки зрения, все население земного шара может быть разделено на два лагеря — обкрадывающих и обкрадываемых, эксплуататоров и эксплуатируемых, притеснителей и притесненных, то выйдет, что, желая всем того, чего они сами себе желают, „Будильник“ пожелает вместе с тем процветания воровства, эксплуататорства и притеснений» (1869, № 2, стр. 9). «Будильник» не только стоит на стороне «обкрадываемых», но и смеется над стремлением «притеснителей» замазать это противоречие при помощи красивых фраз. Говоря о «полезных истинах» современной политической экономии, выраженных в лекциях воинствующего буржуа и фанатического врага социализма Г. де Молинари, Дмитриев следующим образом излагает их: «1) Богатство — великое благо; но здоровье есть большее благо, а душевные добродетели и благочестивые качества души выше всех земных сокровищ. 2) Богатства должны распределяться равномерно: ты мужик, так получай мужицкую часть; ты мещанин — получай мещанскую часть; ты купец — получай купеческую часть» и т. д. (1865, № 16, стр. 63).

«Будильник» не раз показывает, что эти социальные противоречия не сгладились в пореформенные годы. В частности, он высмеивает идиллическое изображение крестьянской жизни в литературе и газетах. Описывая в стихотворении «Хорошие сказки» привольное и веселое житье крестьянина, Иволгин восклицает:

Право, я желал бы знать,
Где на белом свете
Я могу его сыскать...
— Где?.. В любой газете!

(1867, № 19, стр. 164)

Этой лживой идиллии журнал противопоставляет подлинную картину русской деревни — нищей, голодной и забитой. «Будильник» подчеркивает, что помещики, несмотря на постоянные жалобы и недовольство на словах «прогрессом», который их якобы разорил, сумели приспособиться к новым порядкам и стремятся ввести «какое-то новое, прогрессивное, дистиллированное крепостное право, которое бы и не казалось на первый взгляд крепостным правом, но в сущности было этим правом» (1865, № 17, стр. 186). Разоблачение крепостнического характера реформы путем обнаружения старого, реакционного в как будто бы новом и прогрессивном сближает «Будильник» с «Искрой» и «Современником», с сатирой Щедрина.

Злейших врагов крестьянства, пользующихся его нуждой, «Будильник» видит не только в помещиках, но также в купцах и кулаках. На одной из карикатур 1867 г. изображены два таких мироеда в трактире. «А теперича, как пойдут ранние морозы, того и жди, что голод будет», — говорит один. Другой с радостью отвечает: «Дай-то бог, дай-то бог! Ведь у меня сотни две тысяч пудов заготовлено ржи» (1867, № 41, стр. 343).

В сочувственных тонах изображает «Будильник» жизнь рабочих и крестьян, ушедших в город на заработки. Отношение же его к капиталистам выражено, например, в новогодней карикатуре 1870 г. «Сон русских фабрикантов». Вот в чем состоит, по «Будильнику», их идеал: «Запрещенный тариф во всей силе! Отечественные произведения раску-

паются на вес золота. Фабриканты купаются в шампанском; фабричные закабалены — рай» (1870, № 1, стр. 5). На страницах журнала с возмущением говорится о нечеловеческих условиях труда на фабриках и на строительстве железных дорог, о безжалостной эксплуатации детей, о системе штрафов, приводящей к тому, что у рабочих от жалованья ничего не остается, и т. д.

Враждебно относится «Будильник» и к либерализму. В пореформенные годы, пишет он, либеральный «прогресс развернул свое знамя, на котором было написано: „Все обстоит благополучно“. Либералы только и делают, что клянутся в том, что „они радуются дарованной нам свободе“» (1868, № 35, стр. 269—270). Ничтожные преобразования, о которых они хлопчут; вызывают презрительную оценку «Будильника». «Даже особенно крупной фальши, — пишет Дмитриев о „С.-Петербургских ведомостях“ В. Ф. Корша, — особенно выдающихся промахов вы не заметите: ибо нельзя же промахнуться, доказывая постоянно только истины вроде того, что нам нужны фельдшера, доктора, учителя, повивальные бабки и проч.» (1865, № 61, стр. 242). Исключительный интерес для характеристики отношения «Будильника» к либералам представляет «Отрывок из готовящейся к печати трехактной комедии: Сила солому ломит» Щиглева. Тема его — конфликт между фабрикантом и рабочими, которые отказываются работать на прежних условиях.¹ Сыновья фабриканта — «зубры» — рвутся в бой с рабочими. Иной тактики придерживается его приятель маркиз Фраза; он успокаивает рабочих болтовней о «мирном шествии по пути прогресса» и т. п. «На месяц можете быть спокойны», — говорит маркиз Фраза фабриканту (1868, № 20, стр. 156—157). По поводу одного фельетона тогда еще либерально настроенного А. С. Суворина «Будильник» заметил, что разница между либералами и консерваторами не очень велика: «„Будильник“ не удивился бы, если бы услышал, что наши quasi-либералы поступили в околоточные...» (1867, № 19, стр. 171).

В отделе «Политические шалости», посвященном иностранной жизни, — с 1867 г. ему уделялось в «Будильнике» довольно много места, — наряду с мелочами мы встречаем злые и острые заметки о захватнической, милитаристской политике западноевропейских государств, борьбе правительств с революционным движением, о продажной печати, коррупции государственного аппарата, о том, как в Испании стреляли в голодный народ, требовавший снижения цен на хлеб, о студенческих беспорядках в Париже, о плантаторах южных штатов США, которые не хотят примириться с уничтожением рабства и т. д. Сочувственное отношение «Будильника» к Парижской коммуне дошло до читателей лишь в незначительной степени. Несколько произведений, высмеивающих ее врагов, не были допущены к печати.

«Будильник» вел полемику с теми же писателями и журналистами, с которыми боролась и «Искра». В числе его постоянных врагов были М. Н. Катков и А. А. Краевский, И. С. Аксаков, В. Ф. Корш и др. Особенно зло и настойчиво разоблачал «Будильник» Каткова в связи с борьбой редактора «Московских ведомостей» с передовой мыслью и революционным движением, навязыванием русскому обществу классической системы образования и пр., и Краевского, все более правевшего и начавшего отстаивать в «Голосе» националистические и охранительные взгляды. В 1865 г. на страницах журнала появилось довольно много насмешек над «Русским словом» и Г. Е. Благовосветловым — по поводу известной полемики между «Русским словом» и «Современником». В этой полемике «Будильник», как и «Искра», был всецело на стороне «Совре-

менника». В 1865 г. в «Будильнике» был опубликован и пародийный роман Минаева «Евгений Онегин», направленный против статьи Писарева «Пушкин и Белинский».

«Будильник» вел также борьбу с враждебными явлениями и тенденциями современной литературы, в первую очередь с «чистой поэзией» и антинигилистическим романом. Не прошел журнал и мимо наделавших в свое время много шума «Петербургских трущоб» В. В. Крестовского. Пародией как на «Петербургские трущобы», так и на аналогичные авантюрно-уголовные романы, исполненные мелодраматических эффектов и обнаруживающие решительную неспособность их авторов проникнуть в сущность изображаемой жизни, является «Роковая тайна» Минаева (1865, № 45—54). В журнале встречаются отпор антинигилистическая струя романа Гончарова «Обрыв» (рассказ И. А. Кушевского «Украденный эпилог» — 1869, № 15), одна из «таинственных повестей» Тургенева «Стук... стук... стук!» (пародия на нее в № 6 за 1871 г.) и пр.

Итак, взгляды и оценки «Будильника» во многом совпадают с искровскими. Однако таких высказываний в «Будильнике» несравненно меньше, подчас они загромождены материалом иного типа и не могли произвести на читателей того впечатления, которое та же самая статья или заметка возбудила бы на страницах «Искры». Даже при беглом сопоставлении обоих журналов бросается в глаза боевой, по сравнению с «Будильником», характер последней. И «Искра», очевидно, ощущала эту разницу. Они никогда не вступали в полемику, так как считали себя журналами одного лагеря. Тем интереснее одна насмешка «Искры» над «Будильником», относящаяся к 1870 г. Надея журналы и газеты эпиграфами из «Ревизора», «Искра» рекомендует «Будильнику» следующий: «Христиан Иванович (издает звук, похожий отчасти на букву а, отчасти на э)», подчеркивая недостаточную четкость и определенность его идейной физиономии («Искра», 1870, № 47, стр. 1499).

Есть между ними и другие различия: в «Будильнике» мы не находим некоторых моментов, являющихся существенными для «Искры», — присущих ей социалистических тенденций, имевших, конечно, утопический характер, ее стремлений к глубоким социальным преобразованиям.⁴⁴ Это обстоятельство не может быть, разумеется, оценено как преодоление «Будильником» утопических иллюзий, свойственных, в большей или меньшей степени, всей передовой общественной мысли и журналистике 1860—1870-х годов. Напротив, беспорному политическому радикализму «Будильника» не сопутствовали столь же определенные, как у «Искры», стремления к коренному социальному переустройству.

⁴⁴ Отдельные факты такого типа имеют в «Будильнике» случайный характер и не определяют направления журнала в целом.

„Библиотека для чтения“

«Мрачное семилетие» 1848—1855 гг. было трудным не только для радикального «Современника», но и для вполне умеренной «Библиотеки для чтения». Правда, «меншиковский комитет», проверявший в 1848 г. деятельность периодических изданий в связи с предполагавшимся изменением цензурных установлений, остался доволен «Библиотекой для чтения»: в отчетах комитета она оказалась в одном ряду с благонамеренными «Северной пчелой» и «Москвитянином». Но если журналу не грозили цензурные преследования, то положение его все-таки значительно ухудшилось по другим причинам.

«Библиотека» постепенно теряла читателей. Ее хваленая энциклопедичность все больше оборачивалась безликостью, а мнимая широта превращалась в беспринципность. Это начинали понимать и провинциальные либеральные подписчики, на которых в основном она ориентировалась. Говоря словами С. А. Венгерова, «тоящина книжек „Библиотеки для чтения“ никого уже не ошеломяла, потому что и другие журналы последовали примеру „Библиотеки“, а пряность лишенного внутреннего содержания... Брамбеуса приелась».¹ Популярность журнала поддерживалась в основном легким и остроумным талантом О. И. Сенковского, его широкой образованностью, соединенной с блестящей по тому времени бойкостью пера. А теперь он вынужденно отходит от дел: соредактором Сенковского в 1848 г. становится А. В. Старчевский, который оттесняет своего предшественника на задний план, фактически единолично руководя журналом, хотя Сенковский еще долго формально числится редактором.

По свидетельству Старчевского, его разногласия с прежним редактором коренились в различном отношении к «реальному» направлению в литературе.² Вопреки Сенковскому, Старчевский был склонен завязать сношения с представителями новой школы, приобретающей все большую популярность, хотя и он принимал «реальное» направление с существенной оговоркой, осуждая его «крайности и увлечения».

Так или иначе, яростному противнику «натуралистов» Сенковскому пришлось ограничиться в журнале одной «ученой критикой» — отзывами и рецензиями на естественнонаучные сочинения, путевые заметки и т. п. «Библиотека для чтения» при Старчевском по сути дела осталась тем же журналом «без направления», что и при Сенковском. Новый редактор не сделал ее ни интереснее, ни популярнее, ни, разумеется, прогрессивнее.

¹ С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы. Изд. 2-е. СПб., 1907, стр. 269.

² См.: А. В. Старчевский. Александр Васильевич Дружинин (из воспоминаний старого журналиста). — «Наблюдатель», 1885, № 4, стр. 122.

Журнал в это время имел следующие отделы: I. Русская словесность; II. Иностранная словесность; III—IV. Науки и искусства; V. Критика; VI. Литературная летопись; VII. Смесь. Время от времени последовательность отделов менялась. Такое деление на отделы и их наименования были обычными в журналистике того периода.

В 1848—1855 гг. всем периодическим изданиям приходилось изгонять со своих страниц «проклятые вопросы». Цензура не только запрещала прямую критику общественного порядка царской России — она открыто провозгласила своей задачей борьбу с «намёками», вызывающими нежелательные для властей политические ассоциации. Это — время обтекаемых и безликих критических статей, научно-популярных или компилятивных работ, легковесных фельетонов. В «Библиотеке для чтения» этот процесс выразился наиболее полно и последовательно. Впрочем, в некотором смысле он явился развитием прежних принципов, определявших журнальную деятельность Сенковского. Заметное изменение состоит лишь в том, что журнал становится более серым по форме статей, очерков, заметок в «Смеси».

В 1850 г. при посредничестве постоянной сотрудницы «Библиотеки для чтения» Е. Н. Ахматовой Старчевскому удалось привлечь в журнал А. В. Дружинина, к этому времени зарекомендовавшего себя как автора исполненных с незаурядным мастерством фельетонов и статей — скорее развлекательных, чем критических, более забавных, нежели глубоких. Старчевскому импонировала не только популярность автора «Полиньки Сакс», но и его умеренные, тоже «без крайностей», взгляды. В свою очередь Дружинину были близки убеждения и литературная манера Сенковского; он заявлял в одном из писем к Ахматовой: «После Гоголя я уважаю Сенковского перед всеми нашими литераторами».³ Дружинин обязался помещать в «Библиотеке для чтения» нашумевшие «Письма иногороднего подписчика», ранее публиковавшиеся в «Современнике», а также свои повести и рассказы. Настойчиво приглашая Дружинина, Старчевский надеялся, что вместе с ним в «Библиотеку» перейдут его друзья из кружка «Современника». Однако эти чаяния оправдались в очень малой степени. Твердое согласие дал лишь Д. В. Григорович, но он был весьма медлителен в работе, и, кроме того, его связывали обязательства по другим журналам, в частности по «Современнику».

Участие самого Дружинина тоже не оказалось таким решающим, как надеялся редактор. «Письма иногороднего подписчика» уже потеряли прелесть новизны. Дружинин даже подумывал о том, чтобы передать их ведение в другие руки. Ощутимая помощь «Библиотеке» со стороны Дружинина выразилась лишь в серии статей по английской литературе, которые продолжительное время регулярно публиковались в журнале. Вскоре между Дружининым, с одной стороны, Старчевским и Сенковским, с другой, возникли разногласия финансового порядка и резкие различия в конкретных оценках тех или иных литературных явлений. В результате этой размолвки Дружинин почти на год прервал связь с «Библиотекой», возобновив сотрудничество публикацией рассказа «Две встречи» в декабрьском номере 1854 г.

Старчевскому так и не удалось улучшить положение «Библиотеки». Впоследствии он объяснял это разношерстным составом авторов, которые, по его словам, не могли составить единого литературного кружка.

³ Е. Н. Ахматова. Знакомство с А. В. Дружининым. — «Русская мысль», 1891, № 12, стр. 121. — Разумеется, нужно иметь в виду, что Дружинин рассчитывал на то, что его слова станут известны Сенковскому.

Однако он сам, по-видимому, понимал, что подбор сотрудников и направление журнала находятся в тесной взаимной связи. Безликий журнал с расплывчатой общественной программой, далекий от прогрессивных течений и не раз высказывавший «охранительные» взгляды, не мог, конечно, сплотить крупные литературные силы. И уровень, и направление «Библиотеки для чтения» оставались прежними. Все это привело к финансовым затруднениям и снижению числа подписчиков до 2000. В результате Старчевский решительно охладел к «Библиотеке». В начале 1856 г. он возглавил журнал «Сын отечества», указав издателю «Библиотеки» В. П. Печаткину на Дружинина как на своего возможного преемника. К концу апреля переговоры между Печаткиным и Дружининым успешно закончились, а осенью Главное управление по делам печати утвердило последнего редактором.

Известие о том, что Дружинин становится единственным руководителем журнала (до этого времени Сенковский все еще официально числился редактором «Библиотеки»), вызвало в литературных кругах довольно широкий отклик. Эту новость приветствовали многие друзья Дружинина по «Современнику», особенно В. П. Боткин и И. С. Тургенев, писавший, что многого ждет от журнала, возглавляемого Дружининым.⁴ Литераторы-либералы, осуждавшие политические «крайности и увлечения», не без основания видели в новом редакторе человека, который может сделать «Библиотеку для чтения» рупором их взглядов. В Дружинине их привлекала его безусловно широкая эрудиция, знание языков и литературное мастерство. Предполагалось, что «Библиотека для чтения» станет высококультурным изданием, компетентным в вопросах литературы, искусства, эстетики. В свою очередь Дружинин надеялся объединить вокруг журнала «старых» авторов «Современника», которым была неужодна позиция Чернышевского. С приходом нового редактора в «Библиотеке» появился весьма многозначительный эпиграф из Гете: «Ohne Hast, ohne Rast» (Без отдыха, без поспешности).

Приступая к руководству пришедшей в упадок «Библиотекой для чтения», Дружинин, конечно, рассчитывал, что его собственная популярность поможет поправить дела журнала. И действительно, на какое-то время новому редактору удалось несколько поднять уровень журнала: улучшилась литературная обработка материалов; в отделе словесности заметно повысился удельный вес поэзии — Дружинин публикует стихи А. А. Фета, А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины, А. Н. Плещеева, в журнале было напечатано несколько стихотворений Н. А. Некрасова; более интересными и квалифицированными стали статьи по западным литературам. Но большого и прочного успеха он не добился. В глазах передовых читателей «Библиотека» была скомпрометирована нападками на Н. Г. Чернышевского и революционно-демократический лагерь вообще.

На страницах «Библиотеки для чтения» Дружинин обосновывает реакционную теорию «искусства для искусства». Публикуя в журнале критические статьи и рецензии о Пушкине, Козлове, Веневитинове, Огареве, Ростопчиной, Л. Толстом, Салтыкове-Щедрине, Фете, А. Майкове, Полонском, Гончарове, Писемском, Островском, он многократно высказывал свое отрицательное отношение к обличительному направлению в русской литературе, к натуральной школе и ее представителям, к критическим принципам Белинского.

Наиболее показательна в этом смысле программная теоретико-литературная статья Дружинина «Критика гоголевского периода русской

⁴ Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. М.—Л., 1930, стр. 78.

литературы и наши к ней отношения» (1856, № 11, 12),⁵ в которой он не только полемизирует с «Очерками гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, но открыто демонстрирует свое отступничество от идеалов Белинского. В этой статье Дружинин делит все когда-либо существовавшие «критические системы, тезисы и воззрения» на две вечно одна другой противодействующие теории: «*художественную*», то есть имеющую лозунгом чистое искусство для искусства, и «*дидактическую*», то есть стремящуюся действовать на нравы, быт и понятия человека через прямое его поучение». Художественная теория, говорит Дружинин, исходит из того, «что искусство служит и должно служить само себе целью. . . Поэт, подобно поэту, воспетому Пушкиным, признает себя созданным не для житейского волнения, но для молитв, сладких звуков и вдохновения. Твердо веруя, что интересы минуты скоропреходящи, что человечество, изменяясь непрестанно, не изменяется только в одних идеях вечной красоты, добра и правды, он в бескорыстном служении этим идеям видит свой вечный якорь. Песнь его не имеет в себе преднамеренной житейской морали и каких-либо других выводов, применимых к выгодам его современников, она служит сама себе наградой, целью и значением. Он изображает людей, какими их видит, не предписывая им исправляться; он не дает уроков обществу, или, если дает их, то дает бессознательно. Он живет среди своего возвышенного мира и сходит на землю, как когда-то сходили на нее олимпийцы, твердо помня, что у него есть свой дом на высоком Олимпе» (1856, № 12, отд. V, стр. 31—32).

На знамени теории «чистого искусства» Дружининым начертано имя Пушкина, творчество которого, по его мнению, «свободно и беспристрастно», стиль — «объективный», «манера живописи. . . светла, успокоительна и прелестна»; он умел во всем «отыскать поэзию», не помнил «зла в жизни, прославляя одно благо», «ласково смотрел на нашу сельскую жизнь. . . шутка его была незлобива».⁶ Создав сусальный портрет Пушкина-«олимпийца», отринув общественное значение его творчества, Дружинин противопоставляет «пушкинское направление» Гоголю и натуральной школе.

Автору «Мертвых душ», изображавшему темные стороны российской действительности, он отказывает в поэзии, упрекает его в «излишнем реализме», не может простить ему «ядовитых выпадов против дворянства», хотя и признает за ним «безусловное знание дела» и «поэтическую энергию», которые якобы примирили читателя с Гоголем: «К писателю, *знающему дело*, толкующему о слабостях, им действительно изученных, русская публика никогда не была строга — Гоголь служит тому живым примером» (1856, № 12, отд. VI, стр. 42).

В статье об «Очерках из крестьянского быта» Писемского (1857, № 1) Дружинин ревизует критику гоголевского периода, т. е. взгляды Белинского на задачи литературы, пытается доказать ее пагубное влияние на русский литературный процесс. Эта критика, по мнению Дружинина, могла лишь плодить «унылых стихотворцев, прозаиков-реалистов, погрязших в самой темной стороне жизни, мрачных умников, положительно враждебных и веселому смеху, и светло-поэтическим сторонам современности, и всестороннему изучению мира, подлежащего поэтическому изучению» (1857, № 1, отд. V, стр. 9).

⁵ Критические статьи Дружинина по русской литературе собраны в 7-м томе его Собрания сочинений (ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1865).

⁶ Так заявлял Дружинин в статьях: «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (1855, № 5 и 6), «„Зимний путь“. Поэма Н. П. Огарева» (1856, № 5).

Представители эстетической критики (П. В. Анненков, В. П. Боткин, А. В. Дружинин) не ограничиваются теоретизированием по общим вопросам искусства. Они весьма активно борются за «уловление» новых талантов, опасаясь, что молодые писатели предпочтут «обличительное» реалистическое направление. С появлением первых произведений Л. Н. Толстого апологеты «чистого искусства» спешат записать его в свой лагерь. Анализируя повести «Метель» и «Два гусара», Дружинин пытается доказать, что творчество Толстого будто бы развивается в соответствии с канонами «чистого искусства»: «В графе Толстом еще более, нежели в другом его сильном сверстнике — Островском, мы видим правильное наступательное движение современной изящной словесности...» «Можно находить многие недостатки в произведениях Толстого, — заявляет далее Дружинин, — но направлению их не может сделать упрека критик самый придирчивый. Тут нет ни преднамеренной дидактики, ни идиллической несостоятельности перед темной стороной жизни... Преднамеренно-поучительная мысль не выглядывает отовсюду... наставительные умозрения не портят своим присутствием поэзии свободной и чистой» (1856, № 9, отд. V, стр. 8).

Дружинину приходилось выступать и с разборами произведений, резко оппозиционных по отношению к мрачной российской действительности, обличительный пафос которых чувствовал самый неискушенный читатель. Успех гоголевского направления в русской литературе вынуждал оппонентов Чернышевского, в том числе и Дружинина, признавать некоторые достоинства произведений критического реализма и их широкую популярность учителя. Так, рецензируя «Губернские очерки» Н. Щедрина (1856, № 12), Дружинин отмечает, что автору присуще глубокое знание провинциального чиновничьего быта. Но здесь же критик пускается в произвольное теоретизирование, намеренно извращая общественный смысл щедринской сатиры. «Знание дела всегда неразлучно с любовью [к изображаемому предмету], — безапелляционно утверждает в статье, — поэтому „Губернские очерки“ Щедрина получили у читателей большой успех, несмотря на суровый тон некоторых подробностей и мрачные краски» (1856, № 12, отд. VI, стр. 41, 42. Курсив наш. — Н. П.).

Анализируя роман «Обломов», Дружинин одобрительно назвал Гончарова «реалистом», но он искусственно истолковывает термин «реализм» в духе теории «чистого искусства»: Гончаров, по его словам, — «художник чистый и независимый» (1859, № 12, «Литер. летоп.», стр. 7).

Дружинин требует замалчивания темных сторон жизни царской России, выступает против обличений вообще. С осужденным пылом обрушивается он на «общую точку зрения дидактики: «всегда готовых слицетворить в данном герое свои туманные симпатии или антипатии к целому разряду смертных». По его мнению, всякий социальный слой, всякая общественная группа состоит из «различных представителей», и не к чему «типические лица» представлять «образцами целого данного сословия» (1856, № 9, отд. V, стр. 25). Не находя подобного обобщения в «Очерках из крестьянского быта» Писемского — «его крестьяне не действуют от себя самих как отдельно созданные лица», — Дружинин делает вывод, что этюды эти «вполне свершают задачу искусства чистого в его благороднейшем отношении к нравственному развитию общества» (1857, № 1, отд. V, стр. 35). Дружинин стремится во что бы то ни стало доказать, что нет никакой необходимости в коренном переустройстве крестьянской жизни, поэтому — вопреки фактам — «Очерки из

крестьянского быта» квалифицируются Дружининым как оптимистические, а их автор вместе с Островским и Толстым зачисляется в разряд деятелей, «смело ставших в разлад с критикой гоголевского периода».

Теоретические рассуждения Дружинина о «независимости», «надпартийности» искусства, о «чистом искусстве» оборачивались в его критической деятельности явной тенденциозностью. Эта тенденциозность ослепляла Дружинина-критика, мешала ему видеть даже те явления, которые лежали на поверхности. Так, Дружинин пытается доказать недоказуемое, — например, что Тургенев «только поэт», у него нет «живых типов» и что, следовательно, ошибаются те, кто усматривает в нем писателя «общественного».

Дружинин извращает действительность и тогда, когда утверждает, что «дидактическое направление» (т. е. литература критического реализма), когда-то имевшее успех и значение, отмирает, хотя «и теперь по временам сообщает оригинальную красоту вещам г. Некрасова» (1856, № 5, отд. V, стр. 24). И это говорилось в то время, когда литература критического реализма вступила в самую блестящую эпоху своего существования! Дружинин же упорно отводит методу критического реализма весьма скромное, подчиненное место в русском искусстве, считая его «побочной отраслью теории свободного творчества», которое «будет стоять вечно» (1856, № 9, отд. V, стр. 28, 29). Требования «объективного повествования» («повествовательность» Дружинин противопоставляет сатирическому методу), критика в адрес писателей-«дидактиков», которые «применяют свое дарование к интересам своих сограждан», апелляция к «вечным истинам» — добру, красоте и справедливости — на практике были направлены против прогрессивных течений в искусстве. «Теоретические» построения Дружинина, наиболее последовательного и непримиримого врага критического реализма, имели одну задачу — увести русскую литературу в сторону от насущных потребностей общественного переустройства России. «... Чистые теоретики, — справедливо говорил Ф. Энгельс, — в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции».⁷

В «Очерках гоголевского периода...» Чернышевский вскрыл реакционную сущность теории «чистого искусства». По его словам, ее сторонники «заботятся вовсе не о чистом искусстве, независимом от жизни, а напротив, хотят подчинить литературу исключительно служению одной тенденции, имеющей чисто житейское значение... Для этих изящных эпикурейцев жизнь ограничивается тем горизонтом, который обнимается поэзией Аякореона и Горация: веселая беседа за умеренным, но изысканным столом, комфорт и женщины — больше не нужно для них ничего... Они хотели бы, чтобы и литература ограничивалась содержанием, которым ограничивается их собственная жизнь. Но прямо выразить такое желание — значило бы обнаружить крайнюю нетерпимость и односторонность, и для прикрытия служат им фразы о чистом искусстве, независимом будто бы от интересов жизни... Пусть они продолжают быть, чем хотят: великого ничего не произведут они ни в каком случае».⁸

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 4.

⁸ «Современник», 1856, № 12, отд. III, стр. 47—48, 50; см. также: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. 3. М., Гослитиздат, 1947, стр. 299—300, 302.

Суровый приговор Чернышевского оказался в высшей степени справедливым: имя Дружинина-критика осталось лишь фактом литературной историографии. Читатель помнит Дружинина как автора «Полиньки Сакс», в которой он был не чужд общественного интереса.

В 1857 г. в «Библиотеку для чтения» приходит А. Ф. Писемский, к тому времени уже снискавший громкую литературную известность. Журналы охотно помещали его произведения, которые нравились и демократам, и либералам, которыми восхищались и Чернышевский, и Дружинин. Когда в 1858 г. Дружинин уезжал из Петербурга, Писемский руководил всеми делами издания, постепенно становясь соредактором Дружинина. 6 октября 1857 г. в письме к Островскому он замечает: «На днях со мною совершился важный казус: я вместе с Дружининым делаюсь редактором Библиотеки для чтения... Заведовать я буду по преимуществу изящною литературою и, может быть, в этом отделе успею сделать некоторые улучшения...»⁹ За годы совместной работы с Дружининым Писемский опубликовал в «Библиотеке для чтения» несколько фельетонов и очерков, «Горькую судьбину» и «Боярщину». 4 ноября 1860 г. он был официально утвержден редактором журнала. В объявлении об издании «Библиотеки для чтения» на 1861 г.¹⁰ говорилось, что Дружинин обещает продолжать сотрудничество в журнале, что круг авторов остается прежним. Тон объявления свидетельствовал о том, что при единоличном редакторстве Писемского журнал примет еще более умеренное направление и будет поддерживать охранительные тенденции. За общими фразами о «желании добра и правды», извечно присущем якобы всем «человеческим существам», скрывалось примирение с действительностью, отказ от активной борьбы.

Типично либеральным было и отношение журнала к крестьянской реформе 1861 г. Показательно, что «Библиотека для чтения» вообще скупое и нерегулярно откликнулась на крестьянский вопрос, довольствуясь официальной и официальной информацией о деятельности губернских комитетов и т. п. Редакцию вполне удовлетворило половинчатое решение «великого дела освобождения крестьян».

Когда Писемский приветствовал «реальное направление»,¹¹ он ратовал не столько за критический метод Чернышевского, сколько за этнографическое бытописание. Это, между прочим, сказалось в повышенном интересе к этнографическим исследованиям и очеркам, занявшим видное место в «Библиотеке для чтения». Иногда, правда, публикуемые материалы давали пищу для значительных социальных обобщений. Так, в № 5-6 за 1862 г. была напечатана статья Н. Н. Воскобойникова «Несколько вопросов о положении фабричных рабочих, преимущественно на петербургских фабриках». Журнал также предоставил свои страницы рабочему Блахину — его заметка под заголовком «Жизнь фабричных рабочих» появилась одновременно со статьей Воскобойникова.

В заслугу новому редактору следует поставить публикацию в № 11 и 12 за 1861 г. обстоятельной и дельной статьи «Дарвин и его теория видов», благодаря которой учение Дарвина, популярно изложенное, стало доступным русскому читателю.¹²

⁹ А. Ф. Писемский. Письма. М.—Л., 1936, стр. 100.

¹⁰ «С.-Петербургские ведомости», 1860, № 248.

¹¹ См.: «С.-Петербургские ведомости», 1861, № 229.

¹² В статье Б. Е. Райкова «Из истории дарвинизма в России» аргументированно доказывается, что автором этой статьи был профессор химии Н. Н. Соколов (см.: Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 31. История биологических наук, вып. 6. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960).

В поисках подписчиков журнал по-прежнему продолжал ориентироваться на провинцию, что, например, видно из примечания к объявлению на 1862 г., где редактор и издатель настойчиво адресуются к читателям, особенно заинтересованным в «предметах сельского хозяйства и финансирования». Однако число подписчиков «Библиотеки для чтения» не увеличивалось; не помогли и литературные приложения, введенные по инициативе Писемского.

Нападки журнала на прогрессивные тенденции в русской литературе и общественной мысли вызвали возмущение передовой общественности, которая с негодованием встретила фельетоны Писемского, подписанные псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов». Особенно резкий отпор прогрессивной прессы получил фельетон Никиты Безрылова, опубликованный в декабрьской книжке 1861 г. Вслед за развязными насмешками над проблемой эмансипации женщин следовал поток грязных инсинуаций в адрес Н. А. Некрасова, И. И. Панаева, И. А. Гончарова и других писателей. По поводу этого фельетона «Искра» писала: «Никогда еще русское печатное слово не было низведено до такого позора, до такого поругания, до какого низвела его „Библиотека для чтения“ в декабрьском фельетоне своем прошлого года» (1862, № 5, стр. 65). Друзья Писемского пытались организовать печатный протест против выступления «Искры». Однако, когда в газете «Русский мир» (1862, № 6) появилось сообщение, что к этому протесту якобы присоединяется и «Современник», Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, И. И. Панаев, М. А. Антонович и А. Н. Пыпин печатно заявили, что они полностью солидарны с оценкой, данной «Искрой» «безрыловским» фельетонам.¹³

В период подготовки и проведения крестьянской реформы и в первые годы после нее «Библиотека для чтения» все более скатывалась на охранительные позиции. Не случайно редактор полицейского «Русского вестника» М. Н. Катков, возглавлявший лагерь реакции, в 1863 г. настойчиво предлагал Писемскому сотрудничество в своем журнале.

В это время заметно меняются содержание и структура журнала. Вместо отделов «Новости» и «Моды» вводятся отделы «Обозрение внутренней жизни России» и «Политика». Появление регулярного внутреннего и политического обзоров было данью времени: читатель требовал широкой информации и ее истолкования. Ни один толстый журнал не мог обходиться без такого отдела. Недаром на титульном листе «Библиотеки для чтения», начиная с № 2 1859 г., стояло: «журнал словесности, наук и политики». Заботясь о занимательности журнала, Писемский ввел еще отдел «Фельетон». Бурная эпоха начала 1860-х годов, когда в стране создавалась революционная ситуация, потеснила издания альманашного типа. Толстому журналу приходилось быть злободневным. В определенном смысле он сближался с газетой.

Для характеристики общественно-политической и литературной физиономии «Библиотеки для чтения» показателен, например, состав январской книжки за 1863 г. Здесь под названием «Иона Циник» помещен отрывок из известного антинигилистического романа Писемского «Взбаламученное море», создавшего его, автору печальную славу реакционера и ренегата. В очерке С. Н. Челищева «Крестьянское волнение по поводу слухов о „жигарях“» говорится о реакции олонекских крестьян на слухи о петербургских пожарах. Авторское отношение к изо-

¹³ См. заявление редактора и сотрудников «Современника». — «Русский мир», 1862, № 7.

бражаемым событиям — это нарочито равнодушная позиция стороннего наблюдателя, которого происшествие лишь забавляет. В «Библиотеке для чтения» очерки помещаются и в отделе словесности, и в «Современной летописи», причем никакой принципиальной разницы между ними нет. Это свидетельствует о том, что становление журнальных жанров еще только начиналось и жанровые границы во многих случаях были очень расплывчатыми.

Из статей январского номера наиболее значительной является статья М. П. Тархова «Шаткие пункты современного реализма». Вынужденное признание того, что реализм завоевал умы молодежи, сопровождается утверждениями, что этот метод ненаучен, несовершенен, нивен. Статья Тархова написана в поддержку того самого П. Д. Юркевича, который выступил с идеалистической критикой «Антропологического принципа в философии» Чернышевского, опубликовав в «Трудах Киевской духовной академии за 1860 год» работу «Из науки о человеческом духе».

Конкретнее стали статьи на хозяйственные темы во внутреннем обозрении; обширные компиляции общего характера, как правило, заменяются в этот период разработками какого-либо одного вопроса. «Пестрые заметки» выполняют почти те же функции, что упраздненная «Смесь». Короткие рецензии, публикующиеся здесь, часто напоминают фельетон. Обычен иронический тон аннотаций.

В 1863 г., в связи с тем, что Писемский все больше сближался с катковским «Русским вестником», встал вопрос о его преемнике на посту редактора «Библиотеки для чтения». Переход журнала в руки нового руководителя не вызвал ни толков, ни особых перемен: в февральской книжке имя Писемского было просто заменено именем П. Д. Боборыкина, незадолго до этого вступившего на литературное поприще (в 1862 г. Боборыкин начал публиковать в «Библиотеке» автобиографический роман «В путь-дорогу»).

Идейная позиция журнала при Боборыкине в сущности осталась прежней; она проявилась, в частности, в примирительной оценке «Взбаламученного моря», в извращении социально-политического смысла романа «Что делать?» (идеи Чернышевского были сведены к вопросу о женской эмансипации). Усилия нового редактора были направлены в основном на упрочение финансового положения «Библиотеки для чтения». Боборыкин чувствовал необходимость изменения содержания и структуры журнала. Он понимал, что, поскольку читателя интересует общественная жизнь, необходимо улучшить и расширить информационную часть. Примечательно в этом отношении объявление о подписке на 1864 г. (1863, № 12). Отдел публицистики предполагалось разбить на следующие подотделы: земское дело, административная и судебная хроника, экономическая хроника, педагогика, корреспонденция. Редакция обещала давать отчеты о наиболее интересных судебных процессах; в отделе педагогики — помещать статьи о проблемах улучшения преподавания; гарантировалась публикация корреспонденций от постоянных представителей журнала во Франции, Англии, Германии, Италии. Увеличивалось количество объявлений, причем от этого явно страдала беллетристика, которая при Боборыкине занимает меньше места, чем раньше. Эти мероприятия должны были обеспечить коммерческий успех журнала. Однако они не привели к желаемому результату. Новый редактор не сумел объединить вокруг журнала постоянный коллектив авторов. Боборыкин стремился заручиться хотя бы согласием на эпизодическое сотрудничество видных литераторов — в «Библиотеке».

время от времени печатались Н. С. Лесков, И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, П. В. Анненков — писатели разных политических взглядов и убеждений. Читатель становился более требовательным, даже провинциальных подписчиков, на которых по традиции рассчитывал новый редактор, уже не удовлетворял журнал «без направления», примыкавший к реакционному лагерю. В 1865 г. «Библиотека для чтения» прекратила свое существование. Если тридцать лет назад появление этого журнала сопровождалось шумным успехом, то известие о его закрытии прошло почти незамеченным.

„Отечественные записки“

В начале 1846 г. В. Г. Белинский принимает окончательное решение докинуть «Отечественные записки». Этому глубоко обдуманному со стороны критика шагу предшествовала длительная и упорная борьба, которую ему пришлось вести с издателем журнала умеренным либералом А. А. Краевским, ограниченным и беспринципным дельцом.

Благодаря московским литераторам — В. П. Боткину, К. Д. Кавелину, А. Д. Галахову, Т. Н. Грановскому и др., — решившим остаться сотрудниками «Отечественных записок» (несмотря на неоднократные, настойчивые призывы Белинского порвать с Краевским), журнал во второй половине 1846 и в 1847 г. еще преуспевал. Но это, как справедливо отмечал критик, выражалось только в прежнем тираже журнала (4000 экземпляров), сохранить который Краевский смог, введя в заблуждение подписчиков беззастенчивыми, спекулятивными заявлениями о неизменности идейного направления «Отечественных записок» и состава их сотрудников — известных писателей и критиков, хотя к этому времени одни уже перешли, другие собирались переходить в «Современник». Если отделы беллетристики и науки еще поддерживали былую славу «Отечественных записок», то отделы «Критика» и «Библиографическая хроника», превращенные Белинским в ведущие отделы журнала, после его ухода нагляднее всего свидетельствовали о постепенной утрате изданием Краевского былых революционно-демократических традиций.

Пытаясь найти более или менее достойную замену Белинскому, Краевский по совету Тургенева в апреле 1846 г. пригласил молодого критика В. Н. Майкова возглавить отделы критики и библиографии. Сотрудничество Майкова в «Отечественных записках» продолжалось пятнадцать месяцев; за это время он успел опубликовать на страницах журнала около 110 рецензий и статей.¹ Его интенсивная деятельность как критика, стремившегося в меру своих сил продолжать традиции своего предшественника, во многом способствовала тому, что «Отечественные записки» и после ухода Белинского продолжали пользоваться популярностью среди читателей.² И все же кратковременное сотрудничество Майкова в «Отечественных записках» не могло существенным образом повлиять на содержание журнала, а главное — на его направ-

¹ Перечень рецензий и статей В. Н. Майкова, опубликованных в «Отечественных записках», см. в кн.: В. Майков. Критические опыты (1845—1847). СПб., 1891, стр. 737—743.

² Общественно-литературные взгляды В. Н. Майкова, их связь и отличие от воззрений В. Г. Белинского наиболее обстоятельно рассмотрены в двух работах последнего времени: Ю. В. Манн. В. Майков. — «Вопросы литературы», 1963, № 11; Т. И. Усаккина. Белинский и литературно-теоретические принципы петрашевцев. — «Белинский и современность». Сб. М., 1964.

ление, которое Краевский со свойственной ему энергией начинает решительно изменять в сторону умеренного либерализма.

Структура «Отечественных записок» как будто оставалась такой же, как и при Белинском; в них сохранились те же восемь отделов: I. Словесность. Стихотворения. Проза; II. Науки и искусства; III. Современная хроника России; IV. Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще; V. Критика; VI. Библиографическая хроника; VII. Иностранная литература; VIII. Смесь. Журнал выходил в прежнем объеме (25 печ. л.): В 1846—1848 гг. на страницах «Отечественных записок» периодически выступают А. И. Герцен, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, В. И. Даль, Д. В. Григорович, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, привлеченный Майковым В. А. Милютин. Успех критического и библиографического отделов «Отечественных записок» Белинский связывал в первую очередь с участием в нем В. Н. Майкова и другого начинающего критика — С. С. Дудышкина, который после Майкова возглавил отдел «Библиографическая хроника», а затем и отдел «Критика».

Однако Дудышкин не оправдал надежд, возлагавшихся на него Белинским. Буржуазный либерал по убеждению, он оказался посредственным критиком и журналистом, беспрекословно исполнявшим все, что требовал от него Краевский. Он вскоре приобрел полное доверие издателя и в начале 50-х годов стал соредактором «Отечественных записок», а фактически — главным редактором журнала.

В «мрачное семилетие» (1848—1855), эпоху цензурного террора, гонений и преследований передовой журналистики, «Отечественные записки» наряду с «Современником» явились объектом полицейских репрессий. В письме от 2 апреля 1848 г. к министру народного просвещения Уварову А. С. Меншиков сообщил высочайшее повеление: «На „Отечественные записки“ и „Современник“, замеченные особенно в помещении статей и выражений сомнительного духа, обратит самое строгое внимание цензуры и объявит редактору первых, равно как и редактору и ответственным издателем последнего, что по духу их журналов правительство имеет за ними особенное наблюдение, и если впредь замечено будет в оных что-либо предосудительное или *двусмысленное*, то они лично подвергнуты будут не только запрещению продолжать свои журналы, но и строгому взысканию».³ На основании этого предписания Уваров вызвал Краевского для строгого внушения и предупредил его о том, «что он обязан оправдать делаемую ему снисходительность. Краевский, — сообщал Уваров Меншикову, — принял с должным уважением и полную признательностью сообщенные ему . . . замечания и объяснил в подписке, что предписание вашего сиятельства он принимает к подлежащему и точному исполнению».⁴

Одной из первых жертв меншиковского и бутурлинского комитетов, начавших свою деятельность по пересмотру направления всех периодических изданий России, явился Салтыков-Щедрин, напечатавший в «Отечественных записках» свои первые повести «Противоречия» и «Запутанное дело» (1847, № 11; 1848, № 3). В последней повести николаевское правительство не без основания усмотрело «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие».

³ М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 200.

вие».⁵ По распоряжению Николая I 28 апреля Салтыков-Щедрин был выслан из Петербурга в Вятку.

Напуганный строгим внушением и расправой над Салтыковым-Щедриним, Краевский решает сам выступить в «Отечественных записках» с декларацией новой программы журнала, соответствующей видам правительства. В июльском номере он опубликовал пространную статью «Россия и Западная Европа в настоящую минуту». По своему содержанию она перекликалась с самыми махровыми писаниями сотрудников «Москвитянина» и «Маяка». На основе исторических экскурсов и параллелей Краевский «доказывал» извечное превосходство самобытных начал самодержавного российского государства, защищенного «крепким нравственным карантинном», над зараженным тлетворными идеями и язвами Западом. «Россия! — восклицал Краевский в заключение своей статьи, — драгоценное наше Отечество! Цвети и красуйся под сенью своих самодержавных монархов, более и более утверждаясь в основных началах своего могущества и величия» (1848, № 7, отд. III, стр. 20).

Статья Краевского, получившая одобрение самого царя, явилась своеобразным рубежом в истории «Отечественных записок». Она открыто провозгласила отказ редакции журнала от былых прогрессивных традиций. В первую очередь это сказалось на критическом и библиографическом отделах, которые под руководством Дудышкина в годы «мрачного семилетия» из боевых отделов, некогда определявших общественно-литературные позиции журнала, превратились в бесцветную, безыдейную подборку критических статей и рецензий. Вместо острых публицистических выступлений, поднимавших злободневные вопросы общественной жизни и современной литературы, живо откликавшихся на все новинки русской и зарубежной литературы, критический и библиографический отделы «Отечественных записок» начинают заполняться длинными учеными статьями о писателях XVIII в., переводах Гомера, большими рецензиями на археологические сборники, богословские сочинения отцов православной церкви и жития святых. В наиболее оперативном отделе журнала — «Библиографическая хроника» рецензировались провинциальные календари, книги, подобные «Сокровенным тайнам женского туалета», «Советам молодым дамам и девицам». Такую «широту» охвата печатной продукции редакция пыталась оправдать энциклопедичностью «Отечественных записок» и своей якобы непредрезанной объективностью.

Неузнаваемы по своему содержанию и форме стали годовые обзоры русской литературы, которые по старой традиции продолжали печататься в «Отечественных записках». Их основной автор — «половинчатый человек» Галахов в статье «Русская литература в 1850 году» (1851, № 1) заявил, что его обзоры являются «по преимуществу статистическими» и «общие ... выводы предоставляются грядущему времени». Действительно, статистический отчет о книжной продукции минувшего года был сухим, бесцветным перечнем изданий. Открывался он обзором богословских произведений «известных архипастырей» и их учеников. Далее шел отчет о книгах по филологии; теории словесности, истории литературы и просвещения, затем разбирались критика, беллетристика, драматические произведения, иностранная словесность и т. д.; всего в данном обзоре была 21 рубрика. Составители подобных отчетов, во многом напомиравших аннотированные библиографические

⁵ С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, т. 1. Изд. 2-е. М., 1951, стр. 293.

списки, занимались простой компиляцией, т. е. брали все отрецензированные в течение года в «Библиографической хронике» книги и механически разносили, исходя из их содержания, по заранее составленным рубрикам годового обзора литературы.

Характерной особенностью обзоров и критических статей «Отечественных записок» этого времени являются полное забвение теоретических проблем эстетики, отсутствие глубокого и всестороннего анализа идейных и художественных достоинств литературных произведений, отказ от борьбы за гоголевское направление в русской литературе. Критический анализ произведений сводился к краткому пересказу их содержания, по ходу которого автор указывал на положительные или отрицательные стороны героев и их поступков. Подобная оценка подчас напоминала, упражнения барона Брамбеуса. «Мягче, г. Писемский, мягче рисуйте ваши картины! — поучал Дудышкин писателя, разбирая его новый роман „Батманов“. — Иначе они будут годиться только для занавеса ярмарочного театра... Автор, видимо, смешал скифских амазонок с московскими львицами» (1853, № 1, отд. IV, стр. 15).

К середине 50-х годов традиционные годовые обзоры русской литературы вообще исчезают со страниц журнала. Отдел «Критика» начинает заполняться большими статьями и рецензиями, преимущественно на книги исторического, философского и естественнонаучного содержания. Критический отдел «Отечественных записок» становится своеобразной трибуной либерально-буржуазных представителей зарождающегося в эти годы академического литературоведения, историографии и языкознания. С интересными и разнообразными по содержанию историко-литературными исследованиями и рецензиями, посвященными прошлому России, древнерусской литературе, изучению языка, фольклора, этнографии, классической филологии, выступают в журнале Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, И. Е. Забелин, Б. И. Ордынский, А. Н. Пыпин, С. М. Соловьев, И. И. Срезневский, А. Н. Афанасьев и др.

Несмотря на внешне аполитичный характер критического отдела, «Отечественные записки» занимали отнюдь не нейтральные позиции в той острой идейной и журнальной борьбе, которая развернулась на страницах периодических изданий до и особенно после 1855 г., когда наметилось оживление в общественной и литературной жизни России. Краевский, публично провозгласив новое направление «Отечественных записок», тем самым противопоставил их прогрессивной журналистике 50—60-х годов. Открытая полемика журнала Краевского с «Современником» началась сразу же после ухода Белинского из «Отечественных записок». Она носила грубый и оскорбительный характер и ставила своей целью дискредитировать в глазах читателей Белинского и других писателей, покинувших вслед за критиком «Отечественные записки». Но смелая и неопровержимо аргументированная отповедь со стороны новой редакции «Современника» возымела свое действие и заставила Краевского и Дудышкина в последующие годы быть более осмотрительными и осторожными в открытой борьбе с Белинским, Некрасовым и их единомышленниками. Тем не менее в начале 50-х годов «Отечественные записки» повели сначала скрытую, а затем и прямую атаку на «Современник», особенно на его критический отдел, в котором с 1854 г. начал сотрудничать Чернышевский.

Поводом для тенденциозного выступления «Отечественных записок» явились критические отзывы Чернышевского (1854 г.) о произведениях М. В. Авдеева и Евг. Тур — авторов многих романов и повестей, опубликованных в журнале Краевского. Основной пафос рецензий Чер-

нышевского был направлен против идеализации помещичьей жизни в произведениях упомянутых авторов, претенциозно-салонного стиля сочинений, героями которых были праздные тунеядцы, черствые, самодовольные эгоисты, ведущие паразитический образ жизни. В анонимной заметке «Критические отзывы „Современника“ о произведениях г. Островского, г-жи Евгении Тур и г. Авдеева» (1854, № 6) Дудышкин обвинил Чернышевского в резкости тона, опрометчивости и непоследовательности критических суждений о произведениях Островского, Авдеева и Тур. Чернышевский выступил в № 7 «Современника» со статьей «Об искренности в критике», в которой обосновал свои взгляды на задачи современной литературной критики. Опираясь на большой фактический материал, он доказал полную несостоятельность «умеренной и спокойной критики» «Отечественных записок», ее тенденциозность и субъективизм в оценке литературных явлений. Статья, видимо, достигла цели, так как уже в августовской книжке «Отечественных записок» появилась ответная заметка «Что такое искренность в критике?», где делалась попытка оправдать позиции журнала и свести принципиальный разговор о назначении критики, начатый Чернышевским, к беспредметному словопроению, пустому либеральному фразерству. Не имея возможности противопоставить что-либо основательное логической и фактической убедительности статьи Чернышевского, критик «Отечественных записок» сосредоточил основное внимание на фельетонных обозрениях Нового поэта (И. И. Панаева), который якобы вместе с другими сотрудниками «Современника» стремился превратить русскую литературу в сплошной фельетон.

В походе «Отечественных записок» против «Современника» Дудышкина поддерживают другие сотрудники Краевского — Г. Е. Благосветлов и А. Д. Галахов. Оценивая «критическую деятельность» «Современника», Благосветлов в статье «Взгляд на русскую критику» писал, что «старая критика [„Современника“ Пушкина и Плетнева] гораздо добросовестнее и стоит неизмеримо выше критики новой. . .» (1856, № 1, отд. II, стр. 20). Выступление Благосветлова было направлено против новой редакции «Современника» и ставило целью развенчать философско-эстетические позиции журнала, гоголевскую школу критического реализма.

Вслед за Благосветловым в «Отечественных записках» со статьей о «Былях и небылицах» Екатерины II выступил Галахов (1856, № 10). Он задался целью опровергнуть основные положения статьи Лайбова (Н. А. Добролюбова) «Собеседник любителей русского слова», опубликованной в «Современнике» (1856, № 8, 9). В противоположность Добролюбову, раскрывшему антинародную сущность либерального обличительства, примитивное убожество развлекательной сатиры 1850-х годов, уходившей корнями в XVIII в. и во многом напоминавшей сочинения Екатерины II «Были и небылицы», Галахов взял под защиту литературные упражнения императрицы. Он обвинил Добролюбова в отсутствии патриотизма, в односторонности, предвзятости и ошибочности оценок писаний царицы. Статья Галахова, ставящая под сомнение политическую благонадежность сотрудника «Современника», походила более на донос, чем на критическое выступление.

Чернышевский и Добролюбов опубликовали в «Современнике» совместно написанный ответ «Отечественным запискам» (1856, № 11). Они сравнили журнал Краевского с болгаринской «Северной пчелой», которая, по их словам, вела в 40-е годы такую же полемику с «Отечественными записками», близкую к травле, какую последние начали в 50-х годах против «Современника». Для подтверждения этого они

приводили многочисленные выдержки из «Северной пчелы», мало чем отличавшиеся по содержанию от выступлений либеральных «Отечественных записок».⁶

В конце 50-х годов «Отечественные записки» все более смыкаются с лагерем реакции. Страх перед надвигающимся восстанием крестьянских масс, перед революционной демократией, стоявшей во главе прогрессивных сил России, объединил либералов и реакционеров. Критический и библиографический отделы «Отечественных записок» превращаются в трибуну откровенной литературной реакции. В журнале систематически и во все большем количестве публикуются выступления, направленные против Белинского и его последователей, против натуральной школы.

В статье Н. Д. Ахшарумова «О порабощении искусства» (1858, № 7) имя и наследие великого критика, обретшие права гражданства после «мрачного семилетия», вновь подвергаются надругательству и беззастенчивой фальсификации. «Белинский, — писал Ахшарумов, — не уважал свободного искусства в истинном смысле этого слова и взамен старого ига литературной педагогики... навязал нам на шею целое стадо модных авторитетов и... новых увлечений, из которых многие... у нас с его легкой руки... ходят за совершенно новые и до сих пор деспотически господствуют в изящной и не изящной словесности...» (1858, № 7, отд. II, стр. 322). Ахшарумов поносил заодно передовую литературу и критику 1850-х годов (имея в виду в первую очередь «Современник») за их верность заветам Белинского.

Именно в эти годы на страницах журнала появляется серия статей, в которых подверглись «беспристрастному» критическому разбору реалистические произведения Островского, Тургенева, Гоголя и Пушкина. В отзыве на «Сочинения Островского» рецензент отмечал, что его произведения производят «грустное и тяжелое» впечатление, «с каждым разом становятся все неудачнее и слабее» (1859, № 7, отд. II, стр. 2).

В обзорной статье «Повести и рассказы И. С. Тургенева», где давался анализ двенадцатилетней литературной деятельности писателя, ее автор — Дудышкин, обращаясь к образам дяшних людей, и в частности к Рудину, утверждал, что у многих героев Тургенева «мало тела», «мало натуры». «Это дурной признак, — заключал критик. — Он может доказывать одно из двух: или у автора не доставало сил сделать лица осязательными, или на самом деле люди эти бесцветны и однообразны». Он призывал Тургенева отказаться от решения насущных вопросов современности. «Неужели, — спрашивал критик, — эта личность [Рудин и предшествующие ему герои] так важна и до того преобладает в нашем обществе, что на разработку ее стоило посвятить все силы?» Основным признаком творчества Тургенева Дудышкин считал не верность писателя действительности, реализм и демократичность идеалов, а всеобъемлющий лиризм. «Лиризм для писателя все, — утверждал критик, — его душа, его стремление, его чувства, его убеждения». Тургенев, как художник, повинуется только одной «теории художественного беспристрастия» (1857, № 1, отд. II, стр. 27—28; № 2, отд. II, стр. 66).

К Гоголю и его творческому наследию журнал обращался довольно часто и по самым различным поводам. Используя его авторитет, «Отечественные записки» стремились представить автора «Мертвых душ»

⁶ См.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. 3. М., Гослитиздат, 1947, стр. 712—723, 854—860.

неким олимпийским судьей и ценителем достоинств произведений современных прогрессивных писателей, презрительно именуемых журналом «объективными художниками». Идеалистические, подчас ошибочные высказывания Гоголя, содержащиеся в «Выбранных местах из переписки с друзьями», часто использовались критиками «Отечественных записок» для подкрепления своих утверждений. Они выдавались ими за высшее откровение писателя, творившего будто бы только во имя искусства и абстрактных общечеловеческих идеалов. К самому же художественному наследию писателя «Отечественные записки» относились довольно равнодушно. Показателен в этом отношении отзыв журнала на второе издание «Сочинений Н. В. Гоголя» (1855, № 9), где основное место было отведено разночтениям между текстами первого и второго изданий, а также качеству бумаги, шрифта и подсчетам стоимости нового издания. Еще более убогой по содержанию была заметка о «Сочинениях Н. В. Гоголя, найденных после его смерти» (1855, № 9). Она сводилась к перечислению упреков в адрес издателя, который «занялся оплакиванием сожженного второго тома», из-за чего «описание рукописи и ее судеб вышло совершенно темно».

Не избежал суровой критики со стороны «Отечественных записок» и Пушкин, возведенный эстетической критикой на пьедестал «чистого искусства», чуждого мирской суеты, злободневных вопросов действительности. Пушкин был обвинен И. И. Железновым, разбиравшим «Историю пугачевского бунта» (1856, № 9), в том, что он якобы извратил историческую правду, изобразив Пугачева вождем крестьянских масс. На самом деле, писал Железнов, Пугачев был честолюбивым самозванцем, смутьяном, подбившим казаков на восстание во имя своих корыстных целей. Подобная официозная трактовка движения Пугачева в предреформенные годы имела определенную политическую подоплеку: она соответствовала истинным позициям журнала в решении крестьянского вопроса накануне отмены крепостного права, отражала страх либералов перед назревающей революцией.

К положению крестьянских масс в России «Отечественные записки» непосредственно обратились только в середине 1858 г., когда правительственные учреждения были вынуждены начать подготовку отмены крепостного права свыше. Краевский вводит в журнале новый отдел «По вопросу об улучшении быта помещичьих крестьян», в котором наряду с информацией и обзором официальных документов, связанных с предстоящей реформой, начинают публиковаться статьи, посвященные правительственным мероприятиям: П. Г. Славинский «Обзор журнальных статей, относящихся к улучшению крестьянского быта», Д. М. «Несколько слов о дворовых людях» (1858, № 7 и др.).

С 1859 г. «Отечественные записки» из учено-литературного журнала преобразуются в учено-литературный и политический журнал. В связи с этим на его страницах начинает отводиться значительно большее место обсуждению крестьянского вопроса и предстоящей реформы. Основным тезисом выступлений «Отечественных записок», отстаивавших интересы крепостников, являлось требование «выкупа обязательного труда крестьян и земли, для них необходимой», за счет самих крестьян, с помощью государства. Это, утверждал журнал, «есть единственное, наиболее справедливое и наименее рискованное средство к уничтожению крепостного права и к улучшению быта крестьян. Справедливо оно потому, что помещики... в существе ничего не потеряют» (1859, № 4, отд. IV, стр. 563).

Либерально-реакционные позиции журнала в решении крестьян-

ского вопроса, угоднические комплименты по адресу правительственных комитетов, разрабатывавших проекты реформы, наконец, верно-подданническое приветствие царского манифеста 1861 г. — все это не могло не сказаться на падении престижа и популярности «Отечественных записок» среди читателей. Этому в немалой степени способствовали также критические выступления журнала, которые в 60-е годы становятся все более и более тенденциозными по отношению к передовой литературе. Показательно, что в «Отечественных записках» помещаются отрицательные рецензии преимущественно на те произведения, которые получили положительный отзыв в «Современнике» или явились поводом для больших общественно-литературных выступлений Чернышевского или Добролюбова. Примерами могут служить статья Н. Назарова о собрании сочинений Островского, отзыв П. Е. Басистого на роман Тургенева «Накануне» (1860, № 5) и др. В статье «Характер литературного сезона 1860—1861 гг.» журнал высказал свою точку зрения на литературные явления времени, насыщенного острыми политическими событиями. Основной пафос этого выступления был направлен против «Современника» и, особенно, его идейных вождей — Добролюбова и Чернышевского. Извращая подлинный смысл высказываний революционных демократов о крестьянской общине, в которой они видели зародыш будущего справедливого общества, автор свел принципиальный разговор о социальном развитии пореформенной России к спору о понимании народности, рассматриваемой им как абстрактная категория, внеклассовая и вневременная. Передовая журналистика во главе с «Современником» недвусмысленно обвинялась критиком в возбуждении смуты и пропаганде крайне опасных для спокойствия государства революционных идей. В «Заметке для редакции „Современника“» (1863, № 5) журнал Краевского, стремясь «образумить» и «наставить на праведный путь» Некрасова и его сотрудников (возобновивших после восьмимесячного запрета издание «Современника»), советовал им прекратить настраивать молодежь против правительства, сбивать ее с пути и посылать «сотнями по Владимирке». Журнал призывал «Современник» отказаться от борьбы против «журнальных либералов и прогрессистов», не выступать с критикой «Отечественных записок» и их сотрудников, стать послушным проводником официальных идей.

И когда «Современник» ответил, что он не нуждается ни в подобных советах Краевского и Дудышкина, ни в их защите от цензурных преследований, «Отечественные записки» выступили против Некрасова. Поводом послужило третье издание стихотворений поэта, появившееся в 1863 г. В рецензии на это собрание Дудышкин отмечал: «Стихотворения Некрасова, толкуемые в тот же тон статьями Добролюбова, действовали сильно на юношество. ...» Но в художественном отношении, утверждал рецензент, они однообразны, их отличает «холодная рассудительность», «частое отсутствие живых красок, без которых поэзия жить не может, но которые заменили в стихотворениях Некрасова энергию отрицания». Поэт, по словам критика, является «партизаном известной доктрины», содержание которой есть «чутье народных нужд и скорбей». «Я не сочувствую этой узкой доктрине, — заявлял Дудышкин, — и потому не могу сочувствовать тем стихотворениям, где она применена нагло». Эта доктрина свидетельствует об «искалеченности таланта» поэта (1863, № 9, отд. II, стр. 4). Так «Отечественные записки» сочлись с редактором «Современника», отказавшимся следовать добрым советам органа либералов и прогрессистов.

Журнал Краевского явился одним из первых в России периодических изданий, вступивших, с разрешения цензуры, в официальную полемику с Герценом. Начал ее сотрудник «Отечественных записок», бывший жандармский офицер С. С. Громека. В июньском номере за 1862 г. он опубликовал пространную статью «Аннопольское дело», в которой, как один из участников затянувшегося расследования зверского убийства трех женщин в местечке Аннополе, пытался опровергнуть факты, приведенные в газете Герцена «Под суд!» (1862, № 13). Восстонавливая по памяти «истину» семилетней давности, Громека в категорической форме возражал Герцену и его неизвестному корреспонденту, напомнившим об «Аннопольском деле», доказывал несостоятельность их упреков в адрес полицейских следственных и судебных органов, оправдывал трех армейских офицеров, подозреваемых в убийстве. Основной целью выступления Громеки, рассчитанного на доверчивых читателей, являлось стремление нейтрализовать общественно-политический резонанс изданий Герцена, представить их как органы, не заслуживающие доверия, распространяющие зловередные слухи, подрывающие авторитет властей.

К середине 60-х годов критический отдел «Отечественных записок» по существу утратил самостоятельное значение. Он заполняется большими, переходящими из номера в номер, обзорными и переводными статьями информационно-компилятивного характера. Привлеченные Дудышкиным к сотрудничеству в журнале критики и публицисты Н. В. Альбертини, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. Н. Страхов, С. С. Громека не смогли оживить «Отечественные записки», и они все более тускнели. После смерти Дудышкина (1866) отдел критики вообще заглох.

Эволюцию, аналогичную критическому отделу, претерпели художественный и публицистический отделы журнала. В конце 40-х и первой половине 50-х годов в «Отечественных записках» выступали известные русские писатели-реалисты: И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, А. Ф. Писемский; журнал регулярно печатал также переводы произведений видных европейских писателей: Ч. Диккенса, Ж. Санд и др. Большой популярностью среди читателей пользовались публицистические выступления В. А. Милютина, А. П. Заблоцкого-Десятовского, посвященные общественно-экономическим проблемам России и Западной Европы. К середине 50-х годов большинство упомянутых выше писателей и публицистов по разным причинам оставляет «Отечественные записки». В отделе «Словесность» печатаются творения третьестепенных литераторов — В. Р. Зотова, В. В. Крестовского, М. В. Авдеева, Е. Данковского, Евг. Тур и др. Публицистика в основном сосредоточивается в руках постоянных сотрудников журнала: С. С. Дудышкина, Н. Н. Страхова, Н. В. Альбертини, В. Д. Скарятин и С. С. Громеки, которые превращают ее в средство полемики с прогрессивными силами в общественном движении и литературе, пропаганды либеральных и реакционных идей.

Наиболее слабой частью художественного отдела являлась поэзия. Стихи русских поэтов месяцами, а то и годами не появлялись в «Отечественных записках». Эпизодически в них печатались А. Н. Майков, А. А. Фет, Н. Ф. Щербина, В. С. Курочкин, А. М. Жемчужников, Н. В. Гербель, Я. П. Полонский, К. К. Павлова, А. К. Толстой, а также малоизвестные поэты В. А. Солоницын, Н. П. Греков и др. В конце 50—первой половине 60-х годов «домашним» поэтом журнала становится М. П. Розенгейм.

В «Отечественных записках» вплоть до 1856 г. сотрудничал

И. С. Тургенев, печатались А. Ф. Писемский, Н. С. Лесков, И. А. Гончаров, поместивший в журнале путевые очерки, роман «Обломов» (1859), главы из «Обрыва». Однако в последнее десятилетие существования «Отечественных записок» художественный отдел был довольно бледным: он в основном заполнялся переводами длинных и скучных исторических и приключенческих романов иностранных писателей; почти совсем не были представлены в журнале драматические произведения; несколько пьес, напечатанных в «Отечественных записках», принадлежали перу Л. А. Мея и Н. А. Потехина.

Наиболее постоянным, выдержавшим испытание временем, являлся отдел «Науки и художества». Выше указывалось, что в 50-х годах журнал становится одним из тех периодических органов, где начала складываться академическая школа филологической, исторической, этнографической и фольклористической науки. Большое место в «Отечественных записках» занимали также публикации, статьи и рецензии, посвященные естественным и точным наукам: химии, физике, астрономии, биологии, математике и т. п. Журнал часто обращался к теоретическим вопросам ведения сельского хозяйства и развития промышленного производства. «Отечественные записки» регулярно информировали читателей о новых открытиях отечественных и зарубежных естествоиспытателей. В журнале часто публиковались переводы статей и заметок, взятых из зарубежной прессы. Все это способствовало популярности «Отечественных записок» среди интеллигенции.

Но к концу 50-х годов отдел «Науки и художества» теряет самостоятельное значение и сливается с отделом «Словесность», затем научная информация наряду с другими журнальными материалами начинает включаться в отдел «Обозрение иностранной литературы, ученые новости и разные известия». В 60-х годах научный отдел вообще исчезает из оглавления журнала. Появление нового отдела — «Политическое обозрение», который вел Альбертини, и превращение Громекой отдела «Смесь» в модное фельетонное обозрение общественных, театральных и музыкальных событий Петербурга почти совсем вытеснили научные статьи и информацию со страниц «Отечественных записок».

Самым долговечным отделом журнала, по сравнению с другими, являлся отдел «Современная хроника России», где печатались царские манифесты, указы, правительственные распоряжения, пространные обзоры современного движения русского законодательства и другие официальные материалы.

За 22 года (после ухода Белинского) журнал Краевского претерпел большие внутренние и организационные изменения. Если в конце 40-х годов «Отечественные записки» по своему составу, объему и разнообразию отделов могли претендовать на звание энциклопедического издания, стремившегося охватить все стороны общественной, культурной и научной жизни России, то в последующие годы они постепенно утрачивают многообразие своего содержания. Основательная реорганизация «Отечественных записок» происходит в 1859 г. в связи с превращением издания в учено-литературный и политический журнал. В нем создаются пять отделов: I. Словесность; II. Политическое обозрение; III. Русская литература; IV. Обозрение иностранной литературы, ученые новости и разные известия; V. Современная хроника России.

С 1860 г. официальным соиздателем «Отечественных записок» становится Дудышкин. Краевский, занятый редактированием «С.-Петербургских ведомостей», которые он взял в аренду вместе с А. Н. Очки-

ным в 1853 г., вообще отстраняется от руководства журналом. С 1863 г. он начинает издавать газету «Голос» и целиком переключается на это издание. Став самостоятельным руководителем «Отечественных записок», Дудышкин реорганизует журнал, оставляя в нем всего лишь два больших отдела: «Словесность и критика» и «Современная хроника», которые в свою очередь дробились на мелкие подотделы. Вся текущая политическая хроника, библиографическая информация и злободневные материалы из журнала переходят в ежедневную газету «Голос».

«Отечественные записки», по справедливому замечанию современника, утратив журнальную оперативность, все более и более «принимают вид простых литературных сборников, без всякого отношения к тому, что делается вокруг. В этих сборниках печатаются отвлеченные рассуждения или исторические монографии, не дающие никакого практического вывода, разные воспоминания прошлого, разные повести, построенные на чисто внешних эффектах; есть, конечно, между ними и очень интересные статьи, но они все-таки не имеют никакого социального значения».⁷ Стремясь оживить умирающий журнал, привлечь к нему внимание подписчиков, Краевский и Дудышкин с 1865 г. начинают издавать «Отечественные записки» два раза в месяц. Но и это не спасло журнал, терявший кредит у читателей. После смерти Дудышкина Краевский убеждается в невозможности дальнейшего издания «Отечественных записок» и передает их в 1868 г. Некрасову и Салтыкову-Щедрину.

⁷ Н. Бельский (Н. А. Благовещенский). Наша современная журналистика.— «Женский вестник», 1867, № 9, отд. II, стр. 4.

Периодика славянофилов

Мысль об издании журнала вынашивалась славянофилами несколько лет.¹ Осуществлению этого желания препятствовало подозрительное отношение цензуры; после запрещения второй книги «Московского сборника» в 1852 г. последовало распоряжение о том, чтобы все статьи славянофилов проходили цензуру в Петербурге, и за виднейшими славянофилами был установлен негласный полицейский надзор. Лишь осенью 1855 г. с помощью президента Академии наук графа Д. Н. Блудова удалось отменить распоряжение о рассмотрении произведений славянофилов Главным управлением цензуры, и 3 марта 1856 г. в «Московских ведомостях» появилось объявление об издании журнала «Русская беседа».

Журнал «Русская беседа» и газеты славянофилов — «Молва», «Парус» и «День» — составляют особую группу в журналистике 1860-х годов. Именно в них наиболее полно были развиты идеи славянофильства.

Известно, что «славянофильство возникло как дворянская реакция на развитие капитализма и революционного движения в России и Европе, на распространение идей социализма и материализма...»²

Это была либерально-дворянская группировка (в отличие от так называемых либералов-«западников»), стремившаяся защитить интересы помещиков-землевладельцев. Критика капитализма славянофилами была критикой справа, с реакционных позиций. Они мечтали о возврате к старине, ненавидели материализм, социализм, революцию. Их «патриотизм» на самом деле был ярко выраженным шовинизмом.

Несмотря на критику бюрократически-полицейского режима Николая I, славянофилы были идеологами самодержавия, апологетами монархического строя. Если они призывали освободить крестьян, то только законно — «сверху». Если они предлагали наделить крестьян землей, то только потому, что обезземеленные крестьяне превратятся в пролетариев, и тогда в стране начнутся бунты и восстания, как и в капиталистической Европе.

Славянофилы рьяно защищали и пропагандировали «истинную» веру — православие, восхваляли русский народ за якобы присущие ему терпение, набожность и преданность царю. В целом учение славянофилов было близко к реакционной теории «официальной народности», провозглашенной царским министром народного просвещения Уваровым в 1830-х годах.

«Русская беседа», как и все издания славянофилов, выходила в Москве. Ежегодно выпускались 4 книги (в 1859 — 6, а в 1860 — 2). Изда-

¹ См., например, письмо А. С. Хомякова Ю. Ф. Самарину от 30 мая 1847 г. — «Русский архив», 1879, т. 3, стр. 327.

² См.: А. Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики и критики 1840—1850-х гг. М., 1951, стр. 22.

ние журнала финансировалось пайщиками — А. И. Кошелевым, Ю. Ф. Самариным, А. С. Хомяковым и В. А. Черкасским. Они же были и основными сотрудниками. Издателем-редактором являлся Кошелев, редактором до 1857 г. — Т. И. Филиппов, затем П. И. Бартенев, М. А. Максимович, а с августа 1858 г. и весь следующий год — И. С. Аксаков. В 1860 г., уже после того, как было объявлено о прекращении издания, Кошелев выпустил еще две книги. «Русская беседа» имела отделы: «Изящная словесность», «Науки», «Критика», «Обозрение», «Смесь», «Жизнеописания». Существование последнего отдела объясняется интересом славянофилов к русской истории, особенно к старине.

Круг сотрудников, как и в других изданиях славянофилов, довольно ограничен. В отделе «Изящная словесность» печатались многочисленные стихотворения И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, К. К. Павловой, К. П. Победоносцева, А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова. Поэзия «Русской беседы» имела в основном религиозный, исторический или политический характер. Во многих стихотворениях развивались теоретические взгляды славянофилов. Поэзия Т. Г. Шевченко была представлена двумя стихотворениями — «Вечер» и «Сон» (1859, кн. III), А. С. Пушкина — единственным — «Страдалец произвольной муки» (там же), в журнале были также напечатаны несколько стихотворений В. А. Жуковского, И. С. Никитина, А. И. Одоевского, Н. М. Языкова. Кроме того, печатались переводы стихотворений чешских, сербских, польских поэтов и русские народные песни. Из прозаических произведений следует отметить отрывки из «Семейной хроники», «Детские годы Багрова-внука», «Литературные и театральные воспоминания» С. Т. Аксакова, «Записки» Г. Р. Державина и другие произведения мемуарного характера, в которых описывались дорогие славянофилам черты прошлого дворянского быта. Печатались «физиологические» очерки В. И. Даля «Картины из русского быта», В. В. Селиванова «День помещика». Из этого круга произведений выделялись иной тематикой и характером конфликта «Доходное место» А. Н. Островского (1857, кн. I), «Госпожа Падейкова» Н. Щедрина (1859, кн. IV) и рассказ М. Вовчка «Маша» (1859, кн. III). Отдел «Изящная словесность» не был ведущим в журнале.

Публицистику «Русской беседы» представляли пространные статьи М. П. Погодина: «Отрывки из писем о положении славян в Европе», «Итальянский вопрос», «Исторические замечания (о происхождении Руси)», «О публичном диспуте, касательно происхождения Руси» (в диспуте с Н. И. Костомаровым по поводу происхождения Руси М. П. Погодин защищал теорию норманского завоевания), статьи В. А. Елагина «Место венгров среди народов Европы», А. Ф. Гильфердинга «Письма об истории сербов и болгар» и т. п.

Особое внимание публицисты уделяли проблеме народности. С первых же номеров стали появляться статьи на эту тему: «Два слова о народности в науке» (1856, кн. I), «О народном образовании» (1856, кн. II) Ю. Ф. Самарина, «О русском воззрении» (1856, кн. I), «Еще о русском воззрении» (1856, кн. II) К. С. Аксакова.

Народность в понимании славянофилов заключалась прежде всего в защите догматов православной церкви, они трактовали ее узко националистически и даже шовинистически, тогда как в понимании революционеров-демократов 1860-х годов суть проблемы народности заключалась в социальном аспекте. Однако на первых порах «Современник» не выступил резко против «Русской беседы». В 1856 г., когда появился славянофильский журнал, в стране еще не было революционной ситуации, только что кончилась Крымская война. Критическое отношение славяно-

филов к некоторым политическим учреждениям николаевской администрации было всем известно. В этих условиях Н. Г. Чернышевский, трезво и точно анализировавший обстановку, мог рассматривать оппозицию славянофилов как дополнительное средство, способствующее росту широкой волны недовольства крепостным правом и самодержавием. Однако смягченные критические отзывы «Современника», его советы «Русской беседе» более четко определить свои позиции сменяются в 1859—1861 гг. резкой критикой. К этому времени славянофилы обнаружили реакционную сущность своих взглядов в спорах об общине, о народности, о распространении грамотности в массах крестьян. В условиях революционной ситуации стало необходимо ясно и точно определить отношение к национально-освободительному движению в России, особенно к польскому, и Чернышевский выступил с серией статей, разоблачивших реакционную суть славянофильства: «Национальная бестактность» («Современник», 1861, № 7), «Народная бестолковость» (1861, № 10), «Самозванные старейшины» (1862, № 3).

Славянофилы боялись революционных потрясений, поэтому их фронда по отношению к царизму была поверхностной и во многом была связана с критическим отношением к личности Николая I, а в принципе они являлись тоже идеологами монархии. А. И. Кошелев писал И. С. Аксакову в июне 1858 г.: «Одно меня тревожит — это ваше болезненное нерасположение к власти... скорее соглашусь закрыть „Беседу“, чем дать ей оппозиционный характер... Я в душе за власть, с прискорбием вижу, когда она спотыкается, а не намерен высказывать к ней ни малейшей неприязни... Вы этим дело убьете. Что нам Герцен и компания?»³ Характерно также отношение «Русской беседы» и славянофильских изданий к «Русскому вестнику». Вначале они вели полемику, возникшую при обсуждении проблемы народности; показательны с этой точки зрения статья Б. Н. Чичерина «О народности в науке» и редакционное замечание «Несколько слов о критике „Русской беседы“ и так называемое славянофильское направление» в первой майской книжке «Русского вестника» за 1856 г. Но в дальнейшем критические выпады с обеих сторон прекратились, а в 1863 г. славянофильский «День» уже выступал единым фронтом с катковскими изданиями — газетой «Московские ведомости» и журналом «Русский вестник», усиленно разжигая шовинистические настроения.

В годы, когда на страницах периодических изданий обсуждался проект крестьянской реформы, с марта 1858 по апрель 1859 г., в качестве приложения к «Русской беседе» выходил журнал «Сельское благоустройство» (всего вышло 14 номеров), в котором были сосредоточены основные материалы по крестьянскому вопросу. В нем задавали тон Кошелев, Самарин, Черкасский, печатались также письма и статьи помещиков из разных губерний России. Ряд статей по крестьянскому вопросу опубликован в самой «Русской беседе». «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» занимали либеральную позицию. Славянофилы стояли за отмену крепостного права «сверху», за наделение крестьян землей, но с выкупом, чтобы не пострадала интересы дворянства.⁴ Споры, которые вели славянофилы с «Русским вестником» и реакционными изданиями,

³ Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. II. М., 1892, стр. 249.

⁴ Более того, согласно проектам освобождения крестьян, поданным царю Кошелевым, первоначально предполагалось даже, что за помещиком должно остаться право ссылать неисправных крестьян в Сибирь или отдавать в солдаты: см.: там же, стр. 16—40.

были борьбой внутри класса крепостников за формы и меру уступок.

За сохранение общины, как известно, выступали и основоположники русского утопического социализма — А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, но их взгляды на общину коренным образом отличались от славянофильских. Чернышевский и Герцен видели в общине зародыш будущего социалистического общества, славянофилы же социалистические идеи отвергали начисто. Спор об общине велся с «Русским вестником», в котором выступил с «Обзором исторического развития сельской общины в России» (1856, № 3 и 4) Чичерин, утверждая, что община в России — это не патриархальное, не родовое явление, а государственное учреждение. Чичерину в «Русской беседе» ответил И. Д. Беляев статьей «Еще о сельской общине. Ответ Чичерину» (1856, кн. II). Он рассматривал общину как порождение специфического русского быта, как явление «товарищеское, мирское». Когда Чернышевский опубликовал в «Современнике» серию статей по этому вопросу, славянофилы восприняли их как выступления союзника, но вскоре они поняли свою ошибку и поспешили отмежеваться. «Г. Чернышевский защищает мирское пользование или владение землею, — писал Кошелев, — в этом мы с ним вполне согласны; но г. Чернышевский смотрит на нынешнюю нашу общину как на ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями: туда мы за г. Чернышевским следовать не расположены» (1857, кн. IV, стр. 170). Это заявление показывает, что если с «Русским вестником» славянофилы расходились лишь по вопросу о происхождении общины, то их разногласия с «Современником» касались существа дела и отражали обострение классовых противоречий в стране.

Не случайно в славянофильских изданиях встречаются откровенно реакционные высказывания по крестьянскому вопросу, в целом решавшемуся славянофилами с либеральных позиций: Черкасский в статье «Некоторые черты будущего сельского управления» («Сельское благоустройство», 1858, № 9) утверждал, что крепостных можно освободить, лишь сохранив за дворянами право телесных наказаний крестьян; и указывал даже «норму» наказания розгами. Против Черкасского резко выступили демократические издания — «Колокол» и «Современник», а также либеральная печать. Вызвало осуждение и напечатанное в «Русской беседе» (1856, кн. III) «Письмо к редактору» Даля, в котором доказывалось, что грамота мужику вредна, потому что грамотный крестьянин становится эксплуататором. Редакция «Русской беседы» пыталась сгладить остроту критики против Даля и выступила с разъяснениями, напечатав статьи «Нечто о грамотности» Кошелева и «Деревня» Беляева (1858, кн. I и II), в которых заявлялось, что грамотность славянофилы приветствуют, но дело распространения грамотности лучше передать церкви. Нужно прежде всего позаботиться о создании для народа религиозных книг, а тогда уже браться за грамотность, ибо грамотность еще не есть образование. Вообще «Русская беседа» безоговорочно защищала интересы православной церкви и духовенства, видя в религии панацею от всех зол.

Во многих статьях журнала обсуждались проблемы русской истории, устройство старинных учреждений: «4 донесения гр. А. Г. Орлова Екатерине II о княжне Таракановой» (1859, кн. VI), «Письма И. И. Шувалова к Екатерине II» (1860, кн. II), «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права» М. П. Погодина (1858, кн. IV) и т. п. В статьях на исторические темы славянофилы доказывали «избранность», особенность и отличие истории русского народа от всех других, потому что его жизнь была основана на «истинной» религии; и лишь ре-

формы Петра, принесшие «ложный» европейский дух, нарушили гармонию, существовавшую в России до этого.

Почти во всех книгах «Русской беседы» регулярно помещались художественные произведения и публицистические статьи по славянскому вопросу. С ними выступали и основные сотрудники журнала, и публицисты других славянских стран: Грабовский, Даскалов, Миличевич и др. Славянский вопрос привлек особое внимание с 1859 г., когда началась война союзников — Сардинии и Франции — с Австрией. Погодин в статье «Два слова по поводу современных обстоятельств» (1859, кн. IV) выражал надежду, что в результате поражения Австрии вспыхнет освободительное движение среди славянских народов Австрийской империи. России при этом надлежит всячески содействовать расширению конфликта, чтобы отомстить Австрии за вероломную политику во время Крымской войны. Сходные мотивы мы находим в стихотворении А. С. Хомякова «Помнишь, по стезе нагорной...» (1859, кн. VI):

Гул растет, как в спящем море
Перед бурей роковой;
Вскоре, вскоре в бранном споре
Закипит весь мир земной.

В «Русской беседе» нашли отражение идеи панславизма — создания монархической федерации славянских народов под эгидой царской России, однако до конца реакционный смысл этой стороны славянофильства вскрылся позднее — в 1861—1863 гг., когда издавалась газета «День».

Критический отдел журнала, как и художественный, не был ведущим, редакция даже не имела постоянного рецензента. По мнению славянофилов, в русской литературе было слишком развито критическое начало и совершенно недостаточно произведений, рисующих «светлые стороны» действительности. Исходя из основных своих установок, критики «Русской беседы» доказывали, что после Петра I развитие русской литературы пошло по неверному пути. Не принимая критического реализма, славянофилы выступали и против «чистого искусства», считая его порождением иноземным. Выше всего они ставили творчество С. Т. Аксакова, объявляя его родоначальником нового, «положительного» направления в русской литературе; это доказывал Н. П. Гиляров-Платонов в рецензии на «Семейную хронику» (1856, кн. I) и С. П. Шевырев в разборе книги «Детские годы Багрова-внука» (1858, кн. II). Высоко оценивали славянофилы и творчество А. Н. Островского, но их прежде всего привлекали слабые стороны произведений драматурга. Так, например, рецензируя пьесу «Не так живи, как хочется» (1856, кн. I), Т. И. Филиппов обрушился на идею женской эмансипации, заодно осудив Белинского за «неправильную» оценку пушкинской Татьяны и Герцена за идеи, высказанные в романе «Кто виноват?». Филиппов проповедовал фаталистическую покорность судьбе: выпадет на женскую долю счастье — благодари, нет счастья — терпи. Эта статья вызвала резкие возражения демократической журналистики.

«Русская беседа» не пользовалась популярностью — ее пахнувшие лампадой и домостроем идеи патриархальной, допетровской Руси, божественной благодати и пр. разделяли немногие. Попытки И. С. Аксакова приблизить тематику журнала к современности встречали сопротивление издателя Кошелева и входивших в совет Хомякова, Самарина, отчасти Черкасского. Тираж журнала не превышал 1200 экземпляров. В последней, шестой, книге журнала за 1859 г. было помещено «заключительное слово» редакций, в котором сообщалось, что издание при-

останавливается, так как многие сотрудники заняты другими делами, и все хлопоты легли на одного И. С. Аксакова, но передать ему журнал официально власти не разрешили. А. Г. Дементьев указывает, что после запрещения газеты «Парус» Аксакову стало неудобно оставаться на посту редактора журнала.⁵ Однако запрещение газеты последовало в январе 1859 г., а Аксаков продолжал исполнять обязанности по журналу до конца года. Вероятнее другое — Аксаков не мог вести далее журнал после того, как его отказались утвердить официальным редактором «Русской беседы». Но истинная причина прекращения издания — отсутствие подписчиков и связанные с этим материальные трудности, это отмечает и А. Г. Дементьев.

* *
*

Одновременно с изданием «Русской беседы» славянофилы предпринимали попытки выпускать газеты. Журнал выходил редко, не был оперативен, и газеты могли компенсировать этот недостаток.

Первый номер еженедельной литературной газеты «Молва» вышел 12 апреля 1857 г. Редактором ее числился С. М. Шпилевский, хотя фактически им был К. С. Аксаков. Каждый номер газеты состоял, как правило, из 12—16 страниц, счет которых велся по годовому комплекту. Ведущее место в «Молве» занимали не художественные произведения, а публицистика, так как цель издания заключалась в распространении идей славянофильства. Не случайно «Молва» была одной из первых русских газет, в которых окончательно оформился такой тип статьи, как передовая. Передовицы Аксакова, посвященные актуальным вопросам, были главным материалом газеты. Кроме передовых, в «Молве» имелись отделы «Критика», «Библиография», «Заметки», «Смесь», «Обзорные современных журналов».

Из художественных произведений в «Молве» чаще всего появлялись стихотворения И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, А. П. Чебышева-Дмитриева, его же рассказы («Встречи, разговоры, рассказы» — № 7, 11, 27), «Отрывки из очерков помещичьего быта 1800 годов» С. Т. Аксакова (№ 1), охотничьи и нравоописательные рассказы Н. С. Толстого, стихотворения А. С. Пушкина (№ 3 и 10). Литературный отдел «Молвы» не представлял для читателей большого интереса, так как произведения, печатавшиеся в нем, затрагивали второстепенные проблемы и не имели большого общественного значения (например, рассказы Н. С. Толстого «О предрассудках ветлужского края» — № 22, 23). Библиографические статьи посвящались преимущественно произведениям, далеким от современности. В этом отделе активно выступал как рецензент тот же Чебышев-Дмитриев.

В передовых статьях К. С. Аксаков развивал славянофильские воззрения на общину (№ 2), проблему народности (№ 5, 10, 11) и славянский вопрос (№ 14 и др.). Они по существу заменяли политический отдел. Именно передовые вызвали неудовольствие цензуры. 10 сентября 1857 г. кн. П. А. Вяземский писал К. С. Аксакову: «Народная молва вам приписывает „Молву“, любезнейший Константин Сергеевич, или по крайней мере передовую батарейную статью ее, которая под заглавием „Молва“ палит и жарит изо всех орудий. К сожалению моему, я уже вынужден был сделать замечание цензору, рассматривающему эту га-

⁵ А. Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики и критики 1840—1850-х годов, стр. 396.

зету, за некоторые неуместные выходки, им одобренные».⁶ И далее Вяемский разъяснял, что крестьянский вопрос не подлежит публичному обсуждению в печати, что «Молва» возбуждает напрасное волнение толками о вольном труде.

Некоторые сотрудники «Молвы» — П. А. Бессонов, П. И. Бартнев, Н. И. Крылов, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев — участвовали и в журнале, и в газете, поэтому осторожный издатель «Русской беседы», зная, что К. С. Аксаков, как и его брат, фрондирует против правительства, поспешил на всякий случай отмежеваться от газеты. В «Литературном объяснении» («Русская беседа», 1857, кн. II) он писал: «... изъявляем нашу радость по случаю появления периодического издания, обещающего идти одною с нами дорогой. Добрый путь, дорогой собрат! Но не мешает здесь и теперь же объяснить во всеуслышание, что наши два издания совершенно независимы друг от друга... а потому просим друга и недруга судить каждого из нас за собственные вины, а отнюдь не относить к ответственности „Молвы” то, что скажет „Беседа”, и „Беседу” не казнить за то, что будет сказано в „Молве”».

В спорах славянофилов с демократическими журналами и либерально-буржуазными органами «Молва» выступала вместе с «Русской беседой». Так, например, поддерживая Кошелева в полемике с Чернышевским об общине, «Молва» писала: «„Современник”, заранее отказываясь от всякого возможного сближения с мыслью славянофилов, заявляет свое подобострастное отношение к западной науке...» (1857, № 12, стр. 140). А в статье «Два слова о народном обучении» К. С. Аксаков пытался помочь «Русской беседе» в полемике, вызванной письмом Даля. Давая сбивчивые объяснения, он, как и Кошелев, утверждал, что народ не надо учить, а надо лишь не мешать ему учиться, и для того есть единственное средство: «... грамотность церковнославянская и русская; об ней надобно заботиться и вместе о составлении деревенских библиотек из книг, и без того требуемых народом, т. е. Евангелия, Апостола и вообще церковнославянских книг. К ним прибавил бы я собрание русских летописей» («Молва», № 31, стр. 363).

Выступала «Молва» на стороне «Русской беседы» и в спорах с «Русским вестником» по поводу происхождения русской общины, по проблеме народности: «Два слова русскому вестнику» К. С. Аксакова (№ 5, стр. 65), «Юридические заметки» профессора Н. И. Крылова (№ 2, 3, 4, 5) и др. В № 36 «Молвы» К. С. Аксаков поместил статью (без подписи) «Опыт синонимов. Публика и народ», в которой критически высказался об образе жизни привилегированных классов, противопоставив ему жизнь простого народа. Сама идея была не нова, она уже выдвигалась славянофилами, считавшими, что со времен Петра I образованное общество восприняло ложные западноевропейские «начала», но мысли К. С. Аксакова были выражены в такой острой форме, что перепугали правящие круги.

В том же номере газеты было напечатано сообщение о выходе «Молвы» в 1858 г. Редакция признавалась, что уделяла мало внимания вопросам современности, и надеялась исправить положение в будущем, тем более, что она приобрела новых сотрудников (называлась фамилия И. С. Аксакова). Однако выполнить это обещание не удалось: после статьи К. С. Аксакова материалы «Молвы» должны были рассматриваться на заседаниях цензурного комитета. К. С. Аксаков намере-

⁶ Н. П. Колупанов. Биография А. И. Кошелева, т. II, стр. 432.

вался передать газету в руки брата, но из представленных И. С. Аксаковым материалов для № 37 половина была запрещена.⁷ И. С. Аксаков отказался от намерения издавать газету в таких условиях.

* * *

Еще менее долговечной оказалась газета «Парус», попытку издать которую И. С. Аксаков предпринял через год. Вышли всего два номера — 3 и 10 января 1859 г. Газета с первого же номера вызвала недовольство Главного управления цензуры. Этим, видимо, и объясняется, что второй номер просматривали уже два цензора. Причиной тому была передовица И. С. Аксакова («Москва, 3 января»), в которой автор с благонамеренных позиций высказался за ослабление цензурных строгостей. Он мотивировал свои мысли тем, что свобода печати будет полезна и для правительства: оно услышит различные мнения, ему укажут на недостатки, и это поможет быстрее их устранить.

Однако И. С. Аксаков довольно резко отозвался о времени царствования Николая I. «Разве не довольно мы лгали? — писал он. — Чего довольнее — изолгались совсем! Было такое время, когда ни воздуху, ни свету не давалось людям, когда жизнь притаилась и смолкла... Но ведь это время прошло...» Больше того, он откровенно намекал на цензурные строгости петербургского комитета: «Неужели нам не будет позволено. Попробуем. Если же наша газета сядет на мель, то пусть знают читатели наперед, что виною тому не редакция, а распоряжения, стесняющие искренность слова, что еще видно не созрела пора для безоглядной правды».

В передовой второго номера «Паруса» И. С. Аксаков в обычном для славянофилов духе рассуждал об историческом пути России: «Беда в том, что присущий петровской реформе элемент презрения к народной жизни глубоко проник в наше образованное общество... Петр I перенял у немцев формы администрации, формы судостроительства, делопроизводства и т. п.». В этом номере гнев цензуры вызвала статья Погодина, в которой он делал обзор исторических событий года, касался положения в Европе и, особенно, политики Турции и Австрии. Вспоминая о недавней войне, Погодин советовал выждать благоприятный для России момент, чтобы отомстить Австрии и Турции за поражение в Крымской войне.

И. С. Аксакова обвинили чуть ли не в издевательствах над цензурой, а Погодина — в недопустимом вмешательстве в дела правительства и в неблагонадежности. Оскорбленный Погодин обратился с письмом к министру народного просвещения, в котором писал, что в благонадежности он никому не уступит. Тем не менее «Парус» был запрещен.

* * *

На следующий год после прекращения «Русской беседы» славянофилы добились разрешения издавать еженедельную газету «День». Редактором «Дня» был И. С. Аксаков. Кроме регулярно печатавшихся передовых статей (под рубрикой «Москва, такого-то числа» или со специальным заглавием после рубрики: «Москва, 18 ноября. Россия и Польша» — 1861, № 6), в газете имелись следующие отделы: «Литера-

⁷ См.: А. Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики и критики 1840—1850-х годов, стр. 399—400.

турный», «Областной» (в нем печатались не только письма с мест, но и статьи, основанные на местных материалах), «Славянский» (здесь помещались статьи о жизни западных славян), «Критический», «Смесь». Ведущей, как и в других славянофильских изданиях, была публицистика. Активными сотрудниками редакции были И. Д. Беляев, П. А. Бессонов, В. А. Елагин, М. О. Коялович, П. А. Лавровский, В. И. Ламанский, П. И. Мельгунов. Выступали польские (М. Грабовский, А. Горжалчинский), сербские («Южный славянин»), болгарские (Р. Жинзифов) публицисты. Особенно активен был Жинзифов, помещавший статьи под псевдонимом «Велешанин».

Основная проблема публицистики «Дня» стала иной, нежели ранее. Это уже не крестьянский вопрос и не споры об общине, а вопрос национальный. Первый номер газеты вышел 15 октября 1861 г. с программным заявлением редактора: «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного, духовного и, пожалуй [только „пожалуй“! — В. А.], политического бытия под сению крыл могущественного русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России» (1861, № 1, стр. 15). Но если И. С. Аксаков относился сочувственно, хотя бы на словах, к славянам, страдавшим под турецким или немецким игом, то к тем из них, которые уже попали под «сень крыл» русского орла, он относился иначе. «День» решительно заявил тут же, что «поляки безумны», так как требуют отделения Польши от России (1861, № 2, стр. 14).

С первых же номеров газета выступает против демократических изданий, прежде всего против «Современника» и его ведущего публициста Чернышевского. Целая серия статей, например, была направлена против «Национальной бестактности» («Современник», 1861, № 7). Уже в № 2 «Дня» в критическом отделе была напечатана рецензия Ламанского на эту статью Чернышевского, в следующем номере полемику продолжил Лавровский статьей «Русские в Галиции» (продолжение в № 4, 5, 6). Чернышевский обвинялся в том, что он не знает жизни Галиции; утверждалось, будто австрийское правительство заботится о сохранении русин как национальности, а поляки их уничтожали; одновременно доказывалось, что малороссийского языка не существует и т. п.

«День» неистово нападал на «нигилистов», травил революционеров, философов-материалистов, печатно донося на них. Так, в статье «Новое явление петербургского прогресса» автор, укрывшийся под псевдонимом «Не петербуржец», одобряя правительство за то, что оно не запрещает вредные издания, писал: «... в отношении к нигилизму, коммунизму, социализму, атеизму и ко всем измам: всякое запрещение этим исчисленным нами измам иметь свое выражение в литературе было бы равносильно прямому и положительному покровительству или защите, потому что предохранило бы их от всякого честного нападения. Попробуйте тогда напасть на какого-нибудь материалиста: он, продолжая проводить свои идеи всякими косвенными путями, сейчас заклеймит нападающего обвинением в доносе» (1862, № 50, стр. 2). Позже подобный же неблагоприятный прием, граничащий с прямым доносом, И. С. Аксаков применял и против либеральных изданий. В одной из статей, говоря об А. И. Герцене и М. А. Бакунине как о «польских агитаторах», И. С. Аксаков тут же назвал издателя газеты «Голос» А. А. Краевского, якобы сочувствующего полякам: «Мы, конечно, не решились бы поставить имя Краевского рядом с Бакуниным и Лангевичем, если бы не были убеждены, что для г. Краевского такое сопоставление совершенно безвредно» (1863, № 23, «Смесь», стр. 14). Возможно, что именно после та-

кого указания Аксакова цензура в отчете о направлении изданий в 1863 г. отметила, что «Голос» Краевского с августа месяца вдруг, переменял тон и стал сочувствовать восстанию.⁸

В то же время Аксаков стал более умело и замаскированно вести пропаганду религии, нежели это делалось раньше в славянофильских изданиях, безоговорочно защищавших монахов и самые нелепые ритуальные обряды. Так, например, с целью усиления влияния церкви «День» предлагал всем семинаристам, прежде чем получить приход, поработать года два сельскими учителями (1861, № 8).

Газета И. С. Аксакова продолжала полемику с катковскими изданиями, но по второстепенным вопросам, так как суть выступлений «Московских ведомостей» и «Дня» была одинакова: разница заключалась лишь в том, что Катков открыто требовал применения силы для подавления национально-освободительного движения, а Аксаков маскировал свои намерения туманными рассуждениями о борьбе «духа полонизма» с русским духом (см. передовые статьи в № 12, 36 и др. за 1863 г.). Но эти различия существовали лишь до польского восстания 1863 г. После него оба органа стали проповедовать (один открыто, другой замаскированно) насильственную русификацию «кинородцев» (см. передовые «Дня» в № 28, 29, 35, 36, 37, 41, 47, 51 за 1863 г.). И. С. Аксаков утверждал, что надо сначала подавить восстание, а там будет видно, что делать, и тут же добавлял: «Впрочем, мы никогда не предполагали и не предполагаем, чтобы можно было тотчас же приступить к осуществлению мысли о политической самостоятельности Польши» (1863, № 35, стр. 1). Итак, как только нужно было не теоретически «даровать» политическую самостоятельность славянам, а практически, сразу же обнаружили расхождения между словами и делами славянофилов. Мало того, «День» не раз делал строгие внушения тем славянским изданиям, которые не придерживались точки зрения газеты: выговоры чешским публицистам за «неправильное» решение польского вопроса имеются в «Славянском отделе» «Дня» в № 14, 17 и 38 за 1863 г.

И. С. Аксаков старался подчеркнуть, будто он «независимый» публицист и придворного поэта из него не сделают. Действительно, «День» иногда вступал в конфликты с цензурой, а с июня по сентябрь 1862 г. был приостановлен, и Аксаков отстранен от редактирования.⁹ Если цензура не пропускала в печать статьи Аксакова, он на их месте помещал объявление в рамке: передовая статья от такого-то числа не вышла по независящим от редакции обстоятельствам (см., например, № 25 за 1862 г.). Эти заявления Аксакова и цензурные преследования способствовали распространению мнения, будто «День» — действительно независимый, оппозиционный орган. Герцен, например, уже во время польского восстания обращался к Аксакову с увещаниями, отделив его от М. Н. Каткова, надеясь на то, что Аксакова можно переубедить. Но вскоре Герцен понимает свое заблуждение и печатает в «Дне» резкое письмо, уличающее Аксакова в намеренном искажении фактов и в том, что он действует в интересах правительства и с его благословения. «Я уверен, — пишет Герцен, — что вы не решились бы воспользоваться начальническим разрешением обвинять нас, не испросив предварительно дозволения напечатать наш ответ» (1863, № 25, стр. 2). Как показывают архивные документы, причины цензурных репрессий были не столько политического, сколько этического порядка. Приостановка

⁸ ЦГИА СССР, ф. 774, оп. 1, д. 12 (начато 16 января 1864 г.), лл. 140—142.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 773, оп. 1, д. 116 (начато 15 мая 1862 г.).

«Дня» и отстранение Аксакова от редактирования было вызвано тем, что он отказался сообщить по запросу цензурного комитета фамилию автора статьи «Очерк местного православного духовенства» из одного провинциального города Западной России, подписанный псевдонимом «К-ъ» (1862, № 31), и за «нарушение цензурных правил» (по правилам редакторы были обязаны раскрывать авторство) «День» приостановили на 6 месяцев. Однако после хлопот Аксакова через три месяца «День» стал выходить снова.¹⁰ А в № 41 появилось объявление, что с 1863 г. И. С. Аксаков вновь станет редактором. Дело в том, что 1 октября 1862 г. он обратился к царю с просьбой разрешить ему официально редактировать газету и получил положительный ответ.¹¹ Мотивы такого отношения к фрондирующему редактору станут понятны, если обратиться к некоторым архивным делам.

Распространению мнения, что И. С. Аксаков — независимый публицист, способствовали печатавшиеся иногда на страницах газеты статьи его противников. Так, например, в № 20 за 1862 г. была опубликована статья «Два голоса из Белоруссии», в которой газета критиковалась с явно «неблагонамеренных» позиций. Как она попала в «День»? Оказывается, московский цензурный комитет представил в Главное управление цензуры рукопись статьи, приложив к ней замечания на статью от редакции. Царь лично разрешил статью к печати, «за исключением мест, означенных голубыми чернилами».¹² Подобное же разрешение (но уже не царя, а министра народного просвещения) имеется на статью польского публициста Грабовского. Вот этот документ: «Из редакции „Дня“ представлена статья польского писателя Грабовского под заглавием „Польский вопрос“, в которой автор отстаивает отвергаемые русскими писателями права польской народности в Литве, Волыни, Подолии, Украине, Белоруссии и Червоной Руси. Статья эта, за силою 5 пункта IV отделения особого наставления цензорам, не могла бы быть допущена к печати, но, принимая во внимание и уважение: 1. что статья Грабовского обнародывается с тою целью, чтобы печатать на нее возражения, которые, по удостоверению заведывающего редакцию „Дня“, уже приготовлены г. Елагиным, 2. что „День“ неоднократно вызывал польских писателей перенести вопрос из практики в область литературы и попытаться разрешить его в теории путем науки, вследствие чего и прежде появлялись в печати статьи самого Грабовского, Юзефовича, Елагина, Мельгунова и проч., 3. что „День“, как известно, есть единственный орган русской журналистики, постоянно и горячо восстающий против национально-польской пропаганды в Западном крае — я, согласно заключению цензурного комитета, полагаю бы в уважение вышеприведенных исключительных обстоятельств, дозволить статью Грабовского, написанную вообще довольно спокойно и умеренно».¹³

Этот документ раскрывает истинные мотивы, по которым редакция «Дня» просила разрешения напечатать статью и которые цензура вполне разделяла: чтобы тут же опубликовать возражения, заранее подготовленные. Появление на страницах газеты статей ее противников придавало «Дню» репутацию смелого и независимого органа, и одно-

¹⁰ 2 июня вышел № 34, а 1 сентября — № 35. В нем говорилось: «После трехмесячного перерыва, возобновляя беседу с читателем, „День“ заявляет., что с передачей редакции одному из сотрудников „Дня“ программа издания и воззрения редакции ни в чем не изменились» (стр. 1). Редакция была передана Ю. Ф. Самарину.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 773, оп. 1, д. 116, л. 92.

¹² Там же, ф. 772, оп. 8, д. 67 (начато 17 февраля 1862 г.), л. 2.

¹³ Там же, ф. 773, оп. 1, д. 325 (начато 9 ноября 1862 г.), лл. 1—2.

временно аргументы «Дня» приобретали больший вес, ибо создавалась видимость честного спора. Но надо заметить, что Грабовский был шляхтичем и высказывал шовинистические идеи. Объект критики был таков, что его не представляло труда разбить, а статьи польских революционеров-демократов в газете «День» не печатались. Кроме того, этот спор вводил читателей из области практики в область теории, позволяя (хотя бы на словах) кое с чем и согласиться, что, собственно, и делал Аксаков.

Не лишено основания также предположение, что многочисленные «голоса» из разных областей страны иногда были фиктивными; тот же Елагин помещал в «Дне» материалы за подписью «голос из Литвы» хотя, по-видимому, находился не в Литве, а на Спиридоновке в Москве, где размещалась редакция газеты, иначе он не мог бы заранее подготавливать опровержения на статьи, еще не опубликованные. С. А. Никитин раскрывает «источники» корреспонденций: «Материалы славянского отдела, существовавшего в „С.-Петербургских ведомостях“, стали передаваться „Дню“. Это делалось по непосредственному указанию директора Азиатского департамента министерства иностранных дел Е. П. Ковалевского. Передача материалов вместо „Ведомостей“ в „День“ была санкционирована лично императором. Ковалевский позаботился снабдить „День“ не только материалами, но и сотрудниками: чиновнику министерства В. И. Ламанскому он предложил сотрудничать в газете Аксакова».¹⁴ Как фабриковались корреспонденции с Балкан, видно из письма Ламанского к Аксакову, в котором он сообщает, что сделал превосходную статью из старых донесений посланника Хитрово. Это вполне удовлетворяло редактора, который впоследствии даже пришел к выводу, что корреспонденции славян с Балкан мало ценны, так как их авторы не умеют и не знают, как и о чем надо писать. Сопоставляя отношение цензуры к «Дню», высказанное в секретных документах, приемы полемики Аксакова, источники информации, фальсификация корреспонденций, сотрудничество в газете царских чиновников, отбравших нужную правительству информацию, нельзя не прийти к выводу, что мнение об И. С. Аксакове как независимом и честно ведущем полемику публицисте ошибочно.

Шовинистические позиции редактора «Дня» окончательно проявились, когда он вместе с Катковым стал раздувать шовинистическую кампанию и требовать беспощадного уничтожения восставших поляков. Совершенно прав был М. Е. Салтыков-Щедрин, который писал, что туманные рассуждения И. С. Аксакова о борьбе русского народного «духа» с «духом» иноземным не менее вредны, чем «медно-ясные» статьи Каткова.¹⁵

В «Литературном отделе» «Дня»¹⁶ печатались стихотворения И. С. Аксакова, С. Т. Аксакова, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонского, Ф. И. Тютчева, Н. Ф. Щербины, рассказы и очерки второстепенных писателей (например, повесть Н. С. Кохайновской «Кирилла Петров и Наталья Дмитриева» — № 1—9, 1861). Этому отделу редакция уделяла явно мало внимания.

Откровенно враждебная демократии позиция газеты, как и растущий шовинизм редактора, не способствовали популярности «Дня». Ти-

¹⁴ С. А. Никитин. Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1948, т. 1, стр. 31.

¹⁵ К. Гурин. Московские письма. — «Современник», 1863, № 3, стр. 11—12.

¹⁶ С № 31 заголовок «Литературный отдел» был заменен «Общим отделом», а с № 48 и это название было снято.

раж его, превышавший вначале 5000 экземпляров, падает, и в 1865 г. И. С. Аксаков прекратил издание газеты.

В дальнейшем он предпринимал новые попытки выпускать газеты: в 1867—1868 гг. издавал ежедневную газету «**Москва**». В ней к пропаганде панславистских идей и шовинизма добавились мысли о необходимости протекционистской политики по отношению к русской промышленности и торговле, защиты их от конкуренции западноевропейских капиталистов.¹⁷ Это отразилось и на структуре газеты: в ней имелись отделы, которые существовали и в «Дне», — «Областной», «Славянский», — и новые, вызванные к жизни изменением характера материалов издания, — «Торговый и денежный рынок», «Экономический отдел»; кроме них, «Иностранный», «Правительственные распоряжения», «Телеграммы», «Судебная хроника».

Реакционность позиции И. С. Аксакова не вызывала сомнений, однако он критиковал политику правительства, проводившего, по его мнению, русификацию «инородцев», особенно поляков, недостаточно энергично. Это была критика справа, но, по введенным в 1865 г. цензурным правилам о печати, касаться правительственных видов частным лицам запрещалось, поэтому «Москва» получала предостережения и трижды приостанавливалась. Лишь убедившись в том, что благонамеренный, но строптивый редактор продолжает свои нападки, правительство закрыло газету.

Во время одной из приостановок «Москвы» И. С. Аксаков руководил газетой «**Москвич**», официальным редактором которой был П. П. Андреев. Аксаков открыто заявил в «Москвиче», что газета является продолжением «Москвы», так же оформлял издание, ввел те же отделы, печатал окончания статей, публикация которых началась в «Москве». Это демонстративное поведение фрондирующего редактора привело к запрещению «Москвича», просуществовавшего с декабря 1867 по февраль 1868 г.

В 1880-е годы Аксаков предпринял издание газеты «**Русь**» (1880—1886), выходившей два раза в месяц. Позиция издания была также националистической и враждебной демократии. Это было последнее периодическое издание уже «мертвого» славянофильства.

¹⁷ Эти вопросы подробно разрабатывались и в газете «Акционер», выходившей в 1863 г. в качестве приложения к газете «День» (еженедельно).

„Русский вестник“ и „Московские ведомости“

Виднейшими органами антидемократической журналистики в 1860—1870-х годах были издания М. Н. Каткова — журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости».

М. Н. Катков (1818—1887) родился в Москве, в небогатой чиновничьей семье, учился в Московском университете и в молодые годы был знаком с кружком Н. В. Станкевича, а несколько позднее — с В. Г. Белинским и его окружением. В 1838—1841 гг. Катков сотрудничал в «Московском наблюдателе», «Отечественных записках» и «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» как переводчик и рецензент. Несмотря на личное знакомство с Белинским и его друзьями, Катков был среди них чужим человеком. Белинский писал, что Катков «как-то не вошел в наш круг, а пристал к нему».¹ Если до поездки за границу (1840—1842) Катков пользовался некоторым личным расположением Белинского, видевшего в нем талантливое литературное дарование, то позднее отношение Белинского к Каткову стало более чем прохладным. «Это Хлестаков в немецком вкусе... пузырь, надутый самолюбием и готовый ежеминутно лопнуть»,² — отзывался о нем Белинский.

С 1845 г. Катков преподает логику и психологию в Московском университете. Когда в 1850 г. кафедра философии была закрыта, Катков перешел на заведование редакцией университетской газеты «Московские ведомости» и одновременно начал службу при министерстве народного просвещения чиновником особых поручений. Это были еще не те «Московские ведомости», которые стяжали Каткову громкую и скандальную славу «публичного мужчины всея России».³ Университетская газета той поры печатала в основном официальные материалы, связанные с жизнью университета, книжные обзоры и объявления. Катков несколько оживил это издание, привлек к сотрудничеству профессоров, ввел постоянный литературный отдел. Но для Каткова, честолюбивого, обладавшего бойким литературным слогом и организаторскими способностями, были тесны рамки университетской газеты. В 1855 г. он подает министру народного просвещения прошение на издание нового журнала. После длительных бюрократических проволочек такое разрешение было получено.

В объявлении об издании «Русского вестника» сообщалось, что сотрудниками нового журнала будут С. Т. Аксаков, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, М. Л. Михайлов, Н. П. Огарев, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Я. П. Полонский, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13 томах, т. 12. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 12.

² В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Л., 1929, стр. 109.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 18. М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 418.

другие менее известные писатели, а также ведущие историки, публицисты, экономисты и литературные критики той поры — всего около ста имен. Сотрудниками Каткова «по редакции» были названы Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев, П. М. Леонтьев.

С января 1856 по декабрь 1860 г. включительно «Русский вестник» выходил 2 раза в месяц. Четыре номера объединялись в том (6 томов в год). Нумерация томов велась от начала издания. С 1861 г. «Русский вестник» стал ежемесячником. Каждый номер состоял из двух отделов: научно-литературного и хроникально-политического («Современная летопись»). В первом помещались статьи на исторические, экономические, политические и, сравнительно редко, литературные темы, здесь же публиковались беллетристические произведения. В «Современной летописи», имевшей свой титульный лист и свою пагинацию, печатались политические новости, внутренние известия, рецензии на исторические, естественнонаучные и, реже, художественные сочинения, а также «смесь».

В первые годы издания «Русский вестник» приобрел довольно широкий круг подписчиков. Почти все названные выше писатели печатались на его страницах. И это в значительной мере определяло успех журнала. В «Русском вестнике» были опубликованы «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, несколько позднее — произведения Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, В. С. Курочкина, М. Вовчок, Д. Д. Минаева, А. Н. Плещеева, П. И. Мельникова-Печерского, А. А. Фета и др. Некоторые из этих писателей порвали с Катковым на рубеже 60-х годов, другие же оставались сотрудниками беллетристического отдела журнала длительное время.

Значение «Русского вестника» определялось не столько его литературно-художественным содержанием, сколько открыто политическим. Это подчеркивал и Катков. В объявлении об издании он писал, что «Русский вестник», «будучи журналом учено-литературным, как и все прочие выходящие у нас журналы, есть вместе с тем издание *политическое*, что придает ему особенную важность в настоящее время, когда всеобщее внимание обращено на события политические».

«Русский вестник» выступил за отмену крепостного права, видя в нем главный тормоз экономического, политического и нравственного развития России. На страницах журнала можно было найти материалы, повествующие о тяжелом положении крепостного крестьянства, о помещиках-«живоглотах», о барском произволе, о трагической судьбе русских талантов, погибающих в крепостной неволе. «Добыты ли рабы с копьем в руках, как у римлян, или учреждено крепостное состояние законом самодержавной власти, как у нас, — писал А. Власовский, — то и другое в основании своем совершилось через нравственное насилие» (1858, № 23, «Совр. лет.», стр. 267). Но таких резких высказываний о крепостном праве в журнале было мало. Чаще всего авторы очерков, заметок, корреспонденций не шли дальше поверхностного либерального обличительства и призывали к отмене крепостного права отнюдь не из сочувствия к угнетенному крестьянству.

Журнал настойчиво доказывал, что крепостнические отношения в деревне являются серьезным препятствием для введения «рациональной» системы земледелия — такой системы, которая давала бы помещику значительную долю дешевой товарной продукции. Авторы статей, посвященных крестьянскому вопросу, — Д. Д. Неелов, В. П. Безобразов, Г. де Молинари, Э. Р. Циммерман — прямо указывали, что предстоящая реформа должна отвечать интересам помещиков («землевладельцев») и должна быть делом самих помещиков. А самое главное — реформа

нужна для предупреждения возможной в России революции. Уроки истории, доказывает журнал, поучительны: остатки феодальных привилегий во Франции привели к революции 1789 г., крепостная зависимость в Австрии — к революции 1848—1849 гг. Журнал советует правительству «всегда держать двери открытыми к новым компромиссам» (1857, № 11, стр. 282). Помещик С. Иванов, из опасения «неизвестного будущего», публично, на страницах журнала, еще до объявления высочайших рескриптов, дал согласие на «изменения экономических условий труда» — «лишь бы они происходили постепенно, без нарушения прав частных лиц, без волнения и насилия» (1857, № 12, «Совр. лет.», стр. 311). Сотрудник «Русского вестника» Г. де Молилари писал: «Единственное средство уничтожить все попытки революционеров и лишить социалистов всякого значения состоит в постепенном развитии различных экономических реформ» (1859, № 17, стр. 3).

После опубликования официальных рескриптов о предстоящей реформе редакция «Русского вестника» создает специальный отдел «Крестьянский вопрос», но по сути дела обсуждение проекта реформы шло во всех номерах и почти в каждой статье. Журнал доказывал, что освободить крестьянина без земли было бы невыгодно и для помещика, и для государства. Обезземеленный мужик не захочет работать на чужой земле и общество таким образом лишится производителя материальных благ. О том, чтобы отдать землю крестьянам безвозмездно, не могло быть и речи: авторы всех статей были решительными защитниками частной собственности. Они предлагали освободить крестьянина с земельным наделом за выкуп — денежный, товарный или отработочный. Посредником между помещиками и крестьянами в определении надела и выкупа могло быть государство. На тот случай, если крестьяне откажутся платить за землю, «Русский вестник» предусматривал принудительный выкуп. «Законодательство, — писал Катков, — непременно найдет сильные принудительные меры против крестьянина, который должен и может, но не хочет платить» (1858, № 7, «Совр. лет.», стр. 250).

В связи с тем, что крестьянин после освобождения и выкупа земли становился лично свободным и мог иметь частную собственность, вставал вопрос о дальнейшем существовании крестьянской общины. Катков и его сотрудники понимали, что община задерживает развитие «свободных» (капиталистических) отношений, поэтому некоторые из них, да и сам Катков, были решительно против того, чтобы связывать крестьянина «средствами и решением общины». По вопросу о судьбах русской общины журнал вел ожесточенную полемику со славянофильской «Русской беседой». Однако, выступая против общинного землевладения, «Русский вестник» метил не только в славянофилов. Как известно, с общиной связывали дальнейшие судьбы русского народа и революционные демократы. Конечно, революционно-демократическое понимание общины было принципиально иным, нежели славянофильское, тем более оно не могло не встретить яростной критики со стороны катковского лагеря. Катков выступал, по его словам, против «грубого коммунизма» в общинном землевладении сейчас («он мешает развитию собственности и личности») и против общинного землевладения в будущем (оно связано с нереальными, вредными и опасными «представлениями à la Fourquier») (1858, № 17, стр. 186—187).

Однако совсем отказаться от общины Катков не считал возможным — и потому, что высочайшие рескрипты предписывали ее сохранение, и потому, что он сам понимал: русская община в том виде, в каком она существовала в ту пору, имела определенное консервативно-полити-

ческое значение. «Русский вестник» предлагал сохранить общину в политическом, административном и экономическом отношениях. Земля, по мнению журнала, останется в собственности общины, но владение землей будет частным. Община должна быть большой — не менее 5000 душ, чтобы иметь хорошие средства для поддержания школы, больницы, а впоследствии времени и тюрьмы» (там же, стр. 220). Такая община, по мнению Каткова и его единомышленников, имела важное достоинство — перед нею исчезали «все ужасы коммунизма», в ней было спасение от тех катастроф, которые потрясают Европу, преимущественно Францию (там же, стр. 233).

С отменой крепостного права помещики самой жизнью втягивались в экономические отношения, требовавшие энергии, предприимчивости, знаний. «Вместе с крепостным вопросом, — отмечал Катков, — решается нынче вопрос о будущем политическом значении сословия землевладельцев» (1858, № 7, «Совр. лет.», стр. 250). Журнал призывал дворянство, особенно помещиков, создавать на принадлежащей им земле «рациональные» хозяйства — с использованием машин, удобрений, правильного севооборота, мелиорации и дренажа, постоянно печатал материалы, содержащие практические советы, таблицы, расчеты, статистические данные, вел обширную деловую переписку с крупными помещиками и управляющими больших поместий. В журнале, а также в особых приложениях к нему, печатались статьи о сельском хозяйстве в Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, Североамериканских штатах.

«Русский вестник» доказывал помещикам, что им выгодно строить фабрики и заводы, вкладывать капиталы в постройку железных дорог, прокладку каналов. В специальном отделе «Современной летописи» давалась подробная информация о новых фабриках, об открытии пароводного сообщения по крупнейшим русским рекам, Черному и Балтийскому морям. Новый специальный отдел «Нужды и желания промышленности» давал практические советы по организации транспортного и промышленного дела. Многочисленные статьи о банках, акционерных обществах, о финансовой системе вообще, подробная информация о состоянии кредита за рубежом — все было направлено к тому, чтобы заинтересовать владельцев капитала и земли в наиболее выгодном использовании денежных и материальных ценностей. Ратуя за развитие внутренней и внешней торговли, «Русский вестник» призывал помещиков к максимальному увеличению товарности сельскохозяйственного производства, выступал за снижение и даже ликвидацию пошлин, предлагал организовать посредническую компанию с капиталом в 10 млн. рублей для оживления торговли между Россией и Западной Европой. Авторы большого количества статей доказывали выгоду торговли с Англией, Японией, Китаем.

Политическим идеалом «Русского вестника» дореформенной поры была конституционная монархия. В монархизме Катков и его сотрудники видели основу «истинной свободы» и верное средство против революции. «Монархическое начало, — писал Катков, — не только не исключает свободы, но, напротив, одно без другого, в истинном своем значении, существовать не может. Необходимо нужно, чтобы была единая власть над народом, и только единая власть может быть надежным и верным обеспечением свободы» (1859, № 8, «Совр. лет.», стр. 406). «Наследственная монархия, — сочувственно цитирует журнал мемуары Гизо, — превратившаяся в монархию конституционную, включает в себе все условия прочности и представляется надежным поприщем для примирения сословий и партий» (1858, № 11, стр. 325).

В качестве идеального государства Каткову и его единомышленникам по журналу представлялась современная им Англия. Неизменно, из номера в номер, многочисленные статьи, заметки, очерки и даже романы расхваливали английскую парламентарную систему, английское самоуправление, судопроизводство, промышленность и сельское хозяйство. По мнению журнала, в Англии все достойно похвалы и подражания, даже пауперизм не казался отрицательной чертой английской жизни. Англомания Каткова была навязчивой, пошлой, доходила «до отвратительного» (А. И. Герцен). «Русский вестник» в насмешку называли «Вестминстерским вестником» и даже «Англоклозетом». ⁴ Катковская англомания была неприглядной еще и потому, что настоящей английской политической жизни Катков и большая часть его сотрудников не знали, представляли ее лишь по тенденциозным литературным источникам. «Англия дойдет до демократии, не делая революции... — писал Г. А. Вызинский. — Она дойдет до демократии мирно, постепенно, мало-помалу, и — главное дело — не теряя свободы, не теряя монархии и даже аристократии» (1858, № 7, стр. 343). В развитии «демократии» по английскому образцу Катков и его сотрудники по журналу видели противодействие развитию «демократии» на французский манер — с ее радикализмом, революциями, узурпаторами. Французская история, государственная система, политическая жизнь, судопроизводство — все подвергалось на страницах «Русского вестника» постоянной, назойливой, подчас даже злобной критике. В многочисленных статьях, противопоставлявших Англию и Францию, речь шла по сути дела не столько об этих государствах, сколько о двух возможных путях развития России в самом непосредственном будущем.

С 1861 г. «Современная летопись» была отделена от «Русского вестника» и стала еженедельником — воскресным приложением к журналу. Грабительскую реформу оба катковских издания встретили восторженно, приветствуя ее на свой манер: «Начало свободы, которое было главной движущей силой новейшей истории, перестало быть пугалом, грозой, тревогой и смутой. Оно все более и более становится началом консервативным, в истинном и лучшем смысле этого слова» («Совр. лет.», 1861, № 1, стр. 14). Но чем выше поднималась и шире разливалась волна всенародного возмущения, тем тусклее становились краски катковского либерализма.

В период острой политической ситуации 1862 г. Катков выступает в «Русском вестнике» с программной статьей «К какой мы принадлежим партии?» (№ 2, стр. 832—844). В ней он безапелляционно заявляет, что Россия еще не подготовлена к политической жизни, следовательно, у нее не было политической истории и нет партий, а те партии, которые все-таки существуют, не имеют смысла. Вот почему «внепартийная» позиция представляется ему единственно правильной и по-настоящему «прогрессивной». Но, декларируя свою «внепартийность», Катков тем не менее утверждает, что истинно прогрессивное направление должно быть консервативным — «держаться тех начал, на которых основано общество» (там же, стр. 839). Такая позиция означала поддержку самодержавия, согласие с политикой правительства, расстреливавшего мужиков, обманутых куцой реформой.

«Русский вестник» никогда не был «внепартийным» в борьбе с революционной демократией. В остром споре Н. Г. Чернышевского с профессором-богословом П. Д. Юркевичем — теоретическом споре, имевшем,

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 27, кн. 1, стр. 89, 209.

однако, конкретное практически политическое значение — катковский журнал активно защищал идеалистические, фидеистские, охранительные позиции.⁵ Политическим доносом на Чернышевского и его сторонников была статья Каткова «Виды на entente cordiale с „Современником“» (1861, № 8). Ведущие сотрудники органа передовой демократической мысли открыто объявлялись врагами существующего порядка, пропагандистами революционного насилия, зло и пошло высмеивались их предположения о будущем социалистическом обществе.

Катковская статья «К какой мы принадлежим партии?» — лицемерная по содержанию, менторская по тону — возмутила Герцена. Он ответил статьей «Сенаторам и тайным советникам журнализма» («Колокол», 1862, № 130), в которой дал блестящую и убийственную характеристику Каткову и его приспешникам — самодовольным «педелям», свысока поучающим русскую молодежь держаться подальше от политики. Убедительно доказывая, что в России есть политическая жизнь и, следовательно, политические партии, Герцен вновь напомнил о деятельности Н. В. Станкевича и В. Г. Белинского, о выступлениях М. А. Бакунина и декабристов, о трагической судьбе М. Л. Михайлова и В. А. Обручева, только что отправленных на каторгу. Катков, трусливо прятаясь за ширмой «внепартийности» и пытавшийся бросить тень на славных борцов за народное дело, получил публичную пощечину. Обиженный, он ответил визгливой заметкой, где, не называя Герцена по имени (публичная полемика с ним еще не была разрешена!), намекал на деятельность некоего «свободного артиста, который... сидя в безопасности за спиной лондонского полисмена, для своего развлечения посылает их [русских людей] на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью» («Совр. лет.», 1862, № 20, стр. 13). Это был подлый и бесчестный выпад.

Выступления «Русского вестника» и «Современной летописи» против Герцена и Чернышевского были инспирированы самим правительством. «Колокол» приобретал огромный авторитет, замалчивать его было уже бессмысленно. В мае 1862 г. Александр II разрешил публичную полемику с герценовскими изданиями. На страницах «Современной летописи» и «Русского вестника» началась настоящая травля Герцена. Выступления Каткова не поднимались выше уровня площадной ругани, а писания его приспешников напоминали политические доносы, в которых авторы лезли из кожи вон, доказывая свою лояльность властям предрержащим.⁶ Некоторые петербургские газеты угодливо перепечатавали антигерценовские выступления Каткова. Катков выходил «в люди» — он начинал дирижировать правительственной и либеральной прессой.

Злобные выступления катковских изданий против революционной демократии развернулись при зареве петербургских пожаров. Они выражали страх правительственного и либерального лагерей перед грядущей и, как казалось, близкой революцией. Статьи «Русского вестника» и «Современной летописи» призывали любыми средствами предотвра-

⁵ См. статьи М. Н. Каткова: редакционная — «Русский вестник», 1861, № 1; «Старые боги и новые боги» — 1861, № 2; «Одного поля ягода» — 1861, № 5; «По поводу полемических красот» — 1861, № 7.

⁶ См. катковскую «Заметку для издателей „Колокола“». — «Русский вестник», 1862, № 6, стр. 834—852. Статья была настолько гнусной, что даже некоторые враги Герцена возражали Каткову (подробнее об этом: В. П. Батурицкий и А. И. Герцен, его друзья и знакомые, т. I. СПб., 1904, стр. 176—181). Герцен отвечал Каткову в статьях: «Дурные оружия», «Письма гг. Каткову и Леонтьеву», «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей ген. Потапова» и др.

тить революционную угрозу. И когда после ареста Чернышевского некоторые либеральные журналы несколько умерили свой науськивающий тон, катковские издания с еще большим ожесточением продолжали взывать к искоренению «крамолы».⁷

Литературно-художественный отдел претерпевает те же изменения, что и другие, главные, отделы. В «Русском вестнике» были опубликованы тургеневские романы: «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», произведения Л. Н. Толстого «Семейное счастье», «Казачи», «Поликушка», «1805 год», «Анна Каренина». Ф. М. Достоевский напечатал в журнале свои романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». Умелое ведение беллетристического отдела во многом обеспечивало читательский успех «Русского вестника». Но в этом же журнале, начиная с 60-х годов и позднее, видное место заняли и «антинигилистические» романы: «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Марево» В. П. Ключникова, «На ножах» Н. С. Лескова, «Бесы» Ф. М. Достоевского. С середины 70-х годов Катков охотно печатает таких авторов, как Д. В. Аверкиев, В. Г. Авсеенко, Б. М. Маркевич, произведения которых были пасквилями на русскую демократию. В. И. Ленин, характеризуя озлобленного на демократию литератора-обывателя¹ и желая найти аналогии его произведениям, предлагал «откопать „Русский Вестник“ времен Каткова и взять оттуда романы с описанием благородных предводителей дворянства, благодушных и довольных мужичков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров».⁸

Катков вполне мог рассчитывать на признательность правящего лагеря. «Русский вестник» начал получать правительственную субсидию, цензура не разрешала критики в адрес катковских изданий, и когда Катков захотел взять в частную (и очень выгодную) аренду «Московские ведомости», он получил на это согласие. Более того, он был приглашен ко двору, обласкан царем, награжден, ему была обещана поддержка и в дальнейшем.

К 1863 г. в руках Каткова находились уже три издания — журнал «Русский вестник», газета «Московские ведомости» и еженедельник «Современная летопись». Катков единолично решал вопрос о подборе сотрудников, сам переделывал материалы в соответствии с программой журнала, пользовался поддержкой министров и самого царя — все это ставило Каткова и его продукцию в исключительное положение. В лице Каткова русская либеральная журналистика вступила в открытый союз с самодержавием. Последующие события показали, что правительство и двор не ошиблись в своих ожиданиях: они приобрели верного сторожевого пса. «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству».⁹

⁷ «Современная летопись», 1862, № 23. — Не называя имени Герцена, Катков намекает на его причастность к пожарам. Эта статья была одобрена Александром II (см. также: О нашем нигилизме. «Русский вестник», 1862, № 7). В ней Катков клеветал на передовую русскую молодежь, призывал к безжалостному истреблению «нигилизма». Как известно, Катков не был одинок в своем ожесточении против революционной демократии — правительственные репрессии поддерживал и оправдывал Кавелин. Еще в сентябре 1861 г. некоторые петербургские литераторы хотели просить об освобождении арестованного М. Л. Михайлова для этой цели в Москву выехал Чернышевский, но все дело было сорвано усилиями Каткова.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22 стр. 87.

⁹ Там же, стр. 43—44.

В январе 1863 г. началось восстание в Польше. Как отмечал Ленин, в то время это восстание приобретало «первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской».¹⁰ До 1861 г. «Русский вестник», кокетничая некоторым «вольнодумством», иногда высказывал свои симпатии к полякам и польской культуре. После 1863 г. Катков угодливо оправдывает жестокость русских войск при подавлении восстания, пытаясь представить ее лишь как справедливую месть за «варфоломеевскую ночь», якобы устроенную возмущенными поляками. «Русский вестник» обрушивается со влобными нападками на польских повстанцев, а заодно и на русских революционеров, рассматривая последних как «эmissаров польской революции». Стремясь разжечь шовинистические чувства русского читателя, Катков демагогически заявляет: «Уступить польскому патриотизму в его притязаниях — значит подписать смертный приговор русскому народу» (1863, № 1, стр. 482). Катковская газета уверяет русских солдат, что они «стоят за общенародное, русское дело», и, желая вызвать ненависть к полякам, печатает сообщения о панихидах по русским солдатам, убитым в Польше («Моск. вед.», 1863, № 53, 67). Известно, что эти панихиды были инспирированы самим правительством. Предоставление национальной независимости Польше вызвало бы, по уверениям Каткова, «утрату Россией значения великой европейской державы, превращение в полуевропейское — полуазиатское государство, каким она была до Петра Великого», значило бы «жертвовать существованием России», «отступать все далее и далее к Уральскому хребту» («Моск. вед.», 1863, № 57, 83). Это были, конечно, провокационные домыслы.

Антипольская кампания в катковских изданиях особенно усилилась после известного ультиматума европейских держав. Катков умышленно преувеличивал угрозу войны со стороны Англии, Франции и Австрии в поддержку Польши, он брался отвечать на ноты западных дипломатов, выступал против созвья международного конгресса по польскому вопросу («Моск. вед.», 1863, № 84, 101). В связи с дипломатическими нотами западных держав русское правительство инсценировало широкую кампанию в поддержку позиции Александра II. По городам и селам России начались молебны, обеды с тостами, адреса. «Русский вестник» и «Московские ведомости» принимают самое активное участие в этой кампании. На страницах этих изданий охотно перепечатываются многочисленные верноподданнические адреса, а когда для них не хватает места, выпускаются специальные прибавления (см., например, «Моск. вед.», 1863, № 82).

Шовинистический угар, раздутый официозными публицистами, захватил славянофильский «День», либеральные «Отечественные записки» и другие журналы. Даже некоторые демократически настроенные писатели поддались, как известно, антипольским настроениям.¹¹ Герцен с горьким сарказмом писал о «разношерстном стаде Каткова». Катковские издания задавали тон, они присвоили себе монопольное право быть выразителями «общественного мнения», одновременно они старались формировать это мнение. Мутная волна великодержавного шовинизма и верноподданнического холуйства, зарождению и распространению ко-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.

¹¹ С нескрываемым удовлетворением писал Катков о тургеневской подписи на листе пожертвований в пользу убитых в Польше русских солдат. — «Московские ведомости», 1863, № 80.

торой немало способствовал Катков, подняла самого Каткова и его издания до всероссийской и всевропейской известности.

С мая 1863 г. Катков начал нападать на якобы мягкую политику русского правительства в Польше. «Мы забыли о том, — писал он, — что символ государства есть меч и что государство поставлено в необходимость прибегать, в случае надобности, к строгим и даже суровым мерам» («Моск. вед.», 1863, № 128). Катков выступил с требованием «энергических мер». ¹² И не без влияния Каткова военным генерал-губернатором, призванным усмирить польское восстание, был назначен М. Н. Муравьев (Вешатель). На обеде 9 июня 1863 г., устроенном Английским клубом в Москве в честь Каткова, первый тост был провозглашен за Муравьева; «Московские ведомости» от 20 июня 1863 г. поместили восторженный панегирик кровавому усмирителю. Катковская газета начала расписывать его «подвиги» в Литве и Польше (пленение раненого З. Сераковского, расстрелы Ю. Лесневского и А. Фальковского, оскорбление жителей Варшавы и др.).

Муравьева не без оснований называли «катковским протеже». Когда некоторые деятели правительственного лагеря — министры А. М. Горчаков, П. А. Валуев, А. В. Головин, вел. князь Константин — попытались несколько урезонить Муравьева, опасаясь, что безудержный террор приведет не к усмирению, а скорее к распространению восстания, Катков встал на защиту муравьевской политики. Более того, он развернул в своих изданиях и особенно в «Московских ведомостях» широкую критику «константиновцев» и, как известно, достиг успеха: великий князь был отставлен от должности наместника и главнокомандующего войсками в Польше.

Наступило время, когда русской политикой фактически заправляли «два Михаила»: Муравьев и Катков, или, как писал Герцен, «вешатель и его ритор». ¹³ Журналы и газеты, осмеливавшиеся выступить против Каткова, подвергались репрессиям. За Катковым, как признавали его же приспешники, «стояла государственная сила и не могла не стоять, ибо ее-то он и был проповедником и поборником». ¹⁴ Теперь, на вершине своей дурно пахнувшей славы, «Московские ведомости» (т. е. Катков) мечтали, по словам современников, «о разделении власти между собой и правительством: ему предоставляют они пока вещественную, а себе умственную диктатуру». ¹⁵

Такое «разделение власти» вполне устраивало правительство, но только до тех пор, пока существовала революционная опасность. Когда же польские повстанцы были разгромлены, Чернышевский отправлен в Сибирь, крестьянские волнения потоплены в крови, правительство, до того поощрявшее каннибальские заклинания Каткова, решило несколько приглушить его голос, ибо теперь это был уже компрометирующий союзник. В октябре 1864 г. Совет по делам печати, выполняя поручение министра внутренних дел Валуева, составил записку о «Московских ведомостях». В ней признавались заслуги катковских изданий перед «царем и отечеством», но высказывались и упреки за критику правительства, в частности «константиновцев». Попытки Валуева лично договориться

¹² Катковское требование перепугало некоторых околовластных деятелей. А. В. Никитенко предлагал московскому цензурному комитету «воздерживаться и беспардонные порывы Каткова» (Дневник, т. 2. Л., 1955, стр. 355).

¹³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 18, стр. 294.

¹⁴ Н. Любимов. Михаил Никифорович Катков. — «Русский вестник», 1888, № 1, стр. 14.

¹⁵ А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, стр. 483.

с Катковым о некотором «смягчении» курса закончились неудачей. Катков не только не смирился, но потребовал полного освобождения «Московских ведомостей» от цензуры, пригрозив в противном случае отказаться от издания. Это был характерный для Каткова прием — он хотел быть правее самого правительства. Александр II высоко ценил «заслуги» Каткова, не хотел с ним ссориться, Каткова поддержала реакционная профессура Московского университета, московское дворянство — и министру народного просвещения Головнину, более всех не ладившему с Катковым, пришлось уйти в отставку, а другим «константиновцам» отступить. Правда, от цензуры «Московские ведомости» освобождены не были, но Совет министров особым решением, за подписью Александра II, обязал Валуева оказывать катковской газете «возможное облегчение в применении цензурных правил». ¹⁶ Создалась ситуация, которую довольно точно определил А. В. Никитенко: «Правительству, особенно в известных обстоятельствах, бывают нужны цепные собаки, как Муравьев и Катков. Оно и спустило их с цепи, а теперь не знает, как их унять». ¹⁷ Но либеральствующим деятелям не пришлось унимать Каткова — Катков сам понял: за «лихолетьем» 1862—1863 гг. снова пришла пора кое-каких правительственных уступок. Во время проведения земской и судебной реформ в катковских изданиях печатались рекомендации — ориентироваться на английские порядки, перестроить сельское хозяйство «по образцу английской земледельческой промышленности». Катков даже поддержал адрес московского дворянства, представленный Александру II 11 января 1865 г., о созыве «общего собрания выборных людей». Дворянско-аристократический характер этого адреса был созвучен голосу «Московских ведомостей», провозглашавших русское дворянство «решающей экономической силой» и «политической душой народа» («Моск. вед.», 1865, № 14).

Несмотря на все эти либеральные «пошатывания», катковские издания оставались печатной трибуной самой оголтелой реакции. «Московские ведомости» по-прежнему поносили Герцена и «герценистов», обвиняя их в преднамеренном «поджигательстве». Катков по-прежнему печатал клеветнические материалы о враждебных ему журналах, в частности о «Современнике», обвиняя последний в получении «тайных правительственных субсидий». В катковских изданиях даже проповедовалась идея необходимости телесных наказаний («Моск. вед.», 1865, № 161).

Каракозовский выстрел и последовавшая за ним реакция вдохнули новые силы в катковские издания. Катков призывает к мести, к новым жестокостям, к истреблению «корней злодеяния». «Русский вестник» и «Московские ведомости» снова заговорили инквизиторским языком, от которого еще не успели отвыкнуть. Назначение Муравьева-Вешателя председателем следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова было встречено с восторгом, с провокационной целью было заявлено, что покушавшийся — поляк, по имени Ольховский. После 1866 г. Катков начал снова входить в силу. В герценовских словах о Каткове, как о «светиле, идущем на затмение Комиссарова», как о «втором Борисе Годунове», было много насмешки и сарказма, но не было и преувеличения. Катков и его издания действительно многое сделали для поддержки правительственного курса. Наступление реакции после 4 апреля Герцен определил словом «катковщина». ¹⁸

¹⁶ Дневник П. А. Валуева, т. 2. М., 1961, стр. 443.

¹⁷ А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, стр. 374, 395.

¹⁸ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 19, стр. 76, 68.

В 1866 г. Александр II еще раз показал, что его власть не может существовать без поддержки «деятелей» катковского типа. Весной этого года разногласия между Катковым и министром Валуевым настолько усилились, что «Московские ведомости» получили за выступления против Валуева три предупреждения подряд и были приостановлены на два месяца. Катков демонстративно отказался от издания. Александр II был поставлен перед выбором: Катков или Валуев. И царь пошел на уступки Каткову — до истечения срока он был прощен, вновь возглавил «Московские ведомости», московское дворянство устроило в честь Каткова торжественный обед. Валуев был посрамлен и уже никогда не выступал против могущественного придворного публициста.¹⁹

Передовые «Московских ведомостей», вышедшие после шестинедельного перерыва, были панегириками неограниченной самодержавной власти. Монархизм возводился в непререкаемый принцип. Воли народа не существует — есть только служение царю, воля которого «есть источник всякого права, всякой власти и всякого движения в государственной жизни» («Моск. вед.», 1866, № 151). Всякая попытка национальных окраин России выступить в защиту своей независимости встречала яростный отпор. Демагогически играя на антинемецких настроениях, катковские издания ратовали за насильственную русификацию Прибалтийского края.²⁰ На состоявшемся в Москве славянском съезде (август 1867 г.) Катков и его единомышленники сделали все от них зависящее, чтобы подвести под закономерное, исторически оправданное стремление славянских народов к единству реакционную доктрину панславизма, используемую российским самодержавием для распространения своего влияния на славянский мир. В 1868 г., при поддержке нового министра народного просвещения Д. А. Толстого (он же обер-прокурор Синода), был открыт «катковский лицей» — учебное заведение, которое должно было продемонстрировать консервативную силу классического образования. В 1871 г. катковские издания поддерживают реакционнейший закон о судопроизводстве по политическим делам. С середины 70-х годов Катков активно выступает против суда присяжных, в 1878—1879 гг. он требует жестокой расправы с революционными народниками. «Московские ведомости» доходят до того, что приветствуют избивание московских студентов мясниками Охотного ряда (апрель 1878 г.). Катков считает теперь, что даже либеральное движение в России — половинчатое, компромиссное, трусливое и двуличное — представляет серьезную опасность для самодержавия, во всяком случае не меньшую, чем движение революционное.

В деле каракозовцев было свидетельское показание о том, что Каткова хотели отравить крысиным ядом — так велика была ненависть радикально настроенных кругов к этому публицисту. Но Катков начинает терять голос и без крысиного яда. Несмотря на все усилия реакции, Россия шла ко второму демократическому подъему. Популярность Каткова падает, «Московские ведомости» теряют подписчиков. Злобные выходки Каткова были судорожными попытками любой ценой удержаться «наверху», сохранить расположение двора, доказать, что он, Катков, еще может пригодиться. И он действительно пригодился, но

¹⁹ О всеилии катковских изданий в ту пору, о том, что правительство не осмеливалось одернуть «Московские ведомости», опасаясь что это вызовет в Москве «нечто вроде бунта», писал А. В. Никитенко (Дневник, т. 3, стр. 21).

²⁰ Подробнее см.: С. Г. Исаков. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. Гарту, 1961.

уже не Александру II, а его наследнику. Бомба, брошенная в царя 1 марта 1881 г., вновь подняла акции катковских изданий. Катков был призван для составления известного манифеста 29 апреля 1881 г. «Московские ведомости» приветствовали назначение Д. А. Толстого министром внутренних дел, восторженно встретили приход к власти мракобеса К. П. Победоносцева. По свидетельству Н. В. Шелгунова, новый царь правил вместе с «кликлой из Толстого, Каткова, Победоносцева».²¹

«Московские ведомости» выступают против какой-либо формы самоуправления, против земств, суда присяжных, не говоря уже о «земском соборе». Детищем Каткова был новый университетский устав 1884 г., превращавший высшую школу в казарму. Махровым цветом распущилась на страницах «Московских ведомостей» официальная народность.

Катковские издания начинают всячески превозносить «попечительную» политику самодержавия, распространять миф о надсословном характере царской власти. Выступая по поводу суда над участниками морозовской стачки (1885), «Московские ведомости» требуют, чтобы правительство запретило штрафы и фабричные лавки, вызвавшие возмущение рабочих. Но не заботой о морозовских ткачах было продиктовано это требование. Катков видел, что в России рождается «рабочий вопрос», и, как опытный демагог, он требовал, чтобы при решении этого «вопроса» правительство умело применяло политику «кнута и пряника». Тот же Катков со злобой встретил оправдательный приговор участникам стачки.

«Русский вестник» не имел сотрудников, которые могли бы вести литературно-критическую часть журнала на таком же уровне, как, например, велась она в «Современнике» или в «Отечественных записках». Вскоре после начала издания «Русского вестника» умер П. Н. Кудрявцев, а Е. Ф. Корш ушел из редакции из-за разногласий с Катковым (он был категорически против того, чтобы Катков вел политический отдел). Как только ясно обозначились либерально-монархические симпатии Каткова и его враждебность «Современнику», отказались от сотрудничества Н. М. Сатин и А. Н. Пыпин. Пытался писать литературно-критические статьи и сам Катков, но ему это удавалось плохо. Изредка писали П. В. Анненков и В. П. Боткин.

Постоянного литературно-критического отдела «Русский вестник» не имел. В «Современной летописи» (далеко не в каждом номере) помещались лишь краткие рецензии на новые книги, главным образом по истории, политэкономии, естественным наукам. Предпочтение отдавалось книгам, которые защищали идею «сильной» власти, трактовали о пользе «вольнонаемного» труда, помогали вести «рациональное» хозяйство. Изредка печатались обзоры книг по истории искусства — с неизменной идеализацией античности, очень редко — краткие отклики на произведения художественной литературы. В журнале иногда печатались статьи историко-литературного характера. Так, например, с малоизвестными фактами из истории русского просветительства XVIII в. знакомили читателя статьи М. Н. Лонгинова (1857, № 19; 1858, № 4 и 12). О юношеских драмах Лермонтова шла речь в статьях С. Шестакова, пытавшегося приписать поэту «мрачный взгляд» на человеческую природу (1857, № 10 и 11). О западноевропейских прототипах Печорина, об автобиографизме этого образа писал А. Д. Галахов (1858, № 13, 14, 15).

²¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 27.

Поверхностной и путаной была катковская статья о Пушкине (1856, № 1 и 2). Ее содержание сводилось, главным образом, к утверждению, что «искусство должно иметь свою внутреннюю цель» и не зависеть от «посторонних требований» и что пушкинские стихи о «тупой черни» («Чернь», «Поэт», «Поэту») выражают презрительное отношение Пушкина к «непросвещенному и бессмысленному народу». Катковская статья резко расхохоталась с революционно-демократической трактовкой общих целей искусства, Катков пытался лишить великого поэта такой органически присущей ему черты, как подлинная и глубокая демократичность.

Среди немногих выступлений «Русского вестника» по поводу произведений современной литературы может быть упомянута статья Анненкова о «Дворянском гнезде» (1859, № 16). Анненков считал, что роман Тургенева подводил определенную черту в развитии образа главного героя русской литературы («лишнего человека») и что теперь романист должен идти дальше, так как нужен герой действия, а не «безвыходного положения». Но каков же этот новый герой — Анненков умалчивает. Да оно и понятно почему: когда Россия шла к революционной ситуации, таким героем мог быть только герой революционного действия.

Если в дореформенную пору литературно-критическая часть «Русского вестника» была вялой и малосодержательной, то после реформы она еще больше поблекла. Постоянного литературно-критического отдела в журнале не было по-прежнему. Его подменяли те же краткие библиографические обзоры. Отбор литературы для таких обзоров соответствовал политической программе журнала. Изредка появлялись литературно-критические статьи резко выраженного «антинигилистического» направления. Для примера можно было бы указать на две статьи Каткова, связанные с полемикой вокруг тургеневского романа «Отцы и дети»: «Роман Тургенева и его критики» (1862, № 5) и «О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева» (1862, № 7). В этих статьях Катков не скупится на похвалы тургеневскому таланту, но не скупится он и на злобные выпады против «русского нигилизма», против Базарова. Катков пытается принизить общественное значение «нигилизма», представить его лишь «каплей яда». Противоядие против него он усматривает в «развитии нормальных положительных идеалов общественной жизни», «нормальных» для Каткова, т. е. либерально-монархических. Не в силах отнять у Базарова его положительных качеств — ума, воли, трудолюбия, — Катков пытается приписать ему «безнравственность помыслов и поступков». Эта черта, вынужден признать Катков, не проявилась на страницах романа, но только потому, что перед Базаровым — в рамках романа — не стояло «значительной безнравственной цели». Будь эта цель в романе или в жизни, Базаров без колебаний «перешел бы черту». Надо сказать, что Катков верно подметил способность и готовность Базарова к революционному действию, но, объявляя его «безнравственным», он клеветал на Базарова, его единомышленников, на их дело.

За все долгие годы своего существования «Русский вестник» не дал ни одной талантливой работы, сыгравшей сколько-нибудь значительную или хотя бы заметную роль в развитии русской критики. И это, видимо, очень характерно для такого издания. Если в дореформенную пору уход из редакции «Русского вестника» Е. Ф. Корша поссорил Каткова с герценовским кругом (Корш был близок к нему), то последовавшая затем неприкрытая — *катковская* — апология самодержавия, оголтелого мра-

кобесия, дикого шовинизма исключила всякую возможность сотрудничества в «Русском вестнике» сколько-нибудь заметных литературно-критических талантов.

* *
*

Путь катковских изданий — от умеренного либерализма к защите самодержавия и мракобесия, — как и путь самого Каткова, был во многом типичен. Такой же была судьба виднейшего русского журналиста-миллионера А. С. Суворина и его изданий. По этой же проторенной, позорной дорожке шли ренегаты-«веховцы».

После смерти Каткова «Русский вестник» и «Московские ведомости» до конца оставались органами самого реакционнейшего направления. Катков сумел зарядить их своим духом надолго. «Русский вестник» продержался до 1906 г., когда кончил свое существование из-за худосочия и потери читателей. «Московские ведомости» стали одним из главных органов черносотенной реакции. Только правительственная поддержка сохранила эту газету до 1917 г., когда она была сметена революцией.

ЧАСТЬ II

СЕМИДЕСЯТЫЕ — ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Общая характеристика периода

1. Общественное движение 1870—1890-х годов

Крестьянская реформа 1861 г. произвела большие изменения в жизни страны. Россия вступила в период капитализма, происходила ломка привычных жизненных устоев. Спустя шесть лет после реформы И. С. Тургенев писал о пореформенных условиях жизни: «Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло... весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная...» («Дым»). Прошло еще десять лет, и Л. Н. Толстой сказал устами Левина: «У нас теперь... все это переверотилось и только укладывается». В. И. Ленин заметил по поводу этих слов: «...трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов».¹ Переверотился старый, крепостнический строй, хотя пережитки его сохранялись еще в течение многих десятилетий: сохранилось помещичье землевладение, сохранились во многих губерниях остатки крепостнической системы хозяйства, в политическом строе господствующее положение занимали помещики, высшее чиновничество также принадлежало к помещичьей среде. Но вместе с тем «укладывался» новый, буржуазный строй. «Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма, — писал В. И. Ленин. — Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду“ разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность».²

Итак, развитие капитализма и крестьянское разорение — вот что характеризовало русский пореформенный строй и накладывало отпечаток на всю идейно-политическую жизнь страны. Реформа не удовлетворила народных требований: она была либерально-помещичьей, а не буржуазно-демократической. Поэтому в пореформенных условиях неизбежно должна была вновь вспыхнуть борьба за буржуазно-демократическое преобразование страны. Теорией этой борьбы было народничество.

В многочисленных работах о народничестве В. И. Ленин настойчиво подчеркивал «исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...»³ Народничество, как теория и как общественное течение, генетически связано с революционно-демократическим учением А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, но в пореформенных условиях

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 100.

² Там же, стр. 39.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 228—229.

оно черпало свои аргументы прежде всего в программных сочинениях новых теоретиков, заложивших основы так называемой «субъективной социологии». В 1869 г. появились две работы, ставшие своеобразным «евангелием» нового этапа демократического движения в России, — «Исторические письма» П. Л. Лаврова и «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловского. В этих сочинениях исторический прогресс рассматривался как категория субъективная, как приближение к идеалу, извлеченному из абстрактного, внеисторического представления о некоей естественной человеческой личности, индивидуальности с ее коренными запросами и стремлениями. Естественным идеалом такой личности, осознавшей свои интересы, т. е. «критически мыслящей личности», считалось всестороннее развитие в физическом, умственном и нравственном отношениях. «Критически мыслящие личности», по Лаврову, и являются единственными двигателями истории. Так объективные законы исторического развития подменялись у субъективных социологов «нравственным идеалом», а научные предвидения — стремлением «критически мыслящих личностей» к достижению его.

Для Михайловского, как и для Лаврова, верховным мерилom ценности, нужности и прогрессивности всех общественных явлений оказывается человеческая личность, индивидуальность или «неделимое», как обычно называет индивидуальность Михайловский, применяя ходовой термин, принятый в биологической науке. Говоря об индивидуальности или «неделимом», Михайловский имеет в виду «совокупность *всех* черт, свойственных человеческому организму вообще». Законно, хорошо, нравственно, прогрессивно будет, с его точки зрения, лишь то, что соответствует потребностям, желаниям, счастью человеческой личности. Личность, рассуждает Михайловский, меньше всего заинтересована в том, чтобы стать частью какого бы то ни было целого, быть поглощенной им, и больше всего заинтересована в самодостаточности, в целостности и гармонии. Отсюда вытекает его знаменитая формула прогресса: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов».⁴

Антиисторичность, отвлеченный «антропологизм» этой формулы теперь совершенно очевиден. Еще в 90-х годах основоположники русского марксизма разъяснили это с исчерпывающей точностью. «Вы видите, — писал В. И. Ленин о теории прогресса Михайловского в 1894 г., — этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем „человеческой природе“ явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс... Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от „желательного“, о „дефектах“, случившихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять

⁴ Соч. Н. К. Михайловского, т. 1. СПб., 1896, стр. 150.

того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков».⁵

Как уклонение от «желательного» народники рассматривали капиталистической строй и, верные своему субъективистскому волюнтаризму, стремились остановить капиталистическое развитие России и вернуть ход истории в нужном направлении. «Желательной» считали они крестьянскую общину, в ней они видели залог самодостаточности работника и все надежды возлагали на энергию и волю «критически мыслящих личностей», осознавших свой долг перед народом, т. е. на интеллигенцию, которую народники рассматривали как нечто единое и вовсе не связанное с классами современного общества.

Эти характерные народнические идеи — признание капиталистической формации общества регрессом, идеализация докапиталистической старины, фетишизация целостного, самодостаточного человека и т. п. — имеют своим реально историческим содержанием «представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, — а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма».⁶

Своеобразие народнического движения заключалось, однако, в том, что, при всей ложности теории, на которую опирались народники, именно они вели в 70-х годах активную революционную борьбу против самодержавия и господства помещиков, именно они выступали защитниками интересов крестьянства. «Ясно, — писал В. И. Ленин в статье „Две утопии“ (1912), — что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс».⁷ Этот боевой демократизм ярко сказался в деятельности революционных народников 70-х годов, несмотря на то, что их самоотверженная борьба закончилась трагической неудачей. «...Масса энергичнейших и талантливых работников»,⁸ двинувшаяся «в народ», стремилась разъяснить крестьянам их собственную силу и поднять их на решительную борьбу против самодержавно-помещичьего строя. Народники-пропагандисты, хотя и не достигли своих целей, немало сделали для просвещения крестьянской массы. На следующем этапе борьбы, в конце 70-х годов, деятели «Народной воли» в героическом поединке с правительством сумели создать централизованную революционную организацию, боевые традиции которой были использованы впоследствии русской социал-демократией, опиравшейся уже на правильную революционную теорию. С народническим движением связано и возникновение первых рабочих союзов — Южнороссийского в Одессе (1875) и Северного в Петербурге (1878), игравших заметную роль в домарксистский период рабочего движения. Наконец, первая в России политическая демонстрация, состоявшаяся в 1876 г. в Петербурге у Казанского собора, также была организована революционерами-народниками.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 134.

⁶ Там же, стр. 529—530.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 286.

В. И. Ленин считал революционеров 70-х годов предшественниками русской социал-демократии и указывал на то, что их «жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа».⁹

Все эти исторически прогрессивные стороны народничества 70-х годов совершенно исчезли у их выродившихся потомков, у либеральных народников 80—90-х годов, отказавшихся от борьбы с правительством. Но на протяжении 70-х годов революционное движение народников было главным фактом политической жизни страны.

Борьба с «крамолой» стала основным содержанием государственной политики Александра II. Для предупреждения развития «нигилизма» в 1871 г. по проекту М. Н. Каткова, одобренному министром просвещения мракобесом Д. А. Толстым, была введена «классическая» система образования в гимназиях. Изучение древних языков должно было, по идее творцов этой реформы, отрезвить молодежь и отвлечь ее от социально-политических вопросов. Сильному ограничению подвергся и устав об университетской автономии, созданный в период «великих реформ». Администрации университетов было предписано сотрудничать с полицией для выяснения и ликвидации «вредных» настроений среди студенческой молодежи. Результаты оказались совершенно неожиданными. Официальный историк царствования Александра II С. С. Татищев вынужден был признать, что реформа высшей школы только озлобила студентов и вызвала студенческое движение, а классическая реформа в гимназиях имела своим последствием «неверие в области религии, материализм — в науке, социализм — в политике...».¹⁰

Примерно таков же был результат и судебных преследований революционеров. Громкие политические процессы 1877 г. — процесс 50-ти и процесс 193-х — привлекли к себе всеобщее внимание и вызвали усиленные революционной борьбой. Мужественное поведение подсудимых будоражило умы. Ткач Петр Алексеев на процессе 50-ти закончил свою речь словами: «подымеется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» В. И. Ленин назвал эти слова великим пророчеством русского рабочего-революционера.¹¹ Колоссальное впечатление произвел в 1878 г. процесс Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Правительство было вполне уверено в обвинительном приговоре и передало ее дело суду присяжных, но, вопреки всеобщим ожиданиям, присяжные заседатели при громком ликования публики, заполнившей зал Петербургского окружного суда, оправдали Веру Засулич. Л. Н. Толстой под свежим впечатлением процесса писал Н. Н. Страхову, что дело Засулич «похоже на предвестие революции».¹²

В 1877—1878 гг. Россия вела войну с Турцией; официальной целью войны было освобождение балканских славян. Разумеется, правительство Александра II действовало при этом далеко не бескорыстно: оно стремилось укрепить на Балканах влияние русского царизма. Но объективно Россия помогла балканским славянам в их национально-освободительной борьбе. Освободительные цели войны привлекли многих

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

¹⁰ С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903, стр. 585.

¹¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

¹² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 62. М., Гослитиздат, 1953, стр. 411.

демократически настроенных людей и вызвали сочувствие в кругах передовой молодежи. Среди добровольцев, принявших участие в борьбе балканских славян против Турции, были и активные деятели революционного движения. Правительство надеялось, что освободительная война отвлечет молодежь от революции и приведет к «единению народа с царем», но и эти надежды не оправдались. Борьба за свободу балканских славян только обострила стремление к освобождению собственного народа.

Для борьбы с революционным движением правительство учредило Верховную распорядительную комиссию во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым, человеком популярным и в военных сферах, и в либеральных кругах. Ему были даны диктаторские полномочия, и он использовал их для жестокой борьбы с революционной молодежью, стремясь одновременно привлечь на свою сторону либералов и таким образом изолировать революционеров от «общества». Либеральная газета «Голос» назвала правление Лорис-Меликова, ставшего вскоре министром внутренних дел, «диктатурой сердца». Привлечение «здравомыслящей части общества» было хитрым и ловким маневром, который развязывал правительству руки для борьбы с революционными организациями, но и политика «диктатуры сердца» не могла устранить возможности революционного взрыва.

Об этом в то время думали многие. Волнения и «бунты» в крестьянской среде, стачечное движение фабричного пролетариата, революционное движение интеллигенции — все это делало государственный переворот вполне вероятным. 1879—1881 годы недаром считаются временем второй революционной ситуации. Она завершилась царевбийством 1 марта 1881 г. Народнические революционеры добились самой большой победы, но она стала их самым большим поражением. Силы революции были подточены. Полицейские преследования, ссылки, казни обескровили революционные организации, и правительство вскоре оправилось от испуга, вызванного убийством Александра II. Либеральные земцы, стремившиеся к конституционным преобразованиям, боялись вступить на путь нелегальной деятельности и ограничивались петициями и ходатайствами.

Сущностью правительственной политики Александра III было стремление к ликвидации реформ 60-х годов, к частичной реставрации дореформенных порядков в экономике и политике. Главнейшие законодательные акты 80-х и 90-х годов были направлены к тому, чтобы укрепить экономическую власть дворянства, привязать крестьян к клочку надельной земли, обеспечив таким образом резервную армию для помещиков. Они были рассчитаны также на то, чтобы усилить политический престиж дворянского сословия и вернуть дворянству полную полицейско-административной власти в деревне. В 1889 г. вводятся земские начальники, и политика «контрреформ» достигает апогея: деревня отдается во власть земскому начальнику из дворян, полномочия которого воскрешают права дореформенного помещика, вплоть до права подвергать крестьян аресту без суда и без объяснения причин. В 1890 г. издается новое земское положение, по которому господство помещиков в земских учреждениях обеспечивается сословным (дворянским) цензом: гласные из крестьян, согласно этому положению, назначаются губернатором. Закон о земских начальниках и новое земское положение утверждали, таким образом, диктатуру дворянства как сословия, не прикрывая ее даже имущественным цензом землевладения.

В области политической все официальные мероприятия были направлены к тому, чтобы решительно пресечь всякую возможность новой активизации антикрепостнического движения, как революционно-демократического, так и либерального. Началом форсированного наступления политической реакции можно считать день 29 апреля 1881 г., когда вышел манифест Александра III о незыблемости самодержавия. 14 августа того же года было издано положение об усиленной и чрезвычайной охране. За этим последовала целая серия крепостнических «реформ», направленных против гласности, печати, против народного образования всех ступеней. В 1882 г. вводится новый университетский устав, отдающий студентов под надзор целой сети инспекторов различных рангов, фактически — под надзор полиции. В том же году правила о церковно-приходских школах передают дело просвещения в деревне в руки реакционного духовенства. Через два года борьба с просвещением и «крамолой» приводит к прекращению приема в высшие женские учебные заведения, а еще через год значительно стесняется прием в среднюю школу. Закрытие «Отечественных записок» (1884) наносит решительный удар по революционно-демократическому литературному движению. Остатки революционных народнических организаций подвергаются разгрому. Скромные либеральные просьбы и ходатайства отклоняются безапелляционно. В. И. Ленин писал об этом периоде: «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прилива была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией* . . .»¹³

Несмотря на усиление крепостнической реакции, развитие промышленного капитализма в России шло довольно быстро. Росли крупные промышленные предприятия и увеличивалась численность фабрично-заводского пролетариата. Продолжало расти и стачечное движение. За пятилетие — 1881—1885 гг. — произошло 50 забастовок, в которых приняло участие 80 тыс. рабочих. Стачка на фабрике Морозова в 1885 г. отличалась широким размахом и большой организацией. Разгромленная вооруженной силой, стачка все же испугала правительство и заставила его пойти на некоторые уступки. Рабочее движение становится политическим фактором жизни страны.

Растет возбуждение и в крестьянской среде. Во второй половине 90-х годов увеличивается число крестьянских «бунтов» и «сопротивлений властям». Наблюдаются даже случаи вооруженных нападений крестьян на помещичьи экономии и стихийного захвата помещичьих земель. Все это завершается массовым аграрным движением 1902 г. и последующих лет.

Подъем народного движения в 90-е годы вызвал также новую активность в среде революционной интеллигенции и в либеральных кругах общества. Взамен разгромленных правительством народовольческих организаций осенью 1891 г. создается «Группа народовольцев», в состав которой входят, между прочим, будущие литераторы-большевики М. С. Ольминский и Н. Л. Мещеряков. Группа имела собственную типографию, в которой печатались нелегальные брошюры-прокламации, «летучие листки». В 1893 г. возникло и другое политическое общество, близкое к народничеству, — так называемая партия «Народного права». Она ставила своей задачей объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы против самодержавия. Организаторами группы были бывшие деятели революционного народничества М. А. Натан-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 45.

сон, О. В. Аптекман и др. Группу поддерживали А. И. Богданович, Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. Партия просуществовала лишь до 1894 г. и не успела сыграть сколько-нибудь заметной роли в общественном движении страны.

Рабочее движение 80-х и 90-х годов подготовило почву для распространения марксизма в России. В 70-х годах марксизм рассматривался в России главным образом как новое течение революционной мысли на Западе. Он еще не связывался в восприятии рядового читателя и даже революционных кругов с русской жизнью, с проблемами русского революционного движения. Не была еще достаточно осознана, в частности, его противоположность народничеству, как и любому другому проявлению «социально-экономического романтизма».

Марксизм как организационно оформленное течение русской революционной мысли возникает лишь в 80-х годах, в связи с ростом рабочего движения. Первой марксистской организацией, противопоставившей себя народничеству и вступившей с ним в идейную борьбу, была группа «Освобождение труда», основанная Г. В. Плехановым в 1883 г. в Женеве. Работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884) нанесли серьезный удар народничеству, господствовавшему в демократической общественной мысли России. Гегемония народничества как идейного течения была окончательно подорвана первыми работами молодого В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893) и «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894). Народничество теряет свой престиж среди революционно настроенной молодежи, некоторые наиболее чуткие представители народнического движения обнаруживают в то время тяготение к социал-демократии. Так, группа народолюбцев, образовавшаяся в 1891 г. и вначале стоявшая на ортодоксально-народолюбческой платформе, после 1894 г. начинает склоняться на сторону марксизма. Четвертый номер «Летучего листка» этой группы носит уже явные следы марксистского влияния.

1895 год можно считать переломным годом в истории России. Буржуазно-демократический этап в революционном движении заканчивается. Начинается новый, пролетарский период русского освободительного движения.

2. Основные направления в журналистике, публицистике, критике

На протяжении 70-х годов ведущее положение в русской общественной мысли занимали демократические публицисты, группировавшиеся вокруг «Отечественных записок» и близких к ним по направлению журналов («Дело», «Слово», «Устой»). О. В. Аптекман, видный деятель революционного народнического движения, писал о значении «Отечественных записок» для людей его времени и его направления: «„Отечественные записки“ почти безраздельно „властвовали над умами“ той эпохи. Влияние их было громадно. Целое поколение 70-х годов, энергичное и боевое, считало „Отечественные записки“ почти что своим органом».¹⁴

Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин определяли боевое, революционно-демократическое направление журнала. В пропаганде

¹⁴ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля». Изд. 2-е. Пг., 1924, стр. 34.

народнических теорий в легальной публицистике главная роль принадлежала Н. К. Михайловскому. Салтыков-Щедрин далеко не во всем был согласен с Михайловским, он не разделял его субъективно-социологических взглядов и не раз возражал против народнического утопизма, насаждавшегося на страницах «Отечественных записок» Михайловским и его прямыми единомышленниками. Однако эти разногласия не раскалывали редакционного коллектива «Отечественных записок». Борьба с реакцией, поддержка (хотя бы намеками) революционного подполья, защита крестьянских интересов — вот та платформа, на которой объединялись все руководители этого журнала, продолжавшего традиции «Современника».

Можно без преувеличения сказать, что ни один русский журнал той поры не давал такого подробного и фактически точного освещения русской жизни, положения в деревне, общественных порядков, как это делали «Отечественные записки» в хрониках талантливого, рано умершего Н. А. Демерта «Наша общественная жизнь» и во «Внутренних обозрениях» Г. З. Елисеева. В сатире Салтыкова-Щедрина русский читатель находил гениальное художественное обобщение русской жизни той поры. «Он был политическим летописцем своей эпохи», — справедливо сказал о нём С. М. Степняк-Кравчинский.¹⁵ Пореформенная Россия в изображении Щедрина — это не обновленное «великими реформами» государство, как пытались изобразить дело разного рода либеральные публицисты; напротив, под пером Щедрина пореформенная Россия выступала как мир безудержной реакции и в то же время как арена для подвигов «чумазого», для кровопийства и хищничества капиталистического. В нарисованной Щедриным картине в качестве новых хозяев русской жизни возникли Колупаевы и Разуваевы, всевозможные хищники новейшей формации, без стыда, чести и совести, а рядом с ними становились их «тихо курлыкающие» панегиристы, либеральные «пенкосниматели», верные слуги новой русской буржуазии.

Очерки Г. И. Успенского о пореформенной деревне, помещавшиеся в «Отечественных записках», а после их закрытия — в «Северном вестнике» и «Русской мысли», сыграли громадную роль в разработке и освещении крестьянского вопроса. Эти очерки показывали, что крестьяне всем ходом общественного развития отрываются от земли, что новые буржуазные отношения стали фактом в русской деревне и что на месте «власти земли» укрепилась «власть капитала». Подобно народническим публицистам, Успенский полагал, что было такое время («было, да сплыло»), когда капиталистический порядок еще можно было предотвратить, но он понимал, что в 70—80-х годах «власть капитала» — уже совершившийся факт. Об этом писал и Н. Е. Каронин-Петропавловский, в очерках которого отразилось страшное разорение пореформенной деревни и безнадежный распад общинных «устоев». «Устой» — так называлась большая повесть Н. Н. Златовратского, которая печаталась в «Отечественных записках» в 1878—1882 гг. и по духу своему противостояла трезвым показаниям таких глубоких исследователей народной жизни, как Успенский и Каронин. Ортодоксальный народник, Златовратский создавал идеализированные образы крестьян и анализ власти капитала в деревне подменял восхвалением «мирских устоев», которым приписывал чудодейственную силу в борьбе с капиталистическими порядками.

¹⁵ С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. 2. М., 1958, стр. 535.

И Успенский, и Каронин, и Златовратский были писателями-художниками, но в меньшей степени были они и публицистами, так же как Салтыков-Щедрин. В соединении искусства с наукой и публицистикой, в стремлении говорить сразу обо всем, что волнует современного человека, совершенно не считаясь с узаконенными литературными нормами, была важная особенность демократической журналистики. Так, известная книга В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869), отдельные главы которой печатались в журнале «Дело», была одновременно и серьезным экономическим трудом, и ярким публицистическим сочинением, и подлинным произведением искусства. Именно эти ее качества в их сочетании высоко оценил К. Маркс.¹⁶

На страницах «Отечественных записок» Н. К. Михайловский в своих статьях разрабатывал теоретические вопросы народнической социологии, вел полемику с противниками из реакционного и либерального лагерей, давал критические оценки современных явлений литературы, и все это — в виде живой беседы с читателем, иной раз даже в полубеллетристической форме. Недаром один из своих циклов Михайловский так и назвал «Вперемешку». «В условиях того времени именно этот научно-публицистический прием захватывал, увлекал, давал особенное удовлетворение, — писал В. Г. Короленко. — Серьезная и живая мысль, вооруженная большой эрудицией, спускалась в среду взволнованных будней, трудно доступных осуждению. Идея появлялась, начинала определяться и вдруг как будто исчезала в горячей схватке современности. Казалось, что ученый, вовлеченный в эту свалку, совершенно отвлекся от развития своей мысли, всецело отдавшись полемическим схваткам и борьбе минуты. Но — опять новая страничка, порой даже несколько новых строк — и вся эта пестрая суতোлка освещается, как зыбь под лучом рефлектора. И каждая частная деталь получает свое место и свое значение».¹⁷ Широкую популярность приобрели яркие памфлеты Михайловского против реакционной беллетристики и публицистики, его статьи о Л. Н. Толстом, в творчестве которого Михайловский пытался установить сильные и слабые стороны, «десницу» и «шуйцу» великого писателя; статья «Жестокий талант», направленная против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского, а также печатавшиеся после закрытия «Отечественных записок» статьи о В. М. Гаршине и др. Общедемократические тенденции соединялись в работах Михайловского с народнической догматикой, с пропагандой его теории прогресса — словом, со слабыми сторонами его взглядов, и в этом противоречивом соединении сказывалась характерная черта журнально-публицистической деятельности народнических писателей.

Большую роль в демократическом лагере играли также критики и публицисты «Дела» — Н. В. Шелгунов и П. Н. Ткачев. Михайловский, Шелгунов, Ткачев — это были представители различных направлений демократической журналистики. Шелгунов продолжал традиции старой демократической школы, прежде всего Писарева, и по многим пунктам расходился с защитниками народнических утопий. Михайловский и Ткачев выражали новые, народнические идеи и настроения, но и между ними не было полного единомыслия. Ткачев был сторонником заговор-

¹⁶ См.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. М., 1951, стр. 39.

¹⁷ В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. II. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1914, стр. 284.

щической тактики в революционной борьбе, отрицал какие бы то ни было расчеты на политическую активность народных масс и все свои надежды возлагал на героических одиночек из среды интеллигенции. Эти взгляды он проводил и в своих литературно-критических статьях. Против него не раз выступал и Михайловский, и соратник Ткачева по «Делу» — Шелгунов. Однако при всех разногласиях, иной раз очень острых, демократических публицистов объединяла искренняя вражда к самодержавию, к реакционной журнальной клике, уважение к революционному подполью, защита реалистической литературы, последовательная борьба против «чистого» искусства. Это не исключало, впрочем, ошибочных взглядов и оценок. Так, Шелгунов не понял революционного значения сатиры Щедрина и даже усмотрел в ней бесплодный скептицизм; Ткачев не сразу оценил прогрессивную роль Г. И. Успенского, причислив его к «беллетристам-эмпирикам»; Михайловский отрицательно отнесся к А. П. Чехову, увидев в его творчестве 80-х годов безразличие к изображаемому. Но частные ошибки не изменяли общего прогрессивного характера их деятельности, а внутренние разногласия не мешали демократическим писателям выступать единым фронтом против реакционных течений, в частности против политического ренегатства правых народников, открыто отказавшихся от боевых традиций революционеров 70-х годов.

Оппортунистическое перерождение народничества нашло наиболее яркое выражение в пресловутой теории «малых дел», пропаганда которой развернулась прежде всего на страницах руководимой П. А. Гайдебуровым «Недели». В создании этой «теории» главная роль принадлежала И. И. Каблицу, писавшему под псевдонимом И. Юзов. Некогда участник революционного движения, Юзов в 1882 г. выпустил в свет свою шумевшую книгу «Основы народничества. Социологические очерки», в которой заявил о появлении «новых людей», пришедших на смену революционным деятелям 60-х и 70-х годов. Революционную интеллигенцию Юзов обвиняет в неуважении к народу, в стремлении навязать ему интеллигентские задачи и цели. Самое желание «изыскать лучшие, справедливейшие формы общественности и предложить их народу» Юзов объявляет незаконным притязанием «мудрить над народом». «Новые люди», приход которых возвещает Юзов, «осмеивают возможность осуществления идеальных форм общественности». «Нам нечего мудрствовать, — говорят они, — возьмем то, что предлагает нам жизнь». Эта «теория» и стала программой «Недели». Призывы к «примирению с жизнью», к отказу от «широких задач», к мирной, «культурной» работе фактически означали отказ от политической борьбы с самодержавием.

В литературной критике сторонники теории «малых дел» осуждали «тенденциозность» писателей демократического направления, их стремление «ставить широкие социальные вопросы, пессимистический колорит их творчества. Критики «Недели» призывали писателей проникнуться всепримиряющим «пантеистическим» пониманием мира, вернуться к природе, к свободному художественному созерцанию. В области социально-философской сторонники «малых дел» нашли свой идеал в толстовской проповеди «непротивления». Критические стороны толстовской проповеди при этом совершенно замалчивались, и толстовство рассматривалось как вариант теории «малых дел».

Против теории «малых дел» и других родственных ей течений с темпераментом и блеском выступали демократические публицисты. Немало ядовитых строк посвятил «недельному» направлению на страницах

«Отечественных записок» Михайловский. В «Русской мысли» с 1886 по 1891 г. Шелгунов помещал свои «Очерки русской жизни», отстаивавшие старые демократические принципы против натиска враждебных идей, порожденных реакционным периодом. Разбирая текущие явления общественной и литературной жизни, Шелгунов пересыпал свои очерки гневными характеристиками представителей нового литературного поколения — толстовцев, сторонников «малых дел» и прочих проповедников общественной пассивности, в которых старый революционно-демократический публицист видел «наклонность ума стлаться по земле и уходить в мелкие личные интересы». Сторонники «Недели» рассматривали свое направление как мировоззрение молодого поколения, вступившего в борьбу с «отцами». Шелгунов превосходно показал, что дело не в разладе поколений, а в борьбе политических идеологий, в борьбе старого демократизма против модных тенденций приспособления к реакции. «Очерки» Шелгунова — яркий эпизод борьбы демократической мысли против общественного индифферентизма разных видов и форм.

Один из таких видов народнического оппортунизма был представлен группой либерально-народнических писателей, которые, в отличие от публицистов «Недели», не только не кричали о разрыве с революционными традициями 60-х и 70-х годов, но, напротив, декларативно объявляли себя преемниками Герцена, Чернышевского и Щедрина, а фактически порывали с их наследством не в меньшей степени, чем сторонники теории «малых дел». Так, С. Н. Кривенко в своей книге «На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки» (1895), составленной из статей, печатавшихся в «Русском богатстве» в течение 1893 г., выступил с целой программой «полезной деятельности», рассчитанной на частичное улучшение крестьянского быта и хозяйства. В настоящее время, уверял Кривенко, может быть полезной деятельность каждого интеллигентного человека, который захочет посвятить свои силы служению деревне. Кривенко убеждал не пренебрегать даже теми «малыми делами», к которым призывала «Неделя». «...Маленькое дело, — говорил он, — вовсе не синоним маленькой цели».¹⁸ Самое главное, с точки зрения Кривенко, — это помощь кустарному производству и вообще «народной промышленности». Если в этой области будут достигнуты заметные результаты, тогда, возможно, вопреки утверждениям марксистов, России удастся «избежать капиталистических перипетий и идти по другому, более целесообразному пути».¹⁹

Либеральные народники вели резкую и упорную борьбу с марксизмом, при этом излагали идеи марксизма в самом извращенном виде. Признание капитализма прогрессивной ступенью общественного развития они истолковывали как стремление обезземелить крестьянство и насадить капитализм в ущерб интересам народа. Тот же Кривенко заявил, что будь марксисты последовательны, им было бы «нечего уже стесняться ни скупкою крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков, ни иною нечистоплотною деятельностью, раз она соответствует цели».²⁰ Философский детерминизм рассматривался либеральными народниками как исторический фатализм, как оправдание общественной пассивности. С. Н. Южаков даже объединил марксистов с правыми народниками юзовского толка, объявив и тех и других выразителями реакционных настроений.

¹⁸ С. Н. Кривенко. На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки. Изд. 2-е. М., 1901, стр. 313.

¹⁹ Там же, стр. 333.

²⁰ Там же, стр. 335.

Марксистскую критику народнического утопизма либерально-народнические публицисты пытались представить как отказ от «наследства» старой русской демократии, и В. П. Воронцов в одной из своих статей в «Русском богатстве» доказывал, будто «русские ученики» Маркса обрывают «демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли».

В работе В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“...» эти попытки представить марксистское учение в извращенном виде были разоблачены. Там же Ленин показал, что либеральные народники, претендующие на верность старым демократическим заветам, фактически порывают с традициями своих революционных предшественников. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, „улучшить“ положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»,²¹ — так охарактеризовал Ленин различие двух политических программ: программы либеральных народников и программы старых революционно-народнических партий, прямыми наследниками которых объявляли себя публицисты, подобные Кривенко, Южакову, Воронцову и др.

* * *

С распадом народнического идейного движения связаны первые шаги русского модернизма как литературного направления и как течения русской общественной мысли. Подобно тому, как публицисты «Недели» провозгласили отказ от старых демократических традиций в области политической, некоторые народнические литераторы, некогда близкие к демократическому литературному течению, уже в 80-х годах демонстративно заявили о своем отказе от старых литературных традиций. В 1884 г. в киевской газете «Заря» появились статьи писателей Н. М. Минского и И. И. Ясинского, представлявшие собою декларацию «нового» художественного направления, разрывающего со старыми принципами «утилитаризма» и «гражданственности» во имя чистого эстетизма.

В 1890 г. Минский опубликовал философский трактат «При свете совести», в котором он выступил воинствующим проповедником индивидуализма ницшеанского толка. Главным двигателем человеческих поступков Минский объявил эгоистическое самолюбие и жажду первенства. «Безгранична, как небесные пространства, неизмерима, как вечность, сильна, как тяготение звезд, любовь каждого к самому себе». «Только первенствуя над ближним, мы вполне сознаем полноту бытия и упиваемся им»²² — таковы основные положения Минского. Откровенный и риторически кокетливый отказ об общественных стремлений вызвал раздражение даже у людей, близких к Минскому по взглядам, что же касается демократической публицистики, то ее отношение к трактату Минского выразил Михайловский, сказавший в одной из своих «Случайных заметок»: «Да, все это, пожалуй, до известной степени оригинально. Но зато же это и вздор...»²³

Но и Михайловский не отрицал симптоматичности этого рода явлений. Тяготение к мистике, индивидуализм, эстетизм, антиобществен-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

²² Н. Минский. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. СПб., 1890, стр. 1, 16.

²³ Соч. Н. К. Михайловского, т. 6, стр. 735.

ность — все эти идейные элементы, наметившиеся в выступлениях Ясинского и Минского, впоследствии получили широкое развитие и легли в основание идеологии русского декаданса и символизма. Первой попыткой теоретического обоснования русского символизма как литературно-общественного направления можно считать книгу Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Здесь наряду с резкими нападками на демократическое «тенденциозное» творчество, на «утилитарный, пошлый реализм» формулируются и эстетические требования новой школы — «три главные элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

С конца 80-х годов начинает критико-публицистическую деятельность А. Л. Волынский, постоянный сотрудник и фактический руководитель журнала «Северный вестник». С первых же шагов в литературе Волынский определился как «борец за идеализм» и яростный противник материалистической философии и эстетики. Идеалы общественной справедливости, доказывал он, не имеют ценности для человека, раз он осознает их как игру материи, подчиненную механическим законам. «Если свобода души — обман воображения, зачем обнажать мечи за свободу гражданскую?» Только религиозное чувство, уверял Волынский, волеет в общество «новую решимость взяться за меч свободы, трудиться без конца на поприще гражданственности». Цитируемая статья Волынского «Наука, философия и религия», представляющая собою обоснование его «чистейшего идеализма» и религиозной гражданственности, заканчивается экзотическим возгласом: «С нами бог...» («Северный вестник», 1893, № 9, стр. 188 и 201).

Искусство, заявлял Волынский, должно быть очищено от «обманов» и «ошибок» эмпирических представлений, от «грубого» реализма; тогда художественный образ станет «тонким, прозрачным, символическим». В ряде статей 1893—1895 гг. Волынский предпринял ревизию наследия Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Демократическую идейность русской критики, ее борьбу за реализм, ее боевую публицистичность он объявил смертным грехом против искусства в его «истинном» существе.

Крикливые статьи Волынского произвели скандальную сенсацию и были с негодованием встречены в передовых кругах. Н. К. Михайловский считал даже невозможным полемизировать с Волынским, этим «рыцарем без стыда», как он называл его. Отвечая читателям, которые обращались к нему с требованием выступить против Волынского в защиту чести русской литературы, Михайловский писал: «Есть люди, с которыми нельзя полемизировать именно потому, что им ничего не стыдно, и если они возмущают вас, так обращайтесь не к нам, посторонним, а разве к сотрудникам тех органов, где совершаются богатые подвиги; может быть, они устыдятся. А если и это не поможет, остается одно, но зато уже радикальное средство: не читать».²⁴

На фоне выступлений Юзова, Минского, Мережковского, Волынского даже писания буржуазно-либеральных публицистов «Вестника Европы» казались более передовыми. Умеренно-оппозиционный тон либеральной публицистики оставался неизменным на всем протяжении 70—80-х годов, но даже эта легкая, иной раз легчайшая, оппозиционность все-таки вызывала сочувствие довольно широкого круга читателей. События политической жизни освещались в либеральной публици-

²⁴ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 10. Изд. 2-е. СПб., 1913, стр. 644.

стике в духе умеренно-реформистских стремлений, конечной целью которых была монархическая конституция, так называемый «правовой порядок». Об этом прямо не говорилось по цензурным условиям, но эти идеи всегда «просвечивали» между строк. Либеральные писатели выступали против административного произвола, за судебную законность, за минимальные гарантии прав личности. В спокойном тоне, не повышая голоса, говорил, например, один из столпов русского либерализма, известный публицист и критик «Вестника Европы» К. К. Арсеньев о высылках без суда и следствия «неблагонадежных лиц», по усмотрению полицейских властей: «Стоит только объявить известную категорию лиц людьми подозрительными, — и через несколько времени никто не будет знать, где начинается и где оканчивается эта категория» (1871, № 5). Вместе с тем Арсеньев никогда не предъявлял крайних требований, ограничиваясь минимальными. Политика смягчения, умиротворения, тактика «золотой середины» — вот к чему он стремился, но зато эти скромные требования он отстаивал неуклонно, используя для этого любой повод. В связи с нечаевским процессом Арсеньев писал в «Вестнике Европы»: «Говорят о вредном влиянии тайных кружков, образующихся в среде учащейся молодежи и слишком легко переходящих от невинных стремлений к преступным целям; но что же может служить более сильным противовесом этому влиянию, как не гласность, не боящаяся дневного света?» (1871, № 11). Ту же мысль повторил Арсеньев и десятилетие спустя, после убийства Александра II. Как всегда открепиваясь от идеи революционных потрясений, он продолжал настаивать на либеральных реформах. «... Утопическим планам и преступным средствам, — писал он в 1881 г., — должна быть противопоставлена широкая практическая программа, исполнимая путем реформ, без замешательств и потрясений».²⁵

В качестве литературного критика Арсеньев внимательно следил за появлением новых литературных сил. Так, он сочувственно отметил литературные дебюты Иортоленко и Чехова, хотя в оценке Чехова не проявил понимания его истинной роли и значения. Большая работа Арсеньева «Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова», печатавшаяся в 80-х годах отдельными очерками, положила начало научному изучению Щедрина еще при жизни великого сатирика. Много внимания уделял Арсеньев западноевропейской, в частности французской, литературной мысли. В своих статьях он давал обстоятельные пересказы новейших критических работ Ф. Брюнетьера, Ж. Леметра, П. Бурже, с сочувствием отмечая во французской критике реакцию против крайностей теории натурализма.

Заметным влиянием пользовался в либеральной публицистике адвокат, публицист и критик В. А. Гольцев, стоявший во главе журнала «Русская мысль». В его деятельности с особенной ясностью сказались характерные для буржуазного либерализма половинчатость, эклектизм, склонность примирять противоречия и обходить острые углы. Он всегда старался держаться политики «золотой середины», взывал к соглашению между борющимися группами, к «слиянию» разночинного и дворянского направлений в литературе. «Нам надо теперь смотреть вперед, а не заниматься старыми счетами, не плодить личным самолюбием общественных недоразумений, — писал он, — не должно быть ни эллина, ни иудея, ни дворянина, ни разночинца перед великим началом просве-

²⁵ Статьи К. К. Арсеньева из «Вестника Европы» собраны в его книге «За четверть века» (Пг., 1915, стр. 5, 21—22, 62).

щенного и самостоятельного труда на благо русского народа». Такая уступчивость не раз приводила Гольцева к резким столкновениям с демократическими журналистами (Михайловским, Г. И. Успенским, Короленко и др.), и даже людям, близким к нему по убеждениям, казалась чрезмерной. «Талантливый оратор и человек разносторонне образованный, Гольцев не был талантливым писателем и носителем строго определенного миросозерцания, — справедливо писал о нем С. А. Венгеров. — Позитивист, не разрывающий окончательно связей с мистицизмом, поклонник Чернышевского и вместе с тем автор восторженного приветствия Фету на его юбилее. . . наконец, друг русского радикализма и умереннейшая земско-просветительная программа — таковы общие контуры всепримиряющего эклектизма руководителя „Русской мысли“».²⁶

Хотя либеральная публицистика по основным вопросам политической жизни всегда подыгрывала реакции — своей умеренностью, половинчатостью, легкой склонностью к компромиссам и уступкам, тем не менее реакционная публицистика вовсе не желала видеть в либералах своих союзников. Это не мешало иногда либералам и реакционерам объединяться в своих оценках; так было, например, с «диктатурой сердца» Лориса-Меликова, встреченной на первых порах дружным хвалебным хором «Вестника Европы» и «Голоса», с одной стороны, и «Русского вестника» и «Московских ведомостей» — с другой. Вообще же журнальная партия Каткова стремилась представить либералов легальными проповедниками «крамолы». В суде присяжных, который горячо поддерживала либеральная партия, Катков видел какую-то «судебную республику», элементарные судебные гарантии политическим преступникам выводили его из себя, даже в публичных смертных казнях он видел средство возвеличения осужденных революционеров. Любые проявления правительственного террора были для Каткова недостаточны. «Страх побеждается страхом, — взывал он к власти, требуя от нее усиления мер строгости. — Пагубный страх перед темными силами может быть побежден только спасительным страхом перед законною властью» («Моск. вед.», 1879, № 83). Лишь форсированное наступление реакции в 80-х годах отчасти удовлетворило Каткова. После одной из реакционных реформ Александра III он, наконец, патетически воскликнул: «Итак, господа, встаньте: правительство идет, правительство возвращается!..» («Моск. вед.», 1884, № 278).

В 80-х годах в реакционном лагере особенно заметной становится фигура К. Н. Леонтьева. В 1886 г. появилась его книга «Восток, Россия и славянство», составленная из статей, помещенных им ранее в «Русском вестнике», «Варшавском дневнике», «Гражданине», «Руси». Леонтьев пришел здесь к откровенно циничной защите реакции, в которой видел единственное средство удержать Россию от гибели, ей грозящей. «Надо подморозить Россию, чтобы она не гнила», — говорил Леонтьев. «Пора научиться делать реакцию», — убеждал он. Государство должно оставить в стороне этические принципы и действовать страхом. Религия призвана сдерживать массы железной рукавицей. Все усилия должны быть направлены к тому, чтобы задержать излишнее движение. Дух либерализма нужно преследовать не менее сурово, чем социалистическое движение. Для этого хороши все средства: прямые кары, подкуп, донос. «Пора перестать придавать слову „донос“ унижительное значение», — заявлял Леонтьев.

²⁶ Русская литература XX века, т. 2. Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915, стр. 238.

Выступая в качестве литературного критика, Леонтьев ополчился против демократических литературных течений. Сатирическое направление, созданное Гоголем, он считал безусловно, вредным, привившим русской литературе односторонний разрушительный, насмешливый дух и реалистическую грубость манеры. Революционно-демократическая литература (Чернышевский, Некрасов, Щедрин, Решетников) была постоянным предметом злобных нападок Леонтьева. Одобряя Достоевского и Толстого за стремление к религиозному искусству, он обьявил их, однако, в книге «Наши новые христиане» (1882) «розовыми христианами», наивными проповедниками любви. В одном из фельетонов в журнале «Осколки» на книжку Леонтьева откликнулся Чехов: «Что-то животное сквозит между строк в этой несчастной брошюрке». «В этом глубокомысленном трактате он силится задать Л. Толстому и Достоевскому и, отвергая любовь, взывает к страху и палке как к истинно русским и христианским идеалам».²⁷

В конце 80-х годов в лагере реакционных публицистов оказался и Л. А. Тихомиров. Некогда член Исполнительного комитета «Народной воли», вдохновитель террористических актов и редактор «Вестника Народной воли», Тихомиров в 1888 г. отрекся от своих прежних революционных убеждений и добился полного прощения. Изданная в том же году брошюра «Почему я перестал быть революционером» открыла ему путь из эмиграции в Россию, где он сразу же примкнул к лагерю правительственной реакции и стал деятельным сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей», защитником принципов самодержавия и православия. Самодержавие для Тихомирова — лучшее наследие русской истории, а православие — главное противоядие против разрушительных теорий. «С умиротворения души начнется оздоровление социального мира», — писал Тихомиров в своей книжке «Борьба века» (1895), составленной из фельетонов, печатавшихся в «Московских ведомостях». Однако «умиротворением души» Тихомиров не склонен был ограничить свою положительную программу. Он не раз обращался к власти, указывая на ее безграничную силу, которую она почему-то не желает применить против своих либеральных и реакционных врагов.

Вслед за Тихомировым пошел и другой бывший деятель народнического революционного движения Ю. Н. Говоруха-Отрок (Ю. Николаев). В 70-х годах руководитель подпольного кружка и участник известного процесса 193-х, он с начала 80-х годов стал постепенно склоняться вправо, а в конце 80-х годов нашел себе пристанище в «Московских ведомостях», где до смерти (1896) руководил литературным и театральным отделами, работая в полном единодушии с Тихомировым. В своих критико-публицистических статьях Говоруха-Отрок обьявлял себя последователем А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова. Высказываясь о современных писателях — Успенском, Гаршине, Короленко, он неизменно старался истолковать их творчество как выражение «бессознательно-христианских настроений». В итоге его критических анализов получалось, что писателям следует только оставить мечту «современных сентиментальных фантазеров о том, что когда-нибудь человечество устроится здесь на земле, уже без бога, без веры, счастливым и в полной гармонии», и тогда не будет никаких преград между передовой литературой и реакционными публицистами.

Оживившаяся деятельность реакционного лагеря не встретила должного отпора со стороны народнической публицистики: народниче-

²⁷ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем в 20 томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1946. стр. 349.

ство утратило значение передовой общественной теории, и его сторонники переживали период тягостного разброда и шатаний. По сравнению с 60-ми годами положение в общественной жизни и журналистике заметно изменилось. Революционная демократия 60-х годов, несмотря на правительственные преследования и цензурный гнет, была господствующей силой в идейном движении общества. Революционные народники 70-х годов продолжили лучшие традиции своих предшественников. Однако их мужественная схватка с самодержавием окончилась поражением. Ложная революционная теория была скомпрометирована самой жизнью, и авторитет народничества стал неуклонно падать. Либеральные народники 80—90-х годов унаследовали только самые слабые стороны народнической идеологии предшествующего периода. Связь с традициями революционеров 70-х годов была ими порвана. Идейное первенство перешло к марксизму, и марксистская публицистика стала уже в 90-х годах той единственной подлинно революционной силой, которая противостояла и прямой реакции, и всем охарактеризованным выше идейным течениям, отражавшим — в разных формах — процесс сознательного и бессознательного приспособления к реакции. Несмотря на упорное преследование марксистских изданий цензурой, их революционно-воспитательная роль была исключительно велика, а необыкновенный успех у читателей свидетельствовал об идейной победе марксизма, о наступлении новой эпохи в журналистике и публицистике, соответствующей новому — пролетарскому — периоду русского освободительного движения.

3. Цензурная политика самодержавия в 1870—1890-е годы

Политика царского правительства нашла яркое выражение в практике цензурных постановлений 70—90-х годов.

В эти годы продолжал действовать «временный» закон о печати от 6 апреля 1865 г. Согласно этому закону, столичная печать (а также отдельные издания русских авторов до 10, а зарубежных до 20 печ. л.) освобождалась от предварительной цензуры. Судебная ответственность за все закононарушения, допущенные в печати, падала на автора и редактора; цензорская власть превращалась из «карающей» в «предостерегающую». Кроме того, повременной печати давалось право обсуждать «как отдельное, так и целое законодательство или опубликованные распоряжения правительства», т. е. признавались те права, которые были завоеваны ею в жестокой борьбе с правительственной реакцией.

Но дарованные свободы на деле оказались мнимыми: они ограничивались уже самим законом от 6 апреля. Разработанная система запрещений книг и предостережений газетам и журналам, даваемых Главным управлением по делам печати за проявленное в них «резкое» или «неверное» отношение к правительственным распоряжениям и мероприятиям, чрезвычайно стеснила положение печати.²⁸ Она по существу открыла возможность свести на нет «облегчения и удобства», предоставленные цензурной реформой: «указания опыта», которые, по мнению валуевского правительства, должны были подсказать, каким будет постоянный закон, вызвали лишь огромное число «ограничений» временного распоряжения о печати.

²⁸ О предостережениях первых лет введения временного закона о печати см. в кн.: Гр. Д а н ш и е в. Эпоха великих реформ. Изд. 8-е. М., 1900, стр. 346—362.

В первые годы после реформы 1865 г. еще сохранялись надежды на новые преобразования. Разрешение обсуждать правительственные распоряжения, не стесненное многочисленными циркулярами, в конце 60—начале 70-х годов создавало некоторую свободу выражения мнений.²⁹ Но пагубанное выстрелом Д. В. Каракозова и новым общественным подъемом, правительство постепенно усиливало натиск на прессу, считая, что данные ей «облегчения» способствуют распространению противоправительственного образа мыслей. Поэтому, начиная с 1866 г., издается целый ряд циркуляров и постановлений, которые облегчили бы цензурный надзор за печатью и свели к нулю все ее привилегии. Иначе говоря, правительство решило вернуть русское печатное слово к тому состоянию, в котором оно находилось во времена крепостного права.

Одно из первых распоряжений последовало уже 17 октября 1866 г. Ввиду запрещения «Русского слова» подписчикам был разослан сборник «Луч», в котором приняли участие многие сотрудники закрытого журнала. Боясь, что новый сборник явится продолжением «Русского слова», правительство запретило второй его выпуск, а вслед за этим последовало распоряжение общего характера, воспрещающее рассылать подписчикам в период приостановки журнала от имени редакции какое бы то ни было другое издание. Вскоре появились и иные распоряжения. Так, 12 декабря 1866 г. дела по обвинению за преступления, допущенные в печати, были переданы из окружных судов в судебные палаты,³⁰ а 13 июня 1867 г. было запрещено печатание без специального разрешения отчетов о заседаниях общественных и сословных собраний. Последнее запрещение положило начало огромному числу всевозможных циркуляров, воспрещавших обсуждение какого-нибудь определенного вопроса. С целью узаконить появление таких циркуляров и даже облегчить самое их издание, а также в связи с необходимостью воспрепятствовать оглашению в печати дела С. Г. Нечаева в 1873 г. было принято общее постановление, дававшее право министру внутренних дел запрещать «обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности». Это постановление создавало нечто вроде «предварительной цензуры» со стороны самих редакций и открывало в то же время

²⁹ Это сказалось, например, в том, что стали появляться критические статьи, направленные против притеснений, беззаконий, в том числе против несправедливых гонений на печать. В книгах А. Головачева «Десять лет реформ. 1861—1871» (СПб., 1872, стр. 257—287) и О. Нотовича «Исторический очерк нашего законодательства о печати» (СПб., 1873), написанных «в виду предстоящей реформы в нашем цензурном законодательстве», в большой статье К. Арсеньева «Русские законы о печати» («Вестник Европы», 1869, № 4, 6) подводились первые итоги введения нового законодательства и высказывалось убеждение в необходимости решительных изменений. Наиболее ярким выражением недовольства состоянием печати может служить изданная анонимно в 1869 г. брошюра В. В. Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» (в 1872 г. вышло третье издание). Подтверждая свои мысли примерами из мировой истории, автор утверждал, что стеснение свободы слова всегда пагубно отражалось на жизни общества, снижало уровень его умственного развития и нередко вело к гибели общества. Подробно рассматривая русские законы о печати, он так заключал свое исследование: «Тут, как в фокусе, сосредоточены все-предосторожности, которые в разные времена и в разных странах принимались против печати после отмены цензуры. Кажется, не было ни одной страны, где бы, после отмены цензуры, одновременно существовало столько ограничений» (стр. 72). В данном случае Флеровский имел в виду не только самый закон 6 апреля, но и довольно большое число разного рода «дополнений» к нему, опубликованных с целью «исправить» и без того неполноценное законодательство.

³⁰ Эта мера была вызвана увеличением числа оправдательных приговоров по делам печати. (О них см. в изданной правительством книге «Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше учрежденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. III. СПб., 1870.)

возможность еще шире применять административные меры к изданиям; циркуляры почти никогда не отменялись, и при желании можно было через несколько лет придаться к невыполнению какого-то из них.

Более строгими становились и административные меры. В 1868 г. министр внутренних дел получил право воспрещать на 8 месяцев розничную продажу газет и журналов «вредного направления», а в 1873 г. к этому прибавилось запрещение печатать объявления. Такие меры обычно наносили изданиям значительный материальный ущерб. Правительство, не решавшееся широко применять практику приостановки издания и тем более закрытия газет и журналов (ибо это всегда вызывало общественное недовольство), тем не менее достигало своей цели: нередко периодические издания были не в состоянии выдержать столь жестоких материальных ограничений и потому закрывались. Что же касается органов печати, находящихся под предварительной цензурой, то они могли быть закрыты министром без специальной мотивировки. Впрочем, вскоре мотивировка стала формальностью для всех изданий: с середины 70-х годов все чаще вместо определенного указания на мотивы предостережений газетам и журналам Главное управление пользуется неопределенной формулой «вредное направление».³¹

Усиление цензурного произвола — прежде всего по отношению к демократической журналистике — нашло отражение в законах, принятых в 1872 и 1874 гг., которые давали возможность быстро «обезопасить» вредную книгу или газетный номер.

Обращение в суд по поводу каждого факта «нарушения законов» было неудобно для Главного управления по делам печати: суд мог поддержать обвинение лишь в том случае, если в нем содержалось прямое нарушение уголовного кодекса. Отсюда — оправдательные приговоры, дискредитирующие правительство. Один случай оказался «вопиющим». В 1872 г. суд не мог найти причины для изъятия «Азбуки социальных наук» В. В. Берви-Флеровского, и тогда по указанию царя 7 июня 1872 г. был издан закон, по которому министр внутренних дел имел право задержать любую книгу, а затем окончательно запретить ее с согласия комитета министров. Это означало введение предварительной цензуры. Прекратились судебные процессы, и началось запрещение журналов за «вредное направление». 19 апреля 1874 г. было издано как бы дополнение к этому закону: цензура получила возможность запрещать книги, не доводя это даже до сведения комитета министров.³²

В результате всех этих «мероприятий» положение печати становилось все более тяжелым. Можно сказать, что «привилегий» закона 1865 г. практически не существовало. Это поняло и правительство, выпустившее 5 июня 1879 г. «временные правила», как бы подводящие итог четырнадцатилетним преобразованиям. В них были учтены все введенные за это время административные распоряжения, а также добавлены новые: стремясь к большей эффективности в борьбе с «вредными мыслями» на местах, правительство предоставило генерал-губернаторам право прекращать газеты и журналы. Об итогах всех «дополнений» 70-х годов к закону 6 апреля красноречиво свидетельствуют цифры, приведенные «Вестником Европы» в 1880 г. «В четырнадцать с небольшим лет, истекших со времени введения в действие закона 6 ап-

³¹ О мотивах предостережений см. в кн.: В. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905, стр. 227—250.

³² О законах 1872 и 1874 г. см. в статье: Л. М. Добровольский. К истории цензурной политики русского правительства во второй половине XIX века. — Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 67, 1948, стр. 260—264.

реля 1865 г., — писал автор „Внутреннего обозрения“, — по 1 января 1880 г. предостережений было дано 167, приостановлено было 52 издания, в общей сложности на 13 лет и 9 месяцев. Случаев запрещения розничной продажи с 1872 по 1879 г. было 60. Специально в 1879 г. предостережений было дано 14, приостановлено было семь изданий (одно из них — два раза); розничная продажа была запрещена на время шести газетам (причем для одной из них — для „Голоса“ — запрещение продолжалось более года), печатание объявлений — одной газете» (1880, № 6, стр. 814).

В 80-е годы гонения на печать стали еще более жестокими.³³ Резко возросло число циркуляров, не допускавших обсуждения отдельных мероприятий правительства или даже упоминания в печати о каких-либо определенных событиях. Только в 1881 г. было издано около 50 циркуляров, запрещающих говорить о государственном строе России, о конституции, земском соборе, болгарском вопросе, об арестах, политических преступлениях, судебных процессах и т. д. В последующие годы уже нельзя было обсуждать перемены в правительстве, вопрос о справедливости изменения поземельного владения крестьян, взаимоотношения помещиков и крестьян, еврейский вопрос, а в 1886 г. — даже упоминать о предстоящем праздновании 25-летия крестьянской реформы. В 90-х годах появляется ряд циркуляров о рабочем вопросе, в том числе запрещение печатания «тенденциозных» статей о рабочих.³⁴ Эти и многие другие распоряжения по общим и частным вопросам политики, издававшиеся различными министерствами, практически исключали участие «независимых» органов печати в обсуждении важных проблем русской жизни. В 1890 г. правительство запретило празднование 25-летнего юбилея цензурного закона и тем наглядно продемонстрировало истинный смысл своих действий. В 80-е годы стала стираться грань между изданиями, выходящими с разрешения предварительной цензуры, и «бесцензурными» газетами и журналами. Этому способствовали как упомянутые циркуляры правительства, так и новые изменения в цензурных законах.

28 августа 1882 г. вместо ожидавшихся новых цензурных законов, которые должна была выработать специальная комиссия под председательством П. А. Валуева, организованная в 1880 г.,³⁵ были обнародованы новые «временные правила о печати»; они существенно меняли всю цензурную практику. По этим правилам газета или журнал, получившие три предостережения, должны были представляться в цензуру накануне выхода номера, и цензор мог приостановить его выход в свет или запретить отдельные статьи, не возбуждая судебного преследования. Это не только увеличивало власть цензора, но и окончательно вводило предварительную цензуру.

Кроме этого «нововведения», было и другое, не менее грозное. «Временными правилами» узаконивалось в тех случаях, когда приостановка издания считалась мерой «недостаточной», право прекращать выход газеты или журнала властью министра внутренних дел с согласия комитета министров. Такая приостановка влекла за собой воспрещение ре-

³³ О положении печати в 80-х годах см. заметку: Б. Горев. Победоносцев и цензура. — «Литературное наследство», т. 22-24, 1935, стр. 497—501.

³⁴ Подробнее см. в кн.: В. В. Водовозов. Материалы для характеристики положения русской печати, вып. 1. Женева, 1898, стр. 44—75.

³⁵ Комиссия была распущена после 1 марта, хотя официальных распоряжений в печать не поступало. Это вызвало недоумение в русском обществе. Характерным свидетельством такого недоумения может служить статья П. Усова «Цензурная реформа в 1862 году» («Вестник Европы», 1882, № 5, 6).

дактору закрытого журнала впредь издавать какой-либо орган печати. По этим «правилам» в 1884 г. правительство расправилось с «Отечественными записками», обвинив редакцию в связи с «революционной партией»; по отношению к другим изданиям оно даже не вдавалось в объяснения. Так, за «вредное направление» были закрыты «Московский телеграф» в 1883 г., «Светоч» и «Здоровье» в 1885 г., «Заря» в 1886 г., «Сибирская газета» в 1889 г., «Русская жизнь» в 1895 г. и т. д. «Писательское дело стало у нас теперь поистине каторжной работой для всех, кроме лиц, которые на хорошем счету у правительства, — писала нелегальная газета „Общее дело“ в статье „Цензурное бешенство“. — Если личность редактора негодна цензорам, то как бы он ни был скромн и благоразумен, ему не миновать разорения; его уже допекут не тем, так другим способом».³⁶ Эти горькие слова подтверждались многочисленными примерами из истории русской журналистики 80-х годов. Под тяжестью административных взысканий погибли даже далекие от демократических симпатий газеты — «Молва», «Порядок» и «Голос»; в 1888 г. прекратил свое существование, после многолетних попыток утвердить нового редактора взамен умершего Г. Е. Благоветлова, журнал «Дело».

Протест против «цензурного бешенства» в то время в прямой форме был невозможен. Что положение печати невыносимо, что нужны какие-то перемены, — это понимали почти все, но открыто выступать против этих притеснений было небезопасно.³⁷ Правительство не собиралось уступать, что и продемонстрировало весьма красноречиво в 1895 г., «оставив без внимания» ходатайство более чем семидесяти русских литераторов об облегчении цензуры. В краткой петиции Николаю II и приложенной к ней объяснительной записке говорилось лишь о необходимости изменить действующее законодательство о печати, передав административную власть суду и тем самым вернув те немногие «свободы», которые были гарантированы реформой 1865 г. Однако и эти скромные желания царское правительство не хотело удовлетворить. Вплоть до 1905 г. оно продолжало пользоваться устаревшим законодательством; только революция заставила его пойти на уступки.

4. Типологическая характеристика журнальной периодики 1870—1890-х годов

Несмотря на строгости цензуры, в русской журналистике 1870—1890-х годов произошли значительные сдвиги по сравнению с предшествующим периодом. Если за истекшее двадцатипятилетие (1846—1870) в России возникло около 500 периодических изданий (журналов, газет, сборников, альманахов), то с 1870 по 1894 г. число новых органов печати возросло до 1400. В это время еще более ярко вырисовываются процессы, наметившиеся уже в журналистике 1860-х годов, — значитель-

³⁶ «Общее дело», 1885, № 75, стр. 16.

³⁷ Чаще всего протест против цензурного произвола выражался в форме робких пожеланий или исследований по истории цензуры, должностных показать необходимость нового законодательства о печати. Примером таких выступлений может служить заметка Н. С. Лескова, посвященная 400-летию первых европейских цензурных постановлений. Автор с грустью констатирует, что «настоящее понимание задач и значения цензуры в России пока еще темно и слабо», и считает полезным появление хорошего исследования о европейской цензуре («Наблюдатель», 1886, № 1, стр. 260). Любопытна также книга А. М. Скабичевского «Очерки истории русской цензуры (1700—1863)», опубликованная в 1893 г. и подвергшаяся довольно значительным цензурным сокращениям.

ный рост журналов и газет, универсальных по своему характеру, т. е. включающих различные аспекты (политику, экономику, литературу, отдельные виды искусства и т. д.), усиление роли отраслевых изданий.

Новая эпоха обусловила качественные изменения в журналистике. Развитие буржуазных отношений в стране, стимулированное реформами 1860-х годов, привело к созданию типично буржуазной журнальной и газетной прессы, к небывалому росту частных газет и разных видов специализированной журнальной периодики; впервые в истории русской журналистики огромную силу приобретают провинциальные газеты и журналы. Прогресс различных отраслей знания, бурный рост техники, успехи в области точных и гуманитарных наук находят отражение в журналах: появляются новые отделы во многих общих журналах, возникает и ряд специальных журналов — технических и научных. Расширение культурных связей России с зарубежными странами и естественный интерес читателей к достижениям зарубежной литературы и культуры вызвали появление журналов переводной литературы.

Поскольку развитие журналистики в этот период и, особенно, в 80—90-е годы сдерживалось суровым цензурным режимом, рост научной журналистики далеко не соответствовал состоянию науки в России в последние десятилетия XIX в. Так, с 1860 по 1891 г. не увеличилось число журналов по языкознанию и истории литературы (их было всего 6). Количество исторических журналов даже сократилось с 11 в 1860 г. до 5 в 1891 г. Резко возросло число медицинских журналов, менее подвергавшихся цензурным гонениям (с 8 до 28). Несмотря на то, что естественнонаучные журналы преобладали количественно, они все же заметно отставали от потребностей научной мысли в России.

Так как литературно-общественным журналам, сатирической и юмористической периодике и состоянию газетного дела в 1870—1890-е годы посвящены отдельные главы, в данном обзоре целесообразно остановиться на некоторых, наиболее распространенных видах специализированной журналистики: научных и научно-популярных изданиях, библиографических, педагогических и тесно связанных с ними детских журналах, а также журналах переводной литературы, театральных и музыкальных. В заключение обзора будут рассмотрены журналы, выходившие в провинции.

Большинство научных изданий в конце 60—начале 70-х годов представляет собой научные записки, труды университетов, научных обществ, организаций, комитетов. Выпускались они, как правило, без строгой периодичности. Подобными изданиями являлись, например, «Известия Русского географического общества», «Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета», «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук»; а по естественным наукам — «Журнал Русского химического общества», «Известия Геологического комитета», «Записки Русского технического общества», «Труды Общества детских врачей» и т. п.

Издавались и журналы общего характера, чаще всего научно-популярные. Так, в течение нескольких лет, начиная с 1874 г., выходил два раза в месяц популярный гигиенический журнал «Здоровье», пользовавшийся большим успехом. Другим очень распространенным научно-популярным изданием был журнал «Природа и охота». К типу серьезных научных журналов относился «Лесной журнал» (возник в 1871 г.) — лучшее издание по лесоводству на протяжении нескольких десятилетий. Недолго просуществовал, но успел опубликовать значительные научные статьи московский «Математический листок».

В 1870—1880-е годы приобрели широкую известность медицинские журналы. В 1881 г. в Петербурге начал издаваться крупный журнал «Медицинская библиотека». В нем публиковались статьи по всем вопросам научной и практической медицины, гигиены, а также переводы лучших иностранных работ. В 1883 г. возник популярный среди врачей еженедельник «Русская медицина». Появился и ряд специализированных медицинских журналов, отличавшихся высоким уровнем научных статей, — «Зубоврачебный вестник», «Хирургический вестник» в Петербурге, «Новости терапии» в Москве. Благодаря достижениям медицинской науки в России русские медицинские журналы привлекли внимание зарубежных врачей. Хорошие медицинские журналы появились и в провинции. В 1887 г. в Воронеже стал издаваться два раза в месяц журнал «Медицинская беседа», который получил несколько лет спустя большую золотую медаль на всероссийской гигиенической выставке.

В конце XIX в. возникло довольно много экономических и особенно статистических журналов. «Вестник финансов, промышленности и торговли» был официальным правительственным изданием; он освещал экономическую деятельность правительства, публиковал статистические материалы. На либерально-буржуазных позициях стоял «Экономический журнал». В нем печатались обширные материалы, связанные с изучением сельского хозяйства, природных ресурсов России. Возникли и серьезные юридические журналы. Лучшим был московский ежемесячник «Юридический вестник». Несколько лет издавалась в Петербурге «Юридическая летопись» при участии А. Ф. Кони, В. К. Случевского, Н. С. Таганцева и др.

Во второй половине XIX в. большие успехи делает библиография. Это сказалось не только в издании фундаментальных библиографических трудов, но и в появлении специальных библиографических журналов, ориентирующихся на различные группы читателей.³⁸

Значительная часть библиографических изданий 70—90-х годов преследовала практические цели — оказать помощь книгопродавцам и издателям. Наибольшее место в них занимали списки новых книг и разрешенных к постановке театральных пьес, росписи содержания текущих журналов и перепечатка правительственных распоряжений по вопросам печати. К таким изданиям принадлежали «Указатель по делам печати» (СПб., 1872—1878), издававшийся при «Правительственном вестнике», и возникший на основе этого «Указателя» журнал Э. К. Гартье «Российская библиография» (СПб., 1879—1882), где нередко появлялись статьи по книжному делу (см., например, статью редактора Е. Ф. Буринского о задачах библиографии, близкую по мыслям к идеям Добролюбова). После закрытия «Российской библиографии» ту же задачу выполнял «Книжный вестник» (СПб., 1884—1918), издававшийся обществом книгопродавцов и издателей, возникшим по предложению Гартье, и частично — «Посредник печатного дела» (СПб., 1891—1892). Все эти журналы являлись регистрационными справочниками разрешенных цензурой изданий.

Наряду с ними существовали и критико-библиографические журналы, ставившие перед собою более широкие общественные задачи. К ним относятся, например, демократический журнал «Библиограф» (СПб., 1869), фактическим редактором которого был М. Ф. Негрескул,³⁹

³⁸ Об истории библиографических журналов 70—90-х годов см. в кн.: Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века. М., 1955, стр. 506—516.

³⁹ Н. Бельчиков. «Библиограф» (1869). — Русская журналистика. I. Шестидесятые годы. М.—Л., 1930, стр. 133—235.

журнал «Знание» (СПб., 1870—1877) и «Критическое обозрение» (М., 1879—1880), либерально-буржуазный орган, издававшийся под редакцией В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского и обозревавший книжную продукцию по истории, филологии, юриспруденции и экономике.

В 80-е годы появились и такие журналы, в которых библиография рассматривалась как самостоятельная наука, имеющая важное значение. Прежде всего это «Библиограф» (СПб., 1885—1914), издававшийся под руководством известного библиографа Н. М. Лисовского; в журнале печатались материалы, ставшие затем основой составленного Лисовским справочника «Библиография русской периодической печати». Кроме регистрации текущей литературы, сотрудники журнала собирали и публиковали неизвестные материалы по истории, литературе и журналистике, составляли библиографические указатели, заметки по истории книгопечатания, издательской деятельности и т. д. Все это сближало «Библиограф» с историко-литературными журналами тех лет; не случайно с 1892 г. он получил подзаголовок «журнал историко-литературный и библиографический».

Близок к нему и журнал «Библиографические записки» (СПб., 1892), издававшийся известным антикваром и купцом П. П. Шибановым под редакцией выдающегося библиографа А. Н. Соловьева. Поставив своей задачей освещать все вопросы, имеющие отношение к библиографии, редактор публиковал в журнале сугубо научные статьи, тексты, описания древних памятников и «беспристрастную» библиографическую хронику.

Журнал «Книговедение» (М., 1894—1897), также сыгравший значительную роль в истории русской библиографии, был основан Московским библиографическим кружком и выходил под редакцией А. Д. Торопова. Задача журнала — объединить силы библиографов с целью создания русской библиографической школы. В отличие от названных выше органов, редакция нового журнала ориентировалась на более широкий круг читателей, стараясь способствовать распространению полезных знаний. «Книговедение» явилось инициатором первых в России «Программ домашнего чтения» (1894), которые имели большое значение; несмотря на либеральные взгляды составителей, эти программы способствовали проникновению знаний в массы. Несомненную научную ценность имели многие статьи, например описание библиотеки Московского университета (1894, № 3—12) или «Библиография и описание сибирских периодических изданий» И. К. Голубева (1895, № 4—5), послужившая важным дополнением к библиографии Лисовского. На страницах журнала публиковались «Материалы для полного словаря писателей» Д. Д. Языкова, библиографические указатели к сочинениям отдельных авторов (например, А. П. Щапова — 1894, № 6) и т. д.

Эти библиографические журналы содержат материал, не утративший своего значения и в наши дни. Они оказали большое воздействие на развитие библиографической мысли конца 90—начала 900-х годов.

Вопросы воспитания и народного образования занимали огромное место в общественной жизни России после отмены крепостного права: они в той или иной форме освещались на страницах почти всех универсальных журналов. Этим вопросам были посвящены и специальные педагогические издания.

Важную роль в развитии прогрессивной педагогической журналистики сыграл «Педагогический сборник» (1864—1917). Это было издание Главного управления военно-учебных заведений, но благодаря сотрудничеству лучших педагогов того времени, и в первую очередь

К. Д. Ушинского, материалы журнала представляли большой интерес и для всей общеобразовательной школы. В журнале публиковались статьи по теории и практике преподавания, приводились примерные планы уроков, давалась подробная информация о подготовке учителей в различных странах, о состоянии начальных и средних школ в Западной Европе и Америке, помещались исследования по различным вопросам воспитания и по истории педагогики. В «Педагогическом сборнике» систематически освещались проблемы методики преподавания различных предметов.

Продолжалось издание «Журнала министерства народного просвещения». В течение двух лет (1860—1861), когда его редактором был Ушинский, журнал являлся подлинным органом передовой педагогической мысли, но затем, с уходом Ушинского, вновь превратился в ведомственное издание, публикующее министерские циркуляры и официальные сообщения.

Крупные педагогические силы сосредоточил пользовавшийся большим признанием у народных учителей ежемесячный петербургский журнал «Народная школа» (1869—1889). В нем сотрудничали А. Я. Герд, В. И. и Е. Н. Водовозовы, Д. Н. Кайгородов, А. Ф. Петрушевский. «Народный учитель» подробно освещал опыт народных школ, писал о положении учителей, помещал методические советы, обширную педагогическую хронику. Хорошо был поставлен и библиографический отдел. Уже в первые годы существования журнала выявилась его прогрессивная направленность. Так, на страницах этого журнала был поднят вопрос о всеобщем обучении.

«Педагогический листок», который начал выходить в 1871 г., считался приложением к журналу «Детское чтение», но фактически играл роль самостоятельного педагогического органа. В нем были напечатаны интересные статьи по вопросам конкретной педагогики, пропагандировались новые достижения русской и зарубежной педагогической науки. Но издатели журнала стояли на умеренно-либеральных позициях, и это снижало общественное значение «Педагогического листка».

Журнал «Семья и школа», в котором сотрудничали многие хорошие педагоги, уделял большое внимание гармоническому воспитанию ребенка, правильному сочетанию нравственного и физического развития. В журнале публиковался и ценный познавательный материал по занимательной физике, химии, математике, статьи по географии, этнографии и т. д.

Одним из самых крупных педагогических изданий в России конца XIX — начала XX в. был журнал «Русская школа», который начал выходить в 1890 г. Его редактором был Я. Г. Гуревич. Организаторам журнала удалось привлечь к сотрудничеству П. Ф. Лесгафта, И. Ф. Анненского, И. И. Мечникова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и многих других писателей, ученых, педагогов. Журнал публиковал статьи по проблемам развития образования, методике обучения. Позднее (в 1913 г.) в журнале выступила с большой статьей в защиту совместного обучения Н. К. Крупская. «Русская школа» оказывала большую помощь учителям рекомендациями учебников, пособий, научной и общеобразовательной литературы. Среди сотрудников библиографического отдела была А. В. Мезьер. Издание журнала «Русская школа» было серьезным достижением прогрессивной педагогики.

В конце 90 — начале 900-х годов ряд новых педагогических журналов возник в Москве и Петербурге. Появляются подобные издания

и в провинции (например, «Городской и сельский учитель» в Сибирске).

Уже в 60-е годы в России было значительное количество детских журналов, в 70-е годы их становится еще больше.

В 1869 г. возник журнал «Детское чтение», который сыграл очень важную роль в развитии демократической журналистики для детей. Организатором и первым редактором журнала был А. Н. Острогорский, видный русский педагог, впоследствии редактор крупнейшего педагогического журнала «Педагогический сборник». В журнале сотрудничали лучшие педагоги того времени и многие известные писатели. Среди авторов «Детского чтения» был Д. Н. Мамин-Сибиряк, который напечатал в журнале почти все свои произведения для детей. Здесь впервые выступил как детский писатель П. В. Засодимский, печатались А. П. Чехов (рассказ «Белолобый»), Н. Н. Златовратский, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. Д. Телешов, а впоследствии И. А. Бунин и А. С. Серафимович. Журнал отличался хорошо поставленным научным отделом, постоянным обращением к русскому фольклору.⁴⁰ В статье, посвященной десятилетию журнала, Н. В. Шелгунов писал, что «Детское чтение» — «лучший из современных детских журналов... по выбору, разнообразию и содержанию статей, по добросовестности редакции».⁴¹ В. И. Ленин в детстве был читателем «Детского чтения» и, по свидетельству Н. К. Крупской, тепло вспоминал этот журнал.

К прогрессивным детским изданиям принадлежал «Родник», возникший в 1882 г. и рассчитанный на детей среднего и старшего возраста. Издавала журнал писательница Е. А. Сысоева. Редактором на протяжении почти четверти века был ее племянник, известный педагог и детский писатель А. Н. Альмединген. В журнале сотрудничали такие крупные писатели, как Д. В. Григорович, В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, А. И. Куприн, А. И. Свирский, И. С. Шмелев. Печатались произведения лучших зарубежных писателей: А. Додэ, М. Твена, Ж. Верна. Как и в «Детском чтении», важную роль в «Роднике» играл научный отдел, где сотрудничали известные ученые — А. П. Богданов, Д. Н. Кайгородов, А. М. Никольский. «Родник» отличался высокой издательской и полиграфической культурой.⁴²

Прогрессивным детским журналам противостояло «Задуманное слово» — самое крупное буржуазно-дворянское издание для детей. Крайней сентиментальностью проникнуто большинство произведений, составлявших беллетристический отдел, одним из главных авторов которого стала Л. Чарская. Многие материалы журнала носят явный антиинигилистический характер; реакционным по своей направленности был и исторический отдел.

В 90-е годы начался новый подъем детской литературы в России, что привело к возникновению большого числа новых детских журналов («Всходы», «Юный читатель» и др.).

Хотя в универсальных и литературных журналах всегда уделялось много места вопросам искусства, в конце 60—начале 70-х годов

⁴⁰ Об этом см. интересную статью: З. И. Свиридова. Народное поэтическое творчество в журнале «Детское чтение» за 1869—1893 годы. В кн.: Труды Лен. Гос. библ. ин-та. т. 2. Л., 1959, стр. 293—301.

⁴¹ Н. В. Шелгунов. Детское безвременье. — «Дело», 1879, № 3.

⁴² Подробно о «Роднике» см. статью: З. И. Свиридова. О журнале «Родник». В кн.: Труды Лен. Гос. библ. ин-та им. Н. К. Крупской. т. 2. Л., 1959, стр. 371—375.

усовершенствуются старые и возникают новые журналы, специально посвященные музыке и театру,⁴³ реже — изобразительному искусству. Видную роль в музыкальной жизни России продолжал играть ежемесячный журнал «Музыкальный свет» (1847—1878). Если раньше журнал выходил на двух языках — русском и французском, причем некоторое время русский и французский варианты отличались по содержанию, — то с 1872 г. журнал издается только на русском языке. «Музыкальный свет» помещал обширную информацию о музыкальной жизни России и за рубежом, статьи о жизни и деятельности композиторов, знакомил читателей с новыми музыкальными произведениями. С 1872 г. «Музыкальный свет» фактически превратился в нотный журнал с небольшим литературным добавлением.

С прекращением «Музыкального света» самым крупным журналом, посвященным вопросам музыки, стал петербургский «Нувеллист» — ежемесячник, принявший название музыкально-театральной газеты. Драматургии и драматическому театру журнал почти не уделял внимания, но поскольку издатели «Нувеллиста» сумели привлечь видных музыкальных критиков, они обеспечили журналу широкую известность в России. Журнал защищал принципы реалистического музыкального искусства. В некоторых статьях отстаивались взгляды Белинского и других революционных демократов, например в редакционной статье «О положении демократического искусства у нас» (1878) приводилась добролюбовская оценка творчества А. Н. Островского.

В 70-е годы в России по существу не было серьезных театральных журналов. Некоторые легковесные журналы — «Карта зрелищ столицы» или «Петербургская драматургия» — погибли, едва успев появиться: они существовали всего несколько месяцев. Впоследствии стали выходить «Суфлер» и «Антракт», но и они интереса не представляли.

Толчком к развитию русской театральной журналистики послужила отмена в 1882 г. монополии казенных театров, существовавшей в течение нескольких десятилетий. В короткий срок возникло очень много театральных журналов, как правило, недолговечных (в Петербурге — «Зритель», «Искусство», «Театр», «Театральный мирок», «Дневник русского актера» и др.; в Москве — «Сезон», «Театр и жизнь» и др.).

Самым крупным и наиболее интересным театральным и художественным журналом 1870—1880-х годов в России стал «Артист» (1889—1894). Издателем его был Ф. А. Куманин, ответственным редактором А. Р. Гиппиус. «Артист» выходил 7 раз в год, ежемесячно в течение зимнего театрального сезона. Музыкальный отдел возглавлял видный деятель русской музыкальной культуры С. Н. Кругликов, театральный отдел — И. И. Иванов, известный историк и литературный критик. Журнал печатал пьесы русских и зарубежных драматургов, статьи по истории театра, музыки и пластических искусств, обзоры современной музыкальной и художественной жизни, обширную информацию из провинции. Регулярно публиковались статьи, посвященные отдельным вопросам театральной техники (оформление спектаклей, курсы театрального грима и т. д.). Много внимания уделялось теоретическим проблемам, пропаганде прогрессивного реалистического искусства. Существенную поддержку журнал оказал «Новой музыкальной школе» (композиторам «могучей кучки» и их последователям) и Обществу искусства и литературы, созданному К. С. Станиславским.

⁴³ Полный перечень всех журналов по театру и музыке см. в кн.: В. Вишневский. Театральная периодика 1774—1917 гг. Библиографический указатель. М.—Л., 1941.

Издатели сумели привлечь к сотрудничеству Вл. И. Немировича-Данченко, И. В. Шпажинского, П. Д. Боборыкина, А. И. Сумбатова-Южина, И. Н. Потапенко, К. С. Баранцевича, И. А. Салова и других драматургов. Чехов опубликовал в журнале одноактные комедии «Трагик поневоле», «Медведь» и «Лебединая песня» («Калхас»). Ц. А. Кюи, А. К. Лядов, А. С. Аренский участвовали в музыкальном отделе журнала. Журнал публиковал научные статьи А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова, Н. И. Стороженко. Многие из этих статей, например «Щепкин и Гоголь» Тихонравова, «„Макбет“, трагедия Шекспира» Стороженко, сохраняют научную ценность и в настоящее время. В журнале освещались и новые явления в русской и зарубежной живописи, графике и скульптуре. «Артист» помещал рисунки И. Е. Репина, В. Е. Маковского, Н. В. Неврева, М. П. Клодта, Л. О. Пастернака. Слабее была у издателей связь с современной театральной жизнью. Хотя журнал имел много корреспондентов и публиковал информацию о текущих событиях, но регулярное рецензирование новых спектаклей редакции наладить не удалось. Научная специфика журнала привела к тому, что он стал терять подписчиков, которые сочли журнальные материалы недостаточно актуальными.

Под несомненным влиянием «Артиста» в 1892 г. возник «Ежегодник императорских театров», но он был ведомственным органом, а не театральным журналом. В 1897 г. появился журнал «Театр и искусство», который, продолжая традиции «Артиста», в то же время сумел идти в ногу с современной театральной жизнью. В начале 90-х годов издавался журнал «Театральная библиотека», который публиковал в основном драматические произведения, одобренные цензурой. Каждый год журнал печатал свыше сотни пьес, иногда третьесортных, утоляя репертуарный голод провинциальных театров.

Во второй половине XIX в. многие русские журналы, столичные и провинциальные, знакомили читателей с зарубежной литературой. Это объясняется широким интересом к переводной литературе и в известной мере тем, что в России зарубежным авторам гонорара не платили, переводчики, как правило, получали ничтожное вознаграждение, поэтому печатание иностранных романов было для некоторых издателей выгодным коммерческим предприятием.

Наряду с общими журналами, охотно помещавшими произведения зарубежных авторов, появились и специальные издания переводной литературы. Их было относительно много, и почти все они представляли собой литературные сборники. Одним из первых подобных изданий было «Собрание иностранных романов, повестей, рассказов в переводе на русский язык», которые издавала и редактировала Е. Н. Ахматова. Журнал пользовался известностью и просуществовал почти тридцать лет. В нем печатались произведения В. Гюго, Ч. Диккенса, Ж. Санд, В. Ирвинга, а также второстепенных и третьестепенных писателей. Журнал отказывался от рецензий, обзоров, рекомендательных списков; ориентировался он на среднего провинциального читателя.

Близок к нему по содержанию и сборник «Переводы отдельных иностранных романов». За четверть века своего существования журнал напечатал огромное количество светских романов, приключенческих, развлекательных произведений, но почти полностью игнорировал серьезных европейских авторов.

Еще менее серьезными были «Сборник переводов для легкого чтения с картинками» и «Магазин иностранной литературы», которые быстро растеряли даже своих невзыскательных подписчиков и прекра-

тили существование. Несколько лучше благодаря хорошим иллюстрациям и более серьезному отбору материала был журнал «Иллюстрированные романы всех народов» (1885—1887), но он тоже не имел ясной программы.

В 1888 г. начал издаваться большой историко-литературный журнал «Пантеон литературы» — культурническое либеральное издание, ставившее целью «знакомить русское общество с творениями мировых гениев всех времен и народов, с лучшими произведениями литературы и науки как прошлого, так и настоящего периодов». В великолепно поставленном научном отделе сотрудничали крупные ученые Ф. Д. Батюшков, Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовский, Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот и др. Хорошо была представлена на страницах «Пантеона» зарубежная классика и значительно меньше современная иностранная литература. Журнал выходил всего четыре раза в год, имел научный характер и не получил массового распространения.

Одним из самых значительных и интересных журналов переводной литературы в России стал «Вестник иностранной литературы». Он начал выходить в 1891 г. «Вестник» помещал на своих страницах произведения писателей-классиков (П. Мериме, О. Бальзака, Л. Стерна, Г. Гейне и др.), но основное внимание уделял современным зарубежным писателям. В журнале были опубликованы романы Э. Золя, Б. Пруса, М. Конопницкой, А. Додэ, рассказы Г. де Мопассана, Т. Гарди, Э. Ожешко. Журнал открывал русскому читателю новые литературы, например чешскую и сербскую. Наряду с произведениями широко известных на Западе литераторов публиковались книги совсем молодых писателей, например роман Р. Киплинга «Свет погас». В «Вестнике» помещались исторические очерки, довольно разнообразная «Смесь»; записки о путешествиях (в частности, знаменитое сочинение «В джунглях Африки»). Несмотря на то, что в журнале было напечатано немало слабых произведений, являвшихся уступкой обывательскому вкусу, в целом он внес значительный вклад в ознакомление русских читателей с зарубежной литературой. Много хороших произведений зарубежной литературы опубликовал и небольшой журнал «Новости иностранной литературы», но он все-таки уступал «Вестнику» по качеству.

В 1870—1890-е годы значительно расширяется провинциальная периодика.

Реформа печати (6 апреля 1865 г.) не облегчила положения провинциальной журналистики. В 1870-х и 1880-х годах во многих городах Российской империи периодика ограничивалась губернскими и епархиальными «Ведомостями». Несколько лучше обстояло дело в национальных окраинах. Сначала в Польше, Прибалтике и на Кавказе, а в 1880-х годах и на Украине некоторое развитие получили национальные газеты и журналы. Со временем эти издания, тесно связанные с передовой русской журналистикой, явились основой для развития самостоятельной демократической печати народов России, но в указанный период и национальная периодика, подвергавшаяся жестоким преследованиям цензуры,⁴⁴ все же имела довольно ограниченное распростране-

⁴⁴ Вот что писал в 1871 г. о положении периодической печати в провинции начальник Варшавского цензурного комитета: «Варшавские газеты, кроме цензурного просмотра, подвергаются еще контролю столько учреждений, что малейшее упущение со стороны цензора возбудило бы на него нареkanie немедленно» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 5, 1871 г., № 104, л. 226). О положении армянской печати см. исследование: С. Г. Арешян. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957.

ние. Публика должна была довольствоваться открыто официозными местными изданиями или же петербургскими и московскими газетами и журналами, которые часто приходили в губернии с большим опозданием.

Экономическое развитие страны после реформ 60-х годов требовало быстрого и эффективного освоения огромных богатств России, ее природных ресурсов, а в немногочисленных периферийных газетах и журналах содержалось лишь беглое, поверхностное освещение истории и современного состояния того или иного края. Необходимая экономическая информация стала сосредоточиваться в различного рода научных изданиях, выпускаемых правительственными учреждениями, например губернскими статистическими комитетами, образованными в 1858 г. при министерстве внутренних дел, а позднее — земствами.⁴⁵ Сходную задачу изучения отдельных областей России, вставшей на путь капиталистического развития, выполняли издания отделений Русского географического общества, появившиеся, например, в Оренбурге, Иркутске, Киеве.⁴⁶

Всячески препятствуя возникновению в провинции литературных и тем более общественно-политических журналов, правительство разрешило выпуск специальных научных журналов и сборников с целью объединения в них сил местной интеллигенции. В этих органах нашел отражение глубокий интерес к истории, археологии, этнографии огромной и многонациональной страны. Появляются первые «ученые записки» в Харькове («Записки имп. Харьковского университета», 1874—1882), Казани («Известия общества археологии, истории и этнографии», 1878—1882) и других городах. Некоторое распространение получают издания историко-филологического характера, вроде возникших еще в 1860 г. воронежских «Филологических записок», просуществовавших до 1917 г. и внесших большой вклад в филологическую науку.⁴⁷ Таковы же «Известия историко-филологического института кн. Безбородко» (Нежин, 1877—1909) и «Кавказская старина» (Тифлис, 1872—1873). Среди подобных журналов, продолжавших возникать и в 1880-е годы, можно выделить журнал В. В. Качановского «Вестник славянства» (Казань, Киев, 1888—1896), в котором печатались статьи о русско-славянских литературных связях и исследования по славянским языкам.

Однако все эти научные издания не смогли заменить собою настоящей периодической прессы, способной обсуждать насущные проблемы жизни многонациональной России. Не выделялись на общем фоне и несколько частных журналов, возникших в первые полтора десятилетия после закона 6 апреля. Они были или вовсе лишены определенной политической программы (рижский «Свет в картинах», одесские «Записки гражданина»), или оказались близки по своему направлению к официальной прессе (виленские журналы 70-х годов). Органы же, осмелившиеся высказывать свое мнение, были обречены на закрытие. Боясь роста общественного движения в стране, правительство искусственно тормозило развитие провинциальной печати и ограничивало сферу об-

⁴⁵ Из земских изданий 70-х годов можно назвать сборники Черниговского, Бессарабского, Ярославского, Владимирского, Пермского и многих других земств.

⁴⁶ В 1884 г. стали выходить издания провинциальных «архивных комиссий» (к концу века их было уже 27); они собирали памятники старины и документы, «не нужные для текущего делопроизводства».

⁴⁷ Общую характеристику «Филологических записок» см. в статье: А. А. Слинъко. И. С. Никитин в «Филологических записках.» — И. С. Никитин. Статья и материалы. Воронеж, 1962, стр. 70—79.

суждаемых в провинции вопросов сугубо научной проблематикой. Право говорить об общественно-политических вопросах предоставлялось правительственным органам печати либо газетам и журналам, полностью поддерживавшим официальную точку зрения.⁴⁸

Весьма красноречива судьба русских журналов в Западном крае. Это была по существу единственная область России, в которой в 1870-е годы, хотя и в очень незначительных размерах, развивалась русская журналистика. Правительство было заинтересовано в появлении здесь газет и журналов, которые могли бы стать надежными проводниками русификаторской политики царизма и активными разоблачителями «польской смуты». В 1860-х годах в Западном крае начинают выходить «независимые журналы», полностью отвечающие задачам такой политики. Несколько позднее в качестве приложения к официальной газете «Виленский вестник» появился журнал «для народа» «Сельское чтение» (1877—1878), который был призван, как говорилось в его программе, «утверждать незыблемые основы государства: любовь к богу, царю и отечеству, уважение к власти, собственности и семейству». Мало отличались от этих изданий и журналы Н. Д. Шигарина «Библиотека западной полосы России» (СПб., Киев, 1879—1880), «Западная библиотека» (Киев, СПб., 1881), «Западнорусец» (Киев, 1881), посвященные истории, литературе и современному быту западных областей России. Журналы Шигарина печатали переводную литературу (Ожешко, Крашевского и др.), заметки о народностях западной России и публицистические статьи, основная мысль которых — неизбежность сближения поляков с Россией — ничуть не расходилась с официальной точкой зрения на польский вопрос. Однако «недальновидность» издателя, выразившаяся в допущении на страницы журналов произведений прогрессивных польских писателей и некотором сочувствии полякам, вызвала недовольство официальных кругов. И когда в 1881 г. Шигарин обратился в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему издание нового журнала, прошение его не было удовлетворено. Цензурное управление боялось, что новый журнал «может принять не то политическое направление», которое заявлено в программе.⁴⁹ История журналов Шигарина красноречиво свидетельствует о нетерпимом отношении правительства даже к минимальным проявлениям «самостоятельной» мысли в провинции.

О попытке воспрепятствовать развитию провинциальной журналистики говорит и цензурная история рижского «журнала для всех» «Свет в картинах» (1878—1881, с 1882 г. — «Новый свет»). Вначале редактору было запрещено иметь отдел «Заметки о современной жизни», а последовавшее затем (в 1879 г.) разрешение ввести отдел «Политическое обозрение» сопровождалось условием: заимствовать все сведения для этого отдела только из официальных правительственных изданий.⁵⁰

Еще более печальна судьба двух одесских журналов — «Записки гражданина» (1876—1877) и «Сверчок» (1879). Первый из них, имев-

⁴⁸ Так, в связи с большим числом прошений в Главное управление по делам печати об издании в Царстве Польском газет и журналов, в 1871—1872 гг. министерство внутренних дел решило отклонять новые просьбы о периодических изданиях. В 1872 г. было разрешено лишь издание четырех сугубо научных журналов, подвергавшихся усиленной цензуре; в то же время было отклонено 13 ходатайств об издании литературных и политических органов печати. — ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 5, 1871 г., № 104, лл. 16—17.

⁴⁹ Там же, оп. 12, 1881 г., № 82, л. 7.

⁵⁰ Там же, оп. 6, 1877 г., № 239, лл. 8, 20.

ший довольно широкое распространение, заметно выделялся среди провинциальных изданий своей критической направленностью. Издатель и единственный автор его О. М. Лернер считал своей главной задачей правдивое освещение жизни провинции: хотя журнал и был лишен четкой политической программы, в нем говорилось о низком жизненном уровне народа, о творимых беззакониях и т. д. «Записки гражданина» просуществовали немногим более года. «Сверчок», также печатавший только произведения самого издателя — М. Ф. Фрейденберга и отличавшийся демократической направленностью, был приостановлен сразу же после выхода первого номера.⁵¹

О том, насколько велика была потребность в провинциальной печати, свидетельствует острая полемика по данному вопросу, развернувшаяся в середине 70-х годов.⁵²

Началом полемики послужила опубликованная в 1875 г. в журнале «Дело» статья Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции». Основываясь на анализе современного состояния провинциальной печати и констатируя ее малое значение в жизни страны, Мордовцев выдвинул так называемую «теорию централизации», согласно которой печать, как и цивилизация XIX в. вообще, должна непременно сосредоточиваться лишь в крупных государственных и мировых центрах. По мнению Мордовцева, развитие национальной и областной печати сдерживают не цензурные преследования, а «все те же неизменные законы, по которым совершается рост человечества», — «закон центральной силы, закон роста центров, закон роста больших городов». Провинциальной печати Мордовцев отводил хотя и скромную, но жизненно важную задачу, «чуждую всяких политических и иных тенденций: изучать жизненные нужды страны, доводить о них до всеобщего сведения, стараться поставить население в возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцию с центрами, с большими городами». Не раз отвечая на раздражительные отклики русской прессы, Мордовцев не изменил основным положениям своей теории. Только в 1889 г., при включении статей о провинции в собрание своих сочинений, он признал ошибочность некоторых теоретических утверждений, высказанных им в 1875—1877 гг.⁵³

Теория Мордовцева сразу же вызвала единодушный отпор со стороны столичных периодических изданий. «Отечественные записки», «Голос», «С.-Петербургские ведомости» и многие другие газеты и журналы отметили путаность и неубедительность аргументации Мордовцева. Особенно настойчиво высказывала свое несогласие с законом централизации народническая «Неделя».⁵⁴

Но еще более решительной была реакция самой провинции. Пожалуи, не было журнала и газеты, даже в самом отдаленном конце России, которые не выразили бы энергичного протеста против «засилия столичной прессы», против «централистов». Авторы этих, часто наивных, но всегда искренних, откликов увидели в выступлении столичного публициста ущемление прав провинции и принижение возможностей об-

⁵¹ Там же, оп. 12, 1880 г., № 22. Более подробно о журнале см. в воспоминаниях: М. Фрейденберг. «Оса». Судьба юмористических журналов в Одессе (Историческая справка). — Южнорусский альманах, вып. 6. Одесса, 1900, стр. 69—76.

⁵² См. об этом: Г. А. Бялый. В. Г. Короленко — провинциальный публицист (1885—1895). — Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 13, 1948, стр. 234—240.

⁵³ Д. Л. Мордовцев. Исторические пропилеи, т. II. СПб., 1889. — Это признание было связано со значительными изменениями в провинциальной печати 80-х годов.

⁵⁴ См.: «Неделя», 1875, № 45, 48; 1876, № 8, 11, 15.

ластной печати. Они не только отстаивали свое право на существование, но и доказывали жизненную важность провинциальной журналистики, без которой и столичная пресса обречена на гибель. Наиболее острым было выступление выдающегося поборника провинциальной печати А. С. Гациского, который издал в Нижнем Новгороде свое «открытое письмо Д. Л. Мордовцеву» под характерным заглавием «Смерть провинции или нет?».⁵⁵ В страстной защите интересов провинциальной печати выразилось требование изменить тяжелое положение русской прессы; это диктовалось логикой общественного развития. Поэтому местная интеллигенция немедленно воспользовалась «ослаблениями», сделанными Лорис-Меликовым в конце 1870-х годов: сразу же стали возникать новые провинциальные издания, в том числе и русские журналы.

Как правило, большинство этих журналов просуществовало недолго: сказывались и отсутствие литературных сил, и низкий уровень провинциального читателя, и недостаточность средств для издания, и цензурный гнет. В 1880-е годы провинциальная пресса еще не создала авторитетных органов, имевших широкое распространение, однако показателен быстрый количественный рост провинциальной периодики: к 1882 г. в России издавалось 559 газет и журналов, из них 347—в провинции; только в 1881 г. было разрешено 41 новое провинциальное издание.⁵⁶

В провинции возникают, хотя и редко, демократические издания, унаследовавшие традиции передовой журналистики; все большее значение начинают приобретать либерально-народнические органы, в большинстве своем газеты.⁵⁷ Но все же основную массу, как и ранее, составляют издания, направление которых не должно было вызывать нареканий со стороны правительства. Это прежде всего журналы с охранительной программой, появляющиеся опять-таки в Юго-Западном крае России. Таковы, например, варшавская «Беседа» (1886—1906), «народный журнал», чрезвычайно похожий на «Сельское чтение» 1870-х годов и с 1890 г. издававшийся варшавским генерал-губернатором. Снова появляются издания Н. Д. Шигарина («Современник», Киев, 1883—1884 и «Современность», Варшава, 1885), но в них уже нет и намека на демократические симпатии.

Не вызывало беспокойства цензуры и довольно значительное число юмористических журналов, не стремившихся к сатирическим обличениям: прибавление к «Одесскому вестнику» — «Маяк» (1881—1885), «Белоцерковец» (1886), «Мотылек» (Киев, 1888—1889), «Струна» (Кишинев, 1892) и т. д. Это были «органы гласности», заполнявшие страницы низкопробными рассказами, беззубыми статейками о городских непорядках и безобидными карикатурами на горожан и представителей местной власти. Они не пользовались никакой популярностью и редко выдерживали более одного номера, исчезая столь же быстро, как и появляясь.

⁵⁵ О деятельности А. С. Гациского см. в речи В. Г. Короленко, произнесенной в 1894 г., в годовщину смерти нижегородского деятеля печати (В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1914, стр. 332—357).

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 12, 1882 г., № 28, лл. 3—4. — В это число не входили кавказские издания, которые до 1883 г. подчинялись непосредственно кавказскому цензурному комитету. К 1883 г. на Кавказе выходило 34 периодических издания, из них 12 на русском языке (10 газет и 2 журнала). — Там же, оп. 6, 1877 г., № 137, лл. 84—90.

⁵⁷ О народнических влияниях на провинциальную периодику см. в книге П. П. Перцова «Литературные воспоминания. 1890—1902». (М.—Л., 1933), а также в письме М. Горького к И. Груздеву (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30. М., Гослитиздат, 1955, стр. 313—314).

Большое развитие получают в 1880-е годы лишь научные журналы, ставившие целью тщательное изучение края. К их числу принадлежит, например, «Харьковский сборник» (1887—1898) — литературно-научное приложение к газете «Харьковский календарь», печатавший в основном материалы статистического характера и труды по этнографии, истории и географии Харьковской губернии, а также новочеркасский журнал «Дон» (1887—1888), выполнявший подобную задачу в отношении Донского края, или «Терский сборник» (1892—1893) — бесплатное приложение к «Терскому календарю». Лучшие из этих изданий стремились преодолеть узко «областнический» и «беспристрастно научный» характер и поставить обсуждаемые вопросы в связь с общим развитием России. Наиболее интересным в этом плане был «Сибирский сборник» (1886—1904) — приложение к газете «Восточное обозрение», выходивший сначала в Петербурге, а с 1888 г., после установления предварительной цензуры «Восточного обозрения», перенесенный вместе с газетой в Иркутск. Журнал издавался видным народником-областником Н. М. Ядринцевым, при ближайшем участии знатока Сибири Г. Н. Потанина. В нем публиковались статьи (часто резко критического характера) по истории и экономике Сибири и Средней Азии; обширный библиографический отдел знакомил читателей с новинками литературы по этим вопросам. В «Сибирском сборнике» печатались произведения известных писателей-сибиряков — Н. Е. Каронина-Петропавловского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. А. Мачтета и др.; значительное внимание уделялось знаменитым уроженцам или жителям Сибири — А. П. Щапову, И. В. Федорову-Омулевскому, И. Д. Якушкину и т. д. Безусловно прогрессивным был и журнал «Киевская старина» (1882—1906), печатавший многочисленные материалы по истории украинской литературы, а также произведения крупнейших писателей Украины: Л. Украинки, И. Франко, П. Мирного, О. Кобылянской и др.

В провинции появляются научно-популярные органы, ориентированные на широкие круги местной интеллигенции. Таков журнал «По морю и суше», издававшийся в Киеве и Одессе в 1890—1896 гг. Несомненный интерес представляет «Литературный сборник» — приложение к «Волжскому вестнику» (Казань, 1883—1885), помещавший на своих страницах научные исследования и художественные произведения местных авторов. Здесь были напечатаны стихотворения Е. Н. Чирикова, неизвестные «Песни уральских казаков, записанные Железняковым», исследование А. С. Архангельского «Театр допетровской Руси» и т. д.

Однако в программах всех перечисленных научных и научно-популярных журналов, в отличие от столичных органов печати, отсутствуют, как правило, общественно-публицистические отделы. Цензура решительно пресекала любую попытку провинциальных изданий ввести политический отдел, опасаясь «вредного» влияния их на читающую публику. Характерен в этом смысле ответ министра внутренних дел графа Д. А. Толстого на запрос начальника Кубанской области о возможном характере повременных изданий, допускаемых в провинции. «Вообще относительно периодических изданий, — писал Д. А. Толстой, — особенно же политическо-общественных и литературных, необходимо заметить, что увеличение их количества и расширение программ нежелательно, главным образом по затруднительности цензурирования в местностях, где нет штатных цензоров».⁵⁸ Правительство считало вполне достаточным наличие политических отделов в газетах. Чтобы как-то вос-

полнить этот существенный пробел, издатели стали выпускать журналы в качестве прибавлений к крупнейшим провинциальным газетам. Принятые в таких случаях наименования «сборник», «литературное приложение», напоминая об отступлении данных изданий от традиционного типа русских литературно-общественных и научных журналов, в то же время как бы указывали читателям на необходимость хотя бы частичной компенсации отсутствующих общественно-публицистических отделов материалами, публикуемыми в газете. Цензура более снисходительно относилась к подобным приложениям, полагая, что они не будут затрагивать злободневных вопросов.

Но отсутствие благоприятных условий для обсуждения важных вопросов жизни страны все же не могло полностью заглушить голос провинции. В 1880-х годах появляется ряд газет и журналов, выделяющихся демократической направленностью. Среди таких изданий пристального внимания заслуживают два связанных между собою художественно-юмористических журнала — «Фаланга» и «Гусли» (Тифлис, 1880—1882). (О них см. в главе о сатирической журналистике.)

Стройностью и цельностью программы выделялся и харьковский журнал «Мир» (1881—1882). По своему типу он более всего приближался к толстым столичным журналам: имел литературный и научный отделы, литературную хронику, библиографию, внутреннее обозрение, отдел смеси. Являясь одним из первых периферийных либерально-народнических органов, журнал последовательно, хотя и весьма осторожно, проводил мысль о том, что спасение крестьянства заключается в «товариществах земледельцев», ибо только они дают достаточную гарантию ограждения интересов крестьянского сословия и его преуспеяния. Но и осторожное обсуждение «крестьянского вопроса» вызвало недовольство цензора. В первом же номере было запрещено «Внутреннее обозрение», подвергавшее критике законоположения, которые давали возможность помещику угнетать крестьянство и после отмены крепостного права. По поводу этой статьи цензор писал: «Статья эта, несмотря на спокойное изложение и отсутствие полемических выходов и раздражающих рассуждений, заключает в себе совершенно неудобную для обращения в печати мысль о необходимости и возможности отчуждения частной поземельной собственности в пользу крестьянских обществ. Эта, в сущности своей социалистическая, мысль несомненно может произвести брожение между крестьянами, возбудив в них, при теперешнем их настроении, неосновательные надежды».⁵⁹

Таким образом, попытки создать независимую провинциальную журналистику, рассчитанную на широкий круг читателей, потерпели поражение. Подобные издания или закрывались, или же сильно урезывалась их программа. Лишь с середины 1890-х годов, в связи с огромным ростом общественного движения в стране, изменяется и состояние провинциальной периодики. «Движение самих масс» (В. И. Ленин) дало силу и периферийным изданиям, сделав их активными помощниками в общественно-политической борьбе.

⁵⁹ Там же, 1881 г., № 11, л. 55.

„Отечественные записки“

Переход либерального журнала А. А. Краевского «Отечественные записки» в руки представителей революционно-демократического лагеря — примечательная страница в истории русской журналистики. Завоевание литературного органа у противной партии — не случайный эпизод в соперничестве журнальных группировок; этот факт свидетельствовал о важных сдвигах в соотношении противоборствующих сил в русской журналистике — о неуклонном росте влияния демократической печати на ход общественной борьбы в России во второй половине века.

Закрытие «Современника» нанесло тяжелый удар русской революционной демократии. Большой коллектив писателей и публицистов, воспитанных на революционных идеях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, лишился единственной трибуны. Но царскому правительству не надолго удалось выключить революционно-демократическую мысль из сферы общественной борьбы. Едва начала спадать волна политического террора после каракозовского выстрела, как в окружении Н. А. Некрасова встал вопрос о возрождении своего печатного органа.

По единодушному мнению бывшего кружка «Современника» осуществить эту трудную и сложную задачу мог только Некрасов — выдающийся организатор передовой русской журналистики. «Возьмите дозволение на журнал, — обращался к Некрасову беллетрист М. В. Авдеев 31 октября 1867 г., — назовите его „Современность“, и у Вас будет 5 [тыс.] подписчиков... Еще раз советую — беритесь!... Вы обязаны сделать это для литературы: Ваше имя на обертке — знамя, которого теперь нет и значения которого вряд ли еще скоро кто добьется...»¹

Некрасов, однако, хорошо знал, что получить дозволение правительства на новый журнал ни ему, ни его ближайшим соратникам не удастся. Больше того, как стало известно из агентурных донесений в III отделение, обнаруженных советскими исследователями, полиция установила тщательное наблюдение за действиями Некрасова и сотрудников закрытого «Современника», пресекая их попытки негласно взять в свои руки какой-либо журнал или газету. Одна из таких попыток была предпринята осенью 1866 г. через вдову П. А. Плетнева, но возобновить «Современник», используя право наследства, не удалось. О причинах отказа можно судить по секретным донесениям в III отделение: «Совершенно частным образом узнано, что запрещенный журнал „Современник“ возобновляется. Право издания сего журнала... принадлежит покойному Плетневу... Некрасов же был не более как арендатор... Прекращение журнала нанесло существенный ущерб не только

¹ «Литературное наследство», т. 51-52. 1949, стр. 89.

арендатору, но и наследникам того, кому навсегда принадлежит право издания. Поэтому вдова г. Плетнева лично утруждала государя императора всеподданнейшею просьбою о возобновлении журнала. . . Известно, что г-жа Плетнева возобновила сношение с прежними сотрудниками „Современника“, между которыми известный Слепцов опять принимается за описание народного быта и с этой целью намерен поехать в провинцию. Говорят, что и другие сотрудники „Современника“ встретились и теперь сильно работают для возобновления издания». ² Когда в марте 1867 г. издатель-редактор газеты «Неделя» Н. Мунт обратился за разрешением передать редакторство В. Е. Генкелю, начальник III отделения Н. В. Мезенцов предупреждал: «Необходимо только иметь в виду, чтобы он [Генкель] не был подставным лицом. В настоящем случае такое опасение представляется тем более имеющим вероятность, что на газету „Неделю“, как известно, имел виды бывший редактор запрещенного журнала „Современник“ Некрасов. . .» ³

Чтобы поддержать и сохранить литературные силы, группировавшиеся вокруг «Современника», летом 1867 г. Некрасов решает издавать литературные сборники. Но тут произошло любопытное в истории русской журналистики явление. «Помощь» Некрасову в создании своего журнала пришла из лагеря противника: умереннейший либерал Краевский по собственной инициативе передает Некрасову «Отечественные записки», а приближенный царя, министр внутренних дел П. А. Валуев благосклонно разрешает передать журнал в руки крамольного поэта и опаснейшего журналиста.

В июле 1867 г. Краевский предложил Некрасову взять на себя заведование беллетристическим отделом «Отечественных записок». Об этом неожиданном предложении Краевского мы узнаем из ответного письма Некрасова от 28 июля 1867 г. — первого дошедшего до нас документа о переговорах Некрасова с Краевским. «Я серьезно думал об Вашем предложении, Андрей Александрович, и дошел до заключения, что пользы Вашему журналу, по крайней мере *продолжительной и существенной*, не принесу, взяв на себя беллетристику. Я внимательно перечел „От[ечественные] зап[иски]“ последнего года и нашел, что беллетристика в них, — при нынешнем состоянии литературы — вообще удовлетворительна. Все, что можно бы еще привлечь, сопряжено с затратами очень рискованными, потому что, как Вы сами знаете, упрочение и усиление журнального успеха зависит в наше время не от беллетристики. . .» ⁴

Таким образом, уже в самом начале переговоров Некрасова с Краевским столкнулись два различных взгляда на роль и задачи журнала. Если Краевский рассматривал журнал как коммерческое литературное предприятие и прежде всего искал талантливого наемника для извлечения из его имени и таланта новых прибылей, то Некрасов выявляет важнейшую закономерность, отчетливо проявившуюся в русской журналистике со времен Белинского, — журнал из преимущественно литературного окончательно превратился в орган общественной борьбы, в трибуну политических партий. Не из ложной скромности Некрасов заявил Краевскому, что, при всем своем опыте и громкой литературной известности, он не принесет *«продолжительной и существенной»* пользы журналу, возглавляя только беллетристический отдел. Опыт «Современ-

² «Литературное наследство», т. 49-50, 1949, стр. 440.

³ Там же, стр. 514.

⁴ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах, т. 11. М., Гослитиздат, 1952, стр. 86—87.

ника», да и всей русской журналистики доказывал, что в период обострения социальной и политической борьбы и интенсивного развития самосознания русского общества успех журналу обеспечивали наряду с беллетристичкой такие специфически журнальные отрасли литературы, как публицистика и критика.

Твердая позиция, занятая Некрасовым, и заманчивая для предпринимателя перспектива оживления убыточного журнала вынудили Краевского пойти на решительные уступки. По приезде Некрасова из Карабихи в Петербург в сентябре 1867 г. начались переговоры о переходе редакции «Отечественных записок» в руки Некрасова и его единомышленников. В конце ноября условия перехода были сформулированы в специальном договоре. Основные пункты договора заключались в следующем: Некрасов «принимает на себя исключительное заведование редакцией журнала „Отечественные записки“ и становится гласно ответственным редактором этого журнала»; Краевский, оставаясь собственником журнала, «принимает на себя все обязанности издателя журнала, то есть всю хозяйственную часть издания».⁵

Правда, Краевский, стремясь застраховать себя от материальных убытков, связанных с цензурным вмешательством, выговорил «право просматривать в корректурных листах все статьи, приготовленные к печати, и если заметит в них что-либо могущее вызвать преследование администрации, то имеет право печатание такой статьи приостановить, сообщив свои соображения Некрасову». Согласившись на такую своеобразную домашнюю цензуру, Некрасов нейтрализовал эту уступку рядом существенных оговорок. В том же девятом пункте договора еще раз подчеркивалась «полная свобода Некрасова во всем, что касается собственно редакции журнала»; если же Некрасов не согласится с охраняющими журнал соображениями Краевского, «то Краевский, до получения журналом первого предостережения, обязан ему уступить, но если журнал получит первое предостережение, то спорные вопросы такого рода разрешаются третьим лицом». Ради завоевания журнальной трибуны Некрасов пошел и на другую уступку Краевскому: новая редакция обязалась воздерживаться от полемики с либеральной газетой Краевского «Голос» и не помещать «никаких порицательных отзывов о прежней редакции „Отечественных записок“».⁶ Условия договора означали исключительно важную победу Некрасова в борьбе за восстановление органа радикально-демократической мысли в России.

В 1846 г. Краевский после перехода Белинского из «Отечественных записок» в некрасовский «Современник» печатно поклялся, что ни одна статья Некрасова не будет напечатана в «Отечественных записках», пока этот журнал существует. А через двадцать лет тот же Краевский просит Некрасова сотрудничать в «Отечественных записках» и затем передает в его руки редакторские права. Такая перемена не была случайной, она свидетельствовала о новой расстановке сил в русской журналистике. Занимая последнее место по количеству, печать демократического лагеря к середине века имела неоспоримое преимущество перед реакционной и либеральной прессой во влиянии на умы современников. Если в 30-е годы XIX в. в журналистике господствовал реакционный триумvirат Сенковского — Булгарина — Греча, то в 40—70-е годы симпатии читателя завоевывали журналы, направление которых определяли революционеры-демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен,

⁵ «Литературное наследство», т. 53-54, 1949, стр. 339.

⁶ Там же, стр. 340, 341.

Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Писарев и их единомышленники.

«Пропаганда тогда только начинает быть действительной силой, когда она окупається», — писал Герцен в передовой статье первого номера «Колокола». Эту закономерность прессы Краевский постиг на собственном опыте. Когда-то знаменитые, популярные при Белинском «Отечественные записки» к концу 60-х годов владели жалкое существование. В 1867 г. тираж журнала упал до 2 тыс. экземпляров — консервативно-либеральная пропаганда не окупалась и приносила издателю одни убытки. А ведь, казалось, все обстоятельства должны были способствовать успеху журнала Краевского: он был на хорошем счету у цензуры, — значит, издатель не нес материальных потерь от административных воздействий; после закрытия «Современника» и «Русского слова» «Отечественные записки» оказались вне конкуренции. И несмотря на исключительно выгодное положение, умеренно-либеральные «Отечественные записки» с каждым годом, с каждым месяцем теряли подписчиков. Опытный и гибкий предприниматель Краевский понимал, что для оживления журнала необходимо привлечь новые силы, придать изданию резко очерченное направление. А наиболее «доходным» для издателя направлением в конце 60-х годов было демократическое. «Коммерческой слабостью» Краевского и его политической беспринципностью и воспользовался Некрасов.

С силой и влиянием демократической журналистики не могла не считаться и самодержавная власть. Весьма показательно, что царское правительство, осведомленное о переговорах Краевского с Некрасовым, не сочло нужным помешать переходу либерального журнала в руки бывшего редактора «Современника». Мотивы такой лояльности изложил член Совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой. В представленном им Совету 19 сентября 1871 г. «Кратком очерке обстоятельств, при которых образовалась редакция „Отечественные записки“ в ныне существующем составе» говорилось: «Переговоры, происходившие в то время между гг. Краевским и Некрасовым, дошли до сведения бывшего министра внутренних дел [П. А. Валуева], и если его высокопревосходительство не воспрепятствовало соглашению, состоявшемуся между вышеупомянутыми лицами, то это потому только, что находил более удобным сосредоточить бродячие литературные силы бывшего „Современника“ в одном журнале, полагая, что в противном случае они разбредутся по другим изданиям, что поставит еще в большее затруднение цензурное ведомство».⁷ Именно возросшей силой русской демократии объясняется и тот факт, что «Отечественные записки» могли в течение 16 лет вести борьбу против царского правительства, с разрешения которого они выходили.

Некрасов, начиная переговоры с Краевским, по-видимому, не сомневался в их положительном исходе, потому что одновременно приступил к формированию редакции. Переписка Некрасова свидетельствует о том, что он стремился ввести в новую редакцию сотрудников закрытого «Современника». И большинство из них горячо откликнулось на призыв Некрасова. «Быть сотрудником журнала, редактируемого вами, — писал А. Н. Плещеев 8 декабря 1867 г., — я считаю не только за особенное удовольствие, но и за честь... Ведь, право, руки отнимались — работать никакой охоты не было, когда ни одного сколько-нибудь сносного журнала не было».⁸

⁷ «Литературное наследство», т. 49-50, 1949, стр. 446.

⁸ «Литературное наследство», т. 51-52, 1949, стр. 441.

Особенно важное значение Некрасов придавал участию в журнале Салтыкова-Щедрина, который еще в «Современнике» проявил себя исключительно разносторонним журналистом. «Без него, — писал Некрасов Краевскому о Салтыкове-Щедрине, — конечно, дело не может склеиться в том виде, как мы хотели».⁹ «Нужным и полезным в предполагаемом деле» Некрасов считал Г. З. Елисеева, прославившегося в «Современнике» своими публицистическими обзорами.

Но в составе редакции обновляемых «Отечественных записок» с самого начала наметились и существенные изменения по сравнению с редакцией «Современника». Некрасову удалось «перетянуть» в свой журнал «чужого» для «Современника» Писарева. Привлечение к работе в «Отечественных записках» ярко одаренного критика и публициста, одного из кумиров революционной молодежи 60-х годов было несомненной заслугой и удачей Некрасова. В то же время за бортом будущей редакции оказались такие видные деятели некрасовского «Современника», как Ю. Г. Жуковский, М. А. Антонович и А. Н. Пыпин. Это событие вызвало оживленные толки среди современников, споры о причинах разрыва идут и по сей день.

Первым публичным откликом на это событие явилась полемическая брошюра «Материалы для характеристики русской литературы. I. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым М. А. Антоновича. II. Содержание и программа „Отечественных записок“ за прошлый год. Ю. Г. Жуковского. СПб., 1869». Разрыв с Некрасовым Антонович и Жуковский объясняли отступничеством поэта от прежних демократических идей, переходом его на либеральные позиции Краевского. Ошибочность, несправедливость, грубую тенденциозность памфлета Жуковского и Антоновича отметили не только демократические, но и либеральные органы печати России.¹⁰

Более подробную и достоверную картину возникновения конфликта в бывшей редакции «Современника» нарисовал в своих воспоминаниях Елисеев. По словам Елисеева, на одном из обсуждений состава редакции Жуковский, выступавший также от имени Антоновича и Пыпина, выставил ряд условий, явно неприемлемых для Некрасова, а именно: получать половину прибылей, пригласить оплачиваемых редакторов — Антоновича и Пыпина; в случае привлечения в качестве со-редактора Елисеева, оплачивать его труд не из общередакционных сумм, а из доли самого Некрасова.

Общепринятая версия Елисеева о причинах конфликта Некрасова с Жуковским и Антоновичем долгое время никем не оспаривалась. В ее достоверности усомнились Б. Папковский и С. Макашин. В своем исследовании «Некрасов и литературная политика самодержавия», опираясь на обнаруженные ими новые цензурные документы и по-своему истолковывая некоторые письма Некрасова, они пришли к выводу, что «раскол в бывшей редакции „Современника“ был непосредственно вызван прямым вмешательством властей»,¹¹ а не денежными соображениями и претензиями Жуковского на руководство делами редакции. Действительно, на заседании Совета Главного управления по делам печати

⁹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, стр. 89.

¹⁰ С отповедью Антоновичу и Жуковскому выступили, например, «С.-Петербургские ведомости» (1869, 4 февраля), «Дело» (1869, № 4); в мае 1869 г. вышла брошюра И. А. Рождественского «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского», направленная в защиту Некрасова. Несправедливость своих обвинений впоследствии признал и Антонович.

¹¹ «Литературное наследство», т. 49-50, 1949, стр. 449.

19 сентября 1871 г. член Совета Ф. М. Толстой заявил, что при переходе редакции в руки Некрасова правительством «признано было необходимым устранить от участия в „Отечественных записках“ гг. Антоновича и Юлия Жуковского, отличавшихся крайними воззрениями, о чем и были поставлены в известность как г. Краевский, так и г. Некрасов. . .»¹²

Как ни убедителен этот документ, все-таки с выводами Папковского и Макашина согласиться нельзя. Трудно предположить, чтобы Некрасов и Краевский обратились в правительство за разрешением на переход журнала до того, как договорились между собой об условиях перехода. Как известно из письма Некрасова, еще утром 29 ноября 1867 г. переговоры его с Краевским едва не кончились провалом. И только после того как вечером 29 ноября дело с журналом было улажено, 30 ноября Некрасов сообщил Краевскому о своем визите к министру внутренних дел П. А. Валуеву: «Валуев сказал, что с своей стороны препятствий не находит и будет говорить в этом смысле с Шуваловым. Мне же советовал побывать у Мезенцова».¹³ Значит, Некрасов был поставлен в известность об устранении из редакции Жуковского и Антоновича Валуевым или Мезенцовым не ранее 30 ноября или в первых числах декабря. А между тем еще 20 ноября 1867 г. Некрасов писал Пыпину: «Из разговора с Жуковским я убедился, что мы с ним сойтись не можем. . . Итак, этот вопрос покончен. . .»¹⁴

Ясно, что разрыв Некрасова с Жуковским произошел до того, как правительство вмешалось в формирование редакции.¹⁵ Последовавший затем ультиматум правительства лишил Некрасова возможности привлечь Жуковского и Антоновича к участию в журнале на правах обычных сотрудников, к чему они, видимо, стремились впоследствии. Подтверждением является письмо Некрасова Жуковскому от 11 марта 1868 г.: «. . . администрация смотрит все еще на Ваше имя с ужасом и заставляет нас перепечатывать страницы, где встречается фраза, напоминающая Ваши статьи».¹⁶

Непосредственной и основной причиной конфликта Некрасова с Жуковским явились претензии последнего на руководство журналом. По воспоминаниям Елисеева, Жуковский «хотел сделаться не только постоянным наблюдателем, ревизором всех расходов журнала, но и настоящим его хозяином, распоряжающимся и всем внутренним содержанием. . .»¹⁷

У Некрасова были основания отклонить подобные претензии, и вместо Жуковского, а также Пыпина и Антоновича,¹⁸ интересы которых

¹² Там же, стр. 446.

¹³ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, стр. 96.

¹⁴ Там же, стр. 91—92.

¹⁵ В самом деле, какой был смысл Некрасову начинать переговоры с Жуковским об участии его в редакции, заранее зная, что такое участие исключено правительством? И зачем было Некрасову в доверительном письме к Пыпину от 20 ноября 1867 г. скрывать от него истинные причины отказа Жуковскому и придумывать не существующие для дела мотивы? Некрасов, как известно, всегда отличался прямоотой и откровенностью в деловых переговорах. Наконец, вряд ли Жуковский и Антонович решились бы выступить с памфлетом против Некрасова и новой редакции «Отечественных записок», если бы непосредственной и главной причиной их неучастия в редакции было правительственное распоряжение.

¹⁶ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, стр. 106.

¹⁷ Шестидесятые годы. М.—Л., 1933, стр. 355.

¹⁸ Говоря о причинах конфликта в бывшей редакции «Современника», не следует отождествлять имена Жуковского и Антоновича, как делают многие исследователи. Антонович после закрытия «Современника» сразу же уехал за границу, поручив пред-

представлял на переговорах Жуковский, избрать своими соредакторами Елисеева и Салтыкова-Щедрина. После закрытия «Современника» Жуковский постепенно отказывается от прежних радикальных увлечений и к концу 60-х годов доходит до прямого отступничества от линии «Современника». Поправление Пыпина стало проявляться еще в период его работы в «Современнике». Не случайно вскоре он вошел в редакцию либерального «Вестника Европы».

Итак, в конце 1867—начале 1868 г. состав редакции и основной круг сотрудников «Отечественных записок» определились. Номинальным редактором оставался Краевский; царское правительство, вынужденное дать согласие на передачу редакции в руки Некрасова, не осмелилось, однако, гласно признать его руководителем журнала, надеясь через официального редактора Краевского повлиять на направление «Отечественных записок» (несмотря на многочисленные попытки, Некрасову так и не удалось добиться официального утверждения в звании редактора фактически руководимого им журнала).

Первоначально единственным помощником Некрасова был Елисеев. С августа 1868 г., после окончательного ухода со службы в министерстве финансов, в работу редакции включается Салтыков-Щедрин. Роли в редакционном триумвирате «Отечественных записок» были распределены следующим образом: Некрасов осуществлял общее руководство журналом и вел отдел поэзии; Салтыков-Щедрин отвечал за беллетристику, Елисеев — за публицистику. Секретарем редакции был приглашен современниковец В. А. Слепцов, а во время его болезни, с конца 1872 г., эти обязанности принял за себя А. Н. Плещеев. Библиографическим отделом заведовал Н. С. Курочкин; в отделе активно сотрудничали А. П. Пятковский и П. М. Ковалевский, выступавший с театральными и музыкальными обзорами.

Роль ведущего критика в преобразованных «Отечественных записках» предназначалась Писареву. Его сотрудничество в журнале Некрасова началось весьма интенсивно: в первые же месяцы Писарев опубликовал четыре статьи: «Французский крестьянин в 1789 г.», «Старое барство», «Романы Андре Лео», «Мистическая любовь». Статьи печатались без подписи: по свидетельству Н. С. Курочкина, «с подписью своего имени он хотел явиться позднее в самостоятельных критических статьях. . . Уезжая в Ригу, [Писарев] заготавливал материал для семи обещанных нам статей» («Отеч. зап.», 1868, № 8, стр. 175). Трагическая гибель Писарева во время купания на Рижском взморье была невосполнимой потерей для журнала.

Н. К. Михайловский примкнул к редакции «Отечественных записок» после «долгих и мучительных раздумий». Если комбинация с Краевским первоначально смущала даже ближайших сотрудников Некрасова, то еще более щепетильно и подозрительно относился к такому союзу молодой, радикально настроенный публицист. Вскоре, однако, Михайловский понял «маневр» Некрасова, и к концу 1868 г. он стал сотрудником «Отечественных записок». А уже в июле 1869 г. Некрасов писал Краевскому: «. . . есть у нас сотрудник Н. Михайловский; теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых, и ему, без сомнения, пред-

ставительство своих интересов Жуковскому. В переговорах с Некрасовым Антонович не участвовал, о ходе их он узнавал от Жуковского. Как справедливо отмечает В. В. Чубинский, «Антонович смотрел на преобразование „Отечественных записок“ глазами Жуковского, что повлекло за собой ряд серьезных ошибок с его стороны» (В. В. Чубинский. М. А. Антонович. Очерк жизни и публицистической деятельности. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 147).

стоит хорошая будущность. Кроме несомненной талантливости, он человек со сведениями, очень энергичен и работающ. „Отечественным запискам“ он может быть полезен сильно и надолго.¹⁹ С осени 1871 г., помимо часто публикуемых литературно-критических и философских статей, Михайловский начал вести постоянное журнальное обозрение. В 1878 г., после смерти Некрасова, Михайловский становится соредактором Салтыкова-Щедрина.

С самого начала связал свою судьбу с обновленными «Отечественными записками» Н. А. Демерт. Его публицистические обозрения общественной жизни России ежемесячно появлялись в журнале до 1875 г. После преждевременной смерти Демерта общественную хронику некоторое время вел А. А. Головачев.

Несмотря на цензурные опасности, Некрасов привлёк к негласному сотрудничеству в своем журнале видного революционера-эмигранта П. Л. Лаврова, а с 1871 г. в журнале начинает печататься бывший сотрудник закрытого «Русского слова» В. А. Зайцев, вступивший в это время в члены Русской секции I Интернационала.

По традиции «толстых» русских журналов в «Отечественных записках» регулярно печатались письма из Парижа — ежемесячные обозрения политической и общественной жизни Франции. В качестве обозревателя по рекомендации Н. С. Курочкина Некрасов пригласил известного парижского журналиста и историка, умеренного демократа Шарля Луи Шассена, писавшего под псевдонимами Клодт Франк и Людовик.

Регулярно на страницах журнала появлялись статьи видных русских ученых: И. М. Сеченова, Л. И. Мечникова, В. В. Докучаева, П. А. Костычева, А. П. Шапова, Н. И. Костомарова, М. И. Зибера, И. И. Янжула. В 80-е годы в «Отечественных записках» с изложением учения К. Маркса выступил Г. В. Плеханов.

Почти целиком перешла в «Отечественные записки» группа писателей, сплотившаяся вокруг «Современника»: Г. И. Успенский, В. А. Слепцов, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, М. Вовчок, поэт А. М. Жемчужников. Постоянным сотрудником «Отечественных записок» стал А. Н. Островский: каждая новогодняя книжка журнала открывалась новой пьесой знаменитого драматурга. «Отечественные записки» явились литературной колыбелью для многих молодых русских писателей 70—80-х годов. В. М. Гаршин, А. О. Осипович-Новодворский, С. Н. Терпигорев, Н. Е. Каронин-Петропавловский, Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и другие или дебютировали, или получили литературное признание в журнале Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

Неоднократные попытки Некрасова и Салтыкова-Щедрина привлечь к сотрудничеству Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского не достигли цели. Толстой опубликовал в «Отечественных записках» лишь одну педагогическую статью, Достоевский — роман «Подрасток»; ни одного произведения Тургенева в журнале не появилось.

Имена публицистов и беллетристов, объединившихся вокруг Некрасова, говорили сами за себя. И когда 23 января 1868 г. вышла в свет очередная книжка журнала, то все увидели, что от старых «Отечественных записок» Краевского остались только название да имя издателя-редактора на обложке. В России родился новый журнал, очень близкий по внешнему виду,²⁰ содержанию и именам авторов к «Современнику».

¹⁹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, стр. 147.

²⁰ До перехода в руки Некрасова «Отечественные записки» выходили двумя книжками в месяц. Теперь годовое издание состояло из 12 номеров объемом не менее 30 листов каждый.

Прежде всего это почувствовала реакция и царская охранка. Так, 6 апреля 1868 г. реакционный журналист, по совместительству агент III отделения, И. А. Арсеньев писал в редактируемой им «Петербургской газете», что «Отечественные записки» возрождают «умерший насильственной смертью» «Современник». Вскоре убедилась в этом и публика. Не случайно в первый же год подписка на журнал подскочила до 5 тыс. экземпляров, конечно, в первую очередь за счет читателей бывшего «Современника», в следующем году число подписчиков увеличилось еще на тысячу. Успех журнала настолько упрочился, что редакция вместо рекламного объявления на 1869 год ограничилась следующим заявлением: «Имея в виду, что публика в течение года получила достаточное понятие о настоящей редакции „Отечественных записок“, мы не сочли нужным ни распространяться в наших объявлениях о том, как мы будем действовать в 1869 году, ни публиковать материалы, заготовленные нами для журнала» (1869, № 1, «Совр. обозр.», стр. 222). Быстрый и все возрастающий успех новых «Отечественных записок» на протяжении их долгой шестнадцатилетней жизни объясняется не только искусством руководства Некрасова и Салтыкова-Щедрина и высоким качеством литературного материала, но прежде всего тем, что журнал чутко улавливал запросы времени, выражал передовые идеалы своей эпохи, был центром демократической мысли России 1870—1880-х годов.

В отличие от «Современника» конца 1850 — начала 1860-х годов, идейную позицию которого целиком определяли последовательные революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов, на направление «Отечественных записок» влияло значительно большее число писателей и публицистов, различно смотревших на пути развития России.

В. И. Ленин выделил два основных течения прогрессивной общественной мысли России в эпоху 1860—1870-х годов: просветительское и народническое. И хотя между этими течениями, как отмечал Ленин, по существу воззрений не было ничего общего, так как они ставили разные вопросы, оба течения в рассматриваемую эпоху находились в определенной связи друг с другом и часто уживались в одном редакционном доме. Не случайно для характеристики и просветителей, и народников Ленин использовал материалы, публиковавшиеся в одном и том же журнале — в «Отечественных записках». ²¹

Анализ «Отечественных записок» 1868—1884 гг. показывает, что идейное направление журнала определяли на разных этапах в разной степени и просветители — последовательные представители «наследства 60-х годов», и «народники, хранящие „наследство“ или претендующие на хранение его», и народники, уже «отрекшиеся от наследства». ²²

В произведениях, опубликованных на страницах журнала, отразились как сильные, так и слабые стороны русского освободительного движения. Идейные позиции «Отечественных записок» были сложными и противоречивыми, как и сама эпоха. «Время, в которое мы пишем, а нас читают... — замечал Елисеев в первом номере журнала, — может быть поистине названо *вопросительным*: мы все спрашиваем, или, выражаясь высоким слогом, ставим вопросы» (1868, № 1, стр. 115).

²¹ Анализ очерков Скалдина (Ф. П. Еленева) «В захолустье и в столице» (1867—1869), А. Н. Энгельгардта «Из деревни» (1872—1882) и статьи С. Н. Кривенко «Новые всходы на народной ниве» (1879) лег в основу ленинских программных статей «От какого наследства мы отказываемся?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

Какие же основные вопросы ставили «Отечественные записки» перед русским читателем и как их решали в конце 60 — начале 80-х годов XIX в.?

* *
*

Старая злоба дня — протест против крепостничества и всех его пережитков в экономической и духовной жизни русского общества, острые дискуссии вокруг крестьянской реформы и ее последствий — являлась, пожалуй, самым животрепещущим вопросом для всех групп сотрудников «Отечественных записок» на всем протяжении шестнадцатилетней жизни преобразованного журнала.

Руководители «Отечественных записок» и большинство сотрудников, признавая в целом прогрессивное значение реформы 1861 г., оценивали результаты ее как неудовлетворительные, и прежде всего потому, что реформу проводили помещики в сделке с царским правительством исключительно в своих интересах. Правда, прямо писать о царе как о враге крестьянства и защитнике крепостников-помещиков было нельзя, но журнал — то методом умолчания, то весьма откровенными намеками — умел разъяснять свою точку зрения.

Недвусмысленно высказал свое отношение к царской реформе Демерт в документальной повести «Новая воля», где он живыми красками запечатлел реакцию крестьянства на обнародование манифеста: «Там на фонарях уж воля прибита!..» «...Русский народ встретил свою так называемую „волю“ не с песнями и плясками, а в глубокой тишине и молчанием...» (1869, № 9, стр. 4, 8). Салтыков-Щедрин в 1879 г. высмеивал широко распространенные в реакционной и либеральной печати версии о гуманности, добровольных жертвах и уступках дворян в пользу крестьян. Герой «Убежища Монрепо» помещик Прогорелов вспоминает, что «добрые» и «просвещенные» дворяне во время подготовки и проведения реформы дали «делу такое направление, чтобы, с одной стороны, крестьянин сейчас же почувствовал, а с другой — помещик сколь возможно меньше ощутил» (1879, № 2, стр. 583). В очерках «Молодые побеги от старых корней» Н. Н. Фирсова помещик Крутов, будучи становым, так разъясняет взбунтовавшимся крестьянам историю их «освобождения»: «Кто... волю-то помогал писать? Мы же, дворяне... Баре писали и переписывали! А кто вводит волю? Опять мы, дворяне, а не вы, сиволопы... А вам жирно хлебать захотелось. Накось!» (1879, № 11, стр. 419).

Главное зло реформы 1861 г. «Отечественные записки» видели в значительной урезке крестьянских земель в пользу крупных землевладельцев. На страницах журнала приводилось много фактов, доказывавших, что во втором десятилетии пореформенной жизни помещики, приноравливаясь к новым условиям, опираясь на привилегии, дарованные им реформой, ведут свои хозяйства крепостнически, пользуясь почти даровым трудом закабаленных крестьян.

В известных очерках «Из деревни», которые пенатались в «Отечественных записках» на протяжении десяти лет, с 1872 по 1882 г., А. Н. Энгельгардт показал, что реформа не уничтожила барщинную систему, ибо «основа помещичьих хозяйств не изменилась», что пережитки барщины не только встречаются, но и процветают в помещичьем хозяйстве, и без них большинство помещиков не может обойтись, что «свободный» крестьянин вынужден работать на помещика на таких же условиях, как и при крепостном праве. Что же заставляет «свободных» крестьян почти даром работать на землевладельца? «Самое первое, — пишет Энгель-

гардт, — самое важное средство, самая крепкая опора, чтобы ввести крестьян в оглобли, — это отрезки и выгоны». Энгельгардт видел в отрезках наиболее грубую форму феодальной эксплуатации мелкого земледельца, позволявшую помещикам сохранять старую, отсталую систему хозяйства.

Помещичьи хозяйства после реформы сократились в размерах, но их основа мало в чем изменилась: способ обработки помещичьих полей остался прежним. «Прежде, при крепостном праве, помещичьи поля обрабатывались крестьянами, которые выезжали на эти поля со своими орудиями, точно так же обрабатываются помещичьи поля и теперь, теми же крестьянами с их лошадьми и орудиями, с тою только разницею, что работают не крепостные, а еще с зимы задолженные», — пишет Энгельгардт двадцать лет спустя после реформы (1881, № 1, стр. 182).

Энгельгардт страстно протестует против пережитков крепостничества не только потому, что они являются средством закабаления «свободного» крестьянина; в остатках барщины он видит основную причину рутинного состояния техники, агрокультуры как у крестьянина, так и у помещика, что обуславливало низкий уровень всего сельскохозяйственного производства в России.

Яркая картина крепостнической практики помещиков в пореформенной деревне нарисована Фирсовым в уже упоминавшемся цикле очерков «Молодые побеги от старых корней». Один из героев этого цикла, помещик Крутов, ведет диспут с юным помещиком, начитавшимся новых сочинений и ожидавшим великих благ от заведенной им семипольной системы. Крутов безжалостно высмеивает наивного мечтателя и всю его систему: он доказывает, опираясь на собственный опыт, что «единственно возможная и доходная система хозяйствования — это обдувание мужика на трех полях». «Заманивай мужицких бляшек и коровушек на свои пажити и взыскивай с пейзаж за потрапу рабочие дни. . . — поучает он молодого либерального помещика, — отпускай в долг и взыскивай капитал и проценты работой; давай мужику побольше зерна в долг в мае и в июне с тем, чтобы в августе и сентябре было возмещено в полтора раза и т. д. Применяй тот же прием к селу и соломе. Словом, оборачивайся без денег и мужику оказывай одолжение без денег» (1879, № 10, стр. 427). Нетрудно заметить, что сущность экономической программы Крутова заключается именно в стремлении установить безденежные отношения с крестьянами, в возрождении чисто крепостнических форм эксплуатации.

С резким протестом против крепостной регламентации жизни выступал автор «Внутренних обозрений» Елисеев. Нищету и бесправие крестьян он ставит в прямую связь с обилием пережитков крепостного права, на которых зиждется помещичье хозяйство.

В оценке реформы 1861 г. в «Отечественных записках» 70—80-х годов не было такого единодушия, которое существовало в «Современнике» во время подготовки и проведения реформы: наряду со статьями, выражавшими интересы крестьян, начинают появляться и статьи правонароднического, либерального толка. Тот же Елисеев, затушевывая коренную противоположность интересов помещиков и крестьян, иногда истолковывал характер реформы и побудительные мотивы ее проведения в откровенно либеральном духе. В 1868 г. в статье «Крестьянский вопрос» он писал: «Все мы знаем, что дело освобождения крестьян было у нас делом не правительства только, но вместе и русского дворянства. По приглашению правительства дворянство единодушно и со всею го-

товностью согласилось предоставить крестьянам за известный выкуп поземельные наделы в их собственность. Со стороны русского дворянства была здесь свободная, благородная патриотическая жертва» (1868, № 3, стр. 153). В статье 1874 г. «Крестьянская реформа» Елисеев утверждал, что в России нет «исторической вражды сословий»; крепостнический характер реформы, обезземеление крестьянства он объясняет «недомыслием и ограниченностью» помещиков.

Либеральными идеями проникнуто обширное исследование И. И. Иванюкова «Роль правительства, дворянства и литературы в крестьянской реформе», которое публиковалось в журнале на протяжении 1880 и 1881 гг. По его мнению, правительство, и в первую очередь мудрый монарх, во время подготовки и проведения реформы отстаивали «благо крестьян», «интересы государства», а дворянское большинство оказывало противодействие. По словам Иванюкова, действия царского правительства «были благодетельны в отношении интересов народа», либеральное меньшинство, к которому автор причисляет «просвещенное дворянство», якобы «честно несло в жертву свои привилегии и материальные выгоды» ради благодетельствования крестьян. И если реформа не улучшила «экономический быт» крестьянства, то только потому, что правительство и царь «не смогли устоять перед противодействием отсталой части дворянства».

Сообразно с такой откровенно либеральной оценкой роли царского правительства и дворянства в проведении реформы Иванюков все надежды в деле облегчения участи крестьян возлагает на «мудрое» и «честное» правительство. Он пишет: «... угрожающее экономическое состояние страны породило, наконец, время, когда можно надеяться, что великое дело возвышения уровня материального быта народа, задуманное, но не выполненное крестьянской реформой, поставлено нашим правительством как самая важная и неотложная государственная задача» (1881, № 4, стр. 344). Отсюда Иванюков делает вывод, что в настоящее время, при такой заботе правительства и передового дворянства о благополучии народа, «элемент борьбы в деле изменения социальных условий жизни, игравший до сих пор преобладающую роль, будет более и более заменяться элементом просвещенного наукою сознания... единственным руководителем в установлении социальных условий жизни, покоящихся на солидарности и гармонии интересов людей» (1880, № 12, стр. 335).²³ Это была проповедь классового мира.

В сохранении и господстве множества пережитков крепостничества «Отечественные записки» видели основной тормоз экономического и социального развития страны. Носителями этих пережитков, точнее — хранителями и продолжателями старого уклада жизни, были помещики, дворяне-землевладельцы. Против их хозяйственной практики, политики и идеологии и был направлен огонь критики журнала. Но в конце 70-х годов в деревне рядом с помещиком, а часто и на его месте рос и разви-

²³ Неудивительно, что это исследование Иванюкова — единственное произведение в новых «Отечественных записках», получившее одобрение цензуры. В докладе комитету министров, обнаруженном нами в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, председатель петербургского цензурного комитета А. Г. Петров сообщал, что «соответствует видам правительства» статья под заглавием «Роль правительства, дворянства и литературы в крестьянской реформе» Иванюкова: «Автор всю честь освобождения крестьян приписывает государю императору и правительству, так как крестьянской реформе пришлось бороться с весьма влиятельным элементом помещиков, несочувствовавших освобождению в той форме, какую имел в виду государь император и правительство» (Уч. зап. ЛГУ, № 218, сер. филолог. наук, вып. 33, 1957, стр. 127—128).

вался деревенский буржуа всех рангов, начиная от кабатчика и кулака и кончая купцом-миллионщиком. «Отечественные записки» не могли пройти мимо новых явлений в жизни России, не могли не дать оценки повсеместно нарождающейся и быстро растущей сельской буржуазии. Журнал подчеркивал большое сходство ее с помещиками-землевладельцами в методах хозяйствования, а значит, и в методах эксплуатации. Новые «столпы», завоевывавшие деревню, недалеко ушли от старых крепостников.

Одним из первых эту особенность русской буржуазии подметил Салтыков-Щедрин. Ведя непримиримую, бескомпромиссную войну со всем строем крепостничества, он с таким же пафосом разоблачал специфически крепостнические черты в хозяйственной практике и идеологии новых «хозяев». Щедрин наносил главные удары по буржуазии периода первоначального накопления, по буржуазии, тесно связанной с помещичьим землевладением, активно поддерживающей наиболее реакционные стороны политики самодержавия. Говоря о происхождении новых «столпов», Салтыков-Щедрин писал, что «это — ублюдки крепостного права, выбивающиеся изо всех сил, чтобы восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойнической, но несомненно более воровской» (1879, № 8, стр. 211). Характерно, что в поле зрения сатирика — не капиталисты-промышленники, заводчики, фабриканты, имеющие дело с вольнонаемными рабочими, а деревенские воротилы, местные кровососы, которые, заняв помещичьи усадьбы, отбросив изжившие себя традиции и приемы прямого принуждения, тем не менее сохранили основные пережитки старого уклада и на них основывали свое хозяйствование: закабаление привязанного к земле крестьянина-общинника, умелое использование отрезков, хищнический грабеж трудового народа. Салтыков-Щедрин неоднократно оговаривается, что речь идет прежде всего о деревенской буржуазии в тот период ее развития, когда землевладельца-капиталиста трудно отличить от вчерашнего помещика-крепостника. Характеризуя тип деревенского мироеда, Щедрин пишет: «Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе. . . Он преуспевает потому, что пользуется особыми свойствами реформы; в благоприятно сложившейся для всякого кровопивства обстановке, пользуясь забитостью, безысходным положением крестьян, он готов любыми средствами „слопать“ кишасшие вокруг него массы „рохлей“, „ротозеев“ и „дураков“» (1879, № 9, стр. 215).

Особенности развития капитализма в русской деревне нашли отражение в публицистических статьях и художественных произведениях многих авторов и сотрудников журнала. Этой теме в основном посвящена большая очерковая хроника С. Атавы (псевдоним С. Н. Терпигорева) «Оскудение». В очерках Терпигорева тесно переплетаются две темы: оскудение дворянства, развал старой крепостной системы и разоблачение хищничества и алчности новых хозяев деревни. На смену бывшим крепостникам идут новые «баре» — купцы Подугольниковы, Луповы и целая вереница мелкотравчатых хищников. Если раньше помещики грабили народ открыто, без всяких ухищрений, то их преемники в свои отношения к мужикам внесли «нравственно-воспитательный элемент» — систему кабальных условий, рассрочек в платежах, оплату долгов половиной урожая, усовершенствованную шкалу штрафов и т. п. При помощи таких способов они ввергают в новую кабальную зависимость свободных от крепостной зависимости крестьян. «На смену одного

безобразия явилось другое», — так оценивает Терпигорев действительность пореформенной России (1880, № 3, стр. 213).

Подробную характеристику новых отношений, складывающихся в пореформенную эпоху в России между крестьянством, с одной стороны, помещиками и буржуазией — с другой, дал известный экономист В. Г. Трирогов в статье «Кабала в народном хозяйстве», напечатанной в майском номере «Отечественных записок» за 1879 г. Принудительный груд, пишет Трирогов, встречается повсеместно и распространен настолько широко, что не только не считается нарушением каких-то законов, но одобряется и поддерживается самими властями. В статье рассказывается, что волостные правления с целью надежного взыскания налогов в принудительном порядке отправляют крестьян на работу к крупным землевладельцам или местным предпринимателям, конечно на кабальных условиях, т. е. насильно отдают в кабалу не только отдельных крестьян, но и целые общины.

Трирогов указывает, что помещики и кулаки настойчиво цепляются за обычай круговой поруки, умело используя оставшийся от крепостного права институт для обеспечения своего хозяйства даровой рабочей силой. В контрактах, заключаемых во время выколачивания податей или при других бедствиях, крестьяне по требованию нанимателей обязываются «работу оную производить и платить неустойки... все друг за друга круговую порукою». Подводя итог своим наблюдениям над способами и условиями найма рабочей силы землевладельцами и предпринимателями, Трирогов приходит к выводу, что и в этой области общественных отношений проглядывает старая крепостническая система, только в несколько измененном и замаскированном виде. «Такое принудительное положение личного труда, — пишет Трирогов, — именуется в народе кабалою, а самый труд — кабальным» (1879, № 5, «Совр. обозр.», стр. 114).

Такую же характеристику русской буржуазии дает один из ведущих публицистов журнала — Н. К. Михайловский: «Русская литература обнаруживает большое, и в ней, слабой и неразвитой, особенно драгоценное чутье, чураясь „буржуазных идеалов“. Каков бы ни был европейский буржуа... наш русский буржуа, этот не вполне еще сложившийся конгломерат помещика, мечтающего о воскрешении тихих и простых прелестей крепостного быта, разжиревшего лавочника, кабатчика и кулака — этот конгломерат поистине чудовищен. Его чураться и бояться простительно даже тем, кто преклоняется перед исторической ролью европейского буржуа» (1879, № 6, «Совр. обозр.», стр. 80—81).

В. И. Ленин, касаясь высказываний Михайловского, писал: «Он признает за доказанное, что в действительности в том, что происходит у нас перед глазами, никаких прогрессивных изменений в старых общественно-экономических отношениях развитие капитализма *не приносит*. Именно в этом-то и состоит народническое воззрение...»²⁴ Как мы видели, на страницах «Отечественных записок» различные авторы высказывали довольно сходные мысли об особенностях развития русской буржуазии.

Несомненно, ленинская оценка воззрений Михайловского на русскую буржуазию в какой-то мере относится ко всему журналу, в том числе и к Салтыкову-Щедрину. Щедрин был последовательным хранителем «наследства 60-х годов». Но если шестидесятники «искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, ко-

торый вырастал из крепостного»,²⁵ то Салтыков-Щедрин в новую эпоху русской истории одним из первых заметил и отразил в своих произведениях быстрое и широкое развитие капиталистических отношений в деревне и острые, непримиримые противоречия этих отношений. Салтыков-Щедрин не мог увидеть в деревенском буржуа, хозяйничавшем рядом с помещиком, никого другого, как жестокого и беспощадного эксплуататора-хищника, разорителя крестьянства. Но при сравнении позиций Щедрина и Михайловского речь может идти не о единстве их взглядов в оценке капиталистических отношений в России, а об относительном единстве просветителя Щедрина и народника Михайловского в разоблачении пережитков крепостного права, господствовавших в стране, в том числе в практике и в идеологии русской буржуазии в период так называемого первоначального накопления.

В оценке капитализма между сторонниками Щедрина и народнической группировкой в журнале имелось больше расхождений, чем точек соприкосновения. Для правоверного народника капитализм был «неприемлем» прежде всего потому, что новые производственные отношения разрушали пережиток крепостной системы хозяйства — крестьянскую общину, которую народники пытались использовать для «социалистического» переустройства общества. Просветитель же увидел в деятельности определенной части русской буржуазии продолжение старых методов эксплуатации крестьянства, существовавших при крепостном праве, наиболее тягостных, наиболее реакционных и потому несовместимых с задачами общенародного освободительного движения.

Как и Салтыков-Щедрин, многие беллетристы и публицисты «Отечественных записок» (например, Г. И. Успенский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, И. А. Салов, А. Н. Энгельгардт, В. Г. Трирогов и др.) выступали за свободные от всякой крепостной и самодержавной регламентации отношения между предпринимателями и работниками (крестьянами), видели в свободном найме, в ликвидации кабалы определенный прогресс.

Принципиальные разногласия между просветителями и народниками в оценке сложных явлений пореформенной действительности особенно резко выявились в статьях известного публициста и экономиста В. П. Воронцова, который был привлечен к сотрудничеству в журнале Михайловским в начале 80-х годов, на исходе второй революционной ситуации. Воронцов признает, что основной причиной бедствий крестьянства является обезземеление, «стеснение его самостоятельного хозяйствования». Но пафос статей Воронцова заключается не в борьбе с крепостническими пережитками, а в наивном протесте против развивающегося крупного капитализма. Вопреки фактам действительности, Воронцов пытался доказать, что раз гибель помещиков предопределена, то и пережитки старого исчезнут сами собой. «Нашим крупным сельским хозяйствам, — пишет он, — не остается ничего другого делать, как ликвидировать свои дела, отказаться от сельскохозяйственной деятельности, которая и перейдет всецело в руки крестьян». Он не показывает устойчивости крепостнических пережитков, их реакционного влияния на все сферы русской жизни, а пытается убедить читателя в том, что «более чуткие в нравственном отношении землевладельцы» сами «отказываются от занятия сельским хозяйством», предпочитая уйти «от греха и соблазна», не желая якобы заниматься «бесцеремонной эксплуатацией

²⁵ Там же, стр. 520.

крестьян, пользуясь их нуждой» (1881, № 2, «Совр. обзор», стр. 175—176).

Воронцов рассматривает помещицьи хозяйства как чисто капиталистические, основываясь на том, что после реформы помещик вынужден пользоваться наймом раскрепощенных от личной зависимости крестьян. Наиболее тяжело для русского крестьянства, говорит он, заключается не в средневековых формах эксплуатации, обусловленных помещичьим землевладением, а в капитализации сельского хозяйства. Стирая грани между помещицьей и капиталистической системами землевладения, уравнивая понятия «помещик» и «капиталист», объявляя о фатальной гибели того и другого, Воронцов тем самым отрицает необходимость непримиримой борьбы с пережитками барщины и кабалы, обходит главный источник крестьянского недовольства. Он убеждает правительство и «общество» отвернуться от капиталистов и стать союзниками народа.

Подобные утверждения Воронцова показывают, насколько резко народнические публицисты расходились в своих выводах с просветителями-демократами. Некрасов, Салтыков-Щедрин и другие сотрудники «Отечественных записок» с огромной силой выразили протест народных масс против крепостнических пережитков, раскрыли реальную силу крепостников-помещиков, разоблачали крепостнические повадки «общества». В 1868 г. неизвестный автор в статье «Положение крестьянского хозяйства» писал: «Нам скажут, конечно, что никто и не хлопочет о восстановлении крепостного права, но дело не в том, под какую форму усиливается вновь прокрасться в нашу жизнь это право, под формой ли обязательных общественных запашек или вотчинной полиции, или вмешательства мировых посредников в мельчайшие подробности крестьянского быта и т. д., а в том, что все эти, столь ухищренно измышляемые формы никого не обманывают и скрывают за собою не что иное, как то же крепостное право» (1868, № 9, «Совр. обзор», стр. 96). Такие же крепостнические тенденции подметил Демерт в работе земских собраний: «... даже новые учреждения вдруг начинают на практике, как бы сами собою, преображаться и, наконец, принимают совсем старый помещичий вид: ни дать ни взять старых времен помещик, в халате из термаламы, с длинным чубуком в одной руке и с кнутом в другой» (1871, № 10, «Совр. обзор», стр. 113).

В пору назревания революционной ситуации в России осенью 1878 г. руководитель журнала Салтыков-Щедрин обратился к читателям со следующими знаменательными словами: «Да, крепостное право упразднено, но еще не сказало своего последнего слова. Это целый громадный строй, который слишком жизнен, всепроникающ и силен, чтобы исчезнуть по первому мановению. Обыкновенно, говоря о нем, разумеют только отношения помещиков к бывшим крепостным людям, но тут только одна капля его. Эта капля слишком специфически пахла, а потому и приковала к себе исключительно внимание всех. Капля упразднена, а крепостное право осталось. Оно разлилось в воздухе, осветило нравы; оно изобрело пути, связывающие мысль, поразило умы и сердца дряблостью...» (1878, № 9, стр. 248).

Эти полные глубокого смысла слова вскрывали основное противоречие русской жизни. Усматривая в остатках крепостного права главную причину политического гнета, экономического застоя и паразитизма, Салтыков-Щедрин доказывал, что пережитки крепостничества являются тяжелыми оковами, мешающими духовному возрождению русского народа. В атмосфере, отравленной миазмами крепостного права, задыхаются русская литература, журналистика, наука, всякая мало-мальски

прогрессивная мысль и в то же время зарождаются и лезут изо всех щелей «ретирадники», «гады» и другие «юркие люди». «Есть нечто гнетущее, — писал Щедрин, — что при самом рождении кладет на русскую мысль своеобразную печать. . . Очевидно, в воздухе носится еще крепостное право. Оно провело заповедную черту, под которой похоронило громадное количество явлений и закупорило наглухо целые мириады существований, которые бьются где-то на дне. И оно же вызвало и пригрело бесчисленное множество литературных паразитов, которые с изумительным легкомыслием вливают яд распутства в русский жизненный обиход» (1878, № 9, стр. 248).

Здесь дана не только публицистическая оценка специфики пореформенной жизни, но и программа непримиримой литературной и общественной борьбы с махровой политической реакцией, с духовным рабством и «ядом распутства», со всем тем, что ежечасно и повсеместно порождалось старыми отношениями и идеологией. Не случайно поэтому крепостничество и порожденный им самодержавный деспотизм были главной мишенью журналистов «Отечественных записок».

* *
*

«Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова-Щедрина вели непримиримую и поистине мужественную в условиях цензурного гнета борьбу против царского самодержавия. Эта борьба начиналась с критики отдельных правительственных органов и доходила до отрицания самого института абсолютизма. Произвол и беззаконие царских властей журнал вскрывал прежде всего на примерах деятельности тех органов, которые как раз и призваны были охранять закон и порядок, подчеркивая тем самым призрачность законности в самодержавном государстве.

Чтобы иметь возможность выступать с разоблачением политики самодержавия, сотрудники журнала вынуждены были прибегать к различным способам обхода цензуры. Одним из них был отбор и издание корреспонденций, уже опубликованных в других органах печати, ссылки на газетные сообщения, на правительственные и земские донесения с собственным публицистическим комментарием. По такому принципу построено майское «Внутреннее обозрение» за 1878 г. Елисеев цитирует из «Русского мира» корреспонденцию иеромонаха Пафнутия о задержании полицией группы староверов, приехавших в Москву с религиозными целями — ознакомиться со старинными книгами и документами Кремля. Сам по себе арест полицией группы людей в те годы не представлял ничего особенного. Но Елисеев оценивает этот инцидент с определенной позиции, которая довольно ясно раскрывается в авторском комментарии: «Так полиция позволяет себе распоряжаться в Москве, в виду множества всевозможных властей, при строгом и, конечно, бдительном надзоре проживающих с нею в одном городе многочисленных прокуров, судебных следователей и т. д. Можно поэтому судить, насколько бесцеремоннее и развязнее насчет взятия под стражу должна вести себя полиция провинциальная?» (1878, № 5, «Совр. обозр.», стр. 109). Или, например, перепечатав сообщение из Мелитополя о произволе местной полиции, засадившей в кутузку невинного человека, Елисеев опять же сопровождает его публицистическим обобщением: «То, что случилось с бароном О. в Мелитополе, то может случиться и во всяком другом губернском и уездном городе и городишке и со всяким — со мной, с вами, читатель, с третьим, с десятым, одним словом, со всеми, в ком заподозрит исправник непочтительность к себе» (там же, стр. 11).

В 1878 г. для противодействия деятельности революционных народников в деревне и предотвращения крестьянских волнений правительством была учреждена новая должность сельской полиции — конный полицейский урядник. Урядники призваны были выполнять не только полицейские функции, но и жандармские — следить за настроениями людей, шпионить и доносить. Правительство и высшие чины царской администрации возлагали на урядников большие надежды как на карательную силу в деревне, поэтому особенно строго ограждали этот институт от нападков печати.

Первым попытался дать оценку новому полицейскому учреждению Салтыков-Щедрин. В ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1878 г. был напечатан его очерк «В добрый час», занимавший 13 страниц журнального текста. Очерк до нас не дошел, редакция по требованию цензуры вырезала его из журнала целиком. Однако о его содержании мы можем судить по пространному донесению цензора Н. Е. Лебедева, представленному в Петербургский цензурный комитет 17 ноября 1878 г. Лебедев довольно подробно и несомненно точно передает содержание очерка и его политическое направление: «Этот очерк составляет едкую сатиру на преобразованную сельскую полицию, именно на становых и на урядников. Проводя параллель между прежнею дореформенною сельскою полицией и настоящею, автор отдает предпочтение первой, находя, что хоть прежние становые, которых народ именовал „куроцапами“, были и менее образованны, но зато они не старались залезать в душу человека и отыскивать в тайниках ее различные неблагонамеренные тенденции. Теперешние же становые, принявшие в свое заведение „основы и краеугольные камни“, наделенные даром читать в сердцах человеческих, получили еще себе в помощники для своих изысканий урядников. . . Автор влагает в уста становому речь, обращенную к сотским, проникнутую едким сарказмом, и в этой речи уже без церемоний к числу обязанностей становых причисляет шпионство, соглядатайство, преследование литераторов и вмешательство во внутреннюю сокровенную жизнь обывателя. (Нельзя не заметить, что эта речь станового напоминает в карикатуре другую речь, недавно произнесенную градоначальником одного из городов южной России при вступлении в должность.) Автор приходит окончательно к такому выводу, что при таком положении вещей жить в свое удовольствие могут только одни кабатчики и так называемые благонамеренные люди.

Находя, что в сатирическом очерке Щедрина выставлены в карикатурном виде, без всякого замаскирования, чины земской полиции, а именно становой пристав и только что учрежденные урядники. . . цензор признает статью Щедрина „В добрый час“ настолько вредною, что по отношению к ней считает нужным применить к ноябрьской книжке „Отечественных записок“ закон от 7 июля 1872 г.».²⁶

Салтыков-Щедрин не оставил попытки изложить на страницах журнала свой взгляд на только что созданный институт урядников, раскрыть подлинный смысл нового полицейского учреждения, тщательно скрываемый правительством. Через три месяца, в феврале 1879 г., в главе «Тревоги и радости Монрепо» он вновь обращается к характеристике урядников и оценивает это учреждение с такой же непримиримостью, как и в изъятом из журнала очерке «В добрый час». Полное сходство очерка «В добрый час» с «Тревогами и радостями Монрепо» убедительно

²⁶ ЦГИА СССР. Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1865 г., ф. 777, оп. 6, д. 60, лл. 303—304.

подтверждают почти идентичные по своему содержанию цензорские донесения.²⁷

Цензура весьма точно раскрыла сатирический замысел «Убежища Монрепо», уловила остроту и политическую направленность сатирических стрел Щедрина. В донесении в Главное управление по делам печати цензор Лебедев обратил внимание на характерный метод сатиры Щедрина: путем гиперболизации он доводит образ нового станového до всеобщих размеров, превращает его в социальный тип. Усмотрев в щедринской сатире дискредитацию новых полицейских учреждений, цензор вновь требовал ареста книжки или исключения «неудобных мест». На этот раз Главное управление по делам печати не согласилось с мнением цензора и оставило «Тревоги и радости Монрепо» без последствий.

Выступить с прямой публицистической оценкой института урядников журнал получил возможность лишь в период пресловутой «диктатуры сердца», когда под напором крестьянских волнений и усиливающейся борьбы революционной партии народолюбцев правительство вынуждено было отступить и несколько ослабить цензурный пресс. В ноябре 1880 г. в «Отечественных записках» было опубликовано очердное, восьмое, письмо Энгельгардта «Из деревни». Пафос очерка направлен против деспотического произвола в деревне. Урядник для Энгельгардта — это не охранитель крестьян от воров и конокрадов, а охранитель закостеневших в крепостных пережитках помещиков от гнева крестьян, это политическое и административное орудие подавления всякого, даже самого законного, протеста крестьян против попыток закрепощения, грубого внеэкономического принуждения. «Большие надежды возлагали [помещики], — пишет Энгельгардт, — на новых начальников: он скрутит мужика в бараний рог, он заставит лентяев работать, он и работников, которые не живут, потому что плохо рассчитывают, удержит, он потравы и порубы уничтожит, он и на поденщину ходить заставит...» (1880, № 11, стр. 44).

Елисеев, проверяя «целые столбцы известий» в «Правительственном вестнике» о похвальных подвигах урядников, приходит к выводу, что пять тысяч урядников причиняют России в несколько раз больше зла, чем нанесли бы пять тысяч новых преступников. «Пусть будет лишний вор, — цитирует он слова французского юриста, — чем лишний полицейский, потому что вор может лишить меня только моего кошелька, а полицейский может лишить меня свободы» (1880, № 12, «Совр. обозр.», стр. 267).

Такому же «ядовитому» анализу подвергали «Отечественные записки» деятельность всех правительственных органов: суда, прокуратуры, сельской и городской администрации. Антисамодержавные выступления журнала особенно усилились, приобрели ярко выраженную политическую окраску в период второй революционной ситуации 1879—1880 гг.

В начале 1880 г. всеобщее народное недовольство и политическая борьба революционеров-народников достигли такой силы и размаха, что царское правительство вынуждено было пойти на уступки. 15 февраля 1880 г., спустя десять дней после взрыва в Зимнем дворце, подготовленного С. Н. Халтуриним, в «Правительственном вестнике» был опубликован указ сенату об учреждении Верховной распорядительной комиссии «по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Программа деятельности нового учреждения, как говорилось в

²⁷ См. цензорский отзыв, приведенный в кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. В тисках реакции. Л., 1926, стр. 5—7.

обращении начальника комиссии, графа М. Т. Лорис-Меликова «К жителям столицы», заключалась в том, чтобы, «с одной стороны, не допустить ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, а с другой — успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части» («Правительственный вестник», 1880, № 39).

Газеты и журналы консервативного лагеря настаивали на том, чтобы вынужденное отступление провести с минимальными уступками «обществу». «Московские ведомости», например, ратовали за то, чтобы Верховная распорядительная комиссия действовала исключительно «крутыми мерами», как «высшее полицейское учреждение», обходясь без всякой «общественной поддержки». «Нет надобности обращаться к обществу за поддержкой и пособием, — писал М. Н. Катков в передовой „Московских ведомостей“ от 21 февраля 1880 г. — Дисциплина в правительственных рядах... и патриотизм в образованных слоях общества — вот что требуется, вот о чем надо позаботиться».

Либеральная печать встретила учреждение Верховной распорядительной комиссии всеобщим и неумеренным ликованием, расценивая эту жалкую и лицемерную уступку правительства как новую эру в политической и государственной жизни России, как великодушные мудрого царя, внявшего, наконец, многолетним просьбам и советам просвещенного либерального общества. «Общественному мнению... дано удовлетворение, — восторженно заявляла в передовой статье редакция газеты „Молва“ 17 февраля 1880 г. — После уныния и безнадежного отчаяния, после чувства обиды и незаслуженного унижения... вдруг блеснул луч надежды, народилась уверенность в завтрашний день, гражданское успокоение». «Мы уверены, что наше общество с величайшей признательностью выслушало уже само воззвание к его сочувствию, — оно выкажет и полнейшую готовность идти навстречу великодушному призыву по тем путям, какие ему будут свыше указаны к тому, — такими верноподданныческими словами откликнулся «Вестник Европы» на обращение Лорис-Меликова (1880, № 3, стр. 369).

Отношение «Отечественных записок» к политическим маневрам правительства было противоречивым, и в этом наиболее резко проявились глубокие идейные расхождения внутри редакции журнала. Впервые «Отечественные записки» прореагировали на учреждение Верховной распорядительной комиссии в мартовском «Внутреннем обозрении» 1880 г. Елисеев, автор обозрения, выражал уверенность, что деятельность комиссии Лорис-Меликова «послужит никак не к отягчению общества, а к его облегчению и умиротворению, а может быть, даже к указанию тех препятствий, которые стоят теперь на пути его правильного развития» (1880, № 3, «Совр. обозр.», стр. 128). Наивно веря в серьезность обещаний правительства, Елисеев рассматривал создание комиссии Лорис-Меликова как первый шаг самодержавия на пути «единения с обществом». Он с сочувствием отмечал, что теперь, когда «либеральное общество всколыхнулось», наступило самое время для содействия мероприятиям правительства и возлагал на это содействие большие надежды.

Однако содержание «Отечественных записок» за 1880 г. (когда действовала Верховная распорядительная комиссия) показывает, что подобные выступления Елисеева не определяли позиции всего журнала в оценке внутренней политики самодержавия. Оппортунистическим заявлениям Елисеева противостояла революционно-демократическая линия Салтыкова-Щедрина и идейно близких ему соратников. Салтыков-Щедрин ни минуты не колебался в оценке деятельности лорис-меликовской

комиссии, не верил ни в какие облегчения и свободы. В своих письмах он призывал близких ему сотрудников журнала не верить обещаниям самодержавия. Так, уже в мае 1880 г., когда либеральные круги ликовали в предвкушении свобод, Салтыков-Щедрин писал беллетристу «Отечественных записок» Н. Д. Хвощинской-Заиончковской (псевдоним — В. Крестовский): «Хоть и обещаю нам времена льготные, но это еще в будущем. Да притом надо посмотреть, что за льготы такие... Как бы при либералах-то именно и не погибнуть. Двенадцать лет как я хожу за „Отечественными записками“, видел Лонгинова, видел Шидловского, и все-таки: жив емь, и душа моя жива! А вот либералы, пожалуй, и подкузмят».²⁸

Мысли, высказанные в письме, воплощены Салтыковым-Щедриным в ряде произведений, опубликованных в журнале на протяжении 1880—1881 гг. В апрельской книжке «Отечественных записок» за 1880 г. помещен рассказ Щедрина «Не весьма давно», который явился откликом на последние политические события. В рассказе описывается беседа в приятельском кружке отпетых либералов. Недавние события вызывают у собеседников двойное чувство. С одной стороны, «вопросы-то нынче как-то ребром встали... с другой стороны, как будто и совсем их нет. Встали ребром да куда-то пропали за пределы компетентности» (1880, № 4, стр. 556), — уныло признается один из героев. Несмотря на наступившие «новые времена» и обещанные свободы, саркастически замечает Щедрин, даже такие «самые несложные и естественные вопросы», как «о пользе содержания козла в огороде» или «на какой предмет родится человек», вызывают подозрительность в правительственных сферах и сопровождаются «полемическим залпом из всех литературно-ретирадных мест» (так Салтыков-Щедрин называет реакционно-охранительные органы печати). В конце концов, несмотря на могучий оптимизм либералов, беседа сводится к одной мысли: если раньше можно было в приятельском кругу обсуждать «вопросы», то теперь — ни под каким видом.

Таков был первый публичный отклик руководителя журнала на пресловутую «диктатуру сердца». Апологетическим высказываниям Елисеева он противопоставил острую сатиру на новое учреждение. В первой же главе своего нового произведения «За рубежом», появившегося на страницах «Отечественных записок» в сентябре 1880 г., Салтыков-Щедрин вновь вернулся к этому вопросу. С присущей ему художественной яркостью, глубиной и политической прозорливостью он, с одной стороны, раскрывает социальную и политическую подоплеку вынужденных маневров правительства («нового курса» Лорис-Меликова), высмеивает мнимую либеральность «верхов», а с другой стороны, разоблачает истинные намерения либерального общества, стремившегося войти в сделку с правительством. Салтыков-Щедрин писал, что либеральное фрондерство «культурного общества» далеко от требования истинных свобод для народа, что либералы преследуют корыстные цели удовлетворения своих узкоклассовых интересов. Комментируя бурные прения в либеральной печати и в петербургских либеральных кружках, Салтыков-Щедрин замечает, что все заключенное в этих прениях недовольство господствующих классов сопряжено с «пожеланием самых приятных перспектив лично для себя и с полнейшим равнодушием относительно жизненной обстановки соседа», имея в виду «некультурных людей», т. е. массу трудового народа (1880, № 9, стр. 304).

²⁸ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. в 20 томах, т. 19. М., ГИХЛ, 1939, стр. 153.

Не прошла мимо внимания Салтыкова-Щедрина и небольшая заметка Елисеева «Несколько слов по поводу вопроса злобы дня». История ее такова. В сентябре 1880 г. Лорис-Меликов, только что вернувшийся из Ливадии — резиденции Александра II, выступил на собрании редакторов петербургских изданий с речью, в которой под страхом приостановления издания запретил печатать статьи об изменении государственного строя. С разрешения Лорис-Меликова Елисеев поместил отчет об этом выступлении в сентябрьской книжке «Отечественных записок», сопроводив его сочувственными примечаниями. Салтыков-Щедрин, находившийся в это время в Париже, узнав о содержании отчета, отнесся к нему резко отрицательно. «Письмо Ваше я получил, — отвечал он Елисееву 10 (22) сентября 1880 г., — и начертанную в нем программу, хотя с трудом, но прочитал. Программа несколько загадочная, но „мальчик без штанов“ правильно говорил, что именно этим-то и занятю жить у нас, что ничего в волнах не видно. Поживем — увидим. Только трудно будет жить в виду столь категорически-либеральных заявлений, ибо как ни категоричны эти заявления, но отыскать границу возможного остается столь же трудным, как и прежде. Особенно в беллетристике. Опасаюсь, что настанет конец эзоповскому языку, который так хорошо было прижился».²⁹

Столь же непримиримо отнесся Салтыков-Щедрин к другому выступлению Елисеева, в котором вновь проявились либеральные иллюзии в оценке лорис-меликовской диктатуры. В октябре 1880 г. он сообщил П. В. Анненкову: «Сегодня, 18 октября, воротился из Ливадии Лорис-Меликов и привез какие-то шесть проектов (утвержденных), в числе коих, однако ж, конституции нет. Знаю, что есть проект о написании нового устава книгопечатания, с устранением административного произвола и заменой его отдачей под суд. Все газеты и журналы по этому поводу ликуют, в том числе и „Отеч. зап.“; но я лично так думаю: до сих пор я еще не сживал в кутузке, а в будущем — не знаю. Сдается, что не миновать...»³⁰ Упомянув в письме о «ликновании» «Отечественных записок» по поводу ожидаемой «свободы» прессы, Салтыков-Щедрин имел в виду октябрьское «Внутреннее обозрение» Елисеева. Развивая мысли, намеченные в предыдущей заметке — «Несколько слов по поводу злобы дня», — Елисеев в своем обозрении вновь приветствует программу Лорис-Меликова, уверяет читателей, что теперь, когда эта программа обнародована и будет утвержден новый устав книгопечатания, «пресса, не смущаясь, как прежде, может свободно говорить, что найдет нужным...» (1880, № 10, «Совр. обозр.», стр. 241). И на этот раз позиции Елисеева были противопоставлены выступления Салтыкова-Щедрина.

В следующем, ноябрьском, номере журнала читатели «Отечественных записок» ознакомились со щедринской оценкой проекта нового устава печати. «Я почти тридцать пять лет литераторствую, — писал Салтыков-Щедрин, — не пользуясь покровительством законов, но и за всем тем не ропщу... Для меня не лишено важности то обстоятельство, что в течение тридцатипятилетней литературной деятельности я ни разу не сидел в кутузке... Как хотите, а нельзя не быть за это признательным. Но не придется ли познакомиться с кутузкой теперь, когда литературу ожидает покровительство судов? — вот в чем вопрос» (1880, № 11, стр. 257—258).

Единомышленником Салтыкова-Щедрина в разоблачении политиче-

²⁹ Там же, стр. 168.

³⁰ Там же, стр. 176.

ских маневров правительства в период второй революционной ситуации выступил Михайловский. Как и Щедрин, Михайловский понимал истинные намерения правительства и лицемерные обещания Лорис-Меликова. 20 августа 1880 г. во втором номере подпольного «Листка Народной воли» была опубликована заметка Михайловского «К характеристике Лорис-Меликова», в которой были раскрыты причины появления на свет нового учреждения и разоблачалось истинное лицо либерального диктатора. «Умиротворительную» деятельность Лорис-Меликова Михайловский образно назвал политикой «лисьего хвоста» и «волчьей пасти». Те же мысли, но, разумеется, в завуалированной форме, Михайловский высказал и на страницах «Отечественных записок».

Таким образом, направление и политическую линию «Отечественных записок», их отношение к лорис-меликовскому режиму определяли не либерально-оппортунистические статьи Елисеева, а боевые выступления Салтыкова-Щедрина, а также Михайловского и их единомышленников. Конечно, приведенные выше высказывания Елисеева не дают полного представления о содержании всей его публицистической деятельности в «Отечественных записках». На протяжении своей творческой жизни Елисеев неустанно боролся за освобождение народа от помещичьей кабалы и самодержавного гнета. Он был демократом, но демократом правонароднического направления, часто смыкавшегося с либерализмом и оппортунизмом в периоды обострения классовой борьбы.

Революционная устремленность журнала, усилившаяся в период назревания революционной ситуации 1879—1880 г., наиболее ярко проявлялась в настойчивых призывах к активному сопротивлению реакционным мероприятиям царского правительства, в защите «нигилистов» и «злоумышленников» от злобной клеветы охранительной печати, в оправдании и прославлении суровой и жестокой борьбы революционной молодежи, выступавшей за свержение абсолютизма, за освобождение многомиллионного крестьянства от полукрепостнической эксплуатации помещиков и кулаков. Страстные, непримиримые выступления Салтыкова-Щедрина, публицистические статьи Михайловского, произведения Г. И. Успенского, А. О. Осиповича-Новодворского, В. Крестовского (Хвошинской—Заиончковской), посвященные деятельности революционеров-разночинцев, продолжали традиции Н. Г. Чернышевского, создавшего галерею образов новых людей, людей будущего общества и борцов за это будущее. Тем самым «Отечественные записки» противостояли попыткам реакционной печати очернить в глазах общества образ революционера-разночинца и самую идею политической и революционной борьбы.

Продолжая боевые традиции «Современника», «Отечественные записки» регулярно знакомили читателей с революционным движением на Западе, подчеркивали прогрессивную роль революционных потрясений в пробуждении народных масс, в освобождении народов Европы от феодального, церковного и монархического деспотизма. Характерна в этом отношении опубликованная в январе 1879 г. статья П. Л. Лаврова «Канун великих переворотов».

«Предполагаемые этюды из истории, — говорится в статье, — имеют прежде всего показать, как в эту эпоху высказывалась уже неизбежность перехода в сфере политической от реформы свыше к насильственным катастрофам» (1879, № 1, стр. 120). Такое заявление для русского читателя имело особый смысл. Не случайно в период назревания революционных событий в России автора интересует время «Уашингтона и пугачевщины» — «вчерашие величие, вчерашие скорби, вчерашие

страсти» эпохи великих революционных движений. Автор не только признает прогрессивность революционных потрясений XVIII и XIX вв., но и дает понять, что эти события выдвинули вопросы, актуальные для сегодняшнего дня, что революционные взрывы — не пройденный этап истории, а животрепещущий вопрос современности. «Жизнь всех живых людей нашей эпохи, — пишет далее Лавров, — связана еще тысячью неразрывных нитей с этими событиями, и эти живые люди знают: бойцы того времени подготавливали или начинали битвы, которые продолжают и теперь. . . Эти сто лет [от французской буржуазной революции до Парижской коммуны] составляют еще в значительной степени *настоящее* для нашей эпохи» (1879, № 1, стр. 146).

Полугодом ранее в публицистическом отделе журнала была помещена статья В. А. Зайцева «Воскресение мертвых, или Тэн о революции», в которой повторяется почти дословно эта оценка революции 1789 г. «Всякое новое исследование ее [революции 1789 г.], — пишет Зайцев, — должно заинтересовать не только специалистов, но и вообще всех образованных людей, т. к. эта эпоха тесно связана с современностью, и наше отношение к фактам настоящего времени во многом солидарно с нашими взглядами на факты революционного движения. Революция есть эра современной истории, с которой не одна Франция идет тем путем, на который она ее поставила» (1879, № 8, «Совр. обозр.», стр. 184).

О пристальном внимании «Отечественных записок» к революционному движению на Западе, о симпатиях журнала к деятелям европейского революционного движения свидетельствует публикация в нескольких номерах журнала за 1880 г. книги С. Майера «Воспоминания ссыльного». Книга Майера — документальный рассказ бывшего коммунара, возвратившегося из Новой Каледонии, о зверской расправе реакционной французской буржуазии с революционными рабочими, дравшимися на баррикадах. Книга полна ненависти к угнетателям простого народа, к деспотизму и полицейскому произволу. Опубликовав «Воспоминания ссыльного», редакция «Отечественных записок» не только познакомила русского читателя с ужасами знаменитой Новой Каледонии — местом ссылки французских революционеров, но и заявила о своем сочувствии рабочим-коммунарам, о своем восхищении их подвигами и революционным героизмом.

Нет нужды доказывать, как трудно и опасно в легальном журнале было писать о революционном движении в России, когда сами понятия «революция», «революционер» были под строжайшим запретом и на языке официальной и реакционной печати являлись синонимами слов «преступление», «злоумышленник». Трудность положения «Отечественных записок» заключалась еще и в том, что все источники информации о выступлениях крестьянства против помещиков и царских властей, о борьбе революционной партии против абсолютизма были закрыты для журнала. Реакционная печать, поощряемая правительством, распространяла клевету на русское освободительное движение, обливала грязью отважных борцов, поднявшихся против самодержавия, грубо извращала причины и цели революционной борьбы. Вот, например, что писал о русских революционерах в газете «Варшавский дневник» от 23 января 1880 г. ее редактор Н. Н. Голицын: «Русский революционер. . . ты не вырос из хода русского „протеста“, ты не дитя его. Ты дитя Запада, европейской революции, ты ходишь на помочах, на веревочке. . . Колыбель твоя — клоака Парижской коммуны, и там твоя Родина. . . Русский Искариот! Ты продаешь Россию на торжищах Европы за ломоть хлеба».

В этой обстановке голос «Отечественных записок» в защиту русских

революционеров, освободительного движения звучал особенно страстно и мужественно. Несмотря на опасности суровых административных репрессий «Отечественные записки» систематически опровергали измышления правительства и реакции о «беспочвенности», «искусственности» революционного движения в России. В январском обозрении 1879 г., в период усиления революционного движения, перехода народников от пропаганды к политической вооруженной борьбе с правительством, Елисеев попытался объяснить, что русское революционное движение имеет глубокие корни, прямо и непосредственно отражает недовольство многомиллионного крестьянства гнетом помещиков и царских властей. За январскую книжку «Отечественные записки» получили первое предостережение. Министр внутренних дел Л. С. Маков в докладе Александру II 14 апреля 1879 г. оправдывал суровость взыскания тем, что «в рассуждениях редакции явно отрицается существование у нас преступной шайки агитаторов вопреки правительственным о том заявлениям и с умыслом, совершенно голословно изображается состояние крестьян в безвыходном положении».³¹ Спустя два года, в январском обозрении 1881 г., Елисеев снова указывал, что непомерно тяжелое положение крестьянства, господство беззакония в стране, грубый произвол царских властей «составляют тот корень, из которого вырождаются прямо нигилизм или к которому он очень быстро прививается» (1881, № 1, «Совр. обозр.», стр. 110).

Вопросу об истоках русского революционного движения посвящены «Литературные записки» Михайловского, опубликованные в октябрьской книжке «Отечественных записок» за 1880 г. Материалом для публицистического выступления Михайловского послужили рассказ А. В. Круглова «Горе Солохонушки»³² и только что вышедшая книга Л. Доброва³³ — обзор внутренней политики правительства и некоторых общественных явлений пореформенной России. Рассказ Круглова «Горе Солохонушки» привлек внимание публициста, конечно, не художественными особенностями (он во всех отношениях был заурядной вещью), а как безопасный в цензурном отношении и удобный повод для разговора на злобу дня. Сюжет рассказа можно передать в нескольких словах. Просвирня Солохонушка делится с автором своим горем: ее внучка Надечка арестована и сослана в Сибирь на поселение. Солохонушка допытывается, кто же виноват в ее горе? Вполне естественно, говорит Михайловский, было бы найти ответ на этот вопрос в только что вышедшем в свет «Откровенном слове» Доброва и, в частности, в заключительной главе книги «Обзор условий, благоприятствовавших зарождению и временному развитию социально-политического движения». И действительно, Добров дает ответ, но какой! Истинный либерал, он отрицает какие-либо экономические, социальные и политические причины революционного движения в России. «Никто, конечно, не станет утверждать, — пишет Добров, — чтобы у нас была почва для социально-революционной пропаганды. . . Наши социал-революционеры случайно комплектовались притоком всевозможных неудачников».³⁴ Автор всячески пытается дискредитировать русских революционеров, называет их «фанатиками», сделавшимися таковыми «от безделья».

³¹ Цит. по кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в. М.—Л., 1927, стр. 127.

³² «Русская речь», 1880, № 9.

³³ Л. Добров. Откровенное слово о важнейших событиях нашей внутренней жизни за последнее двадцатипятилетие (1855—1880). СПб., 1880.

³⁴ Там же, стр. 114.

В противовес откровенно либеральной проповеди Доброва, Михайловский утверждает, что источники революционной борьбы в России коренятся не в случайных явлениях, на которые указывает Добров, а в экономических и политических условиях нашей жизни. Что привело Надю, героиню рассказа Круглова, в Сибирь, за какие дорогие ее сердцу идеалы она пошла на страшные и тяжкие муки? Охваченная горячим стремлением облегчить участь своего народа, Надя решила противодействовать «всяким прямым и косвенным причинам обезземеления мужика и вообще всему, что делает его жизнь невыносимой» (1880, № 10, «Совр. обозр.», стр. 207—208). И как только Надя начинает действовать, так вскоре вместе со своими товарищами «на казенный счет» отправляется в Сибирь. Виновата ли Надя? — спрашивает Михайловский и отвечает: нет, не виновата! Ее действия справедливы и законны, ее поступки — это борьба за счастье народа, против темных сил реакции.

* *
*

Литературная критика в «Отечественных записках» как особая отрасль журналистики уже не являлась главной руководительницей общественного мнения, как во времена Белинского и в известной мере — Добролюбова и Писарева. Раньше художественная литература и литературная критика были «чуть ли не единственным и во всяком случае лучшим и надежнейшим проводником если не политической мысли, то гуманных идей» (1879, № 9, «Совр. обозр.», стр. 97); на переломе века заветные двери храма литературы и искусства уже не вмещали поток сложных, противоречивых вопросов, вставших перед обществом. Невольная привязанность теоретической мысли к литературным сюжетам не могла уже удовлетворять ни журналиста, ни читателя. Бурные события пореформенной жизни требовали более конкретных, более специальных и оперативных откликов в прямой публицистической форме. Теперь проводником гражданских идеалов и политических тенденций в журнале наряду с литературной критикой и библиографией выступают такие жанры, как публицистическое обозрение общественной жизни, очерк, научно-публицистическая статья.

Процесс дифференциации и специализации журнальных отраслей, перемещение центра тяжести общественно-политической мысли из сферы литературной критики в другие публицистические жанры, отчетливо обозначившийся в «Современнике» конца 50-х годов, продолжался и в «Отечественных записках». Не случайно в 70-е годы в жизни «толстого» литературного журнала произошло событие, невозможное ни в 40-е, ни в 60-е годы; в 1872 г. в «Отечественных записках» был ликвидирован отдел библиографии.³⁵

³⁵ Документальные сведения о причинах ликвидации отдела весьма скупы. Известно, что постановка библиографии в журнале под руководством Н. С. Курочкина и непосредственном наблюдении Елисеева вызвала резкое недовольство Салтыкова-Щедрина. «...Кумовство очень одолевает. Библиография совсем плоха, надо бы что-нибудь сделать», — писал он Некрасову 9 июня 1869 г. (Полн. собр. соч., т. 18, стр. 218). В 1871 г. Некрасов под благовидным предлогом отстраняет Курочкина от руководства библиографией (он был назначен ответственным за иностранный отдел, а вскоре уехал лечиться за границу). В редакции, видимо, существовал план реорганизации отдела, но осуществлен он не был, и с января 1872 г. до 1877 г. постоянная рубрика «Новые книги» исчезает со страниц «Отечественных записок». Каковы бы ни были причины ликвидации отдела, факт остается фактом: в течение шести лет крупнейший литературно-общественный журнал России мог обходиться без традиционных ежемесячных рецензий и библиографических заметок о новых книгах.

В связи с развитием публицистических жанров и усилившейся специализацией журнальной работы постепенно изменяются роль и общественный вес самого литературного критика. Прежде всего утрачивается былой универсализм, увеличивается «литературная» специализация его деятельности. Авторитет и популярность любимого учителя и мудрого наставника публики литературный критик теперь делит с публицистом — политиком, философом, социологом, исследователем современных общественных явлений. После Чернышевского и Добролюбова Писарев был последним представителем блестящей плеяды критиков-мыслителей, идейных вождей своего поколения. А. М. Скабичевский, заменивший Писарева на посту ведущего критика «Отечественных записок», не шел ни в какое сравнение со своим великим предшественником; его литературно-критические выступления по злободневности и популярности среди публики едва ли могли соревноваться с внутренними обзорами Елисеева, хроникой общественной жизни Демерта или публицистическими деревенскими очерками Энгельгардта, не говоря уже о выступлениях Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского и Михайловского. Безусловно, сказались и субъективные качества журналиста: Скабичевский не выделялся ни яркостью таланта, ни глубиной теоретической мысли. Но дух времени проявился в том, что руководители лучшего журнала России сочли возможным доверить эту важнейшую журнальную должность деятелю другого масштаба, более узкому специалисту в своей области, способному освещать текущие литературные вопросы без претензии на решение теоретических проблем своей эпохи.

Вполне закономерно, что новое слово в «Отечественных записках» в области эстетической мысли — о закономерностях и путях развития русской литературы в пореформенную эпоху — было сказано не «штатным» специалистом-критиком Скабичевским, а художником-сатириком, революционным демократом Салтыковым-Щедриным, что наиболее важные публицистические оценки творчества современных писателей и отдельных литературных явлений были даны социологом и философом Михайловским. Именно благодаря постоянному участию в литературно-критической работе выдающихся деятелей журнала и особенно Салтыкова-Щедрина, выступавшего с программными статьями по этим вопросам, критика в «Отечественных записках», как ни в каком другом журнале России, стояла на большой высоте, играла важную роль в развитии освободительной борьбы в России 70—80-х годов XIX в.

На страницах «Отечественных записок» встречается немало заявлений о целях, задачах и методах литературной критики. Высказанные в разные годы, деятелями разных направлений, они схожи в одном — в стремлении продолжать и развивать критические традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Причем высшим достижением великих предшественников считались публицистичность критики, активное вторжение в жизнь. По словам Михайловского, сила критики Белинского, Добролюбова и Писарева (Чернышевский не назван по цензурным соображениям) заключалась в том, что «сквозь споры о принципах искусства ясно видны очертания, скажем, гражданских, чтобы не сказать политических идей и партий... Ловко цепляясь за выдающиеся места поэтического произведения, она давала мало развитому и мало знающему обществу важные уроки в легкой, привлекательной форме комментария» (1879, № 9, «Совр. обзор», стр. 98). В «Очерках умственного развития нашего общества» Скабичевский высоко оценивает Добролюбова прежде всего за то, что «он был публицист в истинном значении этого слова — все его статьи направлены были к проповеди новых общественных идеа-

лов и к анализу современной ему жизни» (1872, № 6, стр. 404). Те же качества критического метода революционных демократов выдвигает на первый план и автор анонимной рецензии на «Публичные лекции Ореста Миллера», опубликованной в апрельской книжке журнала за 1878 г.: «...критика Белинского особенную силу приобрела тогда, когда он от вопросов чисто литературного и эстетического свойства обратился к вопросам общественным. Относительно же критики Добролюбов нечего и говорить: во всех статьях без исключения Добролюбов является критиком-публицистом, везде он ставит на первый план интересы действительности, а не художественности, характеризовал не художника со всеми оттенками его таланта, а явления жизни, послужившие темой для беллетриста. А все это и значит говорить о жизни по поводу искусства» (1878, № 4, «Совр. обозр.», стр. 284).

Эти достижения русской демократической критики сотрудники «Отечественных записок» объявили незыблемой основой своей критической деятельности. Гражданственность, публицистичность, общественная активность, сверка литературного произведения с жизнью как главный критерий его истинности и ценности — вот основные требования журнала к современной критике. Если в России, по выражению Салтыкова-Щедрина, литература является «высшим органом общественной мысли», то и критика должна быть пронизана публицистичностью, обращать главное внимание на идейное содержание произведения, а не на детальный анализ литературных частных. «Мы давно научились ставить содержание выше формы» (1880, № 2, «Совр. обозр.», стр. 214) — эта полемически заостренная мысль часто повторяется в журнале. «Требовать от критики исключительно анализа „собственной сущности“ беллетристического произведения — значит подчинить ее беллетристике, а это ни с чем не сообразно. Беллетрист имеет свои определенные функции, критика — тоже свои, и позвольте же критику смель свое суждение иметь о значении тех данных, которые дает беллетрист» (1878, № 4, «Совр. обозр.», стр. 284). «Какого исследования „мысли“ поэта можно ждать от критика, который смотрит на литературное произведение *исключительно* с точки зрения чистой эстетики?» (1880, № 2, «Совр. обозр.», стр. 214). «Литературная критика обратилась в критику жизни, критику общества, и социальные вопросы отодвинули литературные на самый задний план» (1872, № 6, стр. 404).

Приведенные высказывания (число их можно увеличить) вовсе не означали, что критики «Отечественных записок» намеренно отказывались от анализа формы художественного произведения, индивидуальных особенностей таланта писателя, обходили вопросы теории искусства. Но в 1870—1880-х годах эти вопросы не были для журнала самодовлеющими, они решались попутно, в ходе публицистического анализа литературного произведения. Михайловский, отмечая яркую публицистичность русской демократической критики, подчеркивал, что она дает публике «целый арсенал разнообразнейших мнений о принципах, задачах и приемах искусства» (1879, № 9, «Совр. обозр.», стр. 98).

Какие же основные проблемы литературного движения того времени ставились и решались на страницах журнала?

Проблема народности русской литературы, являвшаяся краеугольным камнем эстетической теории Белинского, Чернышевского и Добролюбова в 40—60-е годы, была по-своему острой и актуальной и для критики «Отечественных записок» 70—80-х годов. Во втором десятилетии пореформенной жизни важны были не призывы к изображению народной жизни вообще, а правильное понимание исторической миссии на-

рода, поиски методов художественного изображения народа в целом, создания типов из народной среды, — речь шла о новом содержании литературы.

Несмотря на народническую доктрину о доминирующей роли в истории критически мыслящей личности, которую исповедовала часть публицистов «Отечественных записок», на страницах журнала благодаря четкой позиции Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Писарева преобладало революционно-демократическое понимание прогрессивной роли народных масс в обновлении страны.

Первым развернутым выступлением по этому вопросу явилась последняя статья Писарева «Французский крестьянин в 1789 г.», появившаяся в журнале в середине 1868 г. Писарев глубоко убежден в том, что «всякое крупное историческое событие совершается или потому, что народ его хочет, или потому, что народ не может и не умеет ему помешать». По словам критика, «настоящим фундаментом самых великопных и замысловатых политических зданий всегда и везде является народная масса» (1868, № 6, «Совр. обозр.», стр. 225). С пробуждением народа, с его революционной активностью связаны и представления Писарева об историческом прогрессе. «В цивилизованной Европе, — пишет он, — трудно найти хоть один уголок, в котором самосознание масс не обнаружило бы, хоть мимоходными проблесками, самого серьезного и неизгладимого благодетельного влияния на общее течение исторических событий» (там же, стр. 223).

Статья Писарева «Французский крестьянин в 1789 г.» посвящена разбору одноименного исторического романа Эркмана-Шатриана. Его достоинство, «важное и благотворное воспитательное значение» Писарев видит в том, что роман «развивает в своих читателях способность уважать народ, надеяться на него, вдумываться в его интересы, смотреть на совершающиеся события с точки зрения этих интересов, называть злом все то, что усыпляет, а добром все то, что будит народное самосознание» (там же, стр. 23). Идея служения народу, защита его интересов является для Писарева мерилем ценности произведения, его художественных качеств и воспитательного значения.

С таких же демократических позиций оценивает только что появившийся тогда роман Ф. М. Решетникова «Где лучше?» другой критик журнала — Скабичевский. Величайшая заслуга Решетникова как художника, пишет Скабичевский, заключается в том, что он сумел нащупать «основной принцип, внутреннее содержание народных масс». «Он вполне понял, что жизнь народа есть жизнь не двух, трех титанов... а обыденных смертных... Реальный поэт, чтобы представить общий уровень жизни своего века, должен обращать главное внимание на то, как живет, к чему стремится именно эта пестрая, безразличная толпа, среди которой ничто особенно резко и картинно не выдвигается, но общий итог трудов, интересов, радостей и страданий которой и есть именно итог жизни века» (1869, № 12, «Совр. обозр.», стр. 235).

В небольшой рецензии 1879 г. на драматическую хронику А. А. Голенищева-Кутузова «Смута» неизвестный автор писал: «... величайшие эпохи нашей истории — те эпохи, в которых события создавались не отдельными личностями, а коллективной силою масс... В такие эпохи главным действующим лицом является вся страна, народ». Литература призвана создавать выдающиеся характеры из среды простого народа «с богатым и разнообразным психологическим содержанием» (1879, № 5, «Совр. обозр.», стр. 87—88).

В августе 1879 г. Михайловский в «Литературных заметках» указывает, что первейшая задача беллетристов-историков — правдиво изобразить массовые народные движения, нащупать психологию этих движений. Он выступает против изображения народных движений как сплошной цепи ужасов и разнузданных инстинктов. «Источник [народных] движений несомненно один и тот же: тяжелое материальное положение. Враг один и тот же: наличный порядок» (1879, № 8, «Совр. обозр.», стр. 297).

Демократическая литература, заявляя в «Отечественные записки», не может выполнить своей главнейшей задачи — политического просвещения народа — без всестороннего, глубокого и правдивого изображения народной жизни. На участвовавшие обвинения со стороны некоторых реакционных и либеральных органов в том, будто демократическая журналистика и «Отечественные записки» в особенности «надоели с мужиком», журнал отвечал, что подобные рассуждения и с фактической, и с политической стороны фальшивы и реакционны. Наоборот, русская литература, по словам журнала, уделяет «недостаточное внимание главному сеятелю и деятелю русской земли» (1881, № 6, «Совр. обозр.», стр. 232). Русская литература, писал Михайловский, «из чувства самосохранения должна искать опоры в интересах народа... Литературе не во что больше верить, не на что надеяться, нечего любить» (1878, № 3, «Совр. обозр.», стр. 162—163).

Особенно четкую позицию в этом вопросе занимал Салтыков-Щедрин. Литература, утверждал он, по своей общественной природе должна служить народу, выражать его интересы и идеалы. Писатели обязаны в первую очередь исследовать и изображать те силы, те классы, на которых держится отечество. Всеми признано, пишет Салтыков-Щедрин, что в настоящее время такой силой является человек-труженик, мужик. После падения крепостного права мужик стал «героем современности и всем он нужен, у всех как белмо на глазу. Тупа философия, косноязычна реторика... без мужика. Помещик, заводчик, фабрикант, подрядчик, одним словом, всякий человек-практик, всяк понял, что в его „делах“ на первом плане стоит мужик. Должна была понять это и литература... Ежели мужик так всем необходим, то надо же знать, что он такое, что представляет он собой как в действительности, так и *in potentia*, каковы его нравы, привычки и обычаи, с какой стороны и как к нему подойти» (1879, № 8, «Совр. обозр.», стр. 325—326).

Необходимо отметить, что в трактовке народности русской литературы, в разработке методов изображения народной жизни критики народнического лагеря допускали серьезные отступления от эстетической теории Чернышевского и Добролюбова, по сути дела полемизировали с четкими высказываниями Салтыкова-Щедрина. Салтыков-Щедрин, например, развивая взгляды Чернышевского, призывал к правдивому, реальному изображению народной жизни без реакционных и либерально-народнических искажений. «... Литература, — писал он в статье „Напрасные опасения“, — не только имеет право, но даже обязана обратиться прежде всего к исследованию именно этой грубой среды и принимать даваемый ею материал в том виде, как он есть, не смущаясь некрасивою внешностью, не отвращаясь от темных сторон, которые ее обуславливают» (1868, № 10, «Совр. обозр.», стр. 182—183).

Иные рецепты дает писателям Скабичевский. По его словам, литературе следует, конечно, приводить факты забитости народа как «печальные следствия всей прошлой жизни нашего крестьянства... но рядом с этими фактами писатель обязан выставлять факты другого рода».

которые показали бы, что самоуправление в среде народа возможно и необходимо» (1868, № 4, «Совр. обозр.», стр. 164). Скабичевский резко расходился с Чернышевским и в оценке рассказов Н. В. Успенского. Не поняв ни новаторского характера творчества Успенского, ни революционного смысла статьи Чернышевского «Не начало ли перемены?», Скабичевский увидел в его рассказах лишь «пошлый взгляд на мужика» и потому объявил писателя солидарным с тенденциями «Вести» (там же, стр. 168).

Сектантская узость народнических воззрений проявилась в статье «Новые признаки в нашей литературе (журналы и газеты для народа)», опубликованной в августе 1878 г. Русская литература, говорится в статье, с момента своего зарождения и по сей день слишком далека от народа, чтобы оказывать на него активное непосредственное воздействие. Произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островского автор называет всего лишь «бытовыми памятниками русской жизни», потому что в них вы «не слышите биения народного пульса и не видите народной мысли», «это — литература высших слоев русского общества». Даже писатели-разночинцы 60—70-х годов, «стоящие близко к народу или сочувствующие ему, пишут о нем для высшей публики» (1878, № 8, «Совр. обозр.», стр. 165—167). Буквально в таких же выражениях оценивал поэзию Пушкина и Лермонтова Скабичевский, заявляя, что она «не представляла никаких глубоких и здоровых идей, которые развивали и двигали бы общество» (1868, № 1, «Совр. обозр.», стр. 15). Антиисторическое, вульгарно-социологическое представление о народности русской литературы, отрицание ее положительной роли в освободительном движении России было свойственно и некоторым другим сотрудникам журнала (например, Н. К. Михайловскому, М. К. Цебриковой, М. А. Протопопову).

Большое внимание уделяла критика «Отечественных записок» разработку положительной программы демократической литературы. Вопрос о новом положительном герое оказался в центре внимания буквально с первого же номера преобразованного журнала. В статье «Новое время и старые боги», посвященной критическому разбору тургеневского «Дыма», Скабичевский попытался сформулировать черты героя своего времени, достойного стать прототипом положительного образа в художественном произведении. Для определения достоинств человека Скабичевский применяет не количественный масштаб — по нему определялись такие сильные натуры, как Онегин или Печорин, а качественный. «Качественный масштаб тем хорош, — пишет Скабичевский, — что он приложим ко всем людям без исключения, что он не предполагает необходимости иметь титанические силы для того, чтобы быть хорошим человеком; он находит человека в слабом, беспомощном, зангнанном и забитом труженике и карает мерзавца, как бы ни был этот мерзавец красив, умен и энергичен» (1868, № 1, «Совр. обозр.», стр. 20). Применяя качественный масштаб, Скабичевский приходит к выводу, что положительным героем современной литературы должны быть обыденные, простые (т. е. не знатные по происхождению) люди, подобные Ломоносову, Новикову, Кулибину, Белинскому, Добролюбову (имя Чернышевского было под запретом). Кроме своей гениальности, они обладают такими характерными для разночинца-демократа качествами, «как глубокая, доходящая до энтузиазма любовь к родине»; «страстная любовь к народу, притом к народу страждущему»; любовь к труду, потому что для них труд является служением народу. Именно простые труженики-интеллигенты — безвестные переводчики, учителя, медики.

технологи, корпящие над своей работой без «отпечатка высоких дум на челе или гордого страдания во взорах» — подлинные герои, как и Белинский; «они тоже воспитывают поколение», а потому «их только можно назвать лучшими представителями русского общества» (там же, стр. 21—25).

В представлении Скабичевского лишь в среде разночинной интеллигенции современная литература может искать прототипы положительного героя. Позднее, под влиянием Салтыкова-Щедрина, Скабичевский приходит к выводу, что героические типы могут выделиться из «пестрой, безразличной толпы». Таким примером для него является образ Пелагеи Прохоровны Горюновой из романа Решетникова «Где лучше?», в незаметных поступках которой скрывается «поистине героическое». «Что же будет из подобных людей, — спрашивает Скабичевский в статье „Чего нужно добиваться реальному поэту“; — когда они додумаются до каких-нибудь положительных общественных стремлений? Очень может быть, что, нисколько не заботясь о разных возвышенных идеях, из-за естественного желанья улучшить свое материальное благосостояние, — они покажут нам образчики такого общественного героизма, о котором и не снилось всем нашим эффектным титанам. . .» (1869, № 2, «Совр. обозр.», стр. 238).

Проблеме положительного героя в литературе большое внимание уделял Салтыков-Щедрин. В статье «Напрасные опасения» — этом литературном манифесте журнала — он писал, что дворянская литература, создав тип «лишнего человека» — героя своего века и своего класса, этим типом исчерпала себя, она бессильна создать образ положительного героя, потому что дворянская среда, которую она изображает и соками которой питается, находится не впереди, а позади требований века, эта среда «не может изменить свои взгляды на жизнь даже тогда, когда сама эта жизнь изменяет себя во всех подробностях» (1868, № 10, «Совр. обозр.», стр. 180). Между тем «новая русская литература не может существовать иначе, как под условием уяснения тех положительных типов русского человека, в отношении которых потерпел такую громкую неудачу Гоголь». Теперь это сделать легче, ибо расширилась «арена правды, арена реализма»: после реформы 1861 г. «рост русского человека несомненно увеличился», для литературы открылся «подлинный источник, из которого должна истечь струя нового, живого русского слова». Таким источником, из которого новая русская литература должна черпать материал для создания положительного образа, является «элемент, скопляющий знания, распространяющий их и воспитывающий», т. е. разночинная интеллигенция, и «элемент воспитываемый и в то же время дающий материал для знания и поправляющий его», т. е. народ (там же, стр. 183).

Перед литературой, продолжает Салтыков-Щедрин, «уважающей свое народное и общечеловеческое призвание», стоит задача проникнуть в этот источник, изобразить «целую крестьянскую среду». Дело это чрезвычайно трудное, литературе необходимо «прежде всего опознаться в материале, уяснить себе частности, а потом уже отыскивать в нем ту объединяющую нить, которая создает типы» (там же). Создание образа положительного героя по плечу лишь писателям с передовыми, прогрессивными взглядами на жизнь, потому что объяснение типа человека дела, человека профессии требует, кроме талантливости, известной подготовки: «Автор, желающий изобразить положительного русского человека, должен не только стоять на известной нравственной высоте, но и обладать достаточною суммою знаний, без помощи которых невозможно объяснить

те особенности языка, приемов и отношений, совокупность которых собственно и составляет живое лицо» (там же, стр. 187).

Проблема положительного героя в критических статьях Салтыкова-Щедрина всегда выступает как проблема политическая. Как бы ни был писатель талантлив, но если в политической борьбе он примет сторону реакции, то окажется бессильным создать образ нового человека, неизбежно исказит существенные стороны действительности. Так именно случилось, писал Салтыков-Щедрин в статье «Уличная философия», с большим художником Гончаровым. Исказив в угоду реакционной «уличной философии» образ революционера в романе «Обрыв» и тем самым нарушив правду жизни, Гончаров потерпел поражение и как художник-реалист. В окарикатуренной фигуре нигилиста Марка Волохова читатель «вместо живого образа находит только сухой перечень мыслей человека», а это значит, что писатель «забрался в такую сферу, которая ему не под силу, ибо эта сфера... требует, чтобы наблюдатель стоял на одном уровне с наблюдаемым» (1869, № 6, «Совр. обозр.», стр. 135). Щедрин горячо протестует против попыток некоторых писателей присваивать кличку «новых русских людей» «героям домов терпимости», он ратует за правдивое, реалистическое изображение революционного деятеля, истинного героя современности: «Хотя читатель и мало знает о „новых русских людях“, но все-таки он кое-что слышал об них. Он слышал об увлечениях не книжных только, а действительных, о безвременно погубленных силах, о принесенных жертвах; он знает, что эти слухи не призрак, а суровая правда; поэтому он желает, чтобы ему объяснили, в чем заключаются эти действительные увлечения „нового человека“, во имя чего приносятся им жертвы и как приносятся...» (1870, № 7, «Совр. обозр.», стр. 53).

Мысли Салтыкова-Щедрина о том, что ложный идейный замысел неизбежно влечет за собой ложное изображение новых людей, искажение правды жизни, легли в основу многих литературно-критических выступлений журнала. Узостью «умственной подготовки», отсутствием «понятия о новом мирозерцании» объясняет Скабичевский художественные неудачи Писемского, Лескова и других авторов так называемых антинигилистических произведений. В романе «Некуда», пишет Скабичевский в статье «Русское недомыслие», вместо художественных образов «вы видите ряд карикатур, ряд обезображенных событий», в которых нет «и тени жизненной правды... Нигилисты его вовсе не люди, а суррогаты всевозможных пошлостей, злоумышлений, чувственности, подлости и трусости» (1868, № 9, «Совр. обозр.», стр. 42, 43). М. Н. Цебрикова в статье «Псевдоновая героиня», критически оценивая образ Веры из «Обрыва», утверждает, что роман Гончарова погубила реакционная тенденциозность. Конечно, тенденциозность тенденциозности рознь, говорит Цебрикова. «Только те тенденциозные романы покажут в верном свете своих героев, которые в художественных образах проводят тенденции, подсказанные последним словом жизни... Вообще все наши тенденциозные романы, враждебно относившиеся к этим явлениям, грешат бестактностью; все они, чтобы поразить насмерть ненавистные им идеи, выводят не людей, а какие-то ходячие исторические фигуры с ярлыками на лбу, а если людей, то уродов и дураков» (1870, № 5, «Совр. обозр.», стр. 41).

Михайловский во многих статьях и обозрениях сатирически высмеивает произведения реакционных писателей, в которых они пытались оклеветать новых людей, изображая их развратными, безнравственными, грубыми, неопрятными существами. Удивительно то, замечает Михай-

ловский, что все эти «неумные беллетристы» пользуются одним, отнюдь не художественным, приемом. «Он состоит в том, чтобы навалить на героя гору добродетелей, даже не соображая, нет ли между ними противоречий, может ли вынести их один человек, не превращаясь в ходячий арсенал, в котором помещено разнообразное смертоносное оружие: холодное и огнестрельное, старое и новое, вышедшее и не вышедшее из употребления, пушка и карманные револьверы» (1878, № 5, «Совр. обзор», стр. 41).

Литература, утверждали «Отечественные записки», по своему характеру призвана быть воспитателем, просветителем, духовным вождем общества, народа. Но она не выполнит своей великой миссии и станет забавой «культурного» общества, если будет чураться злобы дня, идейной борьбы. Не случайно из всех качеств, которыми должна обладать литература, «Отечественные записки» на первый план выдвигают идейность, актуальность поднимаемых проблем и вопросов. Произведения безыдейные, не освещенные политической мыслью теряют свою воспитательную функцию и обречены на забвение.

«Отечественные записки» беспощадно высмеивали те произведения, «в которых три тысячи стихов и две с половиной мысли», называли такие произведения «вислоухими» и считали, что их нужно «изолировать в литературе». Одна из рецензий журнала направлена против тех критиков, которые «не краснея объявили во всеуслышание, что сосуществование тенденций и искусства — немыслимо, т. е. другими словами отняли от творчества... всякую целесообразность, оставив за ним только рефлекторный и механически случайный характер» (1868, № 11, «Совр. обзор», стр. 68). В любом виде литературного творчества, в любом жанре отсутствие четко выраженной идеи разрушает произведение, делает его бесцельным, бесполезным, беспредметным. Именно так случилось, по словам журнала, с юмористическими рассказами Н. А. Лейкина. У Лейкина был огромный запас фактов, живая наблюдательность, дар слова и остроумия, т. е. он обладал всеми качествами юмористического рассказчика. И тем не менее из сборника рассказов, как писал рецензент, «вышла одна глупая словесность». Объясняется это тем, что в рассказах «нет никакой серьезной общей подкладки, а только один потешный анекдот». Огромный запас фактов «решительно не освещен какою-нибудь разумною идеею» (1879, № 6, «Совр. обзор», стр. 194).

Литература не может только «списывать» жизнь, она должна активно вмешиваться в нее, выражать передовые идеалы своего времени — только в этом случае она оправдывает доверие читателя. Требование это являлось для сотрудников «Отечественных записок» исходным критерием оценки любой журнальной статьи, любого литературного произведения. «Никакой наружный блеск не может скрыть внутренней пустоты, бесцельного существования, а литература, отрешающаяся от времени и пространства, чуждая мира и страстей и „довлеющая сама себе“, конечно, не может не быть признана бесцельною» (1879, № 9, «Совр. обзор», стр. 77).

Чтобы выполнить свою общественно-политическую, воспитательную функцию, литература должна чутко улавливать требования эпохи, подчинять свои интересы задачам общественной борьбы. Салтыков-Щедрин устанавливает прямую зависимость направления и содержания литературы от запросов времени, он призывает литераторов быть в гуще общественной борьбы, стать выразителями передового общественного мнения. Объясняя, почему современная литература не может ограничиваться писаниями «о соловьях и розах», Салтыков-Щедрин справедливо

указывал в августе 1879 г., что, «во-первых, . . . нынче писателей таких нет, а во-вторых, . . . и читатель для соловьев и роз едва ли отыщется». Он категорически опровергает измышления реакционеров в литературе — сторонников «чистого искусства», будто постоянная привязанность литературы к современности и обусловленные этим «низменность идеалов», «грубая тенденциозность» лишают демократическую литературу цельности, объективности, способности удовлетворять интересы общества. Наоборот, обращаясь к современности, к злобе дня, литература находит источник своего развития, черпает там свои идеалы. «Как бы ни были низменны интересы современности, — развивает свою мысль Щедрин, — литературные идеалы уже по тому одному не могут пострадать от прикосновения к ним, что интересы эти все-таки принадлежат тому униженному и оскорбленному человечеству, нравственное оздоровление которого составляет благороднейшую мечту благороднейших умов. Одним словом, в этих низменностях идеалы литературы (хотя бы даже и отрицательным путем) могут найти для себя лишь поправку, опору и развитие, но никак не смерть» (1879, № 12, «Совр. обозр.», стр. 235).

Отстаивая идейность, демократическую направленность русской реалистической литературы, «Отечественные записки» резко выступили против защитников и популяризаторов натурализма, расцветшего в те годы на Западе. Характерно отношение редакции журнала к теоретическим высказываниям Э. Золя, опубликованным в «Вестнике Европы».³⁶ Автор большого исследования о французском романтизме, Скабичевский критически отнесся к статье Золя, в которой тот проповедовал «объективно-протокольный натурализм». Требование Золя — искусство должно рисовать жизнь такой, какова она есть, не давая выводов и обобщений, — по словам Скабичевского, шло вразрез с традициями русского реализма, с самой сущностью литературы. Полемизируя с Золя и редакцией «Вестника Европы», Скабичевский пишет, что литераторы не могут ограничиваться скромною ролью «безотчетных и бессмысленных копистов». «Для нас недостаточно, чтобы искусство только списывало жизнь, — заявлял Скабичевский, — мы хотим, чтобы оно принимало активное и непосредственное участие в ней, выражало бы передовые идеалы своего века, расширяло наши умственные горизонты. . . раскрывало бы нам все, что есть позорного, опасного, губительного вокруг нас и призывало бы нас на борьбу со всеми мрачными силами, тормозящими процветание и прогресс нашего отечества» (1880, № 1, стр. 85).

Скабичевский с демократических, прогрессивных позиций защищает французских романтиков В. Гюго, Ж. Санд от нападок представителей новой натуралистической школы. Творчество французских романтиков насыщено идейными устремлениями, воодушевлено борьбой за передовые идеалы века, органически слито с современностью. Отстаивая революционный романтизм Гюго, Скабичевский писал: «Мы нашли человека, который всю жизнь только и делал, что шел рядом со своим веком. . . страстно увлекался и глубоко проникался всеми животрепещущими вопросами, которые составляли суть его современности, и мало сказать, что в произведениях своих откликнулся на все эти вопросы не из тишины комфортабельного кабинета: он их вымучивал самую жизнь, да и как еще вымучивал; с оружием в руках на баррикадах, под свистом пуль, в долгих годах изгнания» (1880, № 2, стр. 507).

Михайловский подверг острой критике новый роман Золя «Нана»

³⁶ В журнале «Вестник Европы» была напечатана статья Э. Золя «Экспериментальный роман» (1879, № 9); в № 11 того же года опубликована глава романа «Нана».

прежде всего за то, что в произведении отсутствует ярко выраженная идея, способная вдохновить читателя на борьбу с общественным злом. Хотя по зрелому размышлению, пишет Михайловский, можно прийти к выводу, что «Нана» является обвинением порядков Второй империи, но эта идея в романе так далеко упрятана, в таком изобилии уснащена непомерным, изощренным смакованием «реализма кончика рубашки, высунувшейся из панталон», что «на деле Вторая империя тут оказывается сбоку припека», что для широкого круга читателей соблазнительно высунувшийся «кончик рубашки» закрывает смутно существующую идею (1880, № 5, «Совр. обозр.», стр. 36—37).

В статье «О порнографии» Михайловский прямо заявляет, что одна из главных причин обильного появления в период разгула реакции порнографических произведений, порнографических журналов и газет — это упадок идейности в обществе. Как в природе все дышит кислородом, так и в «общественной атмосфере есть тоже своего рода кислород. Это — животворящие идеи». Не случайно реакция старается «многообразными насосами» выкачивать кислород из общественного организма. Тогда в обществе растет, и количественно и качественно, «тупое, самодовольное, ни горячее, ни холодное большинство... оно требует порнографии и получает ее» (1881, № 5, «Совр. обозр.», стр. 122).

Демократическая литература и журналистика, по словам руководителей и сотрудников «Отечественных записок», в конечном итоге должны были служить одной цели — политическому просвещению народа, воспитанию в нем гражданских идеалов. Пробуждение протеста в передовых слоях русского общества, а через них — в широких массах народа путем систематического и беспощадного осмеяния «основ», путем дискредитации в глазах читателей всей системы самодержавия — такова важнейшая программа демократической печати, выдвинутая «Отечественными записками».

На эту функцию литературы, в особенности периодической печати, обратил внимание Михайловский в обширной публицистической статье «Житейские и художественные драмы», опубликованной в «Отечественных записках» в январе—феврале 1879 г. Статья посвящена анализу причин участвовавших самоубийств в России. В трагических самоубийствах Михайловский видит стихийный протест русских людей против гнета, но протест пассивный. Трагедия заключается как в самом факте насильственной смерти, так и в том, что протест обрывается вместе со смертью, что гибель проходит бесследно для окружающих или истолковывается ими по-обывательски. И в этом вина не столько самих «героев житейских драм», сколько литературы, и прежде всего журналистики — той разновидности литературы, которая ведет ежедневный, еженедельный, ежемесячный разговор с читателем.

Простому русскому человеку, говорит Михайловский, подчас нелегко разобраться в запутанных отношениях, развязать в своем сознании сложный узел противоречий русской действительности, сформулировать свое недовольство. И такая безмолвность, безропотность обусловлены веками холопской жизни, с одной стороны, и наличием тех «непостижимых путей», которыми вынуждена плутать мысль русского человека, — с другой. Человек, «привыкший лобызать руку, которая его бьет, и в этом лобызании видеть весь духовный смысл своей жизни, не только что не посмеет, а просто не сумеет проклясть, слов не найдет» (1879, № 1, «Совр. обозр.», стр. 97). «Заправская русская драма» именно и заключается в этой безропотности, в пассивной молчаливой гибели. «Тяжела жизнь, если она обрывается добровольно, но она еще тяжелее,

если нет сил не только бороться с тем, что давит, но нет сил даже словами выразить весь ужас своего положения» (там же, стр. 87).

Какой же выход из этого нелепого положения, кто сумеет вызвать в Максиме, доведенном до отчаяния, ненависть к деспотическому гнету и превратить ненависть в действия, кто сформулирует и выскажет окружающим протест, назревающий в душах безвестных максимов, умирающих «от невеселой этой жизни»? И Михайловский отвечает, что если сам Максим, рядовой русский человек, пока еще не способен высказать вслух свои проклятия и не знает, кому проклятия адресовать, то это может и обязана сделать за него литература — заглянуть в его измоленную душу и рассказать его «пасмурную историю». Михайловский страстно мечтает о протестующем крике Максима, о крике громком, который бы явился призывом. «А если бы крикнуть! если бы найти те потрясающие сочетания звуков, в которых можно было бы вылить измученную душу, призвать на помощь и взволновать всех, всех своей исповедью» (там же, стр. 87). Вскрыв два «коренных мотива современной русской драмы», т. е. несовместимость самодержавного произвола с нормальной жизнью человека и стихийный протест — с одной стороны, а с другой — неразвитость, неоформленность этого протеста, Михайловский призывает русских литераторов своими произведениями высекают страстные, зажигательные слова, способные потрясти души людей и поднять их на подвиг.

Тезис об активной роли литературы в политической и социальной борьбе подробно развил Салтыков-Щедрин в художественно-публицистической хронике «Круглый год». Если литератор дорожит вниманием читателя, он не имеет права «сидеть сложа руки», пассивно созерцая окружающую действительность. Читатель ждет от него активных действий, дела. И таким делом литератора является правдивое, мужественное, взволнованное слово, смело обличающее существующие порядки, способное просветить человека, вдохновить его на сознательную борьбу. Оправдывая настойчивое стремление демократической литературы подвергать «ядовитому анализу» современную русскую действительность, Салтыков-Щедрин призывает демократическую печать выполнять эту функцию более энергично и последовательно. «Подрывание основ», говорит он, — не прихоть или злой умысел литературы, а отражение стремлений и идеалов самого общества. Если литература вместо описания «роз, соловьев и неба» отдает предпочтение разоблачению общественных язв, то, «значит, язвы настолько обострились, что никому не дают ни отдыха, ни срока; значит, не только писать, но и думать ни о чем ином нельзя; значит, доколе будут существовать язвы, доколе будет идти речь об них» (1879, № 8, «Совр. обозр.», стр. 324). Вина литературы не в том, что она вскрывает язвы в общественном организме, а как раз в том, что в силу «независящих обстоятельств» все еще слабо и непоследовательно обнажает эти язвы, робко заявляет о них обществу, не всегда может раскрыть источник общественного недуга. Между тем, правильно и смело объясняя действительность, литература помогает пришибленному и запуганному русскому человеку разобраться в событиях, вооружает его мужеством, вдохновляет на борьбу со злом. «Доныне он [русский обыватель] изнывал, как слепец, а отчасти даже суеверно трепетал перед обстановкой своего недуга, считая ее неизбывною, от веков определенною — и вдруг, благодаря объяснениям, смещения эти устраняются! Явления утрачивают громадные пропорции, которые так давили воображение, и размещаются в том порядке, в каком им соответствует быть надлежит» (1879, № 11, «Совр. обозр.», стр. 110—111).

Литература, утверждал Салтыков-Щедрин, не может не касаться основ государственной и общественной жизни, она вправе даже отрицать «основы», если они оказываются в прямом противоречии с интересами народа. Примечательно в этом отношении объяснение Салтыкова-Щедрина с читателями по поводу своей творческой манеры: «Моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол, угнетающих человечество... Я очень хорошо помню пословицу: было бы болото, а черти будут, и признаю ее настолько правильною, что никаких вариантов в обратном смысле не допускаю. Воистину, болото родит чертей, а не черти созидают болото... Да, смешны и жалки эти кинутые в болото черти, но само болото — не жалко и не смешно...» (1879, № 10, «Совр. обозр.», стр. 247). Если «чертей» можно пожалеть, обнаружить в них поправное человеческое достоинство, затаенную душевную обиду, то «болото» — социальная и политическая основа самодержавия — заслуживает беспощадного и бескомпромиссного отрицания. Тлетворные, ядовитые испарения «болота» нельзя обезвредить, не уничтожив самого «болота» — таков вывод Салтыкова-Щедрина.

* *

*

Положительная программа демократической литературы и журналистики, изложенная на страницах «Отечественных записок», прежде всего нашла воплощение в содержании и структуре самого журнала. Требованиям оперативно откликаться на все политические и общественные события и определенным образом влиять на них были подчинены как беллетристический отдел, так и широко развитый отдел публицистики и критики «Современное обозрение».

Беллетристический отдел определял не только литературное, но и общественное лицо журнала. Выдающиеся творения Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Островского, произведения талантливых писателей-демократов — Г. И. Успенского, Решетникова, Каронина-Петропавловского, Осиповича-Новодворского, Мамина-Сибиряка и других раскрывали перед читателем реалистическую картину русской жизни во всей ее сложности и противоречивости.

Руководители и критики журнала рассматривали беллетристику как одно из важнейших средств идейного воспитания общества. «Та польза, которую приносит общественному сознанию хорошая беллетристика, — говорил Писарев в статье „Романы Андре Лео“, — состоит именно в том, что она, беллетристика, приводит в известность количество и качество миазмов, распространяемых средою, и в то же время поддерживает в читателе ту мужественную уверенность, что обыкновенный человек, вооруженный некоторым элементарным знакомством с существующими миазмами, может, при некоторой настойчивости и при серьезном уважении к своему человеческому достоинству, предохранить себя от всякой заразы, остаться до конца своей жизни чистою, здоровою, сильною и деятельною личностью, и даже спасти от умственной и нравственной деморализаций тех людей, с которыми он находится в постоянных сношениях» (1868, № I, «Совр. обозр.», стр. 87). Салтыков-Щедрин особую важность беллетристики видел в том, что «эта отрасль есть наиболее доступная пониманию большинства». «Конечно, — писал он в статье „Уличная философия“, — беллетристика не дает читателю той полноты и уверенности знания, к которым приводит его наука путем доказательств, но влияние беллетристики все-таки может быть благотворным

в том отношении, что она предрасполагает к исканию истины и заставляет читателя скептически относиться к тем несознанным аксиомам, которыми он до того руководился» (1869, № 6, «Совр. обозр.», стр. 117).

Стремление журнала глубоко проникнуть в действительность и в то же время «удовлетворить требованию момента» проявилось и в самом характере беллетристики «Отечественных записок» — демократизации ее формы и содержания. «Роман и повесть у нас снова начинают выдвигаться на первый план в журналистике», — говорилось в анонимной рецензентской заметке в апрельской книжке журнала за 1868 г. (там же, стр. 201). Как и в других литературных журналах того времени, эти жанры были довольно широко представлены и в «Отечественных записках». Но в прозе революционно-демократического журнала, как ни в каком другом органе, наиболее рельефно проявились те новые черты в выборе объектов и методов изображения пореформенной жизни, которые, по словам Щедрина, знаменовали новый этап в развитии русского реализма. «Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву с тех пор, как семейственность и все, что принадлежит к ней, начинает изменять свой характер... — писал он в сатирической хронике „Господа ташкентцы“. — Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте, — везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом. Вы видите: драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась бог знает где; началась поцелуями двух любящих сердец, а кончилась получением прекрасного места, Сибирью и т. п.» (1869, № 11, стр. 197, 199).

Выход за рамки семейственности и узкой сферы психологического анализа, процесс активного включения литературы в общественно-политическую борьбу коснулся не только романа и повести, но и поэзии, сатиры, художественного очерка. «Гоголевская сатира сильна была исключительно на почве личной и психологической, — писал Салтыков-Щедрин в рецензии „Смешные песни Александра Иволгина“, — ныне же арена сатиры настолько расширилась, что психологический анализ отошел на второй план, вперед же выступила сила вещей и разнообразнейшие отношения к ней человеческой личности» (1868, № 9, «Совр. обозр.», стр. 53—54). На страницах «Отечественных записок» были широко представлены образцы подлинно гражданской поэзии (поэмы и стихи Некрасова), социального романа и драмы («Где лучше?» Решетникова, «Разоренье» Г. И. Успенского, «Господа Головлевы» Щедрина, пьесы Островского), социальной сатиры (художественно-сатирические обзоры Щедрина).

Значительное место в беллетристическом отделе «Отечественных записок» 1870—1880-х годов занимают художественно-публицистические жанры, и в первую очередь документальный и художественный очерк. Г. И. Успенский, А. Н. Энгельгардт, С. Н. Терпигорев (С. Атава), создавшие обширные очерковые циклы, Н. Н. Фирсов («Из трущобских летописей»), А. Краснопольский («Очерки захолустной жизни»), Н. Яковлев («Из воспоминаний адвоката»), Л. Пантелеев («Очерки таежной жизни»), П. И. Якушкин («Путевые письма») — таков далеко не полный перечень авторов-очеркистов. Обилие в журнале «малых» литературных форм — очерков, рассказов, дневников — конечно, не являлось ни случайностью, ни следствием недостатка талантливых литературных сил, как пыталась утверждать реакционная и либеральная критика. Многие авторы намеренно подчеркивали документальность, оперативность своих произведений, сопровождая их подзаголовками «с натуры», «отрывки», «заметки и наблюдения», «из записной книжки». Характерно

в этом отношении обращение к читателю Терпигорева в очерке «В степи»: «Так как я не имею чести быть рожденным для вдохновения, для звуков сладких, для молитв и так как единственная цель этих очерков — голая правда, без всякой примеси какой бы то ни было лжи, хотя бы и самой художественной, то я прошу извинить, если сразу угощу читателя известием, что во всей, например, Тамбовской губернии едва ли наберется десяток или два незаложенных помещичьих имений...» (1870, № 4, стр. 599).

Один из редакторов журнала — Михайловский эту особенность беллетристики «Отечественных записок» и некоторых других периодических изданий демократического направления связывал с новыми задачами и новым состоянием общества. «Почему этот несомненный талант, — писал он, — писал в виду творчество Г. И. Успенского, — так склонен к оборванным очеркам и к пересыпанию художественных образов и картин комментариями публицистического свойства?.. Тут сказывается известная страстность отношения к делу: человек хватает для выражения своих мыслей и чувств первое попавшееся оружие: попался ему удачный образ, он пускает его в ход, а нет — так он и сам выскакивает вперед и аргументирует, и поясняет от своего собственного лица...» (1879, № 3, «Совр. обозр.», стр. 158). Конечно, Михайловский раскрывает далеко не все особенности творчества Г. И. Успенского. Но он верно подмечает одну из характерных тенденций беллетристики пореформенного периода, и прежде всего творчества писателей-разночинцев, группировавшихся вокруг «Отечественных записок», — стремление поспеть за бурным развитием событий, повлиять на них, быть не созерцателем, а активным участником.

Ярким примером «пересыпания образов и картин комментариями публицистического свойства» является примечательное по своему своеобразию произведение Салтыкова-Щедрина «Круглый год», печатавшееся в виде ежемесячной хроники в отделе «Современное обозрение». Первоначально «Круглый год» был задуман как беллетристическое произведение с четким сюжетом. Но уже с первых очерков мы видим, как бурно развивающиеся политические события врываются в первоначально задуманный сюжет произведения. Чутко откликаясь на злобу дня, Салтыков-Щедрин перебивает сюжет литературно-критическим обозрением (полемика с Ф. М. Достоевским, размышления о задачах литературы), прямой публицистической речью политического характера. Документальность; оперативность, публицистичность отличались и другие произведения Салтыкова-Щедрина.

Публицистический отдел «Современное обозрение» как по объему, так и по содержанию занимал в журнале важное место и пользовался огромным вниманием читателей, особенно радикально настроенной молодежи. Костяк публицистического отдела составляли постоянные ежемесячные обозрения: общественно-политическое («Современные заметки» Л. И. Розанова, «Наши общественные дела» Н. А. Демерта и «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева); литературно-критическое («Литературные заметки» и «Записки современника» Н. К. Михайловского), в котором на материале литературных сюжетов обсуждались злободневные политические вопросы; критико-библиографическое — «Новые книги», где «высказывались совершенно самостоятельные мысли», «всегда что-нибудь проводилось» (1878, № 9, стр. 252); обозрение зарубежной политической и общественной жизни («Хроника парижской жизни» Ш.-Л. Шассена). Кроме этих постоянных разделов, в «Современном обозрении» регулярно печатались литературно-критические статьи

и обзоры, одна-две статьи (почти в каждом номере) по общественно-экономическим, преимущественно аграрному и крестьянскому, вопросам (С. Н. Кривенко, Н. И. Зибер, В. Г. Трирогова, П. А. Костычева, Н. М. Ядринцева, А. Н. Плещеева и др.), политические и философские статьи П. Л. Лаврова, В. В. Лесевича, Н. К. Михайловского. В «Современном обозрении» публиковались также художественно-публицистические произведения на злобу дня (например, в 1879 г. — «Круглый год» Салтыкова-Щедрина, в 1880 г. — «На родной ниве» Г. И. Успенского).

Таким образом, «Современное обозрение» в какой-то степени позволяло редакции журнала по-газетному быстро откликаться на события жизни, но в то же время материалы отдела по методу отбора фактов и способу их освещения принципиально отличались от газетных. Вот что писал по этому поводу Елисеев: «...Мы, внутренние обозреватели, беседующие с публикою не ежедневно, а всего раз в месяц, хотя также берем свой материал из текущих событий, но оценку его производим несколько с иной точки зрения, чем газеты. . . Для нас в текущем материале важны не те явления, которые новее, свежее других, а те, которые или по своим последствиям могут иметь большое значение для внутреннего строя и течения общественной жизни, или которые резче, нагляднее, полнее изображают внутреннее состояние общества в тех или других отношениях» (1879, № 4, «Совр. обозр.», стр. 219).

По такому методу создавал свое «Внутреннее обозрение» Елисеев, такими же особенностями отличались и другие «обозрения общественных явлений за истекший месяц» в «Отечественных записках». Это были публицистические отклики на злобу дня, они давали читателю, говоря словами Салтыкова-Щедрина, «полноту и уверенность знания». Информационными источниками являлись столичная и провинциальная пресса, официальные сообщения, корреспонденции читателей и, наконец, личные наблюдения. Специфика обозрения состояла в том, что факт, уже знакомый читателю, выступал лишь как повод для публицистического комментария, больших публицистических обобщений. Поэтому для журнального обозрения характерна свободная манера изложения: краткий пересказ события сменяется обстоятельным размышлением по поводу его значения и последствий, спокойное повествование — иронией, сарказмом, гневным обличением. Автор, взволнованный тем или иным событием, часто обращается непосредственно к читателю, как к своему близкому собеседнику, стремится вызвать в нем ответные чувства, пробудить в его душе протест против произвола высших и местных властей, бездушия чиновников, жестокостей полиции.

Деятельность «Отечественных записок» протекала в крайне тяжелых условиях цензурного гнета. Некрасову и Салтыкову-Щедрину приходилось драться в цензурном ведомстве буквально за каждую книжку журнала, прибегать к различным ухищрениям (иногда идти на компромисс со своей политической совестью) для отвода административных кар.³⁷ Особенно осложнилось положение «Отечественных записок» после перемартовских событий 1881 г. Реакционное правительство Александра III

³⁷ Об отношении цензуры к «Отечественным запискам» см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в. и статью: Б. Палковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Литературное наследство», т. 49-50, 1949.

взяло курс на расправу с оппозиционным журналом и его сотрудниками. Первым симптомом явились арест и высылка из Петербурга Михайловского в январе 1883 г. А в январе 1884 г. был арестован другой видный сотрудник «Отечественных записок» — Кривенко, заведовавший в то время публицистикой. Спустя двадцать дней, 22 января, за одну из глав «Современной идиллии» Щедрина и статью Н. Я. Николадзе «Луи Блан и Гамбетта» журнал получает второе предупреждение. Спасая журнал от закрытия, Салтыков-Щедрин прервал публикацию «Современной идиллии», принял другие меры предосторожности, но вышедшая в свет апрельская книжка была последней в истории «Отечественных записок». 20 апреля 1884 г. появилось правительственное сообщение о прекращении журнала за «распространение вредных идей», принадлежность некоторых сотрудников «к составу тайных обществ» и за публикацию не пропущенных цензурой статей ответственного редактора Салтыкова-Щедрина в нелегальных изданиях.

„Дело“

Среди демократических журналов, сыгравших значительную роль в литературно-общественной жизни 70—80-х годов XIX в., видное место, вслед за «Отечественными записками», принадлежит журналу «Дело». Продолжая главнейшие революционно-демократические традиции 1860-х годов, и прежде всего «Русского слова», журнал «Дело» живо и разносторонне откликался на новые запросы времени, был глашатаем передовых идей демократического движения в очень сложный период его развития. Начав выходить вскоре после закрытия «Современника» и «Русского слова», журнал в трудных цензурных условиях сумел продержаться вплоть до обострения общественно-политической реакции начала 1880-х годов. Он не был закрыт в 1884 г. вместе с «Отечественными записками» лишь потому, что царской реакции удалось обескровить и обезглавить журнал иным путем; затем он уже не играл сколько-нибудь существенной роли, пока не скончался «естественной смертью» в 1888 г.

Сравнительно долговременному существованию, настойчивости в отстаивании демократических идей журнал во многом обязан своему фактическому руководителю Г. Е. Благосветлову — опытному журналисту и редактору, яркому публицисту-литератору. Как и Н. А. Некрасов, Благосветлов не смирился с гнетом реакции, закрывшей «Современник» и «Русское слово», и в том же году предпринял ряд практических шагов по созданию нового демократического органа (журнал «Женский вестник», сборники «Луч»). Приобретая журнал «Дело», Благосветлов сумел привлечь для работы в нем многих сотрудников «Русского слова», а в дальнейшем приглашал в журнал, хотя бы на краткий период, авторов самых «неблагонадежных», активных деятелей революционного подполья. Н. В. Шелгунов, ближайший соратник Благосветлова и по «Русскому слову», и по «Делу», писал: «Благосветлов — чистый продукт 60-х годов; он один из последних могиканов этого времени, полного жизни, блеска и порыва, выставившего массу людей идейных, талантливых, с характером. Энергический, твердый, настойчивый до упрямства, стремительный и в то же время сдержанный, нееламывающийся и под конец все-таки сломленный жизнью — Благосветлов является, может быть, одним из самых типических представителей своего времени».¹ Другой видный сотрудник «Дела», известный деятель революционного народнического движения П. Н. Ткачев, говорил о Благосветлове: «На проектируемый журнал он смотрел не как на свое личное дело, а как на дело общественное, на дело, от успеха или неуспеха которого зависит „быть или не быть“ у нас честной журналистике».²

Издание журнала «Дело», как и «Русского слова», в условиях неслыханного цензурного гонения потребовало от Благосветлова и его со-

¹ Г. Е. Благосветлов. Соч. СПб., 1882, стр. I—II.

² Шестидесятые годы. М.—Л., 1940, стр. 233.

ратников исключительной выдержки, упорства, настойчивости, гибкости. Всеми этими качествами в полной мере обладал редактор «Дела». «Одна мораль, — заявлял он, — если родишься в России и сунешься на писательское поприще с честными желаниями, проси мать слепить тебя из гранита и чугуна. Мать моя озаботилась в этом отношении. Спасибо ей, родимой!»³

Однако, как ни велик был организаторский талант редактора, успех журнала мог обеспечить лишь сильный творческий коллектив сотрудников, сплоченный единством идейных устремлений, общностью задач своей литературной и общественной деятельности. При всех творческих и индивидуальных различиях, главнейшие сотрудники «Дела» составляли такой коллектив.

Важным фактором успеха нового журнала явилось то, что в нем согласился участвовать освобожденный (в ноябре 1866 г.) из Петропавловской крепости Д. И. Писарев. В журнале «Дело» критик напечатал несколько крупных статей, в том числе «Борьба за жизнь» (из-за цензурных препятствий статья печаталась двумя частями — с большим перерывом и под разными заглавиями: «Будничные стороны жизни» и «Борьба за существование»), посвященная роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Образованная толпа» — о сочинениях реакционного литератора Ф. М. Толстого. Затем вследствие разногласий с Благодетелем Писарев перешел в «Отечественные записки»,⁴ а вскоре, 4 июля 1868 г., его жизнь трагически оборвалась. На кончину критика журнал «Дело» откликнулся статьей Благодетеля «Смерть Писарева» и обзором Д. Д. Минаева «С невского берега». Несмотря на происшедший разрыв, Благодетель дал высокую оценку литературной и общественной деятельности своего идейного соратника: «Обобщением лучших идей современной европейской науки в нашей литературе мы обязаны Писареву» (1868, № 7, стр. 3). Речь Благодетеля на могиле критика, по свидетельству Минаева, была ярким «задушевным словом, криком горькой печали...» (1868, № 8, «Совр. обозр.», стр. 112).

Уход Писарева был серьезной потерей для «Дела», но в журнале остались достаточно видные и даровитые деятели, являвшиеся продолжателями традиций Писарева и других революционных демократов 1860-х годов. К ним принадлежал прежде всего Н. В. Шелгунов, взгляды которого сложились под непосредственным воздействием Чернышевского и Добролюбова; тогда же началась и его революционно-общественная деятельность. Находясь в ссылке, перегоняемый царской охранкой с одного места на другое, Шелгунов сумел включиться в активную литературную деятельность на страницах нового журнала. Огромный умственный кругозор, широта общественных интересов, блестящая одаренность публициста, исключительная работоспособность — все это позволило Шелгунову выступать по различным вопросам русской и европейской жизни. В первом же номере «Дела» появились три его статьи (под различными псевдонимами): «Статистика самоубийства», «Великие люди», «Убытки земледельческой России». И затем на протяжении многих лет не выходило почти ни одного номера «Дела», в котором за собственной подписью, под разными псевдонимами или вовсе без подписи не появлялись бы статьи, заметки, рецензии, «Внутренние обозрения» Шелгунова. Выступал он и как литературный критик. Можно без преувеличения сказать, что Шелгунов был главным публицистом журнала

³ Там же, стр. 232.

⁴ О причинах разрыва Писарева с Благодетелем см. в кн.: Л. А. Плоткин. Д. И. Писарев. Жизнь и деятельность. М.—Л., 1962, стр. 126—130.

«Дело». После смерти Благосветлова он некоторое время возглавлял журнал.

Другим активным сотрудником журнала был П. Н. Ткачев, начавший совместную работу с Благосветловым также в «Русском слове». Сотрудничество Ткачева нередко прерывалось частыми полицейскими гонениями — тюремным заключением, ссылкой, затем осложнилось пребыванием в эмиграции. Несмотря на эти трудности, Ткачев поместил в «Деле» большое число ярких публицистических и литературно-критических статей. Длительное время он вел отдел «Новые книги», превратив критику и библиографию в один из ведущих разделов журнала.

Среди видных публицистов «Дела» следует назвать В. В. Берви-Флеровского, опубликовавшего в журнале главы своей знаменитой книги «Положение рабочего класса в России», вышедшей в 1869 и в 1872 гг. отдельными изданиями. Книга эта получила высокую оценку К. Маркса и Ф. Энгельса. «Это — настоящее открытие для Европы... Это — труд серьезного наблюдателя, — писал К. Маркс членам Комитета Русской секции I Интернационала, — бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах... Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России...»⁵ Часто выступал на страницах «Дела» прогрессивный историк А. П. Щапов, опубликовавший в журнале ряд трудов по истории умственных движений в России, о русском расколе и т. д. В конце 70 — начале 80-х годов на страницах «Дела» как публицист печатается К. М. Станюкович («Картинки общественной жизни», «Письма знатного иностранца» и др.), ставший затем известным писателем-маринистом. В начале 80-х годов, после смерти Благосветлова, он сменил Шелгунова на посту редактора журнала; последовавшие арест и ссылка в 1884 г. явились концом журнала как прогрессивного, демократического органа. На страницах журнала выступали представители революционного подполья и эмиграции (кроме Ткачева, П. Л. Лавров, Л. А. Тихомиров, С. М. Степняк-Кравчинский и др. — разумеется, под псевдонимами или анонимно).

Литературно-художественный отдел журнала не играл столь существенной роли, как отделы публицистики и критики. Это обусловлено во многом тем, что редакции не удалось привлечь к постоянному сотрудничеству сколько-нибудь значительных писателей. Ведущими сотрудниками здесь выступали беллетристы Н. Ф. Бажин, А. К. Шеллер-Михайлов, поэт и писатель И. В. Федоров-Омулевский и др. В разное время здесь опубликовали свои произведения Г. И. Успенский, М. А. Воронов, Ф. М. Решетников, Н. И. Наумов, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др. В первые годы активно сотрудничал в «Деле» поэт-искровец Д. Д. Минаев.

Общий дух, направление, которому следовал журнал, нашли поэтическое выражение в стихотворении Федорова-Омулевского «Дело». Самим названием подчеркивалось его особое значение:

Светает, товарищ!..
 Работать давай!
 Работы усиленной
 Требуется край...
 Работай руками,
 Работай умом,
 Работай без усталости
 Ночью и днем!

⁵ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. М., 1951, стр. 39.

Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет;
Не бойся, что дум наших
Мир не поймет...

Работай лишь с пользой
На nive людей,
Да сей только честные
Мысли на ней...

(1867, № 10, стр. 317)

Это — яркий призыв к широкой прогрессивной деятельности во имя родины и народа.

* *
*

Деятельность журнала протекала в необычайно трудных условиях — в обстановке неслыханных и непрерывных цензурных гонений.

17 февраля 1866 г. отставной штабс-капитан Н. И. Шульгин обратился в Главное управление по делам печати с прошением разрешить издание «литературно-ученого» журнала под названием «Дело»; к прошению была приложена программа. В журнале намечались два главных отдела: первый — «Беллетристика и наука», второй — «Современное обозрение», «обзор текущих новостей — литературных, научных, общественных и политических». ⁶ Шульгин был малоизвестным литератором и журналистом, в 1864—1865 гг. он заявил о себе лишь как издатель-редактор кратковременных изданий: журнала «Якорь» с приложением сатирического листка «Оса» и газеты «Русь». Направление этих органов было умеренно-либеральным, с некоторыми симпатиями к демократической прессе и литературе. На запрос Главного управления по делам печати в III отделении «собственной его императорского величества канцелярии» 15 марта 1866 г. последовал ответ, что «по делам 3-го отделения... препятствий не встречается». ⁷

Однако представленная программа сразу же встретила ряд возражений цензурного управления: в первом отделе не были разрешены «статьи ученого содержания» по историческим, юридическим, политико-экономическим наукам, в «Современном обозрении» — обзоры политических новостей. В дальнейшем издатель добился некоторых уступок цензуры: были разрешены статьи на исторические темы, а во втором отделе — критические статьи и «обозрение событий нашей внутренней жизни». ⁸

Не успел выйти первый номер разрешенного журнала, как 1 августа начальник III отделения Н. В. Мезенцов направляет Главному управлению (с грифом «секретно») новое указание: «...считаю долгом уведомить... что по некоторым имеющимся ныне в виду 3-го отделения сведениям» есть основание сомневаться, «чтобы направление помянутого журнала было благонамеренное. Отделение сие признает неудобным издание этого журнала». ⁹ Очевидно, до III отделения дошли сведения о соглашении Шульгина с Благосветловым. ¹⁰ Однако предписание несколько запоздало, а запретить разрешенный журнал можно было только

⁶ ЦГИА СССР; ф. 776, оп. 3, ед. хр. 398, ч. I, л. 3. — Некоторые цензурные материалы по «Делу» приведены в кн.: Б. И. Есин. Демократический журнал «Дело». Изд. МГУ, 1959.

⁷ ЦГИА СССР; ф. 776, оп. 3, ед. хр. 398, ч. I, л. 7.

⁸ Там же, л. 17.

⁹ Там же, л. 20.

¹⁰ См. об этом в статье: Ф. Кузнецов. Г. Е. Благосветлов и «охранители». — «Русская литература», 1964, № 1, стр. 176—178.

по суду, но для этого еще не было необходимых материалов. Начальник Главного управления по делам печати М. П. Щербинин в ответе от 18 августа успокоил шефа жандармов: «Означенный журнал будет выходить под предварительной цензурой... мною сделано распоряжение и лично поручено председателю С.-Петербургского цензурного комитета, чтобы при рассмотрении статей, назначенных в упомянутый журнал, было обращено особенное внимание на содержание оных и отнюдь не было бы допускаемо ничего, не соответствующего существующим по цензуре правилам и противного правительственным видам».¹¹

В июле Шульгин объявил, что новый журнал выйдет в августе; однако выполнить обещание оказалось невозможным. Каждая статья, каждое произведение встречали бесконечные придирки цензоров, ряд статей был запрещен целиком. Никакие объяснения не помогали. В этих условиях редактор обратился 9 сентября с отчаянным письмом к министру внутренних дел П. А. Валуеву. Шульгин писал: «Благодаря цензурным строгостям на 18 пропущенных листов для первой книжки запрещено слишком 7; остальные набранные, около 8, не знаю, когда будут выпущены...» Он высказал предположение, что цензурные действия имеют целью «прекратить издание насильственным путем».¹²

Первый номер был разрешен цензурой 27 сентября, но его появление в свет тормозится весь октябрь месяц. 9 ноября Шульгин обращается с новым прошением к Валуеву. «Журнал не выходит, — пишет он, — подписчики громко заявляют претензию, иные даже обвиняют меня в бесчестном намерении воспользоваться подписными деньгами и уехать из Петербурга».¹³ Просьба редактора об освобождении от предварительной цензуры была отклонена, но первый номер все же в конце концов вышел; в нем в общей сложности было не пропущено цензурой около 20 печатных листов, примерно половина журнала.

В первой книге журнала были напечатаны три упоминавшиеся статьи Шелгунова, с двумя статьями выступил фактический редактор журнала Благосветлов (официально он считался издателем) — «Ирландия» и «Гражданское развитие Америки». В научном отделе была помещена также статья П. И. Якобия (под псевдонимом де Калонн) «Физические условия первоначальной цивилизации человека». Разнообразен был беллетристический раздел: повесть А. К. Шеллера-Михайлова «Засоренные дороги», рассказы «Нужда песенки поет» Г. И. Успенского и «Отпетый» А. А. Шкляревского, очерки Н. С. Шукина «Сибирские воеводы». Из переводной литературы было начато печатание романа Ф. Шпильгагена «Семейство лесничего», известного под названием «Один в поле не воин». Несмотря на цензурные препоны и задержки, журнал с первого же номера заявил себя органом радикально-демократического направления.

Вышедший номер поступил на рассмотрение Главного управления по делам печати и вызвал в целом резко отрицательное отношение. Оно было обобщено в специальном циркулярном письме С.-Петербургскому цензурному комитету от 9 ноября 1866 г. В письме отмечается «антирелигиозный смысл» выводов статьи «Физические условия первоначальной цивилизации человека». Не вызвала одобрения статья Шелгунова «Великие люди», проповедующая «известную систему Бенстама об утилитаризации». Рассказы «Отпетый» и «Нужда песенки поет» производят на читателя «тяжелое впечатление». Как тенденциозные по своему ха-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 398, ч. I, л. 21.

¹² Там же, лл. 27, 29.

¹³ Там же, л. 50.

рактору отмечены и статьи «Статистика самоубийства», «Убытки земледельческой России», «Новости заграничной жизни», «Сибирские воеводы» — фактически весь номер журнала. «Но самую предосудительную из означенных статей, — указывалось в письме, — должна быть признана повесть „Засоренные дороги“ в том смысле, что, заключая в себе буквально перепечатку статьи, помещенной в прекращенном по высочайшему повелению журнале „Русское слово“ и вошедшей в мотивы третьего предостережения, объявленного этому повременному изданию, — эта повесть, по многим типическим выражениям, может служить фактическим доказательством того, что в журнале „Дело“ хотя и в значительно меньшей степени, но выражается то направление, которое усматривалось в „Русском слове“ и которое было обсуждаемо и подвергается преследованию». ¹⁴ В результате цензоры, ответственные за выпуск первого номера журнала, получили взыскания.

Так началась многострадальная цензурная история нового демократического органа печати. Не было ни одной книги журнала, к которой не придиралась бы цензура, редко сколько-нибудь значительная статья не подвергалась искажениям. Большое количество статей вовсе не увидело света. Запрещения касались и художественных произведений; особенно придирчиво относилась цензура к поэзии.

Как и следовало ожидать, наибольшим гонениям подвергались публицистические и литературно-критические выступления ведущих сотрудников журнала — Шелгунова, Ткачева, Берви-Флеровского и др.

Выше указывалось, что в первом номере журнала была помещена статья Шелгунова «Статистика самоубийства» (под псевдонимом — Н. Радюкин). В ней приводились обширные цифровые данные о распространении самоубийств. Статья имела продолжение, которое поступило на рассмотрение цензуры. Цензор Ф. П. Еленев, излагая и комментируя вторую статью, докладывал: «В настоящей статье автор объясняет причины, порождающие самоубийства. Прежде всего он считает необходимым посмеяться над *древними мировоззрениями*, по которым человек есть существо привилегированное, управляемое особыми законами, независимыми от земных сил... Смотри на самоубийство с этой точки [зрения], он старается доказать, что оно, как и все другие явления человеческой жизни, есть действие произвольное, исключительно порождаемое гнетущими обстоятельствами и ненормальными условиями окружающей жизни... Затем следует ряд картин самоубийств из времен французского террора, с целью показать, что политические преследования в особенности умножают число самоубийств». ¹⁵ В соответствии с заключением цензора статья была запрещена.

Неделю раньше цензура запретила «Внутреннее обозрение» Шелгунова, имевшее подзаголовок «Из провинциальной жизни». В статье речь шла о положении лиц, сосланных на жительство в отдаленные губернии России. Цензор не только соответствующим образом охарактеризовал статью, но и, выполняя сыскную функцию, указал на ее автора. «Всей стране, — заявлял цензор, — слышится тон затаенного упрека правительству, которое само не заботится о нравственном и материальном положении этих людей и у частных лиц отнимает возможность сделать что-нибудь для их исправления. Автор статьи... Шелгунов, высланный под полицейский надзор в город Тотьму Вологодской губернии». ¹⁶

¹⁴ Там же, лл. 48—49.

¹⁵ Там же, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 76, ч. I, лл. 23—24.

¹⁶ Там же, л. 19.

В № 4 и 5 «Дела» за 1867 г. была напечатана статья Шелгунова (под псевдонимом) «Турция». Казалось бы, будучи посвящена явлениям, далеким от русской действительности, она не должна была беспокоить цензуру. Однако цензор усмотрел в статье крамольные места: «Автор проводит параллель между Турцией и Россией относительно финансового управления и делает также разные намеки с целью показать, что в Турции в некоторых отношениях дела идут не хуже, чем в России, а в других — даже лучше». ¹⁷ Все эти места статьи пришлось удалить или смягчить, и лишь тогда она была дозволена к печати.

В 1868 г. в «Деле» печаталась большая программная статья Шелгунова «Русские идеалы, герои и типы» (в № 6 и 7). Однако та часть статьи, в которой давалась оценка романа Чернышевского «Что делать?», не была пропущена. Излагая содержание статьи, цензор писал: «По мнению Шелгунова, настоящие герои и типы здорового и мыслящего общества, это герои настоящего романа — Рахметов и Вера Николаевна (так в отзыве. — *Н. С.*); они, их действия достойны подражания и похвал, они настоящие деятели и бойцы за пересоздание социального строя». Решение было безапелляционным: «Находя такое содержание статьи противным уставу о цензуре, вследствие социально-революционного направления, комитет... определил: статью к напечатанию запретить». ¹⁸ Не увидели света или подверглись искажениям и многие другие выступления публициста. Цензоры, порой бессильные противостоять настойчивости и гибкости журналиста, стремились разгадать его приемы. Так, по поводу ряда глав статьи Шелгунова «Романтизм русский» цензор писал: «Автор зачастую маскируется плащом благонамеренности и прибегает к такой условной терминологии, которая с первого раза кажется чрезвычайно темною, неудобопонятною, и, только вникая в глубь статьи, читатель может набрести на мысль, что тут что-нибудь не так и что под цитируемыми выражениями кроется другой, маскируемый ими смысл». ¹⁹ Под термином «московский классицизм», по мнению цензора, следует понимать «московский деспотизм», «московское самодержавие», а под «народным романтизмом — стремление народа к свободе, к воле». ²⁰ «Разгаданные» цензором главы статьи не были пропущены в печать.

Не менее яростным и упорным преследованиям подвергались статьи и рецензии Ткачева. Широко эрудированный и острый публицист, умело и последовательно развивавший свои воззрения. Ткачев причинял цензуре немало хлопот. В конце 1866 — начале 1867 гг. в «Деле» печаталась серия его статей «Производительные силы России». На широком фактическом материале, взятом из официальной прессы, в статьях рисовалась мрачная картина экономической отсталости страны. Однако эти статьи сильно пострадали от цензуры. Так, во второй статье «многие места... заключающие политические намеки или неприлично резкие фразы, предварительно исклечены цензором». ²¹ Совершенно была запрещена последняя статья — «Наши потери». В докладе цензора говорилось: «В настоящей статье автор поставил себе целью доказать, что все рабочее сословие России голодает круглый год (именно, на каждого работника приходится в день, по соображениям автора, менее 1 ф. хлеба)

¹⁷ Там же, л. 63.

¹⁸ Там же, оп. 27, ед. хр. 55, лл. 202—203.—Статья эта была опубликована лишь в советское время, в сборнике «Шестидесятые годы» (1940).

¹⁹ Там же, ед. хр. 60, л. 342.

²⁰ Там же, л. 342 об.

²¹ Там же, оп. 2, ед. хр. 76, ч. I, л. 41об.

и что вследствие столь скудного питания смертность в России так велика, что может быть только сравнена со смертностью в тюрьмах и на галерах. Мимоходом он делает сравнение между достатком привилегированных сословий и нищетою рабочего класса». ²² Отдельные исправления, по мнению цензора, не изменили общей тенденции статьи. По докладу цензора решение не было принято, и цензурный комитет направил статью в Главное управление по делам печати. Запрет статьи был с одобрением воспринят министром внутренних дел Валуевым. В резолюции о решении Совета он писал: «Согласен с тем, чтобы... просто не пропускать статью г. Ткачева. Цензура вовсе не обязана приправлять подобных сочинений. Предвзятая мысль и, следовательно, тенденциозность статьи признаются. Затем остается ее запретить. Сочинители тенденциозных статей должны убедиться, что им нет места в подцензурной печати». ²³ Эта резолюция послужила основанием для запрета многих других статей, предназначенных для журнала «Дело».

Дорожа статьей Ткачева, редакция журнала попыталась позднее, в 1870 г., еще раз провести ее в печать под новым названием «Экономическое значение пищи и жилища». Однако цензура оказалась бдительной, и статья так и не увидела света.

В январе 1869 г. была запрещена большая статья Ткачева «Очерки из истории Франции (1789—1799)». «Статья эта, — писал в донесении цензор Н. Е. Лебедев, — имеет целью изобразить в данную эпоху борьбу труда с капиталом, стремление человека сделаться вполне свободным и независимым от пут средневекового феодального права». ²⁴ Цензора приводит в недоумение то, что Ткачев, с сочувствием цитируя «французских социалистических писателей крайнего направления» (названы Монтень, Декарт, Вольтер, Д'Аламбер, Гельвеций и др.), вместе с тем критикует их. «По мнению автора, — пишет цензор, — они были пропитаны жалким буржуазным либерализмом, и буржуа, воспользовавшись их заманчивым учением, устроили образ правления, давший, правда, политическую свободу, но заменивший прежнее рабство рабством материальным». ²⁵ Запрещались и другие статьи Ткачева.

Не раз подвергались гонениям и искажениям также статьи и очерки Берви-Флеровского. В январе 1868 г. был запрещен очерк «Сибирский земледelec», являвшийся главой его книги «Положение рабочего класса в России». Цензор Д. П. Скуратов писал: «Цель этой статьи доказать, что сибирский и отчасти русский крестьянин находится в самом бедственном положении вследствие несоразмерно тяжких упадающих на него податей». ²⁶

Из статей самого редактора, не пропущенных цензурой, отметим статью «Посильная неумелость» (1866), посвященную анализу книги английского буржуазного экономиста С. Смайлса «Самодеятельность». Благосветлов оспаривает здесь утверждение, что успехи цивилизации и благосостояние общества зависят от энергии отдельных лиц. «Автор статьи, — передает цензор, — усиливается, напротив, убедить, что личная энергия невозможна при таких порядках и учреждениях, какие существуют в Испании, Турции и России, и что если даже и являются в подобных странах сильные характеры, то они истрачиваются на ничтожные цели, так как великие цели в этих странах не существуют или не

²² Там же, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 398, ч. I, л. 83.

²³ Там же, л. 91.

²⁴ Там же, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 76, ч. II, л. 42.

²⁵ Там же, л. 42 об.

²⁶ Там же, оп. 27, ед. хр. 55, л. 15 об.

доступны. Особенно подробно уясняется это положение относительно России». ²⁷ Приведенное суждение Благосветлова знаменательно не только для характеристики мыслей, которые преследовались цензурой, но и для понимания идейных позиций руководителя журнала.

Цензура запретила печатание и многих других материалов, предназначенных для «Дела».

Любопытен спор, возникший в Совете Главного управления по делам печати в связи с запрещением публикации отчета о судебном разбирательстве по нечаевскому делу. Член Совета Ф. М. Толстой высказался за разрешение, считая, что в «Деле» отчет был бы особенно уместен, так как среди обвиняемых — один из главных сотрудников журнала Ткачев. Такое «смелое» мнение, однако, не встретило сочувствия у Совета.

В период нечаевского процесса и вообще в начале 70-х годов журнал подвергался особенно суровым гонениям. В конце сентября 1871 г. Благосветлов писал Шелгунову: «Ужасный месяц для „Дела“; я буквально шестую ночь не сплю; посылаю одну рукопись за другой в типографию, и все запрещают... Двенадцать статей запрещено для одной книжки; хотел жаловаться в сенат: это небывалое и в высшей степени несправедливое свирепство... Когда выйдет девятая книжка, не знаю; какой она будет? Дохлой!». ²⁸

Цензурных искажений и запретов не избежали и переводные произведения. Так, были исключены целые главы из романа Шпильгагена «Семейство лесничего», вовсе запрещен ряд стихотворений Ш. Петефи и др. Иногда цензоры довольно откровенно писали, что то или иное произведение легко могло быть разрешено в других печатных органах, но не в журнале «Дело». По поводу запрещения статьи С. С. Шашкова «Прошедшее и настоящее французского крестьянина» (1873) цензор писал: «В серьезном историческом сочинении подобное страстное исследование, может, было бы и безвредно, в небольшой же статье, предназначенной для журнала „Дело“, тенденциозный характер которого давно уже определился, я нахожу такую группировку фактов неудобною». ²⁹ Стихотворения Минаева «Насущный вопрос» (1868), «Природа и люди» (1870), «Полуслова» (1871) были запрещены в «Деле», но были напечатаны первое в «Неделе», второе — в «Отечественных записках», третье — в «Искре».

В таких условиях редакции «Дела» приходилось проявлять исключительную настойчивость и упорство в борьбе с цензурой. Как только поступали сведения о запрете той или иной статьи, произведения, немедленно посылались за подписью Шульгина запросы, прошения в различные цензурные органы, неоднократно ставился вопрос о снятии предварительной цензуры, хотя и безуспешно, о замене некоторых особенно рьяных цензоров. Так, в первый год выхода журнала много вреда причинил цензор Ф. П. Еленев. Уже 20 сентября 1866 г. Шульгин обратился в цензурный комитет с просьбой о замене, так как «отдаленность квартиры г. цензора Еленева от типографии... замедляет выход журнала». ³⁰ Подобная мотивировка, конечно, не могла ввести в заблуждение цензурный комитет. На просьбе помечено: «Отказано в просимом».

Редакция журнала и авторы прибегали к разным приемам для пре-

²⁷ Там же, оп. 2, ед. хр. 76, ч. I, л. 42об.

²⁸ Г. Е. Благосветлов, Соч., стр. XV.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 76, ч. III, л. 176.

³⁰ Там же, ч. I, л. 17.

одоления цензурных препятствий. Не раз практиковалось представление одних и тех же статей в чуть измененном виде и под иным названием. Именно таким путем удалось опубликовать вторую часть статьи Писарева о «Преступлении и наказании» Достоевского.

Благосветлов, испытанный борец с цензурными властями, тщательно инструктировал авторов, о чем и как писать. «Хотя „Дело“ и подцензурный журнал, — поучал он даже такого опытного журналиста, как Шелгунов, — но ведь Вы знаете, что цензура не спасает от преследования. Будьте хитры, как змий, и невинны, как голубь». ³¹ В другом письме к нему же Благосветлов указывает, «каких вопросов касаться, каких не касаться, просит не писать об артелях, о женском вопросе, советует напустить учености, серьезнейшего тона». ³² Авторы «Дела» широко прибегали к приемам эзоповского иносказания.

Несмотря на преследования, журнал умел вести свою линию, отстаивать свое направление. Именно это упорство и выводило из себя цензоров. Заключение цензуры о постоянстве направления «Дела» многочисленны и красноречивы. Уже на основании материалов первого номера Главного управления по делам печати утверждало, что «в запрещенных комитетах статьях и местах из статей... проводится с тою же настойчивостью, как и в запрещенном журнале „Русское слово“, то направление, за которое были объявлены этому последнему предостережения, именно: идеи крайнего социализма, сопоставление неимущих классов с имущественными, недовольство современным устройством нашего общества...» ³³ В «Краткой заметке о статьях, вошедших в № 3 журнала „Дело“ за 1870 год», перечислив и охарактеризовав ряд статей, цензор заявил: «Ни одна из них ни по тону, ни по содержанию, взятая отдельно, не представляет достаточных оснований к запрещению, но подбор этих статей несомненно изобличает стремление представить жизнь народных классов с одной темной стороны и преувеличивая ее недостатки и горестную действительность». ³⁴

Многозначительные признания содержатся в секретном письме начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова от 31 января 1874 г., адресованном председателю Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрову: «Журнал „Дело“, несмотря на то, что выходит под предварительною цензурою, отличается в большей части статей, в оном помещаемых, тою вредною тенденциозностью, которая всегда составляла главную характеристическую черту изданий Благосветлова. Тенденциозность эта доказывается неопровержимо тем, что из всех русских повременных изданий „Дело“, несмотря на сравнительную пустоту своего содержания, есть то, которое, по официальным сведениям, требуется несравненно чаще прочих для чтения приходящими в Императорскую Публичную библиотеку и вообще служит настольною книгою той части нашей молодежи, которая является поборницею и последовательницею нигилизма и всех видоизменений вредных и опасных учений сего рода. Наконец, самый издатель и главные сотрудники „Дела“ заведомо принадлежат к числу писателей самого неблагонамеренного направления, не раз осужденного. Они продолжают свою пропаганду... Такой пропаганде, после неуспешных попыток прекратить ее обыкновенными мерами, должен быть положен решительный конец во что бы то ни

³¹ Г. Е. Благосветлов. Соч., стр. XI.

³² Там же, стр. XVIII.

³³ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 76, ч. I, л. 18.

³⁴ Там же, ч. II, л. 157.

стало. Для сего необходимо подвергнуть журнал „Дело“ таким цензурным стеснениям, которые или обратили бы его в сборник случайных статей, далеко отстающих от той степени свободы, какая предоставляется другим подцензурным изданиям, — или же привели бы к прекращению издания». Журнал объявляется «подлежащим полному исчезновению из области журналистики». ³⁵

Перед нами документ большого историко-общественного смысла. Письмо ярко характеризует поистине беспримерные гонения самодержавия на революционно-демократический орган. Оно не менее красноречиво говорит и об успешности упорной, многолетней борьбы, которую вели руководители журнала, отстаивая интересы народных масс, защищая передовое мировоззрение, призывая к изменению существующей действительности. Лишь смерть Благосветлова и усилившаяся политическая реакция в начале 80-х годов привели к упадку, а затем и к прекращению журнала.

* *
—
*
—

Как же при столь трудных цензурных условиях журналу удалось в целом успешно осуществлять свои задачи, чем журнал привлекал внимание довольно большого круга демократически настроенных читателей? — Широтой проблематики, острой злободневностью, глубиной и доказательностью освещения общественной жизни.

Хотя журнал именовался «учено-литературным» и, подобно «Русскому слову», в нем немалое место занимали статьи научного характера (исторические исследования и очерки, обзоры и рецензии научной литературы и т. д.), «Делу» было чуждо какое-либо безразличие к насущным задачам современности. Это был орган боевой демократической мысли, страстно вторгающийся в обсуждение волнующих современников дел, стремящийся повлиять в нужном направлении на формирование общественного сознания. Публицистика и критика заняли в журнале первенствующее место.

Публицисты «Дела» были глубоко неудовлетворены состоянием господствующей журналистики. Не только реакционная пресса, но и многочисленные либеральные органы подвергались в журнале острейшей критике. Иронизируя над потугами журнальных дельцов, их беспринципностью, Ткачев писал, что они «только и думают о том, как бы понравиться читателю не содержанием своих изданий, а внешним их видом, изящной обложкой журнала, выставкой имен, взятых напрокат... и, наконец, таким арлекинским разнообразием статей, в которых не знаешь, чего больше, безграмотности или бестолковости» (1867, № 4, «Совр. обзор», стр. 51). С еще большей определенностью о своем недовольстве состоянием русской печати заявлял Шелгунов в запрещенной цензурой статье «Русские непоследовательности» (1869): «Современная русская литература и особенно журналистика совсем не то, чем она должна быть... лучшие наши люди совершенно правы, когда отворачиваются от подобной журналистики и говорят ее представителям: Честно говорите правду, разоблачайте зло, не виляйте и не трусьте, лучше замолчите, если нельзя говорить. А разве вы делаете это? Разве денежный интерес не на первом у вас плане?.. Какие же вы вожди? Мы не хотим вас слушать, мы отворачиваемся». ³⁶ Мысли, сформулиро-

³⁵ Там же, оп. 3, ед. хр. 399, л. 4а.

³⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 76, ч. II, л. 84.

ванные в этой статье, публицисты «Дела» развивали во многих своих выступлениях. В одном из первых номеров журнала Шелгунов в заметке «Земское дело» (за подписью «Э.»)³⁷ писал о задачах передовой журналистики: «Чтобы быть плодотворною — журналистика должна служить высшим интересам современной жизни». И далее: «Литература не должна остаться позади; все ее надежные свежие силы должны иметь приложение, направиться к изучению и разработке текущих вопросов. Каждый добросовестный писатель обязан... отмежевать себе известную отрасль в ряду современных вопросов, терпеливо посвятить себя всестороннему их исследованию и сделать верные выводы. Обязанность журналистики — не пропускать мимо ушей и глаз знаменательные явления общественной жизни, не давать проникнуть в эту жизнь дрянным стремлениям, разоблачить вовремя зловердения поповознения, сопоставить события, быть, так сказать, освежающею атмосферою общества...» (1867, № 4, «Совр. обозр.», стр. 73—74). В первом номере журнала он же писал, рисуя идеал публициста: «Публицист не есть кабинетный ученый; он общественный и политический деятель... он дитя и деятель своего века; он представитель благороднейших стремлений и благороднейшей практики своего времени и своего народа» (1866, № 1, «Совр. обозр.», стр. 21—22).

Это была своеобразно сформулированная программа самого «Дела», подобные взгляды высказывались и другими его ведущими сотрудниками. Об осуществлении такой программы особенно заботился редактор журнала. Подбирая сотрудников, он недвусмысленно заявлял о своих требованиях, высказывал свои пожелания. В этом отношении характерно его письмо к П. В. Засодимскому, одно время активно сотрудничавшему в «Деле». Не советуя браться за перевод книги «Свобода» французского публициста Ж. Симона, Благодетель писал: «Берите что-нибудь глубже и сильнее этого. И главное, работайте над живым миром — как он ни плох, но в нем факты, а не фразы. Нам нужно дело, дело и дело, а фразы либеральные отучают от дела. Извините, что говорю прямо, но Вы из тех, кому можно говорить прямо».³⁸ Касаясь повести «Волчиха», над которой работал молодой литератор, Благодетель наставлял: «Постарайтесь обработать получше и имейте денно и ночно в виду ту великую истину, что нам нужно сильное отрицание и здоровое общественное чувство. В этом направлении должны работать лучшие современные силы русской литературы».³⁹

Как осуществлялись требования редакции в повседневной практике, каково было основное содержание журнала, его научно-публицистического отдела?

Главнейшей задачей журнал считал анализ пореформенного состояния страны, положения трудовых масс в первую очередь. В не пропущенной цензурой статье «Русские непоследовательности» Шелгунов писал, характеризуя пореформенное время: «Всякий соскочил со своих старых рельсов, ибо реформы заделали всех без исключения».⁴⁰ Однако публицисты «Дела» хорошо видели, кто выгадал от реформ и чье положение еще более ухудшилось. В той же статье Шелгунов описывал положение деревни после 1861 г.: «Там крестьяне остались без лугов; в другом месте без выгона; там какая-нибудь Коробочка или Собакевич урезали

³⁷ Авторство доказывается прямой связью с принадлежащей Шелгунову статьей «Бродяги и нищие», опубликованной в № 6 журнала за тот же год.

³⁸ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 357, оп. 3, ед. хр. 29, л. 2.

³⁹ Там же, л. 3.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 727, оп. 2, ед. хр. 76, ч. II, л. 84.

перевод книги Э. Бехера «Рабочий вопрос» (1869) с предисловием и примечаниями Ткачева. Здесь он, в частности, писал: «Работники действительно должны сделаться единственным центром социального порядка».⁴³ Под «работниками» Ткачев, как и другие публицисты «Дела», понимал все трудовые слои, но вместе с тем интерес к рабочим в собственном смысле этого слова был вполне осознанным и четким. В рецензии на книгу В. Рилля «Четвертое сословие, или пролетариат» Ткачев указывал на мелкобуржуазную ограниченность немецкого публициста, далекого от понимания общественной роли современного рабочего класса. «Пролетариат, — заявлял Ткачев, — это бедность, дошедшая до самосознания» (1867, № 11, «Совр. обозр.», стр. 38). Другой публицист «Дела» полемизировал с теми, кто не видел пролетариата в России. Характеризуя положение рабочих, занятых рогожным производством в Ветлужском уезде, Шелгунов писал: «Что это, как не промышленный пролетариат?» (1870, № 6, «Совр. обозр.», стр. 86).

Во «Внутренних обозрениях», специальных статьях говорилось о тяжелых условиях труда, низкой заработной плате, антисанитарной обстановке на некоторых производствах. Так, Шеллер-Михайлов в статье «Жилища рабочих», опираясь на большой фактический материал, утверждал: «На русских фабриках сгруппированы все противогигиенические условия...» (1870, № 1, стр. 115). Заслугой Шеллера-Михайлова является ознакомление (в серии статей «Рабочие ассоциации») русских читателей с содержанием первого тома «Капитала» Маркса.

Вскрывая причины тяжелого положения трудовых масс в пореформенный период, публицисты «Дела» в целом были чужды народническим утверждениям об «искусственности капитализма», о национальной исключительности России, хотя в ряде случаев идеализировали роль крестьянской общины, артельного труда, кустарных промыслов и т. п. Во многих статьях на исторические и экономические темы отсталость России по сравнению с западноевропейским уровнем жизни и культуры рассматривается как слабость, как историческая ограниченность, которая должна преодолеваться.

Анализу общественно-экономического состояния и культуры страны серию статей посвятил Шелгунов — «Убытки земледельческой России» (1866, № 1), «В земледелии ли наша сила?» (1866, № 2), «Переходный момент нашей промышленности» (1867, № 8) и др. «Ни один народ в Европе, — писал он, — не трудится больше и не получает меньше, как народ русский» (1866, № 1, «Совр. обозр.», стр. 9). Шелгунов развенчивает представление, согласно которому Россия в области земледелия имела будто бы какие-то достижения. На многочисленных примерах он доказывает, что русское земледелие мало продвинулось вперед со времен нашествия монголов. Несмотря на земледельческий характер страны, трудовые массы страдали и страдают от недостатка продовольствия. «При распределении хлеба для потребления, — заявлял публицист-демократ, — местные нужды и потребности народа не берутся в расчет. Барышники и эксплуататоры... покупают и вывозят хлеб, не справляясь с тем, сыт или голоден земледелец» (1866, № 2, стр. 207). Во многих местах страны крестьяне добавляли в хлеб мякину, солому, а в некоторых случаях даже «глину и песок».

Шелгунов не раз указывал на отставание России в промышленном отношении. Он спрашивал: «Не потому ли мы и бедны, что исключи-

⁴³ П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. I. М., 1932; стр. 428. — См. здесь же о цензурной истории этой книги (стр. 448 сл.).

тельно занимаемся земледелием?» (1866, № 2, стр. 51). В статье «Россия и европейская цивилизация» он полемизировал с теми, кто говорил об изолированном развитии страны: «Теперь нам отделиться от Запада невозможно, европейская цивилизация нас уже поглотила» (1868, № 5, стр. 70).

О необходимости широкого промышленного развития писали и другие публицисты «Дела». В упоминавшейся статье «Ирландия» Благовосветлов заявлял: «Что бы ни говорили защитники исключительного земледелия, но ни одна цивилизованная или желающая быть цивилизованной страна не может обойтись без мануфактуры и заводской промышленности» (1866, № 1, стр. 297). О значении всестороннего развития производительных сил страны писал Ткачев («Производительные силы в России» и др.).

Ставя вопрос об интенсивном экономическом развитии страны, публицисты «Дела» отчетливо понимали, что это будет способствовать утверждению буржуазных отношений, столь развитых в Западной Европе и в Соединенных Штатах Америки. Поэтому на страницах журнала широко освещались явления зарубежной жизни — экономической, культурной, общественно-политической. Помимо еженедельных обзоров («Новости заграничной жизни», «Политическая и общественная хроника»), которые длительное время вел французский публицист Э. Реклю (под псевдонимом Жак Лефрень), печатались специальные статьи. Описывая западноевропейские буржуазные порядки, авторы статей далеки от какого-либо возвеличения и воспеваания буржуазной цивилизации. Напротив, они вскрывают антидемократическую сущность этих порядков и со всей резкостью критикуют идеологов буржуазии. Французский обозреватель в одной из статей с огорчением говорил об упадке Франции и винил в этом буржуазных дельцов с их жульническими банковскими и торговыми операциями. «В настоящее время, — заявлял он, — вся власть и все влияние находятся в руках всемогущей буржуазии» (1867, № 4, «Совр. обозр.», стр. 100). Острой и бескомпромиссной критике подвергает идеологов буржуазного мира Ткачев в статье «Барды французской буржуазии (Эмиль Жирарден и его философия)». «Жирарден, — писал он, — это истинный поэт и философ буржуазии, и притом такой поэт и такой философ, который должен быть ей в особенности приятен, потому что в его поэзии и философии мелкие, эгоистические распри ловко скрыты самым тщательным образом под непроницаемую броню благородных фраз и возвышенных чувствований» (1869, № 3, «Совр. обозр.», стр. 56). С большой пронизательностью вскрывает Ткачев буржуазную сущность экономической теории Прудона в рецензии на его книгу «Французская демократия» (1867, № 5, «Новые книги»). В статье «Американские тюрьмы» он отмечает буржуазный характер правовых порядков Америки.

С большой симпатией говорится на страницах «Дела» о жизни и борьбе трудовых масс западноевропейских стран. В корреспонденциях Жака Лефрени (Э. Реклю) рассказывается о рабочих организациях Англии, о забастовках в Швейцарии, о налоговом гнете во Франции, о безграмотности трудовых масс в Испании и т. д. В 1869 г. журнал поместил сочувственную статью об Эйзенахском конгрессе, на котором была основана немецкая социал-демократическая рабочая партия. На страницах журнала печатался отчет о конгрессе I Интернационала в Брюсселе. Как и вся демократическая печать России, «Дело» стремилось дать правдивую и широкую информацию о событиях Парижской коммуны, хотя из-за цензурных препятствий это было сделать трудно. Социаль-

Идеологи народа непримиримы к либеральной ограниченности буржуазных философов и историков. В этом отношении примечательны статья Ткачева «Немецкие идеалисты и филистеры» (1867, № 10—12) и его рецензия на книгу В. Циммермана «История крестьянской войны в Германии». Все симпатии рецензента на стороне угнетенной и протестующей крестьянской массы. Вместе с тем в рецензии сказались взгляды будущего теоретика народничества, преувеличивавшего роль случайности в историческом процессе, противодействие правящих классов движению масс. «Всякие радикальные реформы, идущие снизу, — заявляет Ткачев, — сделались в настоящее время крайне трудными, почти невозможными» (1868, № 4, «Совр. обозр.», стр. 115).

Значительное место на страницах журнала занимали статьи по экономическим вопросам и по юридическим наукам. На эти темы писали Ткачев, Шелгунов, Берви-Флеровский, Шашков и др.

В соответствии с общей программой и направлением журнала исключительно большое внимание уделяется вопросам народного образования, проблемам воспитания молодого поколения. Постановка и освещение этих вопросов отличаются широтой и боевой целеустремленностью. Особенно часто писал на эти темы Шелгунов. Таковы его статьи: «Первоначальное домашнее воспитание» (1867, № 3), «Основы рационального воспитания» (1871, № 7, 8), «Теория мечтательного воспитания» (1876, № 7), «Что ожидать от воспитания?» (1877, № 12), «Полуобразование» (1878, № 12) и многие другие. В статье «Первоначальное домашнее воспитание» Шелгунов сформулировал морально-этический идеал — цель подлинно общественного воспитания: «Жизнь — наслаждение в ее суровом и в ее полезном труде. Она наслаждение в исполнении своего личного и социального долга, и живет только тот, кто приносит пользу себе и обществу. Все остальное — копчение неба и бесполезная трата сил и способностей» (1867, № 7, стр. 12—13). Подобный же взгляд высказывал и Ткачев. Задача воспитания, заявлял он, — «усовершенствовать умственное развитие молодого поколения, дав ему возможность избежать ошибок и недостатков прежних поколений... научить людей счастливо жить...» (1867, № 6, «Совр. обозр.», стр. 49). В этих формулировках отчетливо выражены просветительские устремления, направленные к активной деятельности по переустройству общества.

Журнал не раз обращался к истории образования в России. Однако главное внимание уделялось современному состоянию народного образования. Оно вызывало глубокое неудовлетворение и резкую критику на страницах «Дела». В ряде «Внутренних обозрений» приводились примеры равнодушия властей к делу просвещения народа. В заметке «Много ли света в нашем просвещении» Засодимский раскрывает рутинный характер обучения в женских гимназиях (1870, № 1). Еще более резко о нуждах народного образования пишет Берви-Флеровский в статье «Не лучше ли молчать по этому вопросу?». «При таких средствах народного образования, — заявляет он с горечью, — какими мы располагаем, нам нужно по крайней мере около трехсот лет, чтобы сравняться в этом отношении с передовыми нациями Западной Европы» (1871, № 2, стр. 309). С большой смелостью критикует он вмешательство духовенства в преподавание, хотя публицисту пришлось это маскировать благовидными мотивами. «Всякая светская власть духовенства, — писал он, — убивает в народе не только просвещение и науку... она убивает в народе самую религиозность и мешает ей развиваться» (там же, стр. 313).

На страницах «Дела» помещались отклики на труды видных русских и зарубежных педагогов. Радикально настроенных публицистов не удовлетворяла современная педагогика. В рецензии на книгу К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» Ткачев не во всем соглашается со знаменитым педагогом, но отмечает пользу его капитального труда. Он резко критикует педагогические взгляды Л. Н. Толстого, опубликовавшего статью «О народном образовании» в «Отечественных записках» (1874, № 9). В статье «Народ учить или у народа учиться?» Ткачев отмечает, что Толстой обрушивается на научную педагогику с консервативных позиций, выступая «в роли гонителя и ненавистника всякой научной педагогики вообще и немецкой в частности» (1875, № 4, «Совр. обозр.», стр. 33—34). В основе педагогики Толстого, считает он, лежит «домостроевская философия». «Эта философия унижает и искажает цель и назначение народного воспитания. Из орудия цивилизации, из средства постоянно двигать народ вперед она превращает его в какой-то вечный тормоз, в орудие застоя и рутины» (там же, стр. 36). Ткачев напомнил о более ранних педагогических опытах Толстого в Ясной Поляне и о критике этих опытов со стороны Н. Г. Чернышевского, не называя последнего по имени. Он резко осудил Н. К. Михайловского и А. М. Скабичевского, выступивших на страницах «Отечественных записок» и «Биржевых ведомостей» с некоторым одобрением суждений Толстого.

С проблемами народного образования был тесно связан так называемый женский вопрос. Широко поставленный революционными демократами в «Современнике» и «Русском слове», он нашел дальнейшее развитие и в журнале «Дело». Таковы статьи Благодетлова «На что нам нужны женщины?» (1869, № 7), «Женский труд и его вознаграждение» (1870, № 2). Серия статей Шашкова «Исторические судьбы женщины» (1869, № 9—12; 1871, № 1—4) в 1871 г. была выпущена отдельной книгой. На эту тему писали Шелгунов, Щапов и др. В одном из «Внутренних обозрений» с удовлетворением отмечались успехи русских женщин в области науки и искусства; в частности, подробно говорилось о присвоении в Цюрихе звания доктора медицины Н. П. Суловой (1868, № 1).

Боевая страстная публицистика «Дела», преодолевая препоны цензуры, находила широкий отклик общественности России. Именно в этом разделе журнал вел острую полемику по многим важнейшим вопросам современности. Какова же была позиция «Дела» по отношению к другим печатным органам?

Следует отметить единство его основных позиций с «Отечественными записками», хотя между этими главнейшими журналами демократического лагеря и возникали разногласия по поводу отдельных явлений литературной и общественной жизни. Некоторые литераторы выступали и в том, и в другом журналах. Так, в «Отечественных записках» и в «Деле» печатались Щапов, Минаев, Решетников, Г. И. Успенский и др. «Отечественные записки» давали одобрительные отзывы на наиболее важные выступления «Дела». Так, например, была положительно встречена книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». В свою очередь «Дело» защищало редакцию «Отечественных записок» от неоправданных нападок. Минаев в фельетонах «С неевского берега» резко осудил нашумевшую книгу М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы» (1869), направленную против Некрасова как редактора «Отечественных записок» (1869, № 4, «Совр. обозр.», стр. 93).

лизма, от требований безусловной жизненной правды в литературе. Для критиков «Дела» характерно также недостаточное внимание к эстетической характеристике произведений. Все это приводило на практике к серьезным ошибкам в оценке явлений современной литературы.

Промахи порой были разительными. Так, на страницах «Дела» была дана ошибочная оценка «Войны и мира» Л. Н. Толстого, хотя и правильно было указано на консервативные стороны толстовской философии истории. Берви-Флеровский в статье «Изящный романист и его изящные критики» (1868, № 5) обвинял писателя в том, что он слишком идеализирует своих героев. Шелгунов в статье «Философия застоя» (1870, № 1) остановился лишь на истолковании исторического процесса у Толстого, назвал его произведение славянофильским и отказал писателю в таланте.

Односторонне оценил журнал и роман И. А. Гончарова «Обрыв». В статье «Талантливая бесталанность» Шелгунов сосредоточил преимущественное внимание на образе Марка Волохова. Широкие картины русской действительности, запечатленные крупным художником, не встретили ни признания, ни должного понимания. Журнал «Дело» в оценке этого произведения Гончарова был солидарен с «Отечественными записками», где была помещена статья Салтыкова-Щедрина «Уличная философия».

Журнал не раз вступал в острые споры с Ф. М. Достоевским. Яркую статью (под названием «Больные люди») о романе «Бесы» поместил Ткачев. Написанная участником нечаевского процесса (материалы этого процесса, как известно, широко использованы в романе), статья давала убедительную отповедь тенденциозным утверждениям прославленного романиста. «В болезненных представлениях уродцев, — писал критик, — помешавшихся на каких-то неопределенно мистических пунктах, очевидно, нисколько не отражается мирозерцание той среды — среды лучшей образованной молодежи, — из которой они вышли» (1873, № 4, стр. 368). Вместе с тем Ткачев воздал должное реалистической жизненности образа Степана Трофимовича Верховенского. Еще большее понимание Достоевского-художника проявилось в другой статье Ткачева — «Литературные попури» (1876), где говорится о романе «Подросток». Писатель отнесен здесь к числу «первоклассных художников», в статье высказаны интересные наблюдения над творческим методом Достоевского, его анализом внутреннего мира героев.

Сложным было отношение критиков «Дела» и к творчеству И. С. Тургенева. Крупнейшие произведения последнего периода творчества — романы «Дым» и «Новь», повести — получили отрицательную оценку широкого демократического лагеря. В статье «Старые романисты и новые Чичиковы» отрицательно отзывался о романе «Дым» Благосветлов. Особенно неудовлетворение вызвало изображение писателем новой молодежи. «Если г. Тургенев, — заявлял критик, — не мог среди молодого поколения найти людей, кроме г-жи Суханчиковой и Ворошилова, то в этом... виновато не молодое поколение, а незнание его автором „Дыма“...» (1868, № 3, «Совр. обозр.», стр. 9). Ткачев в статье «Уравновешенные души» счел нежизненными те зарисовки «новых людей», которые даны в романе «Новь» (1877, № 2, 3, 4).

Отрицательные суждения о творчестве Тургенева конца 60-х годов высказал и Шелгунов. Вместе с тем в его статьях мы находим глубокое признание исторических заслуг писателя, его роли в жизни русского общества. В этом отношении Шелгунов ближе к Добролюбову, чем его

соратники по «Делу». Примечательна его оценка «Записок охотника» Тургенева. «Никогда мысль его не была глубже и шире, — писал Шелгунов в статье „Тяжелая утрата“, — никогда чувство его не было человечнее. . . Тургенев открыл читающей русской публике новый, неведомый ей прежде мир» (1870, № 2, стр. 44). В обширной статье «Люди сороковых и шестидесятих годов» (1869, № 9—12) Шелгунов во многом солидаризируется с Писаревым в оценке романа «Отцы и дети»: «Не Базаров, а базаровщина явилась злом, и шутовская копия заслонила в общественном мнении все хорошие стороны нового типа. . . правда, намеченная в Базарове, жива и не умрет» (1870, № 12, стр. 31).

Из приведенных примеров видно, что критическая оценка журналом крупнейших писателей-реалистов была противоречивой: наряду с односторонними суждениями, продиктованными логикой общественной борьбы, в ней содержались ценные и глубокие характеристики.

Не во всем единой была позиция «Дела» и по отношению к писателям демократического лагеря. В целом поддерживая демократическую струю в литературе, критики радикального журнала подчас не умели понять прогрессивный смысл произведений ряда писателей-демократов. Даже творчество Салтыкова-Щедрина не получило на страницах «Дела» необходимого признания. Шелгунов, Ткачев, Благосветлов, писавшие о Салтыкове-Щедрине, в 70-е годы в основном следуют оценкам, высказанным Писаревым в статье «Цветы невинного юмора» (1864). Статья Ткачева «Безобидная сатира» (1878) перекликается с писаревской даже по названию. Не были оценены по достоинству на страницах «Дела» рассказы и очерки Н. В. Успенского, В. А. Слепцова, И. Ф. Горбунова, раннего Г. И. Успенского.

Однако не эти односторонние суждения определяли отношение журнала к демократической литературе. Основным же являлись — широкая и последовательная поддержка и пропаганда творчества писателей, посвятивших себя изучению и отображению народной жизни, защите народных интересов. Внимательно следил журнал за творчеством Ф. М. Решетникова. В статье «Разбитые иллюзии» (1868) Ткачев отмечал, что в романах писателя содержится обширный материал для характеристики положения трудовых масс. В статье «Недодуманные думы» критик писал: «Читайте. . . Решетникова, — какое знание подробностей быта и всей обстановки действующих лиц, какое понимание характера этих лиц и как просто и хорошо относится он к ним» (1872, № 1, «Совр. обзор.», стр. 11). Как принципиально новое явление в литературе рассматривает творчество Решетникова Шелгунов, выступивший с программной статьей «Народный реализм в литературе»: «Точка зрения Решетникова по преимуществу экономическая. Он рисует почти исключительно материальный быт народа, его искания где лучше и социально-экономический фатализм его судьбы. . .» (1871, № 5, стр. 20).

На страницах «Дела» были помещены обобщающие статьи о состоянии и развитии демократической литературы. В статье «Недодуманные думы» (1872, № 1) Ткачев высказал суждения, идущие вразрез с оценками Добролюбова и Чернышевского, призывавших к всестороннему показу народной жизни. Он отрицательно относится к изображению недостатков народной среды в рассказах Н. В. Успенского, Слепцова, Горбунова. Вместе с тем ему импонирует близость писателей-демократов к народу. Когда «Помяловские, Решетниковы, Левитовы, Успенские заговорили» о людях из народа, заявляет критик, «нельзя было не почувствовать, что эти люди — они сами или, по крайней мере, их близкие знакомые. . . в их лице они нашли себе своих адвокатов» (1872,

В. Сырокомли (Л. Кондратовича) и многих других. Переводчиками выступали Минаев, Федоров-Омулевский, Шеллер-Михайлов и др.

Несмотря на известную слабость и ограниченность, беллетристика и поэзия «Дела» не были чисто развлекательным материалом. Романы и повести, стихи и рассказы, поэмы и лирика, печатавшиеся на его страницах, служили общим программным целям журнала.

* * *

*

Уступая в яркости, силе воздействия на широкие читательские круги «Отечественным запискам», журнал «Дело» сумел, однако, в условиях жесточайшего цензурного режима стать достаточно влиятельным, прогрессивным демократическим органом, имевшим самостоятельное лицо, свои характерные особенности. Страницы «Дела» стали трибуной таких крупных деятелей общественного движения 1870—1880-х годов, как Шелгунов, Ткачев, Благосветлов, Берви-Флеровский. Их публицистическая и литературно-критическая деятельность оказала значительное воздействие на ход общественной жизни, на развитие журналистики, критики, литературы. Борьба с литературной и общественной реакцией, пропаганда демократических идеалов, защита интересов угнетенных трудовых масс, призыв к радикальным, революционным изменениям действительности — вот что составляло внутренний пафос наиболее важных выступлений боевого журнала. Этим определяются его роль и место в истории русской журналистики и литературы.

Бесцензурная печать революционного народничества

70-е годы принесли с собой расцвет бесцензурной печати, подобного которому Россия еще не знала. На смену герценовскому «Колоколу» пришли заграничные, а затем и подпольные издания, скоро ставшие значительным фактором общественной жизни страны.¹ Когда в 1878 г. один из наиболее ярких представителей нелегальной журналистики С. М. Степняк-Кравчинский писал в первом номере «Земли и воли», что «бесцензурное слово сделалось уже новым элементом в русской жизни»,² в его словах не было ни малейшего преувеличения. Появление на протяжении десятилетия целого ряда бесцензурных журналов и газет было закономерным следствием развития освободительного движения, предвестником и симптомом нового демократического подъема.

Первые бесцензурные издания появились за границей. Это объяснялось главным образом тем, что к началу 70-х годов в России еще не было организационных и материальных условий для создания подпольной прессы. С нарастанием революционного кризиса, с появлением влиятельных революционных организаций к концу десятилетия возникают и подпольные органы, занимающие в течение некоторого времени ведущее место в бесцензурной журналистике. Разгром революционеров и разгул реакции в 80-е годы снова выдвигают на первый план заграничные издания.

Поскольку в революционно-демократическом движении 70-х годов господствовала народническая идеология, бесцензурная печать отражала взгляды различных группировок революционного народничества, противоречия и борьбу между ними, а также эволюцию, которую с течением времени претерпели революционно-народническая теория и практика.³ Естественно, что бесцензурной периодике в полной мере присущи и достоинства, и недостатки движения революционных народников: их боевой демократизм, искренняя преданность интересам народных масс, ненависть к самодержавию и вместе с тем их теоретические ошибки, утопически-социалистические иллюзии.

¹ К периоду первой революционной ситуации начала 60-х годов относится, как известно, попытка создать подпольную периодическую печать в России. Однако журнал «Земля и воля», печатавшийся зимой 1862—1863 гг., так и не увидел света, а листок «Свобода» (1863) вышел только двумя выпусками и прекратил свое существование вместе с обществом «Земля и воля», органом которого он являлся. В первой половине 60-х годов эпизодически выходили также зарубежные издания («Будущность», «Весть», «Европеец» и др.), отличавшиеся умеренностью направления и не сыгравшие сколько-нибудь заметной роли. Только в 70-е годы бесцензурная печать получила ту сравнительно широкую общественную базу, которая питала и поддерживала ее.

² Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, [б. г.], стр. 68.

³ Издания, стоявшие в стороне от революционно-народнических течений (например, «Общее дело»), в данной работе не рассматриваются.

Историческое значение бесцензурных изданий определяется прежде всего тем, что в них звучал голос наиболее последовательных и активных революционеров, вступивших в открытую и непримиримую борьбу с существующим строем, что на их страницах продолжались те мучительные поиски правильной революционной теории, которые были начаты еще в 50 — 60-е годы и нашли столь высокую оценку у В. И. Ленина. Бесцензурная печать была одним из важнейших орудий борьбы против самодержавия. И несмотря на несостоятельность народнических теорий, несмотря на поражение, которое вместе с организациями революционеров потерпела и их печать, деятельность революционной бесцензурной журналистики нельзя считать бесплодной. В. И. Ленин говорил, что жертвы, понесенные русскими революционерами, «способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа».⁴ Несомненно, что свой вклад в это великое дело внесла и революционная печать.⁵

Условиями классовой борьбы, задачами революционного движения, как их понимали его участники, определялись и содержание, и характер бесцензурной периодики. Это были по преимуществу теоретико-политические и агитационно-пропагандистские издания. Обращены они были в первую очередь к читателю-революционеру и к тем прогрессивно настроенным кругам разночинной интеллигенции, из которых главным образом рекрутировались кадры революционных борцов. С обострением революционного кризиса в стране не только расширился круг читателей нелегальной журналистики, но и в ней самой отчетливо проявилось стремление охватить своим воздействием более широкие общественные слои. Это характерно прежде всего для народовольческих изданий, что вполне соответствовало желанию народовольцев объединить всех недовольных в борьбе против самодержавия. Журналистика 70-х годов знает также издания, предназначенные специально для распространения «в народе» — среди крестьян и рабочих. Эти издания, в отличие от других, носили чисто агитационный характер.

На первых порах большинство бесцензурных изданий, даже если они и были связаны с какими-либо кружками или группами, оставались в сущности органами н а п р а в л е н и й. К концу рассматриваемого периода читатель уже имел дело с органами оформившихся революционных организаций, объединенных определенной программой и уставом. Это немаловажное обстоятельство не могло не повлечь за собой роста авторитета изданий, подкрепленного практическими выступлениями организации, и некоторого изменения (вернее — расширения) их функций. Печать должна была служить теперь и средством политической ориентации членов организации. Правда, в силу сравнительной узости и малочисленности самих организаций, эта функция в полной мере проявиться не могла. Кроме того, условия подполья, необходимость соблюдения строжайшей конспирации давали возмож-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

⁵ История бесцензурной печати является неотъемлемой частью истории русской журналистики. Но изучена она до сих пор крайне недостаточно. Односторонняя, чисто отрицательная оценка народничества, утвердившаяся в период культа личности Сталина, длительное время по существу тормозила научно-исследовательскую работу в этой области. В последние годы, в связи с общим оживлением интереса к народничеству и пересмотром ошибочных оценок, появился ряд исследовательских и популярных работ и публикаций, в которых в той или иной степени затрагиваются и проблемы бесцензурной печати. Наиболее полный общий обзор важнейших органов нелегальной журналистики дает Б. П. Веревкин в брошюре «Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века» (М., 1960).

ность лишь частично и, как правило, задним числом информировать читателя о деятельности организации, ее решениях и т. д.

Тип нелегального революционного органа с его характерными, а порой и специфическими чертами вырабатывался постепенно и был в разной степени выражен в каждом отдельно взятом бесцензурном издании. Тем не менее и в проблематике, и в построении, и в литературном оформлении между ними было много общего.

Если говорить о проблематике, то довольно четко выделяется несколько основных групп вопросов, занимавших в той или иной степени всю бесцензурную периодику. Это — попытки теоретического осмысления и обобщения экономических и политических процессов, происходящих в стране; разъяснение и пропаганда тактических установок, которых придерживались редакторы и сотрудники данного издания и стоявшая за ними группа или организация; полемика с инакомыслящими участниками освободительного движения; воспитание и поддержание стойкости и боевого духа революционеров на примере жизни и борьбы погибших или отправленных на каторгу и в тюрьмы товарищей; разоблачение политики самодержавия (в особенности по отношению к крестьянам), царящего в России полицейского произвола и беззакония, зверских преследований революционеров; опровержение клеветнических нападок на борцов против царизма со стороны консервативной и либеральной печати, борьба против холопства либерального «общества» перед правительством. Бесцензурные издания — одни в большей, другие в меньшей степени — проявляли интерес к западноевропейскому рабочему движению и информировали о нем читателей, обычно так или иначе соотнося и сопоставляя зарубежный опыт с актуальными проблемами русского революционного движения.

Ведущее место на страницах нелегальных изданий занимала публицистическая статья, на долю которой выпадал и теоретический анализ, и пропаганда революционных идей, и постановка практических задач. Но бесцензурные издания широко использовали и другие публицистические жанры, причем наиболее крупные журналы и газеты отличались таким богатством жанровых форм, которое может показаться удивительным, если вспомнить, в каких невероятно трудных условиях они печатались. На их страницах встречаются развернутые корреспонденции информационного характера, обзоры, очерки, обзоры печати, фельетоны, художественные произведения, хроника, документы, прокламации и такие обладавшие огромной силой эмоционального воздействия материалы, как речи революционеров на суде, письма приговоренных, биографии и просто списки казненных или погибших в тюрьмах и ссылках. В большинстве случаев бесцензурные издания имели более или менее стройную структуру, постоянные отделы и рубрики. Каждый номер строился с таким расчетом, чтобы дать читателю по возможности разнообразный материал для уяснения вопросов общественной жизни, революционной теории и практики.

Вполне понятно, что некоторые стороны жизни и газетно-журнальные публицистические и информационные формы, обычные для легальных изданий, совсем или почти совсем не находили отражения в бесцензурной прессе в силу специфичности ее задач и условий деятельности. Так обстояло дело, между прочим, и с литературной критикой.⁶

⁶ В статье «Александр Иванович Герцен» («Вперед», 1875, № 18) П. Л. Лавров объяснял отсутствие в газете литературно-критических статей, во-первых, тем, что многочисленны и разнообразные вопросы «социально-революционной пропаганды» при ограниченности литературных сил и материальных средств не дают возможности от-

Как известно, движение семидесятников выдвинуло, пользуясь ленинским выражением, «блестящую плеяду» героических борцов, замечательных организаторов и агитаторов. Революционная печать также делалась руками даровитых людей, хорошо владевших пером, умевших с вдохновением и блеском развивать и отстаивать революционные идеи. П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев, Г. В. Плеханов и С. М. Степняк-Кравчинский, Н. А. Морозов и Д. А. Клеменц, да и другие деятели бесцензурной печати были талантливыми и исключительно работоспособными публицистами, обеспечившими высокий литературный уровень наиболее значительных изданий. Статьи публиковались в бесцензурных органах, за немногими исключениями, анонимно. Читатель того времени знал, как правило, имена только тех авторов и редакторов, которые получили известность ранее и, находясь за границей, не нуждались в строгом соблюдении тайны авторства (например, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев). Роль же других сотрудников нелегальной печати выяснилась лишь позднее, причем многие связанные с этим вопросы не решены и до сих пор. Некоторые из журналистов-эмигрантов и подпольщиков (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, Л. А. Тихомиров, Н. И. Кибальчич и др.) сотрудничали под псевдонимами или анонимно и в легальной демократической журналистике (в «Деле», «Отечественных записках», «Слове» и др.). В период наибольшего подъема освободительного движения в подпольной печати выступали тайно и отдельные легальные журналисты (Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко).

Легальная пресса вообще вынуждена была считаться с бесцензурной печатью как с равноправным партнером или противником. Ожесточенная полемика с революционными изданиями стала постоянным занятием консервативной и либеральной прессы. В. И. Ленин писал об этом: «И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и заставляла открыто говорить о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах».⁷

Создание бесцензурной печати было делом трудным, требовавшим решения многих сложных проблем: обеспечения средств для издания и организации сбора пожертвований среди сочувствующих, установления широких связей с целью получения информации, налаживания доставки заграничных органов в Россию, организации распространения нелегальных изданий, обеспечения строжайшей конспиративности в работе подпольных редакций и особенно типографий. Далеко не все шло гладко, и опыт приобретался не сразу. А репрессии со стороны царских властей были крайне суровыми и достигли прямо-таки чудовищной жестокости к началу 80-х годов. Даже простое хранение нелегального издания влекло за собой суровую кару. Что же касается сотрудников, типографских работников, распространителей нелегальной печати, то многие из них заплатились за свою деятельность жизнью, свободой или долгими годами изгнания. Существовать и раз-

вести место критике литературных произведений; во-вторых, тем, что указания на социалистические и революционные тенденции, проявляющиеся в подцензурной литературе, помогали бы правительству в борьбе с этой литературой и подрывали бы деятельность прогрессивных легальных органов; в-третьих, тем, что критика произведений заграничной русской литературы, подчас мало удовлетворительных, нецелесообразна, так как эти произведения направлены против общего врага революционеров и, несмотря на свои недостатки, могут оказать благотворное влияние на некоторых читателей.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 89.

виваться революционная бесцензурная печать могла только благодаря величайшей самоотверженности ее сотрудников, их готовности на любые жертвы. Создание бесцензурной печати было частью великого подвига русских революционеров-народников, вступивших в смертельную схватку с самодержавием.

Бесцензурная журналистика 70-х годов возникла, как уже говорилось, не на пустом месте. Она закономерно восприняла традиции и опыт изданий А. И. Герцена и Н. П. Огарева, разумеется, с теми поправками, которые диктовались различием эпох и взглядов. Но эта журналистика представляла собой уже новый этап в развитии русской печати, во всех отношениях обогативший опыт революционных журналов. Рабочая, социал-демократическая, большевистская печать использовала лучшие традиции и достижения своего непосредственного предшественника в России — печати революционного народничества.

* *
* \

1868 год был последним годом существования герценовского «Колокола» (в его французском варианте). И начиная с этого же года в Швейцарии возникает ряд новых изданий, создание которых связано с так называемой «молодой эмиграцией» — представителями революционной разночинной молодежи, вынужденными покинуть Россию, где свирепствовала реакция. К организации некоторых из этих журналов были причастны и такие маститые революционеры, как М. А. Бакунин и Н. П. Огарев.

Вслед за быстро скончавшейся «Современностью» (апрель — сентябрь 1868 г.), издателями которой были участник походов Гарибальди, впоследствии видный ученый Л. И. Мечников и известный грузинский общественный деятель, в молодости стоявший близко к Н. Г. Чернышевскому, Н. Я. Николадзе, появилось «Народное дело», выходящее до середины 1870 г. В 1869 г. только что приехавший из России С. Г. Нечаев при поддержке Бакунина выпустил два номера «Народной расправы», а в следующем году он же при помощи ряда политических эмигрантов, в числе которых был и Огарев, вознамерился возродить на новой основе «Колокол». Но дальше шести номеров, выпускавшихся на протяжении месяца с небольшим, дело не пошло. Нежизнеспособным оказался и журнал «Община», основанный Нечаевым в 1870 г. в Лондоне.

Все эти издания, за исключением журнала «Народное дело», были недолговечными. И хотя в каждом отдельном случае причины этого различны, в основе лежали объективные обстоятельства. Ни политически бесцветная, с заметным уклоном к либерализму, позиция «Современности», ни демагогически-авантюристическая и мистификаторская пропаганда Нечаева (правда, увлекшая на время Бакунина с Огаревым) не имели перспектив в революционном движении.

В отличие от них «Народное дело» вошло в историю как журнал, стремившийся отстоять, вопреки анархистским увлечениям значительной части революционной молодежи, взгляды Чернышевского и, главное, ставший органом Русской секции I Интернационала.⁸ Именно к группе «Народного дела» относятся слова В. И. Ленина о попытках «русских

⁸ Деятельность Русской секции I Интернационала привлекла внимание ряда исследователей. Наиболее обстоятельно и убедительно история Русской секции и содержание «Народного дела» анализируются в известной работе Б. П. Козьмина «Русская секция Первого Интернационала» (М., 1957).

социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность „европейского устройства“ — Интернационал».⁹

«Народное дело» выходило в Женеве в течение двух лет (сентябрь 1868 г. — сентябрь 1870 г.). В 1868 г. вышел первый номер журнала, в 1869 г. — три выпуска, включавшие девять номеров. В 1870 г., после превращения «Народного дела» в орган Русской секции, оно было преобразовано в издание газетного типа с новой нумерацией. Было выпущено семь номеров газеты. Первоначально предполагалось наряду с газетными «листками» продолжать и периодическую публикацию «больших выпусков» в качестве приложений к листкам. Однако практически это оказалось не под силу редакции, как не удалось выпускать и периодические «известия о рабочем движении во всем мире», предусмотренные уставом Русской секции.

По своему характеру «Народное дело» (и журнал, и газета) более всего было похоже на теоретико-политическое обозрение. Ведущее место в нем занимали анонимные программные и обзорные политические статьи («Наша программа», «Пропаганда и организация», «Политика мещанства и политика социализма. Введение в историю рабочего движения», «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе» и др. — в журнале, «Крестьянская реформа и общинное землевладение», «Интернациональная ассоциация и Россия», «Подготовительная работа социальной революции» и др. — в газете). Недостаток литературных сил, материальных средств и связей с Россией не позволил редакции ни добиться того, чтобы в «Народном деле» была достаточно широко представлена информация о русских делах, ни использовать многообразные публицистические жанры.

Журнал был задуман Бакуниным, упорно старавшимся в эти годы подчинить своему идейному влиянию русское и западноевропейское революционное движение. Он же написал и большинство статей первого номера, который был подготовлен при участии ставшего на позиции бакунизма политического эмигранта Н. И. Жуковского, ранее занимавшегося организацией транспортировки в Россию изданий Герцена. «Народное дело» провозгласило следующие требования: упразднение права наследования; предоставление женщине равных прав с мужчиной; уничтожение брака; передача земли земледельческим общинам, а капиталов и «орудий работы» — рабочим ассоциациям и, наконец, «искоренение всякой государственности» и создание свободной федерации «вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей».¹⁰ Таким образом, по замыслу его создателей «Народное дело» должно было стать рупором анархизма, причем для бакунинской группы оно имело особое значение как первый самостоятельный орган. Недаром именно здесь Бакунин, как справедливо заметил Б. П. Козьмин, «впервые изложил в печати в систематизированном и развернутом виде свою анархистскую программу».¹¹ Поэтому первый номер продолжал самостоятельную жизнь и тогда, когда направление журнала изменилось. Статьи первого номера горячо обсуждались в России.¹²

Но расчеты Бакунина не оправдались. В редакции произошел раскол (не столько по теоретическим, сколько по практически-политиче-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 287.

¹⁰ Народническая экономическая литература. М., 1958, стр. 121.

¹¹ Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала, стр. 88.

¹² См.: П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Изд. 2-е. Л., 1925, стр. 29. О распространении «Народного дела» в России см.: Б. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964, стр. 55—57, 63—68.

ским вопросам). Бакунину и Жуковскому пришлось из нее выйти. «Народное дело» перешло в руки группы эмигрантов, считавших себя последователями Чернышевского (Н. И. Утина; участника польского восстания 1863 г. А. Д. Трусова, избранного секретарем редакции; супругов В. И. и Е. Г. Бартеневых; Е. Л. Томановской — знаменитой Елизаветы Дмитриевой в дни Парижской коммуны). Ведущая роль в этой группе принадлежала активному участнику студенческого движения, затем члену Центрального комитета и организатору подпольной типографии общества «Земля и воля» начала 60-х годов Утину.

Новое, антианархистское по своему существу, направление журнала выявилося не сразу, но с течением времени стало вполне определенным. Журнал, который в № 4—6 (1869) поставил своей задачей «стать органом всей сплоченной партии освобождения» и выразил готовность предоставить свои страницы «всем приверженцам революционного дела», счел необходимым в дальнейшем резко отмежеваться от таких бакунистских догм, как отказ от участия в политической борьбе, выдвигание на первый план тактики «вспышкопускательства» и др. Освобождение революционного движения от влияния идей анархизма «Народное дело» считало одной из своих важнейших задач, и это составляло его сильную сторону. Журнал вел резкую полемику с нечаевскими изданиями.

Проявляя большой интерес к деятельности Интернационала, с самого начала отразившийся на страницах журнала, его редакторы задумали связать русское революционное движение с борьбой рабочего класса Западной Европы. К. Маркс дал согласие на просьбу редакции «Народного дела» быть представителем Русской секции в Генеральном совете I Интернационала. Обращение организаторов секции и ответ Маркса, равно как программа и устав секции, были опубликованы в первом номере преобразованной в газету «Народного дела» за 1870 г. В статье «Русская ветвь Международного товарищества рабочих» комментировалось создание Русской секции — важное историческое событие, составляющее крупнейшую заслугу группы «Народного дела».

Признавая необходимость установления нового, справедливого общественного строя, основанного на началах свободы и равенства, «Народное дело» вслед за Чернышевским считало народную революцию единственно возможным путем к этому. Задачей передовой революционной молодежи была, по мнению журнала, пропаганда революционных идей и организация революционных сил. Это влекло за собой требование развертывания работы в народе (к чему призывал еще Герцен) и создания тайной политической партии. Редакторы «Народного дела» не только усвоили ряд плодотворных заветов Чернышевского (например, понимание закономерности исторического развития, отрицание «самобытности» России и др.), но и испытали серьезное влияние учения Маркса. Они всячески старались изучить опыт западноевропейского рабочего движения с тем, чтобы использовать его в интересах революционной борьбы в России, и много сделали для ознакомления русских читателей с деятельностью I Интернационала.

Однако отсталость русских общественных отношений помешала Утину и его друзьям понять и усвоить марксистскую теорию, а значит — и правильно применить ее к анализу русской действительности. На теоретических воззрениях редакторов «Народного дела» лежал явный отпечаток эклектизма, свойственного идеологам русской мелкобуржуазной демократии. Они идеализировали крестьянскую общину, считая, что она спасает Россию от появления пролетариата, не имели

четкого представления о классах, объединяя понятием «народ» всех угнетенных и приписывая всем народным движениям социалистический характер, — короче, находились в плену некоторых специфически народнических представлений. Вместе с тем их рассуждения о применении к России опыта Западной Европы были часто прямолинейны и метафизичны, а высказывания по историческим вопросам сохраняли в конечном счете идеалистическую основу.

В итоге «Народное дело», при всех его особенностях, было органом народнической демократии, выражало теорию крестьянского социализма. Однако некоторые стороны этого издания, в частности враждебное отношение к анархическим идеям Бакунина, переживавшим в ту пору расцвет своего влияния на передовую русскую молодежь, помешали «Народному делу», как и Русской секции в целом, завоевать прочные позиции в русском революционном движении.¹³ Понадобилось еще много лет борьбы, жертв, разочарований и теоретических исканий, прежде чем русские революционеры смогли воспринять идеи Маркса и Энгельса и с успехом применить их к условиям классовой борьбы в России.

Перерыв в издании нелегальных органов, наступивший после того, как «Народное дело» перестало выходить, не мог быть продолжительным. Начало 70-х годов было отмечено новым заметным оживлением революционного движения. Брожение среди студенчества, создание в Петербурге крупной подпольной группы (известной под названием кружка чайковцев), распространявшей нелегальную литературу и развернувшей широкую по тем временам пропагандистскую деятельность среди рабочих, образование других подобных кружков (долгушинцы и др.) предшествовало известному, массовому «хождению» революционной молодежи «в народ» в 1874 г. Сильное влияние на мировоззрение демократической молодежи оказывали опубликованные к началу 70-х годов труды М. А. Бакунина, В. В. Берви-Флеровского, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского. Внимание русских революционеров привлекал к себе Интернационал, огромное впечатление произвела героическая эпопея Парижской коммуны. В 1872 г. вышел в свет русский перевод «Капитала», который был с большим интересом встречен демократическими кругами. Правда, идеологи революционного народничества, в том числе и те, кто считал себя учениками Маркса, на практике искажали его теорию, чаще всего бессознательно.

В обстановке прогрессирующего обострения классовой борьбы и напряженных идейных исканий складываются основные группировки в народничестве, получившие выражение и в бесцензурной печати.

В 1873 г. в Швейцарии, в Цюрихе, выходит новый журнал — «Вперед!», ставший одним из наиболее влиятельных и содержательных заграничных органов. Инициатива его издания исходила от чайковцев, располагавших в Цюрихе собственной типографией, в которой работали многие из учившихся в этом городе русских студентов. Средства на издание журнала поступали как от чайковцев, так и из некоторых других русских источников. Материальную (как и литературную) помощь журналу оказывал впоследствии и кружок последователей Лаврова, организовавшийся в Петербурге. (Любопытно, что под влиянием рас-

¹³ После прекращения «Народного дела» Утин и другие некоторое время продолжали работу в Интернационале, помогая Марксу в борьбе против Бакунина. Однако вскоре Утин отошел от политической деятельности, а к концу 70-х годов выхлопотал прощение у правительства и вернулся в Россию, полностью порвав с революционным движением. Такова же была судьба и некоторых его сподвижников.

сказов Лаврова о девушках-революционерках, будущих обвиняемых по процессу 50-ти, регулярно поддерживать «Вперед!» денежными взносами стал И. С. Тургенев).

Редактировать журнал был приглашен П. Л. Лавров. Его имя, достаточно известное еще в начале 60-х годов, получило широчайшую популярность после появления в 1868—1869 гг. «Исторических писем». В них была выдвинута воспринятая с энтузиазмом революционной молодежи идея долга интеллигенции перед народом и необходимости заплатить этот долг. За плечами у Лаврова был солидный журналистский опыт. Профессор математики, полковник, он к началу 60-х годов выступил в либеральных изданиях с рядом научных и философских статей (последние вызвали полемику со стороны «Современника» и «Русского слова»). Позднее Лавров сблизился с Чернышевским и кругом «Современника», завязал сношения с «Землей и волей». Редактируемый им негласно в 1864—1866 гг. журнал «Заграничный вестник» был сочувственно встречен «Современником». Находясь в ссылке, куда он попал в связи с караковским делом, и позже Лавров продолжал сотрудничать в легальной демократической печати. В 1870 г. он при помощи выдающегося революционера 60—80-х годов Г. А. Лопатина бежал из ссылки, вступил во Францию в I Интернационал, принял участие в Парижской коммуне и, таким образом, непосредственно включился в революционную борьбу. К этому же времени относится его знакомство с К. Марксом и Ф. Энгельсом, с которыми он потом поддерживал постоянную дружескую связь.

Дав согласие стать редактором, Лавров, после ряда осложнений, вызванных неясностью, какие литературные и политические группы будет представлять новый орган, выработал к весне 1873 г. его окончательную программу. Она была напечатана в первом томе «Вперед!». В течение 1873—1877 гг. Лавров и его помощники выпустили два тома «непериодического обозрения» «Вперед!» в Цюрихе и три тома — в Лондоне, куда редакция переехала в 1874 г. С января 1875 г. по предложению Лаврова наряду с журналом стала выпускаться раз в две недели газета «Вперед!». Создание газеты было вызвано укреплением в России и в Западной Европе (благодаря сближению с Марксом и немецкими социал-демократами) положения журнала, увеличением числа корреспонденций и материальной помощи из России. Всего в 1875—1876 гг. вышло сорок восемь номеров газеты (сотрудникам удалось добиться строгого соблюдения установленной периодичности). Кроме журнала и газеты, типография «Вперед!» печатала прокламации, агитационные брошюры, использовавшиеся в работе среди крестьян и рабочих. Особо следует отметить первую публикацию в журнале и отдельной брошюрой запрещенных цензурой «Писем без адреса» Чернышевского. В журнале была напечатана и первая часть его романа «Пролог» («Пролог к прологу»), доставленная в Лондон из Сибири Лопатиным.

Ближайшими помощниками Лаврова были секретарь редакции В. Н. Смирнов, привлекавшийся по нечаевскому делу, но бежавший до суда за границу, и метранпаж А. Л. Линев, в прошлом — активист оппозиционного по отношению к царизму движения среди русского студенчества в Гейдельберге, побывавший, как и Лавров, в ссылке. По словам Лаврова, без неустанной работы этих сотрудников «Вперед!» не просуществовал бы и двух-трех месяцев. Наиболее активным публицистом журнала и газеты был сам Лавров, «неутомимый работник», как назвал его Лопатин. В журнале им было напечатано несколько крупных статей по различным проблемам революционной теории и практики

(«Вперед! — Наша программа», «Счеты русского народа», «Знание и революция», «Кому принадлежит будущее», «Потерянные силы революции», «Из истории социальных учений»), книга «Государственный элемент в будущем обществе» (составившая целиком четвертый том журнала). Кроме того, Лаврову принадлежит значительная часть материалов, опубликованных под рубриками «Что делается на родине?», «Летопись рабочего движения», и полностью рубрика «Хаос буржуазной цивилизации». Столь же плодотворной была работа Лаврова в газете, в каждом номере которой он печатал свои статьи (в том числе в большинстве номеров — передовицы). Много писали для журнала и газеты В. Н. Смирнов и молодой цюрихский студент Н. Г. Кулябко-Корецкий, помогавший отчасти и в организации доставки «Вперед!» в Россию. Статью Кулябко-Корецкого «Плоды реформ» хвалил Ф. Энгельс.¹⁴ Печатались во «Вперед!» Г. А. Лопатин, украинский эмигрант С. А. Подолинский, способствовавший организации журнала, присылали свои корреспонденции организатор Южнороссийского союза рабочих Е. О. Заславский и будущий известный революционер и ученый, «шлительбуржец» Н. А. Морозов. Публиковались отдельные произведения Н. П. Огарева, Г. И. Успенского, возможно, М. Е. Салтыкова-Щедрина. В декабре 1873 г. за границу бежал из ссылки П. Н. Ткачев, в прошлом видный сотрудник «Русского слова» и «Дела», ставший одним из крупнейших теоретиков революционного народничества. Он начал сотрудничать во «Вперед!», но в скором времени порвал с ним из-за политических разногласий с Лавровым и отказа последнего предоставить Ткачеву и другим постоянным сотрудникам (которые, впрочем, этого и не требовали) равные с редактором права в деле руководства журналом.

«Вперед!» был гораздо более богатым по тематике и разнообразным по литературным формам изданием, чем «Народное дело», с которым его, несомненно, связывала идейная близость по ряду вопросов. В первом отделе журнала публиковались теоретико-политические статьи; второй был посвящен рассмотрению текущих событий политической и экономической жизни России и иностранных государств (здесь были постоянные рубрики: «Что делается на родине?», «Летопись рабочего движения», которые стали потом названиями основных отделов газеты, где, в свою очередь, включали в себя рубрики «Гниль старого и рост нового», «Повесть о народном горе», «Хроника борьбы» и др.). В каждом номере газеты была передовая статья. Кроме статей, в журнале и газете печатались корреспонденции, обзоры, информационные заметки, отчеты о митингах, партийных съездах и т. д., фельетоны, очерки, правительственные и иные документы. Публиковались и стихи, в том числе знаменитая «Рабочая марсельеза» («Отречемся от старого мира!») Лаврова (в газете она имела заголовок «Новая песня») и стихотворение Г. А. Мачтета «Последнее прощанье, ставшее впоследствии не менее популярной песней «Замучен тяжелой неволей...». Предвосхищая позднейшую практику революционных изданий, «Вперед!» широко публиковал материалы судебных процессов. Именно на его страницах были напечатаны речи Петра Алексеева, Софьи Бардиной и других обвиняемых по процессу 50-ти.

Хорошо налаженные связи с Россией позволяли «Вперед!» печатать содержательные обзоры и информации о внутренней жизни страны, о тяжелом положении трудящихся, освободительном движении (например, о первом политическом акте землевольцев — демонстрации у Ка-

¹⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 254.

занского собора 6 декабря 1876 г.), о первых выступлениях рабочего класса и т. д. Редакция газеты получала такое множество корреспонденций и писем из России, что вынуждена была печатать часть из них в виде хроники, а некоторые так и не успела использовать.¹⁵ Непосредственный контакт Лаврова с западноевропейским рабочим движением, с К. Марксом и Ф. Энгельсом, участие в Интернационале, широкое использование иностранной рабочей периодики давали возможность столь же обстоятельно освещать положение и борьбу рабочего класса, деятельность Интернационала и социалистических организаций в зарубежных странах. «Вперед!» давал читателю огромный фактический материал для суждения о русской и западноевропейской действительности и прежде всего — о классовой борьбе (ознакомление русских революционеров с состоянием рабочего движения на Западе отметил как заслугу последователей Лаврова Плеханов).

«Вперед!» распространялся в России рядом кружков, в первую очередь уже упоминавшимся петербургским кружком, члены которых именуются обычно «лаврристами». Эти кружки поддерживали «Вперед!» и материально. Правда, в середине 70-х годов среди революционной молодежи преобладали бакунистские, «бунтарские» настроения, сторонники которых отрицательно относились к политической линии Лаврова. Однако вплоть до 1875 г. «Вперед!» был единственным органом революционной бесцензурной печати, а появившиеся в 1875 г. органы бакунистов «Работник» и якобинцев «Набат» не могли конкурировать с ним ни богатством содержания, ни распространенностью. С «Вперед!» постоянно полемизировала реакционная пресса во главе с «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова. На него обратила внимание и западноевропейская реакция: в 1876 г. Бисмарк запретил его продажу в Германии.

Журнал и газета Лаврова пользовались авторитетом в европейских социалистических кругах. Их читали Маркс и Энгельс, которых особенно интересовал отдел «Что делается на родине?». Великие учителя пролетариата одобряли удачные выступления «Вперед!»: корреспонденцию Лопатина «Из Иркутска», статью Лаврова «Русские перед южнославянским вопросом». О последней Маркс писал: «Это не только шедевр, но прежде всего акт большого морального мужества».¹⁶ Маркс и Энгельс давали по просьбе Лаврова отзывы на его статьи, сообщали ему сведения, которые можно было использовать в газете.

Предпринимая издание «Вперед!», Лавров и его единомышленники старались избежать превращения журнала в рупор замкнутого и узкого кружка и предполагали сделать его выразителем взглядов широких революционных кругов. Однако они оговорили в своей программе, что будут публиковать только близкие им «радикально-социалистические мнения», и если и будут печатать статьи иначе мыслящих, то вместе со своими возражениями. Эти предупреждения объяснялись тем, что Лавров считался с неизбежностью столкновения с бакунистами. Свой журнал, как было сказано в его третьем выпуске, редакция предназначала тем, «кто стоит под знаменем социальной революции, и... тем, кто хочет и еще может стать под это знамя».¹⁷

В программных выступлениях «Вперед!» провозгласил своей главной целью содействие борьбе за «социальный переворот для России, для

¹⁵ См.: Н. Г. Кулябко - Корецкий. Из давних лет. Воспоминания лавриста. М., 1931, стр. 223.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 162.

¹⁷ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 74.

целого мира», за установление «справедливейшего строя общества».¹⁸ Многие статьи журнала и газеты посвящались теоретическим вопросам социализма. Лавров причислял себя к сторонникам «рабочего социализма» и к ученикам Маркса. В первом же выпуске «Вперед!» он указал на постановления международных рабочих конгрессов, т. е. Интернационала, как на программу, к которой журнал примкнул. Но подлинным последователем Маркса Лавров не стал. Не говоря уже о том, что его философские взгляды существенным образом отличались от марксистских, сама трактовка проблем социализма, как она давалась на страницах «Вперед!», содержала немало неточных, неправильных формулировок. Обращаясь же к России, Лавров, как и все народники, незаметно для себя подменял пролетарский социализм крестьянским. Заявляя, что «для русского специальная почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением»,¹⁹ он развивал это положение в духе правоверного народничества, усматривавшего в общине основной социальной, а в мирской сходке — основной политической элемент нового общественного строя. Как и другие идеологи народничества, Лавров не видел глубоких классовых различий между рабочими и крестьянами.

В качестве единственно возможного средства установления нового строя «Вперед!» последовательно выдвигал народную революцию. О том, что преобразование общества должно быть совершено «не только для народа, но и посредством народа», было сказано еще в программе журнала.²⁰ Эта мысль проходила через все выступления «Вперед!», а в последнем, 48-м, номере газеты Лавров вновь решительно подчеркнул, что «требования рабочего социализма» могут быть осуществлены лишь путем «социальной революции» и что эта революция «может быть успешна лишь в том случае, когда она будет народной революцией».²¹ Исходя из того, что революция является итогом сложного исторического процесса, «Вперед!» категорически отвергал мнение, будто она может быть вызвана искусственным путем и произведена небольшой группой революционеров. Лавров и его сотрудники считали, что революционеры могут лишь подготовить успех народной революции, «внося в народ, путем пропаганды и агитации, чувство солидарности всего рабочего класса земли русской и сознание необходимости устранить возвращение старых общественных бедствий; положив в основу постройки нового общества начала рабочего социализма».²² «Организуйтесь для крепкого, единого действия. Организуйтесь для пропаганды в народе. Организуйтесь помощью пропаганды. Организуйтесь среди народа, с народом вместе. Несите дальше и дальше великое слово, великое дело социальной революции, — призывал Лавров передовую молодежь в своей газете. — ... Когда же придет другая минута, минута настоящей борьбы, идите с народом против старого мира, не оглядываясь назад.»²³ В последнем номере «Вперед!» Лавров конкретно изложил свою идею создания «организации революционных сил», которая действует путем пропаганды и агитации, спланирует вокруг себя

¹⁸ П. Л. Лавров. Избр. соч. на социально-политические темы в 8 томах, т. II. М., 1934, стр. 22, 25.

¹⁹ Там же, стр. 30.

²⁰ Там же, стр. 31.

²¹ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 118.

²² Там же, стр. 96.

²³ П. Л. Лавров. Избр. соч. ..., т. IV, стр. 14.

«лучшие силы народа» с тем, чтобы, укрепившись, добиться превращения неизбежных народных волнений и восстаний в победоносный революционный взрыв и направить этот взрыв «к осуществлению революционным путем начал рабочего социализма».²⁴ Подобно другим народникам, Лавров представлял себе будущую революцию в России как социалистическую, не созная ее неизбежного буржуазно-демократического характера и не понимая значения политической борьбы.

Лавров настойчиво подчеркивал необходимость для революционера строгой и усиленной личной подготовки — выработки последовательного научного социалистического мировоззрения, приобретения основательных знаний и определенных черт характера.

В своих взглядах на перспективы революции и непосредственные задачи революционеров Лавров расходился как с бакунистами, так и с бланкистами группы Ткачева. На «Вперед!» и на него лично нападали и за требование подготовки революции, и за призывы к молодежи овладевать наукой. Он вступил в серьезное противоречие с бакунистами и по вопросу о государстве. Рассматривая современное буржуазное крепостническое государство как враждебную народу силу и признавая неизбежность уничтожения государства при социализме, Лавров в работе «Государственный элемент в будущем обществе» (4-й выпуск журнала «Вперед!») пришел, однако, к выводу о невозможности исчезновения «государственного элемента» после победы революции, «когда победители будут окружены внешними и внутренними врагами и сами еще будут носить в себе следы побежденного мира».²⁵ Но несмотря на отрицательное отношение к бакунистам, Лавров не понял необходимости бескомпромиссной борьбы Маркса и Энгельса против Бакунина. За это, как и за свой эклектизм, он подвергся справедливой критике Энгельса в статье 1874 г. «Эмигрантская литература» (в споре Лаврова с Ткачевым Энгельс, однако, недвусмысленно поддержал первого).

Сильной стороной «Вперед!» была не только непримиримая вражда к самодержавию и крепостничеству во всех его видах, но и война со всякого рода «легалистами», считающими возможным преобразовать общество, оставаясь на почве Российской империи, с «трусливым стадом либералов», с конституционалистами. Русская либеральная партия, писала газета «Вперед!», «вечно будет вздыхать и ворчать втихомолку; вечно будет целовать руку палачей России и никогда не решится на какую-нибудь решительную, рискованную борьбу».²⁶ В острой полемике с «добросовестными» легалистами, отвергавшими путь революционной борьбы, Лавров заявлял: «... честный, убежденный русский человек в наше время может видеть спасение русского народа лишь на пути радикальной, социальной революции; может содействовать этому спасению, лишь содействуя революционной организации, революционной агитации, революционной пропаганде».²⁷

В конце 1876 г. газета «Вперед!» прекратила существование, а последний, пятый, выпуск журнала, вышедший в 1877 г., был подготовлен новой редакцией, так как Лавров сложил с себя редакторские функции. Причиной были разногласия между Лавровым и некоторыми его последователями, действовавшими в России. Лавров считал своевременным в связи с изменившимися условиями революционного движения усилить боевой характер пропагандистских групп и «Вперед!» как их органа,

²⁴ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 118—119.

²⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч. ..., т. IV, стр. 396.

²⁶ Там же, стр. 16.

²⁷ Там же, т. III, стр. 163—164.

тогда как многие лавристы стремились устраниваться от активной: революционной борьбы, ограничиться лишь ведением пропаганды, высказывали недовольство выступлением Лаврова против антигосударственной: теории анархистов.

Журнал и газета Лаврова имеют крупные заслуги перед русским: освободительным движением. Несмотря на теоретические ошибки и слабости, они сыграли большую роль в идейном и нравственном воспитании русских революционеров накануне назревавшей революционной ситуации.²⁸ Сам Лавров в этот период сделал значительный шаг вперед по сравнению с 60-ми годами в сторону научного социализма, хотя и не смог до конца своих дней избавиться от идеалистических, субъективистских и утопических наслоений и остался эклектиком. Едва ли может быть сомнение в том, что, в частности, деятельность Лаврова во «Вперед!» имел в виду В. И. Ленин, называя его ветераном «революционной: теории».²⁹

Представителям самой многочисленной в середине 70-х годов фракции революционного движения — бунтарям-бакунистам — принадлежит инициатива создания первой газеты, рассчитанной на читателя из народа (собственно, нечто подобное пытался осуществить еще Герцен своим «Общим вечем»). Такая газета вышла в Женеве в 1875 г. под названием «Работник» (подзаголовок — «Газета для русских рабочих») и просуществовала до весны 1876 г.; было выпущено пятнадцать номеров. Газету редактировала группа эмигрантов-анархистов (Н. И. Жуковский, З. К. Ралли, В. А. Гольштейн, А. Л. Эльсниц) и прибывшие из Петербурга для участия в «Работнике» Н. А. Морозов и участник «хождения в народ», будущий народоволец Н. А. Саблин, застрелившийся 3 марта 1881 г. при налете полиции на конспиративную квартиру. «Работник» был обращен к «работающему народу русскому»; он популярно излагал бакунистскую бунтарскую доктрину и знакомил читателя с событиями в России и за рубежом. Поступление информации из России было налажено слабо. Газета использовалась нелегальными кружками и организациями (например, Южнороссийским союзом рабочих) в качестве материала для пропаганды. Г. В. Плеханов считал создание «Работника» как органа, имеющего в виду читателей из народа, «величайшей заслугой его издателей».³⁰

Еще в конце 1875 г., когда выходили «Вперед!» и «Работник», в Женеве появился новый журнал «Набат» («Орган русских революционеров», в 1881 г. — «Революционная газета»). Редактором этого журнала был Ткачев. К этому времени произошли окончательный разрыв его с Лавровым и резкая полемика между ними. На брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» Лавров ответил

²⁸ Нельзя согласиться с характеристикой направления «Вперед», данной в справочнике «Русская периодическая печать (1702—1894)» (М., 1959). Справочник не учитывает реального содержания «Вперед!», называя его органом близкого к либерализму крыла народничества, а также в других своих оценках. Трудно согласовать, например, действительные взгляды Лаврова относительно народной революции с утверждением, что во «Вперед!» он якобы «настойчиво популяризировал теорию „героев” и „толпы”, утверждая, что „критически мыслящие личности” творят историю; а народ лишь слепо следует за интеллигенцией» (стр. 554).

Непонятно, почему «положительной оценки» справочник удоставляет лишь отдел «Что делается на родине?», как будто, скажем, материалы о западноевропейском рабочем движении не заслуживают такой же оценки. В справочнике также приписывается Энгельсу тот хвалебный отзыв, который Маркс дал статье Лаврова «Русские перед южнославянским вопросом».

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 462.

³⁰ Г. В. Плеханов. Избр. философск. произв., т. 1. М., 1956, стр. 109.

брошюрой «Русской социально-революционной молодежи». В полемике принял участие и Ф. Энгельс, который в своих статьях, объединенных в цикл «Эмигрантская литература», дал сокрушительную и остроумную критику взглядов Ткачева на общественные отношения в России и тактику русских революционеров.

Группа русско-польских эмигрантов во главе с К. Турским и К. Яницким, поддерживавшая Ткачева, первоначально издала несколько карикатур, направленных против Лаврова и бакунистов, а потом помогла Ткачеву организовать «Набат». С ноября 1875 г. по сентябрь 1881 г. «Набат» вышел двадцать раз (периодичность и объем его менялись).³¹ С 1879 г., после перенесения издания в Лондон, руководящая роль Ткачева в журнале уменьшается. В 1881 г. «Набат» редактировали К. Турский и П. Греcko, хотя имя Ткачева еще стояло на титульном листе. В 1880 г. возник план организовать выход «Набата» в Петербурге, но из-за провала переправленной туда типографии он не был осуществлен.

«Набат» был рассчитан на распространение в среде революционной интеллигенции. В Россию он почти не проникал вследствие той изоляции, в которой оказался Ткачев, выступив с пропагандой своих бланкистско-якобинских воззрений. На первых порах они встречали решительный отпор со стороны большинства революционных народников. Впрочем, сам Ткачев не придавал большого значения широкому распространению «Набата», ограничивая свою задачу тем, чтобы довести свои взгляды до сведения хотя бы небольшого числа революционеров и стимулировать среди них дискуссии. Он надеялся при этом, что революционная практика подтвердит правильность его идей.

Содержание «Набата» соответствовало исходным установкам его редактора. Журнал был посвящен изложению и разъяснению ткачевской политической платформы (прежде всего в статьях самого Ткачева «Итоги», «Наши иллюзии», «Революция и государство», «Народ и революция», «Возможна ли социальная революция в России в настоящее время?» и др.) и публикации материалов о ходе освободительного движения и фактах правительственного произвола в России (раздел «Россия» с рубриками «Корреспонденции», «Нам пишут», «Правда ли?»), о классовой борьбе за границей (раздел «Иностранное обозрение»), полемике и рецензированию общественно-политической литературы (раздел «Критико-библиографическое обозрение»). Печатались и работы по истории революционного движения с преимущественным вниманием к заговорам и тайным обществам.

«Набат» с самого начала противопоставил себя и анархистско-бунтарскому (бакунистскому), и пропагандистскому (лавристовскому) течением. Он стал органом особого направления революционной мысли, известного под именем бланкистского, якобинского или заговорщического.

Со страниц «Набата» Ткачев призывал к немедленному совершению революции. Он исходил при этом из ошибочной предпосылки (заимствованной у него потом народолюбцами), что самодержавное государство — «фикция», что оно не имеет классовых корней в России, одинаково ненавистно всем классам и социальным прослойкам и держится только страхом, которое оно вызывает. Следовательно, рассуждал Ткачев, Россия переживает период, чрезвычайно благоприятный для революционеров, которые обязаны воспользоваться слабостью и разъеди-

³¹ Обычно указывается, что «Набат» вышел 18 раз. Однако в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина числится 20 выпусков (включая два выпуска, вышедшие в 1875 г. и 1878 г. без номера).

ненностью своих врагов. «Пользуйтесь минутами, — писал он в программной статье. — Такие минуты не часты в истории. Пропустить их — значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, — быть может, навсегда. Не медлите же! *В Набат! В Набат!*»³² Спешить заставляет революционеров, по мнению Ткачева, проникновенные капитализма в русскую жизнь. Оно грозит разложением общины, которая должна стать «краеугольным камнем» будущего общественного строя. Грозит и тем, что государство, несколько модернизировав свои формы в умеренно-конституционном духе, станет выражать интересы буржуазии и обретет в ее лице могучего защитника.

Путь к свержению абсолютистского государства «Набат» усматривал не в народной революции, а в «государственном заговоре» организации революционеров, которая захватит власть в свои руки и «осуществит социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества».³³ Захват власти революционерами вызовет народный бунт, который и закрепит победу революции.

«Недовольство существующим порядком делает народ всегда готовым к революции»,³⁴ — рассуждал Ткачев. Но народ запуган, пассивен. Для того чтобы вывести его из состояния пассивности, нужно расшатать и уничтожить гнетущий его политический строй, самодержавное государство.

Ткачев отстаивал в «Набате» идею создания строго централизованной революционной организации (и пытался осуществить ее практически, создавая так называемое Общество народного освобождения).

«Набат» резко нападал на лавровскую теорию подготовки революции путем пропаганды. Он заявлял устами Ткачева, что поскольку народ всегда готов к революции, ее надо не готовить, а «делать». Пропаганда же может стать действенной только после захвата революционерами политической власти. Статьи «Набата» пестрят такими выражениями по адресу Лаврова и его последователей, как «революционеры-реакционеры», «буржуазные псевдореволюционеры» и т. д. Не менее зло критиковал Ткачев и бакунистов за отказ от политической борьбы и желание уничтожить государство. «... Ближайшая цель революции, — утверждал Ткачев, — должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства».³⁵

Выдвижение вопроса о политической борьбе и использовании революционерами государственной власти было, бесспорно, сильной стороной «Набата», и это нельзя предавать забвению. Но в журнале Ткачева в полной мере нашли выражение и многие народнические иллюзии и утопии. Хотя Ткачев был одним из первых в России публицистов, испытавших сильное влияние Маркса, он оказался беспомощным в анализе классовой структуры русского общества и классовой природы царизма. Именно беспочвенные рассуждения Ткачева на эту тему беспощадно высмеивал Энгельс. Заявляя, что русский народ «революционер по инстинкту», Ткачев повторял ошибки бакунистов, против которых он так настойчиво боролся. Как истый народник, он смотрел на общину, как на основу будущего социалистического строя. Установки Ткачева относительно тактики революционеров, явное непонимание роли народных

³² П. Н. Ткачев. Избр. соч. на социально-политические темы в 4 томах, т. 3. М., 1933, стр. 221.

³³ Там же, стр. 226.

³⁴ Там же, стр. 242.

³⁵ Там же, стр. 225.

масс в революции, упование на узкий круг заговорщиков, устанавливающих свою диктатуру, отмечены сильным влиянием бланкизма и не могли дать правильную перспективу революционному движению. Взятая в целом, платформа Ткачева, развитая в «Набате», носила на себе печать эклектизма, как и вся народническая идеология.

Подавляющее большинство революционеров-народников отвергло программу «Набата» и продолжало отрицательно относиться к ней даже тогда, когда (в период «Народной воли») часть революционеров на практике заимствовала некоторые существенные ее положения. В 1880 г. Исполнительный Комитет «Народной воли» отклонил проект соглашения с группой «Набата», предложенный Н. А. Морозовым. Со своей стороны Ткачев отрицательно отнесся к террористической борьбе, разойдясь по этому вопросу со своими товарищами по редакции, что едва не привело к выходу его из «Набата» еще в 1879 г. Когда же в 1881 г. «Набат» оказался в распоряжении Турского, и раньше одобрявшего террористические методы, журнал превратился в орган крайнего террористического направления. В своей апологии террора как единственного средства борьбы он шел дальше народовольцев, которые (по крайней мере, в теории) рассматривали террор лишь как одно из таких средств.

В начале 1878 г. часть бывших редакторов «Работника» (Жуковский, Ралли) начала в Женеве издание «социально-революционного обозрения» «Община». Кроме них, в состав редакции вошли активнейший революционер 70-х годов, чайковец и участник «хождения в народ» Д. А. Клеменц и примыкавший тогда к бакунистам будущий соратник Плеханова по группе «Освобождение труда» П. Б. Аксельрод. Сотрудничали в журнале также публицист и писатель С. М. Степняк-Кравчинский, представитель группы «южных бунтарей», организатор Чигиринского дела Я. В. Стефанович, участник кружка ишутинцев, обвинявшийся по нечаевскому делу, бакунист В. Н. Черкезов и др.; публиковались и статьи иностранных авторов. В течение 1878 г. вышло в свет девять номеров «Общины» (шестью выпусками), состоявших из статей и информационных материалов (с особым вниманием к российскому и зарубежному революционному движению). Из последних следует отметить подробный отчет о процессе 193-х с полным текстом знаменитой, имевшей огромное агитационное значение речи И. Н. Мышкина.

«Община» явилась плодом сотрудничества эмигрантов с представителями революционных кружков, действовавших в России. На ее содержании отчетливо отразился процесс переоценки старых воззрений на формы и методы революционной работы, начавшийся после неудачи «хождения в народ» и затянувшийся вплоть до начала 1878 г. «Община» явилась изданием переходного типа, знаменовавшим наступление нового, землевольческого этапа революционной мысли и практики (не случайно Клеменц и Кравчинский вскоре стали редакторами «Земли и воли», где мы находим выражения солидарности с «Общиной»). В силу этого встречающиеся порой оценки «Общины» как издания бакунистов нельзя считать точными. Они соответствуют истине лишь постольку, поскольку элементы анархически-бакунистских теорий были восприняты новыми революционно-народническими организациями и их изданиями. Но это относится не только к «Общине», но и к «Началу», «Земле и воле», «Черному переделу». Несмотря на сказанное, стать ведущим органом землевольцев «Общине» было не суждено.

Новый подъем освободительного движения, назревание революционной ситуации настоятельно диктовали необходимость создания неле-

гальных органов на территории России. Еще в 1877 г. принимаются меры к организации подпольных типографий, доставляются из-за границы типографские станки. Основанное в 1876 г. общество «Земля и воля», развернувшее через свою Русскую Вольную типографию энергичную издательскую деятельность, нуждалось в собственном периодическом органе.

Но прежде чем дело дошло до его создания, в Петербурге появилась первая подпольная газета «Начало», претендовавшая на то, чтобы стать органом всех русских революционеров. Кружок, издававший газету, возглавляли братья Л. К. и Н. К. Бух. Четыре номера «Начала» вышли в период с марта по май 1878 г. В отличие от своих предшественников, «Начало» собиралось не столько разрабатывать вопросы теории, сколько сосредоточить внимание на критике российского общественного строя и освещении текущих событий «с точки зрения принципов социализма». В период, когда существовала такая крупная по тем временам организация, как «Земля и воля», объединившая большинство самых активных революционеров, попытка создать «внефракционную» газету не имела шансов на успех. «При отсутствии определенной программы, — писал впоследствии Н. К. Бух, — понятно, газета наша не могла играть руководящей роли, иметь хотя бы незначительный круг своих последователей».³⁶ Правда, еще во второй половине июля редакция предполагала, что в августе издание газеты будет возобновлено. Ее представитель обратился к Ф. Энгельсу с письмом, в котором просил его, К. Маркса и их соратников присылать статьи, корреспонденции, информировать газету о важнейших событиях. Связь между «Началом» и западноевропейскими социалистами осуществлялась через руководителя германских социал-демократов В. Либкнехта. Однако «Начало» больше так и не вышло. Его руководители пришли к убеждению, что должный размах пропаганде может придать только влиятельная организация, и передала свою типографию землевольцам. Отсутствие каких-либо принципиальных расхождений группы «Начала» с «Землей и волей» позволило Н. К. Буху продолжать работу в землевольческой типографии. Последняя получила отныне название Петербургской Вольной типографии.

Эта типография, великолепно законспирированная, работала необычно долго для того времени: два с половиной года (осень 1877—январь 1880 г.). От землевольцев она перешла к «Народной воле». Полиции удалось напасть на ее след лишь благодаря случайности. Работники типографии оказали полиции вооруженное сопротивление. Это дало им возможность уничтожить секретные документы и сделать факт провала типографии широко известным в городе, предупредив тем самым об опасности товарищей.

В начале ноября 1878 г. в Петербурге выходит первый номер журнала «Земля и воля».³⁷ Ведущее место в бесцензурной печати занимает подпольный орган. Редакторами и основными литературными сотрудниками его становятся вернувшиеся в Россию Степняк-Кравчинский и Клеменц, находившийся в заключении и освобожденный после процесса 193-х Морозов, а также Плеханов и Тихомиров. Плеханов был одним из видных деятелей «Земли и воли», проявил себя талантливым пропаган-

³⁶ Н. К. Бух. Воспоминания. М., 1928, стр. 162.

³⁷ В научной литературе «Землю и волю» иногда называют газетой. Если исходить из формальных признаков, то многие нелегальные органы могут быть отнесены и к тому, и к другому типу издания. Но сама «Земля и воля» (в отличие от «Начала»); именовала себя журналом. То же относится и к «Народной воле».

дистом и оратором. В журнале «Земля и воля» развернулось его блестящее публицистическое дарование. Тихомиров, как и Морозов, принадлежал к числу обвиняемых по процессу 193-х, в общество землевольцев вступил в 1878 г., а в журнал пришел в 1879 г. Вскоре он стал одним из активных сотрудников и руководителей «Земли и воли», а затем — «Народной воли». (В конце 80-х годов Тихомиров, находясь в эмиграции, отрекся от прежних революционных убеждений, получил разрешение вернуться в Россию и превратился в ярого защитника самодержавия.)

Кравчинский принял непосредственное участие в организации журнала, но его сотрудничество в нем ограничилось первым номером. Ему пришлось выехать за границу, чтобы избежать ареста за убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Что касается Морозова, то разногласия его с другими членами редакции по вопросу о значении террористической борьбы привели к решению издавать в дополнение к «Земле и воле» «Листки Земли и воли». Редактируя их, он получил полную свободу действий. Клеменц был арестован в феврале 1879 г.

Существенную помощь редакции своими советами оказывал крупнейший революционер-семидесятник, один из основателей «Земли и воли» и «Народной воли», замечательный организатор, высоко ценимый В. И. Лениным, А. Д. Михайлов.

«Земля и воля» была первым в 70-е годы органом настоящей революционной организации, имевшей свой руководящий центр (который, кстати, и назначил редакторов газеты), свою программу и устав. Превосходно налаженная организационная работа общества «Земля и воля» положительно сказывалась и на функционировании журнала.

С начала ноября 1878 до середины апреля 1879 г. было выпущено пять номеров «Земли и воли». Кроме того, в период между 12 марта и 14 июня 1879 г. вышло шесть «Листков Земли и воли». Журнал, как и «Община», имел ставший традиционным подзаголовок «Социально-революционное обозрение», «Листки» — «Революционная хроника». Если «Начало» было первым опытом издания подпольного органа, то в «Земле и воле» окончательно сложился тип такого органа, которому следовали его непосредственные преемники (на что указывала еще В. Н. Фигнер).³⁸ Это относится к отбору материала, освещаемого журналом, к литературным формам, методам агитации, к самой структуре номера (многое в этом отношении дал «Земле и воле» и опыт ее зарубежных собратьев).

В передовой статье первого номера, написанной С. М. Степняком-Кравчинским, редакция объявила главной своей задачей «отвечать на запросы текущей жизни».³⁹ «Чисто научная разработка» интересующих революционеров вопросов предоставлялась заграничным изданиям. Впрочем, такое самоограничение на практике не было выдержано. В журнале печатались статьи теоретико-пропагандистского характера и материалы, сгруппированные по отделам (представленным, разумеется, не в каждом номере): «Фельетон» (публицистические статьи, очерки), «Корреспонденции», «Наши домашние дела», «Известия», «Из-за границы», «На свежую воду (мелкие известия, заметки, курьезы, слухи)», «Документы», «Объявления и извещения». В корреспонденциях и информационных сообщениях освещались и комментировались события, происходившие в разных районах страны. Особое значение имели напи-

³⁸ См.: Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика. С послесл. В. Фигнер. М., 1930, стр. 255.

³⁹ Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 69.

санные Плехановым материалы о волнениях рабочих на фабриках Петербурга. Журнал дал обстоятельный разбор государственного бюджета (первую часть статьи написал Л. К. Бух, работавший в министерстве финансов, вторую — после ареста Буха — известный легальный публицист А. А. Головачев). «Земля и воля» полемизировала (статья Клеменца) с либеральными изданиями — «Голосом» и «Вестником Европы». В хроникальных заметках значительное внимание уделялось сообщениям о репрессиях властей против революционеров. «Хроника арестов» впоследствии была продолжена «Народной волей», где получила заголовок «Хроника преследований». В журнале публиковались стихи, посвященные подвигам борцов с самодержавием (среди них — известное стихотворение Н. А. Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие», написанное под впечатлением поражения Парижской коммуны и переадресованное подсудимым процесса 50-ти). Некоторые номера «Земли и воли» открываются заключенными в траурную рамку сообщениями о гибели революционеров в тюремных казематах и в ссылке. Среди объявлений и извещений помещались выдержанные в конспиративной форме отчеты о поступивших в редакцию пожертвованиях.

«Листки Земли и воли» менее разнообразны по содержанию (редакция охарактеризовала их как дополнение к «ежемесячному изданию», предназначенное следить за «текущими событиями борьбы»). Здесь печатались небольшие по размеру редакционные статьи, а также информации о действиях революционной организации, террористических актах, политических судебных процессах, арестах, гибели осужденных. В «Листках» помещались разного рода заявления Исполнительного Комитета: опровержения провокационных выдумок, распространяемых полицией, разоблачительные заметки об агентах III отделения.

Как и другие нелегальные издания, журнал обращался в первую очередь к революционной молодежи. Успех «Земли и воли» был велик. Первый номер разошелся быстро, и спрос на него не был удовлетворен. Поэтомu второй номер вышел удвоенным тиражом, о чем редакция извещала читателей в специальном заявлении. Любопытно, что на «Землю и волю» была объявлена подписка, которая давала право на бесплатное получение всех изданий Петербургской Вольной типографии. Однако, хотя журнал и собирался принимать подписку, равно как корреспонденции и письма, только у лиц, «публике известных», эта практика в дальнейшем не закрепилась, вероятно, из конспиративных соображений. Уже в «Народной воле» среди прочих выходных данных стояло указание, что подписка на нее не принимается.

Политическое направление «Земли и воли», как оно выразилось в ее программных выступлениях (в особенности, в упоминавшейся передовице в № 1, в статье Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» в № 3 и 4 и в написанной Тихомировым передовой статье в № 5), в основном совпадало с выработанной обществом программой. В нем отразились как характерные для народничества утопии (с заметной примесью анархизма), так и новый взгляд на методы революционной борьбы. Лозунг «Земля и воля!» рассматривался как выражение заветных чаяний русского народа и «народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников».⁴⁰ Земля должна стать общим достоянием всех, кто на ней работает, государство должно быть уничтожено и заменено вольными автономными общинами. В центре внимания русских революционеров должен нахо-

⁴⁰ Там же, стр. 72.

даться аграрный вопрос, так как фабричный вопрос в России, в отличие от Западной Европы, еще не существует. Единственным средством воплощения народных чаяний является народная революция (журнал ссылался при этом на то, что лозунг народной революции был впервые выдвинут революционерами-шестидесятниками, как и девиз «Земля и воля!»). «Революция — дело народных масс, — писал Кравчинский. — Подготавливает их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений».⁴¹

Кравчинский писал о незначительности результатов работы революционеров в народе и видел выход в том, чтобы стать «народными людьми», бросить «ту иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей», заменить ее «тою, которая ему свойственна, близка и родственна...» «...Пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу».⁴² С Кравчинским переключался Тихомиров: «Мы, русские, счастливы, что в существующих народных воззрениях находим все элементы для очень сносного общественного строя, и потому вся наша задача сводится только на реализованное его, т. е. мы просто присоединяемся к вековой народной борьбе и стараемся обеспечить ей на этот раз успешный исход».⁴³

В первом же номере «Земля и воля» определила свое отношение к другим революционным фракциям. Она желала успеха и пропагандистам, и «социалистам-якобинцам», но оговаривала свои тактические разногласия с ними. (Интересно, что публицисты «Земли и воли» продолжали называть себя анархистами.) В одном из последующих номеров Клеменц иронически отозвался о «сказках» насчет социальных отношений в России, которые «рассказывал» Ткачев в полемике с Энгельсом. Собственные рекомендации для практической революционной работы, которые давал журнал, включали пропаганду в сочетании с возбуждением крестьян к протесту; агитацию на почве крестьянских интересов, связанную с бунтовской деятельностью; создание вооруженных отрядов как элемента народного восстания; поиски опоры среди всех недовольных элементов народа — раскольников, казачества и др.; обеспечение стройности и единства действий революционной организации посредством центральной связи между группами и т. д.

В своей аргументации авторы «Земли и воли» ссылались и на К. Маркса, пытаясь в его учении о закономерностях общественного развития найти подкрепление своим воззрениям на роль общины и пр. Для теоретической неразберихи, царившей в то время в голове даже такого человека, как Плеханов, характерно заявление, что «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг образуют блестящую плеяду представителей позитивного периода в развитии социализма».⁴⁴ Призывая Маркса на помощь в экономических вопросах, редакторы «Земли и воли» отмежевывались от него и от германских социал-демократов в вопросах политических, выражая солидарность с «интернационалистами-федералистами», «федералистическим Интернационалом», т. е. с последователями Бакунина.

Плеханову принадлежит почин постановки в «Земле и воле» вопроса о крупной роли «городских рабочих» в социальной революции. Он признал, что этот вопрос «самою жизнью самостоятельно» выдвигается

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 77.

⁴³ Там же, стр. 237.

⁴⁴ Там же, стр. 147.

вперед, «вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей».⁴⁵ Плеханов критиковал недооценку систематической пропагандистской и особенно организаторской работы среди рабочих, которых он считал наиболее способными к «революционизированию». Но и для него рабочие были лишь «драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота».⁴⁶

Рабочий вопрос вторгся на страницы «Земли и воли» и в знаменательном обмене мнениями между ее редакцией и «Северным союзом русских рабочих». «Земля и воля» в № 4 особой статьей (автором ее был Клеменц) приветствовала основание Союза, разбирала его программу и объявила, что журнал всегда открыт для деятелей Союза. Она высказала и ряд упреков в адрес программы. Важнейший из них заключался в том, что программа, в подражание германским социал-демократам, слишком много внимания уделяет вопросу о политической свободе и решает его «слишком категорически в утвердительном смысле».⁴⁷ В последнем, 5-м номере «Земли и воли» было опубликовано «Письмо в редакцию от рабочих Северного союза». Его авторы, разъясняя свою точку зрения и отвечая на замечания землевольцев, настаивали на важности политической свободы для решения социального вопроса. Тем самым зарождавшееся рабочее движение в своих первых документах, при их неизбежных недостатках, отказывалось от привычного анархистски-народнического предубеждения против политической борьбы.

С самого начала «Земле и воле» пришлось разъяснять смысл тех террористических актов, которые были совершены ее членами. Кравчинский, незадолго до появления журнала убивший Мезенцова, предостерегал сторонников «Земли и воли» от излишнего увлечения такого рода методами. Он подчеркивал, что они имеют ограниченную функцию: оберегать революционеров, работающих в среде народа, от предательских ударов врагов. Выражая народнические страхи перед капитализмом, Кравчинский писал, что сосредоточение сил на политической борьбе с правительством опасно, так как ускорит установление конституционного строя и выдвигание на первый план помещиков и капиталистов, в то время как революционеры еще не будут иметь корней в народе. Дело социализма от этого проиграет. Нужно установить тесную связь с народом, которая в минуту падения самодержавия придаст революционерам могучую силу и помешает новым врагам социализма укрепиться.

Однако кризис в рядах «Земли и воли», вызванный признанием значительной частью землевольцев необходимости политической борьбы и террора как ее средства, повлек за собой разногласия и внутри редакции. Если Плеханов твердо стоял на прежних позициях, то Тихомиров и в особенности Морозов заметно отклонялись от них. Сам журнал продолжал в общем выступать в духе официальной землевольческой программы. Но Морозов, получивший в свое распоряжение «Листки Земли и воли», восхвалял в них террористические методы. Так, в передовой статье № 2—3 говорилось, в частности: «Политическое убийство — это единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов. Нанося удар в самый центр правительственной организации, оно со страшной силой заставляет содрогаться всю систему... Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем... Политическое убийство — это

⁴⁵ Там же, стр. 194.

⁴⁶ Там же, стр. 196.

⁴⁷ Там же, стр. 200.

самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов... Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом».⁴⁸ Эта статья, которая вызвала крайне отрицательную реакцию среди части землевольцев, была наглядным свидетельством глубины кризиса. Выдержки из нее, как противоречащие программе «Земли и воли», зачитал на Воронежском съезде общества Плеханов.

В № 5 «Земли и воли» сообщалось, что следующий номер выйдет в конце лета 1879 г. Но летом организация раскололась на «Народную волю» и «Черный передел». Названия этих организаций стали названиями их печатных органов. К народовольцам перешла Петербургская Вольная типография.

В начале октября 1879 г. вышел в свет первый номер «социально-революционного обозрения» **«Народная воля»**.

«Народная воля» и «Листки Народной воли» (выпускавшиеся в тех случаях, когда было невозможно напечатать основное издание) выходили на протяжении семи лет: с октября 1879 по ноябрь 1886 г. Это было одно из самых долговечных нелегальных революционных изданий 70-х годов. Всего вышло двенадцать номеров «Народной воли» (десятью выпусками, так как два номера были сдвоенными), одно прибавление к журналу, семь «Листков Народной воли» и одно приложение к «Листку». Труднейшие условия нелегальной работы и, в особенности, разгром народовольческих организаций после убийства Александра II явились причиной крайней нерегулярности в издании журнала и неоднократных перемен в составе его редакции. Осенью 1879 г. вышли два первых номера «Народной воли», в январе 1880 — № 3. Провал Петербургской Вольной типографии повлек за собой вынужденный перерыв. С июня по сентябрь 1880 г. появились три «Листка Народной воли» и только в декабре — № 4 журнала, а в феврале 1881 г. — № 5. Огромные потери, понесенные к тому времени народовольцами, и невозможность продолжать работу в Петербурге заставили их перенести издание журнала в Москву. Но обозначение «С.-Петербург» сохранялось в «Народной воле» вплоть до ее прекращения. В Москве с августа 1881 до марта 1882 г. вышло три номера журнала (в том числе сдвоенный № 8-9 с прибавлением к нему) и один «Листок». В июле — октябре 1883 г. снова в Петербурге появились два «Листка» и приложение к одному из них. Следующий, 10-й, номер «Народной воли» вышел только в сентябре 1884 г. (печатался в Дерпте и Ростове-на-Дону), последний, 11-12-й — в Таганроге в декабре 1885 г. и, наконец, в ноябре 1886 г. тульской типографией был выпущен еще один «Листок».⁴⁹ На этом издание «Народной воли» прекратилось окончательно.

Что касается редакторов «Народной воли», то ими первоначально стали избранные в редакцию «Земли и воли» Воронежским съездом в июне 1879 г. Тихомиров и Морозов. В начале 1880 г. Морозов уехал за границу; основной причиной его отъезда были разногласия с руководящей группой народовольцев, отвергавшей крайнее террористическое направление, которого он придерживался. Тихомиров участвовал в редактировании всех номеров «Народной воли» до 7-го включительно. Кроме того, в разное время «Народную волю» и «Листки» редактировали старый участник народнического движения А. И. Иванчин-Писа-

⁴⁸ Там же, стр. 282, 283.

⁴⁹ Дата, обозначенная на титуле журнала, часто не совпадала с типографской датой, указываемой в конце каждого номера. Например, № 11-12 «Народной воли» открывается пометкой «октябрь 1885», а дата выпуска в свет — 2 декабря.

рев, московский народоволец В. С. Лебедев, сотрудник «Отечественных записок», будущий видный либеральный народник С. Н. Кривенко, Г. А. Лопатин и представители молодого поколения народовольцев: известный впоследствии поэт и писатель П. Ф. Якубович, будущие крупные ученые-этнографы В. Г. Богораз-Тан и Л. Я. Штернберг, участник южных народовольческих групп Б. Д. Оржих. В той или иной степени в редактировании отдельных номеров участвовали и некоторые другие лица, например А. Н. Бах, будущий биохимик, академик. В работе редакции с лета 1880 до весны 1881 г. принимал непосредственное участие Н. К. Михайловский.⁵⁰ Большая группа народовольцев обеспечивала печатание журнала в подпольных типографиях.⁵¹

Редакторы «Народной воли» были и авторами многих статей. Ведущее место среди них занимал Тихомиров, выступивший с рядом программных статей и обзоров. Михайловский напечатал в «Народной воле» «Политические письма социалиста» (якобы присланные из Швейцарии за подписью Гроньяр) и еще несколько статей (среди них — комментарий-памфлет по поводу закрытия «Отечественных записок»). Из других сотрудников «Народной воли» можно отметить видную народоволку А. П. Корбу, героя 1 марта, химика, изобретателя и журналиста: Н. И. Кибальчича, способного фельетониста Н. А. Саблина.

В № 8-9 за 1882 г. впервые было опубликовано в переводе на русский язык предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии».⁵² Как известно, Маркс и Энгельс с живейшим сочувствием следили за борьбой народовольцев с царизмом. В письме к Лаврову от 10 апреля 1882 г. Энгельс, имея в виду «Народную волю», писал от своего имени и от имени Маркса: «...мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками...».⁵³

⁵⁰ Автор книги «Народовольческая журналистика» Дм. Кузьмин приписал Михайловскому роль вдохновителя и руководителя журнала «Народная воля» и самой партии. Против этого резко возражала в послесловии к книге В. Н. Фигнер. Она утверждала, что, наоборот, геройская борьба «Народной воли» с самодержавием вдохновила Михайловского и побудила принять участие в подпольном органе. Фигнер указывала также, что Михайловский и в то время придерживался более умеренных взглядов, чем народовольцы. К убедительным, на наш взгляд, доводам Фигнер можно добавить еще, что редакция «Народной воли» дала примечания к «Политическим письмам социалиста», говорящие об отсутствии полного взаимопонимания с автором, по крайней мере в первые месяцы существования журнала. Вместе с тем помощь Михайловского подпольному революционному журналу была одним из тех действий, которые В. И. Ленин охарактеризовал как его великую историческую заслугу (см.: Полн. собр. соч., т. 24, стр. 333).

⁵¹ Все эти факты общезвестны. Отсюда ясно, насколько неточны указания Б. И. Есина в работе «Русская журналистика 70—80-х годов XIX века» (Изд. МГУ, 1963), повторенные в учебнике «История русской журналистики XVIII—XIX веков» (М., 1963), что редакторами «Народной воли» были Л. А. Тихомиров и Н. А. Морозов, что она «печаталась в нелегальной типографии, организованной Н. Кибальчичем» (стр. 91) и что после 1 марта 1881 г. «фактически прекращается ее издание, хотя еще один номер „Народной воли“ был выпущен в 1885 году» (стр. 93). Н. И. Кибальчич в действительности участвовал в работе лишь одной (к тому же временной) из нескольких типографий «Народной воли». В справочнике «Русская периодическая печать (1702—1894)» утверждается, что с 1881 г. редактором «Народной воли» был Г. А. Лопатин. На самом деле Лопатин редактировал только № 10 (1884 г.). Другие редакторы (кроме Тихомирова и Морозова) в справочнике не упомянуты.

⁵² С просьбой написать предисловие обратился к Марксу и Энгельсу Лавров по настоянию Плеханова, сделавшего перевод «Манифеста». У редакции «Народной воли» был контакт с Плехановым и Лавровым. Но выступить в журнале со своими статьями: они так и не успели.

⁵³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. М., 1951, стр. 260.

«Народная воля» представляет собой высшее достижение подпольной печати и весьма значительное явление во всей русской журналистике 70-х годов. Ни одно бесцензурное издание той эпохи не имело такого широкого резонанса, такого высокого тиража (от 2 до 3 тыс. экземпляров; этот тираж вполне окупал все типографские расходы). Первопричиной популярности журнала являлись огромный интерес и сочувствие передовых людей России и Западной Европы к героической схватке народовольцев с самодержавием. Но и сам по себе журнал отличался, в особенности в первые годы его существования, непреклонным, боевым духом, остротой, живостью и высоким литературным уровнем своих выступлений, разнообразием содержания и жанровых форм. К этому можно добавить, что ни один из бесцензурных органов 70-х годов (кроме, может быть, «Земли и воли») не имел столь блестящего состава редакторов и публицистов. Не случайно такой компетентный исследователь, как В. И. Невский, назвал «Народную волю» «лучшим в то время в России политическим журналом».⁵⁴

«Народная воля» печатала публицистические статьи, очерки, корреспонденции из разных городов, обозрения внутренней жизни, обзоры печати, фельетоны, драматические отрывки, стихи, информации и хронику (в частности, насыщенную огромным фактическим материалом «Хронику преследований»), речи революционеров в суде, письма приговоренных, биографические очерки и т. д., революционные прокламации (от имени Исполнительного Комитета «Народной воли» и других организаций), революционные и правительственные документы. Журнал открывался сообщениями о гибели революционеров, печатал извещения о шпионах и другие заявления Исполнительного Комитета, отчеты о поступлении денежных пожертвований.

«Народная воля» как бы впитала в себя весь предшествующий опыт бесцензурной журналистики, прежде всего — «Земли и воли». Страницы этого боевого журнала доносят до настоящего времени накал отчаянной и самоотверженной борьбы с царизмом. «Народная воля» оплачена кровью лучших борцов за освобождение народа. Более двадцати ее сотрудников и организаторов погибли на эшафоте либо в царских тюрьмах.⁵⁵

Журнал решительно провозгласил основное положение народовольческой программы, которое являлось ее преимуществом по сравнению с доктринами предшественников: переход к политической борьбе за свержение самодержавия. В № 3 журнала была опубликована программа Исполнительного Комитета, ставившая ближайшей задачей народовольцев как «социалистов и народников» — «снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу».⁵⁶ Обоснованию первоочередности именно этой задачи были посвящены многие опубликованные в журнале материалы. Квинтэссенцией народовольческих взглядов явилась написанная Тихомировым передовая статья в № 1, начинавшаяся и заканчивавшаяся знаменитым призывом Катона Старшего «*Delenda est Carthago!*» («Карфаген должен быть разрушен!»). Под Карфагеном подразумевалось самодержавное государство, на борьбу с которым надлежало направить все силы. Тихомиров писал, что вопрос о государственных отношениях — один из важнейших практических вопросов современности, провозглашал необходимость разрыва с «анархическими

⁵⁴ А. И. Иванчин-Писарев. Хождение в народ. М., 1929, стр. 7.

⁵⁵ См.: Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, стр. 159—160.

⁵⁶ Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 50.

тенденциями». Правительственный произвол, невиданный до тех пор размах репрессий против революционного движения крайне затрудняют пропагандистскую, агитаторскую, «даже чисто бунтовскую» деятельность в народе, превращают ее в наполнение «бездонных бочек Данаид». «Возьмем ли мы на себя, — спрашивал Тихомиров, — инициативу противоправительственного похода и политического переворота — или будем по-старому игнорировать политическую деятельность, тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед?»⁵⁷ И отвечал, что наступило время отказаться от ходячих предрассудков по отношению к политической борьбе, «к которой нас неудержимо приводят все условия русской жизни»,⁵⁸ и приняться за систематическое, настойчивое и постоянное разрушение государственной машины.

Эта задача представлялась «Народной воле» тем более осуществимой, что ее публицисты исходили из высказанного еще Ткачевым убеждения, будто русское правительство — «не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а самостоятельная, для самой себя существующая организация»,⁵⁹ будто «оно не опирается ни на чьи интересы в стране, оно живет само для себя и потому не имеет поддержки ни в чем, кроме грубой силы, дисциплины и пассивного повиновения в своих собственных рядах, да еще, пожалуй, в политической невыработанности своих противников».⁶⁰ Представление о «надклассовом» характере самодержавного государства порождало надежды на сравнительную легкость его свержения. С другой стороны, «Народная воля» обосновывала свою тактику и тем, что в России якобы буржуазия, как и другие классы, была создана самодержавием, и хотя пока она еще представляет собой толпу хищников, но, став при поддержке правительства на ноги, подчинит себе одряхлевшее государство. В этом случае совершить революцию в пользу народа будет несравненно труднее. Значит, надо спешить: «Теперь или никогда — вот наша дилемма».⁶¹ В этом же духе писал в своих «Политических письмах социалиста» Михайловский, призывая народовольцев бить «по обеим головам кровавой птицы», т. е. по государственному и «приватному» хищничеству.⁶²

Взгляд на характер русского государства сближал публицистов «Народной воли» с Ткачевым. Но их разделяло отрицательное отношение большинства народовольцев к якобинским теориям захвата власти и декретирования сверху, без участия народа, политических и социальных преобразований. В статье А. Дорошенко (Н. И. Кибальчича) «Политическая революция и экономический вопрос» «Народная воля» отмежевывалась от «Набата», воспринимая, однако, от него признание значения форм политической власти. (Впрочем, в московский период «Народной воли», когда журнал редактировался В. С. Лебедевым при помощи М. Н. Ошаниной, в № 8-9 прозвучали якобинские формулировки.)

«Народная воля» рисовала в передовой статье № 2 такую картину будущего: совершив политический переворот, революционеры созовут учредительное собрание; оно и установит новый общественный строй, в котором будут использованы такие традиционные принципы, как

⁵⁷ Там же, стр. 4.

⁵⁸ Там же, стр. 5.

⁵⁹ Там же, стр. 3.

⁶⁰ Там же, стр. 4.

⁶¹ Там же, стр. 26.

⁶² Там же, стр. 29.

общинное управление и т. д. Утопизм народовольческих взглядов на условия классовой борьбы в России проявился в уверенности, что выборы в учредительное собрание дадут большинство «народу» (крестьянам), а значит — социалистам.

«Народной воле» приходилось полемизировать со сторонниками прежней землевольческой тактики. Так, в статье Кибальчича критиковались воззрения «Черного передела». Интересно, что Кибальчич упрекал противников «Народной воли» в непонимании взглядов Маркса на политическую борьбу и ссыался при этом на известное положение из «Гражданской войны во Франции» о Парижской коммуне как об открытой, наконец, политической форме, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Нельзя сказать, чтобы в выступлениях «Народной воли» списывалось со счета народное восстание. Если в очерке Иванчина-Писарева «Из деревни» и доказывалась невозможность работы в народе, то в ряде других материалов тщательно фиксировались проявления недовольства среди крестьян и рабочих, отмечались действительные или мнимые симптомы оппозиционных настроений народных масс и т. д. А в передовой статье Тихомирова в № 4 журнала следующим образом ставился вопрос о «желательной роли народных масс в революции»: «...всякая инсurreкция наибольшие результаты дает тогда, когда она является только прелюдией к народной революции или ее эпизодом; говоря другими словами, — если инсurreкция только дает толчок народной революции». И далее: «...главная созидательная сила революции в народе... дело созидания тем прочнее, чем более участвуют в нем массы. Переходя к делу борьбы и разрушения, мы также утверждаем, что оно без участия народа очень химерично».⁶³ Поэтому в статье, как и в некоторых партийных документах (например, «Подготовительная работа партии»), говорилось о воздействии на массы, установлении связи с ними (особенно в местах, имеющих первостепенное значение для победы восстания), о роли городского рабочего населения. Конечно, между этими высказываниями и рассуждениями о почти полной невозможности деятельности в народе было известное противоречие. Но противоречия были вообще свойственны народовольчеству, как и народничеству в целом.⁶⁴ Так или иначе, и в теории «Народная воля» отводила главное место узкой заговорщической организации интеллигентов, а на практике террористическая борьба отвлекала и истощала все силы партии, почти не оставляя места пропагандистской работе.

Известно, что народовольцы стремились привлечь к борьбе с самодержавием всех недовольных. В «Народной воле» нередко призывы ко всем оппозиционным элементам активно поддерживать революционеров, указания на необходимость притока новых сил, которые должны восполнить потери, упреки «обществу» и «молодежи», что они остаются праздными, уповают лишь на «всемогущий» Исполнительный Комитет, оказывают недостаточную поддержку Исполнительному Комитету и его

⁶³ Там же, стр. 93.

⁶⁴ Совершенно прав Ш. М. Левин, отмечая наличие среди народовольцев различных тенденций, а также то обстоятельство, что «эти течения были недостаточно отмежеваны одно от другого, часто одни и те же лица одновременно склонялись к различным, более или менее противоречивым тенденциям или переходили в зависимости от обстановки борьбы от одной к другой» (Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, стр. 496). В журнале «Народная воля» тоже проявлялись противоречивые тенденции, особенно выпукло в период, когда народовольчество гибло под ударами царского правительства.

изданиям. «Народная воля» никак не хотела осознать, что сама логика террористической борьбы ведет к изоляции революционеров от широких общественных сил, порождает их пассивность. Журнал бичевал трусость, уступчивость, приспособленчество либералов: «Вся деятельность этих жалких трусов ограничивается тем, что при случае, обняком, они рабски просят конституции, обаяясь и на свободе попрежнему пресмыкаться». ⁶⁵ В гневной полемике с либеральной и консервативной печатью «Народная воля» уделяла внимание как борьбе против враждебной народу политики этих врагов революции, так и разоблачению клеветнических измышлений в адрес революционеров. Говоря о правительственном терроре, о яростной волне преследований, обрушившихся на противников самодержавия, «Народная воля» дала должную оценку и «диктатуре сердца» М. Т. Лорис-Меликова.

Не все периоды в деятельности журнала имели одинаковое значение. Он разделил судьбу самой народовольческой организации. Период обострения революционного кризиса, подъема террористической деятельности, явной растерянности правительства был самым плодотворным и для журнала. Поражение революционеров, торжество реакции отразились не только на сроках и условиях выхода «Народной воли», но и на ее содержании. Хотя в передовой статье «Листка Народной воли» от 22 июля 1881 г. и говорилось, что 1 марта доказало правильность и целесообразность избранного народовольцами пути, что результаты царубийства «далеко превосходили самые смелые... ожидания», ⁶⁶ что организация революционной борьбы крепнет, готовясь к решительному удару по врагу, — все это были не более как иллюзии и благие пожелания. Журнал начинает утрачивать бодрый, оптимистический тон, отличавший его в первые месяцы существования. На последних номерах «Народной воли» лежит явственный отпечаток обреченности и трагизма. Уверения в № 8-9 (передовая статья, написанная В. С. Лебедевым), что «теперь наша непосредственная задача — организация заговора с целью ниспровержения существующего государственного строя», ⁶⁷ отнюдь не соответствовали действительным возможностям народовольцев. В № 10 редакция признает, что партия вынуждена перейти от наступления к обороне и «напрягать все свои силы уже для сохранения хотя бы только собственных позиций». ⁶⁸ Автор, Тихомиров, ищет объяснения этому в субъективных обстоятельствах (измена, частные ошибки) и призывает к новому энергичному наступлению и развертыванию работы в народе («... мы идем не только *за народ*, но и *с народом*»). ⁶⁹ А в последнем, 11-12-м, номере, снова возвращаясь к объяснению неудач «Народной воли», редакция говорит уже не о наступлении, а об «усиленной работе для возобновления революционной борьбы». ⁷⁰ Журналу пришлось констатировать распространение в русском обществе настроений уныния, маловерия, мистицизма. «Листок Народной воли» (1886) пишет о современном положении России, об экономических трудностях, о проявлениях народного недовольства, но ни словом не упоминает о конкретных задачах революционной партии. Ему приходится ограничиться лишь общими уверениями, что, как бы ни была долга и ужасна борьба, революционеры доведут ее до кон-

⁶⁵ Литература партии «Народная воля», стр. 158.

⁶⁶ Там же, стр. 122.

⁶⁷ Там же, стр. 158, 159.

⁶⁸ Там же, стр. 213.

⁶⁹ Там же, стр. 218.

⁷⁰ Там же, стр. 245.

ца: «... будем разить врага в самое чувствительное место или погибнем все до последнего человека, или затянем бой до бесконечности, или добьемся победы...»⁷¹ Этих «или» достаточно, чтобы поражение народо-вольцев стало ясно читателю (кстати, этот «Листок» открывался списком погибших, содержавшим 32 имени!).

В течение года — с декабря 1880 по декабрь 1881 г. — народо-вольцы издавали одну из первых в России (наряду с чернопередельским «Зерном») газет для рабочих. Собственно, такую газету под названием «Рабочая заря» пытался создать еще в начале 1880 г. «Северный союз русских рабочих», но едва был подготовлен № 1, как типография была захвачена полицией. Народо-вольческая «Рабочая газета» была задумана как ежемесячное издание, но фактически вышли три номера и два приложения к ним. Во главе ее стоял замечательный революционер 70-х годов, один из вождей «Народной воли» А. И. Желябов,⁷² помогал ему студент И. П. Каковский. Номер 3 редактировал член Исполнительного Комитета «Народной воли» П. А. Теллалов. Газета ставила задачей «выяснить народу, кто друг его, кто враг, выяснить, как свергнуть его и при каких порядках народ будет счастлив и свободен».⁷³ В написанной Желябовым передовой статье излагались в популярной форме социально-политические требования революционных народников. Особо подчеркивалась ответственность царя за народные бедствия (вопрос о борьбе с царистскими иллюзиями ставился и на страницах «Народной воли»). Говорилось о борьбе революционеров против «утеснителей народных», о том, что народ тоже выйдет на борьбу. Кроме передовых статей, в «Рабочей газете» печатались корреспонденции и рассказы о положении рабочих и крестьян.

Издания группы «Черный передел» имели меньшее значение и пользовались меньшим влиянием, чем народо-вольческие. В 1880 г. вышли два, в 1881 г. — три номера журнала «Черный передел», имевшего подзаголовок «Орган социалистов-федералистов. Земля и воля!». Подготовка к печатанию первого номера велась в Петербурге, но вследствие провала типографии № 1 и 2 были изданы за границей, остальные — в Минске (вышедшие в России номера издавались с пометкой: «С.-Петербург, типография общества „Земля и воля“»). В редакцию вошли прежние землевольцы Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч. Фактически в полном составе эта редакция не работала. В разное время в редактировании журнала участвовали землеволец О. В. Аптекман, имевший большой опыт революционной работы, и молодые члены «Черного передела» во главе с бывшим моряком А. П. Булановым. Оказывала помощь редакции В. И. Засулич. В журнале печатались и другие публицисты, в том числе Лавров.

Несмотря на наличие одаренных редакторов и сотрудников, «Черный передел» не был таким ярким изданием, как «Народная воля». На его содержании и судьбе сказались и ряд внешних обстоятельств (вынужденная эмиграция одних сотрудников, арест других), и то, что большинство революционно-демократической интеллигенции предпочи-

⁷¹ Там же, стр. 275.

⁷² Вызывает возражение утверждение Б. П. Веревкина, что Желябов вел пропагандистскую работу в массах и создал рабочую газету «в противоречии с народо-вольческими программными и тактическими установками» (Б. П. Веревкин. Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века, стр. 123). Программные документы «Народной воли» предусматривали пропагандистскую и агитационную работу. Другое дело, что на практике террор отвлекал лучшие кадры и мешал этой работе.

⁷³ Литература партии «Народная воля», стр. 285.

тало платформу «Народной воли», и, наконец, идейная эволюция самих основателей «Черного передела», которая привела к распаду этой организации уже к началу 1882 г. «Черный передел» имел характер теоретико-политического обозрения, был беднее, чем «Народная воля», информационными и агитационными материалами.

В первых номерах журнал провозгласил верность старому землевольческому направлению, старался обосновать его и подверг критике взгляды и тактику народовольцев. Анархистские тенденции «Черного передела» вызвали отрицательное отношение к нему со стороны К. Маркса. Но на своей первоначальной позиции журнал не удержался. Под влиянием обстановки, сложившейся в стране, в последних номерах «Черного передела» проскальзывали нотки, сближавшие его с народовольцами (признание эффективности террористической борьбы). С другой стороны, в выступлениях Плеханова, уехавшего за границу и с увлечением изучавшего рабочее движение и теорию научного социализма, стали намечаться признаки отхода от излюбленных народнических предрассудков (передовая статья в № 2, «Заявление прежних издателей „Черного передела“» и письмо в редакцию — в № 3).

В шести номерах «рабочего листка» «Зерно», издававшегося чернопредельцами в одно время с журналом, рассказывалось о рабочей жизни, популярно разъяснялись народнические взгляды.

Обе народнические газеты для рабочих пользовались определенным успехом. Они явились предшественниками рабочей печати.

Последним крупным изданием революционного народничества 70—80-х годов был журнал «Вестник Народной воли», пять номеров которого вышли в Женеве в 1883—1886 гг. В организации журнала приняли участие П. Л. Лавров, С. М. Кравчинский и эмигрировавшие за границу члены Исполнительного Комитета «Народной воли» Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина (виднейшая представительница «якобинского» течения в народовольчестве). Редакторами стали Лавров и Тихомиров. Предполагалось участие в редактировании «Вестника Народной воли» Плеханова, ставшего к тому времени на марксистские позиции. Плеханов и его единомышленники рассчитывали превратить «Вестник Народной воли» в социал-демократический журнал и написали для него ряд статей. Для первого номера Плехановым была подготовлена его знаменитая работа «Социализм и политическая борьба». Но идейные расхождения между редакторами-народовольцами и Плехановым оказались более глубокими, чем можно было ожидать. «Социализм и политическая борьба» не была напечатана в журнале, переговоры о вступлении плехановской группы в «Народную волю» успехом не увенчались. Плеханов вышел из редакции (в журнале появилась лишь его рецензия на книгу Н. Я. Аристова «Афанасий Прокопьевич Шапов»).

В «Вестнике Народной воли» были опубликованы некоторые интересные теоретико-политические статьи, воспоминания, документы и материалы о революционном движении в России. Лавров поместил сочувственные отклики на ряд изданных в то время работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Впервые было напечатано письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» (1877). Но в целом журнал, созданный в период кризиса революционно-народнической идеологии и вступивший в полемику с русскими марксистами, уже был не в состоянии играть ведущую роль в революционной журналистике. Приближалось время, когда эта роль перешла к марксистской, пролетарской печати.

„Вестник Европы“

В декабре 1907 г. А. М. Горький в письме из Рима сообщал А. В. Луначарскому о том, что на него крайне удручающее впечатление производят либерально-буржуазные российские журналы. Подчас они пытаются претендовать на некую «прогрессивность», «демократичность» направления, но в действительности лишь «в благородном деле ликвидации революции все состязаются с усердием изумляющим». И среди них особенно выделяется «Вестник Европы». «„Вестник Европы“, — писал Горький, — в одной книжке помещает три удара по социализму — роман Лугового, в котором удивительно ново и остроумно автор заставляет своих героев — революционеры из „хорошего дома“ — сознаться, что русского социализма — нет, а есть немецкий, для русских негодный... некий экстракт польского романа — ужасная гадость! И все — бесталанно! А в заключение — знаменитый авантюрист Тверской пытается реабилитировать К. П. Победоносцева — это факт!»¹

В письме дана резкая, беспристрастная характеристика журнала, который на сорок первом году издания утратил былой интеллигентский либерально-буржуазный «демократизм», став к этому времени антидемократическим, сомкнувшись с реакционной российской периодикой. Как это все произошло? Каков был путь «Вестника Европы», приведший его к окончательному литературному упадку, политическому оскудению, идейному банкротству?

Пореформенная эпоха — пора временных уступок царского правительства, незначительных цензурных послаблений — вызвала к жизни ряд буржуазных изданий. «Временные правила о печати» 1865 г. дали возможность интеллигентским кругам России издавать новые собственные газеты и журналы. Одним из таких изданий и являлся «Вестник Европы», начавший выходить в Петербурге в 1866 г. Предпринимая выпуск «специально-ученого журнала историко-политических наук», названного «Вестником Европы» в память Н. М. Карамзина, столетний юбилей которого совпадал с годом выхода нового издания, его редактор и издатель, отставной профессор истории С.-Петербургского университета М. М. Стасюлевич, уже в обращении в Главное управление по делам печати с особой тщательностью подчеркивал свое «покорнейшее» отношение к самодержавию, его важнейшим «правительственным основаниям».²

В первом номере журнала была помещена «Программа» издания: «Отдел первый. Критические исследования важнейших вопросов, биографии, историческая беллетристика. Отдел второй. Анализы лучших новейших исторических произведений и вновь издаваемых памятников.

¹ М. Горький о печати. М., 1962, стр. 44.

² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 166, ч. I, л. 1.

Отдел третий. Общий обзор хода ученой исторической литературы и деятельности ученых исторических обществ и академий. Отдел четвертый. Педагогическая литература и преподавание исторической науки. Отдел пятый. Историческая хроника».

Издатель и редактор «Вестника Европы» Стасюлевич был типичным представителем либерально-буржуазной интеллигенции той поры. Выходец из бедной дворянской семьи, он благодаря исключительному трудолюбию и несомненным способностям вошел в профессорскую среду, стал на какое-то время одним из учителей царского наследника, добился высокого звания действительного статского советника и в то же время обнаруживал явное тяготение к буржуазно-реформаторской деятельности. Неудивительно, что та программа сугубо «ученого», «исторического» журнала, которая была изложена Стасюлевичем в кн. I в 1866 г., вскоре была им изменена и дополнена. Уже 1 июня 1867 г. Стасюлевич подает в Главное управление по делам печати новое прошение, в котором просит разрешить ему компенсировать «недостаточность программы» другими вопросами, не перечисленными в прежнем проспекте, а также увеличить периодичность издания.

С 1868 г. «Вестник Европы» начинает выходить ежемесячно (а не один раз в три месяца, как было вначале). Материалы располагаются в нем в таком порядке: первый отдел — беллетристика, а также статьи и очерки научного характера; второй — сообщения и обзоры на темы внутренней и зарубежной жизни, политические статьи, комментарии к русским и иностранным событиям; заканчивается каждая книжка журнала библиографическим листком.

Либерально-буржуазное направление журнала (особенно начиная с 70-х годов) проявляется как в подборе художественных произведений, так и в публикации исследований по историческим вопросам, публицистических выступлений. В 1910 г. В. И. Ленин в одном из писем к А. М. Горькому дал такую характеристику этому изданию: «Есть направление у „Вестника Европы“ — плохое, жидкое, бездарное, но направление, служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из „приличных“ (желающих быть приличными, вернее) либералов».³ Это направление журнал сохранял на протяжении всей своей более чем полувековой истории.

«Вестник Европы», признававший манифест 1861 г. «величайшим историческим актом», стоял за продолжение политики реформ, видя в этом залог «расцвета и благосостояния страны» и одно из средств «успокоения умов». Объединив вокруг себя сторонников конституционного строя, журнал организовал стойкую оппозицию так называемому «попятному движению» — от реформы к крепостному праву, что дало возможность в свое время Стасюлевичу, «этому поистине среднему человеку» в политическом смысле, как писал о нем М. Е. Салтыков-Щедрин, прослыть «чуть ли не за Робеспьера».⁴

В то же время журнал с самого начала открыто проявлял свою враждебность к революционным настроениям и революционным методам борьбы. Это можно проследить на таком факте. В № 5 журнала за 1884 г. был опубликован очерк В. Н. Назарьева «История одной волости». Данная в нем оценка крестьянских волнений, порожденных реформой, раскрывает воззрения либерально-буржуазных кругов на этот вопрос.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 3—4.

⁴ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. в 20 томах, т. 19. М., ГИХЛ, 1939, стр. 255.

Очерк рассказывает читателю значительно больше того, что считал нужным показать его автор. Публицист воспроизводит в нем деревню после опубликования царского манифеста. За идиллической картиной «всеобщего довольства» и «братской любви» угадывается лицо другой деревни — обманутой, забитой, обворованной. Все крестьяне от «воли» ждали «чего-то другого», и потому настроение у них после прочтения им манифеста подавленное. Но это было, спешит уверить читателя Назарьев, лишь «минутное недоумение», которое «сменилось всеобщим ликованием». Очерк заканчивается описанием возвращения в село высеченных крестьян, которые якобы «проклинают» зачинщиков бунта, прощают своего управляющего, так весело «подшутившего» над ними. «Похождения умных людей долгое время забавляли обитателей Никольской волости, всегда вызывая общий единодушный смех. Показывался со смеху... Франц Антонович... ему дружно вторили помещики... батюшки и матушки, мужики и бабы, а в скором времени к ним присоединились и сами потерпевшие» (1884, V, стр. 25). Вновь наступила, уверяет читателей либеральный автор «Вестника Европы», полная «гармония» в отношениях между крестьянами и помещиками.

Отрицательно относясь к революционным методам борьбы, «Вестник Европы» в то же время выступал за такие реформы, которые превратили бы Россию в конституционно-монархическое государство. Журнал поддерживал преобразования в области просвещения, науки, культуры, искусства. Много места публицисты «Вестника Европы» уделяли земской реформе, положению малых народностей России. Они критиковали, оперируя частными примерами, отдельные несообразности русского законодательства, приводили некоторые факты административного произвола. Но в тот период даже эти половинчатые, часто завуалированные потоком общих рассуждений, исторических экскурсов выводы и обобщения давали повод для репрессий царского правительства, нападок со стороны консервативной и реакционной прессы.

Острейшей темой журналистики того времени был вопрос о путях развития России. Пойдет ли Россия по капиталистическому пути развития, на который западноевропейские страны уже вступили, или предпочтет свой собственный путь социально-экономического развития, в корне отличающийся от западноевропейского? Разумеется, журнал «Вестник Европы», игравший довольно большую роль в общественной мысли той поры, не остался в стороне от обсуждения этой насущной проблемы.

Редакция, основные сотрудники журнала, выступая оппозиционно по отношению к некоторым мероприятиям царского правительства в сферах законодательства, финансов, административного управления, просвещения, отстаивали, правда, весьма осторожно, идею «европеизации» России, «обуржуазивания» страны. В одном из документов министерства внутренних дел за 1878 г. о журнале говорилось следующее: «„Вестник Европы“, имеющий многочисленных читателей, преимущественно высшего и образованного класса общества, является одним из весьма влиятельных органов нашей периодической печати. Большинство серьезных статей „Вестника Европы“ пишется людьми талантливыми и специально изучившими свой предмет, почему мнения, выражаемые ими, не могут проходить бесследно для общества. Как в этих серьезных статьях, так равно и в беллетристике и в прочих отделах издания взгляды редакции проводятся весьма осторожно. Тем не менее взгляды эти совершенно ясны для постоянных читателей. „Вестник Европы“ при всяком удобном случае стремится выставить неудовлетворительность

существующего устройства России и преимущества представительного образа правления. Большая часть законодательных и правительственных распоряжений, особенно по министерству народного просвещения, находят в нем весьма строгую и в большинстве случаев небеспристрастную оценку. Подкладкою всему, что пишется в этом журнале, служит... благоговение перед всем западноевропейским...»⁵

Особенно яркими выразителями этой тенденции в «Вестнике Европы» были К. А. Арсеньев, который вел отделы «Внутреннее обозрение» и «Общественная хроника», ведущие публицисты и критики К. Д. Кавелин, В. Д. Спасович, А. Ф. Кони, Е. И. Утин, Л. П. Гроссман, Ю. Г. Жуковский, А. Н. Пыпин, В. С. и С. М. Соловьевы. Статьи и обзоры этих постоянных авторов журнала вызывали наибольшее раздражение царской цензуры, которую пугало их осторожное, но явное «благоговение» перед буржуазным Западом. Например, почти все значительные статьи Е. И. Утина («Франция и французы после войны», «Болгария во время войны», «Англия в книге Тэна» и др.), в которых сравнивались политическая жизнь и государственное устройство России и стран Западной Европы, а также встречались положительные оценки фактов «европеизации», «обуржуазивания» русского экономического уклада и быта, неизменно получали замечания и предупреждения цензоров.

Журнал постоянно проводил мысль о том, что успешное развитие России, ее экономический и политический прогресс лежат «не в отчуждении от других народов». Напротив, будущее страны зависит от того, насколько последовательно пойдет она по пути западноевропейских государств. Поэтому «Вестник Европы» поддерживал лишь те реформы царского правительства, которые так или иначе способствовали этому.

Главным объектом критики журнала было «несовершенство русской гражданской и законодательной жизни». Однако при этом руководители «Вестника Европы» не переставали говорить о «длительности этих процессов», «о благоразумной осторожности» при проведении реформ, стремясь к всяческому сглаживанию классовых противоречий. Именно этим объясняется их отношение к рабочему вопросу. В отличие от некоторых махрово-реакционных, либерально-народнических или славянофильских изданий, в «Вестнике Европы», особенно начиная с 70-х годов, сравнительно часто появляются статьи и обзоры, очерки и рассказы на темы рабочей жизни, и авторы этих произведений решительно возражают тем, кто не хочет замечать появления в России рабочего класса. Во многих публикациях журнала жизнь «рабочих людей» рисуется в мрачных тонах. Безудержная эксплуатация, крайне низкая заработная плата, плохие бытовые условия «обезземеленных рабочих» — таковы главные вопросы, которые становятся предметом художественного изображения и публицистического обсуждения авторов «Вестника Европы».

Вот, например, как описывалась жизнь рабочих в «Очерке из жизни фабричного села» Ф. Д. Нефедова — «Святки в селе Данилове»: «Все мало-мальски взрослое население с самого раннего утра уходит на фабрики и возвращается только поздним вечером. Одна заря, как говорит пословица, выгонит из избы, а другая — загонит. Собаки даже не бегают по улицам, потому что бедность прилепленных к хоромам хат такова, что там самим часто бывает на зубы нечего положить, не то что завести собаку и накормить ее...» (1871, III, стр. 59). Всю округу застилает черный дым фабрик. Кругом — ничего живого. Гнетущая тиши-

⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 166, ч. II, л. 46.

на по будням. Пьяный угар по праздникам. Зато в хоромах владельцев фабрик — скопление «прижитого» богатства.

Рисуя тяжелое положение «работных людей», указывая на случаи произвола со стороны хозяев, либерально-буржуазный журнал тем не менее не делал из этого никаких сколько-нибудь серьезных общественных выводов. Тенденция «сглаживания острых углов», уход от решения жгучих вопросов жизни и здесь дает себя знать. Выход из всех социальных бед, средство улучшения жизни и условий труда рабочих авторы журнала видели лишь в организации школ, в повышении «образованности пролетариев».

Борьба «Вестника Европы» за продолжение политики реформ, начатой манифестом 1861 г., сочувствие к обездоленным и угнетенным, явная оппозиционность по отношению к «крутым мерам», проводимым царским правительством, привлекали к нему внимание прогрессивных ученых, писателей, деятелей искусства. Вокруг журнала, особенно в первый период его издания, группировались выдающиеся представители интеллигенции. Наряду с русскими литераторами, искусствоведами, историками, естествоиспытателями, врачами, педагогами на страницах «Вестника Европы» часто выступали и зарубежные деятели науки и искусства.

Уже по первоначальному замыслу основателей журнала (М. М. Стасюлевича и Н. И. Костомарова) большое место в нем отводилось исследованиям, очеркам, беллетристическим произведениям на темы и сюжеты из отечественной и зарубежной истории. Сам Стасюлевич занимался историей средних веков. Еще будучи профессором университета, он читал специальные курсы (например, не отличавшийся самостоятельной разработкой материала курс «О провинциальном быте Франции в эпоху Людовика XIV»), а также лекции по историографии и источниковедению. Чтение лекций, как отмечал Д. И. Писарев, сводилось главным образом к пересказу источников.⁶ Так, считавшаяся Стасюлевичем «блестящей» лекция о Маколее была не чем иным, как изложением соответствующей главы из книги Тэна «Исторические и критические опыты».⁷ Более удачной во многих отношениях оказалась его хрестоматия «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых». Со статьями, заметками, посвященными истории средних веков, он выступал и на страницах «Вестника Европы». Известные историки и критики, например Н. И. Костомаров, М. П. Погодин, А. Д. Галахов, К. К. Арсеньев, А. Н. Пыпин, С. М. Соловьев, Д. Л. Мордовцев, А. Ф. Кони, Н. С. Тихонравов и пр., также многие годы активно сотрудничали в журнале. В их статьях освещалась русская история с древнейших времен или исследовались отдельные ее периоды: царствование Ивана Грозного, эпоха Петра I, правление Екатерины II, деятельность Сперанского, события 1812 г., декабристское движение и т. д. Не обходил журнал и такие события, как восстания под руководством Степана Разина, Емельяна Пугачева. Но все это, разумеется, освещалось с тех же (как и в зарубежной историографии) либеральных и академических позиций. Именно произведения этого рода имел в виду один из цензоров, когда в 1902 г. на запрос начальства о направлении журнала указывал на важнейшую черту его — «спокойный академически-докторальный и зачастую скучный тон». «С этой точки зрения, — добавлял царский цензор, — именно „тон” ста-

⁶ См.: Д. И. Писарев. Соц., т. 2. М., Гослитиздат, 1955, стр. 145.

⁷ Там же, стр. 146.

тей, помимо содержания, спасал иногда журнал от неизбежных крушений».⁸

Значительно большей живостью отличался беллетристический отдел. В разные периоды в журнале сотрудничали такие писатели, как А. Н. Островский («Василиса Мелентьева», «Снегурочка», «Дикарка»), И. А. Гончаров («Обрыв», «Мильон терзаний»), И. С. Тургенев («Бригадир», «Странная история», «Вешние воды», «Новь»), М. Е. Салтыков-Щедрин («Пестрые письма», «Мелочи жизни», «Пошехонская старина»), А. К. Толстой, Н. В. Успенский, А. И. Эртель, А. А. Фет, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, В. Е. Якушкин и др. Благодаря стараниям И. С. Тургенева, находившегося в последние годы большей частью за границей, к сотрудничеству в журнале были привлечены зарубежные беллетристы, в том числе выдающийся французский писатель Э. Золя. Он публиковал в «Вестнике Европы» не только художественные произведения, но и публицистические письма-обозрения, которые широко знакомили русского читателя с различными сторонами французской действительности. Особенно обстоятельно публицист-обозреватель описывал все сколько-нибудь значительные события культурной и политической жизни столицы Франции.

К числу заметных явлений общественной и культурной жизни России конца XIX столетия принадлежат напечатанные в «Вестнике Европы» литературные мемуары И. И. Панаева, П. В. Анненкова, Ф. И. Буслаева, И. А. Гончарова, С. В. Ковалевской, исследования литературоведов А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского, Ф. И. Буслаева, М. И. Семевского, искусствоведа и музыкального критика В. В. Стасова и др. К ним следует отнести и статьи на естественнонаучные темы И. И. Мечникова, И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева. Подобные выступления журнала свидетельствовали о высоком уровне развития отечественной науки, общественной мысли. Возможность печататься в издании, выходящем многотысячным тиражом, позволяла крупнейшим русским ученым-естествоиспытателям широко пропагандировать материалистические взгляды на человека и природу.

Со страниц «Вестника Европы» долгие годы звучало страстное слово Стасова в защиту реалистического искусства, против проявлений натурализма, формализма, декадентства. Статьи о Мусоргском, Крамском, Иванове и других являлись в полном смысле слова практическими и теоретическими наставлениями для многих русских музыкантов, художников, скульпторов. Стасов активно выступал против влияния на русское искусство тех зарубежных критиков, которые в тот период воспевали, например, в скульптуре лишь «отвлеченную классическую красоту» или «немое изящество оголенного тела». В своих статьях он подчеркивал, что в России развитие искусства скульптуры свидетельствует о победе реалистической школы. В статье «Наша скульптура за последние 25 лет» Стасов писал: «Двадцать лет тому назад, в начале 60-х годов, нам всем приходилось не раз сильно восхищаться мелкими бронзовыми группами и статуэтками — сначала Либери́ха, а потом — Шохина, Лансере и Обера. Но теперь, со времени появления у нас Антокольского и настоящей скульптуры, эти маленькие создания отошли на свое настоящее место... В них содержание было всегда слишком ничтожно, и всевозможные скачущие черкесы, стремянные, доезжачие со сворами собак, мужики и баре на охоте, сани и возы, запорожцы, „прощание казака с

⁸ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, едл. хр. 116, ч. II, лл. 42—43.

милой”, косяки лошадей, киргизы с соколами, собаки, обнюхивающие друг дружку, — все это прекрасно, но этого теперь стало уже мало» (1883, II, стр. 706). Руки русских скульпторов, с гордостью отмечал Стасов, вдохнули в глину саму жизнь — полнокровную, самобытную, богатую радостями и печальями, любовью и ненавистью людей, стоящих подчас на совершенно, различных социальных ступенях общества.

Уже с начала 70-х годов «Вестник Европы» прочно удерживает свое особое место среди читателей русских журналов. Его постоянными подписчиками становятся представители чиновничьей и профессорской среды, занимающие порой высокое положение в административно-управленческой иерархии России. Иногда к выступлениям журнала проявляют интерес даже члены царской фамилии. Например, в январе 1880 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу из Парижа: «Кстати, угадайте, кто на днях говорил со мною о „Вестнике Европы” и его направлении в самых лестных выражениях?.. Великий князь Николай Николаевич, с которым я... охотился у Гюнцбурга на фазанов».⁹

Впрочем, даже подобные лестные отзывы не мешали реакционным журналам и газетам грубо нападать на Стасюлевича и его издание. «Московские ведомости» и «Русский вестник» М. Н. Каткова не упускали ни одного повода или случая, дававшего возможность так или иначе выступить с нападками на «Вестник Европы». Катков, возглавлявший всю реакционную журналистику, был прозван за это Тургеневым по аналогии с римским папой «московским папой».¹⁰ «Московские ведомости» и «Русский вестник» подвергали журнал Стасюлевича «разносной» критике не только за некоторую его оппозиционность по отношению к правительству, склонность к реформаторству, но даже за память о русских и зарубежных писателях, в творчестве которых нашло выражение свободолобие. Катковские издания грубо обрушились, например, на статьи Анненкова о Пушкине, помещенные в «Вестнике Европы» в 1874 г. Ненависть, проявленная как к журналу Стасюлевича, так и к умершему поэту, была столь кощунственна, несправедлива, желчна, что она вызвала бурную волну протестов со стороны всей прогрессивной периодики. Эти издания, напротив, высоко расценивали труды Анненкова о Пушкине. Они считали, что автор статей удостоился «самой лестной награды, какая только возможна для порядочного человека в наше печальное время, именно: быть обруганным в „Московских ведомостях” и „Русском вестнике”». Так писал 13 июня 1874 г. в газете «Голос» поэт и критик Плещеев, выражая общее мнение прогрессивной прессы.

К середине 70-х годов тираж «Вестника Европы» достигает внушительной по тем временам цифры — 8 тыс. экземпляров. Однако, начиная с 80-х годов, авторитет издания Стасюлевича в русском обществе постепенно падает. Показателен в этом отношении такой эпизод из истории печати. В апреле 1884 г. по распоряжению царских властей было прекращено издание демократического журнала «Отечественные записки». Салтыков-Щедрин предложил редакции «Русской мысли» и некоторым другим журналам «принять на себя удовлетворение подписчиков». Как свидетельствуют документы, «из 7 т. подписчиков „Отечественных записок” „Русскую мысль” пожелали получать 4 1/2 т., „Наблю-

⁹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 3. Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912, стр. 177.

¹⁰ Там же, стр. 21.

датель” потребовали 1300 подписчиков, „Вестник Европы” — 100, „Дело” — 50. Остальные, около 1000, были удовлетворены деньгами». ¹¹

Падение читательского интереса к «Вестнику Европы» объяснялось тем, что он все более и более терял свое прогрессивное общественное «лицо», становился журналом «узкоцеховых» чиновничье-интеллигентских кругов. Начиная со второй половины 80-х годов Стасюлевич (он редактировал журнал до 1908 г.) и его ближайший помощники стремились как можно реже вступать в открытую полемику с другими изданиями, в отделе беллетристики публиковали главным образом переводные иностранные романы, а в статьях публицистов предпочитали не давать таких выводов и обобщений, которые хотя бы в какой-то мере задевали «самолюбие» царского правительства. В письме к А. М. Жемчужникову, посланном в 1891 г., — в ответ на его просьбу напечатать в «Вестнике Европы» стихотворение «Умные политики» — Стасюлевич так объясняет свои позиции: «Вы пишете: „Они пришли, как ночью тать, судьбами мира завладели и нашу жизнь вернули вспять...” Настоящих виновников винить нельзя, без опасения самому попасть на скамью подсудимых. А в таком случае потомство простит нам наше молчание». ¹²

Действительно, после закрытия «Отечественных записок» запреты и предостережения цензуры особенно участились. Согласно «высочайшему повелению от 5 января 1884 года», из библиотек и читален были изъяты произведения Н. Ф. Бажина, Н. А. Добролюбова, К. Маркса, М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева, Н. Г. Помяловского, Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, А. Смита, Г. Спенсера, И. М. Сеченова, В. В. Берви-Флеровского, Н. Г. Чернышевского и многих других. А «высочайшим повелением от 5-го июля 1884 года» запрещалось в библиотеках и читальнях выдавать на руки журналы «Современник», «Русское слово», «Знание», «Дело», «Устой». Не спас умеренный тон и журнал «Вестник Европы». Стасюлевич был дважды предупрежден министром внутренних дел о «нежелательности некоторых выступлений»: в 1889 и 1899 гг. (до этого журнал имел два предостережения цензуры, полученные в 1871 и 1873 гг.).

В эти годы все чаще на страницах «Вестника Европы» начинают появляться статьи и произведения антиматериалистического и антиреалистического направления. Большое место отводится выступлениям воинствующего философа-идеалиста Вл. С. Соловьева, стихам первых русских декадентов З. Н. Гиппиус, Н. М. Минского и др. Все это делается, правда, под лозунгом мнимой беспартийности, «объективности» по отношению к любым литературным группам и течениям, существующим за рубежом и в России. Однако редакции «Вестника Европы» на самом деле были далеко не безразличны идеи, проводимые теми или иными писателями, поэтами, критиками. Классовая позиция журнала всегда сказывалась в отборе и критической оценке произведений.

В конце 1902 г. известный большевистский публицист и критик В. В. Воровский в статье «О М. Горьком» дал весьма характерную оценку «Вестника Европы» конца 90 — начала 900-х годов. «Тяжела подчас бывает, — говорил он с иронией об этом журнале, — доля руководителей „солидного” органа, рассчитанного на читателей из „порядочного” общества. Жизнь вращается по своим собственным законам, не всегда согласным с формулой „солидных” органов, и поворачивается к читателям их нередко такой стороной, что „солидные” органы только

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 361, ч. I, л. 74.

¹² М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 5, стр. 351.

руками разводят от недоумения... Волей-неволей приходится допускать на страницах органа обсуждение таких вопросов, о которых и думать бы не хотелось... В такое тяжелое положение был недавно поставлен самый „солидный” из наших журналов — „Вестник Европы”.¹³ Оказывается, объективный, «беспартийный» журнал, как показывает В. В. Ворковский, ни строчкой вплоть до 1901 г. не отозвался на произведения М. Горького, хотя о них к этому времени «писали все». «Только один орган, пользующийся известным авторитетом, упорно молчал до сих пор о новом явлении: это был „Вестник Европы”».¹⁴

Либерально-буржуазных читателей журнала прежде всего не устраивало то, что пролетарский писатель сделал главными героями своих произведений «людей из низов», что он показал, сколь губителен для талантливых представителей народа тот строй, при котором они вынуждены работать, создавать материальные и духовные ценности не для себя, а для других. Для высокопоставленных чиновников, либеральных интеллигентов герои горьковских произведений продолжали оставаться людьми «второго сорта», «разным сбродом», который, как писал Ворковский, никоим образом нельзя пустить «в приличный, корректный салон „Вестника Европы”».¹⁵

«Охранителями устоев порядка», верными прислужниками царизма и буржуазии все более и более становились основные сотрудники «Вестника Европы». Поэтому не удивительно, что журнал враждебно отнесся к марксизму и к русской социал-демократии. Только статью И. И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса», опубликованную еще в 1872 г. (кн. V), можно считать, как указывал В. И. Ленин, дающей объективное «описание диалектического метода».¹⁶ Что же касается выступлений Л. З. Слонимского, Ю. Г. Жуковского, то в них идеи марксизма грубо искажались, излагались в резко враждебном тоне. В 1877 г. «Вестник Европы» принял активное участие в полемике с «Отечественными записками» по поводу первого тома «Капитала» К. Маркса. Со статьей «Карл Маркс и его книга о капитале» выступил Ю. Г. Жуковский (1877, IX). В ней Жуковский критиковал основные выводы К. Маркса (о прибавочной стоимости, об антагонистических противоречиях между рабочими и капиталистами, причем всячески стремился обелить последних). Враждебную позицию занимал журнал и по отношению к русским марксистам.

В период революции 1905—1907 гг. «Вестник Европы» приветствовал царский манифест 17 октября, провозгласивший некоторые «свободы». Редакция журнала считала эту вынужденную меру царского правительства «замечательным историческим актом», приближающим Россию к конституционной монархии. С этого времени журнал стал открыто следовать политической программе октябристов и кадетов.

После победы буржуазно-демократической революции 1917 г. «Вестник Европы» наряду с остальными буржуазными изданиями ревностно поддерживал Временное правительство. Журнал оправдывал корниловщину и выступления других врагов рабочего класса и крестьянства, вел активную борьбу с партией большевиков. За контрреволюционную деятельность «Вестник Европы» в 1918 г. был закрыт Советским правительством. Так бесславно закончилось существование виднейшего в свое время в России либерально-буржуазного органа.

¹³ В. В. Ворковский. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 49.

¹⁴ Там же, стр. 50.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

„Русская мысль“

23 декабря 1878 г. в Главное управление по делам печати поступило прошение о разрешении выпускать в Москве новое повременное издание без предварительной цензуры под названием «Русская мысль».¹ В прошении было указано, что редакцию издания принимает на себя коллежский секретарь С. А. Юрьев; проситель — В. М. Лавров, известный хлеботорговец — претендовал на роль издателя «Русской мысли». Эти лица не вызывали сомнений в политической благонадежности, и 5 марта 1879 г. Лаврову было объявлено о разрешении издавать «Русскую мысль». Первая книга нового журнала вышла в свет в январе 1880 г.

Юрьев был известен в кругах русского общества как публицист, переводчик, редактор журнала «Беседа» — органа славянофилов. Славянофильская направленность отчетливо отразилась и в программе «Русской мысли», составленной Юрьевым. Журнал делился на шесть самостоятельных отделов: «Изящная словесность» (беллетристика), «Науки и искусства», «Русская жизнь», «Славянские народы», «Земство», «Библиография», «Внутреннее и политическое обозрение». Наличие такого постоянного отдела, как «Славянские народы», частая публикация материалов под рубрикой «Иноплеменные народы», пристальный интерес к общине, защита православия говорили сами за себя. О намерениях редактора превратить «Русскую мысль» в орган, близкий славянофильским кругам, свидетельствовал и подбор статей, помещенных в первых книжках журнала: статья О. Ф. Миллера «Основы учения первоначальных славянофилов», работа Н. Ф. Щербины «Русская земельная община» и др. Вокруг «Русской мысли» группировались бывшие журналисты «Беседы» во главе с А. И. Кошелевым, а также московский профессорский кружок, в который входили такие ученые, как И. И. Ивановуков, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, О. Ф. Миллер, В. И. Семевский и др.

Однако направление журнала, не успев оформиться, вскоре меняется, уступая место либерально-буржуазным тенденциям, все ошутимее проникающим на страницы издания. Пропаганда славянофильских идей, проповедь смиренномудрия народа, покорности властям, преданности церкви, резкое противопоставление «крестьянского мира» русскому обществу, интеллигенции не вызвала, да и не могла вызвать сочувствия в период революционной ситуации в России. Не удовлетворяла подписчиков и постановка дела в редакции: отсутствие талантливой беллетристики, актуальных публицистических статей, новых форм изложения материала. Как правило, журнал заполнялся тяжеловесными

¹ ЦГИА СССР. Дело об издании в г. Москве журн. «Русская мысль», ф. 776, оп. 6, ед. хр. 361, ч. 1, л. 1.

трактатами на темы исторического прошлого. Так, на протяжении нескольких номеров публиковалась монография Костомарова о казачьих песнях, объемное сочинение Ключевского «Боярская дума» и т. д. В результате журнал «находили скучным, переставали читать, над ним глумились».² Следующий подписной год не вызвал притока читателей — тираж не превышает 1500 экземпляров, в то время как перерасход на издание «Русской мысли» составил свыше 60 тыс. рублей. Все это вынудило Лаврова уже в начале 1881 г. значительно перестроить журнал, изменить состав редакции. В феврале он обращается в Главное управление по делам печати с просьбой утвердить его (наряду с Юревым) редактором «Русской мысли», а в качестве своего помощника, доверенного лица предлагает кандидатуру бывшего губернского секретаря Н. Н. Бахметьева. Место ответственного секретаря редакции занимает проф. В. А. Гольцев.

Новое руководство способствовало притоку свежих сил в журнал. В «Русской мысли» начинают публиковать свои произведения писатели и публицисты, не имеющие ничего общего со славянофилами. В отделе художественной литературы, значительно обновленном, помещает свои рассказы Г. И. Успенский. К участию в журнале был приглашен другой сотрудник «Отечественных записок», правоверный народник Н. Н. Златовратский. В «Русской мысли» стал печататься беллетрист П. Д. Боборыкин, придерживавшийся отчетливой западнической ориентации, и др. Редакция обратила серьезное внимание на публикацию материалов по общественно-политическим и экономическим вопросам. Видное место отводилось земской тематике. В «Русскую мысль» были приглашены либеральные публицисты А. А. Головачев, В. Ю. Скалон, барон Н. А. Корф и др. Ведение внутреннего обозрения редакция поручила журналисту С. А. Приклонскому, выступившему с интересными статьями в газете «Земство». Статьи С. А. Приклонского во внутреннем обозрении, В. С. Пругавина о расколе, И. И. Сазонова об артелях, Н. А. Корфа о земских делах, И. И. Дитятина по русской истории XVIII столетия вызывали живой интерес читателя, способствовали успеху журнала и из славянофильского органа все более превращали «Русскую мысль» в журнал либерально-народнического направления.

С 1882 г. меняется и структура издания. Редакция отказывается от первоначального деления на многочисленные отделы и приходит к общепринятому построению «толстых» журналов. Из двух отделов первый включал беллетристику и статьи научно-исторического характера, второй — публицистический — «Внутреннее обозрение», «Политические заметки», «Земство», а позднее и такие подотделы, как «Современное искусство», «Смесь» и «Библиография». С начала 1886 г. в отделе публицистики на протяжении пяти лет обозрение русской жизни («Очерки русской жизни») вел замечательный публицист, революционный демократ Н. В. Шелгунов, чья деятельность, по утверждению современников, явилась «главной притягательной силой журнала».³ Со статьями на экономические, философские и другие темы выступали, помимо названных выше лиц, В. А. Гольцев, а затем и публицисты-народники С. Н. Южак, И. И. Иванюков, С. Н. Кривенко и др.

Цензура не преминула отметить изменения в характере публикуемых произведений. Так, уже в марте 1881 г. в Главное управление по делам печати последовало донесение из московского цензурного ко-

² Записка редакции журнала «Русская мысль» от 6 февраля 1885 г. — ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 361, ч. I, л. 246.

³ «Памяти Виктора Александровича Гольцева». Сб. М., 1910, стр. 61.

митета по поводу статьи Дитятина «Верховная власть в России 18 столетия». «Рассуждения автора, — говорилось в донесении, — касаются, по-видимому, эпохи, сделавшейся уже достоянием истории, но и не слишком внимательное чтение статьи ясно указывает, что автор не из сторонников неограниченной самодержавной власти; последние же две страницы вполне убеждают читателя в том, что заветная идея автора есть идея о представителем образе правления для России... Те же идеи о признании свободы личности, о законности и об ограничении власти повторяются и во „Внутреннем обозрении“ апрельской книжки „Русской мысли“...»⁴ После публикации журналом романа И. И. Забелло «Подсечное хозяйство» (сентябрь 1881 г.), герои которого шли сражаться за республиканскую Францию против юнкерской Пруссии, работы Головачева «Наш экономический недуг», отразившей неприглядную картину экономического состояния России, ряда статей в отделе «Внутреннее обозрение» цензура сделала еще более далеко идущие выводы об облике «Русской мысли». Обозревая сентябрьскую книжку журнала за 1881 г., цензор Леонтьев писал, что вся она «наполнена отрывочными выходками оппозиционного духа, доходящими местами до дерзости, и самая группировка статей разных отделов такова, что дозы злонамеренности рассыпаны там и сям...»⁵ Этот оппозиционный, или, как говорил Леонтьев, «легально-революционный», дух журнала дал основание цензуре определить направление «Русской мысли» как «либерально-социалистическое» или «мирно-революционное». «Мне... кажется, — писал Леонтьев в Главное управление, требуя усилить надзор за журналом, — что я был неправ, назвавши этот орган *легально* или *мирно-революционным*; он мирен только потому, что сами редакторы не желают лично стать „безумцами, двигающими человечество“, но явно, что расплодить таких двигателей они не прочь».⁶

Столь резкая критика «Русской мысли» цензурой вызвана во многом наступлением реакции. Направление журнала не было и не могло быть революционным хотя бы потому, что во главе его стояли В. М. Лавров, Н. Н. Бахметьев, М. Н. Ремезов и В. А. Гольцев.

Особенно большую роль играл в журнале Гольцев. Его влияние заметно усилилось после отхода Юрьева от редакторской работы, а с 1885 г. Гольцев становится одним из официальных руководителей «Русской мысли». Гольцев пришел в редакцию человеком сложившихся воззрений. Типичный либерал по своим убеждениям, сторонник умеренной программы, он еще в 1875 г. отчетливо заявил о своей политической платформе и о своем отношении к революционным идеям в открытом письме к редактору журнала «Вперед» П. Л. Лаврову. Письмо это, за подписью «Русский конституционалист», — своего рода программный документ, определивший последующую общественно-политическую деятельность Гольцева. Он враждебен самой идее революционного преобразования социального строя России. Гольцев резко выступает против всяких попыток призвать народ к революции, для него это значит «поднять народ для резни», «толкнуть народ к кровавой расправе». Будущему социалистическому строю он противопоставляет конституционный, а революционным действиям — прочную организацию общественного и народного мнения. Характерно, что основные положения письма Гольцева были взяты впоследствии на вооружение партией кадетов, а сам он после 1905 г. стал одним из активных ее членов.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 776, 1881 г., оп. 6, ед. хр. 361, ч. I, лл. 40—41.

⁵ Там же, л. 55.

⁶ Там же, л. 60.

«Русская мысль» должна была, по замыслу Гольцева, явиться проводником в массы конституционных идей, организатором того самого общественного, «народного» мнения, которое заставило бы самодержавие пойти на уступки. Уже в первой книжке «Русской мысли» Гольцев, излагая в программной статье внутреннего обозрения позицию журналиста-земельной общины, выступая «за ее постепенное превращение в свободный союз» на основе общинного землевладения, Гольцев добавлял: «... выдвигая артельное начало, наше издание выше всего поставит частный личный труд» (1880, № 1, стр. 88).

Гольцев пропагандирует конституционные идеи и в последующих номерах журнала. Он не перестает быть их ревностным защитником в период, когда реакция, перейдя в наступление, объявила борьбу этим, как назвал их позднее Николай II, «бессмысленным мечтаниям». Позиция Гольцева дала возможность прослыть ему среди либерально-буржуазных кругов чуть ли не рыцарем конституционных начал, вступившим в опасный поединок с самодержавием, и в свою очередь вызвала недоверие властей. В Гольцеве видели человека неблагонадежного, расшатывающего своей деятельностью устои монархии. Была еще одна причина, заставлявшая правительство относить буржуазного публициста к «крайним радикалам», подвергать его арестам и обыскам, — политика заигрывания с революционными кругами. Убеденный противник революционных методов борьбы, Гольцев, однако, считал возможным, опираясь на поддержку революционеров, добиваться ограничения царизма. Как свидетельствуют документы департамента полиции⁷ и страницы журнала, он не уклонялся от знакомств и сближений с политическими эмигрантами и «преступными элементами», находящимися под надзором властей. В 80-е годы на страницах «Русской мысли» печатались произведения возвратившегося из сибирской ссылки Н. Г. Чернышевского, работы Г. В. Плеханова, очерк П. Ф. Якубовича «Дорога», присланный конспиративным путем из Акатуйской каторжной тюрьмы, статьи революционеров-эмигрантов. Позицию Гольцева разделяло официальное ядро «Русской мысли». Свое отчетливое выражение эта позиция нашла в освещении журналом коренных вопросов русской жизни, и прежде всего важнейшего из них — крестьянского.

Крестьянский вопрос находится в центре внимания «Русской мысли». О положении русского хлебопашца, о крестьянских наделах, о малоземелье и даже настроениях русского мужика рассказывалось в статьях на экономические темы, в очерках, исследованиях о прошлом и настоящем России, публикуемых в отделе «Русская жизнь», в материалах, помещаемых под рубрикой «Внутреннее обозрение». Журнал делает попытку осветить историю крестьянского вопроса в статьях В. О. Ключевского «Подушная подать и отмена холопства в России», В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в царствование императора Николая» и материалах, связанных с историей отмены крепостного права в России.

Читателя «Русской мысли» подкупал не только пристальный интерес журнала к такому актуальному вопросу современности, но и весьма

⁷ См.: Записка директора департамента полиции к начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову от 8 января 1884 г. — ЦГИА СССР, ф. 776, 1884 г., оп. 6, ед. хр. 361, ч. I, л. 240; Докладный рапорт полиции в Главное управление по делам печати от 10 июля 1903 г. — Там же, ч. II, л. 73; Редакция и сотрудники «Русской мысли». Докладная записка московского обер-полицмейстера Козлова П. Н. Дурново от 21 февраля 1886 г. — «Былое», 1917, № 4 (26) стр. 100.

смелое освещение картин крестьянской жизни. В журнале регулярно публиковались земско-статистические исследования. Публицисты «Русской мысли» охотно использовали факты из других периодических изданий для доказательства того, что крестьянину живется из рук вон плохо, что крестьянские наделы малы, а доходы его ничтожны, что, несмотря «на все великое значение реформы 19 февраля», именно она положила начало обезземеливанию крестьян. «Вопрос о недостаточности крестьянских наделов — не новый в печати, — писал цензор по поводу „Внутреннего обозрения“ декабрьской книжки „Русской мысли“ за 1881 г., — но в настоящей статье, не лишенной агитационного характера, внимание обращают на себя, во-первых, тон ее, а затем ряд указаний на эксплуатацию и обман крестьян, на бедственное положение крестьянина и на полнейшее бесправие народа; все это вместе производит снова гнетущее и крайне безотрадное впечатление на читателя».⁸

Касаясь экономики крестьянского хозяйства, «Русская мысль» не шла дальше констатации того, что уже было известно. Вместо серьезного изучения причин, породивших малоземелье, журнал предпочитал утверждать, что существует «гнетущая вообще нужда», что «зло грозит слишком важными последствиями», но что этого могло бы и не быть, если бы правительство пошло на законодательные уступки: увеличило наделы, способствовало бы неотчуждаемости земельной собственности за долги, понизило налоги, облегчило более широкий поземельный кредит через крестьянский банк и т. д. В требованиях журнала отчетливо вырисовывалась либерально-народническая программа. Показательна в этом плане статья Южакова «Нормы народного землевладения» (1885, № 9), получившая широкую огласку в 80-е годы. В ней Южаков излагает свою точку зрения на то, каких размеров должно быть «народное» землевладение, которое, с одной стороны, обеспечивало бы «бедное» существование крестьянина, а с другой — исключило бы капитализм и эксплуатацию. Не к коренному изменению современных порядков призывает один из виднейших публицистов «Русской мысли», а лишь к смягчению этих порядков, не к устранению эксплуатации, а лишь к частичному избавлению от нее, а в данном случае он мирится с двойной эксплуатацией: со стороны помещика — «по наделу», со стороны капиталиста — по «заработкам»; не к борьбе за свои права зовет Южаков крестьянство, а к примирению за счет возможных уступок со стороны самодержавной власти.

Большие надежды в деле устройства и обеспечения быта сельского населения «Русская мысль» возлагала на поземельную общину. Либерально-народническая группировка «Русской мысли» видела в общине «незаменимое» средство против разорения русского крестьянства, против перехода его в ряды пролетариев. Обстоятельная статья И. И. Иванюкова «Общинное землевладение», опубликованная в январе 1885 г., рекомендовалась читателю как серьезное исследование, заслуживающее самого пристального изучения. Рассматривая общину как одну из древнейших форм «народного» землевладения, исключающего эксплуатацию и самую возможность развития в сельском хозяйстве капитализма, Иванюков вместе с тем выступал за проведение «необходимых преобразований», ограждающих деревню от разорения и проникновения в нее капиталистических начал. В предлагаемых им мерах по укреплению общины (увеличение наделов, уменьшение податей и т. д.) вырисовывалась все та же широковещательная программа либерального на-

⁸ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 361, л. 110—111 (докладная от 28 ноября 1881 г.).

родника. Примечательно, что статья Иванюкова получила восторженный отзыв К. Д. Кавелина, этого, по меткому выражению Герцена, генерала из либералов. «С чувством искреннейшего удовольствия и глубокого удовлетворения, — писал Кавелин в отзыве, помещенном редакцией вместо предисловия к работе Иванюкова, — прочитал я доставленную мне вами в рукописи статью об общественном землевладении. Ваши мысли о его значении в настоящем и вероятном развитии в будущем вполне совпадают с моими давнишними, задушевными убеждениями» (1885, № 1, стр. 1—2). Если иметь в виду, что Кавелин был яростным противником революционных методов борьбы, а с общиной, преобразованной «руками государей», связывал избавление России от социальных потрясений, то позиция журнала становится еще более отчетливой.

В тесной связи с крестьянским вопросом «Русская мысль» ставила вопрос об интеллигенции. «Неустанною тяжелою работой русского мужика, — писал Гольцев, — создано великое государство, стянуты под единою верховною властью сотни тысяч квадратных миль. Пора государству поработать на мужика. А для этого власти необходимо опереться на здоровые силы русской интеллигенции» (1881, № 1, стр. 88). Придерживаясь той точки зрения, что реорганизация существующего строя возможна, с одной стороны, через законодательную деятельность правительства, а с другой — путем установления «подлинно человеческих отношений», распространения знаний среди народа, журнал выступил защитником идеи сближения интеллигенции и народа. Из номера в номер он внушал читателю мысль о единстве главных интересов либеральной интеллигенции и народа. Так, во внутреннем обозрении «По поводу закона 14 августа» Приклонский стремился доказать, что для крестьянина завоевание политических свобод имеет такое же, если не большее, значение, как и для интеллигенции. В самом деле, рассуждает Приклонский, мужик страдает от произвола администрации сильнее интеллигенции, больше, чем интеллигентный человек, нуждается и в ограждении свободы совести. Следовательно, делает вывод автор, «союз [между либеральной интеллигенцией и народом] представляется делом вполне естественным и возможным» (1881, № 9, стр. 163). «Единство» интересов позволит интеллигенции воздействовать на народ в верном направлении, устранив со временем то непонимание, которое еще существует между ними. Помочь этому должны земство, земские школы, представительные учреждения, основанные на широком самоуправлении населения.

Мнение журнала настораживало правительственные круги. Боясь воздействия революционно настроенной интеллигенции на народ, страшась движения масс, они не могли простить редакции «Русской мысли» выдвигания самой идеи сближения интеллигенции и народа. В позиции журнала самодержавные власти усматривали определенную фронду, стремление либеральной части общества добиться любым путем необходимых ему уступок. На это не раз указывал цензурный комитет в своих донесениях вышестоящему начальству. «Во втором отделе „Внутреннего обозрения“... — писал царский цензор, — мы встречаем тот же [оппозиционный] дух. Смысл его тот, что у настоящей интеллигенции и у народа интерес один — получить больше прав по отношению к правительству...» И дальше: «...для интеллигенции остается один исход — добиваться признания своих прав путем сближения с народною массой».⁹ Цензура не ошибалась: журнал был не прочь припугнуть само-

⁹ Записка цензора Леонтьева от 25 августа 1881 г. — ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 361, ч. I, л. 58—59.

державие возможностью совместной борьбы интеллигенции и народа в случае, если оно не прислушается к голосу «преданных людей» и не пойдет на уступки. Примером может служить обзорение «По поводу закона 14-го августа». Но это была лишь игра. Революционного народа, растущего недовольства масс либеральная буржуазия, интересы которой защищал журнал, боялась не меньше, чем само правительство. «Русская мысль» выражала надежды либеральной буржуазии сговориться с царизмом за спиной народа относительно расширения прав развивающегося капитализма.

Свое подлинное лицо «Русская мысль» обретает с середины 80-х годов, с приходом Гольцева к руководству журналом. Однако в определении характера «Русской мысли», ее литературно-художественного облика, росте популярности среди читателей немаловажную роль сыграло такое событие, как закрытие по распоряжению правительства (от 21 апреля 1884 г.) революционно-демократического журнала «Отечественные записки». Именно благодаря этому вокруг «Русской мысли» объединились лучшие литературные силы, а число подписчиков более чем утроилось. Но это же событие отчетливо выявило политическую сущность ее руководителей.

После ликвидации издания М. Е. Салтыков-Щедрин обратился в редакцию «Русской мысли» с просьбой удовлетворить подписчиков «Отечественных записок». Он не заблуждался относительно программных установок «Русской мысли», однако безвыходность положения, отсутствие в стране демократических изданий, а также участие ряда сотрудников в обоих журналах, их лояльные взаимоотношения побудили Салтыкова-Щедрина передать редакции «Русской мысли» не только подписчиков (4500 из 7000) и весь имеющийся литературный материал (рукописи, корректуры), но и обещать свое сотрудничество в журнале. Это «наследство» «Отечественных записок», как заметил один из редакторов «Русской мысли», весьма выгодное в материальном отношении, ставило редакцию не только в затруднительное, но и опасное положение.¹⁰ Стремление обезопасить себя от цензурных репрессий, покончить раз и навсегда с возможными притязаниями на руководство журналом со стороны Салтыкова-Щедрина и других лиц заставляет редакторов либерального органа принять решительные меры по укреплению благонадежности журнала. Редакция оплачивает литературные материалы, поступившие из портфеля «Отечественных записок», и в то же время дает понять новым сотрудникам, что не потерпит какого бы то ни было вмешательства в редакционные дела. В отношении Салтыкова-Щедрина были приняты особые меры: ему вежливо намекнули, что его участие в журнале нежелательно. «Из двух главных беллетристов „Отечественных записок“ Салтыкова и Успенского, — решает редакционная тройка, — дать преимущество второму, как писателю, более далекому от политики».¹¹ Позиция редакторов заставляет Салтыкова-Щедрина покинуть «Русскую мысль», предложить свое сотрудничество «Вестнику Европы».

С конца 1884 г. редакция направляет значительные усилия на постановку литературной части журнала. Она расширяет литературно-

¹⁰ Начиная с весны 1882 г. журнал подвергался постоянным цензурным преследованиям за «вредное» направление. Были задержаны апрельская, майская, июльская, ноябрьская книжки, а из опубликованных изъят ряд произведений, в том числе «Исповедь» Л. Н. Толстого. — Записка редакции журнала «Русская мысль» от 6 февраля 1885 г. ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 361, ч. 1, л. 249.

¹¹ Там же, л. 250.

критический и научный отделы, регулярно помещает статьи, посвященные современному искусству, отводит значительную часть площади (более одной пятой каждой книжки) вновь созданному отделу библиографии. В предисловии к новому отделу редакция выступила с заверением своей политической лояльности по отношению к существующему режиму: «В предпринимаемом нами труде мы не намечаем никакой партийной цели... Нам придает бодрость и силу сознание, что это начинание будет напутствовано сочувствием... со стороны всех смотрящих на печать не как на боевую машину, а как на орудие мирного прогресса, как на служительницу правды» (1884, № 10, стр. 5). Особое внимание было уделено отделу изящной словесности. Редакция не жалеет средств, чтобы привлечь известных писателей и поэтов. На страницах журнала печатались А. Н. Апухтин и Л. Н. Толстой, Я. П. Полонский и В. М. Гаршин, Д. В. Григорович и Г. И. Успенский, А. Н. Майков и В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский и А. Н. Плещеев, беллетристы-народники Н. Е. Каронин-Петропавловский, Ф. Д. Нефедов и др. Редакция подчеркивала пестроту состава сотрудников, стремление изгнать из литературного отдела «тенденциозно-политическую окраску» путем «открытого доступа в журнал людям самых различных политических убеждений». В 1886 г. журнал делает безуспешную попытку восстановить отношения с Салтыковым-Щедриным.¹²

Появление в журнале «Русская мысль» таких произведений писателей-реалистов, как «Выпрямила», «Через пень-колоду» и другие Г. И. Успенского, «Надежда Николаевна» В. М. Гаршина, «Сон Макара», «Соколинец», «В дурном обществе» и другие В. Г. Короленко, «Морских рассказов», а затем фельетонов «Знатного иностранца» К. М. Станюковича, романов Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца», «Хлеб», а в 90-е годы — произведений А. П. Чехова «Мужики», «Палата № 6», «Дом с мезонином», «Остров Сахалин», печатавшегося как путевые заметки на протяжении 1893—1894 гг.,¹³ рассказа М. Горького «Супруги Орловы», немало содействовало успеху «Русской мысли», делало его одним из лучших изданий той поры. Этому способствовала и публикация переведенных романов западных писателей — Ч. Диккенса, Г. Сенкевича, Э. Ожешко и др.

Редакция «Русской мысли», судя по ее заверениям, была озабочена не только тем, чтобы «давать в журнале материал для чтения, но и руководить чтением русского общества». Выполнение этой ответственной задачи было возложено на отдел критики и библиографии, входивший в публицистический отдел журнала. Как правило, библиография открывалась обзором текущей, преимущественно русской, журналистики, затем шла информация о вновь вышедших книгах, научных сборниках. Пять обширных ее разделов должны были ввести читателя в курс последних достижений науки, литературы и искусства, дать объективную оценку художественным и научным произведениям. Однако выполнение обещания оказалось нелегким для редакции делом. Отказавшись видеть в «тенденции», иначе говоря, в идейной направленности

¹² «Душевно благодарю Вас, — писал с холодной учтивостью Щедрин Гольцеву, — что Вы даете мне возможность печататься в „Русской мысли“... Но вряд ли мое участие в „Р. М.“ осуществится в скором времени... Во-первых, сношения с Москвою сопряжены с осложнениями, во-вторых, мне не весьма сочувственны Ваши редактора, в-третьих, наконец, о „Русской мысли“ ходят здесь странные слухи. Не говоря уже о сношениях с цензурой, чересчур тесных и заветных, рассказывают даже о сношениях с Катковым». — Архив В. А. Гольцева, т. 1. М., 1914, стр. 218—219.

¹³ В 1892 г. Чехов при содействии Короленко входит в состав редакции «Русской мысли» и становится во главе отдела беллетристики вместо М. Н. Ремезова.

произведения, одно из главных его достоинств, провозгласив «беспартийность» основным критерием при отборе и оценке книг, журнал не в состоянии был осуществлять идейное руководство развивающейся литературой, а следовательно, и помочь формированию вкусов читателя. Вместо толковых рецензий, глубоких суждений, пронизательного разбора художественных произведений прочное положение в библиографии заняли краткая аннотация, описательный пересказ, нередко объективистски информирующий читателя о вновь вышедшей книге, статье.

Уровень критического отдела был также сравнительно невысок. Серьезная критическая статья, как правило, отсутствовала, ее подменяли критические этюды, обзоры и хроника. Статьи С. А. Юрьева, рецензии В. П. Острогорского не вносили ясности в осмысление современной литературы. Правда, с приходом в «Русскую мысль» в 90-е годы М. А. Протопопова — одного из видных критиков либерально-народнического направления, участвовавшего до этого в «Отечественных записках», с публикацией произведений Н. К. Михайловского (он печатался в «Русской мысли» с 1889 по 1895 гг.) литературно-критический отдел журнала заметно оживился. В своих критических обзорах, статьях Протопопов знакомил читателя с творчеством Г. И. Успенского, П. Д. Боборыкина, В. В. Крестовского и даже литературно-критической деятельностью Н. Г. Чернышевского. Однако в оценках целиком отразилась буржуазно-либеральная позиция писателя. Так, отзываясь о Чернышевском как о талантливом и незаурядном публицисте, Протопопов отказывал ему в умении оценить художественные достоинства произведения. «Ее автор, — писал он, — принадлежит к числу тех писателей, которые... видят в литературе только удобное средство [для выражения своих мыслей], не придавая ей никакого самостоятельного отвлеченного значения» (1893, № 1, стр. 105). «Публицист совершенно заслонил собою в авторе литературного критика» (там же, стр. 106). Протопопов искажал подлинный облик великого революционера, отрицая его воздействие на современников, на общественную жизнь, снижая боевое звучание его статей — «это был философ, а не трибун» (там же, стр. 108). Но появление в «Русской мысли» статьи о Чернышевском, имя которого находилось под строжайшим запретом вплоть до 1905 г., было уже событием для подписчиков. Публикация же рецензий о творчестве современных писателей, ряда полемических статей Михайловского, его критических обзоров «Литература и жизнь» еще более усилили интерес читателей к материалам отдела.

Либерально-народническая позиция журнала отчетливо проявилась в освещении теории научного социализма, в трактовке марксистских идей, в защите буржуазного идеализма. Еще в 80-е годы «Русская мысль», опираясь на высказывания французского философа-идеалиста А. Фулье, в статье Н. П. А. «Общественная собственность и демократия» (1885, № 6) резко выступила против основного положения научного социализма — неизбежности революционного преобразования существующего социального строя. Эти мысли были развиты и в статье А. К. Шеллер-Михайлова «Смутное время анабаптизма». Пытаясь извратить революционную сущность марксизма, навязывая ему чуждые выводы и рассуждения, автор статьи стремился доказать, что сила этого боевого учения не в пропаганде революционных идей, а в проповеди самопожертвования и самоотречения. «История коммунизма, — писал он, — это история мирной проповеди любви, братства и равенства... все теоретические проекты коммунистов не подстрекают к насилию, все практические попытки коммунистов... полны самоотречения, самопо-

жертвования, но никогда — насилия... Мирные коммунисты добивались хоть чего-нибудь на известное время, воинствующие не добивались ни до чего» (1886, № 2, стр. 78—79). Фальсификация марксистского учения, выпады против научного социализма не были случайностью — они находили одобрение и поддержку в статьях Иванюкова и самого Гольцева.

90-е годы явились ареной ожесточенной борьбы марксистов против народничества. «Русская мысль», продолжая питать неприязнь к марксизму, вместе с тем стремилась убедить читателей, что она стоит «над схваткой», что именно эта нейтральная позиция позволяет ей быть объективной в своих суждениях. Однако опубликованная в апреле 1896 г. статья Гольцева «Об экономическом материализме» явилась характерным выражением позиции воинствующей либерально-буржуазной интеллигенции, выступавшей против марксизма под маской объективности. Не случайно она заставила Г. В. Плеханова обратиться с открытым письмом к Гольцеву «Несколько слов в защиту экономического материализма» — за подписью С. Ушаков (1896, № 9, стр. 84), в котором он разъяснял читателям позицию марксистов, вскрыл идеалистическую основу воззрений редактора журнала. Гольцев преследовал своей статьей одну основную цель — развенчать научные основы марксистского учения. Выступая против органически чуждого ему марксистского понимания законов общественного развития, его социально-политических выводов, Гольцев обвиняет марксизм в узости воззрений, в ущербности, якобы заключающейся в недооценке «психического фактора», самостоятельной, с точки зрения либерального публициста, силы исторического развития. В своих нападках на марксизм Гольцев, не будучи оригинальным, по существу повторял воззрения буржуазных философов-идеалистов, в частности Гегеля, отстаивавшего идею саморазвития понятий. Стремление развенчать научные основы марксистского учения имело определенную подоплеку. В конечном итоге это был разговор о дальнейших путях развития России, о средствах разрешения ее социальных вопросов. Защита «психологического фактора» позволяла Гольцеву утверждать, что не революции, а идеи, образование, «сознательное целесообразное вмешательство отдельного человека, общества и государства в народнохозяйственную жизнь» (1896, № 4, стр. 138) приведут к изменению существующего порядка и повысят благосостояние мужика. Выступление Гольцева раскрыло истинное отношение либерально-буржуазной части русского общества к новому течению философской мысли — марксизму.

Не удивительно, что «Русская мысль» охотно печатала работы Южакова, Михайловского, статьи В. В. (Воронцова), открыто полемировавших с марксистами, и отказывала в публикации марксистам. Так, редакция отклонила написанную весной 1893 г. статью В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» «как неподходящую к направлению журнала». 30 мая 1894 г. Ленин писал по этому поводу: «Я даже имел наивность посылать ее в „Русскую Мысль“, откуда получил, конечно, отказ: вполне понятно мне это стало, когда я прочитал в № 2 „Русской Мысли“ статью о Постникове „нашего известного“ либерального пошляка, г. В. В.»¹⁴

Позиция журнала в трактовке целого ряда вопросов была сбивчивой и противоречивой. Отчасти это можно объяснить тактическими соображениями Гольцева, пытавшегося представить «Русскую мысль»

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 3.

органом, стоящим вне партий. «Наш журнал, — писал позднее Гольцев, оправдываясь перед читателями, — сознательно, имея в виду условия русской действительности, придерживался некоторого эклектизма» (1900, № 1, стр. 72). Но были и другие причины, а именно: увеличивающееся день ото дня расхождение между народническими идеалами и самой жизнью. Неопределенность, эклектизм в освещении отдельных явлений и событий свидетельствовали о беспомощности теоретической мысли руководителей журнала, о неспособности разобраться в процессе развития современной действительности. Немало содействовала этому и разнородность состава сотрудников. Либерально-народнической группировке, определявшей основное направление «Русской мысли», противостояли писатели-демократы Г. И. Успенский, Чехов. Короленко и др. Программным установкам журнала противоречило и творчество виднейшего представителя революционной демократии Шелгунова.

* *
*

Сотрудничество Шелгунова в «Русской мысли» было вынужденным. Его привела сюда (как и Салтыкова-Щедрин в «Вестник Европы») гибель наиболее передовых органов печати — «Отечественных записок» и «Дела». Найти журнал, газету, которые отвечали бы его политическим взглядам, было невозможно.

В свою очередь редакция «Русской мысли», приглашая Шелгунова вести в журнале ответственный отдел, поступала так вовсе не из симпатий к его воззрениям. «Русской мысли» нужен был публицист, прекрасно разбирающийся в вопросах общественной жизни. Редакция журнала рассчитывала на талант и имя Шелгунова, пользовавшегося большой популярностью у читателей. К тому же Гольцев и Лавров были уверены, что они сумеют повлиять на Шелгунова в нужном направлении и добиться от него статей, которые бы соответствовали духу журнала. Произведения публициста подвергались строжайшей «домашней» цензуре.¹⁵ Шелгунову приходилось вести напряженную борьбу буквально из-за каждой статьи. В письмах к В. А. Гольцеву, Н. К. Михайловскому, А. М. Скабичевскому и другим Шелгунов не раз жаловался на невыносимые условия, в которых он вынужден был работать. «С Вашим письмом пришла и мартовская книжка „Русской мысли“, — писал Шелгунов Скабичевскому. — Ах, что они там делают, Вы представить не можете. Это все, что угодно, а не редакция. Редакция хлопочет о журнале — значит бережет статьи, а они берегут свои карманы, пожалуй, и не карманы, а черт знает что. Чтобы смягчить, они вынимают отдельные фразы и совсем меняют смысл...»¹⁶ О бесцеремонном отношении редакции пишет Шелгунов и В. М. Лаврову: «Подчас цензура эта бывает даже жестокой, например, нынче, в январском очерке она вынула сплошь гранок пять...»¹⁷

На щекотливые вопросы Шелгунова Гольцев и Лавров предпочитали не отвечать, продолжая, однако, действовать в том же духе. Все это дало повод Шелгунову с горечью заметить: «Я радовался, что буду работать в неподцензурном журнале, но, увы, встретил самое жестокое

¹⁵ О взаимоотношениях Шелгунова с редакцией журнала см.: Н. Г. Зорина. Н. В. Шелгунов и редакция «Русской мысли». — Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 229, сер. филолог. наук, вып. 30, стр. 299.

¹⁶ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Рукоп. отдел. Архив А. М. Скабичевского, письмо от 27 марта 1886 г.

¹⁷ ЦГАЛИ. Архив В. М. Лаврова, письмо от 29 января 1887 г.

отношение к моим статьям...» «Мне иногда думается, что официальная цензура слабее, чем домашняя цензура „Русской мысли“». ¹⁸ И все же, несмотря на двойной гнет цензуры, несмотря на меры предосторожности, принятые редакцией, Шелгунов доносил до читателя свои взгляды. Он сумел использовать «Русскую мысль» как трибуну для беспощадного разоблачения самодержавного строя и его порядков, для борьбы против реакционных сил, для воспитания молодого поколения в революционно-демократическом духе.

В «Русской мысли» Шелгунов публикует серию очерков, вышедших позднее под общим названием «Очерки русской жизни». Это своеобразные обозрения, материалом для которых служила «русская жизнь вообще, а деревенская... в особенности». Выяснению «болевых» вопросов экономического развития России, отысканию внутренних причин неурядиц русской жизни, всестороннему показу «неофициальной» России посвящены очерки Шелгунова. Они дают обобщающую картину русской жизни 80-х годов, и в то же время это замечательный по своей полноте и правдивости материал для изучения пореформенной деревни. Главную причину бедственного положения крестьянства Шелгунов видит в кабальных условиях его освобождения, согласно которым мужик «получил земли меньше, чем ему нужно было, чтобы есть чистый черный хлеб». ¹⁹ Уже в первых очерках, опубликованных в «Русской мысли» («Крестьяне и землевладельцы Смоленской губернии»), публицист останавливает внимание читателя на предусмотрительно выработанной смоленским хлебопашцем целой «кулинарно-гастрономической системе» в употреблении хлеба. Эта система — результат приспособления к условиям, которые были созданы для крестьян реформой 60-х годов. Смоленский мужик, отмечает Шелгунов, установил определенную очередность потребления различных сортов хлеба применительно к рабочему сезону, причем худой сорт хлеба «иногда ничем не отличается от гнилой соломы, снятой с крыш» (стр. 2).

Но малоземелье — далеко не единственное бедствие крестьянства. Налоги, выкупные платежи — следствие все той же реформы 60-х годов — другой неотвратимый бич, пускающий по миру русского мужика. Налоги «опутывают всю нашу повседневную жизнь, в миллионных комбинациях проникают всюду» (стр. 363), — пишет Шелгунов. Каждый шаг хлебопашца по «пути цивилизации», вздумает ли он надеть вместо поскони ситцевую рубаху или купить чаю, сахару, оплачивается им вдвое, втрое дороже действительной стоимости этих «благ». Но как ни обременительны эти «косвенные», замаскированные поборы, для мужика особенно тяжелы и ненавистны выкупные платежи и земские налоги. Всем ходом своих рассуждений Шелгунов подводит читателя к выводу, что деревня не может быть иной в условиях крепостнического режима, при сохранении данного социального строя. Этот строй, лишив деревню необходимой материальной базы, отняв у крестьянина землю, опутав ее выкупными платежами, обрек на голод, болезни, пожары, на темноту и невежество.

За внешне неподвижными формами жизни и быта русской деревни Шелгунов отчетливо видел те глубинные процессы, которые в ней происходили. Наблюдения, выводы, к которым приходит публицист, застав-

¹⁸ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел. Архив В. А. Гольцева, письма к Гольцеву от 17 апреля 1886 г. и 28 марта 1887 г.

¹⁹ Н. В. Шелгунов. Очерки русской жизни. СПб., 1895, стр. 3. — В дальнейшем ссылки на страницы этого издания даются в тексте.

ляют его расстаться с мыслью об особых путях развития России, убедиться в беспочвенности народнических идей. Образно характеризует новое состояние деревни, вернее новый путь — путь капиталистического развития хозяйства, на который вставала русская деревня, Шелгунов в очерке «Денежное мышление» писал: деревня, долгое время безвыходно сидевшая в своих «земляных норах», теперь «повыползла на дороги». Зимой «по проселкам и большакам тянутся нескончаемые обозы, — кувыркаются они на раскатах, заваливаются в канавы, снова вытягиваются в линию, как перелетные гуси, опять кувыркаются и заваливаются, опять вытягиваются в линию» (стр. 279). Описывая движение русского крестьянина по проселкам и большакам, Шелгунов стремится показать читателю, как трудно и вместе с тем неодолимо совершается переход мужика в новое состояние. Шелгунов отмечает, что вступление деревни на путь капиталистического развития сопровождается расслоением крестьянства. Выделение кулачества, торговцев, промышленников происходит за счет обнищания огромной массы хлебопашцев, ежегодно пополняющих ряды нового, «четвертого сословия» — пролетариата. Рассказывая, как мужик «кувыркается на раскатах» в сезон обозов и продажи хлеба, публицист добавляет, что хлеб этот, заготовленный крестьянином еще с осени, стал добычей откупщиков и хлебных торговцев, что уже с этого момента судьба значительной части крестьянства определена, «и будет он [этот мужик]... кувырканием заниматься до распутицы, а потом „пойдет в кусочки“» (стр. 279).

В отличие от народников и либералов, рассматривавших капитализм по-разному, но однобоко (первые — как отрицательное явление, вторые — в розовом свете), Шелгунов понял и его отрицательные, и его прогрессивные стороны. Он не мог не приветствовать интенсивное развитие промышленности и торговли, рост производительных сил, начавшееся пробуждение сознания трудящихся масс, появление нового человека «с развитым чувством личного достоинства». Но ему была глубоко враждебна эксплуататорская сущность капитализма. Истинное лицо капитализма Шелгунов раскрывает на примере Самарского края. В очерке «Простор самарской земли» на столкновении двух центральных образов — костистого, загнанного нуждой самарского мужика и девятипудового самарского землевладельца, отнимающего у тощего мужика даже то, что ему «отведено по плану», — он показывает, на каком жесточайшем угнетении и произволе покоится капитализм. «Вот едет... девятипудовый человек, в плетушке, в свою степь, и плетушка гнется под его тяжестью. Посмотрите, — говорит публицист, приглашая внимательнее всмотреться в фигуру самарского землевладельца, образно олицетворяющего собой хищнический характер народившейся буржуазии, — на этот первобытный организм, как он скроен и сшит, как все в нем приспособлено для утробы и поглощения... Спина круглая, мощная, выпуклая, мясистая (он сидит, опустившись и немного согбившись от собственной тяжести), точно у гориллы, в плечах косая сажень, и на этом громадном туловище, толстой мясистой шее сидит сравнительно маленькая голова с заплывшим лоснящимся лицом. Какие же другие мысли, кроме мыслей о захвате, могли явиться в этой голове и может ли вырваться из этих мощных объятий, кто хоть раз в них попадет» (стр. 376). Антагонистическую природу новых порядков Шелгунов метко охарактеризовал одной фразой: «Каждый [здесь] или молот, или наковальня».

Любопытны воззрения Шелгунова тех лет на общину. Будучи свидетелем разложения общины, очевидцем того, что община перестала вы-

ражать интересы крестьянского большинства, что кулаки берут власть над «миром», Шелгунов расстается со своими иллюзиями относительно общины как залога социалистического развития, как формы землевладения, способной оградить мужика от разорения. «В деревне личное начало, в форме ли кулачества или стремления к личной самостоятельности и выделения из мира, взяло... перевес над общим» (стр. 472). «Энергическая личность», поддерживаемая сочувствием и поощрением со стороны «подобных же личников», оказалась сильнее общины — вот вывод, к которому приходит публицист. Однако до конца дней ему остаются дороги связанные с общиной идеи альтруизма, равенства и братской солидарности.

Очерки Шелгунова всем своим содержанием ставили вопрос о необходимости ломки старого общественного строя. Свои надежды публицист возлагал на революционную активность народа, он верил в его силы, хотя считал, что понять причины бедственного состояния народу, особенно общинному крестьянству, мешают темнота и забитость. Шелгунов заблуждался, полагая, что земские учреждения могут оказать неопценимую услугу обществу и народу в разрешении этой проблемы, явиться для него «приготовительным классом общественности», школой, в которой каждый человек будет учиться «коллективно мыслить». Вот почему, отчетливо понимая слабость и недостатки выборных органов, Шелгунов встает на их защиту, во всем противопоставляет их бюрократии, реакционности и безответственности царских чиновников.

Судьбы России Шелгунов неразрывно связывает с судьбами не только крестьянства, но и рабочего класса. В очерке «Что читать и как читать?», написанном им незадолго перед кончиной, он указывал, что отправными вопросами для каждого, желающего найти «волшебный фонарь», который бы «факты ему осветил и показал бы их в верной умственной перспективе» (стр. 895), должны быть крестьянский и рабочий вопросы. С момента опубликования Шелгуновым статьи «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (1861) рабочий вопрос никогда не исчезает из поля зрения публициста. Он интересуется тем, как живет и трудится пролетариат, пристально следит за ростом его политического сознания, его революционными выступлениями. В 80-е годы внимание Шелгунова переключается на промышленный пролетариат России. Сравнивая более передовые формы борьбы западноевропейского пролетариата с теми, которые он наблюдает в России, он делает вывод, что русский рабочий класс проходит сейчас лишь первоначальные этапы своего исторического движения, но что со временем он несомненно достигнет такой же зрелости, какой достиг германский или французский пролетариат.

Выступления пролетариата во второй половине 80-х годов — стачка иваново-вознесенских рабочих и, особенно, Морозовская стачка — утверждают публициста в его мыслях, заставляют его обратить внимание читателя на это событие, на произвол и беззаконие морозовских фабрикантов. В бесчеловечной эксплуатации рабочих братьями Морозовыми Шелгунов усматривает ту же, что и в сельском хозяйстве, систему «исполу». Эта система присвоения, утверждал он, не случайна и присуща не только фабрикантам Морозовым, она обусловлена существующей системой отношений, гарантирующей «все для них, ничего для других» (стр. 428). Заставить изменить эти отношения посредством ходатайства к правительству публицист считает бесплодной попыткой, вот почему он не только оправдывает «незаконный путь», к которому обращается рабочий Морозовской мануфактуры, но и находит его един-

ственно правильным. Рабочее движение 80-х годов позволило Шелгунову прийти к выводу, что промышленный пролетариат в России стал «таким же экономическим явлением, как и в Европе» (стр. 329).

Не остались незамеченными публицистом и создание первых марксистских кружков, их революционно-пропагандистская работа среди пролетариата. В своем последнем очерке «Отрадное явление» он горячо приветствует эту новую силу, воспринимая появление ее как отходную восьмидесятникам. С чувством глубокого удовлетворения Шелгунов отмечает, что в своей практической деятельности «нарождающиеся девяностидесятники» исходят из конкретных условий реальной жизни общества. В этом публицист видит их коренное отличие от народников, которые подходили к явлениям действительности с готовыми выводами и теориями. «... Теперешняя молодежь, — говорит он, — начинает не с этого, не с общего и последнего, представляющего уже вывод и практическую программу общественного поведения, а с частного — с изучения тех общественных фактов, из которых как логический вывод должно последовать уже и само собою — что делать?» (стр. 1094). Он отмечает и другую особенность первых социал-демократов — их стремление к познанию закономерностей развития общества, или, как говорит Шелгунов, их потребность к накоплению знаний, «серьезное научное изучение общественных вопросов» (стр. 1094—1095). С деятельностью «девяностидесятников» он к концу жизни связывает надежды на пробуждение общественного самосознания народа и особенно пролетариата, на появление нового свободного человека. «... Если все пойдет так и дальше, — говорил Шелгунов, — то нужно думать, что для тысяча девятисотых годов оно создаст поколение деятелей просвещенных и образованных, какого до сих пор Россия не выставляла» (стр. 1095).

«Очерки» Шелгунова были посвящены еще одной чрезвычайно важной проблеме русской жизни — разоблачению общественно-политической реакции 80-х годов, защите революционно-демократического наследия прошлого. В атмосфере казней и ссылок, в сложных условиях идейной неразберихи, ренегатства и отступничества значительного числа интеллигенции, последовавших после поражения революционного народничества, Шелгунов не утратил веры в неизбежность преобразования существующего строя. От зорких глаз публициста не могла укрыться та подспудная работа, которая в 80-е годы (особенно в конце десятилетия) происходила в обществе и массах и означала неизбежный поворот в настроениях и событиях. Шелгунов верил в народ, в пробуждение его могучих сил, в его революционную активность и в то же время считал, что народ в его действиях должна возглавить лучшая, передовая часть интеллигенции.

В борьбе против демократии, против демократического мирозерцания в целом реакционные круги использовали теории перерождавшегося народничества, толстовскую философию непротивления. Проповедь народниками, толстовцами теории «малых дел», «политического индифферентизма» разоружала русское общество перед лицом реакции, тормозила развитие его политического самосознания и революционной инициативы. Всей своей публицистической деятельностью Шелгунов стремился помочь русскому обществу разобраться в реакционном содержании этих теорий, содействовать его политическому развитию и выработке общественных идеалов.

Борьбе с учением Толстого о «непротивлении злу насилием» Шелгунов посвящает ряд очерков: «Решаются ли исторические вопросы усовершенствованием личности», «Моралистическая и общественная точка

зрения», «По поводу письма одного толстовца» и другие, — получивших широкую известность в читательских кругах. В учении Толстого он увидел наряду «со смелым теоретическим отрицанием действительности» проповедь «полнейшей пассивности поведения... бегство назад» (стр. 511). Шелгунов резко выступает против попыток Толстого идеализировать смирение и забитость патриархального крестьянства, выдать его покорность судьбе за проявление высшего религиозного сознания народа, за «всеразрешающую мудрость». Не в покорности судьбе, не в безнадежной безысходности каратаевского «ничего не поделаешь» учил Шелгунов видеть «путь к спасению», а в деятельной любви к народу, к Родине, в борьбе за свои права. Выступления Шелгунова немало содействовали охлаждению молодежи к толстовству.

Особенно опасным в своем воздействии на русское общество было либеральное народничество, укрепившееся в газете «Неделя». Проповедь публицистами «Недели» реакционных теорий «малых дел», «борьбы поколений», «творческого труда» Шелгунов воспринял как широко задуманный поход реакционных сил против идейного наследства революционных демократов. Он вступает в ожесточенные споры с реакционными публицистами. Своей главной задачей Шелгунов ставит: показать идейную несостоятельность, шаткость выдвигаемых ими положений и вместе с тем противопоставить этим положениям собственную точку зрения, защитить дорогие его сердцу идеалы революционной демократии. Так, в очерке «По поводу статьи Деревенского жителя „К чему способна наша интеллигенция“», останавливаясь на главных «теоретических» высказываниях ее автора (К. В. Лаврского) о «борьбе поколений» и «свободном творческом труде», Шелгунов показывает читателю, что эти положения уводят молодое поколение с правильного пути служения народу. Чем вооружает молодежь теория «борьбы поколений»? — спрашивает Шелгунов. Согласно этой теории, законом исторического движения является антагонизм поколений, постоянная борьба «отцов» и «детей», а носителем прогресса — всякое следующее поколение. Задача подрастающего поколения, говорит Шелгунов, состоит не в том, чтобы отвергнуть идейное богатство прошлого, а в том, чтобы использовать его в борьбе против ненавистного порядка, пробудить общественное самосознание масс.

В теории «творческого труда» Шелгунов увидел все ту же защиту свободы «для себя и про себя». Вот как, например, звучало в пересказе Шелгунова рассуждение Д. Ж. о «свободном творческом труде»: «Тоска нашей интеллигенции происходит вовсе не от не удовлетворяющих ее внешних условий жизни, рассуждает г. Д. Ж., а просто от неудовлетворительного строя ее внутренней жизни. Нужно, чтобы люди сделались довольны собою, и тогда они будут довольны всеми. А чтобы люди стали довольны собою, нужно, чтобы они сделались независимыми, как птицы божьи, и работали бы только для себя и про себя. Когда каждый создаст себе птичью свободу, все сделаются счастливыми, и тоска исчезнет, потому что каждому отдельному человеку тосковать будет и не о чем» (стр. 317).

Для Шелгунова счастье человека, уважение к нему немислимы без счастья многомиллионных масс народа, без уважения к его правам. Обеспечение духовного и материального благополучия личности он ставит в прямую зависимость от положения народных масс. Теория либеральных народников, оставляющая неизменными основы социального строя России, не в состоянии создать «ни свободного человека», ни «свободного творческого труда» (стр. 320). «Нет, Деревенский житель, —

заявляет Шелгунов, — давайте лучше изменять условия успешности нашего умственного труда. Правда, внешние условия меняются медленно, да ведь зато с их переменами жизнь идет вперед, а, изменив свою собственную жизнь по указаниям пророков самоотречения, мы уйдем только назад. Может быть, кто-нибудь и найдет в этом свое личное успокоение, как, может быть, нашел его Деревенский житель, но России станет хуже» (стр. 588).

В конце 80-х годов «Неделя» выступила с серией статей о «Мрачных и светлых явлениях». Полемически заостренные против обличительных очерков Шелгунова, они дополняли и развивали программные воззрения народников. Помимо обобщающих статей, авторами большинства которых были Я. В. Абрамов, И. И. Каблиц (Юзов), П. П. Червинский, «Неделя» регулярно помещала заметки о светлых явлениях современной жизни. К ним народники относили переселение в провинцию интеллигенции, осуществлявшей идею «своего хлеба», расширение благотворительности, организацию общественных мукомолен, библиотек и даже такие факты, как пострижение в монашество. Пропаганду «малых дел» Шелгунов расценивал как новую попытку народников увести интеллигенцию от гжучих проблем современности, от самой действительности в щель мелких будничных дел, личных интересов. Ни в общепольность «малых дел», ни в излечение общественных недугов с помощью светлых явлений публицист не верит. «Теория „светлых явлений“ и „бодрящих впечатлений“ — бесполезная, лживая теория, — писал Шелгунов, — и ею... не разрешить ни вопроса о малоземелье, ни переселенческого вопроса, ни вопроса о найме рабочих» (стр. 651). Не о светлых явлениях должна идти речь, делает вывод публицист в своих статьях «По поводу светлых явлений и бодрящих впечатлений», а о выяснении причин, обусловивших такое положение, при котором одна часть общества находится неизменно в положении молота, а другая — в положении наковальни. Внимание молодого поколения должно быть обращено не на «малые дела», которые бесполезны «при условии неподвижности границ плохой действительности» (стр. 677), а на препятствия, мешающие развитию прогрессивных сил, установлению новых порядков.

Шелгунов сумел правильно понять классовую природу перерождавшегося народничества. Либеральное народничество, утверждает он, является выразителем интересов буржуазии, враждебно трудящимся массам и находится в тесном союзе с другими реакционными силами. Их идеал — личная свобода, которая есть не что иное, как «собственная личная независимость в пределах существующих условий, ради приложения наиболее энергичных условий к экономической деятельности... Направление это, — уточняет публицист, — известно под именем буржуазного» (стр. 682).

«Очерки русской жизни» Шелгунова заставляли власти, цензуру настойчиво следить за его литературной деятельностью, и в то же время они находили живой, страстный отклик в душе многих читателей. «Примите уверения в глубоком к Вам уважении одного из многих считающих Вас за руководителя в деле оценки истинного смысла русской кипучей жизни»,²⁰ — писал Шелгунову неизвестный солдат из Закаспийской области, выражая отношение демократической части русского общества. «Мы привыкли знать Вас мужественным, страстным поборником русской мысли», — признавались публицисту студенты Харьковского

²⁰ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Рук. отдел. Архив В. А. Гольцева, письмо от 4 декабря 1890 г.

технологического института.²¹ Шелгунову писали студенты петербургских технологического и горного институтов, Духовной академии и др. Желая сил и здоровья публицисту, они одновременно выражали решимость бороться за осуществление дорогих его сердцу идей.

Можно предположить, что передовая молодежь (рабочие и студенчество), начавшая объединяться в 80-е годы и особенно в начале 90-х годов в марксистские кружки, была в какой-то степени подготовлена к этому пропагандой Шелгунова. Разрешение поднятого Шелгуновым вопроса: что делать, чтобы установить живую нравственную связь с народом, — лучшая часть молодежи видела в объединении рабочих масс на базе передовых идей для борьбы с самодержавием. Не случайно похороны Шелгунова 15 апреля 1891 г., вылившиеся в настоящую демонстрацию в несколько тысяч человек, Александр III назвал «смотром революционных сил». ²² На самом деле, с похоронами Шелгунова было связано одно из значительных выступлений рабочих, молодежи и передовой интеллигенции, открыто заявивших о своей солидарности с революционно-демократическими идеями писателя и о своей непримиримой вражде к самодержавию. В. И. Ленин в статье «Первые уроки» отмечает: «1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова...» ²³ Шелгуновскую демонстрацию вождь пролетариата называет вехой в рабочем движении.

* *
*

В «Русской мысли» как в зеркале нашла отражение эволюция русского либерализма. Политическое отступничество либерально-буржуазной редакции «Русской мысли», начавшееся еще в 80-е годы с провозглашения «нейтральности, беспартийности» журнала, в полной мере проявилось в годы столыпинской реакции. Журнал переходит на позиции правого крыла партии кадетов, во главе редакции становится П. Б. Струве. «Русская мысль» выступает за примирение с царским самодержавием, поддерживает его империалистическую политику, избражает революцию как дикий, бессмысленный бунт.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции была встречена журналом более чем враждебно. Злобные, клеветнические статьи против большевиков, против Советской власти появлялись в «Русской мысли» вплоть до последнего дня ее выхода в свет. После закрытия издания советским правительством в 1918 г. Струве, эмигрировав за границу, возобновил выпуск журнала в Софии, а затем издавал его в Праге и Париже. «Русская мысль» просуществовала до 1927 г., объединяя вокруг себя кадетско-монархические круги белой эмиграции.

²¹ Там же. Письмо (без даты) студентов Харьковского технологического института.

²² Е. Гешин. Шелгуновская демонстрация. — «Минувшие годы», 1908, № 11, стр. 26.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 250.

„Северный вестник“

История «Северного вестника», издававшегося в Петербурге и стяжавшего себе в 90-е годы славу символистского журнала, может быть, нагляднее всего отражает сложность, противоречивость и «переходность» эпохи конца XIX в. За небольшой период в журнале трижды менялись его издатели и руководители. В 1885—1889 гг. во главе журнала была А. М. Евреинова. В 1890—1891 гг. журнал находился в руках пайщиков. В 1892—1898 гг. журналом руководили Л. Я. Гуревич, А. Л. Флексер, выступавший в печати под псевдонимом А. Волынский. Естественно, что трижды менялась и общественно-литературная программа «Северного вестника».

Возникновение журнала не обошлось без сопротивления правительственных учреждений. 16 декабря 1884 г. А. В. Сабашникова обратилась в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить издавать в Петербурге журнал «Северный вестник». Редактором журнала она просила утвердить Евреинову — одну из образованнейших русских женщин, получившую в Лейпциге ученую степень доктора юридических наук. Но департамент полиции высказал сомнение относительно ее благонадежности, и лишь вмешательство сенатора В. К. Плеве содействовало положительному решению вопроса. В апреле 1885 г. была утверждена программа издания, а № 1 журнала появился в сентябре 1885 г.

«Северный вестник» — ежемесячный литературно-научный и политический журнал — по объему (25—30 печ. л.) и по типу представлял собой обычный «толстый» журнал. Но в отличие от «Русской мысли» и «Вестника Европы», «Северный вестник» был подцензурным журналом, что на всем протяжении его существования осложняло его судьбу.

В предложенной с самого начала издательницей и редактором программе отмечалось особое значение журнала для провинции. Рассчитывая на провинциального читателя, руководители «Северного вестника» предполагали широко поставить в журнале отделы критики и библиографии. «Из прочих отделов, посвященных беллетристике, научным статьям и областным интересам, — указывалось в программе, — самое видное место займет областной отдел, в котором местная жизнь и ее интересы и местная литература во всех ее проявлениях встретят серьезное и правдивое отношение к себе». ¹ В соответствии с утвержденной программой в журнале было организовано шесть отделов: изящной литературы, научный, критики, областной, заграничной корреспонденции и библиографии.

Фактическим руководителем журнала сразу стала Евреинова, а через несколько лет — в ноябре 1888 г. — Сабашникова передала ей и право на издание. Вначале в журнале ведущее место занимали сотруд-

¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 319, лл. 3—3 об.

ники недавно закрытых «Отечественных записок» — А. Н. Плещеев, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, Г. З. Елисеев, В. П. Воронцов, В. В. Лесевич, А. М. Скабичевский. С первых же номеров в журнале печатались Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, Н. Е. Каронин-Петропавловский, Н. Н. Златовратский. Произведения Щедрина не смогли появиться лишь по цензурным причинам. Активное сотрудничество передовых писателей и публицистов сделало журнал в 1886—1888 гг. прогрессивным изданием.

Особое внимание в журнале уделялось политическим и экономическим проблемам, связанным с жизнью деревни и провинции. К участию в областном отделе, которому Евреинова придавала большое значение, она привлекала прогрессивные силы провинции. В журнале печатались земские деятели и публицисты Воронежа (Ф. Щербина), Твери (В. Яковенко), Полтавы (В. Василенко), Одессы (А. Русов), Урала (П. Уймович — псевдоним С. М. Пономарева), Белоруссии (В. Бирюкович) и др. Регулярно появлялись сообщения «Из провинциальной печати». Общественным вопросам посвящались развернутые статьи специалистов в других отделах. Многократно публиковались в журнале статьи о земской деятельности, суде присяжных, сельскохозяйственном кредите, рыболовных артелях, переселенцах, сектантах, народном образовании. Статьи по вопросам экономики, права, истории, занимавшие не менее важное место в журнале, принадлежали преимущественно публицистам-народникам — С. Н. Южакову, В. П. Воронцову (В. В.), Г. З. Елисееву, Я. В. Абрамову и др. Долгое время «Политическую летопись» вел Южаков.

В отделах литературы, критики и библиографии в первые годы издания журнала также преобладали народнически-демократические произведения. Содержательной и интересной была художественная проза, принадлежавшая перу писателей-демократов. Ведущими сотрудниками в отделе беллетристики в 1885—1888 гг. были Г. И. Успенский и В. Г. Короленко, а с 1888 г. — А. П. Чехов. Успенский, произведения которого нещадно калечила цензура, все-таки предпочитал печататься не в «Русской мысли», а в подцензурном «Северном вестнике», видя в нем родственный орган. Из номера в номер публиковались очерки писателя из циклов «Мечтания о трудовой жизни», «Кой про что», «Живые цифры». Ежегодно появлялись в журнале и произведения Короленко: «Очерки сибирского туриста» («Убивец»), «Соколинец», «Сказание о Флоре...», «За иконой», «По пути» («Федор Бесприютный»), «Ночью».

Из других крупных писателей в «Северном вестнике» печатались Н. Е. Каронин-Петропавловский, В. М. Гаршин, Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, Ф. Д. Нефедов. Страницы журнала представлялись и второстепенным писателям (Н. Ф. Бажин, Г. А. Мачтет, И. В. Шпажинский, А. С. Шабельская, Н. П. Вагнер). Как и в других журналах, немалое место в «Северном вестнике» занимала переводная литература: были опубликованы произведения О. Бальзака, Э. Золя, Г. де Мопассана, П. Бурже, А. Додэ, Д. Верги и др.

Видную роль в журнале играл известный народнический публицист и критик Н. К. Михайловский, который был негласным соредактором Евреиновой в 1885—1887 гг.² Имя Михайловского — талантливого критика и публициста, боровшегося с реакцией, — было хорошо известно демократическому читателю по многочисленным статьям в «Отечественных

² См.: Б. И. Есин. Н. К. Михайловский и журнал «Северный вестник» в 80-е годы. — Из истории русской журналистики. Изд. МГУ, 1959, стр. 231—236.

записках». Придя в «Северный вестник», Михайловский приложил все усилия к тому, чтобы возродить традиции закрытого журнала. Он привлекал к участию в «Северном вестнике» близких ему сотрудников. Да и само имя Михайловского обладало притягательной силой. К журналу сразу потянулись Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, Н. В. Шелгунов, Д. Д. Минаев, Ф. Д. Нефедов.

Деятельность Михайловского в «Северном вестнике» была весьма многообразной. Он редактировал совместно с Плещеевым и Короленко беллетристический отдел. В его ведении целиком находились критические статьи и библиография. Наконец, он регулярно выступал (с ноября 1885 по март 1888 г.) с ежемесячными литературными заметками «Дневник читателя», в которых откликался на злободневные общественно-литературные события. Однако полного единства во взглядах на журнал у Михайловского и Евреиновой не было, что и привело в конце концов к разрыву Михайловского с «Северным вестником».

Первые столкновения в редакции произошли буквально через год совместной работы. В ноябре 1886 г. В. И. Яковенко опубликовал полемическое «Письмо к Н. К. Михайловскому» по поводу его статей о Л. Н. Толстом в «Дневнике читателя». В своем ответе Михайловский подчеркивал, что статья Яковенко появилась на страницах журнала вопреки его желанию, но по решению редакции. А в письме к Евреиновой от 24 февраля 1887 г. Михайловский уже сообщил о своем отказе «принимать участие в редакции „Северного вестника“». Больше полугодия имя Михайловского не появлялось в журнале. Лишь к осени 1887 г. отношения Михайловского с редактором наладились, и он снова стал работать в журнале. Но отсутствие единства во взглядах привело к тому, что в марте 1888 г. Михайловский снова покинул журнал, теперь уже окончательно. Подробно мотивируя свой уход из «Северного вестника» в письме к Евреиновой от 27 марта 1888 г., Михайловский говорил и о трудностях работы в подцензурных условиях, и о непоследовательности редактора в оценке его деятельности и журнала в целом. «За последнее время я имел случай убедиться, — писал Михайловский, — что мы с Вами слишком расходимся во взглядах на многое». ³ Об этом же писал Михайловский и В. Г. Короленко. ⁴ Со своей стороны Евреинова жаловалась на «генеральство» Михайловского и Южакова, которые настаивали на печатании «скучных», по ее словам, статей народнической ориентации.

После ухода Михайловского постепенно покидают журнал его друзья и соратники, не одобрявшие изменений в направлении издания. Г. И. Успенский, приложивший много сил к тому, чтобы добиться единства в редакции, содействовать взаимопониманию между Михайловским и Евреиновой, к концу 1888 г. потерял надежду на возрождение журнала и перестал в нем сотрудничать.

Активно боролся за сохранение «Северного вестника» как наиболее радикально-демократического журнала 80-х годов Короленко. ⁵ Весной 1887 г. он вошел в состав редакции и совместно с Плещеевым редактировал отдел беллетристики, читая и рецензируя многочисленные рукописи, поступающие в журнал. После ухода Михайловского и Г. И. Успенского

³ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Рукоп. отдел, ф. 181, оп. 3, ед. хр. 6, л. 106.

⁴ См.: В. Г. Короленко. Письма, т. II. М., 1936, стр. 40.

⁵ Вопрос об участии Короленко в «Северном вестнике» освещен в статье: Б. Д. Летов. В. Г. Короленко в редакции «Северного вестника» и «Русской мысли». — Вестник ЛГУ, 1956, № 14, стр. 111—115.

он остался в журнале, пытаясь сохранить его демократическую направленность, но к концу 1888 г. между ним и другими сотрудниками (А. М. Евреиновой, А. Н. Плещеевым, М. А. Протопоповым) стали нарастать противоречия. Короленко не был согласен с эстетическими требованиями Евреиновой и Плещеева, которые отвергли повесть В. И. Дмитриевой из народной жизни. Короленко возражал и против засилия в журнале французских беллетристов, преимущественно натуралистов, высказывал сомнения по поводу публикации произведений П. Д. Боборыкина. Наконец, он был возмущен резкой полемикой Протопопова с Михайловским в статьях о Л. Н. Толстом (1888, № 10), которую он воспринял как «мсть» Михайловскому. Короленко вышел из состава редакции в самом начале 1889 г. Евреинова не препятствовала уходу Короленко, возможно, еще из-за материальных трудностей, которые усилились к концу 1888 г.

Какую же позицию занимала сама Евреинова? В чем видела она задачи журнала? Со всей определенностью на этот вопрос ответить трудно. Хранящаяся в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом) переписка с сотрудниками журнала свидетельствует о том, что она стремилась отойти от узконароднической программы, всячески противясь намерениям Михайловского превратить журнал в народнический орган. Она пыталась расширить рамки «Северного вестника» за счет общинтересного и разнообразного литературного и научного материала. Но твердой линии ведения журнала у нее не было, на что ей не раз указывали в письмах и беседах Михайловский, Короленко, Чехов. В погоне за разнообразием Евреинова не всегда сохраняла верность демократическим принципам.

Долгое время главным авторитетом в литературно-эстетических вопросах был для Евреиновой поэт Плещеев, редактировавший беллетристический отдел. Он также стремился к тому, чтобы журнал не принимал народнической окраски.

Больше всего Евреинова и Плещеев дорожили сотрудничеством Чехова, справедливо считая его лучшим представителем новой русской литературы. Для самого Чехова «Северный вестник» был первым «толстым» журналом, в котором он начал печататься. Хотя в эти годы его приглашали и другие журналы, в частности «Русская мысль», молодой писатель отдал предпочтение «Северному вестнику» и потому, что его привлекали талантливые сотрудники журнала — Плещеев, Короленко, Михайловский, и потому, что он хотел поддержать новый демократический орган, который только еще вставал на ноги. В 80-е годы Чехов опубликовал в «Северном вестнике» «Степь», «Огни», «Иванова» и «Скучную историю». ⁶ Он внимательно следил за судьбой журнала, в письмах к Плещееву и Евреиновой выражал сочувствие их деятельности, высказывал ряд предложений по укреплению «Северного вестника». Сожалея об уходе Михайловского и Корсlenко, Чехов писал Плещееву: «Короленко незаменим. Его любят и читают, да и человек он очень хороший. Откровенно говоря, мне грустно, что и Михайловский уже больше не работает в „Сев[ерном] вестн[ике]“. Он талантлив и умен, хотя и скучноват был в последнее время; заменить его Протопоповым или Impractus'ом так же трудно, как заменить луну свечкой». ⁷ В дру-

⁶ Об участии Чехова в «Северном вестнике» см.: П. В. Куприяновский. А. П. Чехов и журнал «Северный вестник» (90-е годы). — Уч. зап. Ивановск. пед. ин-та, 1958, т. 13, филолог. науки, вып. 4, стр. 155—159.

⁷ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем в 20 томах, т. 14. М., Гослитиздат, 1949, стр. 169.

гом письме Чехов говорил, что не стоит огорчаться по поводу ухода Южакова, статьи которого, «как сонно-одуряющее средство, действительнее мухомора».⁸ Писатель рекомендовал приглашать в журнал настоящих ученых и настоящих практиков. Многие советы Чехова совпадали с намерениями самой Евреиновой, которая стремилась освещать в журнале новые явления в науке, философии и эстетике. Из крупных ученых России в журнале выступали Н. Н. Миклухо-Маклай («Островок Андра» — 1887, № 12; 1888, № 1), П. Ф. Лесгафт («Антропология и педагогика» — 1889, № 10), Д. И. Менделеев, ратовавший за развитие химической, нефтяной и металлургической промышленности в статьях «Будущая сила, покоящаяся на берегах Днепра» (1888, № 8—12), «По поводу слухов о бакинском истощении» (1889, № 10) и др.

Либеральные тенденции Евреиновой сказались прежде всего в подборе статей по этике, эстетике и философии. В первых же номерах журнала была опубликована статья датского мыслителя С. Кьеркегора «Эстетические и этические начала в развитии личности» (1885, № 1, 3, 4). «Выразить в своей жизни общечеловеческое» — к этому призывала статья, которую можно рассматривать как одну из деклараций журнала, направленную против узких народнических тенденций и против эстетизма. При Михайловском подобные материалы исчезли со странички журнала, а после его ухода снова появились статьи о кризисе классического идеализма в Германии, об А. Шопенгауэре и, наконец, статьи Волинского об И. Канте и В. Вундте.

Изменения произошли и в критическом отделе журнала. Вместо Михайловского стали выступать Протопопов и критик под псевдонимом Jmpactus. Но, как справедливо заметил Чехов, их статьи не могли заменить талантливых и острых выступлений Михайловского. Евреинова, по-видимому, после ухода Михайловского стала искать новые силы, которые могли бы оживить критический и беллетристический отделы журнала. Своими планами она делилась с Чеховым летом 1888 г. во время совместной поездки на юг. Она «всю дорогу мечтала только о поднятии в журнале беллетристического отдела и о приглашении „молодых сил“», — писал Чехов А. С. Суворину.⁹

Оживление в журнал внесли талантливые статьи В. В. Стасова об искусстве, публиковавшиеся с мая 1888 г. Чехов писал Плещееву: «Не выпускайте Стасова. Он хорошо читается и возбуждает разговоры. А статья его о парижской выставке совсем-таки хорошая статья».¹⁰

Разочаровавшись в «старой гвардии», Евреинова стала шире привлекать в журнал молодежь. Она сочувственно отнеслась к появлению в «Северном вестнике» произведений Д. С. Мережковского и А. Л. Волинского, что привело к окончательному разрыву с народниками, а затем и к изменению общего направления журнала.

Двадцатилетний Мережковский первоначально печатался в журнале как поэт. Стихи его, по всей видимости, не вызывали больших разногласий, так как были пронизаны настроениями, характерными для всей поэзии восьмидесятников. В 1888—1889 гг. Мережковский выступил в журнале как критик. Им были написаны статьи о Чехове, Флобере, Короленко и литературно-философская статья «Дон-Кихот и Санчо Пансо». Появление статьи о Чехове вызвало сразу же протест Протопопова, который заявил об уходе из журнала. Евреинова, уговаривая Протопопова не покидать журнал, в то же время защищала статью Мережковского.

⁸ Там же, стр. 420.

⁹ Там же, стр. 179.

¹⁰ Там же, стр. 420.

Она твердо заявила, что и впредь будет «помещать статьи молодых», печатать статьи Мережковского, зная «его беззаветную преданность направлению „Северного вестника“». ¹¹

С начала 1889 г. постоянным сотрудником журнала стал Волынский. Первая же его работа «Критические и догматические элементы в философии Канта» (1889, № 6—10) и нападки на «научную философию» Лесевича при разборе журнала «Свое слово» проф. А. А. Козлова (1889, № 10) вызвали протест Южакова, который еще продолжал вести в журнале «Политическую летопись». Южаков потребовал, чтобы Евреинова сделала выбор между ним и Волынским, Евреинова предпочла Волынского, и Южаков — последний представитель либерального народничества в журнале — покинул «Северный вестник». Так, к концу 1889 г. в журнале изменилось соотношение сил. Все бывшие сотрудники «Отечественных записок», составлявшие костяк журнала в 1885—1887 гг., ушли из него, но какой-либо новой сплоченной группы вокруг журнала не образовалось. В редакционной политике не было единства и определенности.

Уход из журнала видных писателей и публицистов, полемика с Михайловским, которого уважали и любили читатели, цензурные притеснения и отсутствие определенной программы — все это не могло не сказаться на отношении подписчиков к изданию. Если в 1888 г. было 4000 подписчиков, то к концу 1889 г. их осталось всего 3278, а подписка на 1890 г. угрожала быть еще меньшей. Материальные дела редакции были в плачевном состоянии. В Петербурге и Москве ходили упорные слухи о кончине журнала. Денег для возрождения издания у самой Евреиновой не было. Все это и вынудило ее продать «Северный вестник».

Немалую роль в упадке журнала сыграли притеснения цензуры. С самого начала своего существования «Северный вестник» находился под неослабным оком цензоров. Еще 8 января 1886 г. в секретном донесении С.-Петербургскому цензурному комитету сообщалось, что начальник Главного управления по делам печати «приказал передать цензору, цензирующему журнал „Северный вестник“, чтобы издание это цензуровалось с особенной строгостью, ибо оно во многом напоминает „Отечественные записки“, прекращенные за вредное направление». ¹² Без цензурского красного карандаша не выходил, пожалуй, ни один номер журнала. Сокращениям и запрету подвергались как художественные произведения писателей-демократов, так и статьи на общественно-политические темы. Не увидели света следующие статьи, посвященные жизни крестьян и провинции: «Итоги деятельности крестьянского банка» Я. В. Абрамова, «Подворно-участковое землевладение крестьян Самарской губернии» И. М. Красноперова, «Как живет Волжско-Камский край» Н. Молотова, «Провинциальное человечество» П. Уймовича (С. М. Пономарева), «Сектанты» Гололобова и др. Из художественных произведений не были пропущены: сказка Щедрина «Орел-меценат» и стихотворение Минаева «Сон». Ни одно произведение Г. И. Успенского не миновало цензурной расправы. Сам писатель ярко воспроизвел в письме к Евреиновой картину цензурного произвола: «Я начал в „Сев[ерном] вестн[ике]“ ряд рассказов „Хорошего понемножку“. И первая статья была целиком зачеркнута цензурой вся... Второй раз я начал ряд очерков под названием „Мечтания о трудовой жизни“. И первая статья была до того изуродована безбожно и бесчеловечно, что и эту

¹¹ ИРЛИ АН СССР. Рукоп. отдел, ф. 391, ед. хр. 23, л. 11.

¹² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 43, ч. I, л. 54.

тому я бросил, и матерьялы рассыпались прахом по разным фельетонам. Только тогда я, скрепя сердце, решился писать очерки под бессмысленным названием „Кой про что“. Я всегда писал так, что, начиная первый оч[ерк], знал, какой будет и десятый. Тут в „Се[в]е[р]н[ом] вестн[ике]“ я впервые перестал знать — что писать, стал постоянно ослаблять работу своей мысли, стал покоряться безобразиям цензуры... являясь перед моими читателями в самом изуродованном расплюевском виде. Есть корректуры, на которые страшно смотреть». ¹³ Рассказ Короленко «Федор Бесприютный», первоначально запрещенный цензурой, появился в печати лишь через год в искаленном виде и под нелепым названием «По пути». Некролог Н. Г. Чернышевскому, написанный Протопоповым, совсем не был пропущен цензурой, и журнал вышел с чистой страницей вместо некролога.

Евреинова не раз предпринимала попытки освободить журнал от предварительной цензуры. Но все ее усилия оставались тщетными.

* *
*

В мае 1890 г. «Северный вестник» перешел к группе университетской молодежи, которая приобрела журнал на паях. ¹⁴ Инициатором покупки был Б. Б. Глинский. Его сразу же поддержали будущие руководители «Северного вестника» — Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынский, которые мечтали в это время о своем издании для пропаганды идеалистических взглядов, зазвучавших уже в опубликованных статьях Волынского о Канте и Вундте. Среди пайщиков были также М. И. Свешников, А. А. Кауфман, М. А. Лозинский, С. А. Красовский и А. А. Бубнов. Издателем журнала с мая 1890 г. стал Глинский, редактором номинально оставалась Евреинова, уехавшая для лечения за границу. С сентября 1890 г. Глинский принял на себя и обязанности редактора. Однако всю редакторскую работу должен был вести редакционный комитет, в состав которого вошли Глинский, Лозинский и Волынский.

Между тем идейного и организационного единства не было ни среди пайщиков, ни внутри редакционного комитета. Волынский и Гуревич сразу заняли твердую и непримиримую позицию, пытаясь превратить журнал в трибуну для пропаганды своих литературно-философских взглядов. Другие пайщики, не имея твердых убеждений, с опаской относились к идеалистическим воззрениям Волынского, выступали против его резкой полемики с Михайловским и даже намеревались удалить Волынского из редакции и наладить контакт с бывшими сотрудниками «Отечественных записок» — Н. К. Михайловским, В. И. Семеvским, В. В. Лесевичем. Но сами пайщики оказались людьми, мало способными к литературно-издательской деятельности. Почти никто из них не принимал активного участия в делах журнала. В результате Глинский, который не мог один справиться с редакционно-издательской работой, попросил Волынского взять на себя все редакционные обязанности.

С мая 1891 г. издательницей «Северного вестника» стала Гуревич, а редактором, после исключения Глинского из числа пайщиков, — писатель М. Н. Альбов, ранее редактировавший беллетристический отдел. Бездеятельность пайщиков лишь усиливала позиции Гуревич и Волын-

¹³ Г. И. Успенский. Полн. собр. соч. в 14 томах, т. 14. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 107.

¹⁴ Об истории приобретения журнала и о разногласиях между пайщиками см. материалы «Из истории журнала „Северный вестник“», приведенные в кн.: Н. Г. Молоствов. Борец за идеализм. 2-е изд. СПб., 1903, стр. 319—395.

ского. Последний со всей определенностью высказывал свои взгляды в литературных и библиографических заметках. Гуревич привлекала к сотрудничеству в журнале лиц, которые были им близки по своим взглядам. Все это вызывало неудовольствие пайщиков и ускорило уход из журнала демократически настроенных сотрудников. Осенью 1891 г. оставил журнал С. Н. Кривенко, который заведовал отделом внутренней жизни. В письме к Гуревич от 9 октября он изложил причины своего ухода: «По совести и без всякой неприязни Вам говорю, что при всем старании не могу я понять Вашего направления и не понимаю руководящих, редакционных статей (за исключением экономических)». ¹⁵

Действительно, единой программы в «Северном вестнике» того периода не было. В журнале принимали участие люди противоположных убеждений: с одной стороны — представители либерального народничества: С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевский, П. В. Засодимский, Н. А. Рубакин, с другой — сторонники идеализма и символизма — А. Л. Волынский, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, З. Н. Гиппиус. Кроме того, печатались более или менее нейтральные беллетристы (П. Д. Боборыкин, А. А. Луговой-Тихонов, О. А. Шапир) и многие либеральные профессора, выступавшие на страницах общественного и научного отделов. Все это не могло способствовать успеху журнала.

Конфликт между пайщиками и Гуревич к осени 1891 г. обострился настолько, что совместное ведение журнала оказалось невозможным. Пайщики в пику Гуревич решили продать «Северный вестник» ее врагам — народникам. Не получив согласия Гуревич, они обратились к литературному третейскому суду, обвиняя издательницу в нарушении договора. Однако решение третейского суда оказалось не в пользу пайщиков. В результате по условиям миролюбивого соглашения от 2 апреля 1892 г. журнал остался в полной собственности Гуревич, а пайщикам вместо возврата паев было выдано долговое обязательство.

* * *

Итак, к началу 1892 г. Гуревич и Волынский добились того, к чему стремились еще два года назад: в их руках оказался журнал, который они поспешили превратить в орган пропаганды идеалистической философии и эстетики. Редактором «Северного вестника» некоторое время оставался Альбов, но влияния на идейное направление журнала он почти не оказывал и вскоре обратился с просьбой к издательнице освободить его от должности редактора. Главное управление по делам печати не сразу согласилось утвердить Гуревич как издателя-редактора. Утверждение состоялось лишь 17 ноября 1895 г.

По существу главную роль в новом «Северном вестнике» играл Волынский. Именно его литературно-критическая деятельность, его «Литературные заметки», появлявшиеся почти ежемесячно, его статьи в библиографическом отделе и написанные совместно с Гуревич программно-декларативные обращения к читателям определяли направление и идейную позицию журнала.

Вся журнальная деятельность Волынского в «Северном вестнике» шла под знаком борьбы за мистический идеализм не только в области философии, но и в области этики, эстетики и литературной критики. Даже общественно-политическую линию журнала он пытался обосновать, опираясь на философский идеализм. Он регулярно выступал с

¹⁵ ИРЛИ АН СССР. Рукоп. отдел, 19.955/СХХХV. б. 5, л. 1.

программно-полюемическими статьями: «Наука, философия и религия» (1893, № 9), «Народничество и либерализм» (1894, № 2), «Вражда и борьба партий» (1894, № 5), «Полюемическая перестрелка» (1894, № 10), «Консервативная и либеральная полемика против идеализма» (1896, № 7). Кроме того, определению позиции журнала была посвящена редакционная статья «Идеализм и буржуазность» (1896, № 1), написанная Волюнским совместно с Гуревич. В этой статье направление «Северного вестника» было названо «идеалистическим как в научной, так и в жизненной области». Позднее, в «Истории „Северного вестника“»,¹⁶ Гуревич так поясняла идейные установки журнала: «Моя исходная точка зрения была нравственная, а не политическая». Может быть, наиболее отчетливо программу «Северного вестника» Гуревич сформулировала в беседе с Л. Н. Толстым, отвечая на его вопрос о задаче журнала. «Мы думаем, — говорила она, — что механизм человеческой жизни заводится *изнутри*, из человеческого духа, и, только действуя на дух, можно обновить жизнь». ¹⁷ Подобную позицию руководители «Северного вестника» противопоставляли всем существующим направлениям в русской журналистике. «Северный вестник» одинаково непримиримо относился как к реакционно-консервативной прессе, так и к радикальной, либеральной, народнической. Волюнский неоднократно выступал в журнале против консерваторов, либералов и народников, обвиняя всех в философской ограниченности, утилитаризме и буржуазности.

Однако, воюя с реакционерами и либералами, сам Волюнский по существу смыкался с ними, так как решение политических вопросов подменял абстрактными рассуждениями о нравственности, уводил читателя от конкретных жизненных задач в сферу идеализма, мистики и духовного совершенствования. Разрешение всех зол он видел в новом типе религиозного сознания людей. В этом смысле показательна статья Волюнского «Наука, философия и религия» (1893, № 9), где проповедь идеализма приняла откровенный религиозно-мистический характер.

Нужно отметить, что реакционная пропаганда идеализма и мистики причудливо сочеталась в статьях Волюнского, как и в редакционной политике журнала, с выражением оппозиционных взглядов, с критикой самодержавных порядков, народнического догматизма, буржуазного утилитаризма и всяческого угнетения личности. Гражданские свободы, всеобщее равноправие неоднократно защищались на страницах журнала, хотя и ставились в зависимость от идеалистически-мистических, будто бы вечных нравственных идеалов. «Внутренняя свобода не воплотится в живых действиях, — писал Волюнский, — если нет свободы внешней, и тот, кто борется под знаменем идеализма, не может быть в рядах людей, попирающих интересы общественной справедливости на попрание практическом... не примирится ни с каким произволом» (1894, № 5, стр. 140—141). Таким образом, Волюнский не отрицал практической необходимости борьбы с буржуазно-самодержавными порядками, но хотел осветить эту борьбу идеями «высшего порядка».

При такой программе журнала главное место в нем занимали проблемы философско-эстетические и нравственные, а общественные вопросы отодвигались на второй план, хотя по объему им отводилось немалое место.

Общественно-политическая программа журнала оставалась расплывчатой и неопределенной. Статьи по социально-политическим и

¹⁶ Л. Гуревич. История «Северного вестника». — Русская литература XX века. т. I, кн. III. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914, стр. 235—264.

¹⁷ Там же, стр. 246.

экономическим вопросам, помещаемые в отделах «События и новости», «Политическая летопись», «Провинциальная печать», «Областной отдел» и «Письма из-за границы», мало чем отличались от либерально-народнических статей «Вестника Европы», «Русской мысли» и «Русского богатства». Об этом свидетельствуют и высказывания самого Волынского. В лекции 1901 г. «О современной русской журналистике», подводя итоги деятельности «Северного вестника», он говорил: «К великому сожалению, мне приходится засвидетельствовать, что, ведя борьбу за идеализм в области критики, журнал не мог подобрать себе в русском обществе 90-х годов единомышленных сотрудников по вопросам политики и социологии, и, при всем стремлении редакции создать в журнале одну цельную струю с протестантскою окраскою, она должна была, во многих отделах, давать обычные либеральные статьи, совершенно чуждые ей по духу».¹⁸

В общественных отделах журнала сотрудничали публицисты, связанные с либерально-народническими кругами. В 1890—1892 гг. в журнале печатались С. Н. Кривенко, Р. И. Сементковский и Н. А. Рубакин. В 1893 г. их сменили Л. А. Полонский, А. П. Субботин и А. С. Трачевский. Проф. Трачевский почти регулярно вплоть до прекращения издания вел в нем «Политическую летопись». Статьи этого отдела, кстати сказать, меньше всего подвергались цензурным сокращениям. Субботин — издатель «Экономического журнала» (1885—1894) — редактировал в «Северном вестнике» и писал статьи по экономическим вопросам. В 1893—1894 гг. он опубликовал цикл путевых очерков «Волга и волгарин».

Наиболее идейно близким сотрудником журнала был талантливый публицист Л. А. Полонский, ранее сотрудничавший в «Вестнике Европы» и «Русской мысли». В «Северном вестнике» он вел с 1893 по март 1896 г. отделы «Провинциальная печать» под псевдонимом Л. Прозоров и «Внутреннее обозрение» (с декабря 1893 г.). Во время отсутствия Трачевского (май 1894 — июнь 1895) он заменял его в «Политической летописи». Полонский в своих статьях поддерживал ту полемику, которую вел Волынский с либеральной и консервативной прессой. Не без согласования с Волынским он определил направление журнала как «идеалистический либерализм» (1894, № 5). Однако в марте 1896 г. он покинул журнал, поместив в «Новом времени» заметку о своем уходе. Его сменили молодые, малоизвестные публицисты, но более радикально настроенные — М. П. Петров и П. Кузнецов, а отдел «Провинциальная печать» в связи с материальными затруднениями журнала стала вести сама Гуревич под псевдонимом Л. Горев.

Особенно много внимания уделял журнал земской деятельности и положению окраин царской России — Сибири, Кавказа, Прибалтийского края. Был введен даже специальный подотдел в областном отделе «На окраинах», переименованный затем в подотдел «За пределами Европейской России». Характеризуя жизнь окраин, «Северный вестник» требовал уравнять их в правах с центральной Россией. Значительное место отводил журнал национальному вопросу, протестуя против шовинизма и защищая поляков и евреев.

С 1896 г., после опубликования статьи «Идеализм и буржуазность», Волынский и Гуревич пытаются придать журналу более радикальный характер, дабы подтвердить свои расхождения с либералами. Однако центральными остаются вопросы философские, нравственные и эстети-

¹⁸ А. Л. Волынский. Книга великого гнева. СПб., 1904, стр. 146—147.

ческие. «Я издаю „Северный вестник“ только ради литературы, ради отвлеченных интересов науки и эстетики», — писала издательница 8 октября 1893 г. в прощении об освобождении журнала от цензуры.¹⁹ Волинский видел свою задачу в обосновании новых принципов литературной критики. «Мне хотелось как можно яснее показать, — писал он, — что критика должна быть выведена на совершенно иную дорогу, должна опираться на идеи философского, а не утилитарно-политического характера». ²⁰ Борьба Волинского за новые принципы критики носила откровенно реакционный характер. Она была направлена против революционно-демократической мысли, против материализма и реализма. Идеалистические взгляды Волинского на искусство и на задачи литературной критики нашли выражение в его «Литературных заметках», в рецензиях библиографического отдела, в статьях «Вражда и борьба партий» (1894, № 5), «О символизме и символистах» (1898, № 10—12) и, наконец, в главных его работах — «Русские критики», «Леонардо да Винчи», «Лесков» и более поздней книге о Ф. М. Достоевском.

С позиций философского идеализма Волинский воевал не только с народнической, но и с революционно-демократической критикой. В цикле статей, печатавшихся на страницах «Северного вестника» в 1893—1895 гг. и вышедших затем отдельной книгой «Русские критики» (1896), Волинский обрушился на В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева. Это было наиболее реакционное его выступление, вызвавшее всеобщее негодование. С резкой статьей по поводу книги Волинского выступил в 1897 г. Г. В. Плеханов, показав несостоятельность как философских, так и эстетических воззрений критика: «Его теоретическая философия сводится к совершенно бессодержательным фразам; его практическая философия есть не более, как чрезвычайно плохая пародия на нашу „субъективную социологию“». ²¹

Выступая против социально-исторического подхода к литературе, сам Волинский выдвигал довольно абстрактные принципы критики. «Критика художественных произведений, — писал он, — должна быть не публицистической, а философской, должна опираться на твердую систему философских понятий известного идеалистического типа». ²² Следуя канонам идеалистической эстетики, Волинский и критерий искусства видел не в жизни, а в духовном сознании человека. Главной задачей искусства он провозглашал выражение общечеловеческих идеалов, изображение внутреннего мира, психологических переживаний человека, «воплощение высших философских начал». А говоря о назначении критики, Волинский утверждал, что она «никогда не должна переходить в непосредственное суждение о жизненных явлениях», а наоборот, должна «всячески содействовать тому, чтобы все условные, внешнеполитические вопросы, бесплодно терзающие человеческие умы, растворялись в идеях высшего порядка» (1894, № 5, стр. 153). Подобная религиозно-метафизическая эстетика определяла как конкретные суждения Волинского о литературных произведениях, так и литературную позицию журнала в целом, подбор русской и переводной беллетристики и поэзии.

Взяв журнал в свои руки, Волинский и Гуревич прежде всего прекратили печатать произведения писателей народнической ориентации. Был отвергнут роман Засодимского «Горе старого чабана», принятый

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 319, л. 97об.

²⁰ А. Л. Волинский. Книга великого гнева, стр. 145—146.

²¹ Г. В. Плеханов. Собр. соч., т. X. М.—Л., 1925, стр. 174.

²² А. Л. Волинский. Русские критики. СПб., 1896, стр. II.

Глинским, «Дневник филантропа» Н. М. Астырева. В литературных и библиографических заметках Волынского стали появляться критические высказывания о писателях-народниках. Он упрекал их за натурализм, фотографичность и нарочитую тенденциозность. Волынский вел ожесточенную полемику и с идеологом народничества Михайловским, обвиняя его в догматизме и философской узости.

Более благосклонно редакция «Северного вестника» относилась к писателям, отошедшим от народничества, не связанным с Михайловским. Произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, И. Н. Потапенко, К. С. Баранцевича, Ф. Д. Нефедова, А. А. Лугового-Тихонова, В. И. Дмитриевой, Н. Капустиной, Кота-Мурлыки (Н. П. Вагнера), хотя и оценивались критически в рецензиях Волынского, все же печатались на страницах журнала как нейтральные с «идейно-боевой точки зрения» и представляющие интерес для подписчиков. Из «нейтральных» беллетристов наиболее желательными постоянными сотрудниками журнала были П. Д. Боборыкин, Е. П. Леткова, В. Микулич (Л. И. Веселитская), Вас. И. и Вл. И. Немирович-Данченко, С. И. Смирнова, А. К. Шеллер-Михайлов, О. А. Шапир, И. И. Ясинский, А. И. Эртель — писатели, в какой-то мере разделявшие эстетическую платформу Волынского. Главное, что привлекало редакцию в произведениях названных писателей, — это решение нравственно-психологических проблем, отход некоторых авторов от общественных вопросов, преобладание любовных и интимно-семейных тем. Однако социальная тема не изгонялась совсем со страниц журнала, она лишь принимала отвлеченно-филантропическую, морально-этическую окраску. Примером могут служить роман Лугового «Грани жизни», произведения Шеллер-Михайлова, Вас. Немировича-Данченко, Шапир и др. В последние годы существования журнала в связи с его поведением стали появляться и более острые произведения, например памфлетная повесть Ясинского «Тараканий бунт» (1897, № 1), запрещенная первоначально цензурой как «злая карикатура на земского начальника» и опубликованная затем со значительными цензурными сокращениями.

Таким образом, в целом художественный отдел журнала был эклектичен, за исключением, может быть, отдела поэзии, который почти сплошь состоял из декадентско-символистских стихов.

Вместе с тем в журнале имелись литературные силы, на которые опиралась редакция и которые придавали «Северному вестнику» своеобразное лицо, выделяя его среди остальных изданий 1890-х годов. Сильной опорой журнала были Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков.²³ В 1891 г. редакция «Северного вестника» обратилась к Лескову с просьбой о сотрудничестве, чем необычайно растрогала опального писателя. «Он расположился к журналу, — вспоминала Гуревич, — признал правильной занятой им литературную позицию, обещал помощь словом и делом».²⁴ В «Северном вестнике» были напечатаны всего три произведения Лескова: статья «Литературный вопрос» — о завещании И. А. Гончарова (1892, № 6), рассказ «Пустоплясы» (1893, № 1) и очерк «Вдохновенные бродяги» (1894, № 10). Другие его произведения, например «Заячий ремиз», не могли появиться по цензурным соображениям. Но сам Лесков всячески поддерживал журнал. Он содействовал первому свиданию Гу-

²³ Взаимоотношения Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого с «Северным вестником» подробно освещены в ст.: П. В. Куприяновский. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в журнале «Северный вестник». — Уч. зап. Ивановск. пед. ин-та, 1962, т. XXIX, стр. 101—150.

²⁴ Л. Гуревич. История «Северного вестника», стр. 245.

ревич с Л. Н. Толстым. В свою очередь Волинский высоко оценивал творчество Лескова, защищал писателя от нападков народнической критики. Справедливо характеризуя Лескова как большого писателя, Волинский одновременно неправомерно преувеличивал его религиозные настроения, использовал его творчество для доказательства своих идеалистически-мистических взглядов.

Больше всего дорожили руководители журнала сотрудничеством Л. Н. Толстого. Оценивая художественный отдел «Северного вестника», Волинский отмечал, что «только один Толстой бросал в журнал молнии истинного идеализма в практической его форме». ²⁵ Об этом же писала Гуревич в «Истории „Северного вестника“»: «Поддержка, которую Толстой в те годы оказывал журналу, была деятельная и всем бросающаяся в глаза». ²⁶

Толстой весьма сочувственно относился к «Северному вестнику», называя его единомышленным органом, «лучшим из всех современных журналов». Свои произведения Толстой печатал в 90-е годы главным образом в «Северном вестнике». В журнале были помещены его рассказы «Суратская кофейня» (1893, № 1) и «Хозяин и работник» (1895, № 3), статьи «Неделание» (1893, № 9), «Религия и нравственность», опубликованная по требованию цензуры под названием «Противоречия эмпирической нравственности» (1895, № 1), и предисловия к «Дневнику Амиэля» (1894, № 1), к буддийской сказке «Карма» (1894, № 12), к статье Э. Карпентера «Современная наука» (1898, № 3). Печатание трактата «Что такое искусство?» также сначала предполагалось на страницах «Северного вестника». Кроме того, в журнале публиковались произведения, рекомендованные Толстым или близкие по духу толстовской идее нравственного самоусовершенствования: роман Н. Капустиной «Лабиринт», рассказы В. И. Дмитриевой («Не по правде»), В. И. Савихина («Аника-воин»), Ф. Ф. Тищенко («Незванный пришелец»), С. Т. Семенова, Л. Л. Толстого и произведения В. Микулич (Л. И. Веселитской). Деятельно поддерживал журнал толстовское издательство «Посредник». Так, в январском номере «Северного вестника» за 1894 г. была помещена программная статья издательства «Задачи редакции „Посредник“», а затем были опубликованы переводные статьи, одобренные Толстым: «Гуманитарное учение или гуманиариализм» Г. С. Солта (1894, № 4) и «Задачи современной критики» М. Арнольда (1895, № 6). Регулярно печатался в «Северном вестнике» каталог изданий «Посредника».

Взаимные симпатии редакции и Толстого объясняются некоторой общностью взглядов на жизнь и задачи искусства. Обостренный интерес к нравственным вопросам и проблеме самовоспитания личности, стремление осветить все жизненные явления единым «высшим принципом» — религиозным сознанием, критическое отношение к самодержавию, официальной церкви и либерализму — вот что объединяло Толстого с руководителями журнала. Но были и серьезные расхождения между ними, о чем свидетельствует хотя бы статья Волинского «Нравственная философия Л. Толстого» (1891, № 10), в которой критик, солидаризируясь с философией Толстого, одновременно высказывал критические замечания по поводу его практической морали. Если Толстой в своем этическом учении делал упор на практической нравственности, избегая всякой метафизики, то Волинский, наоборот, стремился решать метафизические, религиозно-мистические вопросы.

²⁵ А. Л. Волинский. Книга великого гнева, стр. 147.

²⁶ Л. Гуревич. История «Северного вестника», стр. 250.

Расхождения Толстого и Волынского касались и взглядов на человеческую личность, на природу человека, на искусство. Толстой везде отстаивал реальный взгляд на вещи, утверждал единое доброе начало в человеке. Волынский уходил в мистические абстракции, говорил о двойственной природе человека, о вековечной борьбе личного, эмпирического и сверхличного, мистического начал в человеческой натуре. В результате выразителем современных течений и настроений в литературе Волынский считал в большей мере не Толстого, а Достоевского, который запечатлел трагедию раздвоенной человеческой личности, борьбу злой воли и доброго сердца.

Внимание к раздвоенности и безысходной трагичности человеческой психики привлекало Волынского и в нарождавшемся декадентстве — западном и русском. «Северный вестник» был первым русским журналом, на страницах которого стали регулярно публиковаться произведения западных модернистов. Произведения А. Гарборга, Г. Зудермана, М. Метерлинка, Г. Д'Аннунцио, Г. Гауптмана, Р. Рильке, Г. Гофмансталя, К. Гамсуна, «Исповедь» А. Безант, а также пьесы Г. Ибсена — вот неполный перечень той новой западной литературы, которую усиленно пропагандировал «Северный вестник». На страницах журнала впервые в России были освещены эстетические взгляды О. Уайльда и Д. Рескина.

Целый ряд критических статей «Северного вестника» был также посвящен западному модернизму. Первой была статья А. Усова «Несколько слов о декадентах (Бодлер, Верлен, Малларме, Рембо)» (1893, № 8). В дальнейшем появились одна за другой статьи о Г. Ибсене, Г. Гауптмане, О. Уайльде, П. Верлене, С. Малларме, К. Гюисмансе, Э. Роде, М. Метерлинке, Г. Зудермане и др. Особенно активно выступали по вопросам западного искусства З. А. Венгерова (о литературе) и А. П. Коптяев (о музыке).

Приковывая внимание к новым литературным течениям Запада, редакция «Северного вестника» не относилась апологетически к этим новым явлениям в искусстве. В статье А. Усова, в статьях Коптяева, Венгеровой, Минского, Волынского звучали критические ноты по отношению к декадентскому искусству. Но критика нового искусства велась не с позиций реализма, а все с тех же позиций кантовского, религиозно-мистического идеализма. Декадентство положительно оценивалось в «Северном вестнике», главным образом, как реакция на материализм и реализм.²⁷

Еще более сложными были отношения редакции «Северного вестника» с русскими символистами.²⁸ На первых порах журнал явился единственным пристанищем для представителей русского модернизма, и то не для всех. В журнале активно печатались Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, Ф. К. Сологуб, К. Н. Льдов, К. М. Фофанов, З. Н. Гиппиус и К. Д. Бальмонт. Но ни разу не появлялись в журнале произведения В. Я. Брюсова, А. Миропольского (А. А. Ланга) и А. М. Добролюбова. Более того, сборники «Русские символисты», изданные Брюсовым,

²⁷ В связи с борьбой против реализма понятным становится разрыв журнала со Стасовым, который активно выступал со статьями об искусстве до 1895 г. Об этом разрыве писала Гуревич: «Осенью 1895 года мы совершенно разошлись со Стасовым по поводу начатой у нас печатанием его биографии Ге, в которой он хотел отстаивать реалистическую эстетику 60-х гг.» (История «Северного вестника», стр. 257).

²⁸ Подробно вопрос об участии символистов в «Северном вестнике» освещен в статье: Д. Е. Максимов. «Северный вестник» и символисты. — В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, стр. 83—127.

вызвали резкий отзыв Волинского. Рассматривая новые литературные течения лишь как перепутье, как реакцию на реализм, позитивизм и гражданственность, руководители «Северного вестника» поддерживали только тех «новых» литераторов, в произведениях которых хоть в какой-то мере звучали идеалистические или религиозно-мистические ноты.

В заметках о новых литературных веяниях и в рецензиях на произведения декадентов Волинский пытался разграничить понятия «символизм» и «декадентство». По существу почти всех русских модернистов он относил к декадентам, лишенным глубокого идеалистического взгляда на мир. В критике декадентов Волинский солидаризировался с Л. Н. Толстым, который, как известно, отрицательно оценивал декадентские ухищрения в области формы как свидетельство умственного и духовного убожества. Цитируя слова Толстого о декадентах — «теперешним художникам нечего сказать», Волинский писал далее: «Форма в искусстве достигла такой высоты, техника его получила такое широкое развитие, что иногда под видом новых поэтических откровений скрывается полное убожество внутреннего смысла. При всех своих новаторских претензиях декадентство постоянно сбивается на путь самой ординарной пошлости, заменяя простоту и ясность настоящего художественного вымысла нелепыми уподоблениями и аллегориями» (1896, № 1, стр. 313—314). Критик справедливо замечал, что декадентство «не дало на русской почве, по крайней мере, ни одного человека с особенно ярким литературным талантом» (1896, № 12, стр. 249). Декадентству он противопоставлял символизм как новое искусство, одухотворенное идеалистическим взглядом на мир. «Символизм есть художественное сочетание мира явлений с таинственным миром божества», — писал критик в 1896 г. (№ 12, стр. 253).

Из всех поэтов-декадентов Волинский наиболее сочувственно отзывался о Фофанове, отмечая его нежный стих, музыкальную рифму, сердечность тона, и Минском, стихи которого импонировали ему философскими сомнениями; критикой буржуазной пошлости. Минский был некоторое время очень близок к редакции «Северного вестника». В 1895—1896 гг. он занимал должность секретаря редакции.

Вообще нужно отдать должное эстетической требовательности Волинского. Поддерживая символистов, он неизменно отмечал серьезные пороки их творчества. Он осуждал рассудочное красноречие Мережковского, его проповедническую терминологию, отсутствие художественной искренности и простоты; у Минского — несовершенство формы, «спутанность художественных ощущений». Оценив довольно положительно рассказ Сологуба «Тени», критик одновременно указывал, что в целом дарование Сологуба «не яркое, рассудочное, монотонное», в стихах его нет искренности и сердечности. Наиболее резкие суждения высказал Волинский по поводу поэзии Бальмонта. Не отрицая его дарования, певучего музыкального стиха, он справедливо отмечал надуманность образов, претенциозное оригинальничанье, холодную рассудочность. О бальмонтском сборнике «В безбрежности» Волинский писал: «Стихотворная крикливость, неуловимые для воображения метафоры, грубая механичность в сочетании образов и красок и при этом безнадежная банальность внутренних настроений и скудость оригинального умственного содержания» (1896, № 2, стр. 81).

Взаимоотношения Волинского и символистов характеризует и тот факт, что на страницах «Северного вестника» не печатались их теоретические и критические статьи. (Исключение составляют небольшие статьи-рецензии Минского и Сологуба, которые не расходились со взглядами ре-

дакции.) Волынский пренебрежительно встретил теоретические трактаты Мережковского и Минского, не раз упрекал их в словесном жонглерстве и отсутствии цельного мирозерцания. Весьма критически относился он и к тем философам, которые пользовались популярностью в декадентских кругах, — к Ф. Ницше и В. С. Соловьеву. Статьи Волынского о Леонардо-да Винчи были полемически направлены против эстетики символизма — против культа самодовлеющей формы и красоты. Это хорошо поняли сами символисты. Минский называл эти статьи издавека начатой подземной миной, «которая должна взорвать на воздух современный символизм». ²⁹

Таким образом, опираясь на модернистов в борьбе с реализмом, редакция журнала расходилась с ними по некоторым теоретическим вопросам. Крайний скептицизм, индивидуализм, болезненно извращенное восприятие мира, отрицание каких бы то ни было нравственных норм и идеалов, культ красоты и эротики — все эти принципы декадентской литературы были неприемлемы для Волынского и Гуревич и подвергались в журнале критике. В итоговой статье 1898 г. «О символизме и символистах» Волынский весьма точно определил свое отношение к русским символистам-декадентам: «Во всем, что я когда-либо писал, не было ничего сочувственного их идеям и тем литературным задачам, которые ставят себе эти писатели. Когда мне приходилось говорить об их произведениях, я всегда выдвигал мое идейное разногласие с ними, хотя и не умалчивал об их дарованиях...» (1898, № 10—12, стр. 221). Подводя итоги декадентской литературы 90-х годов, Волынский писал о русских символистах в той же статье: «Они прежде всего „декламаторы чужой мудрости“, „трубачи“ или барабанщики чужих идей. У них нет той непосредственности и свежести чувств, без которых не может быть тонкого, проникновенного искусства» (там же, стр. 222). В «Истории „Северного вестника“» Гуревич также свидетельствовала о расхождениях между редакцией и символистами.

Но, несмотря на полемику и разногласия с русскими декадентами, Волынский фактически был одним из их идеологов. Их объединяло самое главное — проповедь идеализма и мистики, враждебное отношение к материализму и реализму. И все-таки нет достаточных оснований для того, чтобы безоговорочно характеризовать «Северный вестник» лишь как орган русских символистов. Позиция журнала была сложнее, содержание его не исчерпывалось модернистскими произведениями. Журнал не замыкался в узкие рамки эстетических вопросов. Проблемы культуры и самообразования, просвещения умов и воспитания человеческой личности — то, что было чуждо декадентским кругам с их крайним индивидуализмом, — составляли одну из задач «Северного вестника». В этом смысле большой интерес представляет отдел «Вопросы самообразования», который был введен в журнале с декабря 1895 г. и в котором помещались статьи крупных специалистов по самым различным вопросам. Придавая большое значение самовоспитанию личности, редакция уделяла немалое место психологическим проблемам как в искусстве, так и в науке. В журнале печатались этюды Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Психология художественного процесса» (1893, № 11, 12) и его большая работа «Тургенев и Толстой», а также статьи специалистов по вопросам психологии, медицины и криминалистики.

В отличие от других журналов, «Северный вестник» отводил много места воспоминаниям, дневникам и письмам великих людей. В нем были

²⁹ Н. Минский. Русская литература за 1898 год. — «Новости», 1899, № 28.

опубликованы воспоминания о П. И. Чайковском, С. В. Ковалевской, художнике Н. Ге, Ч. Ломброзо, Ф. Ницше, отрывки из дневника А. И. Герцена и большое количество писем (А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Т. Н. Грановского, Г. де Мопассана и Ф. Листа). Все эти материалы должны были содействовать более глубокому изучению человеческой психологии.

В отделе беллетристики печатались также не одни символисты. Как уже говорилось, большую роль в журнале играл Л. Н. Толстой и писатели, близкие к нему. Редакторы «Северного вестника» пытались наладить отношения с Чеховым, хотя и неудачно: Чехов опубликовал в журнале лишь одну повесть «Жена» (1892, № 1). Но творчество Чехова неоднократно находило отклик в статьях и рецензиях Воынского. Если в первых статьях критик говорил о крупном даровании Чехова «при ограниченном философском кругозоре» (1895, № 5, стр. 131), то позднее он называл его настоящим и чуть ли не лучшим художником современности (1898, № 10-12, стр. 198—206). Воынский положительно отзывался о произведениях Короленко и Эртеля, одна из повестей которого — «Карьера Струкова» — появилась на страницах «Северного вестника». Как уже отмечалось, Воынский едва ли не первый во весь голос заговорил о большом художественном таланте Лескова, несправедливо преданного остракизму.

Наконец, Воынский высоко оценил творчество М. Горького и привлек его к сотрудничеству в журнале. В «Северном вестнике» были опубликованы рассказы Горького «Озорник» (1897, № 8), «Мальва» (1897, № 11, 12) и повесть «Варенька Олесова» (1898, № 3, 4, 5). Сотрудничество Горького в журнале не было простой случайностью. Как и Л. Н. Толстой, молодой Горький сочувственно относился к журналу и к деятельности Воынского. Антинародническая направленность, интерес к «коренным вопросам духа», искание новых путей в искусстве, постановка этических и эстетических проблем, протест против буржуазной ограниченности и пошлости — вот то, что могло привлечь Горького в «Северном вестнике» и в статьях Воынского. Горький писал Воынскому в мае 1897 г.: «Мне было очень лестно получить от Вас приглашение сотрудничать в „Северном вестнике“, уважаемый Аким Львович, ибо к Вам я отношусь как к мыслителю вполне оригинальному и как к мужественному человеку. Мне хотелось бы написать что-нибудь порядочное и достойное журнала, который Вы ведете с таким блеском». ³⁰ В другом письме Горький говорил о «Северном вестнике» как о лучшем русском журнале тех лет. Однако далеко не все в деятельности Воынского было созвучно Горькому. Впоследствии это различие сказалось со всей определенностью. В 1907—1908 гг. Горький резко отзывался о Воынском и его проповеди идеализма, выступая против переиздания его книг в сборниках «Знания». ³¹ Но в 1890-е годы, в период борьбы против либерального народничества, позитивизма и натурализма, деятельность Воынского, будоражившая мысль, его призывы к обновлению человека, искусства и жизни в какой-то мере отвечали исканиям Горького, что и обусловило временный союз молодого писателя с «Северным вестником».

Подводя итоги, можно сказать, что «Северный вестник» 1890-х годов не был единым по своему содержанию. В нем причудливо блокировались различные представители общественной и художественной мысли эпохи, враждебно относившиеся к самодержавию и буржуазии, к ли-

³⁰ Архив М. Горького, ПГ-РЛ, 9.7/4, л. 1.

³¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29. М., Гослитиздат, 1954, стр. 70—71.

берализму и народничеству. «Северный вестник» привлекал художников, ищущих новых путей в искусстве и жизни, стремящихся к свободе и обновлению человеческих взаимоотношений. Однако эти искания шли совсем в разных направлениях. Объединяясь в оппозиционном отношении к существующему строю и буржуазной морали, сотрудники «Северного вестника» расходились как в понимании путей обновления жизни, так и самого характера «обновления». Толстой, символисты, Горький и сами руководители журнала — каждый по-своему представляли задачи эпохи и искусства.

Оппозиционные настроения, господствовавшие в журнале, сразу же уловила цензура, которая расценивала направление «Северного вестника» как неблагонадежное и вредное. Цензурой были запрещены, а большей частью сокращены многие статьи общественно-политических отделов журнала. Все произведения Толстого появлялись в «Северном вестнике» лишь после специального разрешения Главного управления по делам печати или даже самого К. П. Победоносцева. При этом Гуревич прилагала буквально титанические усилия, добиваясь возможности печатать статьи Толстого.

Наибольшие цензурные гонения «Северный вестник» испытал в 1895—1898 гг., когда начальником Главного управления по делам печати был назначен М. П. Соловьев, а сам журнал стал более радикальным, чем в первую половину 1890-х годов. За эти несколько лет наблюдавший за «Северным вестником» П. А. Вакар написал около 20 развернутых донесений в Главное управление по делам печати, указывая на вредное, неблагонадежное, предосудительное направление общественных и художественных отделов журнала. Неоднократные просьбы издателей «Северного вестника» об освобождении его от предварительной цензуры встречали неизменный отказ. Только в апреле 1897 г. Гуревич удалось, наконец, добиться этого: Но полученное разрешение не уменьшило, а, может быть, даже увеличило преследования цензуры. Журнал неоднократно задерживался в цензуре, был приостановлен выход в свет № 8 и № 12 за 1897 г. и № 2 за 1898 г. В апреле 1898 г. было объявлено первое предостережение.

Усиление цензурного гнета ускорило гибель «Северного вестника», который в 1897—1898 гг. еле сводил концы с концами. Материальные дела журнала становились все хуже и хуже. К концу 1897 г. за журналом числился долг в 140 тыс. В поисках выхода из тупика, стремясь всеми силами спасти журнал от краха, Гуревич вступила в декабре 1897 г. в переговоры с редакцией только что закрытого журнала легальных марксистов «Новое слово». Переговоры начались по инициативе легальных марксистов, которых, видимо, привлекала и полемика «Северного вестника» с народниками, и появившиеся отклики на рабочий вопрос, и несогласие редакции с подлинным марксизмом, выразившееся, в частности, в публикации перевода книги Р. Штамлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории», враждебной марксизму. Однако эти переговоры не увенчались успехом, так как главным условием объединения представители легального марксизма выдвигали «изоляцию» Волынского, на что Гуревич согласиться не могла.

В 1898 г. «Северный вестник» выходил уже нерегулярно, тоненькими книжками, со случайно собранным материалом. Последняя книга «Северного вестника», объединявшая три номера (№ 10-12), вышла лишь в феврале 1899 г., а в № 8-9, который увидел свет в декабре 1898 г., было опубликовано объяснение издательницы с подписчиками, где Гу-

ревич подводила итоги своей деятельности и объясняла крушение журнала притеснениями цензуры и финансовыми затруднениями. Безусловно, эти причины сыграли немаловажную роль в гибели журнала. Но несомненно и другое: крах «Северного вестника» был вызван более глубокими, внутренними причинами — тем, что идеалистически-мистические взгляды Волынского, определявшие позицию журнала, были чужды многим демократическим читателям. Кроме того, русская мысль конца XIX в. требовала конкретных ответов, освещения практических путей преобразования жизни. Абстрактно-отвлеченные рассуждения о «метафизике сердца» не могли удовлетворить людей, жаждущих реальных перемен.

Тем не менее «Северный вестник» сыграл немаловажную роль в период всеобщей «переоценки ценностей». Несмотря на ложные идеалистически-мистические идеи Волынского и его борьбу с революционно-демократической критикой, «Северный вестник» помогал раскрепощению умов, освобождению от устаревших догм либерального народничества, позитивизма и буржуазного утилитаризма. Совершенно справедливо утверждает П. В. Куприяновский: «При общей оценке „Северного вестника“ нельзя ограничиваться характеристикой его лишь как первого органа символистов (между тем, это так зачастую принято), а нужно учитывать сложность и противоречивость его позиции. Именно благодаря этой сложности и даже эклектичности „Северный вестник“ был проводником не только символистских „ценностей“, но и ценностей общекультурных, демократических и гуманистических». ³² Не случайно в журнале печатались такие крупные художники, как Толстой, Лесков, Горький.

³² П. Куприяновский. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в журнале «Северный вестник». — Уч. зап. Ивановск. пед. ин-та, т. XXIX, 1962, стр. 150.

„Русское богатство“

Журнал «Русское богатство» выходил в свет в продолжение более четырех десятилетий и отразил в своей истории сложный, подчас противоречивый путь развития русской общественной мысли в конце XIX—начале XX вв.

Летом 1872 г. подпоручик Н. Ф. Савич начал издавать в Москве двухнедельный «Народный листок сельского хозяйства и естествознания». Цель издания, сообщал Савич, заключается в распространении среди народа «реальных знаний и преимущественно общедоступных ремесел и промыслов» (1872, № 18, стр. 278).

В середине 1875 г. вместо «Народного листка» выходит уже двухнедельный журнал торговли и промышленности «Русское богатство», издание которого вскоре было перенесено из Москвы в Петербург. Владельцы журнала неоднократно менялись. В декабре 1878 г. руководителем «Русского богатства» стал библиотекарь Д. М. Рыбаков и преобразовал его в ежемесячное издание. Он выражал надежду, что ему удастся сделать журнал «вполне соответствующим современным требованиям серьезной прессы, а выход его периодически правильным» (1879, № 1, б. с.). Однако осуществить намеченное Рыбакову не удалось. В 1879 г. он выпустил лишь один номер журнала и передал издание С. Н. Бажиной. Последняя числилась издательницей лишь официально. Практически «Русское богатство» принадлежало группе писателей и публицистов-народников, которые создали своеобразную литературную артель. В товарищество входили публицисты и критики: Н. Ф. Анненский, А. М. Скабичевский, С. Н. Кривенко, М. А. Протопопов, Н. С. Русанов; писатели и поэты: В. М. Гаршин, Г. И. Успенский, П. В. Засодимский, Ф. Д. Нефедов, Н. С. Курочкин, А. Н. Плещеев и др. Обязанности редактора были возложены на Н. Н. Златовратского, и он выполнял их с начала 1880 г. до марта 1881 г.

Направление обновленного журнала отчетливо проявилось в разделе публицистики. Внимание сотрудников привлекали вопросы общинной жизни и судеб русского крестьянства. Весной 1880 г. Н. Н. Златовратский выступил с программной статьей «Народный вопрос в нашем обществе и литературе». Он отмечал признаки антинароднических настроений в среде интеллигенции, жалобы на то, что в литературе «мужик одолел». Писатель непримиримо отзывался о людях, отвергавших общину с буржуазных позиций. «Они хотели бы уничтожения общины законодательным порядком, мы пламенно желаем ее санкционирования и охраны в основных принципах. Они хотят перенести центр тяжести вне общины, — мы желаем перенести его на общину. Они протекционисты капиталистической промышленности, мы в такой же мере желаем протекционизма для общины» (1880, № 3, стр. 31). Единственной реальной силой, способной поддержать и укрепить общину, автор признавал на-

родническую интеллигенцию. Публицисты «Русского богатства» сходились на мысли, что выполнить эту миссию интеллигенция сможет, лишь завоевав политическую свободу.

В статье «Проповедники нового слова» Протопопов доказывал, что интеллигенции предстоит решить и другую задачу — преодолеть «резкую обособленность культурного человека и обезличенность общинника» (1880, № 8, стр. 15). Необходимо слияние типа «общинника» с типом «индивидуума». Чтобы найти верный путь, нужно понять народные чаяния и те общественные идеалы, которые складываются в сознании крестьянства. Кривенко предлагал выяснить, «в каких отношениях находятся эти идеалы к действительности и какие следы действительность в свою очередь кладет на них» (1880, № 1, стр. 87).

В журнале слышались иногда и скептические ноты. В статье «Поземельная община и ее вероятное будущее» Г. В. Плеханов отмечал, что под влиянием неблагоприятных экономических условий коренные принципы общинной жизни подвергаются все большему искажению. Однако совместными силами интеллигенции и крестьян можно ослабить и даже преодолеть воздействие неблагоприятных условий. «Своевременный переход к общинной эксплуатации полей или разрушение в борьбе с нарождающимся капиталом, — писал автор, — такова, по нашему мнению, единственная альтернатива для современной сельской поземельной общины вообще и русской в частности» (1880, № 2, стр. 36).

Еще большее сомнение в спасительных возможностях общины высказывал Русанов. «Мы стоим у преддверия капитализма, — писал он в статье „Современное проявление капитализма в России“. — Община, при всем благодетельном влиянии на народ, когда он более или менее обеспечен, не в состоянии спасти его от „свободомыслящей“ буржуазии, коль скоро он находится в неблагоприятных экономических условиях... Община предостерегает неравномерное распределение у народа земли, но она бессильна бороться против равномерной эксплуатации народа» (1880, № 2, стр. 88).

Начиная с 1880 г. в журнале был создан отдел «Русская жизнь», который затем был переименован в «Хронику внутренней жизни». Здесь выступали со статьями и обзорами М. Гарусов (П. Ф. Якубович), Ф. Д. Нефедов, В. О. Португалов и другие публицисты. Они приводили статистические сведения о малоземелье и тягостных выкупных платежах, подрывавших экономику сельского хозяйства, писали об уродливой системе административного управления на местах, о плохой постановке медицинской помощи и школьного дела в деревне, положении женщины в семье и иных трудно разрешимых вопросах русской жизни.

Содержание «Хроники внутренней жизни» вызывало недовольство цензуры, и редакция постоянно испытывала давление с ее стороны. В отзыве на «Русское богатство» цензор Н. Е. Лебедев писал, что руководители журнала ставят перед собой задачу «проводить в обществе крайние социалистические идеи» и что вокруг редакции «сгруппировались так называемые новые передовые литераторы нигилистического оттенка».¹ Из-за «плохой» репутации издания Главное управление по делам печати не разрешило в марте 1882 г. расширить программу отдела публицистики и затрагивать политическую сторону заграничной жизни.

¹ Опубликовано в кн.: Б. И. Есин. Русская журналистика: 70—80-х годов XIX века. Изд. МГУ, 1963, стр. 101.

Радикальным и оппозиционным по характеру был и литературный отдел. На страницах «Русского богатства» в начале 80-х годов печатались произведения многих прогрессивных писателей. Здесь появились очерки В. М. Гаршина «Люди и война» и его аллегорическая сказка «Attalea princeps», выдержки из антидворянской хроники С. Атавы (С. Н. Терпигорева) «Оскудение», очерк «Земец» из «Записок степняка» А. И. Эртеля. Г. И. Успенский опубликовал несколько реалистических очерков под общим заглавием «С места на место». Во многих номерах журнала печатался роман П. В. Засодимского из жизни хуторян — «Степные тайны». В рассказах Н. Н. Златовратского и Н. И. Наумова воздавалась хвала сельской жизни и общинным — «социалистическим» — стремлениям крестьян. Печатались сочинения и других писателей-народников: В. И. Дмитриевой, Ф. Д. Нефедова, Г. Н. Потанина.

Редакция популяризировала произведения французских прозаиков. В течение короткого времени в журнале появилось несколько рассказов А. Додэ и его роман «Нума Руместан», изредка печатались новеллы Г. де Мопассана. Большой удачей «Русского богатства» была публикация записок участника Парижской коммуны С. Майера «Воспоминания ссыльного». Журнал уделял также внимание американской литературе, главным образом фантастическим произведениям Э. По.

В начальный период издания артельного «Русского богатства» Златовратскому удалось привлечь к сотрудничеству нескольких известных тогда поэтов. В журнале помещали стихотворения, проникнутые гражданскими мотивами, П. Ф. Якубович, Л. Н. Трефолев, А. Л. Боровиковский. Редакция опубликовала несколько переводов «народных», антикрепостнических произведений польского поэта В. Сырокомли (Л. Кондратовича).

С критическими статьями в «Русском богатстве» выступали преимущественно Скабичевский и Протопопов. В полемической статье «Разлад мыслителя и художника» Скабичевский пытался обнаружить противоречия между идеей романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» о бесхитростной, чуждой ложной цивилизации, жизни и художественной правдой повествования. Странник субъективного метода в критике, Протопопов посвятил свои статьи «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского и повести В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской-Зайончковской) «Первая борьба». Несколько рецензий опубликовал Засодимский. Иногда появлялись литературно-критические статьи неизвестных лиц под условными подписями.

Реакция, усилившаяся после убийства Александра II, губительно отразилась на судьбе журнала. В марте 1881 г. отказался от обязанностей редактора Златовратский, его место занял библиограф и поэт П. В. Быков. Писатели-народники стали отходить от «Русского богатства». Журнал обесцветился и утратил многих подписчиков. При недостатке средств у товарищества журнал вскоре стал «неудобоносимым» бременем для издателей. В октябре 1882 г. «Русское богатство» было передано новому владельцу — беллетристу, философу и критику Л. Е. Оболенскому.

Отдел публицистики при Оболенском не сразу изменил свое направление. Некоторое время в нем сотрудничали С. Н. Кривенко, И. Юзов (И. И. Каблиц), В. С. Пругавин, шли споры о правовом положении общины, о крестьянском банке, страховании урожая и других традиционных для либерального народничества вопросах. Но постепенно в журнале все более отчетливо начинают звучать иные ноты. Оболенский становится убежденным проповедником философского

позитивизма О. Конта. В статье «Научные основы учения о любви» он рассматривает систему Конта в ее наиболее идеалистическом аспекте и доказывает, что позитивисты растворили понятие бога в объективных законах науки и в высших субъективных устремлениях человечества, таких, как любовь и жалость.

В середине 80-х годов «Русское богатство» еще дальше отходит от народничества и превращается в орган, пропагандирующий толстовское учение о непротавлении злу насиллем. На страницах журнала изредка появлялись очерки и наблюдения самого Л. Н. Толстого: «Жизнь в городе», «Деревня и город», «Воспоминания о переписи», «Труд мужчин и женщин», «В чем счастье?». Великий писатель с болью говорил о несправедливых общественных отношениях, при которых труженики обречены на безысходную нужду, болезни и бедствия. Острое чувство личной ответственности за неустроенность жизни пронизывало все, о чем он писал: «... я виноват в этом, и что так жить, как я живу, нельзя и нельзя, — это одно было правда» (1885, № 12, стр. 167). Оболенский опубликовал ряд статей, посвященных учению Толстого. Характерно истолкование, которое он дал этическим взглядам писателя. По словам Оболенского, критика Толстым «окружающей жизни» вела лишь к «бесплодному радикализму». Главное у Толстого — не обличительный гуманистический пафос, а религиозно-нравственная форма, в которую писатель облакал свои мысли. В статье «Русская мысль-боязнь и критика Л. Толстого» Оболенский ополчился против Н. К. Михайловского и его сторонников, которые безоговорочно осуждали религиозные увлечения писателя. Журналисты М. М. Филиппов и С. Розенберг поддерживали Оболенского в полемике и заявляли, что учение о непротавлении злу насиллем «есть для нас „призывный колокол, возвещающий обновление“» (1886, № 10, стр. 80).

Значительно шире и объективнее по содержанию была «Хроника внутренней жизни». Здесь печатались статьи о земских делах, о сельскохозяйственном кризисе в конце 80-х годов, о промышленной жизни страны и других волновавших русских читателей событиях. При Оболенском в журнале появился новый отдел — «Что делается за границей». Содержание его было весьма пестрым. Наряду с сенсационными сообщениями о человеческих жертвоприношениях в Дагосее или описаниями международных выставок в Париже и Берлине печатались статьи, характеризующие социальные порядки и нравы буржуазных стран. Позже этот отдел был переименован в «Хронику заграничной жизни» и просуществовал около трех десятилетий.

При Оболенском отдел беллетристики «Русского богатства» заметно оскудел. Издателю удалось опубликовать один из «народных» рассказов Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно?» и отрывки «Из записной книжки» Достоевского. Но это было лишь эпизодом, не изменившим общей картины. В журнале преобладали посредственные произведения на отвлеченно-моралистические темы малоизвестных авторов. Образовавшуюся пустоту издатель заполнял собственными литературными трудами. Под псевдонимом М. И. Красов он опубликовал романы «За идеалом», «Без маяка», повесть «Контрасты», фантастический рассказ «Море» и несколько других произведений. Оживляли отдел беллетристики романы и новеллы иностранных писателей. Оболенский охотно печатал переводы произведений А. Додэ, Э. Золя, Г. де Мопассана. Иногда появлялись романы английских и американских авторов: Уйда (Луизы де ла Раме), Ф. Брет-Гарта, У. Норриса, М. Кроуфорда. Однако первое место на страницах «Русского богатства»

бесспорно принадлежало польским писателям. В 1884 г. появился роман Т. Ежа «Гандзя Загорницкая», за ним последовали романы Б. Пруса «Душа в неволе», «Эмансипированная», рассказы и повести Э. Ожешко и М. Конопницкой.

Значительно скромнее в журнале была роль поэзии. Некрасовские традиции явно угасали. Наиболее заметной фигурой среди второстепенных поэтов был С. Д. Дрожжин. Его напевные лирические стихотворения «Пряха», «Песня», «Встану я чуть свет» и другие изображали крестьянскую жизнь в созерцательно-меланхолических тонах. Во второй половине 80-х годов в журнале явно возобладали отвлеченные мотивы поэзии природы. Наиболее отчетливо они звучали в стихотворениях П. В. Быкова и К. М. Фофанова.

Направление литературной критики в «Русском богатстве» определялось статьями самого Оболенского. В 1883 г. он выступил со своеобразной декларацией — «О нашей философии и народничестве», в которой доказывал, что метод Михайловского «чересчур субъективен». Он заявил, что пришло время создать новую социологию и критику, основанную на «примирении субъективного и объективного метода» (1883, № 3, стр. 714). Его поддержал критик Д. Струнин. Однако эти демонстративные рассуждения не означали, что Оболенский намерен вернуться к принципам Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В своих работах он не шел далее противоречивых попыток сочетать субъективно-публицистические приемы народнической критики с культурно-историческим методом И. Тэна. В продолжение нескольких лет Оболенский написал десятки статей и рецензий на произведения И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, П. Д. Боборыкина, Я. П. Полонского и других современников. Суждения его всегда были категоричны и столь же односторонни; иногда они приводили автора к совершенно неожиданным выводам. Необычность жизненного материала сибирских рассказов В. Г. Короленко, особенно «Сна Мақара», он рассматривал как одно из проявлений чистого искусства — экзотического романтизма: «... г. Короленко видит поэзию только там, где, говоря языком сравнений, есть шляпа сомбреро и перекинутый через плечо плащ» (1887, № 1, стр. 194).

Оболенскому был более близок и понятен реализм А. П. Чехова. Однако достоинство произведений Чехова он видел не в умении писателя отражать в малых житейских событиях трагическую глубину и сложность человеческих отношений, а в кажущейся обыденности его тем. Короленко писал Михайловскому, что критик хвалит Чехова за то, что он «умеет показать нам извозчика, улицу, дачу. А мой существенный недостаток... видит в том, что мне необходимо для произведения впечатления вести за собой читателя в тюрьму, ссылку, в сибирские леса, в якутскую юрту. Я думаю, что достоинство Чехова главное в том, что он вообще *умеет изобразить правдиво*, а не в выборе тем. Г. Оболенский не подумал, что для меня, например, тюрьма, ссылка, якутская юрта так же реальны, как для г. Оболенского поездка на дачу на извозчике».²

Несмотря на ограниченность своих эстетических взглядов, Оболенский верно почувствовал огромное значение для русской литературы творческих исканий Чехова и неизменно приветствовал его новые рассказы и пьесы.

Направление «Русского богатства», определившееся во второй

² В. Г. Короленко. О литературе. М., Гослитиздат, 1957, стр. 465—466.

половине 80-х годов, не вызывало сочувствия у читателей, и число подписчиков непрерывно сокращалось. В январе 1892 г. Оболенский был вынужден отказаться от дальнейшего издания журнала и передал его А. С. Туган-Барановской, которая в свою очередь уступила право на издание Е. М. Гаршину. Осенью того же года руководителем «Русского богатства» становится Михайловский и начинает привлекать к сотрудничеству писателей и публицистов-народников. Прежде всего был восстановлен артельный принцип издания журнала. В апреле 1893 г. участники заключили соглашение, по которому в число совладельцев вошли основные сотрудники «Русского богатства»: Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, А. И. Иванчин-Писарев. Позже к ним присоединились В. Г. Короленко, С. Н. Южаков, Н. Ф. Анненский и некоторые другие литераторы. Кроме того, были учреждены денежные пай, которые приобрели близкие журналу лица, «принявшие на себя издательский риск».³

Официальными издателями журнала числились Н. В. Михайловская, жена писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, и О. Н. Попова. Осенью 1894 г. Попова отказалась нести обязанности издательницы, и по решению собрания пайщиков эта должность была предложена Короленко. Главное управление по делам печати утвердило его соиздателем в мае 1895 г.

Основную редакторскую работу по журналу выполнял Н. К. Михайловский. В 1894 г. к руководству отделом беллетристики он привлек Короленко, но ни того, ни другого Главное управление по делам печати не сочло возможным утвердить в звании редактора. Тогда по решению пайщиков эти обязанности были поручены библиографу П. В. Быкову и доктору медицины С. И. Попову, которые практически были далеки от работы журнала. Только в 1900 г. административные органы пришли к заключению, что бессмысленно не считаться с действительным положением дел и признали редакторами «Русского богатства» Михайловского и Короленко. Позже литературными соредакторами Короленко были А. Г. Горнфельд и П. Ф. Якубович, а после смерти последнего — писатель Ф. Д. Крюков. Отделом публицистики ведали в разное время Н. Ф. Анненский, Н. С. Русанов, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов и А. Б. Петрищев, им и принадлежал, по словам Короленко, «решающий голос по приему статей».

В 90-х годах в «Русском богатстве» сотрудничали многие видные публицисты-народники: С. Н. Кривенко, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков, Н. А. Карышев, В. В. Лесевич, Н. Ф. Анненский. В следующем десятилетии ведущую роль стали играть В. А. Мякотин, А. Б. Петрищев, А. В. Пешехонов и теоретик группы эсеров — В. М. Чернов. В среде сотрудников «Русского богатства» никогда не было подлинного единодушия. Противоречия начали сказываться с первых же лет издания журнала при новой редакции. В 1893—1894 гг. резко обострились отношения между Михайловским и Кривенко. Последний выражал настроения наиболее «умеренной», правой части народничества, ему была чужда мысль о значительных политических и социальных преобразованиях в России. Для успеха журнала требовалось создать атмосферу, «при которой возможно было бы опираться на симпатии широких кругов читающей публики, — вспоминал позже Южаков. — Ни узенькая и тесненькая программа Кривенко, ни его имя не были достаточны» (1906, № 8, стр. 182). Основные сотрудники журнала под-

³ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Рукоп. отдел, ф. 266, оп. 1, ед. хр. 1, л. 11.

держали Михайловского, и по решению литературного комитета Кривенко был выведен из состава редакции.

Однако эти радикальные меры не спасли «Русское богатство» от тяжелых идейных ошибок и неудач. Осенью 1893 г. в одном из обзоров, опубликованных под постоянным заголовком «Литература и жизнь», Михайловский заявил о своем намерении выступить в печати с критической идеей русских марксистов. В начале следующего года появились его первые полемические статьи. К нему вскоре присоединились С. Н. Южаков, Н. Ф. Даниельсон, Н. Е. Кудрин (Н. С. Русанов), Л. С. Зак и другие публицисты «Русского богатства». Михайловский утверждал, что он верен заветам революционно-демократической мысли и выступает против марксистов-«учеников» лишь потому, что они «не желают стоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (1897, № 10, стр. 179). В действительности же субъективно-идеалистическая позиция Михайловского имела весьма отдаленное отношение к философским традициям 60-х годов.

Михайловский заявил, что законы материалистической диалектики «не соответствуют формам развития общества и жизни вообще» (1894, № 2, стр. 159). Это утверждение подхватили остальные публицисты-народники и с особой горячностью стали нападать на марксистское учение о детерминированности исторических и социальных явлений. В начале 1895 г. вышла в свет книга Бельтова (Г. В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В «Русском богатстве» немедленно появился резкий отзыв на нее под заголовком «На высотах объективной истины», автором которого был Кудрин (Русанов). Рецензент бурно восставал против основной мысли Бельтова о зависимости исторического процесса от экономических условий. Эстетические чувства и религиозные умонастроения общества Кудрин полностью исключал из сферы действия экономических законов. Главный его аргумент сводился к тому, что народы, стоящие на различных ступенях общественного и экономического развития, нередко имеют одинаковые религиозные верования. «Но этот довод кажется основным только на первый взгляд, — отвечал Плеханов. — Наблюдение показало, что в таких случаях „одна и та же“ религия *существенно изменяет свое содержание* соответственно степени экономического развития исповедующих ее народов».⁴

Л. С. Зак в статье «Исторический материализм», посвященной книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», доказывал, что люди, руководствующиеся принципами исторического материализма, заняты «поисками *одной* какой-либо категории явлений, *одного* фактора, который можно было бы признать краеугольным камнем всего исторического движения» (1895, № 1, стр. 2). Южаков в социологических этюдах и Даниельсон в статье «Апология власти денег как признак времени» пытались противопоставить марксистскому методу теорию Михайловского о стихийном воздействии на исторические события биологических, социальных, общественных, психологических и многих иных факторов. «Проблема социологии, — писал Южаков, — раскрыть и истолковать всю эту сложную картину» (1895, № 8, стр. 174). Ленин отмечал, что публицисты «Русского богатства» приписывали марксистам нелепое намерение не учитывать всей совокупности общественных связей и взаимодействий, тогда как в действи-

⁴ Г. В. Плеханов. Избр. философск. произв., т. 1. М., 1956, стр. 508.

тельности марксисты «были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни. . .».⁵

Движущей силой исторического развития в хаотическом переплетении факторов социологи-субъективисты признавали лишь творческую волю «критически мыслящей личности». Михайловский обвинял марксистов в умалении роли личности, в том, что для них история «ни от каких великих или невеликих людей не зависит, а управляется собственными имманентными законами» (1894, № 1, стр. 104). Отсюда следовал произвольный вывод, что при такого рода «фатальном» взгляде на историю общественному деятелю отводится пассивная роль: он лишь игрушка в руках слепой необходимости. Ленин указывал на полную несостоятельность подобных рассуждений. «Идея детерминизма, — писал он, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. . . Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиноким актом, тонущим в море актов противоположных?»⁶

Под влиянием марксистской критики Михайловский в статье «О народничестве, субъективизме и прочем» был вынужден признать, что «ученики» не сводят роль личности к нулю, согласиться, что на общественное развитие влияют не только выдающиеся личности, но и объективные исторические законы. Слабость своей позиции он пытался прикрыть утверждением, что «неизбежность известного процесса, даже если она вполне доказана, не обязывает нас ему содействовать» (1897, № 11, стр. 127).

Более последователен Михайловский был в своих социально-экономических взглядах. С марксистами он вел спор главным образом о развитии капитализма в России. Еще в 80-х годах он писал, что капитализм на русской почве возможен, но далеко не обязателен, торжество его сулит новые бедствия трудящимся и равносильно «отобранию у народа его хозяйственной самостоятельности».⁷ Но так как русский капитализм находится «в зачаточном состоянии», то можно сознательно воздействовать на хозяйственную жизнь страны и «выбирать характер своей экономической политики».⁸

Субъективно-идеалистическое решение вопроса, намеченное Михайловским, было принято большинством публицистов «Русского богатства». Даниельсон писал: «Совершенно правы те, которые для нашего отечества ищут материальные основания для создания иного пути хозяйственного развития, а не того, „которым шла и идет Западная Европа“» (1895, № 1, стр. 34). Профессор-народник Карышев, вопреки истине, убеждал читателей, что фабрично-заводское производство в России неуклонно сокращается. В. И. Ленин показал, что он достиг этого с помощью весьма нехитрого приема: причислил к фабрикам мелкие

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 161.

⁶ Там же, стр. 159.

⁷ Н. К. Михайловский. Соч., т. 5. СПб., Изд. журн. «Русское богатство», 1897, стр. 543.

⁸ Там же, стр. 782.

кустарные мастерские, которые не выдерживали конкуренции с крупной промышленностью и закрывались. Чтобы доказать невозможность процветания капитализма в России, публицисты-народники писали о массовом разорении малоимущих крестьян и непрерывно сокращающемся внутреннем рынке страны. «А если бы они обратились хотя бы к экономике нашей деревни, — возражал Ленин, — то должны бы были признать, что именно разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат создает внутренний рынок».⁹

Публицисты «Русского богатства» рассматривали общинное землевладение в деревне как основу будущего социального устройства России. С. Д. Протопопов, А. А. Кауфман, П. А. Голубев, Н. Ф. Даниельсон, Н. А. Карышев доказывали необходимость неотчуждаемости крестьянских наделов, раздела помещичьих земель, уравнительного землепользования и предоставления кредитов малоимущим крестьянам. Ленин отмечал, что эти меры не способны изменить общего направления экономического развития страны.¹⁰

Другой, не менее утопической, стороной народнической публицистики была мысль о возможности спасти отечество «от горестных путей западноевропейского развития» (1896, № 12, стр. 107), поддерживая «народную промышленность», под которой подразумевались кустарные промыслы. На страницах журнала появлялись призывы к «разуму» и «совести» руководящих классов, шла речь об отказе от предпринимательской выгоды, о технических усовершенствованиях и товариществах по сбыту готовых изделий, которые должны были влить новые силы в кустарное производство. Все это не выходило в действительности, как иронически отозвался Ленин, из области «розовых мечтаний».¹¹

Идейное поражение публицистов «Русского богатства» усугублялось разладом в редакции. Михайловский в своих полемических высказываниях бесцеремонно искажал взгляды марксистов и пользовался преимуществами легального издания для нападок на людей, которые не имели возможности отвечать ему открыто. «Положение получалось оригинальное, — рассказывает в своих воспоминаниях В. В. Вересаев. — Михайловский писал статьи против марксистов, марксисты засыпали его негодующе-возражающими письмами, Михайловский возражал на эти письма. Читатель был в положении человека, присутствующего при диалоге, где слышны речи только одного из участников».¹² К таким же приемам прибегали в своих статьях и другие публицисты-народники. Против их явно недобросовестных действий горячо протестовали Анненский и Короленко. Касаясь рукописи одного из таких сотрудников — И. И. Сведенцова-Ивановича, Короленко писал о невыносимом положении, в которое поставлены цензурой марксисты: «...защищаться им негде, их собственный сборник сожжен». Очерк же Сведенцова-Ивановича «похож на страстный сатирический фельетон, направленный против людей, которые не могут защищаться тем же оружием».¹³

Падение авторитета и популярности «Русского богатства» заставило редакцию журнала во второй половине 90-х годов занять внешне более объективную позицию по отношению к марксистам. Даниельсон в статье «Несколько слов об основных положениях теории К. Маркса» писал по поводу «Капитала»: «Этот великий труд представляется осно-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 256.

¹⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 284.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 396.

¹² В. В. Вересаев. Соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1948, стр. 369.

¹³ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10. М., Гослитиздат, 1956, стр. 244.

ванием, на котором должно быть построено здание социологии как науки, а последний раздел этого труда — переходом от экономической науки к политической и юридической, а также к науке о нравственности» (1897, № 1, стр. 26). Шумные выступления в пользу марксизма отнюдь не мешали Даниельсону искажать основные положения исторического материализма. Ленин писал, что Даниельсон старается «выдавать себя за строгого поклонника принципов Маркса», но его труды доказывают иное. Он опускает учение о классовой борьбе, что «свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма...».¹⁴ Осенью 1897 г. в «Русском богатстве» появилась статья Б. О. Эфруси «Различные учения о доходе с капитала», в которой речь шла о невежестве зарубежных критиков марксовой теории прибавочной стоимости. Тогда же в отделе публицистики была опубликована статья М. Б. Ратнера «К. Маркс и его русский критик», представлявшая собой ответ на теоретические работы Л. З. Слонимского в «Вестнике Европы», упрощенно и вульгаризаторски освещавшие взгляды Маркса. Однако роль защитника марксизма была необходима автору главным образом для того, чтобы перейти затем к традиционным народническим рассуждениям об особой исторической миссии крестьянства. Через несколько лет Ратнер выступил в «Русском богатстве» уже как ревизионист со статьей «Материалистические и идеалистические элементы в системе К. Маркса».

В. И. Ленин указывал на исторически прогрессивное значение народничества «как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...»¹⁵ Именно это обстоятельство объясняет распространение и успех народнической печати в кругах демократической интеллигенции. Короленко и Михайловский прилагали немало усилий к тому, чтобы журнал, при всех идейных просчетах и противоречиях, не терял облика оппозиционного демократического издания. Публицисты «Русского богатства» неизменно развивали мысль о необходимости всенародной борьбы за демократические «свободы», обличали реакционные органы печати, выступали против полицейского произвола в стране, национального неравенства и захватнической политики царизма.

Заграничные корреспонденты (В. А. Тимирязев, Л. В. Василевский, Дионео — И. В. Шкловский и др.) помещали в журнале письма и сообщения о политической и культурной жизни Англии, Франции, Австрии и Германии. Радикальные по своему характеру обозрения иностранной жизни неизменно привлекали внимание читателей.

В «Хронике внутренней жизни» отмечались все значительные общественные события: холерные буфты на юге России, строительство железных дорог, переселение безземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, политические выступления учащейся молодежи и стачки фабрично-заводских рабочих. Реакционные действия царской администрации немедленно комментировались в журнале, в пределах, доступных для подцензурного издания. В «Хронике внутренней жизни» печатали свои обозрения Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, М. А. Плотников, А. В. Пешехонов, С. Н. Южаков и многие другие авторы.

Наиболее яркой страницей в истории «Русского богатства» явилась публицистическая деятельность Короленко. Писатель пришел в журнал с большим опытом работы в столичной и провинциальной печати, широко известный как обличитель «дворянской эры». С января по июнь

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 320.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229.

1893 г. на страницах «Русского богатства» печатались наблюдения и заметки Короленко «В голодный год». Он писал о малоземелье и крепостнических пережитках в деревне, порождавших нищету и голод. Очерки приподнимали завесу над «крепостническими безобразиями» на местах, раскрывали лицемерие официальных кругов, которые тайно боролись «за отстранение помощи от голодающего народа». Из заметок и наблюдений писателя следовал неутешительный для народников вывод. В суровых экономических условиях безземелья, кулацкой и помещичьей эксплуатации рушились старые патриархальные порядки, и община уже не могла предотвратить разорение миллионов крестьянских хозяйств.

Огромное воздействие на передовую общественность оказали корреспонденции Короленко об известном мултанском деле. Оно положило начало многолетней борьбе Короленко с национальными «утеснениями». В 1903 г. для «Русского богатства» им была написана статья «Дом № 13» — о еврейском погроме в Кишиневе, совершившемся при явном попустительстве полиции.

Борьба против чужденоненавистнической национальной политики царизма была тесно связана в публицистике Короленко с вопросом о патриотизме истинном и ложном. В статье «Несколько слов о национализме» он отмечал распространение в консервативной среде «гипертрофированного патриотизма», полного злобы и нетерпимости к другим народам. Эти же мысли развивал он и в статье «Национализм, гуманность, нагайка, война». В заметке «Несколько слов о клеветническом патриотизме» писатель противопоставил шовинистическим взглядам реакционеров самоотверженную любовь к отечеству истинных демократов. Для них, писал он, полно значения страдальческое прошлое и настоящее родины, они не могут быть равнодушны «к ее надеждам на будущее, к ее усилиям в борьбе для достижения этого будущего, к проявлению ее гения в области мысли и духа» (1905, № 2, стр. 134).

Короленко рассматривал печать как острое орудие борьбы за демократические права народа. В начале XX столетия под влиянием всеобщего недовольства правительство вынуждено было созвать «особое совещание» по вопросам печати, в котором участвовали представители заинтересованных министерств и литературной общественности. Короленко с недоверием отнесся к обещаниям правительства устранить излишние цензурные стеснения. В статьях «Поэзия и проза в комиссии Д. Ф. Кобеко», «Откровенные излияния кн. Мещерского», «Благословенный уголок» и других писатель иронически отмечал, что русскую печать представляют преимущественно реакционные журналисты и литераторы, такие, как А. С. Суворин, Д. Н. Цертелев, поэт А. А. Голенищев-Кутузов и кн. В. П. Мещерский. Смысл рассуждений членов комиссии сводился к тому, «чтобы из благодарности печать сама наложила на себя узду и чтобы с свободой печати им, носителям власти, было еще „удобнее“, чем при цензуре» (1905, № 11-12, стр. 202). В статье «Слова министра. Дела губернаторов», в своих общественных выступлениях писатель обращал внимание современников на то, что под прикрытием разговоров о либерализации печати царская администрация отнимает у русской гласности и те небольшие права, которые были завоеваны ранее.

Основная нота публицистики Короленко — отрицание бюрократического «строя жизни». Он настойчиво повторял, что бесконтрольная власть деспотического правительства губительна для страны и народа.

Наибольшее влияние Короленко оказывал на отдел беллетристики.

С осени 1892 г., когда руководителем «Русского богатства» стал Михайловский, в журнале начали сотрудничать многие писатели-реалисты старшего поколения, «последние могики» «Отечественных записок», как говорил о них Мамин-Сибиряк. Короленко продолжил и укрепил в отделе беллетристики это направление прогрессивной демократической журналистики. Станюкович опубликовал в журнале несколько морских рассказов и роман «Жрецы», обличавший продажную буржуазную интеллигенцию. Гарин-Михайловский поместил продолжение «Семейной хроники» — повести «Гимназисты» и «Студенты», а также цикл очерков «Деревенские панорамы», в котором шла речь о бессилии сельской общины предотвратить разорение и распад крестьянских семей. Вересаев в нашумевшей повести «Без дороги» отразил кризис народнического мировоззрения. А. М. Горький дебютировал в «Русском богатстве» рассказом «Челкаш». Не всегда доброжелательное отношение Михайловского к молодому писателю и народническая окраска журнала помешали ему связать свою литературную судьбу с этим изданием. В середине 90-х годов в «Русском богатстве» была напечатана повесть А. И. Куприна «Впотьмах», затем повесть «Молох», затрагивавшая «рабочий вопрос», и несколько рассказов. В начале следующего десятилетия писатель отошел от журнала.

Более длительным было сотрудничество Мамина-Сибиряка. Оно началось весной 1893 г. и продолжалось почти до самой смерти писателя. Здесь появились такие крупные его произведения, как близкие к автобиографическим записки «Черты из жизни Пепко», роман «Падающие звезды», посвященный вопросам искусства, и повесть «Любовь куклы». Кроме того, печатались циклы очерков «Детские тени» и «Медовые реки». Короленко считал большой удачей, что в отделе беллетристики сотрудничает «певец Урала», и восторженно отзывался о его творчестве.

Короленко был последователен в своей редакторской работе и стремился не превращать отдел беллетристики в строго выдержанный орган литературного народничества. При Михайловском в «Русское богатство» вернулись Засодимский и Златовратский, но вскоре отошли от журнала. Возможно, это было связано с тем, что Короленко сочувственно относился лишь к «критическому» течению в народнической литературе, которое представляли такие писатели, как Г. И. Успенский и П. Ф. Якубович.

Крупной фигурой среди близких Короленко литераторов был Якубович. С 1895 по 1898 г. в журнале печатались его записки бывшего каторжника «В мире отверженных». Писатель горячо протестовал против «переслащенного народолюбия» тех литературных критиков, которые требовали от него изображения каторги как обломка «народного мира». В журнале печатались также его повести о демократической молодежи: «Юность. Из воспоминаний неудачницы», «На ранней зорьке» и «Школьные годы». В 90—900-х годах во многих номерах «Русского богатства» появлялись произведения С. Я. Елпатьевского. Это были зарисовки из быта ссыльных в Сибири, очерки и рассказы о жизни городских ремесленников и обитателей рабочих кварталов. Почти одновременно с Якубовичем и Елпатьевским в журнале начал сотрудничать еще один представитель «сибирской школы писателей» — В. Г. Богораз-Тан. Первыми были опубликованы его чукотские очерки «Кривоногий» и «На стойбище». Затем последовали отрывки из дневника ссыльного «На пьяной ярмарке», повесть о петербургских рабочих «На Кузнецком тракту», рассказ «Дачники на Калакаланде».

В «Русском богатстве» печатались многие произведения самого Короленко. Здесь появились новые сибирские рассказы и очерки писателя, заметки из дневника путешественника «Над лиманом», «У казаков», эпизоды и картинки с натуры «Парадокс», «В облачный день», «Не страшное», «Смиренные», аллегорическая восточная сказка «Необходимость», первоначальный вариант повести «Без языка» и основной его труд — автобиографическая повесть «История моего современника», публиковавшаяся по главам в продолжение нескольких лет после революции 1905 г.

В беллетристическом отделе «Русского богатства» всегда находили творческую помощь и поддержку одаренные начинающие авторы. В 1901 г. Короленко обратил внимание на присланную в редакцию рукопись «Мытарства», в которой в мрачных тонах воспроизводились сцены из жизни московского рабочего дома. Автором ее был «писатель из народа» С. П. Подъячев. В редакторской книге Короленко отметил: «Кажется, есть дарование». Через год «Мытарства» появились в журнале. За ними последовали циклы очерков: «По этапу», «У староверов», «К тихому пристанищу» и многие другие. Короленко обычно сам редактировал рукописи Подъячева, проникнутые суровой правдой жизни русской деревни.

Руководители отдела беллетристики считали возможным привлечь к участию в журнале всех авторов, которые были далеки от ретроградных идей и сохраняли верность реализму. В 90-х годах на страницах «Русского богатства» печатались произведения К. С. Баранцевича, О. А. Шапир, Т. А. Богданович, И. А. Бунина, Н. И. Тимковского, О. Ольнем (В. Н. Цеховской), Е. П. Летковой, Е. Н. Чирикова, И. Н. Потапенко, В. И. Дмитриевой. В 900-х годах в журнале начали сотрудничать А. С. Серафимович, Н. Ф. Олигер, В. В. Муйжель, К. А. Тренев, Е. В. Бровцына (Выставкина), С. С. Кондурушкин. Разнообразие авторских имен не означало случайности тематики. Короленко, Якубович, Горнфельд взыскательно отбирали лишь то, что не вызывало сомнений в прогрессивности содержания. Журнал охотно публиковал талантливые, но не всегда тщательно обработанные романы и повести Муйжеля, затрагивавшие острые бытовые и общественные проблемы, политически злободневные произведения Олигера («По амнистии», «Смертники»), обличительные рассказы и очерки В. А. Табурина, Л. П. Сокольского, А. А. Кипена (Кипенева) и других авторов, освещавших неприглядный армейский быт, военные неудачи царского правительства на Дальнем Востоке и дикие расправы карателей с незащищенным населением.

Роман А. М. Федорова «Земля», записки статистика И. П. Белоконского «Деревенские впечатления», сцены из крестьянской жизни А. И. Баранова «По голым полям», очерки «с натуры» С. П. Подъячева с документальной точностью отображали неурожай и голод в деревне, безземелье, разорение крестьянских семей — все то, что потрясало и расшатывало патриархальный уклад сельской жизни. Реалистические произведения на бытовом деревенском материале занимали основное место в художественной прозе «Русского богатства». Короленко считал необходимым расширить этот слишком ограниченный тематический круг. Писатель приветствовал все новое, что обогащало тематику отдела беллетристики. В годы подъема рабочего движения он отмечал, что в редакцию «то и дело присылают очерки из фабрично-заводской жизни, остающиеся как-то вне литературного внимания».¹⁶ По совету

Короленко в «Русском богатстве» были напечатаны произведения двух литераторов-рабских: «Заводские очерки» В. Измайлова и рассказы Н. А. Лазарева «Наследство» и «В проходной».

Редакторы отдела беллетристики знакомили читателей с творчеством славянских писателей. Неоднократно печатались произведения классика украинской литературы М. М. Коцюбинского и рассказы известного болгарского писателя Ив. Вазова. Особенно разносторонне была представлена польская литература. Как и раньше, печатаются Б. Прус, Э. Ожешко и М. Конопницкая. Появляются новые имена: А. Струг («Уличный скрипач», «Некролог», «Накануне»), В. Серошевский (повести «На краю лесов» и «Побег»), переводятся романы В. Реймонта и С. Жеромского. На второй план отошла французская проза, представленная к тому же второстепенными писателями: П. Лоти, О. Мирбо и Ж. Рони. Больше внимания руководители отдела беллетристики уделяли английской литературе. Здесь были опубликованы произведения Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», Э.-Л. Войнич «Джек Реймонт» и «Оливия Латам». Новейшую английскую прозу представляли Д. Голсуорси, Р. Киплинг, У. Локк, Д. Конрад. Реже появлялись переводы с немецкого языка, иногда встречались имена скандинавских писателей — К. Гамсуна, А. Стриндберга, Б. Бьёрнсона.

Меньше внимания редакция уделяла отделу поэзии. В середине 90-х годов к журналу примкнули К. Д. Бальмонт и сторонница «чистого искусства» П. С. Соловьева (Allegro). Затем начала сотрудничать Г. Галина (Г. А. Эйнерлинг). Ряд талантливых реалистических стихотворений поместил В. В. Башкин, рано умерший сотрудник журнала («Город жестокий», «Сон узника», «Безработица» и др.). Наиболее видным поэтом «Русского богатства» был Якубович. С 1895 по 1910 г. он почти в каждом номере публиковал свои стихотворения. Певец «поколенья, проклятого богом», Якубович был далек от ощущения безысходности бытия. Его лирика поражала современников жизненной силой и революционной энергией. Высокой гражданственностью были проникнуты стихотворения «Памяти Успенского», «В Сибири, окованной лютым морозом», «Последняя жертва», «Красный снег», «В дыму пожаров — город».

Направление литературной критики в «Русском богатстве» после 1892 г. определяли статьи Михайловского, Короленко и Горнфельда.

Михайловский декларативно заявлял, что он верен заветам революционно-демократической критики и при оценке литературных произведений прежде всего стремится выявить их идейную и общественную сущность. Однако подлинные эстетические взгляды критика далеко не всегда совпадали с тем, что было выработано Чернышевским и Добролюбовым. В отличие от своих предшественников, Михайловский недооценивал значение объективного начала в творческом процессе и сосредоточивал внимание исключительно на субъективных свойствах авторского восприятия, на том особенном и личном, что вносит писатель в художественное воспроизведение действительности. Критический метод Михайловского был тесно связан с агностицизмом его философских взглядов и убеждением, что познание истины средствами искусства недостижимо. Важно лишь, чтобы условное представление о мире, которое возникает в сознании писателя, а затем воплощается в его творчестве, «удовлетворяло требованиям человеческой природы, и критерий истинности следует искать уже в том удовлетворении».¹⁷

Главной задачей литературы критик признавал утверждение гражданского и человеческого достоинства личности, защиту личности от стихийных сил, способных сокрушить и изломать ее. «Все наши маленькие житейские драмы, а пожалуй, и водевили, все крупнейшие исторические события укладываются в рамки этого огромного и рокового вопроса»,¹⁸ — писал он в середине 80-х годов. В произведениях Г. И. Успенского Михайловский находил отражение драматического конфликта между стремлением писателя к «гармонии» человеческой личности и терзаниями «уязвленной совести». Все творчество Гаршина для него — олицетворение скорби о подавлении человеческой личности и попрание ее достоинства. В драмах Г. Ибсена Михайловский видел воплощенные мысли о «совести и чести» как чем-то противоположном идее исторической необходимости. В трагических коллизиях пьес норвежского драматурга он старался подчеркнуть «бунт личности против роковых стихийных сил». Такой же субъективно-этической интерпретации придерживался критик и в статьях о Л. Н. Толстом, печатавшихся в «Русском богатстве».

Субъективный метод нередко приводил Михайловского к односторонним и даже ошибочным суждениям. Такова была его оценка творчества Чехова. Критик усматривал в произведениях писателя отсутствие «общей идеи». Еще более дискуссионный характер носили статьи Михайловского о Горьком. Он отмечал яркую одаренность молодого писателя, но находил в его рассказах проявления «нищества» и культа сверхчеловека.

Во многих критических выступлениях Михайловского были несомненные прогрессивные черты. Достаточно отметить его скептическое отношение к литературным принципам, которыми руководствовались натуралисты и декаденты. В «Русском богатстве» появилось несколько статей критика о П. Д. Боборыкине, романы которого он порицал за нарочитый объективизм и отсутствие ясно выраженной авторской точки зрения. Декадентам были посвящены статьи: «Русское отражение французского символизма», «О... декадентах», «Г-жа Гиппиус и „ступени к новой красоте“», о сборнике «Русские символисты» и др. Михайловский рассматривал в своих критических обзорах творческую практику Д. С. Мережковского, Н. Минского (Н. М. Виленкина), З. Н. Гиппиус, Ф. Сологуба (Ф. К. Тетерникова) и других поэтов, отмечал в их произведениях вычурность литературной формы, унылый индивидуализм и стремление уйти от общественных задач в «мистические сферы».

Последователем традиций революционно-демократической критики был Короленко. Ведущую роль в реалистическом искусстве он отводил объективному началу и доказывал, что при оценке литературного произведения «нужно искать красоты и жизненной правды вместе».¹⁹ В творчестве Г. И. Успенского критик особенно важным считал умение автора довести до читателей «живой факт», так сказать еще теплый, во всей его правде и со всеми заключенными в нем противоречиями».²⁰ У И. А. Гончарова он отмечал расхождение между субъективными намерениями писателя и объективным содержанием его произведений. У творца «Обломова» «для всей описываемой им жизни была только симпатия и любовь».²¹ Однако правдивость изображения придала повествованию обличительный характер.

¹⁸ Там же, т. 6, стр. 332.

¹⁹ В. Г. Короленко. О литературе. М., 1957, стр. 551.

²⁰ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8, стр. 66.

²¹ Там же, стр. 255.

Для Короленко было важно раскрыть мировоззрение автора, найти те нити, которые связывают его творчество с общественной средой. «Сила Гаршина, — писал он, — не во внешней занимательности действия, а в глубине и интенсивности, с какой он отражал наиболее характерные настроения своего поколения».²² В творчестве Л. Н. Толстого, по мысли критика, воплощались «и самый тяжкий разлад, и лучшие стремления нашего темного времени».²³

Короленко принадлежали многочисленные очерки о русских писателях-классиках. Он проникновенно рассказывал о творческой судьбе Н. В. Гоголя, Н. Г. Чернышевского, Г. И. Успенского, А. П. Чехова, В. М. Гаршина, Л. Н. Толстого. Эти художественно-биографические произведения принадлежали к лучшим образцам жанра литературного портрета.

В «Русском богатстве» часто появлялись рецензии Короленко. Писатель приветствовал первый сборник рассказов и очерков А. С. Серафимовича, отметил колоритность образов и мастерство пейзажных зарисовок. Он одобрительно отозвался о «Чукотских рассказах» В. Г. Богораз-Тана, в которых развертывались перед читателями сцены «своеобразного, неведомого быта». С заботливой взыскательностью оценивал Короленко произведения малоизвестных, но несомненно одаренных авторов Н. И. Тимковского, Н. Н. Канивецкого, Т. Барвенковой и др. Книги реакционных беллетристов вызывали бурное негодование писателя. В 1897 г. он поместил уничтожающую рецензию на записки бывшей «народницы» С. Аргамаковой «Действительность, мечты и рассуждения провинциалки», чернившей крестьян в каждой строке своих злобно-ретроградных рассуждений. Еще более резко писал Короленко об «Ежемесячных сочинениях М. Белинского (И. И. Ясинского), который, по словам критика, уже величаво помещается «по ту сторону стыда», а его произведения — «по ту сторону литературы» (1900, № 4, стр. 58).

Короленко направлял свои критические удары и против литературного модернизма. Зимой 1893 г. он записал в дневнике, что теоретики русского декадентства не находят ничего лучшего, «как мужественно ополчаться против теней Добролюбовых и Чернышевских».²⁴ Такие столпы модернизма, как А. Л. Вольнский и Д. С. Мережковский, выступали, по словам Короленко, с позиций антиреализма и «собачьего мистицизма». Писатель отрицал не только идейное содержание модернизма, но и его художественные средства: многозначительную «приподнятость тона», иррациональную метафоричность и символику. Все это он связывал с попытками декадентов «перенести центр тяжести творчества в неопределенные субъективные ощущения, давать оттенки вместо тонов».²⁵ Творчество русских декадентов Короленко ставил в один ряд с деятельностью их зарубежных единомышленников. Модернизм для него был явлением космополитическим, оторванным от родных корней.

В конце 90-х годов в журнале стали появляться литературно-критические статьи Горнфельда. Им были опубликованы очерки о Н. В. Гоголе, С. Т. Аксакове, Н. А. Некрасове, П. Д. Боборыкине, Д. С. Мережковском, Л. Н. Андрееве, С. Н. Сергееве-Ценском и других русских и зарубежных прозаиках и поэтах. Горнфельду был близок субъективный метод Михайловского, но в его статьях вопросы идейной и социальной

²² Там же, стр. 247.

²³ Там же, стр. 123.

²⁴ В. Г. Короленко. Дневник, т. 2. Госиздат Украины, 1926, стр. 222.

²⁵ Там же, т. 4, стр. 330.

оценки отошли на второй план, их место занял углубленный психологический анализ. Более всего Горнфельда привлекали теоретические изыскания. В течение нескольких лет появились его статьи: «Муки слова», «Творческая личность И. Тэна», «Заметки о реализме», «О толковании художественных произведений» и др. Он выступал против вулгаризации принципов революционно-демократической критики, но сам не шел далее решения отвлеченно-этических вопросов. Процесс развития литературы критик отрывал от общественной практики и рассматривал как борьбу новаторов с застывшей традицией.

* * *

*

Исторической заслугой Михайловского В. И. Ленин считал «сочувствие и уважение к „подполью“, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы...»²⁶ После смерти издателя журнала, в годы первой русской революции эта традиция была почти полностью утрачена его бывшими сотрудниками. Большая часть публицистов «Русского богатства» отвергла тактику подпольной политической борьбы с самодержавием и отстаивала идею «открытой», легальной партии буржуазных реформ, опирающейся на интеллигенцию. Так определилось в журнале «народнически-кадетское» направление. Ленин говорил, что из среды Мякотиных, Пешехоновых и других подобных им деятелей «вышли первые ликвидаторы среди демократии!»²⁷ Когда началась мировая империалистическая война, никто из них открыто не выступил против разгула милитаризма. Публицисты «Русского богатства» склонили голову перед войной как перед роковой необходимостью и готовы были идти на временное сотрудничество с царским правительством. В дни Октябрьской социалистической революции многие из них оказались в числе противников восставшего народа.

Короленко не примкнул к сложившейся в «Русском богатстве» оппортунистической группировке и упорно отстаивал независимость своей общественной позиции. Современники видели в нем живую «совесть России». Годы первой русской революции были самой напряженной порой публицистической деятельности писателя. Почти в каждом номере «Русского богатства» появлялись его статьи и заметки. Короленко приветствовал всеобщую стачку в октябре 1905 г. Обещанные Манифестом 17 октября гражданские права и «свободы» не смогли обмануть Короленко. Надежды на обновление общественного строя России не оправдались. «В революционные периоды народной жизни, — писал он, — нет ничего опаснее полумер, промедлений и колебаний... Но именно того, что было нужно, не было сделано. В правительстве оставлены самые ярые выразители старого порядка, система выборов явно направлена к затруднению народного представительства, а права, провозглашенные в манифесте, тотчас же были залиты кровью» (1905, № 11-12, стр. 198). Слова манифеста с той поры стали для писателя средством обличения лицемерного и враждебного народным массам правительства. Многолетняя борьба за гражданскую законность привела Короленко к выводу, что в России незаконным является само царское правительство. «Самодержавный строй, — утверждал он, — всюду действует как сила незаконная, потому что он упразднен законным актом верхов-

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 334.

²⁷ Там же, стр. 336.

ной власти» (1905, № 11-12, стр. 199). Во времена столыпинской реакции его публицистическое мастерство достигло огромной обличительной силы. Ярче всего это проявилось в статьях о смертной казни «Бытовое явление» и «Черты военного правосудия». Каждая статья — это сгусток документальных материалов о трагических судьбах безвинных людей, обреченных карателями на гибель. Смертная казнь стала хозяйкой русского правосудия, приходит к заключению писатель. «Тем священнее обязанность печати, — продолжает он, — хоть напоминать о том, что ужас продолжается в нашей жизни, чтобы не дать ему превратиться окончательно в будничное, обыденное, бытовое явление, своего рода привычку, перестающую шевелить общественное сознание и совесть».²⁸ Короленко гневно выступал против бесчинств полиции, административного произвола и шовинизма. Влияние его публицистики на современников было исключительно велико и объяснялось не только значительностью тем, но и непреклонным стремлением автора утвердить справедливость. Журналист не вправе не только солгать, говорил Короленко, «но даже скрыть что бы то ни было, что он считает истиной».²⁹

Талантливые произведения писателей-реалистов, появившиеся в отделе беллетристики, хорошо поставленная литературная критика, многие обзоры русской и зарубежной жизни и полные обличительного пафоса публицистические статьи Короленко являются тем достойным изучением наследием, которое дало возможность «Русскому богатству» занять видное место в русской журналистике.

²⁸ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 9, стр. 527.

²⁹ Там же, стр. 667.

Сатирическая журналистика 1870—1890-х годов

В начале 70-х годов русская сатирическая пресса понесла большую утрату: из-за цензурных условий в 1873 г. прекратила свое существование «Искра», после чего «Будильник» остался на некоторое время единственным сатирическим изданием прогрессивного направления.¹ Однако уже с середины 70—начала 80-х годов (до мартовских событий 1881 г.) число сатиро-юмористических изданий значительно увеличивается. С конца 1875 г. начинает издаваться «Стрекоза», с 1878 г. — «Свет и тени», с 1879 г. — «Шут» и «Мирской толк»,² с 1881 г. — «Осколки» и «Зритель». Появляются сатирические журналы и в провинции: в Тифлисе в 1880—1881 гг. выходит журнал «Фаланга», а после его закрытия — «Гусли» (1881—1882); в Одессе издается юмористический журнал «Маяк» (1881—1885).

После мартовских событий 1881 г. за целое десятилетие юмористическая журналистика пополнилась всего тремя недолговечными изданиями: «Русский сатирический листок» (1882—1884 и 1886—1889), «Сверчок» (1886—1891) и «Гусли» (1889—1890). Однако в эти же годы по разным причинам прекратили свое существование журналы «Фаланга», «Гусли», «Свет и тени», «Мирской толк», «Зритель» и одесский «Маяк». Через испытания 80-х годов сумели пройти всего несколько наиболее жизнеспособных изданий: «Развлечение», «Будильник», «Стрекоза» и «Осколки».

Несмотря на обилие и внешнее разнообразие сатиро-юмористических журналов, ни один из них в этот период не сумел подняться до уровня революционно-демократических изданий 60-х годов по своим идейным качествам, по четкости и последовательности проводимой программы, по глубине общественного влияния. Это последнее положение, безусловно верно определенное современными советскими историками литературы и журналистики, тем не менее привело к некоторой односторонности как в изучении конкретной истории сатирических журналов, так и в характеристике их общего направления в 70—80-е годы. По существу, более внимательно изучался лишь журнал «Осколки», да и то в связи с творчеством раннего А. П. Чехова. Остальные журналы этого периода почти все без исключения оценивались отрицательно, характеризовались как органы буржуазной обывательской юмористики, в которых сатирический элемент выражен крайне слабо.³

¹ Юмористические журналы «Развлечение» (М., 1859—1905) и «Маляр» (СПб., 1871—1878) избегали постановки социальных вопросов.

² В 1876—1878 гг. этот журнал выходил под названием «Московское обозрение», а «Шут» явился продолжением «Малыра».

³ См.: Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959, стр. 537, 565, 591, 623, 625, 626, 629, 644, 673; И. Эвентов. Сатира в творчестве М. Горького. М.—Л., 1962, стр. 6 сл.; Л. Ф. Ершов. Советская сатирическая проза 20-х годов. М.—Л., 1960, стр. 14—19; История русской литературы XIX в., т. II. Под ред. проф. С. М. Петрова. М., 1963, стр. 542, 570, 694.

Однако более внимательное изучение материалов, опубликованных на страницах журналов и «застрявших» в цензурных архивах, показывает, что нельзя все журналы сатиры и юмора 70—80-х годов рассматривать только как органы «обывательской юмористики». Следует отметить, с одной стороны, «Будильник» (до середины 70-х годов), петербургские издания «Стрекоза», «Осколки», московский журнал «Свет и тени», а также тифлиссские журналы «Фаланга» и «Гусли», в которых довольно часто, хотя и в разной степени, были представлены сатирически обличительные элементы; с другой — органы действительно невинного и благонамеренного юмора, как «Развлечение», «Шут», «Малляр», «Сверчок» и др.

Общественные позиции сатирических журналов яснее всего раскрываются «на крутых поворотах истории», в периоды наиболее резких обострений политической борьбы. В эти годы такими острыми моментами были выступления народников, многочисленные покушения на жизнь российских самодержцев и крупных сановников и следовавший за ними натиск реакции.

После 1 марта 1881 г. по условиям подцензурной печати все газеты и журналы обязаны были поместить в траурной рамке официальные сообщения о смерти царя. Правительственные и многие другие правые издания полгода выходили с траурной каймой. По характеру сообщений и оценок событий 1 марта не отличались от реакционных изданий и такие юмористические журналы, как «Будильник» и «Осколки».⁴

«Отечественные записки» М. Е. Салтыкова-Щедринá, вынужденные поместить официальные сообщения и манифест Александра III, намеренно дают их по материалам других газет и журналов. Свое отношение к событиям формулируется сдержанно, в нескольких строках, как надежда-пожелание, «чтобы с наступлением нового царствования начался и новый период русской жизни...» («Отеч. зап.», 1881, № 3, стр. 16).

Достаточно смелое заявление по поводу январских событий поместил тифлиссский журнал «Фаланга». После сообщения о самом факте убийства царя журнал возлагает вину за него на тех, «кто под личиною верного служения престолу и отечеству» задерживает развитие страны (1881, № 10, стр. 2).

Характерно дипломатически-уклончивое поведение журнала «Стрекоза». Сохраняя внешнее приличие подцензурного издания, журнал вместо очередного номера (№ 10) рассылает подписчикам листок в траурной рамке: «В мрачные и тяжелые, исторически необычные дни переживаемых Россией ужасов и потрясений, когда мыслимо одно лишь общее всенародное чувство глубочайшей и нерушимой скорби общественной и литературной, текущий номер нашего журнала, естественно, выйти не может и не должен». Подписи: редактор И. Ф. Василевский (Буква), издатель Г. К. Корнфельд.

На листке стоит разрешение цензуры от 5 марта 1881 г. Выражение «скорби» вполне устраивало цензуру, но отсутствие прямых указаний на ее причины, а также характеристика дней «ужасов и потрясений» могли быть истолкованы и как предвестие реакции. 15 марта выходит задержанный, 10-й номер журнала обычного содержания, новым в нем были только «Изречения великих людей...»; шесть наиболее острых сатирических афоризмов были перепечатаны из журнала «Искра».

⁴ В них печатаются верноподданнические стихи, вроде «Плачет Русь, плачет весь православный Восток...» («Будильник», 1881, № 10) и т. п.

Одной из существенных причин того, что ни один из сатирических журналов 70—80-х годов не стал подлинным продолжателем традиций революционно-демократической «Искры», был, безусловно, тяжелый цензурный гнет. Об этом свидетельствуют и архивы цензуры, и многочисленные свидетельства современников. Если «Шут», «Развлечение» и некоторые другие журналы иногда страдали от цензуры только «за эротизм», «гривуазность», «скабрёзность и цинизм», то издания с сатирическими тенденциями постоянно и систематически подвергались цензурным гонениям.

В 1884 г., например, цензура запретила публикацию в «Осколках» 76 произведений, а всего за десятилетие, с 1881 по 1891 г. — около 300. В письме к Чехову 10 октября 1886 г. редактор «Осколков» Н. А. Лейкин сообщил: «... журнал еле уцелел. На утро я был вызван в цензурный комитет, и председатель... объявил мне, что журнал будет запрещен, если я не перемену направление, что цензор вымарывает статьи, но против общего направления, против подбора статей он ничего не может сделать, и что тут виноват редактор. Объявлялось мне также, что начальник Главного управления по делам печати вообще против сатирических журналов и не находит, чтобы они были необходимы для публики».⁵

Как видно из этих строк, цензура преследовала не только отдельные произведения, но и само направление журналов, стремясь вытравить из них обличительные тенденции. С 1876 по 1889 г. в журнале «Стрекоза», при всей дипломатичности и осторожности редактора и издателя, было запрещено 166 произведений и рисунков. Не лучше обстояло дело и с журналом «Будильник», а журналы «Фаланга», «Гусли», «Свет и тени» были просто закрыты цензурой.

И все же цензурный гнет был не единственной причиной измельчания сатиры. Сказался и общий идейный кризис — кризис народнических идей. Народовольческая тактика индивидуального террора не могла привести к положительным завоеваниям, напротив, каждый раз их выступления неизбежно влекли за собою еще более широкое наступление реакции, а научный социализм и социал-демократическое движение делали свои первые шаги. Вот почему в журналах есть «тоска по идеалам», но нет подлинной борьбы за революционно-демократические идеалы, которая была душой «Искры».

Наконец, существенное значение имело и то обстоятельство, что большинство сатирических журналов 70—80-х годов были чисто коммерческими предприятиями, они издавались буржуазными предпринимателями вроде купца и фабриканта Г. К. Корнфельда и др.

Все это остро ощущали и современники. Так, в журнальном обзоре за 1885 г. критик А. Кузин писал: «Странное состояние переживает в данный момент наша литература! Смолкли голоса, смело возвещавшие миру новые истины. Исчезли прежние широкие обобщения, кругозор общества как-то сузился, общественные мотивы, социальная основа искусства исчезла... Мы потеряли критерий для оценки. Из нас вынули душу». Далее автор говорит о «бесстыдстве» некоторых журналов, в которых царит «полный разгул коммерческого нахальства... заменившего рублем исчезнувший дух русского творчества» («Колосья», 1885, № 11, стр. 344, 349). Любопытнее всего, что это признание помещено в журнале «Колосья», издававшемся отнюдь не прогрессивным деятелем И. А. Баталиным.

⁵ Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907, стр. 240.

Но даже в лучших журналах этого периода следует различать их «фасадную» сторону, обращенную к цензуре и вкусам нетребовательного читателя, и некоторые сатирически-обличительные мотивы, которые, как правило, проскальзывали в «малых жанрах», ставших господствующими в этих изданиях.

«Будильник» (1871—1917)

В юбилейном, 12-м, номере «Будильника» за 1885 г., посвященном 20-летию журнала, говорилось: «В 1872 году „Будильник“ переселился в Москву, и первые строки московского „Будильника“ принадлежали Н. А. Некрасову. Переменивши климат, „Будильник“ не переменил ни своих идеалов, ни своего направления, продолжая по-прежнему бичевать серьезные аномалии общества и вышучивать мелкие страстишки и увлечения». Автор этих строк А. Д. Курепин, в то время редактировавший «Будильник», не совсем прав. Переезд в Москву заметно отразился на журнале — он оторвался от той среды, в которой возник, среды, остро и чутко реагировавшей на все явления общественной жизни. И хотя московский период «Будильника» начался стихотворением Некрасова и в журнале эпизодически сотрудничали Л. И. Пальмин, А. И. Левитов, Л. Н. Трефолов, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, Г. Н. Жулев, А. П. Чехов, В. А. Гиляровский, сатирическая острота его выступлений с каждым годом идет на убыль. Безусловно, на содержание журнала повлияло и прекращение издания «Искры» в 1873 г., оно прозвучало предупреждением и «Будильнику».

Особенно заметен крен в сторону чисто развлекательной юмористики после смерти Н. А. Степанова в 1877 г. С этого времени «Будильник» издают и редактируют весьма посредственные журналисты Л. Н. Уткин, Н. Г. Кичеев, а позднее Е. Г. Арнольд, А. Д. Курепин. Передача руководства журналом в руки «уткиных и кичеевых», как выразился в одном из писем Чехов, ускорила отход «Будильника» от позиций журнала «искровского» типа. И хотя в № 12 журнала за 1885 г. подчеркивалась его приверженность лучшим традициям «Искры» и говорилось, что он «единственный сын „Искры“ и ее законный наследник», «Будильник» все реже обращался к социальной проблематике, реже «бичевал серьезные аномалии общества», чаще останавливая свое внимание на «мелких страстишках и увлечениях»:

Звоню на процветанье школы,
Звоню на гибель кабака,
На вразумление саврасов,
На славу правды, горе врак,
На обузданье Пегасов
Господ Тряпичкиных-писак.
Звоню, да мирный ход прогресса
Продлится, неуклонно прям...

(1885, № 12)

Эти строки характеризуют позицию журнала в период энергичного наступления реакции, усиления в стране самодержавно-полицейского произвола. В них ясно прозвучала та самая «практическая трезвенность мещанских прогрессов», о которой писал В. И. Ленин. В том же номере говорилось: «Исповедывание веры „Будильника“: чистая сатира, то серьезная, то шутовская, юмор, не унижающий себя заигрыванием с „улицей“, честное обращение с печатным словом, не знающее ни кумовства, ни расчета, — вот девиз „Будильника“ и в прошлом, и в настоящем, и в будущем». Эти слова — явное приукрашивание своей программы и от-

кровенная самореклама. Уже в первые годы «московского периода» в журнале стали появляться материалы, далекие от «чистой сатиры», но зато рассчитанные именно на вкусы «улицы», на успех у известной части публики. «Будильник» начинает помещать такие «реплики» с адресом: «Москательный загон. Павел Ильич, несчастливый в картах, но не в любви, отправился с Ольгой Гавриловной за границу на теплые воды» (1874, № 2). Страницы журнала из номера в номер занимают сусальные, слащавые повести и рассказы весьма примитивного содержания («А счастье было так возможно!», «Пиковая дама», «Заколдованный дом» и т. п.), расцветает тема женитьбы, в журнале изобилуют «руководства для мужчин, желающих иметь успех между женщинами», заметно усиливаются антисемитские мотивы, главной фигурой, на которой сосредоточивается внимание, становится купец.

В 80-е годы под влиянием успеха «Стрекозы» журнал внешне перестраивается: малые формы выходят на первое место; рождаются новые рубрики: «Калейдоскоп „Будильника“», «Провинциальные экскурсии», «Сцена и кулисы», «Фонарики», «Мелочишки», «О том, о сем», «Телефон „Будильника“», «Голубиная почта», «Телеграммы». Страницы журнала пестрят цветными литографиями художников А. И. Лебедева, Н. А. Богданова, М. М. Чемоданова, Н. П. Чехова. Но внешняя перестройка не вызвала коренных перемен в позиции журнала, по-прежнему большая часть материалов «Будильника» посвящена не проблемам социальной значимости, а мизерным событиям размеренной обывательской жизни, традиционным темам сезонно-праздничного календаря. При этом журнал не всегда был достаточно чистоплотен и осмотрителен, помещал материалы, смакующие различные скандальные происшествия, злоупотребляя намеками с адресом. Именно это особенно претило Чехову, который писал в 1883 г. брату Александру: «„Будильник“ я не терплю, и если соглашусь строчить в нем, то не иначе, как с болью... Если бы все журналы были так честны, как „Осколки“...»⁶ Выступая с «тостом прозаиков» в день двадцатилетия «Будильника», Чехов говорил о дезертирстве, отупении и «прочих метаморфозах», которые в удивительно короткий срок происходили с сотрудниками журнала: «Не стану я объяснять этой недолговечности, но ею берусь объяснить многое. Объясняю я ею такое печальное явление, как отсутствие окрепших, сформировавшихся талантов. Объясняю отсутствие школ и руководящих традиций» (1885, № 12). Им точно подмечены основные причины отступления журнала от «искровских» позиций, утраты лучших «руководящих традиций».

И все же в 80-е годы в «Будильнике» звучали и сатирические мотивы. Обличительные выступления были не частыми, но иногда попадали в цель. Например, в 1881 г. в № 7 «Будильника» появились довольно смелые по тому времени куплеты против издателя «Московских ведомостей»:

А Катков Михаил,
Чай, донос настрочил? Скверно!

Мракобесие реакционных публицистов, «духовные портреты» добровольных охранителей ультрареакционного режима, ренегатство вчерашних либералов, «вовремя» учинивших ревизию своим взглядам,

⁶ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем в 20 томах, т. 13. М., Гослитиздат, 1948, стр. 43. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

«мещанские прогрессы» — таковы объекты сатирических обличений «Будильника». Правда, эти обличительные материалы часто терялись среди невинных стрел Купидона, которыми изобиловали страницы журнала. В целом критическая программа «Будильника», как ее излагал сам редактор Курепин, была весьма умеренной и расплывчатой: «отрицать дурное в прогрессе и помогать тем самым росту забытых, задушенных благих начал и идей» (1881, № 12). Но даже такая умеренная программа постоянно навлекала на журнал цензурные кары. «В несчастном „Будильнике“ зачеркивается около 400—800 строк на каждый номер», — писал Чехов Лейкину.

«Стрекоза» (1875—1918)

Юмористический журнал «Стрекоза» вышел в свет в декабре 1875 г., через два года после закрытия революционно-демократической «Искры» и переезда «Будильника» в Москву.

Издателем журнала с 1875 г. до своей смерти в ноябре 1904 г. был купец и фабрикант Г. К. Корнфельд.⁷ Официальным редактором с 1875 по 1879 г. (№ 16) числился художник Н. А. Богданов, но фактически руководил журналом с момента его основания до 1905 г. известный журналист И. Ф. Василевский.⁸

Среди постоянных сотрудников «Стрекозы» в 70—80-е годы были пятнадцать бывших искровцев: В. В. Билибин, В. П. Буренин, П. В. Быков, П. И. Вейнберг, А. К. Гриневский, Г. Н. Жулев, Н. А. Лейкин, Д. Д. Минаев, И. В. Федоров-Омулевский, А. Н. Плещеев, П. А. Сергеенко, А. Ф. Иванов (Классик), В. О. Михневич, А. И. Пальм, Л. И. Пальмин. Сам редактор журнала И. Ф. Василевский еще в студенческие годы также дебютировал в «Искре», поместив в ней свой первый рассказ «Купеческие сцены в мушном ряду» (1867, № 43).⁹

Вокруг «Стрекозы» объединилась значительная группа известных писателей и публицистов: Н. С. Лесков, С. Н. Терпигорев (С. Атава), Я. П. Полонский, К. С. Баранцевич, В. О. Португалов, И. Ф. Тхоржевский (впоследствии участник Тифлисского журнала «Фаланга» и издатель-редактор «Гуслей»), Вл. И. Немирович-Данченко, Н. А. Рубакин. В «Стрекозе» дебютировал девятнадцатилетний Чехов, поместивший в № 52 журнала за 1879 г. юмореску «Археологический рапорт городничего»¹⁰ и еще 11 произведений в течение 1880—1884 гг.

Из художников в «Стрекозе» участвуют в эти годы А. И. Лебедев, Н. А. Богданов, М. О. Микешин, В. С. Шпак, Н. П. Чехов и др.

В истории журнала «Стрекоза» значительную роль сыграл его издатель. В отличие от многих других издателей, которые часто ограничивались материальной стороной дела, Корнфельд постоянно руководил художественной частью журнала, сам подбирал карикатуры; он, впер-

⁷ С ноября 1904 г. по 1905 г. журнал издает его вдова — Э. М. Корнфельд; в 1905—1906 гг. сын Корнфельда, М. Г., вместо «Стрекозы» издает оппозиционный журнал «Спрут» (редактор М. И. Титов); после закрытия «Спрута» цензурой в 1907 г. вновь выходит «Стрекоза» под редакцией И. Ф. Василевского; с 1908 по 1914 г. М. Корнфельд издает «Сатирикон» (редактор А. Т. Аверченко).

⁸ По паспорту — Ипполит-Петр Фердинандович Василевский (1849—1920).

⁹ Кроме «Стрекозы», Василевский сотрудничал в «Будильнике» Н. А. Степанова (1869—1870), а также в целом ряде либеральных газет и журналов 70—90-х годов. См.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей и ученых, т. IV, отд. II. Пг., 1917, стр. 110—111.

¹⁰ См. заметку: М. Привалова. О первом выступлении в печати А. П. Чехова. — «Нева», 1964, № 5, стр. 188—189.

вые в России ввел в журнальное дело печатание иллюстраций цинкографским способом.¹¹ Более того, иногда он вмешивался и в литературно-публицистический отдел журнала. Так, секретарь редакции в письме к Быкову сообщал: «Герман Карлович очень недоволен Вашей заметкой о Лионском кредите, т. к. это наш крупный заказчик, а поэтому благоугодно Вам смягчить немного статейку...»¹² Итак, над сотрудниками и корреспондентами журнала стояли не только редактор и цензура, но и благонамеренный буржуа-издатель.

Программа журнала, объявленная читателям в № 1 за 1875 г., — «указывать на комические стороны общественной и домашней жизни» — и не могла быть иной в тот период: это было единственное, что разрешало и утверждало Главное управление по делам печати сатирическим журналам.

15 октября 1876 г. издатель и редактор «Стрекозы», пытаясь расширить программу, обратились в Главное управление по делам печати с ходатайством «уравнять их в правах с журналами „Развлечение“, „Будильник“ и „Маляр“, которые имели право пользоваться между прочими материалами еще и мелкими пародиями и шутками, вращающимися около иностранных событий дня и карикатурами с политическим оттенком», но министерство внутренних дел в своем отношении, направленном в цензурный комитет 24 октября 1876 г., решительно отказало журналу в этой просьбе.¹³ По-видимому, состав сотрудников «Стрекозы» не внушал доверия.

Поэтому иронически звучало «уточнение программы» журнала, помещенное в № 5 за 1876 г.: «Судебное разбирательство... может случиться только там, где газету ведут „в определенном независимом и прогрессивном направлении“. Мы не задаемся громкой мыслью издавать нашу газету в определенном направлении, так как, откровенно говоря, направлять нас будет наш любезный цензор». Это чрезвычайно характерное признание: в нем и внешний реверанс цензуре, и скрытая насмешка, и попытка поставить читателя в известность об условиях, в которых издается журнал.

Архивные материалы С.-Петербургского цензурного комитета достаточно красноречиво свидетельствуют о том, как «любезный цензор» направлял журнал. С момента основания журнала до 1890 г. было запрещено около 170 литературных произведений и рисунков, за пропуск некоторых из них цензоры несколько раз получали «строгие замечания», а в 1882 г. цензор «Стрекозы» А. И. Забелин был отстранен от работы и направлен инспектором училищ в Туркестанский край.

Не были пропущены цензурой: в 1876 г. — «Песни бедности» П. И. Кичеева, стихотворения «Остроумный ответ» за подписью Густав-Ненадо (псевдоним Н. С. Курочкина и Н. П. Кильберга), «Путь к славе» Реального поэта, «Моя республика» (стихотворение Беранже, перевод Тхоржевского) и многие другие. В стихотворении «Путь к славе» цензуру «не устраивали» такие строки:

Вдохновенные певцы,
Соловьи литературы,
Бойтесь гласного суда
И карательной цензуры...

¹¹ См.: некролог «Г. Корнфельд». — «Стрекоза», 1904, № 11.

¹² ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Рукоп. отдел. Архив П. В. Быкова, ф. 273, оп. 1, ед. хр. 58.

¹³ См.: ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 5, д. 29, л. 17.

Не твердите, что пошла
 Жизнь без цели и идеи,
 Что полны разврата, зла
 Наши барские затен...
 Вас полюбят старички,
 Дамы нежно приласкают,
 А катковские щенки
 Вас в статейках не облают.¹⁴

Стихотворение «Моя республика» запрещено «по неуважительному отношению к королям и монархическому принципу вообще» (л. 12).

Настоящий переполох в цензурном комитете вызвало замечание III отделения о карикатуре (художника А. И. Лебедева), помещенной в декабрьском номере «Стрекозы» за 1877 г. В этом рисунке на первом плане изображена сама «Стрекоза» в образе пикантной девицы, на втором плане — мужик, стоящий на коленях, с цепью на шее; конец цепи держит раздутое, отвратительное существо, и над всем этим надпись: «Просвещение». За пропуск этого рисунка цензору А. Н. Юферову было объявлено строгое замечание (л. 23).

В 1878 г. Главное управление по делам печати дважды требует запрещения «Настольного словаря неунывающих современников» (автор И. Ф. Василевский). Сохранилось любопытное письмо А. Г. Петрова цензору А. Н. Юферову: «В № 42 „Стрекозы“ вновь появилось продолжение настольного словаря, в котором... называются и подвергаются осмеянию разные личности. Предметами осмеяния бывают не одни литературные произведения, но и другие стороны жизни... Я сообщал Вам требование Главного управления о прекращении этого отдела, как несовместимого с условиями подцензурной прессы. Сделайте милость, не допускайте этого отдела: я делаюсь вместе с Вами ответственным в этом противодействии распоряжению Главного управления, так как оно передано Вам мною» (17 октября 1878 г., л. 448).

В эти же годы (1878—1880) запрещены стихотворение «Паразиты» (л. 25), «Переписка с друзьями» Буквы, 8 рисунков Лебедева и др.¹⁵

В мае 1889 г., после смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина, редакция журнала, поместив в траурной рамке блестяще исполненный «памятник» великому сатирику, пытается опубликовать его предисловие к «Истории одного города», предпослав ему следующее объяснение: «Мы заимствуем у Щедрина именно эту блестящую сатиру, потому что она прекрасно освежит в памяти читателя неподражаемую манеру повествования, неподражаемый юмор, неподражаемый язык дорогого и незабвенного писателя». Цензура запрещает публикацию. В журнале заседаний от 3 мая 1889 г. записано: «Приведенный отрывок, представляющий самую едкую сатиру на введение в Руси монархического начала, едва терпимый и в бесцензурной печати и положительно не удовлетворяющий условиям подцензурной печати, к помещению в журнале „Стрекоза“ не дозволять» (л. 309 об.).

Цензурные условия были одной из причин того, что «смех „Стрекозы“ никогда не переходил в недопустимые литературной опрятностью и преследуемые законом брань, злословие или клевету», как писал редактор журнала в юбилейном номере (№ 52) за 1885 г.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 3, д. 41, л. 14. — Далее ссылки даются в тексте, в скобках указываются листы дела.

¹⁵ Любопытно отметить, что в 1881—1882 гг., когда цензором был А. Забелин, журнал не получил ни одного замечания. Зато после отстранения и высылки последнего из Петербурга «Стрекоза» находится под неусыпным наблюдением цензуры.

Постоянными отделами журнала были «Всякие злобы дня» и «Цветы и ягоды прогресса». «Всякие злобы дня» — обозрение столичных событий — несколько лет вел Лейкин, затем Василевский. Столичные новости обычно посвящены приездам гастролеров, дачной лихорадке, биржевым спекуляциям, подозрительным успехам торговых компаний, железнодорожным происшествиям, вопросам городского благоустройства, спиритическим сеансам. Здесь рецензии на концерты И. Штрауса в Павловском вокзале, на гастроли знаменитой С. Бернар, бенефисы примадонн Александринского театра, коротенькие заметки о гостинодворцах и крахе Кронштадтского банка, репортерские отчеты о царскосельских скачках и т. д.

В обозрении «Цветы и ягоды прогресса», которое вел Василевский (псевдоним Аз), освещались события провинциальной жизни. Уже самим названием отдела подчеркивалось, как «далеко» зашел «прогресс» в русской провинции, где зачастую на смену «цветочкам» пришли и «ягодки». Несмотря на широкую географию, круг тем в общем постоянен: антисанитарное состояние улиц провинциальных городков и селений, плохая работа телеграфа, безграмотность и убогость в деревнях, любительские спектакли в уездных городах, запустение в гимназиях, нерасторопность и бестолковость местных властей. Журнал сообщает о пьяном разгуле воронежской аристократии, о поимке шулера в Вязьме, поднимает вопрос о «нравственности» мирового судьи и т. п.

Наряду с этими крупными отделами, в журнале преобладают произведения малой формы, мелкие юмористические жанры. Каламбуры, комические советы, шутливая россыпь «Комары и мухи», куплеты, эпиграммы, экспромты, забавные документы и «архивные изыскания», псевдоцитаты, посвящения, телеграммы, объявления-шутки, оригинальный семантический «анализ» слов — весь этот пестрый фейерверк мелочей заметно выделял «Стрекозу» среди других юмористических изданий. Значительное место в журнале занимали рисунки карикатуристов Н. А. Богданова, В. И. Перфильева, А. И. Лебедева, М. О. Микешина, Н. П. Чехова и др. И, конечно, все журнальные материалы были подчинены сезонно-праздничному календарю, который строго соблюдался.

Желая оградить себя от преследований цензуры, «Стрекоза» старалась по возможности придавать своим шуткам характер безобидной, никого не шокировавшей и не возмущавшей болтовни: «Легкость, удобочитаемость и литературность текста всегда стояли на первом плане в журнале» (1885, № 52). Даже самым внешним видом журнала редакция стремилась подчеркнуть его респектабельность и близость к «высшим кругам»: журнал был умело и продуманно сверстан, полиграфически оформлен безукоризненно, печатался на хорошей бумаге.

Подчеркивая ориентацию «Стрекозы» на буржуазно-интеллигентскую среду, нужно отметить в то же время, что на ее страницах нередко появлялись произведения подлинно сатирические.

Объектами сатирического обличения нередко становятся идейное ренегатство, произвол царской администрации, цензурные гонения. В № 3 за 1881 г. «Стрекоза» публикует ответы на вопрос: «Сколько начальства у мужика?» В «приблизительном» перечне — 34 пункта, причем все обозначенные должности и правительственные органы, регламентирующие жизнь крестьянина, названы с документальной точностью. «Больше доезжачих в поле, чем снопов на поле», — такими словами заканчивается этот своеобразный реестр мужицких нахлебников. В том же году в № 5 журнал предлагает читателю «Этюды педагога» — сатирический перечень современного применения предлога «под»: «В области свободы:

под цензурой, под стражей. В руководящей сфере: под арест, под надзор». В 1883 г. «Стрекоза» выступила с проектом нового «российского герба»: «Идея... в жизни упразднена и сдана на хранение в старинный архив дел управы благочиния; современный герб человека с идеями — кулак в чистом поле с девизом: „Ату его!“» (№ 25).¹⁶

О характере журнала «Стрекоза» в эти годы свидетельствует и такой пример. Как правило, редакции юмористических журналов рассылали постоянным подписчикам в качестве премии альбомы рисунков. Премиями «Стрекозы» за 1880 и 1881 гг. были иллюстрации к сочинениям М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. Н. Островского, в то время как премией «Шута» за 1882 г. была олеография «Нана, или Лучшая красавица мира», а «Сверчок» в 1889 г. рассылал в качестве премии олеографию «Жемчужина гарема».

Стремясь усилить сатирический элемент в журнале, Василевский пытается в 1881 г. опубликовать «Историю карикатуры в образцах». В одной из сопроводительных заметок говорится: «В эту эпоху карикатура перестает быть беспредметным увеселительным рисунком, она становится нормально общественной потребностью и идет рука об руку с ежедневной политической печатью, служа ей оружием борьбы, полемики, мести и насмешки» (1881, № 51). Автору удалось опубликовать лишь незначительную часть материала.

Наиболее острый сатирический материал чаще всего проходил через цензурные препоны в составе многочисленных словарей и энциклопедий Василевского. Наиболее значительные из них — «Настольный словарь неунывающих современников» (1877—1878)¹⁷ и «Новая энциклопедия» (далее — НЭ), публиковавшаяся почти в каждом номере журнала с 1882 по 1888 г.

В этих словарях находятся под постоянным сатирическим обстрелом «столпы» реакционной и ренегатской прессы, дворяне-крепостники и дворянство в целом как класс, буржуазные дельцы и деревенские кулаки-мироеды; осуждаются, хотя и в эзоповой манере, произвол властей, реакционный террор, мракобесие, разоблачается реакционная сущность идеалистической философии и т. п.

Вот некоторые из многочисленных примеров: «Археология — наука о всем, что сгнило и гниет. Представители — гг. Аскоченский и Катков. Амфибии — и в зоологии, и в журналистике — гады, одаренные двойным дыханием. Амфибии разделяются на три класса: бесхвостые (Мещерский, Комаров, Трубников), хвостатые (Аксаков, Катков) и безногие (Цитович, Пихно, Шпилевский)» (НЭ, 43, 44).

В № 10 журнала за 1881 г. приводится такое изречение: «Dulce est pro patria mori! — значит по-русски: „Сладко будет для отечества, когда я умру“ — М. Катков, первый раз в жизни сказавший правду». Это изречение взято из журнала «Искра» (1863, № 21), изменена только «подпись» (там было просто «Русский вестник»).

Из литературных противников постоянно осмеиваются не только критик Н. Н. Страхов — «пещерный русский писатель, критик и философ», И. С. Аксаков, пресловутый В. И. Аскоченский, но и такие бывшие либералы, как П. А. Гайдебуров, который вдруг «сбил с панталыку,

¹⁶ Примерно в это же время с аналогичным проектом герба выступили «Осколки»: «...если бы знаменитый художник Рафаэль был жив и пожелал изобразить современные нравы России в натуральную величину, он нарисовал бы кулак, в пятьдесят раз увеличенный» (1883, № 39).

¹⁷ См. об этом словаре публикацию М. И. Приваловой: Вестник ЛГУ, 1963, № 2, стр. 135—139.

соскочил с рельсов... помешался на том, что Москва стоит на самой верхушке земного пупа» (НЭ, 101—102).

Дворянство неоднократно получает далеко нелестные характеристики, например: «Аристократия... — коллекция раздушенных корсажей, нафабранных усов, сановных лысин и порыжелых ливрей» (НЭ, 56); «Дворяне — более или менее приятные субъекты белой кости, всегда обладающие неприкосновенностью спины для всяческих воздаяний...» (НЭ, 135); «Столбовой дворянин — дворянин, по земле которого проходят телеграфные и верстовые столбы» (НЭ, 554).

В сугубо эзоповой, иносказательной манере иногда даются и оценки «первых помещиков России». Так, в «Естественной истории человека», опубликованной в виде словаря, помещаются «пустые буквы» Ф, Х, Ц, Ч, и далее следует: «На эти четыре несчастных буквы натура по сие время еще не успела создать ни одной подходящей бестии, а если кое-какие и нашлись бы, то о них говорить опасно, яко можно быть загнанным за то в те страны, ubi Masagus pесога sua non reperit... Лучше молчать!» (1881, № 23). Вряд ли требовалась особая пронизательность, чтобы понять, какая «бестия» начиналась на букву «ц», если за непочтительное упоминание ее попадали туда, куда Макар телят не гонял.

Интересной особенностью «Новой энциклопедии» Василевского является то, что наряду с сатирически обличительными материалами в ней помещены положительные, даже восторженные, характеристики прогрессивных писателей и общественных деятелей России и Западной Европы: Т. Н. Грановского, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина; художника А. А. Наумова (автора картин, посвященных Белинскому и Пушкину), А. С. Грибоедова, С. Я. Надсона, А. Н. Островского, Козьмы Пруткова и многих других; из зарубежных писателей — В. Гюго, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Свифта, Э. Роттердамского и др.

Эти характеристики Грановского, Белинского, Добролюбова, Щедрина и других указывали на известные идеалы если не журнала в целом, то по крайней мере самого редактора Василевского. Однако просто симпатий к прогрессивным деятелям было недостаточно. Журнал не имел четкой положительной программы, а отсутствие ее неизбежно приводило то к беспредметному комикованию, то к пессимизму, который все больше усиливается к концу XIX столетия.

«Свет и тени» (1878—1884)

Из юмористических изданий 80-х годов, допускавших на свои страницы социально-политическую сатиру, следует назвать журнал «Свет и тени», издававшийся в Москве с 1878 по 1884 г. известным поэтом-сатириком Н. Л. Пушкиным. М. П. Чехов писал: «Это был очень чуткий журнал, отзывавшийся на все события в общественной и политической жизни, почему и понес на себе две кары: один раз он был приостановлен на целые полгода, а в другой ему надолго была воспрещена розничная продажа».¹⁸

В № 19 за 1881 г. была помещена карикатура М. М. Чемоданова, изображавшая две чернильницы с воткнутыми в них перьями, сверху помещена перекладина, с которой свешивалась надпись: «Наше оружие для разрешения насущных вопросов». Читатели без труда узнали

¹⁸ М. П. Чехов. Вокруг Чехова. М., 1960, стр. 117—118.

на рисунке виселицу и угадали намек на расправу правительства с народовольцами, совершившими казнь Александра II. М. М. Чемоданов был выслан из Москвы, а журнал приостановлен на полгода.

«Фаланга» (1880—1881) и «Гусли» (1881—1882)

Тифлисский журнал «Фаланга» с первых номеров сразу же взял остро сатирический «искровский» тон. Журнал начал выходить в 1880 г. под редакцией И. Питоева, который одновременно был и его издателем. Среди сотрудников этого журнала были И. Ф. Тхоржевский (псевдоним Иван-да-Марья), его жена, поэтесса А. А. Тхоржевская (урожденная Пальм), бывший петрашевец А. И. Пальм и др.

Во вступительной заметке № 1 «Страничка из зоологии» редакция заявляла, что яд «Фаланги» будет обращен на «краеугольные камни» (в 70—80-е годы «краеугольными камнями» называли обычно политические, социальные и нравственные основы русского самодержавного государства). И действительно, на страницах «Фаланги» среди более или менее безобидного, нейтрального материала часто появляются смелые выпады против правительства с его чиновничье-полицейским аппаратом, против мракобесия и насилия, против официозных публицистов и беззаконий цензуры.

Характерно, что первый же номер «Фаланги» открывался «Проектом памятника над братской могилой безвременно погибших произведений». На рисунке изображен бюст, стоящий на канцелярском шкафу, под бюстом надпись: «Архив цензурного комитета».

В № 7 «Фаланги» за 1881 г. помещено стихотворение Тхоржевского «Наш век». Автор дает, хотя и в несколько отвлеченной форме, достаточно прозрачную характеристику основных бед своего времени:

Век bestолковый, век кровавый,
Своим позором гордый век, —
Ты всех «зверей» венчаешь славой,
И погибает человек. . .
Но сам, о век, ты слаб и гадок,
При всем подъеме темных сил,
Ты, идеалом взяв порядок,
Везде террор узаконил!

В журнале часто печатаются переводы стихотворений П.-Ж. Беранже, например в № 6 за 1881 г. помещено стихотворение «Смейтесь» и др.

Здесь постоянно разоблачается реакционный смысл выступлений журналов В. П. Мещерского и М. Н. Каткова, в № 28 за 1881 г. помещены их портреты с выразительной подписью «Сыны тьмы».

После событий 1 марта 1881 г. редакция «Фаланги», «воспользовавшись случаем», предлагает престолонаследнику программу перемен, в основу которых была бы положена «идея свободы»: «. . . только свободное развитие и укрепление здоровых жизненных соков молодого русского общественного организма может окончательно уничтожить уродливые язвы, гноящиеся на наболевших местах его».

Особенно часто и резко выступает журнал против «тюремщиков ума» — так были названы в одном из стихотворений цензоры. Уже в № 5 за 1880 г. помещено стихотворение «Воззвание к богам» под общей рубрикой: «К вопросу об изменении положения русской прессы». Оно начиналось строками, полными едкой иронии:

При предварительной цензуре
У нас везло литературе.
И нецензурно в ней сквозил
Свободной мысли вечный пыл.

В № 18 за 1881 г. публикуется стихотворение:

Молчит испуганная пресса,
Свой долг не может выполнить печать,
Как тяжесть давящего пресса
На ней лежит молчания печать.

Несмотря на отвлеченность и абстрактность «идей свободы и добра», расплывчатость положительной программы журнала, он все же был приостановлен правительством на 8 месяцев в ноябре 1881 г.

Сразу же после приостановки журнала «Фаланга», с 6 декабря 1881 г., начинает выходить журнал «Гусли». По существу это тот же самый журнал, он издается по-прежнему в типографии Питоева, «при постоянном участии А. И. Пальма», как указано на обложке журнала, только теперь его редактором и издателем является Тхоржевский.

Состав участников «Гуслей» несколько расширяется, в основном за счет петербургских поэтов и писателей — участников сатирических журналов «Стрекоза» и «Осколки». В нем публикуются стихи Д. Д. Минаева, С. А. Бердяева, П. И. Вейнберга, А. Н. Плещеева, А. Я. Немеровского, А. В. Ястребовского, П. А. Опочинина и др. художником журнала становится высланный из Москвы М. М. Чемоданов. Несмотря на понесенное наказание за рисунок в журнале «Свет и тени», Чемоданов и в «Гуслях» продолжает ту же линию обличения правительственного террора.

В этом отношении показательно оформление художником самого заглавия журнала. Рисунок представляет собою стилизованное изображение букв слова «гусли». Первая буква «г» представляет собою виселицу. На верхней перекладине три ворона. Под виселицей — «гусляры» — четыре мужчины и одна женщина: это типичные народники, их лица полны скорби. У столба с левой стороны стоят еще двое — мужчина в очках и молодая девушка. От гуслей отвернулся и убегает в страхе «ретроград». На верхней перекладине надпись: «Гусли — инструмент общечеловеческий. Давид смирял игрою на гуслях сердце Саула. Древние славяне, отправляясь в путь, брали с собою не оружие, а гусли». У ног последнего гусляра — женщины — вместо точки лицо мужчины, которому придано портретное сходство с А. И. Желябовым. На второй странице помещено внешне невинно-каламбурное стихотворение, в котором, однако, особым шрифтом выделено слово «пять»: *пять* букв в названии журнала, струн у гуслей тоже *пять*. Несмотря на сложность и витиеватость заглавия, достаточно прозрачным был намек на пятерых казненных народовольцев. Уже в № 2 убран абрис последней головы, а через несколько номеров исчезает и весь рисунок.

Характер литературных материалов в «Гуслях» мало изменился: те же обличения М. Н. Каткова, В. П. Мещерского, А. С. Суворина, П. Д. Юркевича и других «сынов тьмы». Так, в № 13 за 1882 г. помещена эпиграмма на Суворина:

Патриотизм ты продаешь
На вынос и распивочно
И часто откровенно лжешь
Пространно и отрывочно.

«Гусли» перепечатавают из «Отечественных записок» «Письма к тетеньке» М. Е. Салтыкова-Щедрина и помещают статьи в защиту писателя от реакционной критики.

Журнал поддерживал тесные связи с петербургскими сатирико-юмористическими журналами. Так, в последнем номере за 1881 г. помещено шутовое объявление о подписке на журнал «Стрекоза», составленное И. Ф. Василевским. Здесь же, на стр. 16, объявление редакции журнала «Фаланга»: «Вследствие приостановки издания журнала „Фаланга“ по распоряжению правительства на 8 месяцев редакция предлагает взамен восемь номеров „Гуслей“. Ред.-изд. И. Питоев». Это объявление печатается в журнале несколько раз.

Таким образом, журнал «Гусли» по существу был продолжением журнала «Фаланга». Оба журнала отличаются от столичных юмористических изданий большей серьезностью и нравственной чистотой. В них нет и намек на гривуазность. Следует отметить еще один момент: в № 23 «Гуслей» за 1882 г. помещен во всю страницу прекрасный портрет Гарибальди и стихотворение, посвященное его памяти. После этого вышло всего 7 номеров журнала: на 30-м номере он был запрещен цензурой.

«Осколки» (1881—1916)

Чутко реагировал на происходившие в стране общественно-политические события сатирико-юмористический журнал «Осколки», когда его с № 49 в 1881 г. возглавил Н. А. Лейкин (он руководил изданием журнала до своей смерти в 1906 г.). В 60-е годы Лейкин был близок к демократическим кругам, сотрудничал в «Искре» и «Современнике». Зная о том; какой огромной популярностью пользовалась «Искра», Лейкин, став редактором «Осколков», охотно публикует сатирические произведения, обличающие существующие порядки, стремится завоевать симпатии передовых кругов общества.

В «Осколках» Лейкина участвуют в основном те же сотрудники и корреспонденты, что и в «Стрекозе»: Н. С. Лесков, Л. И. Пальмин, В. В. Билибин, С. Н. Терпигорев (С. Атава), Л. Н. Трефолев, К. С. Баранцевич, В. А. Гиляровский, Ал. П. Чехов и др. Лейкину удалось дольше, чем другим издателям, удержать в своем журнале А. П. Чехова, который ценил известный демократизм «Осколков»; в письме к брату Александру в 1883 г. он писал о том, что в журнале «проскакивают» «такие штуки, какие редко найдешь в подцензурных изданиях...» (т. 13, стр. 56).

Однако Лейкин, «буржуа до мозга костей», по словам А. П. Чехова, рассматривал свой журнал прежде всего как доходное предприятие, и поэтому, учитывая обстановку в стране, печатал самый разнородный материал, что обеспечивало хорошую подписку и розничную продажу. Большое место в журнале занимали произведения, рассчитанные на читателя с примитивным, нетребовательным вкусом. Многие страницы заполняются «осколочной» россыпью: словотолкователями, эпиграммами, пословицами, юмористическими бытовыми сценками, заметками, рассказами под рубриками «крошки», «звонки», «блестки». Редкий номер выходил без рассказа-сценки самого Лейкина. Литератор необыкновенно плодовитый, он написал более тысячи таких «сценок», в которых изображены сотни персонажей: чиновники, актеры, учителя, кухмистеры, солдаты, горничные, сторожа, дворники, трубочисты, духовные лица, приживалки, торговцы всех мастей, пожарники, нижние

полицейские чины и т. п. Но главными героями лейкиных «сценок» неизменно оставались купцы всех гильдий и возрастов. Автор с наслаждением рисует купеческий быт, мы видим его героев в разгул пасхального чревоугодия и в бане, на свадьбе и за карточной игрой, на скачках и в театре, на спиритическом сеансе и на выставке. Скандалы, пьяные оргии, драки, сватовство, дачные похождения, шумиха вокруг банкротов — все это становится темой лейкиных рассказов. Вот названия некоторых из них: «Наследство спрыскивают», «На крестинах», «Праздничное пустословие», «На дачном пожаре», «Из-за собаки», «При варке варенья», «Комнату ищут», «При найме гувернантки», «Лакейская свадьба».

В журнале велись постоянные обозрения — «Осколки петербургской жизни» и «Осколки московской жизни». Их основные темы — лопнувшие банки, тотализаторы, вопросы городского благоустройства, недоброкачественные продукты и высокие цены на лекарства, железнодорожные катастрофы, скандалы в игорных домах и клубах, новости международной жизни — все то, что составляло «злобу дня». Значительное место в журнале занимали карикатуры. Как правило, они посвящались пикантным красавицам, томящимся в ожидании своего героя, феям маскарадов и костюмированным балов, мужьям-рогоносцам, светским фатам, заплывшим жиром купцам, дремучим провинциалам, прислуге, пьяницам и т. д.

Но среди множества безобидных юмористических «шпилек» и «лоскутков» встречается немало острых сатирических стрел, направленных против общественных язв российской действительности. Чаще всего предметом обличения становилась атмосфера самодержавно-полицейского государства, где доносы, шпионство, ренегатство, произвол и насилие власть имущих приняли в 80-е годы чудовищные размеры. Естественно, что в условиях строгого цензурного надзора сотруднику «Осколков» приходилось изобретать приемы сатирического освещения действительности. Приведем некоторые из них.

В № 8 «Осколков» за 1882 г. опубликована шуточная «Журнально-газетная грамматика», в которой есть строки отнюдь не шуточного содержания: *«Междометия — предостережение, приостановка. Падежи: — Звательный — в комитет! Времена: настоящее — „Гражданин“, „Добряк“, прошедшее — „Современник“, „Искра“». Ясен был для читателей «Осколков» истинный смысл юморески «Неприятные предлоги русской грамоты» (1882, № 48): «В — в „холодную“, в двадцать четыре часа, в места, не столь отдаленные от центра земли. По — по не зависящим от редакции обстоятельствам. Под — под „наблюдением“». После — после третьего предостережения. У — у дворников на замечании». Сатирически звучит «Толковый словарь» (1883, № 6): «В ухо, в шею, в зубы, в рожу, в нюхало. Бить надо! — лучшее средство, по мнению некоторых городских и урядников, чтобы удержать обывателей в покое». В № 9 за 1884 г. появился «Устав благонамеренности» Билибина, представляющий собой подражание сатире Салтыкова-Щедрина: «1. Всем и каждому вменяется в обязанность быть того же мнения, как и начальство, и не сметь свое суждение иметь... 9. Не следует упускать случая выказывать свою благонамеренность... 13. Статей Щедрина не читать. 14. В библиотеках не бывать. 15. Ничего не понимать. 16. Не рассуждать! 17. Смирно!» Здесь достаточно четко сформулирована та сумма требований, которая предъявлялась российскому обывателю самодержавно-полицейским строем. А в № 20 Билибин поместил «Отрывки из будущего русского романа», где дано такое описание природы:*

«Наступила весна с разрешения полиции. Соловьи пели песни, дозволенные цензурой. Луна отражалась в бляхе городского № 6903804, внимательно и неусыпно за природою наблюдавшего».¹⁹ В этих нескольких строках — рельефная картина обстановки, царившей в стране. Уже самим подбором характерных оборотов «с разрешения полиции», «дозволенных цензурой», «неусыпно наблюдавшего» автор показывает, под чьим надзором находилась литература. Читатель не мог не обратить внимания еще на одну выразительную деталь — семизначный номер бляхи городского.

Цензура пристально следила за журналом, и лишь немногие из сатирических произведений попадали на его страницы. Лейкин в одном из писем 1883 г. жаловался Чехову: «... при ужасных цензурных условиях я всегда должен иметь у себя запасной набор... Иначе может случиться, что и № не выйдет. Бывает так, что цензор херит $\frac{1}{3}$ посылаемого к нему» (см.: А. П. Чехов, т. 2, стр. 503). Наиболее строго цензура преследовала сатирические стихотворения Пальмина и Трефолева, рассказы Чехова, остроумные юморески Билибина. Достаточно сказать, что примерно половина всех стихотворений Пальмина, предложенных редакции журнала, не увидела света. В одном из писем Лейкину он вспоминал: «Цензор Сватковский говорил: — Не знаю, что и делать с ним [Пальминым], кажется ничего нет, пропустишь, а потом смотришь — яд каплет между строками».²⁰ А в другом письме Лейкину есть такие строки: «... замаскировывать мысль — эта печальная привычка в продолжение многолетней практики так въелась в старых писателей, что если бы и совсем уничтожили цензуру, то мы сами долго бы еще не привыкли давать полную волю своему перу».²¹ Посылая стихи в «Осколки», Пальмин нередко снабжал их списком запасных строк и целыми четверостишиями — они должны были занять места, вымаранные цензурой. Столь же беспощадно расправлялась цензура и со стихотворениями Трефолева, многие из них так и не были опубликованы при жизни поэта. В одном из писем Лейкину у него вырвались такие слова: «Христос воскрес! Ответьте: когда же нам друг друга можно поздравить с воскресением русской печати? Ее удавили, как злочестивого Иуду».²²

Особое и значительное место на страницах «Осколков» занимают рассказы Антона Павловича Чехова, выступавшего под различными псевдонимами. За пять лет своего сотрудничества в журнале — с 1882 по 1887 г. — он поместил на его страницах 270 произведений — больше, чем в каком-либо другом издании. Чехов считал «Осколки» лучшим из юмористических журналов 80-х годов (т. 13, стр. 40—41, 42).

Условия работы Чехова в «Осколках» были нелегкими. Вынужденный подчиниться сложившейся в журнале «календарно-сезонной схеме», писать по заказу, в спешке, укладываясь в заданные Лейкиным «рамки» в 100—150 строк, Чехов вырабатывает свою неповторимую манеру письма. Его короткие рассказы, зачастую не отличаясь по внешнему построению от других «мелочей» журнала, содержали мощный сатирический заряд. Чехов создает сатирические произведения щедрин-

¹⁹ В № 12 было помещено стихотворение Л. И. Пальмина «У водосточной трубы», очень близкое по теме к этим «Отрывкам». В нем рассказывается о «блюстителе порядка», который, услышав весной журчание воды, решает «о том начальству донести»: «О чем журчит она, стекая? Не пропаганда ль тут какая?».

²⁰ Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке, стр. 206.

²¹ Там же, стр. 218.

²² Там же, стр. 219.

ской силы. Среди них такие шедевры, как «На гвозде», «Толстый и тонкий», «Свадьба с генералом», «Хамелеон», «Торжество победителя», «Смерть чиновника», «Унтер Пришибеев» и др.

В годы сотрудничества в «Осколках» сложилось художественное кредо Чехова — «рисовать жизнь такую, какова она есть». А. М. Горький писал: «В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности». ²³ Чеховское убеждение — «тогда человек станет лучше, когда вы ему покажете, каков он есть» — лежит в основе его рассказов, в которых он рисовал жизнь русского обывателя, не замечавшего, как он жалок в своей забитости и духовной убогости. И одной из самых главных причин, которые помогли молодому писателю не растратить, сберечь свой талант и пойти дальше известных юмористов, было активно отрицательное отношение к тому, о чем он писал. Если сравнить лейкинский «сценки» с рассказами Чехова того периода, то, во-первых, сразу бросится в глаза их фотографичность, однообразие, примитивность; в чеховских же рассказах, как правило, заключен глубокий социальный конфликт, а из-за примелькавшихся мелочей начинают «проступать» характерные явления действительности. Именно на эти «вредные» стороны рассказов Чехова прежде всего обратила внимание цензура. Вот, например, какими мотивами руководствовался цензурный комитет, запретив печатать рассказ «Сверхштатный блюститель» (первоначальное название «Унтера Пришибеева»): «Эта статья принадлежит к числу тех, в которых описываются уродливые общественные формы, явившиеся вследствие усиленного наблюдения полиции. По резкости преувеличения вреда такого наблюдения статья не может быть дозволена» (т. 4, стр. 596).

Чехов поднимал мелочи до большого социального обобщения, глубокого символа, его унтер Пришибеев — порождение «уродливых общественных форм». И взяв, казалось бы, единичный факт, «мелочь» для небольшого рассказа, Чехов раскрывает психологию типичного представителя института оплачиваемых и добровольных доносчиков и охранителей существующих порядков. «Мелочь», из которой рядовые «осколочники» сделали бы традиционную сценку — курьезное происшествие, под пером Чехова становится острой обличительной сатирой. За годы сотрудничества в «Осколках» Чехов создал целую галерею персонажей, имена которых стали впоследствии нарицательными. Не отступая от «осколочной» тематики, Чехов вкладывал в нее свое содержание. Привычные глазу мелочи писатель как бы помещает под гигантское увеличительное стекло, и здесь они приобретают трагическую, зловещую окраску, вырастают до огромных размеров.

Однажды Чехов полушутя заметил, что он перепробовал все жанры, «кроме стихов и доносов», — и, пожалуй, большая их часть может быть обнаружена среди опубликованного в «Осколках». Это — рассказы, юморески, судебная хроника из зала суда (например, судебный процесс, вызванный хищениями в Скопинском банке), пародии, комические афоризмы и изречения, подписи к рисункам, репортерские отчеты и фельетоны (в течение трех с лишним лет, с 1882 по 1885 г., Чехов вел в журнале обозрение «Осколки московской жизни»), рецензии, анекдоты, шуточные комментарии к различным словоупотреблениям, юмористические фенологические заметки, эпистолы. Работа в юмористических журналах и, в частности, в «Осколках» научила молодого Чехова писать коротко, динамично, отбирая яркие, характер-

ные детали, четко определять сюжетную линию произведения. И именно в этот период сложилась программа чеховской сатиры — протест против мещанского благодушия и рутины, казенщины и «урядницкого чтения в сердцах», насилия и лжи.

* *

*

Противоречивы и извилисты пути развития даже лучших сатирико-юмористических изданий 70—80-х годов. Фасадная респектабельность журналов и кажущаяся невинность юмора все же никогда не переходят в них в «охранительность», они не становятся на позиции самодержавной монархической власти. В малых и мельчайших жанрах подчас прорываются ноты горьких и едких обличений, свидетельствующих о той ненависти, которую вызывала в широких кругах правящая верхушка.

Буржуазная оппозиционность сатирических журналов, переходившая временами в радикализм («Фаланга», «Гусли», «Свет и тени»), была в какой-то мере отражением народного недовольства и гнева, которые заставляли даже «умеренных» выступать с сатирическими разоблачениями и осмеянием «гнусности российской жизни». Постепенное развитие этих мотивов исподволь подготовило новый расцвет сатиры в период первой русской революции 1905—1907 гг.

Газеты 1870—1890-х годов

1. Общий обзор газетной периодики

Быстрый рост числа газет — характернейшее явление истории русской журналистики 70—80-х годов. Этот рост наблюдается не только в Петербурге и Москве, но и особенно в провинции — в Киеве, Ростове-на-Дону, Орле, Рыбинске, Тифлисе, Екатеринбурге, Одессе, Акмолинске. Во многих городах начинают впервые издаваться газеты.

Историк русской периодической печати Н. М. Лисовский приводит следующие цифровые данные развития газетного дела в России:¹

Годы	Общее число газет		Место издания										Изд.* частн.		Изд. общ. учреждений		Правительственные издания	
			Петербург		Москва		Варшава		Прочие универс. города		Провинция							
			ежедневно	не реже одного раза в неделю	ежедневно	неежедневно	ежедневно	неежедневно	ежедневно	неежедневно	ежедневно	неежедневно						
1860	7**	98	5	24	2	9					10	55	4	26		3	3	66
1870	39	132	17	30	4	8	2	1	5	13	10	80	25	37	1	9	12	86
1880	53	160	22	43	7	41	2	2	7	10	14	94	40	65	2	8	11	87
1891	70	226	17	60	11	32	3	1	11	14	29	119	57	110	3	19	10	97

* «Московские ведомости» и «С.-Петербургские ведомости» причислены к частным газетам, так как арендовались у правительства частными лицами.

** Из них четыре политические: «С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела».

Рост числа газет, как общественно-политических, так и специальных,² был вызван прежде всего потребностями капиталистического развития России в пореформенную эпоху. Различные группы русской буржуазии видят в газете — периодическом издании, рассчитанном на массового читателя, — важное средство борьбы за свои интересы. Кроме того, увеличение выпуска и удешевление бумаги, создание более совершенной типографской техники позволило поднять тиражи, сделать га-

¹ См.: Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. СПб., 1903.

² В данном обзоре рассматриваются некоторые проблемы развития общественно-политической прессы указанного периода, автор не касается газет специальных, посвященных отдельным отраслям экономики, театру, спорту и т. д.

зету доходным капиталистическим предприятием. Большое значение для распространения газеты имело развитие железных дорог и совершенствование средств связи.

Из приведенной выше таблицы видно, что особенно быстро увеличивалось число частных газет: в 1880 г. выходило 109 частных ежедневных и неежедневных изданий — втрое больше, чем в 1860 г. В 60-х годах было мало дельцов, вкладывавших капитал в такое рискованное предприятие, как газета. Среди них можно назвать банкира К. В. Трубникова, основавшего в 1861 г. «Биржевые ведомости». В. А. Полетика, владелец сталелитейного завода, перекупивший в 1874 г. у Трубникова право на издание «Биржевых ведомостей», выплатил ее прежнему владельцу крупную сумму — 220 тыс. руб. Издавать газету стало выгодно. В 70—80-е годы наплыв буржуазных дельцов в журналистику усиливается, и это отражается на самых разнообразных сторонах деятельности прессы. Сетования на этот процесс нередко встречаются в журналах и газетах того времени. Петербургская «Молва», газета либерально-народнического характера, например, писала в статье «Литература и журнализм»: «Наша газетная публицистика за последние два года значительно изменила состав своих издателей. Не только в самой прессе, но и в публике указывают на то, что литературными предпринимателями начали делаться люди, совсем неприкосновенные к нашему умственному движению, издавать газету стало таким же промышленным делом, как открывать контору или устраивать какое-нибудь фабричное заведение. Прежде, каков бы ни был уровень нашей журналистики, отдельные органы представляли все-таки известные оттенки мнений или, по крайней мере, известные литературные кружки. Теперь все это упростилось, все привелось к одному знаменателю. Газеты приобретают за большие суммы, стало быть, покупателями являются люди денежные; а в пишущей братии таких людей никогда не водилось. Приобретатели смотрят теперь на свои издания как на средство получить порядочную ренту и к этому подгоняют всю их интеллигентную сторону... Выше всего поставлен культ публики, не той публики, которую когда-то наша журналистика имела в виду, т. е. передового образованного меньшинства, а публики тротуарной, поднимающей розничную продажу, ищущей в газетах пищи для простого сплетничества. Поэтому известные отделы газетной публицистики поднялись в цене, и предприниматели конкурируют друг с другом по этим отделам гораздо сильнее, чем когда-либо. Такая конкуренция отозвалась прежде всего на воскресном фельетоне...» (1876, № 16, стр. 302—303).

Далее, квалифицируя фельетон как жанр, который «резюмирует все новости и скандалы», «Молва» отмечает: «Фельетоны превратились как бы в критерий каждого ежедневного издания. Издатели стали перебивать друг у друга бойких фельетонистов и подняли их гонорарий до небывалых у нас размеров... Промышленное издательство отняло у очень многих сотрудников право действовать вполне самостоятельно, выступать перед читателем не в виде простого наемника...» (там же).

Своего рода образцом для буржуазной прессы и были упомянутые выше «Биржевые ведомости». Выступления, опубликованные на ее страницах, отражали недовольство капиталистических групп феодально-крепостническими, дворянско-бюрократическими пережитками в различных областях политической и общественной жизни. Но эта оппозиционность не шла дальше выражения надежд на правительственные реформы, которые расчистят путь капиталистическому развитию страны. Основные отделы «Биржевых ведомостей»: действия правительства, передовая

статья, иностранные и иногородние телеграммы, заграничные известия, судебные дела, путешествия, отчеты банков, биржевой курс и объявления. Такие же отделы мы находим в других газетах подобного типа.

Большое внимание уделяли «Биржевые ведомости» экономическим проблемам: развитию промышленности и железнодорожного транспорта, заселению окраин, пореформенной деревне. На направление газеты в середине 70-х годов оказали влияние выдающиеся литераторы, рекомендованные Полетике Н. А. Некрасовым, — Н. А. Демерт, В. С. и Н. С. Курочкины, Н. К. Михайловский, А. Н. Плещеев, отстаивавшие в литературно-критических статьях, журнальных обзорах, фельетонах идеи «Отечественных записок». После ряда предупреждений газета в 1877 г. была временно приостановлена, а с 1879 по 1881 г. издавалась под названием «Молва».³

В начале 70-х годов не лишена была оппозиционного духа и газета «С.-Петербургские ведомости», редактором которой в 1863 г. стал В. Ф. Корш. Защищая буржуазные преобразования, газета полемизировала с «Московскими ведомостями» и другими реакционными изданиями. Особенно язвительно высмеивал «Московские ведомости» в своем фельетонном обзоре «Недельные очерки и картинки» А. С. Суворин, — тогда еще прогрессивный журналист, печатавшийся под псевдонимом «Незнакомец». В 1875 г. после открытого выступления против министра просвещения и обер-прокурора синода Д. А. Толстого Корш был отстранен от редактирования газеты, которая была передана в ведение министерства народного просвещения. Право на ее аренду купил банкир Ф. П. Баймаков. Газету покинули сотрудники либерального и демократического лагерей. «С.-Петербургские ведомости», которые и ранее М. Е. Салтыков-Щедрин за их робкий либерализм и пустословие называл «старейшей российской пенкоснимательницей», стали откровенно реакционным изданием.

Процесс перехода либеральной прессы в лагерь реакции с особенной отчетливостью демонстрирует судьба крупнейшей буржуазной газеты «Новое время» (1868—1917). А. С. Суворин, ставший в 1876 г. издателем газеты, превратил ее в трибуну воинствующего национализма и шовинизма, в орган, символизирующий пресмыкательство продажной журналистики перед самодержавием. «Нововременство» стало, по словам В. И. Ленина, синонимом ренегатства и отступничества.

Видным периодическим органом, поддерживавшим реформистскую деятельность правительства и смыкавшимся по многим вопросам с реакцией, была ежедневная политическая и литературная газета «Голос» А. А. Краевского. Умение Краевского уловить «дух времени», прослыть либералом и прогрессистом и вместе с тем угодить властям предрешающим обеспечило высокий по тем временам тираж газеты: если в начале 70-х годов тираж составлял около 4000 экземпляров, то в конце десятилетия он достиг 22 000. В 1871 г. Краевский привлек к редактированию газеты известного либерального публициста и историка проф. В. А. Бильбасова.

Либерализм «Голоса» был весьма относителен. Подлинная роль газеты в общественной жизни определялась не отдельными оппозиционными выступлениями, а тем, что она активно боролась с революционным движением. По поводу нечаевского дела «Голос» писал: «Все толки о

³ Под названием «Биржевые ведомости» в Петербурге с 1880 по 1917 г. издавалась другая газета, образовавшаяся в результате слияния «Биржевого вестника» с «Русским миром».

каких-то революционных силах в России — чистый вздор, не следует доверяться этим толкам, когда речь идет лишь о сумасбродстве и нравственной испорченности нескольких отдельных личностей» (1870, № 4).

Выступая против подлинно нового и прогрессивного, «Голос», естественно, не мог пройти мимо революционно-демократической печати, которая стала постоянным объектом грубой клеветы и нападок, граничащих порой с политическими доносами.

В связи с большими пожарами, периодически возникавшими в Петербурге, Москве и других городах России, «Голос» вместе с «Московскими ведомостями» и «Киевлянином» создал гнусную легенду о будто бы существующем специальном агентстве поджигателей, организованном А. И. Герценом. Подогревая у своих нетребовательных читателей низменные страсти, «Голос» призывал к беспощадной расправе с «нигилистами» — революционно настроенной молодежью, якобы участвовавшей в этом агентстве и совершающей поджоги. Газета оправдывала полицейские репрессии и дикий самосуд по отношению к неповинным людям, обвиняемым в злоумышленном «зажигательстве».

С особой настойчивостью «Голос» защищал и отстаивал привилегии чиновной бюрократии, промышленных, торговых и финансовых кругов, видя в них надежную опору государственного строя и наиболее лояльных сторонников осуществляемых реформ.

Беспринципная болтовня газеты, на страницах которой с канцелярской солидностью и надутостью обсуждались бесчисленные проекты, связанные с реформами, являлась выражением истинной сущности либерализма и его предательства по отношению к русскому народу.

В 70-е годы «Голос» продолжал ожесточенную борьбу с передовой русской журналистикой и литературой во главе с «Отечественными записками» Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Революционно-демократические идеи, подлинная защита интересов угнетенного народа, проповедь демократических преобразований, смелая критика половинчатых реформ и других антинародных действий правительства, разоблачение на страницах демократических изданий либерализма и реакции встречали неизменный и решительный отпор со стороны газеты Краевского. Эта борьба против прогрессивной печати являлась одной из основных линий политического направления «Голоса» на всем протяжении его существования.

В период второй революционной ситуации, наступившей в конце 70-х годов, «Голос» вместе с «Московскими ведомостями» и «Новым временем» находился на правом фланге русской журналистики. Он выступал в едином лагере с реакционной периодикой, объявившей поход против «фанатиков-революционеров», их пропаганды.

Волна реакции и цензурных репрессий после 1 марта 1881 г. коснулась и «Голоса». За либеральные «грехи» он был приостановлен на 6 месяцев. В этот период Краевский попытался заменить «Голос» другим ежедневным изданием под названием «Новая газета», которая начала выходить 1 августа 1881 г. под редакцией бывшего сотрудника «Голоса» В. И. Модестова. Просуществовав очень короткое время, «Новая газета» была прекращена на девятом номере. Получив разрешение на продолжение издания «Голоса», Краевский постарался придать ему еще более умеренный и лояльный характер. Но и это не спасло газету от цензурных преследований. После очередной приостановки в начале 1883 г. «Голос» должен был подчиниться предварительной цензуре, на что Краевский не соглашался. Это и решило судьбу газеты. В феврале 1883 г. она окончательно прекратила свое существование.

В. И. Ленин называл 80-е годы эпохой безвременья, «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции». ⁴ Гроза, нависшая над самодержавно-крепостническим строем в период второй революционной ситуации, не разразилась, и царизм перешел к политике жесточайшего жандармско-полицейского террора во всех областях общественной жизни. Торжествующая свинья, грозящая пожрать солнце, — вот образ, в котором Салтыков-Щедрин увековечил реакцию 80-х годов. «Самодержавие переживало припадок бурного помешательства, и все русское общество без различия званий и состояний было объявлено крамольным и поставлено вне закона», — писал Короленко, вспоминая «оргию доносов, сыска, обысков, арестов и высылки».

Г. Е. Благосветлов, намеревавшийся издавать газету под названием «Современник», писал издателю «Сына отечества» А. В. Старчевскому в марте 1880 г.: «Нечего и говорить, что в настоящее время газета — потребность дня, душа журналистики, и никогда бы она не смогла оказать таких существенных услуг нашему обществу, как именно теперь. Но барышничать печатным словом, подобно Суворину, обращать его в дом терпимости, — это, Вы знаете, не в моем характере. Вести же ее серьезно, с уверенностью и некоторым нравственным достоинством — нет никакой возможности. Нельзя ручаться даже за то, что если физиономия редактора или издателя не понравилась какой-нибудь цензурной особе, — чтобы орган остался жив». ⁵

Положение усугублялось тем, что революционное народничество, некогда стремившееся объединить и возглавить борьбу всех противников царизма, переживало глубокий кризис. Опиравшееся на ложные социальные теории, не умевшее найти свое место в разгоревшейся классовой борьбе, оно тем самым было обречено на ошибки и жестокие поражения. В 80—90-х годах народничество все более правее, представляет интересы различных групп городской и сельской буржуазии с ее либеральной оппозиционностью, боязнью революции и неверием в народные массы. Газетная периодика этого времени отразила процесс ренегатства и отступничества интеллигенции, примыкавшей к различным народническим группировкам. Подчас трудно было различить позиции переродившихся народников и самой откровенной реакции. На смену идеологии народников-революционеров, которых В. И. Ленин называл «лучшими людьми своего времени», видевшими смысл жизни в выполнении высокого гражданского долга, приходит обывательский индивидуализм, проповедь безнадежности и бесцельности социальной борьбы, стремление приспособиться к существующему режиму. Это, в частности, нашло отражение в теории «малых дел», в толстовской проповеди личного самосовершенствования и непротивленчества, в защите пресловутого принципа «искусства для искусства».

Вырождение правого крыла народнической интеллигенции, ее отказ от социальных идей и борьбы, которую вели народники 60-х годов, особенно наглядно проявились в газете «Неделя», которая была основана в 1866 г. генералом Н. П. Мунтом при покровительстве министра внутренних дел П. А. Валуева. «Неделя» была весьма значительным явлением в газетной периодике, во всей народнической журналистике.

В первые два года своего существования «Неделя» — бесцветный реакционный орган — переходила из рук в руки и на некоторое время

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 295.

⁵ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Рукоп. отдел. Архив. А. В. Старчевского, ф. 583, № 332.

даже была прекращена за неимением подписчиков. Затем газету приобрел В. Е. Генкель, и ее лицо определяли писатели и публицисты демократического лагеря. На протяжении 1868 г. на ее страницах публиковались «Исторические письма» П. Л. Лаврова (под псевдонимом П. Миртов), пользовавшиеся большой популярностью у революционной молодежи. Примерно в это же время была напечатана серия очерков «Скуки ради» А. И. Герцена (под псевдонимом И. Нионский). Из других участников газеты следует назвать Н. А. Благовещенского, Н. А. Демерта, Г. И. Успенского, Н. С. Курочкина, А. И. Левитова, Д. Д. Минаева, Н. К. Михайловского. Такой состав сотрудников определил радикальное направление газеты. Вскоре она получила предостережение, а в 1869 г. была на полгода приостановлена. Генкель поспешил избавиться от газеты, вызвавшей правительственные кары, и ее приобрела группа видных сотрудников — П. А. Гайдебуров, Е. И. Конради и Ю. А. Россель.

В конце 60 — начале 70-х годов «Неделя» — один из крупнейших легальных органов революционного народничества, связанный с подпольем. Публицист-демократ Демерт вел в ней «Внутреннее обозрение», продолжавшее его обозрения в «Отечественных записках». Газета сочувственно писала о положении пролетариата, приветствовала испанскую буржуазную революцию 1868 г. У цензуры были подозрения, что Генкель — лицо подставное, а в действительности изданием руководит Н. А. Некрасов. Газета подвергалась тяжким репрессиям, и в 1869 г. Г. И. Успенский, Н. С. Курочкин, Н. А. Демерт вынуждены были покинуть ее. С 1870 г. фактическим руководителем «Недели», сначала негласным, а затем официальным, стал Гайдебуров, при котором газета постепенно утрачивает прежний характер и становится органом либерального народничества. На ее страницах защищались основные его постулаты: идея самобытности и некапиталистического пути развития России, взгляд на крестьянскую общину как на опору общественных преобразований в социалистическом духе, полумистические представления о мужике и крайняя идеализация мирозерцания деревни, которому якобы свойствен истинный социалистический дух. В искаженном зеркале народнических иллюзий представлялось учение К. Маркса. В статьях И. И. Каблицы (Юзова) предпринимались попытки доказать неприемлемость марксизма для России, поскольку ей, как утверждал автор, чужды капиталистические формы экономической и общественной жизни. Другой видный публицист «Недели» — П. П. Червинский, подписывавший статьи инициалами П. Ч., искажая марксизм, утверждал, что он не противоречит народническим воззрениям.

Если в 70-е годы, после перехода «Недели» в руки Гайдебурова, она была еще связана с подпольем, ее издатель был публицистом демократического лагеря, а некоторые сотрудники участвовали в революционном движении, то в 80-х годах газета стала трибуной ренегатов и отступников.

Гайдебурову удалось поднять тираж до значительного по тем временам уровня — 10 000 экземпляров. Кроме того, ежемесячно в виде приложения издавались «Книжки „Недели“», в которых печатались художественные произведения и литературно-критические статьи. У газеты был определенный круг читателей, в основном провинциальная интеллигенция, мелкое чиновничество. «Неделя» старалась привлечь к себе внимание обывателя, регулярно печатая сенсационные отчеты об уголовных процессах под интригующими заголовками «Самоубийство в брачную ночь», «Жестокая история», «Столетний двоеженец», «Женитьба монаха» и т. п., публикуя произведения такого жанра, который сам изда-

тель характеризовал как «ряд художественно обработанных статей из текущей хроники в форме уголовных романов и рассказов».⁶ Гайдебуров, некогда печатавшийся в «Современнике» и «Деле», выступал с восторженными похвалами реформистской деятельности правительства, с филиппиками против тех публицистов, которым «просто не нравится современное устройство России, и они желали бы изменить его на свой манер. . .» «Неделя» писала, что речь может идти лишь о «частных недостатках того строя, к которому Россия привыкла. . . Но вместо этого мы только и слышим возгласы о необходимости всяческих „упразднений“, — возгласы, достигшие лишь того, что в обществе исчезла всякая уверенность в прочности существования порядков и что оно уже несколько лет живет в лихорадочном ожидании: скоро ли? К счастью, не скоро, даже — никогда» (1885, № 30, стр. 1058). Передовица, из которой цитируется этот чрезвычайно характерный ответ, призывала читателя перейти «от неопределенности и колебаний к стойкому развитию по установленному пути, от фантастических и неосуществимых затей к удовлетворению действительных потребностей жизни». Последовательное ведение взглядов правых народников до логического конца закономерно привело их к смирению перед самодержавием, к активной борьбе против революционного движения.

Наиболее отчетливо эти взгляды были выражены в многочисленных статьях И. Юзова (И. И. Каблиц) и его книге «Основы народничества». В них Каблиц, некогда «ходивший в народ» на Волгу и Дон, примыкавший к кружкам бакунистов, яростно нападал на «пессимистов», «зубоскалов и мизантропов», которые не видят «светлых сторон» в общественном строе самодержавной России, и радовался, что «могучие удары жизни скоро образумили многих пессимистов и произвели реакцию в пользу более правдивого взгляда как на свои собственные силы, так и на силы народной массы».⁷ Исходя из того, что исторических закономерностей нет, а есть лишь произвол «личностей», Каблиц отрицал материалистическое понимание истории. В частности, он пытался полемизировать с марксистским положением о неизбежности гибели капитализма, который сам создает своего могильщика. «Достаточно сделать предположение, что личность перестала стремиться к изменению капиталистической формы, чтобы увидеть всю нелепость предположений о саморазрушении»,⁸ — писал он.

Публицисты «Недели», и прежде всего Юзов, вопреки очевидным фактам, свидетельствовавшим о разложении крестьянской общины и проникновении капиталистических отношений во все области экономической и общественной жизни, продолжали утверждать, что артель, община («мирское владение землей») поможет русскому народу избежать пути капиталистической Европы. Отсюда следовали выводы о «неприложимости теории Маркса к России». Даже в конце 80-х годов «Неделя» продолжала уверять, что «до победы капитализма над народным трудом слишком далеко» (1889, № 1, стр. 3). Прошел еще год, и в газете появились рассуждения о том, что капитализм не так уж плох. Например, говорилось, что интеллигентному труду «всего менее оснований бояться денежного капитала, который, сказать к слову, на наших гла-

⁶ П. Гайдебуров. Из прошлого «Недели». — «Книжка „Недели“», 1893, март, стр. 11.

⁷ И. И. Каблиц (И. Юзов). Основы народничества, ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1883, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 73.

зах перерождается в далеко не столь страшное чудовище, каким его рисовали Маркс и Чернышевский...» (1890, № 10, стр. 1288).

Эти попытки обелить капитализм переплетались с выступлениями против революционных средств борьбы. «Образумившийся» народник требовал теперь на страницах «Недели» «устранения насилия из текущей творческой действительности», заявлял, что «религия — философия народа», что «интересы религии и прогресса вполне совпадают», проклинал «европейских публицистов и их русских защитников». Восторженно описывая реформистскую деятельность правительства, газета в то же время выражала крайне отрицательное отношение к попыткам крестьян собственными силами защищать свои интересы. По поводу судебного процесса, на котором 11 крестьян из Александрийского уезда Херсонской губернии обвинялись в поджоге помещичьего имущества с целью добиться снижения арендной платы за землю, «Неделя» писала: «Аграрные преступления приводят в ужас. Поджоги — одна из страшных форм насилия, угроза подобного рода колеблет право частной собственности» (1885, № 47, стр. 1638).

Отношение «Недели» к проявлениям народного возмущения и борьбе против существующих порядков отчетливо сказалось и в популяризации вздорных теорий итальянского криминалиста Ч. Ломброзо о влиянии алкоголя на народные восстания. Газета сочувственно цитировала его клеветнические утверждения о том, что «Парижской коммуне также предшествовало чрезмерное развитие пьянства, вызванное недостатком съестных припасов» (1886, № 22, стр. 733).

Преклоняясь перед «самобытным» невежеством мужика, «Неделя» по сути дела проповедовала обскурантизм. «„Просвещение!“ „Школы!“ — писал один из сотрудников „Недели“ К. В. Лаврский. — Что такое „просвещение“, о котором вы говорите? „Школы“, „книжки!“... а попробуйте-ка, разделите мысленно народную массу на две части — на одну сторону поставьте всех мужиков, которые прошли школу и даже читают книжки; на другую — всех безграмотных, и сообразите, на которой стороне окажутся все мироеды, кабатчики, волостные писаря, кулаки и т. д. Так что же сделала ваша „школа“, кого и на что „вышколила“...» (1885, № 30, стр. 1078). Темнота и невежество деревни выдавались «Неделей» за некую гарантию от разлагающего влияния капиталистических отношений.

«Оппозиционность» и «независимость» «Недели» сводились теперь к требованиям мелких реформ, робкой критике деятельности различных административных органов. Ее идеалы не шли дальше «общей последовательности системы улучшения государственного управления» (1883, № 11, стр. 333). Газета много писала о пользе банков, которые давали бы кредит крестьянам, об улучшении деятельности земств, о «реформе нашего тюремного быта», о «страсти к щегольству, обуявшей нынешнюю деревню», об упорядочении «питейного дела» и т. п. Это было практическое осуществление теории «малых дел», которую особенно деятельно проповедовал со страниц «Недели» публицист Я. В. Абрамов.

Взгляды публицистов «Недели» на литературу и искусство, так же как их общественно-политические позиции, были полным отречением от наследия шестидесятников. Они отрицали основную идею, на которой зиждилась русская реалистическая литература и передовая литературная критика, — о высоком гражданском долге писателя, художника. Отсюда выпады «Недели» против революционно-демократической критики, сетования на то, что она не учитывала «в сущности совершенно естественную для живого человека невозможность превратиться в сухую от-

влеченную схему идеализированного героя-гражданина». Отказ от героя-гражданина был связан с неверием правых народников в силы народа, изменой революционным идеалам. «Неделя» признавала это открыто, в отличие от других народнических изданий, в частности «Русского богатства». «Наше новое поколение, — писала газета, — противоположно предшествующей эпохе. Новое поколение родилось скептиком. Идеалы, которыми жили его отцы и деды, оказались бессильными над ним. Оно смотрит прямо в лицо действительности, без цветных очков идеализма. Оно не чувствует ненависти и презрения к обыденной человеческой жизни, не понимает и не признает обязанности человека быть непременно героем, не верит в возможность идеальных людей» (1888, № 15, стр. 482—483).

«Объективный наблюдатель и беспристрастный созерцатель» — таков был идеал художника в понимании публицистов «Недели». Это вело к отрицанию русской классической литературы. В соответствии с общей программой «Недели» — всячески отыскивать в жизни пореформенной России «светлые стороны» — особенным нападкам подвергалась сатира за ее «односторонность». Газета вставала на защиту русской жизни, «обиженной» сатириками. «Она [сатира] изображает русский быт, русские нравы, учреждения и порядки. Но во имя чего все это подвергается отрицанию, определить весьма трудно. Пошлость, грубость жизни, несправедливость, зло — вот какие широкие и малосодержательные понятия несет наша сатира. Собакевич, Плюшкин, Манилов, Коробочка, Поздрев — все это русские лица, русские нравы. Но попробуйте решить вопрос, ради чего осмеяны, что светит вам в творениях Гоголя из-за этих пошлых фигур? Или Фамусов, Скалозуб, Молчалин — ради чего они попали в сатиру?» (1890, № 8, стр. 255). С этих позиций «Неделя» выступала против М. Е. Салтыкова-Щедрина, упрекая его «в исключительной склонности к изображению явлений отрицательных, дисгармоничных, омрачающих и позорящих жизнь» (1890, № 4, стр. 125). Творчеству великого русского сатирика «Неделя» противопоставляла «сатиру западную, которая не распылялась в сплошном отрицании»; газета пророчествовала, что произведения Салтыкова-Щедрина будут скоро позабыты, ибо «они ничего не дадут творить мысли и чувству читателя, как форма без содержания, как неразгаданная шарада. И такая судьба неизбежно постигнет почти все сатирические произведения Салтыкова, потому что в них он пользовался искусством ради минутных интересов» (1890, № 4, стр. 121). Эта оценка служит прекрасной иллюстрацией ложности и бесплодности теорий, отрицавших социальное значение искусства. Столь же ложными были позиции «Недели» в области живописи: газета выступала против передвижников, именуя «роковыми заблуждениями» их утверждения, что «картина должна быть тенденциозной» (1890, № 11, стр. 384). Из выступлений газеты об искусстве не утратили интереса обозрения музыкальной жизни, которые вел известный композитор, участник «могучей кучки» Ц. А. Кюи. «Неделя», отражившая процесс перерождения народничества, выходила до 1901 г.

Ряд примечательных явлений в газетной периодике связан с правительственной политикой «примирения с обществом» (т. е. с либеральной оппозицией), осуществлявшейся в конце 70 — начале 80-х годов новым министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым, которая вызвала некоторое оживление либеральной прессы.

В Москве начинают выходить ежедневная газета «Русский курьер» (1879), ратовавшая за объединение «живых общественных сил» вокруг земств, еженедельная газета «Земство» (1880), опубликовавшая ряд ста-

тей об упадке сельского хозяйства, обнищании крестьянства («К вопросу о причинах обеднения крестьян» — № 53; «Мученики крестьянского самоуправления» — № 44; «Малоземелье и крестьянские отхожие промыслы» — № 48, «Голод в Олонецкой губернии» — № 33; «Виды на урожай и народное обеднение» — № 38 и др.). В Петербурге под редакцией Л. А. Полонского начала издаваться газета «Страна» (в 1880 г. — два раза в неделю, в 1881—1883 гг. — три раза в неделю). Это был типичный либерально-монархический орган: поддержка правительственной политики репрессий сочетается здесь с идеями реформ, «соединения умов общества, идущего вразброд». В 1881 г. за статьи о необходимости помиловать Н. Г. Чернышевского газета получила два предостережения, а в 1883 г. была временно приостановлена и больше не выходила.

Своеобразным органом буржуазных либералов была еженедельная газета «Гласность» (1881—1882; ранее издавалась под названием «Телеграф»), адресовавшаяся к «интеллигентному пролетариату». Свою цель она видела в том, чтобы «насаждать гласность относительно беспорядков в нашем гражданском и общественном быту». Это было одно из первых буржуазных изданий, в котором делались попытки приспособить марксизм к интересам буржуазии, для чего он подразделялся на «научный социализм» и «революционный социализм»: первый — одобрялся, второй — порицался.

Тогда же (в 1881 г.) в Петербурге выходила либеральная газета «Жизнь», уделявшая значительное место разоблачению злоупотреблений провинциального чиновничества. В ней сообщались и некоторые факты о тяжелом положении рабочих. К этой группе изданий следует отнести и издававшуюся несколько раньше газету «Русское обозрение» (издатель проф. Г. К. Градовский). Она неоднократно получала предупреждения, а в 1878 г. была прекращена за «вредное направление». Поводом для запрещения газеты явился фельетон ее издателя о суде над В. И. Засулич.

Буржуазно-либеральные издания получили некоторое распространение и в провинции. К ним относятся, в частности, «Киевский листок» и другая киевская газета «Заря», «Смоленский вестник», «Екатеринбургская неделя», «Одесский листок», «Саратовский листок», «Подольский листок» (издавался в Каменец-Подольске) и ряд других изданий. Большинство из них были недолговечными, как недолговечными были лорис-меликовские поиски «примирения с обществом».

Однако и в период либеральных веяний преобладали реакционно-монархические периодические издания. Среди них наблюдалась некоторая «специализация». Так, петербургская газета «Берег» (1880) основное внимание уделяла укреплению клерикальных основ режима, связям церкви и государства, боролась с «социально-революционной пропагандой», противопоставляла ей «разумные христианские убеждения». Московская «Русская газета» (издавалась с 1877 по 1882 г.) сосредоточивала усилия на критике реформ 60-х годов, исходя из помещичьих интересов. Газета «Восток», выходившая также в Москве с 1879 по 1886 г., пропагандировала внешнюю политику самодержавия, распространяла шовинизм, сеяла национальную рознь.

Орган воинствующей реакции «Восток» адресовался к «русскому интеллигентному человеку», заклиная его «из религиозного индифферента сделаться верующим, надеющимся, любящим православным человеком; из недовольного государственными порядками, часто тунеядца «сделаться строгим судьей своей собственной совести...» (1881, № 75).

После 1 марта 1881 г. газета распространяла толки о переносе столицы из Петербурга, «где зло родилось и питается», в Москву, исступленно требовала «покончить с петербургским периодом русской истории». «Восток» вместе с «Московскими ведомостями» и другими реакционными изданиями вел ожесточенную кампанию против либеральных изданий. Полемические выпады против этих изданий носили характер политических доносов. Например, в № 214 за 1881 г. «Восток» писал о «Русском курьере», «Московском телеграфе», киевской «Заре» и некоторых других либерально-буржуазных газетах как об органах, «в которых то и дело появляются глумленья над русским патриотизмом и верованиями народа, высказываются одобрение французским коммунистам и необходимость введения в России правового порядка, иначе конституции... Замечательно, что подобные статьи нашей цензурой проходятся незамеченными...» Газета откровенно призывала власти к расправе с либеральной прессой.

Позиции либеральной прессы подчас не отличались от позиций реакционной журналистики. Так, «Русская правда» — петербургская газета либерального толка — публиковала материалы против «философии социализма», осуждала борьбу с самодержавием. «Ошибаются мечтатели, — писала „Русская правда“, — если думают из простодушного, доброго по своей натуре русского крестьянина или рабочего сделать кровожадного протестанта и недовольного...» Идеал публицистов «Русской правды» — «простая, здоровая жизнь общества, средство для личного счастья — выработка честного, крепкого, простого характера в человеке, простая здоровая честная жизнь...» Так же незамысловато решался вопрос о преодолении экономических тягот и противоречий: «Путем добровольных переселений и расселений земледельцев, урегулирования отношений труда и капитала... многое будет предотвращено у нас к искренней радости всех благомыслящих и любящих Россию» (1878, № 1).⁹

Газеты рассматриваемого периода отразили, хотя и неполно, часто искаженно, главную особенность социально-политического кризиса того времени, состоящую в том, что к противоречиям между помещиками и крестьянами прибавилось столкновение классовых интересов пролетариата и капиталистов. О промышленном кризисе и депрессии 1873—1877 гг. свидетельствовали многочисленные сообщения печати о закрытии фабрик, банкротствах.

Гораздо скуперее освещали газеты жизнь десятков тысяч безработных, борьбу рабочего класса, которая постепенно нарастала, становилась все более организованной.

Однако в ряде материалов, особенно в корреспонденциях из провинции, содержалась правда о тяжелой доле рабочих. Буржуазная печать не могла обойти молчанием положение рабочего класса, растущее сопротивление пролетариата, хищническую эксплуатацию, забастовочное движение. Еще в феврале 1874 г. «Голос» писал о протесте 2500 рабочих Семяниковского завода, которые покинули завод после отказа администрации выдать заработную плату в установленный день. Газета отмечала, что это четвертый случай рабочих волнений на заводе. Много писала петербургская легальная печать о «бунте» на том же Семяниковском заводе 10 апреля 1875 г. Газеты публиковали отчеты о

⁹ Там же можно было прочитать весьма характерные для газет того времени сентиментальные очерки из «народного быта»: «В праздник вы увидите крестьянскую пару, изящно одетую в новые лапти. Чистая онуца невысоко охватывает ногу, а ремешки оборы идут красивыми рядами...» — и далее в том же духе.

судебном процессе над «зачинщиками» выступления семянниковцев — М. Лазаревым, Ф. Тихоновым, А. Васильевым, К. Стольбергом.

Большой общественный резонанс имели сообщения петербургских газет о первой рабочей демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 г. и о суде над ее участниками. В искаженном свете изображала легальная пресса зимой 1877—1878 гг. самый значительный политический процесс, известный под названием «процесс 193-х». Газеты были полны клеветы на обвиняемых. Правдивые отчеты о заседаниях суда печатались нелегально и распространялись среди студенчества и рабочей молодежи.

Некоторые газеты в начале 1878 г. перепечатали из «Русских ведомостей» следующее сообщение корреспондента этой газеты: «Множество рабочих рук осталось без занятий; да незавидное положение было и тех, которые хотя и получали работу, но с большими прогулами и уменьшением заработной платы до самого низкого размера, против существовавшей прежде на всех почти фабриках плата понижена на 50 процентов и более, и, кроме того, усилилось взыскание штрафов за упущения на работе. Вообще заработной фабричного люда сводились почти к нулю; вознаграждением его тяжелых трудов служила лишь одна фабричная „провизия“, отпускаявшаяся в счет заработка из фабричного магазина; о получении денег нечего было и думать, потому что харчи, прогулы (не разбирая, по чьей вине они произошли), штрафы совпадали цифра в цифру с итогом месячного заработка. Фабричные, берущие работу к себе на дом, пострадали за это время еще более...» («Новости», 1878, № 30).

Борьба рабочего класса за свои права все более определяла содержание общественной жизни. Перед лицом могучего стачечного движения «Новое время», «Московские ведомости» стали, как отмечал В. И. Ленин, писать о невозможности «сохранить старые порядки», о том, что «произвольные штрафы — „зло, ведущее к возмутительнейшим злоупотреблениям“, что „фабричные лавки — суицид грабеж“» и т. д.¹⁰ Однако морозовская стачка 1885 г., в которой рабочие проявили себя организованной силой, заставила реакционную печать отбросить в сторону лицемерно сочувственные слова об «установлении более человеческого отношения к рабочим», раскрыть свое подлинное лицо. Показательна в этом плане статья М. Н. Каткова «Судебный салют рабочему вопросу» в «Московских ведомостях». Речь шла об оправдательном приговоре, который был вынесен во Владимире участникам морозовской стачки. «Вчера, — язвительно писал Катков, — в старом богоспасаемом городе Владимире раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и *droit au travail!* Пора ему явиться на Руси! У нас есть и *jugu*, и арлекинада рабочих прений, и свои *maîtres Lachaud* — как же не быть у нас рабочему вопросу со всей его свитой! Одно к одному, одно тесно связано с другим. Разве вслед за принесенной пародией чужих учреждений не появился у нас и социализм, и заговоры, и политические преступления, разве Россия не ослабилась в целом мире как революционный вулкан?» Реакционная газета упорно придерживалась версии, что «трагикомедия борьбы труда и капитала», «недуг пролетариата и рабочего вопроса» принесены извне, «легкомысленно заимствованы из чужих стран». Гнев газеты обращен не только на рабочих, но и на присяжных, которые, оправдав рабочих, «признали бунт законным бунтом», на суд, который «в данном

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 24.

случае происходил не столько над рабочими, привлеченными к ответственности за буйство, сколько над дирекцией фабрики, которая якобы дожимала рабочих чрезмерными штрафами...» Автора главным образом беспокоит: «Что должны подумать рабочие в виду оправдательного вердикта Владимирского суда? С народными массами шутить опасно...» (1896, № 146).

В. И. Ленин охарактеризовал позицию, занятую «Московскими ведомостями» и фабрикантами, как старания «запугать правительство: если, дескать, уступить рабочим в одном, то они завтра потребуют другого». ¹¹

Жизнь показала иллюзорность рассуждений о том, что рабочего вопроса в России не существует, что «в нашей промышленности, по словам С. Ю. Витте, якобы преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими». В газеты продолжали проникать отголоски классовых боев. Находили отражение и лихорадочные поиски правительством и различными кругами буржуазии средств к смягчению остроты положения, хотя это было вызвано отнюдь не заботой о рабочих. Печать с конца 80-х до начала 900-х годов усиленно обсуждала различные проекты так называемого «рабочего законодательства». Газеты реакционного лагеря отрицали необходимость такого законодательства, как и существование рабочего вопроса, что давало возможность либеральной прессе представлять себя защитницей рабочих и шумно полемизировать с ретроgrадами.

Даже одна из самых продажных буржуазных газет «Биржевые ведомости» спорила с противниками проекта о рабочем законодательстве, укоряя их в том, что по их вине «искусственно создается рабочий вопрос». Откровенная защитница капиталистов, ¹² газета тем не менее приводила иногда примеры тяжелого положения рабочих в некоторых отраслях промышленности (например, в горной). При этом всегда отыскивались «объективные» обстоятельства, оправдывающие эксплуататоров! Газета призывала промышленников помочь правительству «в его заботах о рабочих». Вот типичный образец такого рода рассуждений: «В последнее время и у нас стали интересоваться судьбой фабричных и заводских рабочих, положение которых ухудшается с ростом нашей промышленности, а скорее отсталости нашего фабрично-заводского законодательства, которое отличается крайним несовершенством... Нам кажется, что для улучшения быта наших фабрично-заводских рабочих, помимо фабричного законодательства, необходимо, чтобы сами промышленники сделали кое-что в этом направлении. Само правительство с незначительным количеством агентов фабричной инспекции не в состоянии уследить за всем ввиду разбросанности фабрично-заводских помещений и громадности наших расхождений...» (1893, № 114).

Буржуазная печать конца XIX в. не дает истинного представления о неуклонном росте и организации сил русского рабочего класса. Вместе с тем эта печать — один из исторических источников при изучении экономического и политического кризиса, приведшего к революции 1905—1907 гг.

¹¹ Там же, стр. 25.

¹² Программа «Биржевых ведомостей» (1880—1917) выражена в ее «Обращении к читателям» в № 308 от 8 ноября 1893 г. Свою задачу редакция видит в том, чтобы «соединить знание с капиталом, промышленный опыт с денежной предприимчивостью, людей практики и дела с людьми науки и теоретических знаний, производителя с потребителем на общее благо России и на пользу отдельных отраслей промышленности, — задача, которая наиболее просто, естественно и последовательно могла бы быть осуществлена на страницах газеты, являющейся связующим звеном между лицами указанных категорий».

В 70—80-е годы некоторые губернские города становятся центрами сосредоточения интеллигенции. Это было вызвано, в частности, тем, что многим участникам народнического движения было запрещено жить в Петербурге и Москве и они были вынуждены жить в провинции, другие добровольно поселились в провинциальных городах, которые в их представлении были некими связующими звеньями между центром и деревней. Жизнь такого города открывала известные возможности для деятельности интеллигенции, хотя чаще всего эта деятельность сводилась к просветительству, борьбе с различного рода злоупотреблениями, заботам об экономическом и культурном развитии окраин, — словом, носила мирный, либеральный характер.

В середине 70-х годов в прессе велась полемика между приверженцами «центров» и поборниками «областничества». Начало этой полемике было положено статьей Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции». Автор сетовал в ней на то, что провинция отвлекает от столиц силы, которые могли бы сыграть важную роль в общественной жизни. Речь шла о многих талантливых писателях и публицистах, живущих в губернских городах и участвующих в местной прессе. Защитники «областничества» резко выступали против точки зрения Мордовцева, нередко впадая при этом в другую крайность, утверждая, например, что провинция и есть та реальная «почва», на которой вырастают новые идеи, намечаются пути обновления России.¹³

Несмотря на эти преувеличения, провинциальная пресса в ряде губернских городов действительно стала заметным общественным явлением. Некоторые ее выступления получили широкий отклик в стране.

Таковыми центрами прогрессивной интеллигенции были в 80—90-е годы, в частности, города Поволжья — Нижний Новгород, Самара, Казань, где издавались крупные популярные газеты: «Волгарь» (Н.-Новгород), «Волжский вестник» (Казань), «Самарская газета» и «Самарский вестник». Значение этих изданий возросло благодаря тому, что в них публиковались на протяжении многих лет художественные и публицистические произведения В. Г. Короленко и М. Горького.

2. В. Г. Короленко — газетчик (1885—1896)

7 июня 1878 г. в газете «Новости» появилась заметка «Драка у Апраксина двора», подписанная инициалами «В. К.». В ней не только содержался отчет о происшествии, но и опровергались сообщения репортеров «Голоса», «Нового времени» и других газет о том, что драка произошла из-за ненависти русских к татарам. Причина, убедительно доказывал автор, в другом — в полицейской провокации. Автором был В. Г. Короленко, работавший в то время корректором в «Новостях», а заметка — его первым печатным произведением. Вскоре Короленко был арестован, а затем выслан в Вятскую губернию. В октябре 1880 г. в петербургской газете «Молва» было напечатано его открытое письмо с описанием ссыльных скитаний.

Юношу, воспитанного на революционно-демократической литературе 60-х годов, глубоко ощущающего несправедливость окружающего мира, не могла не увлечь героическая борьба народников с царизмом. С их

¹³ Об этой полемике см. в ст.: Г. А. Бялы й. В. Г. Короленко — провинциальный публицист (1885—1895). — Уч. зап. ЛГУ, № 90, сер. филолог. наук, вып. 13, 1948, стр. 232—251.

трудной, нередко подлинно подвижнической, революционной деятельностью Короленко связывает свои надежды на коренное изменение жизни, на завоевание народом свободы и счастья. «Содействовать наступлению этого пришествия — вот что предстоит нашему поколению, а не повторять односторонность старой культуры, достигшей пышного, но одностороннего расцвета на почве несправедливости и рабства. Господствующей основной мыслью, своего рода фоном, на котором я воспринимал и видел явления, стала мысль о грядущем перевороте, которому надо уготовить путь».¹⁴ Мечты об этом перевороте приводят его в ряды народнической молодежи, исполненной самой горячей веры в близкое освобождение народа от угнетателей.

Начало постоянного сотрудничества Короленко в газетной периодике относится к 1885 г., когда он возвращается из ссылки и поселяется в Нижнем Новгороде. К этому времени молодой литератор избавляется от многих народнических иллюзий и страстно мечтает принять участие в общественно-политической жизни, найти в ней свое место.

В отличие от многих предшественников народнической интеллигенции, изверившихся в «великих задачах», «героических заветах» и обратившихся к «малым делам», к примирению с действительностью, Короленко не отказывается от борьбы. Он мечтает «примкнуть к какому-нибудь из провинциальных органов» с тем, чтобы иметь возможность, как он писал позднее, «вмешаться прямо, с практическими последствиями, в те области жизни, которые стояли. . . близко и на виду».¹⁵ Расставшись с «рациональными схемами» и «догмами», он видит свой нравственный гражданский долг не в примирении, а в отрицании общественных порядков России 80-х годов. Именно в это отрицание он стремится внести «всю свою мысль, и все свои искания, и свой личный рационализм, и негодование, и борьбу, и надежды».

«. . . Прощаясь с Нижним Новгородом в январе 1896 года, Короленко сказал: „Да, провинция затягивает не картами и вином, а проснувшись в ней живыми местными интересами. . . Есть жизнь и в столице, кипучая и интересная. Но тут есть одна черта существенного отличия: то, что в столице является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью, — здесь мы видим в лицах, осязании, предчувствуем, воспринимаем на себе. Поэтому поневоле то самое, что в столице является борьбой идей, — здесь воспринимает форму реальной борьбы живых лиц и явлений“ . . .»¹⁶

Короленко вырабатывает своеобразную тактику общественной и литературной борьбы, которую сам называет «партизанской», противопоставляя ее «партийности» отказавшихся от революционной борьбы народников и различных буржуазных групп. Свою позицию в этом вопросе Короленко позднее (в 1916 г.) объяснял следующим образом: «С тех пор, как еще молодым революционером-народником я попал в глухие леса Вятской губернии, я очутился „на дне“ „народной жизни“, где должна была дремать потенциальная или даже готовая формула народной мудрости. Затем после скитаний в Сибири я вернулся в особом настроении. „Не надейся на князи“ — это я знал давно. Но и не надейся на готовые формулы народной мудрости. Я решил, вернувшись на сокру-

¹⁴ В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10 томах, т. 6. М., Гослитиздат, 1954, стр. 200.

¹⁵ В. Г. Короленко. Черточка из биографии. — «Русские ведомости». Сб. статей. М., 1913, стр. 309.

¹⁶ Н. Геккер. В. Г. Короленко в борьбе (к 60-летию его рождения). — «Северные записки», 1913, № 6, стр. 137.

шенные пепелища недавних еще упований, — стать просто партизаном того, что несомненно тяготеет к правде». ¹⁷

Жизнь в Нижнем Новгороде дала публицисту-«партизану» обильный материал для корреспонденций, в которых отразилась целая эпоха русской жизни.

Вскоре после приезда в Нижний Новгород Короленко становится сотрудником казанской газеты «Волжский вестник» (издавалась с 1884 по 1906 г.), которая, как писал Горький, «стала самой влиятельной газетой Поволжья благодаря постоянному сотрудничеству в ней В. Г. Короленко». ¹⁸ В ней участвовали В. А. Гольцев, П. В. Засодимский, А. И. Иванчин-Писарев, Н. К. Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, С. Н. Южак. Подобно другим органам либерально-народнического направления, газета стояла за «мирное обновление», но вместе с тем затрагивала острые вопросы общественной жизни, в частности писала о бедственном положении крестьян, выступала против помещиков, критиковала деятельность земств и т. д.

Многочисленные корреспонденции Короленко нижегородского периода, опубликованные в «Волжском вестнике», «Русских ведомостях», «Самарской газете», «Нижегородском листке», отличаются исключительным разнообразием тематики. Подчас в них поднимаются мелкие вопросы городской жизни — о нумерации домов, засыпке навозом оврагов и т. д. Однако все вместе эти корреспонденции создают картину общего запустения и всяческого безобразия, именуемого писателем «диктатурой дворянства». Каждый, пусть незначительный, факт, описываемый Короленко, должен был раскрывать гнилость существующего строя, полную неспособность правящих классов удовлетворить самые элементарные требования и нужды миллионов масс русского народа.

Казанская газета оказалась весьма подходящей для Короленко и по той причине, что цензура, хотя и кромсала многие ее материалы, все же пропустила такие корреспонденции о нижегородских делах, которые не могли быть опубликованы в Нижнем Новгороде. В них речь шла об «эпидемии» хищничества и воровства в «благородном сословии». Кампанию против дворянских хищений Короленко особенно энергично начинает вести с конца 1889 г., когда в «Волжском вестнике» были опубликованы две корреспонденции — «Нечто об учении» (№ 290) и «Нижегородское уездное земское собрание» (№ 294 и 295). Широкую известность получили выступления Короленко о грабительской деятельности администрации акционерного пароходного общества «Дружина», приведшей к разорению мелких вкладчиков. Именно интересы «мелкоты» защищает писатель, замечая в одной из корреспонденций, что центральная пресса мало интересуется судьбой маленького человека, отданного на съедение дворянским и капиталистическим акулам.

В 1891 г. Короленко публикует в «Волжском вестнике» восемь корреспонденций о хищниках из Александровского дворянского банка, на протяжении ряда лет присваивавших банковские деньги. Эти сообщения вызвали большой скандал, повсюду говорили о ворах из «благогородного сословия». Власти вынуждены были отдать под суд несколько директоров банка. Это был чувствительный удар по вдохновителям «диктатуры дворянства» — Зыбиным, Панютиным, Андреевым, Демидовым и другим хищникам, избалованным в мошенничестве.

¹⁷ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. В. Г. Короленко, оп. 7, ед. хр. 90.

¹⁸ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29. М., Гослитиздат, 1954, стр. 422.

В истории нашей журналистики эта деятельность Короленко должна быть отмечена еще и потому, что он вызвал к жизни совершенно новый тип провинциального корреспондента — общественного деятеля, твердо, во всеуслышание требующего к ответу власть имущих, убежденного в этом своем праве. «Надо сказать, — пишет в своих воспоминаниях С. Д. Протопопов, — что в то время в Нижнем жили Анненские, Елпатьевские, Иванчин-Писарев, Богданович и другие более молодые и менее известные „неблагонадежные“ силы. Наезжали Успенский, Михайловский. Анненский заведовал статистикой земства и подобрал чуть не два десятка прямо выдающихся работников. Сюда примкнуло все „склонное к прогрессу“ из местной интеллигенции. Образовался кружок „трезвых философов“, читались доклады, рефераты, велись дебаты. Молодая жизнь была ключом. Новые, народившиеся, наплодившиеся корреспонденты пробовали свои силы. Почта приносила иногородние газеты со статьями нижегородцев. Конечно, Короленко задавал тон и был регентом хора. Корреспонденции читались на собраниях и обсуждались „трезвыми философами“. Это была настоящая школа. И в экскурсии Короленко часто брал с собой какого-либо из „начинающих“ и обучал его собиранию материала».¹⁹

Короленко учил членов своего кружка журналистскому мастерству и журналистской этике. Жена А. И. Богдановича, например, вспоминает, как Короленко помогал ему овладеть мастерством публициста: «Он делал ему стилистические указания, советовал вырабатывать сжатость формы и предостерегал против той резкости и неудержимости, которая у А. И. [Богдановича] проявлялась особенно в полемике. В. Г. [Короленко] говорил ему, что сам, когда пишет полемическую статью, представляет себе, что читает ее вслух тому, против кого она направлена. Тогда она приобретает особую убедительность, и в то же время из нее невольно исчезают личные нападки и всякая грубость и резкость языка».²⁰

Молодой А. М. Горький считал В. Г. Короленко авторитетом не только в области художественной литературы, но и в журналистике, газетном деле. Горький внимательно прислушивался к его советам. Вот ответ Короленко на одно из обращений Горького: «...В Вашем письме есть еще определенный вопрос относительно того, что я думаю о Ваших „Очерках и набросках“. По-моему, недурно. Следует стремиться к тому, чтобы приобрести сжатость, которая дает силу и подчеркивает факты. В „Самарской газете“, особенно прежде, в этом отделе в сущности не приводились факты и скорее писались статьи по поводу отдельных фактов. По-моему, если писать статьи, то нужно подбирать больше материала, чтобы вывод являлся хорошо обоснованным. Статейка, нагроможденная вся на одном факте, похожа на некий шар, поставленный на иглу. У Вас это не в такой степени, как у Чирикова, — но все-таки хорошо бы добиться, чтобы факты подбирались не схематично, не случайно и подчеркивались лаконичнее и выразительнее. Но все-таки очень недурно».²¹ Горький писал впоследствии о Короленко: «Он был моим учителем недолго, но он был им, и это моя гордость по сей день».²²

Вспоминая о нижегородском периоде своей жизни, Короленко подчеркивал политический характер корреспондентской деятельности руко-

¹⁹ С. Протопопов. О нижегородском периоде жизни В. Г. Короленко. В кн.: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, стр. 182—183.

²⁰ Т. А. Богданович. В. Г. Короленко в Нижнем. — Там же, стр. 99.

²¹ В. Г. Короленко. О литературе. Сб. статей. М., 1963, стр. 502.

²² А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи... М., 1957, стр. 121.

водимого им кружка. «Я служил центром кружка, — писал он Н. Н. Золотницкому 15 января 1921 г., — столь же „неблагонадежных“ корреспондентов, которые сознательно поставили себе целью дискредитировать дворянскую эру, и в этом смысле сделал много».²³

Власти, земские деятели, судебные чиновники были вынуждены считаться с ненавистной фигурой «корреспондента», использующего малейшую возможность для того, чтобы предать огласке их нередко весьма неприглядную деятельность.

Короленко с помощью В. А. Горинова и С. Д. Протопопова пытался перекупить «Нижегородский листок», однако власти воспрепятствовали тому, чтобы газета попала в руки объединившегося вокруг Короленко кружка разночинной интеллигенции. Жандармский генерал Познанский неустанно посылал в столицу доносы о кружке Короленко: «Я имел уже честь доносить не раз, что В. Короленко составляет центр, около которого группируются почти все без исключения подозрительные личности, проживающие в Нижнем. У него же в доме, без всякого сомнения, изгоняемая из высших учебных заведений молодежь получает первые уроки нигилизма и социализма. Участие Короленко в издании ежедневного печатного органа даст ему возможность расширить свою агитаторскую и в то же время крайне скрытную деятельность».²⁴

Замечательная страница в публицистической деятельности Короленко этого времени связана со знаменитым мултанским процессом. В попытках царской юстиции осудить одиннадцать удмуртов за якобы совершенное ими жертвоприношение языческому богу Курбону Короленко разглядел стремление правительства посеять рознь между народами, вынести приговор целой народности, состоящей из нескольких сотен тысяч человек. Короленко все свои силы отдает тому, чтобы русский народ узнал о пытках и издевательствах, подкупе и запугивании, лжесвидетелях и заведомой фальсификации документов, — обо всем арсенале царского правосудия, пущенного в ход для осуждения ни в чем не повинных людей. Как и во всей публицистической деятельности, писателем руководило «страстное желание вмешаться в жизнь... громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общечеловечности».²⁵

Выехав на место происшествия, Короленко тщательно расследует все события и убеждается, что и тут «благородное сословие» проявило свою низменную природу: «следствие — сознательно фальсифицировано, полицейские пристава истязали свидетелей, вымогая показания, председатель явно лгал на суде, внушая присяжным явно ложные сведения».²⁶ Короленко ставит цель: спасти осужденных на каторгу удмуртов от шайки «политических разбойников». «Я поклялся на сей счет чем-то вроде аннибаловой клятвы, — пишет он 19 октября 1895 г. Н. Ф. Анненскому, — и теперь ничем не могу заниматься и ни о чем больше думать».²⁷

Короленко консультируется с крупнейшими адвокатами, в качестве корреспондента присутствует на вторичном судебном разбирательстве дела в Елабуге, выезжает в Мултан, на место, где будто бы была принесена жертва, составляет план местности, делает снимки. Свою пер-

²³ «Памяти В. Г. Короленко». Сб. Н.-Новгород, 1923, стр. 42.

²⁴ Цит. по статье: С. Протопопов. О нижегородском периоде жизни В. Г. Короленко. В кн.: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников, стр. 191.

²⁵ В. Г. Короленко. Избр. письма о мултанском деле. Ижевск, 1939, стр. 12.

²⁶ В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. 5. Харьков, 1923, стр. 220.

²⁷ В. Г. Короленко. Избр. письма о мултанском деле, стр. 23.

вую задачу Короленко-корреспондент видит в том, чтобы без промедления сообщить во всех деталях правду о позорном процессе, опубликовать правдивый отчет.²⁸ Статья Короленко «К отчету о мултанском жертвоприношении» и отчет, напечатанный в тринадцати номерах (октябрь—ноябрь 1895 г.) газеты «Русские ведомости», имели широкий общественный резонанс, с которым не могли не считаться устроители судилища над крестьянами. Писатель, вступивший в борьбу с силами реакции и мракобесия, одержал победу: инквизиторы были разоблачены, а крестьяне в конце концов признаны невиновными. Имя Короленко, с которым и раньше связывалось представление о мужественном писателе-гражданине, стало для передовой части русского общества символом беззаветной преданности интересам народа. Современники сравнивали роль Короленко в Мултанском процессе с той выдающейся ролью, которую сыграл Э. Золя в известном деле Дрейфуса. А. П. Чехов писал в 1898 г. А. С. Суворину: «Первыми должны были поднять тревогу лучшие люди, идущие впереди нации, — так и случилось... Да, Золя не Вольтер, и все мы не Вольтеры, но бывают в жизни такие стечения обстоятельств, когда упрек в том, что все мы не Вольтеры, уместен менее всего. Вспомните Короленко, который защищал мултановских язычников и спас их от каторги».²⁹

«Лучшие люди, идущие впереди нации», — в устах Чехова, так осторожно обращавшегося с «большими словами», — это было очень высокой оценкой публицистики, общественной деятельности Короленко. И Короленко заслужил ее:

Голос писателя-патриота и демократа звучал всякий раз, когда реакция переходила в наступление на народные массы.

В отчете и статьях о мултанском деле ярко проявилось замечательное мастерство Короленко, который умел показать общее в частном, типическое в индивидуальном, сделать осязаемыми, доступными читателю связи отдельных злоупотреблений властью, насилий над человеком со всей политикой самодержавия. Эта же черта определяет наиболее сильную сторону журнальных и газетных выступлений, составивших книгу очерков «В голодный год» (1892).

Короленко на месте, в голодающих деревнях, помогал крестьянам пережить страшное бедствие, одновременно делая все необходимое для того, чтобы как можно большее число людей в России ясно представляло себе «потрясающую картину земельной неурядицы и нищеты земледельческого населения на лучших землях».³⁰ «Печать, — отмечал он, — оставалась единственным скромным средством общественного воздействия...»³¹ Вначале статьи Короленко о голоде появились в «Русских ведомостях», затем были перепечатаны в «Русском богатстве» (цензура не заметила, что в журнальном варианте появились места, не пропущенные ею в газете).

Картина голода в одном из уездов Нижегородской губернии, нарисованная Короленко, ставила перед читателями не частные вопросы, а важнейшие проблемы политической и экономической жизни страны. Подбор и раскрытие приведенных фактов убеждали в том, что «история

²⁸ «...С утра до ночи сижу над восстановлением стенографического (почти) отчета трехдневных заседаний. Для этого отчета мы (три корреспондента) соединили свои усилия. У меня на пальцах появились кровоподтеки и мозоли от карандаша — зато отчет будет полный» (там же).

²⁹ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 17. М., Госполитиздат, 1949, стр. 229.

³⁰ В. Г. Короленко. Земли, земли! — «Голос минувшего», 1922, кн. 1, стр. 8.

³¹ Там же.

русских голодов есть страшный обвинительный акт против самодержавного строя»,³² что для характеристики правящих классов «эксплуатация — это еще самое мягкое слово. Нет, — систематическая ненависть и презрение к мужику, возведенные в принцип, затем террор над остальными не дворянскими классами и полная власть в руках».³³

Эти слова — результат мучительных размышлений публициста над вопросом, глубоко волновавшим его современников: в чем причина периодически повторяющихся голодов, только ли стихии повинны в голодной смерти тысяч и тысяч русских крестьян? «Для меня, — писал Короленко Михайловскому 11 мая 1893 г., — главный смысл в моих очерках, их основной тон — связь между элементарными вопросами о хлебе насущном и политикой».³⁴ Короленко стремится доказать, что весь социально-экономический уклад царской России обрекает крестьян на нищету и смерть. Это был вывод, который делали лучшие люди его времени из многочисленных проявлений отсталости полукрепостнической экономики России. Достаточно привести высказывание Ф. Энгельса о голодном, 1892, годе в России. «Мне кажется из Ваших писем, что нынешний **неурожай**, — писал Ф. Энгельс Н. Ф. Даниельсону, — представляется Вам не несчастной случайностью, а необходимым следствием, одним из неизбежных спутников начавшегося в России с 1861 г. экономического развития. Это также и мое мнение, поскольку я могу судить на расстоянии».³⁵

Книга Короленко «В голодный год», вскрывавшая действительные противоречия в крестьянской среде и далеко уже зашедший процесс классового расслоения в деревне, была направлена не только против самодержавия, но и против народнической беллетристики и журналистики, против попыток «кормить народ умственной мякиной, сюсюкающей и шепелявящей моралью, детскими побасенками о добрых и злых мужичках, о погибельности города и о преимуществах деревни, даже в том случае, когда в оной придется пухнуть от голода».³⁶ Больше того, Короленко убедился, что между прекраснодушными либеральными «друзьями народа» и его прямыми, открытыми врагами дистанция невелика: «Ряды мужиконенавистующих комплектуются совершенно неожиданно из недавних еще поклонников народа».³⁷

Главное требование Короленко к печати: свободно выражать и защищать интересы народа. Для этого было необходимо разорвать оковы, лежащие на печатном слове, уничтожить монополию «ретроградской части печати, стоящей за человеконенавистничество, за мрак и недоверие к обществу».³⁸

Короленко срывает маски с тех, кто «требуется обуздания многострадальной русской прессы во имя добрых нравов». В заметке «Консервативная печать»³⁹ он приводит факты, показывающие, что представ-

³² Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. В. Г. Короленко, д. 15, ед. хр. 855.

³³ В. Г. Короленко. Письмо к В. Н. Григорьеву. Избр. письма, т. 2. М., 1933, стр. 49.

³⁴ В. Г. Короленко. Письма 1888—1921. Пг., 1922, стр. 35.

³⁵ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. М., 1951, стр. 153.

³⁶ Письмо Короленко к С. С. Вермелю от 2 марта 1893 г. — Переписка В. Г. Короленко и Н. Л. Когана (Наумова). М., 1939, стр. 48.

³⁷ «Русская мысль», 1892, № 12, «Текущая жизнь», стр. 235.

³⁸ Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. В. Г. Короленко, оп. 16, ед. хр. 918 (ст. В. Г. Короленко «О консерватизме. Новые явления в области столичной прессы», 1898).

³⁹ Там же, оп. 15, ед. хр. 82.

ляли собой в действительности блюстители «чистоты прессы». Так, реакционный публицист В. В. Комаров был подкуплен болгарским правительством, после чего «от крайнего болгарофобства перешел к крайнему болгаролюбию». Тот же Комаров присвоил деньги, собранные читателями на общественные нужды. Короленко неопровержимо доказывает, что издания Комарова «Русский мир» и «Свет» были своего рода «академией плагиатов, изготовляющихся в широких размерах, причем старый испытанный фальсификатор учит этому ремеслу молодых, начинающих писателей».⁴⁰

В той же заметке говорится о скандальном деле издателя «Московских ведомостей» В. А. Грингмута, подкупившего железнодорожных служащих, чтобы они бесплатно провозили эту рептильную газету, Писатель напоминает и о том, что «Гражданин» издается на деньги правительства. Короленко отчетливо видел, чего стоят разговоры Сувориных и Голенищевых-Кутузовых о «нравах печати»: «Когда-то г. Суворин, перечисляя грехи европейской печати, восклицал, подобно евангельскому фарисею при взгляде на грешного мытаря, что наша печать, слава богу, под сенью самодержавия, не похожа на иностранную... К сожалению, мы не разделяем этого самообольщения... Мы думаем, что добрые нравы печати едва ли выигрывают от отстаиваемого кн. Мещерским и гр. Голенищевым-Кутузовым разрешительного порядка. Этот порядок никогда и ничем не стеснял г-на Комарова... Он не оградил русскую печать от академии плагиаторов в виде газеты „Свет“. Он не спас русскую печать... от издателей, подозреваемых в подкупе кондукторских бригад. Покойный Трубников был заведомый перекупщик газетных изданий, и эта роль, осложненная обманами подписчиков, не помешала ему получать разрешение за разрешением на новые издания... Разрешительный порядок не помешал также и знаменитому Крушевану открыто подстрекать толпу к погромам в Кишиневе. Наоборот, он оградил его от возможных конкурентов, — так как целых восемь просьб об издании газеты со стороны людей другого образа мыслей были „оставлены без последствий“... До сих пор эти концессии только налагали цепи на разум, пытались умертвить слово, боролись с убеждениями... Но заведомой нечистоплотности, если она была связана с лицемерной покорностью и лстивыми преклонениями перед фактом, — концессия всегда покровительствовала».⁴¹

В этой заметке и ряде других выступлений писатель пригвоздил к позорному столбу «русский газетный консерватизм», который, по его словам, «прочно связался с нечистоплотностью, плагиатом, хищением, с одной стороны, и низким раболепством — с другой».⁴² Короленко верил, что, несмотря на происки реакционеров от журналистики, «все равно разума не умертвят и мысли в конце концов не скуют...»

В последние десятилетия XIX в. активизируется деятельность церковников, причем они широко используют печатное слово. Пышным цветом распускаются многочисленные клерикальные издания вроде «Православно-русского слова», «Воскресного благовеста», «Отдыха христианина», «Христианского чтения» и др. Со страниц церковных изданий раздаются призывы к истреблению всех противников царизма.

В «Бытовых очерках», написанных в 1896 г., Короленко ярко изобразил деятельность помощников официальной церкви — огромной армии бродячих монахов, разного рода проповедников, чудотворцев,

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

кликуш, которые умело пользовались темной одурманенных церковью людей, чтобы выманить у них гроши, заработанные тяжким трудом. В очерках рассказана поучительная история одного из таких авантюристов, «людей духовного прозвания», странника Антония. Не только мелкие бульварные листки, но и так называемые «солидные газеты» сознательно раздували популярность шарлатана рассказами о его мнимых чудесах. «Газеты, — указывал Короленко, — сообщали о каждом его шаге, о прибытии в каждый попутный город, наконец, о том, что он прибыл в Петербург».⁴³ В очерке Короленко показал, что почва, на которой процветают странники Антонии, создается теми, кто держит народ в темноте и невежестве. Он раскрыл прямую связь между светскими обскурантами из реакционных газет и религиозным фанатизмом. «В деревенской глуши, — писал он, — наивный философ „Петя болящий“ рассуждает об орудии антихриста — самоваре, а в то же время философ „Московских ведомостей“ К. Н. Леонтьев писал „о вреде грамотности и зловредности железнодорожных дорог“».⁴⁴

Публицистика Короленко обладала тем качеством, которое на современном языке называется действительностью журналистского слова. «Он никак не может успокоиться, — писал о Короленко его современник, — на горделивой формуле, что „слова поэта суть уже его дела“. Своей литературной работой ему хотелось бы прежде всего достигать реальных, ощутимых результатов... Он не останавливался ни перед тяжкими трудами, ни перед самыми сложными и трудными „обстоятельствами“, ни перед грозящими ему лично последствиями и неприятностями».⁴⁵

Горький свою работу в провинциальных газетах 90-х годов называл «корчеванием пней» — «действительной опасной службой у Правды и Справедливости». Такой же верной службой высоким гуманистическим и демократическим идеалам была публицистика Короленко. Непримиримость к рабству и насилию, к самодержавному режиму царской России, «сознание личной ответственности за весь порядок вещей» — вот что влекло писателя к испытанному оружию — очерку, памфлету, короткой газетной заметке, корреспонденции. В них мы находим живой отклик на страдания обездоленных масс, уловленные чутким слухом художника-гражданина.

3. Горький — газетчик⁴⁶

15 февраля 1900 г. А. П. Чехов писал М. Горькому: «Какой Вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики. Вы же вполне владеете и пером журнального человека... Значит, валяйте и публицистику...»⁴⁷

Первая публицистическая статья Алексеем Пешковым была опубликована в одной из одесских газет в 1891 г. Годом позже под именем М. Горький начинающий писатель выступил и на поприще литературы и сразу же связал свою художественную деятельность

⁴³ В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1914, стр. 324.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Н. Карабчевский. Адвокат honoris causa. — «Современная иллюстрация», беспл. прил. к газете «Современное слово», 1913, № 7, стр. 102—104.

⁴⁶ В данном разделе рассматривается только сотрудничество М. Горького в газетах. О редакторской и публицистической деятельности писателя в журналах 1895—1903 гг. см. кн.: С. В. Смирнов. М. Горький и журналистика конца XIX — начала XX вв. Изд. ЛГУ, 1959, стр. 7—12, 38—82.

⁴⁷ М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания. М., 1951, стр. 69.

с журналистикой. 12 сентября 1892 г. в тифлисской газете «Кавказ» при содействии А. М. Калюжного и по протекции фельетониста В. Д. Цветниченко был опубликован первый рассказ молодого писателя «Макар Чудра».

Сотрудничество в периодических изданиях Горький не прекращал и в последующие годы. В 1893—1894 гг. он печатался в «Русских ведомостях», «Волжском вестнике», «Волгаре», «Самарской газете», «Нижегородском листке объявлений и справок», установил отношения с журналом «Русское богатство», завязал переписку с «Неделей» и многими другими изданиями. Не разделяя социально-политических, философских, эстетических и нравственных воззрений идеологов и руководителей буржуазно-либеральной периодики, Горький вынужден был печататься в подобных изданиях, так как органов, близких его воззрениям, почти не было.

В январе 1895 г. редактор «Самарской газеты» Н. П. Ашешов (Шишов), молодой либерально-буржуазный журналист, высланный из Петербурга за неблагонадежность, пригласил по совету В. Г. Короленко начинающего писателя на постоянную работу в это провинциальное издание в качестве беллетриста, фельетониста и обозревателя прессы. Горький принял это предложение и с 26 февраля стал одним из сотрудников «Самарской газеты». 1 марта того же года он возглавил отдел «Очерки и наброски», в котором выступил как обозреватель столичной и провинциальной прессы. В газете Горький ведет также воскресный беллетристический фельетон (рассказ) «Теневые картинки», помещает свои стихи, баллады, поэмы, легенды, аллегории.

13 июля 1895 г. в «Самарской газете» прекратил сотрудничество известный в то время журналист С. С. Гусев (Слово Глаголь), который вел отдел фельетонов «Между прочим (мелочи, наброски и т. п.)». Издатель С. И. Костерин предложил Горькому возглавить и этот отдел, и с 14 июля в отделе «Между прочим» ежедневно начали публиковаться фельетоны, памфлеты, статьи, зарисовки, картинки с натуры, корреспонденции, репортажи Иегудиила Хламида.

В июле 1895 г. из «Самарской газеты» ушел ее редактор Ашешов. Горькому в течение июля и августа пришлось исполнять обязанности главного редактора газеты. Таким образом, к середине 1895 г. молодой Горький стал признанным идейным руководителем «Самарской газеты» и ее ведущим сотрудником.

В конце августа 1895 г. на место редактора «Самарской газеты» был приглашен либерально-буржуазный журналист народнического толка А. А. Дробыш-Дробышевский, с которым у Горького сразу же возник идейный конфликт. Писатель-журналист решил уйти из редакции, но окончательно порвать с «Самарской газетой» он смог только в апреле 1896 г. До этого времени, несмотря на интриги нового редактора и его редакторский произвол, Горький вынужден был из-за огромного долга Костерину работать в этом органе. Но уже с конца 1895 г. он начал через Гусева переговоры с редактором «Одесских новостей» о переходе в это издание.

Всего с 26 февраля 1895 г. по 21 апреля 1896 г. Горький опубликовал в «Самарской газете» около 600 публицистических и художественных произведений.

1895 год, когда началась профессиональная деятельность писателя в газете, имел особое значение для идейного становления Горького — художника и журналиста. Как известно, 1895 год знаменует начало нового — пролетарского — этапа освободительного движения в России.

Наряду с правительственной, официозной, реакционной, буржуазной и либерально-народнической журналистикой возникает легальная рабочая и марксистская печать. Первые легальные издания марксистов стали выходить в 1896—1897 гг. О зарождении этой прессы в России было хорошо известно Горькому. Прибыв в начале 1895 г. в Самару — один из революционных центров Поволжья, молодой писатель и журналист оказался в гуще идейной борьбы, получил возможность непосредственно наблюдать за политическим, экономическим и культурным развитием не только «русского Чикаго», но и всей России.

В качестве постоянного обозревателя «Самарской газеты» Горький был обязан ежедневно просматривать столичные и провинциальные издания. Изучение русской журналистики 1895—1896 гг., знакомство с ее историей, ее творцами, законами и хозяевами дали возможность Горькому выработать стройную систему взглядов на печать. Горький хорошо сознавал, что его представления о роли и задачах прессы, обязанностях журналиста противоречат общепринятым нормам. «У меня... есть своя правда, совершенно отличная от той, которая принята в жизни...»⁴⁸ — писал он в феврале 1896 г. Е. П. Пешковой.

Свои взгляды на печать Горький публично высказал на страницах «Самарской газеты». Он обосновал идеи передовой журналистики, встал на защиту интересов вечно травимых «газетных волков», «скоропадентов», «свирипых супостатов» — репортеров, которых «общество не признает... за людей, достойных его внимания» (1896, № 32). Горький прекрасно сознавал, что в России в конце XIX в. печать все еще не соответствует своему назначению, «пребывает косноязычна и ратоборствует по линии наименьшего сопротивления» (1895, № 244), что в стране много людей, требующих «наложить узду на уста» демократической прессы (1896, № 10). Горький говорил о необходимости «уважения к печатному слову, внимания к нему и веры в его просветительную деятельность для нашей страны» (1895, № 190). Для того чтобы выполнить эту важную общественную миссию, орган печати обязан быть «политическим», иметь собственное идейное направление, «серьезный тон и дух», служить добру, быть «благородным колоколом, вещающим только правду...» (1896, № 111).

Подлинное назначение журналистики, по Горькому, — быть «беспристрастным судьей и единственным защитником» интересов народа, руководить «общественным мнением», проливать «луч света на мутные и темные делишки и порядки общества» (1895, № 209). Пресса обязана разрабатывать «экономические, политические, моральные, религиозные, художественные и прочие» вопросы (1896, № 19), над решением которых «хлопочут лучшие и благороднейшие умы человечества». Газета, как и журнал, обязана быть не только идейной, принципиальной, правдивой, независимой, но и боевой. Обосновывая это положение, писатель исходил из собственного журналистского опыта. «Самарская газета», сообщил он 15 марта 1895 г. Короленко, «не дает спокойных дней здешней публике. Она — колется, как еж. Хорошо! Хотя нужно бы, чтобы она колотила по пустым башкам, как молот».⁴⁹

Горький вступил на поприще журналистики в тот период, когда, по его словам, у газеты стал «народиться новый читатель», трудящийся человек, рабочий и крестьянин. Горький надеялся, что с пробужде-

⁴⁸ А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1895—1906. Архив А. М. Горького, т. V. М., 1955, стр. 13.

⁴⁹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 28. М., Гослитиздат, 1954, стр. 8—9. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

нием интереса к печати со стороны народа ее связь «с обществом делается прочнее . . . печать будет удовлетворять широким общественным запросам» (1896, № 19), влиять на ход жизни. Свою задачу Горький-публицист видел в том, чтобы указать читателям «новый путь к жизни, путь осмысленный и ведущий к культуре духа и плоти» (1895, № 64). Он считал, что газета должна «заставить читателя задуматься о порядках . . . жизни», и призывал журналистов развивать у народа «сознание своих человеческих прав» (1895, № 142).

Несмотря на произвол цензуры, писатель-журналист проводил свои идеи в жизнь. Используя весь арсенал художественных и публицистических средств, он умело обходил «камни преткновения, которые не позволяют газете дать много разнообразного и хорошего материала и понуждают ее закапывать жемчужные зерна слова правды в кучи иносказаний, излагаемых эзоповым языком. . .» (1895, № 190). Чтобы обмануть бдительность царских цензоров, Горький охотно использует иронию, сарказм, пародию, гиперболу, гротеск, символ. Он стремится к образности художественно-публицистического повествования, часто прибегает к красочному сравнению, яркой метафоре. Его авторская речь предельно лаконична и афористична. Она насыщена меткими народными пословицами и поговорками. Горький не пренебрегает острым социально-бытовым анекдотом, поучительной притчей, народной легендой и сказкой. Он добивается предельной стройности композиции, доходчивости и убедительности аргументации. Многие его памфлеты, фельетоны и статьи написаны в форме задушевной беседы с читателями из народа, которых публицист желает не только просветить, но и вдохновить на подвиг, на борьбу.

Горький создает образ журналиста-учителя, глашатая новых идей, имеющего «призвание к делу» и «огонь в сердце», «определенный взгляд на дело жизни», высоко держащего знамя с благородным девизом: «На арене борьбы за правду и добро» (1895, № 111).

В 1895—1896 гг. молодой публицист много сил отдал борьбе за возрождение в журналистике революционно-демократических традиций. Сам писатель выступил в печати как законный наследник и продолжатель великих традиций Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина на новом этапе освободительного движения. Горький непримиримо относился к официозным, буржуазным и либерально-народническим органам, стоявшим на страже интересов самодержавия. В своих фельетонах он дает убийственные характеристики Российскому телеграфному агентству, газетам «Новое время», «Гражданин», «Московские ведомости», «Сын отечества», «Русские ведомости» и многим другим подобным изданиям. Горький с гневом и возмущением писал о том, что печать все более и более проникается торгашеским духом, что журналисты, писатели, поэты, желая понравиться своему хозяину-издателю и заработать «малую толику презренного металла», становятся ревностными служителями торговой рекламы. Писатель-журналист выступает против того, чтобы «сводить благородную роль прессы к роли уличной фиглярки», «делать подлой погрешкой на потеху уличной толпы», превращать в «омут клеветы и инсинуаций». «В данное время, — утверждал Горький, — время неопределенного шатания мысли, нищеты духа и упадка жизнеспособности — *пресса* более, чем когда-либо, *должна быть на страже всего чистого и честного, более резко и живо будить совесть общества и поддерживать в нем надежду на самого себя и веру в лучшее будущее*» (1895, № 205. Курсив наш. — С. С.).

Заслуга молодого писателя-публициста состояла не только в том, что он глубоко и верно определил роль и задачи демократической журналистики, но и в том, что в собственной газетной практике он осветил с боевых демократических позиций главнейшие проблемы русской действительности с ее острейшими социально-политическими и экономическими противоречиями.

Говоря о современной России, Горький с иронией писал о том, что «наш русский прогресс носит совершенно самобытный характер» (1895, № 46), ибо в стране отсутствует элементарный правопорядок, и хотя все подчинено «мертвой букве закона», феодально-буржуазное государство держится не законом, а насилием, «благодаря строгим внушениям и наставлениям».

Царская Россия, по Горькому, представляет собой страну, где народом правят «воры, разбойники, мошенники, казнокрады, вымогатели» (1895, № 272), где процветают дикий произвол и совершенно отсутствуют не только конституционные, но и «судебные гарантии». С гневом писал он о том, что в России устраиваются массовые «секуции», что людей порют розгами, совершают «гнуснейшие . . . преступления против личности» (1895, № 175), что «люди гибнут массами в борьбе за право жить» (1896, № 48).

Вскрывая причины социально-политических бедствий, публицист добирался до высших сфер, до «основ». Главным злом он считал самодержавие. Раскрывая истинную сущность феодально-буржуазного строя, он утверждал, что в нашем «благоустроенном государстве» все делается для того, чтобы обобрать рабочего, «захудалого мужичка», «мелкого владельца»-обывателя. Государство постоянно занято изобретением «всевозможных инквизиционных способов» (1895, № 159) получения налогов и недоимок, которые оно «дером дерет» с простого народа.

Исключительное внимание в газетной публицистике 1895—1896 гг. Горький уделяет органам самоуправления. Хорошо зная русскую «муниципальную» систему, молодой журналист на фактах доказывает читателю, что главную роль в земских собраниях, городских думах, управах играют хозяева, которые пекутся не об интересах «изнемогающей» от нужды бедноты, а о своих карманах (1895, № 55). Подвизаясь на поприще самоуправления, помещики, кулаки, фабриканты, заводчики, купцы проявляют не только особое рвение по части «общественного пирога», но и прямо переносят в политику все те методы и приемы, которыми они пользовались в своей вотчине, на своем заводе, в своей лавке. Вот почему Горький — фельетонист и сатирик не жалеет красок для изображения различных насилий, хищений, мошенничеств, злоупотреблений, преступлений, совершаемых на «общественном» поприще.

Он не довольствуется разоблачением «чумазых управцев», совершающих «подвиги» на политической арене, но и раскрывает сущность их социально-экономической деятельности. «Для них жизнь, — писал Иегудиил Хламида 10 января 1896 г., — *купля-продажа, бог их целковый, и ему они — верные дети*» (курсив мой. — С. С.). В своей публицистике Горький и показывает таких «верных детей», рабски служащих копейке. Здесь и «человек с поэтическим именем и зверским сердцем», владелец киевской конфетной фабрики В. Ефимов, и безграмотный самарский фабрикант Н. Лебедев, и «хозяин реки Вятки», пароходчик Г. Булычев, и «банкир-хищник» С. Кононов, и волжские судовладельцы,

и сибирские золотопромышленники, и «кабацкие аристократы» и многие другие хозяева.

В изображении Горького-публициста современный хозяин предстает перед читателем как беспощадный хищник, жрец страшного бога Меркурия. Показывая «нахального грабителя», «бесконтрольного командира и властелина», лишённого чувства меры в своем стремлении к барышам, Горький приходит к выводу, что отечественный промышленник вышел из младенческого возраста. Во многих статьях и памфлетах журналист изображает «мозгового», «энергичного и самостоятельного по-американски» русского капиталиста, который вполне «освоился с устройством акционерных компаний и синдикатов» (1895, № 150. Курсив наш. — С. С.). Горький хорошо понимал, что с созданием новых капиталистических объединений «современный хозяин» не только будет продолжать беззастенчиво и жестоко грабить трудящихся, но и «додумается» до «участия рабочих в прибылях» (1895, № 150). Говоря современным языком, он уже в самарский период развенчал басню о «народном капитализме»: «оригинальность» участия рабочих в прибылях заключалась в том, чтобы заставить их работать даром на фабриканта (там же).

Горький гневно осуждает феодально-буржуазный строй, основанный на жесточайшей эксплуатации рабочего человека. Он во всеуслышание заявляет, что хотя в России «формы отношений рабов и господ изменились, *сущность этих отношений до сего времени осталась неизменяемой*» (1895, № 184. Курсив мой. — С. С.). Вопреки цензурному запрету, в таких статьях, обзорах печати, корреспонденциях, зарисовках, как «Господа и рабы», «Конверсия», «Эксплуатация с музыкой», «Сибирская цивилизация», «Отравители», «Сладкая картинка», «Благотетели» и многих других, опубликованных в «Самарской газете» в 1895 г., Горький-публицист без прикрас изобразил хищную эксплуатацию капиталистами пролетариев, рассказал о непосильном труде русских и нерусских, молодых и старых рабочих и работниц, содержащихся на «собачьем положении», описал каторжные условия труда, обнажил «великие зверства», которые совершали над рабочими заводчики и фабриканты.

В отличие от своих предшественников — революционных демократов, Горький-публицист не только во всей неприглядной наготе показал жизнь рабочих и работниц России, но и запечатлел их первые организованные выступления в защиту своих прав, отметил факты проявления пролетарского единства и пролетарской солидарности. В статье «Нечто о наборщиках», помещенной в «Самарской газете» 6 апреля 1896 г., М. Горький писал: «... казанские газетные наборщики поднимают вопрос о тяжести своего положения и о необходимости облегчения его посредством праздничного отдыха. Казанским наборщикам сейчас же откликнулись орловские, теперь откликаются киевские, и следует ожидать, что скоро откликнутся и еще многие». Приведя этот факт, Горький отмечает его исключительное значение для социально-политической жизни России: «... он, как бы то там ни было, свидетельствует ни о чем ином, как именно о зарождении у некоторой части рабочей среды самосознания и сознания своих человеческих прав. И, право, тут есть чему порадоваться, нас не часто дарит судьба такими явлениями...» (1896, № 75). Горький выступает горячим сторонником экономического и политического освобождения рабочего класса. Свою задачу публицист видит в том, чтобы направить энергию русских пролетариев на слом старой государственной машины, или, как он выражался эзопо-

вым языком, «на почетный труд реставрации условий жизни» (1895, № 63).

Он призывал к уничтожению всей системы феодально-капиталистических социально-экономических отношений и замене их новыми, отвечающими интересам народа, демократии. 19 октября 1895 г. в фельетоне «Между прочим» Горький писал: «Сведующие люди говорят, что его [капиталиста] успехи подвигают к нему его гибель».

Значение этого выступления было огромно. Через месяц после появления фельетона петербургский цензурный комитет обратился к самарскому губернатору с просьбой «сделать распоряжение, чтобы на будущее время не были разрешены в местных повременных изданиях статьи, могущие поселить вражду рабочих к хозяевам». ⁵⁰ Но писатель не желал подчиняться распоряжениям самарского губернатора. В обзорах и фельетонах «Очерки и наброски» и «Между прочим» он продолжал обличать бесчеловечный строй.

В публицистике середины 90-х годов Горький не ограничивался беспощадным обличением политической и экономической деятельности современных хозяев, он говорил о проникновении буржуазного торгошеского духа во все сферы духовной жизни, показывая, как «чужацкий» протягивает свои грязные лапы к культуре, искусству, просвещению, науке, прессе. «Идет какая-то могучая нивелировка лиц, явлений, идей. Кто-то таинственный и бесстыдно-подлый желает свести с пьедестала к одному знаменателю — все опозлить, унижить, свести с пьедестала в грязь жизни. Почти никто не говорит: будь честен! А то и дело откуда-нибудь доносится ликующий голос времени: — И ты дрянь!» (1895, № 118).

Горький не ограничивается констатацией факта: он развенчивает буржуазную идеологию вообще, мещанскую в частности, гневно обличает обывательщину, бескультурие, дикие нравы и обычаи мещанства. Уже в самарский период тема борьбы с мещанством получила в публицистике Горького большое социально-политическое значение.

От наблюдательного взгляда молодого публициста не ускользнул и тот факт, что буржуазные экономические отношения проникли и в деревню. Воссоздавая картины жизни деревни конца XIX столетия, Горький не жалеет красок для изображения дворянина-земледельца, «дикого барина», который постепенно утрачивал былое значение после реформы 1861 г. Горький описывает многих «героев» эпохи «разорения и оскудения»: «добродетельного князя», «вырождающегося психопата» Вяземского, «сиятельного самодура» Радзивилла и им подобных «лютых» землевладельцев, любителей «рукопашного боя» и прочих «шалых» удовольствий, развратников, «интеллигентных помещиков», потерявших «чувство меры в погоне за удовлетворением своих животных инстинктов» (1896, № 28). Однако барин еще не сошел с арены: наживаясь на голоде крестьянских масс (см.: 1895, № 179), он приспособляется к новым условиям, становится помещиком-скототорговцем, плантатором, ростовщиком, заводчиком, фабрикантом.

Горький хорошо понимал, что той деревни, о которой говорили и мечтали либеральные народники, не существует, что буржуазные отношения наложили печать на весь характер жизни крестьянства, давно уже разделив деревню надвое. Первую категорию составляют «люди зажиточные, солидные, степенные», так называемая «деревенская аристо-

⁵⁰ ЦГИА СССР. Главное управление по делам печати, 1895—1901, отд. 2, ф. 776, оп. 12, ед. хр. 39, ч. 1, лл. 115—116.

кратия» (1895, № 267). К ней Горький относит кулака-богатея, лавочника, кабатчика, ростовщика, «аблаката-брехунца», ревизора, податного инспектора, «вообще Хлестакова... в маске какого-либо начальника» (1895, № 44).

Особое внимание публицист уделяет деревенским «цивилизаторам», кровопийцам-кулакам, этим «крокодилам» деревни, дерущим с мужика три шкуры, «разъедающим худосочное крестьянское хозяйство» (1895, № 91), разрушающим вековые устои. Сельских богатеев он называет «порчей», «чумой», «язвой» деревни. И в то же время отмечает их ведущую роль в русской и нерусской деревне. В статье «Кулак», помещенной 3 мая 1895 г. в «Самарской газете», он констатировал: «Утончается кулак — человек энергичный и жизнеспособный». Горький не ограничивается беспощадным обличением «цивилизаторской миссии» этих «пионеров» деревни. Он ставит вопрос об их полном «искоренении».

Ко второй категории Горький причисляет всякого сорта голытьбу, безлошадную, бесхозяйственную, перебивающуюся «из кулька в рогожку, ту, «у которой все лезет вкривь и вкось...» (1895, № 267). Без прикрас, без народнической слащавости изображает он сельский бедный люд, одичавший от голода и жизненных неудач, описывает быт бедных, жалких деревушек, где мужики, бабы и дети надрываются от каторжного труда, но не могут избавиться от вечной нищеты и страшной нужды. Перед нами предстает «подавленная бедностью, во все тяжкие истязуемая деревня» (1895, № 147). Мужики, которых матушка-землица не может «прокормить досыта» (1895, № 50), бросают обжитые места и переселяются в далекую Сибирь, превращаются или в деревенских подрядчиков, или в безработных, люмпен-пролетариев, босяков. Этот процесс, говорит публицист, неумолим, и никакими добрыми пожеланиями его остановить нельзя.

Народные бедствия, по Горькому, могут исчезнуть только в том случае, если в деревне будут упразднены существующие буржуазные социально-экономические отношения. Но кто же это сделает? По мысли Горького, это должен сделать сам народ, которому принадлежит выдающаяся роль в экономической, социальной, культурной и интеллектуальной жизни общества. Не случайно внимание публициста привлекают «незаметные герои», вызывающие «изумление своей энергией», совершающие дела незаурядные, богатырские подвиги (1896, № 50). Молодой писатель ищет искры протеста и возмущения среди крестьян.

Горький подводит читателя к мысли об исторической роли народных масс. Он не скрывает, что народ трудно вывести из состояния духовной пассивности и «повести его вперед к сияющему солнцу» (1895, № 56), но в то же время в моменты общественного подъема народ начинает играть активную роль, и эти моменты «составляют эпохи в развитии человечества» (1895, № 50).

Огромное значение в расширении народной «борьбы с эксплуататорами», которых ревностно оберегало и поддерживало феодально-буржуазное государство, по мысли Горького, принадлежало демократической интеллигенции, борющейся «с кромешной тьмой народной жизни и с животной психикой народной массы» (1895, № 154). Поэтому молодой Горький требовал, чтобы демократическая интеллигенция избавилась от равнодушия и искала «для себя более конкретной... более близкой к народу позиции» (1895, № 91), ибо народ своим кровным трудом заработал право на внимание. С большой теплотой публицист рассказывает о педагогической, просветительной, культурной деятельности интеллигенции, искренне озабоченной судьбой народа. Восхи-

щаясь подвигами врачей, учителей, ученых, писателей, журналистов-демократов. Горький зло обличает буржуазную интеллигенцию, которая порвала связи с народом, отказалась от революционных традиций «века богатырей».

Таким образом, уже в публицистике самарского периода писатель пытался наметить конкретные пути улучшения жизни простого народа, определяющие исторические судьбы России. Вот почему, говоря о необходимости «потрясений», Горький ставит вопрос о человеке-гражданине, борце, революционере, или, как он пишет, «безумце» (см.: 1895, № 231), который вместе с людьми, подобными ему, «устроит нашу жизнь „как лучше“», создаст новое общество. «Эти безумцы никогда не мирятся с мраком и злом. Они идут в поисках света и предпочитают лучше погибнуть, чем примириться с мраком» (1895, № 231). По Горькому, «безумцы», новые люди, преобразователи всей жизни должны избавить человечество от «фатальной ... механической жизни», вывести его из нравственного и идейного тупика. Путь к обновлению людей, по мысли писателя, лежал только через усвоение ими социально-политических, философских и эстетических заветов русской революционной демократии, заветов «Современника» Чернышевского, Добролюбова и Некрасова.

Большое место в публицистике Горького 1895—1896 гг. занимает женский вопрос. Писатель-журналист с гневом пишет о том, что женщина в России находится в «невозможно рабском положении», что ею торгуют, как живым товаром, «бьют, как лошадь», «развращают и морально, и физически» (1895, № 141). Горький встает на защиту экономических, политических и социальных прав женщин. Так, говоря об эксплуатации женщин, об их непосильном каторжном труде, он пишет: «В иных сферах деятельности женский труд предпочитается мужскому труду, хотя предпочтение и не привело еще к соответствующему вознаграждению» (1896, № 88). Горький требует от общества, чтобы оно признало культурно-историческое значение женщины, развенчивая литераторов, забывающих «показать нам портреты тех женщин, которые устраивают международные конгрессы и агитируют в пользу признания за ними прав на жизнь...» (1896, № 88). Горький мечтает о женщине-патриотке, женщине-матери, которая «войдет в активную жизнь и будет воспитывать из детей своих мужей, твердых духом, и граждан благородных, бескорыстных слуг отечеству» (1895, № 160).

На страницах «Самарской газеты» Горький выступал не только как публицист, но и как рецензент и литературный критик: писал библиографические заметки, фельетоны, литературно-критические статьи, рецензии на пьесы, драмы, трагедии и оперы русских писателей и композиторов. Горький-критик много внимания уделял эстетическому воспитанию народа. Он резко осудил постановку на русской сцене пошлых комедий В. Крылова, И. И. Мясниченко и других авторов. Он писал: «... театр — это школа народа»; театр должен «проводить в жизнь идеи вечной правды, идеи благородства, идеи, возвышающие человеческий дух, воспитывающие его» (1895, № 113). Горький боролся за реалистические традиции русского театра, за традиции Фонвизина, Пушкина, Гоголя, Островского, Салтыкова-Щедрина, Чехова.

Защищая великие завоевания русской культуры, публицист с негодованием обрушился на творчество русских символистов. Он резко осуждал аморальные и упадочнические стихи А. Н. Емельянова-Коханского, А. М. Добролюбова, Ф. К. Сологуба и др. Горький выступал не только против русских декадентов, но и против упадочнического евро-

пейского и американского буржуазного искусства. Преклоняясь перед творчеством В. Шекспира, Д. Свифта, М. Сервантеса, Ж.-Б. Мольера, О. Бальзака, Г. Флобера, И.-В. Гете, Ф. Шиллера, он критиковал тех европейских и американских писателей-«драмоделов» (В. Сарду и др.), которые отошли от демократических и прогрессивных традиций реалистического искусства, превратили его в забаву для «сытых».

Особое место в публицистике Горького 1895—1896 гг. занимает статья «Поль Верлен и декаденты», в которой критик раскрыл причины возникновения антиобщественного символистского искусства и дал развернутую характеристику западноевропейского декадентства. Рассматривая творчество П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме и т. д., а также М. Метерлинка, Г. Д'Аннунцио, Г. Гауптмана и других, Горький пришел к выводу, что появление декадентского искусства связано с загниванием капиталистического общества. Он установил прямую зависимость между политической реакцией во Франции в конце XIX в. и зарождением декадентства. «...Если б в Париже, — писал Горький, — в восьмидесятых годах дрались на баррикадах, — в девяностом году декадентов не было бы» (т. 23, стр. 131). Западноевропейское декадентское искусство — явление общественно вредное, так как оно проповедует буржуазную мораль, субъективно-идеалистическую философию и эстетику, фактически защищает интересы хозяев. Реакционный характер творчества декадентов, по мнению М. Горького, определялся как социальными, так и идеологическими причинами. Упадочническое искусство тяготело не к проблемам большого социального содержания, а к темам религиозным, мистическим. Уже в 1896 г., анализируя эстетическую программу западноевропейских декадентов, Горький обнажил ее анархистский и формалистический характер: «Их вдохновение неискренно и аффектировано, их форма непроста и некрасива... Они желали бы на чем-нибудь укрепиться и не видят вокруг себя ни одной точки опоры; от этого они меняют свой цвет, как хамелеоны, сегодня морализуя, завтра являясь апологетами порока и виртуозами его» (там же, стр. 136). Песни декадентов, заключает Горький, — это «песни разлагающейся культуры» (там же).

* * *

✽

В конце 1895 г. издатель либерально-буржуазной газеты «Одесские новости» В. Н. Маракуев предложил М. Горькому сотрудничать в своем органе. Подобные же приглашения писатель получил от «Самарского вестника», «Нижегородского листка объявлений и справок», «Известий нижегородской выставки». В офицิโอze «Известия нижегородской выставки» Горький наотрез отказался работать. С «Самарским вестником» он тоже не счел возможным заключать какие-либо деловые соглашения, так как уже дал согласие Маракуеву быть корреспондентом «Одесских новостей» на Всероссийской художественно-промышленной выставке, которая открывалась в Нижнем Новгороде 28 мая 1896 г. Незадолго до возвращения в родной город из Самары Горький выразил желание сотрудничать и в газете «Нижегородский листок объявлений и справок».

В 1896 г. идейными руководителями «Нижегородского листка» были сотрудник петербургских «Русских ведомостей» Е. М. Ещин и Н. П. Ашешов. Газета велась в умеренно-либеральном духе и не вызывала сочувствия Горького. «К „Листку“ 1896—1898 гг., — свидетельствует А. Д. Гриневицкая, — несмотря на помещение в нем большого ко-

личества своих произведений, Ал[ексей] М[аксимови]ч относился с „холодком“, а иногда даже и с раздражением по поводу его либерализма».⁵¹ О подобном отношении к «Нижегородскому листку» говорил и сам писатель. В 1898 г. он сообщал Ф. Д. Батюшкову: «... Я сейчас принужден работать в одной из местных газет, что мне до крайности противно» (т. 28, стр. 30).

Не будучи идейным сторонником либеральных «Одесских новостей» и «Нижегородского листка», Горький использовал и эти издания для постановки в них важнейших и актуальнейших социально-политических и литературно-эстетических проблем.

В газетах «Нижегородский листок» и «Одесские новости» Горький углубляет характеристику общественно-политической, экономической, культурной и идеологической жизни России 90-х годов прошлого столетия, данную им в «Самарской газете». Он пишет о русском капитализме, народном художественном творчестве, русском и западноевропейском декадентстве, натурализме и реалистическом искусстве.

С сожалением говоря о прозябании и умирании художественных кустарных народных производств, Горький в своих статьях, корреспонденциях, репортажах и очерках в Всероссийской художественно-промышленной выставке сумел нарисовать все «прелести» капиталистического прогресса. В первой же статье о выставке, напечатанной в «Нижегородском листке» 21 мая 1896 г., писатель с революционно-демократических, а не народнических позиций, раскрыл сущность капиталистического преуспеяния, основанного на бесчеловечной эксплуатации рабочих.

Отмечая экономическую слабость и техническую несамостоятельность русского капитализма, Горький показал всестороннюю зависимость национальной буржуазии от западноевропейской. Писатель особо подчеркнул ее космополитический дух, который наиболее ярко проявился в характере экспонатов и архитектурном оформлении выставки. Духовная нищета русской буржуазии и русского дворянства, по утверждению Горького, выразилась в низкопоклонстве и раболепии перед всем иностранным в области идеологии, культуры и искусства.

Защищая реалистические традиции русской национальной культуры, Горький выступил против всех разновидностей западноевропейского декадентства в области литературы, театра, скульптуры и живописи, показал несостоятельность как художественно-эстетических, так и социально-политических и философских теорий и концепций декадентов и их апологетов.

Декадентство, по словам Горького, является признаком социального вырождения буржуазного западноевропейского искусства и литературы. Возникновение «нового» искусства он связывал с сознательным отказом художественной интеллигенции от изображения социальных противоречий реальной действительности, от критического реализма; все это, по утверждению публициста, неминуемо должно было привести и привело декадентов в область антисоциального, субъективного и мистического искусства.

Борьба Горького против русского декадентства приобрела огромное общественное значение. Обличая и развенчивая последователей западноевропейского декаданса, лишавших искусство общественного назначения и социального содержания, идейности, жизненной правды, проповедовавших космополитизм, анархизм, мистику, писатель восстал и про-

⁵¹ А. Д. Гриневицкая. Горький и «Нижегородский листок». — М. Горький в [Нижнем]-Новгороде. Н.-Новгород, 1928, стр. 91.

тив свободы «чуждачеств» декадентов в искусстве, против сужения задач искусства «до служения только избранным» (т. 23, стр. 197). Горький развенчал анархистское, индивидуалистическое понимание «свободы искусства», при котором «господа художники и поэты, пораженные декадансом, модной болезнью, смотрят на искусство, как на область свободного и никакими законами не стесняемого выражения своих личных чувств и ощущений» (там же, стр. 183).

В газетах «Нижегородский листок» и «Одесские новости» Горький боролся и с натурализмом, рассматривая его как характерное проявление торжества реакционной буржуазной идеологии после разгрома Парижской коммуны, подобно декадентству и другим течениям «нового» искусства. Несмотря на то, что декаденты подменяли изображение реальных социальных отношений мистической, субъективной романтикой, а натуралисты воссоздавали подлинную жизнь, Горький видел их идейное и художественное родство. Оно заключалось прежде всего в отсутствии идейности. Отстаивая реалистические традиции русского театрального искусства от посягательства поклонников буржуазного натурализма, Горький писал в «Нижегородском листке» 6 июня 1896 г.: «Являясь последователями натуральной школы, артисты Малого театра разграничивают себя от новейших школ грубого золаистического натурализма». Необходимость развенчания натурализма диктовалась, по Горькому, не только тем, что это направление искусства утверждало существующие социальные отношения, но и тем, что художники и писатели-натуралисты изображали оскоточные, мрачные картины, не дающие возможности составить ясное представление «о жизни как о совокупности явлений» (там же, стр. 184). Горького возмущало в натурализме не только пренебрежение к широкому социальному обобщению, фактографичность, схематизм, биологический подход к человеку и фатализм, но и антихудожественная эстетическая программа, оправдывавшая изображение жестокости, грубости, безнравственности, воспевавшая убийства, преступления, аморализм.

«Новое» искусство, выражавшее духовные потребности буржуазии, должно было, по убеждению Горького, прийти в упадок потому, что оно стало ревностным глашатаем материальных, коммерческих интересов капитализма, защищало христианско-буржуазную нравственность, превратилось в орудие антисоциального воспитания трудящихся. Горький с глубоким сожалением писал о том, что картины выдающихся западноевропейских художников Я. Рейсдаля, А. Ватто, Э. Мейссонье и других в целях рекламы распространяет на своих изделиях из железа фирма Левенсон («Генеральное общество французской ваксы»). Горький не сомневался, что это вторжение буржуазии в храм искусства неминуемо приведет к упадку не только живопись, но и литературу, музыку, театр. Писатель-журналист убедительно показал, что буржуазия Лондона и Парижа, Флоренции и Берлина, требуя от искусства только разнообразных развлечений и мало чем отличаясь в этом отношении от рабовладельческой и феодальной аристократии Рима и Толедо, Варшавы и Иерусалима, закономерно скатилась к парижским кабачкам смерти, казино, фоли-бержер, где под маской искусства стали процветать разврат и порнография, уголовщина и садизм.

Как известно, дальнейшая эволюция реакционного искусства Западной Европы и Америки подтвердила горьковскую мысль «о понижении вкуса к изящному» и «об оскудении фантазии» у буржуазии.

Выступая против всех проявлений реакционного западноевропейского и русского искусства, Горький с восторгом писал о народной поэ-

зии, которая полна «кипучих сил и богатырской удали... любви к свободе и искания подвигов» (там же, стр. 189). Живым олицетворением устного эпического творчества народа была для писателя-журналиста рапсод И. А. Федосова. В очерках «Вопленица», «На выставке», говоря о фольклоре, Горький подчеркивал, что сила устного художественного творчества — в трогательной простоте формы, искренности человеческого чувства. Общественное значение устной поэзии народа, по выражению Горького, определялось тем, что она выражала интересы «сто-миллионной массы», а потому была проникнута величайшим оптимизмом и жизненной энергией. Все это создавало уверенность в том, что торжество декадентских «чужацеств» временно, что эпическая поэзия народа послужит возрождению подлинно демократического реалистического искусства.

В первые годы XX столетия центральное место в публицистике писателя-журналиста заняла проблема исторических судеб России. В самом начале 900-х годов Горький решал ее в общем плане, говоря о необходимости положить конец «путанице жизни», но не намечая конкретных путей изменения существующих социально-экономических порядков. И тем не менее это была социалистическая постановка проблемы, ибо писатель-публицист, продолжая лучшие традиции революционно-демократической литературы и журналистики, связывал вопрос о судьбах России с вопросом об уничтожении самодержавия и феодально-буржуазных отношений. «История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием»,⁵² — писал В. И. Ленин в статье «Насущные задачи нашего движения» в октябре—ноябре 1900 г..

Именно эти мысли и развивал М. Горький в публицистических произведениях, рецензиях и критических статьях, опубликованных в «Нижегородском листке», а также изданных нелегально. Требуя уничтожения феодально-буржуазного строя, Горький обличал злодеяния, совершенные и совершаемые господствующими классами России. Особый гнев и возмущение писателя вызывала внутренняя политика царизма, которую превозносила официозная и рептильная пресса — «Московские ведомости», «Новое время», «Гражданин» и многие другие органы. В статьях «Ванькина литература», «Литературные заметки. Тан. Чукотские рассказы» и в очерке «Погром» Горький резко выступил против великодержавного шовинизма, черносотенного национализма, разоблачил кровавые зверства самодержавия, провоцировавшего в различных концах страны погромы.

По мнению Горького, борьба с самодержавием должна привести к его уничтожению, а следовательно, к коренному изменению идеологии, искусства, культуры. Журналист требовал, чтобы героически настроенная демократия выработала «свою культуру, свое миропонимание, — прямо противоположное буржуазно-христианскому взгляду на дело жизни» (т. 28, стр. 226). Поставив в своем творчестве проблему культуры вообще, Горький в публицистике конца XIX—начала XX столетия наибольшее внимание уделяет проблеме нового искусства, новой литературы. 15 ноября 1899 г. в библиографической заметке на книгу Р. Мутера «История живописи в XIX веке» Горький выдвигает задачу

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 373—374.

создания искусства, открыто связанного с рабочим классом и выражающего его чаяния.

Переосмысливая с точки зрения рабочего класса задачи, стоящие перед литературой, Горький в «Нижегородском листке» пишет об отношении к опыту прошлого, классическому наследию, проявляя исключительный интерес к творчеству выдающегося представителя русской реалистической литературы — А. П. Чехова.

В литературно-критической статье «По поводу нового рассказа А. П. Чехова „В овраге“», напечатанной в «Нижегородском листке» 30 января 1900 г., Горький не ставил перед собой цели дать исчерпывающий анализ творчества талантливого новеллиста и драматурга. И тем не менее он коснулся основных проблем художественного метода Чехова, высоко оценил его передовое мировоззрение, поставил вопрос о дальнейших путях развития русской реалистической литературы, разоблачил легенду реакционной, либеральной и либерально-народнической журналистики о том, что Чехов якобы холодный и безыдейный писатель. Характеризуя реализм Чехова, Горький подошел к определению специфики нового искусства: новая литература должна сочетать в себе глубокий реализм с элементами романтики, изображать не только существующую действительность, но и будущую жизнь, т. е. то, «„чего нет на свете“, но что, быть может, и хорошо, может быть, и желательно» (т. 23, стр. 314).

В рецензиях на героическую комедию Э. Ростана «Сирано де Бержерак», пьесу Г. Гауптмана «Перед восходом солнца» и других критических и публицистических произведениях начала 900-х годов Горький более подробно обосновывает свою новую эстетическую программу. Одновременно он претворяет ее на практике — пьеса «Мещане» и повесть «Трое».

Горький считал, что основной особенностью новой литературы, которая обязана не только обличать существующие социальные отношения, но и призывать к их уничтожению, должен быть пафос героизма. Однако только внесением элементов революционной романтики в критический реализм нового героического искусства создать нельзя. Совершенно не годна для решения этой задачи и реакционная романтика декадентов. Таким образом, писатель по существу ставит вопрос о новом характере героики в литературе, служащей интересам пролетариата. Героическая литература, по мысли Горького, призвана средствами искусства выразить героику самой действительности.

Большое значение придает он идейности новой героической литературы. В рецензиях на книгу О. Шрейнер «Грезы и сновидения» («Аллегории Оливии Шрейнер»), на «Стихотворения в прозе» А. Немоевского, «Мечты лунатика» М. фон Эшенбах, «Графиню Юлию» А. Стриндберга, «Сказание о гордом Аггее» В. Г. Короленко, «Сон» Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Трагедию человечества» И. Мадача и другие произведения русских и западноевропейских поэтов и писателей Горький доказывает, что задача объединения «крупного идейного содержания» с совершенной художественной формой является актуальной и для новой литературы (см.: «Нижегородский листок», 1899, № 348). Более того, самой главной особенностью новой литературы должны быть идейность, глубина и широта художественных обобщений, высокая степень типизации, дающая возможность художнику подниматься до больших философских обобщений, помогать читателю правильно решать коренные вопросы жизни.

В рецензии на пьесу Гауптмана «Перед восходом солнца», помещенной в «Нижегородском листке» 9 ноября 1901 г., Горький утвер-

ждает, что новая литература по своей сущности и природе должна быть социалистической, что главным героем нового искусства должен стать не просто рабочий, а пролетарий-социалист.

Таким образом, новую литературу Горький мыслил как развитие лучших традиций критического реализма, как литературу, составным элементом которой явится романтика, отражающая героику самой революционной действительности, как литературу, которой свойственны широкие философские и социальные обобщения, социалистическая идейность, яркая художественная форма.

Следовательно, в самом начале 900-х годов Горький наметил в своей публицистике, критике и художественном творчестве некоторые основные принципы литературы социалистического реализма.

Разрабатывая проблему новой литературы, Горький органически связывает ее с вопросом о гармоническом, говоря словами К. Маркса, «человечном человеке». Наибольшее внимание этому он уделяет в статьях и рецензиях на сборники стихов К. Д. Бальмонта «Горящие здания», В. Я. Брюсова «Tertia vigilia», рассказ А. П. Чехова «В овраге», роман Э. Эстонье «Жюльен Дарто», комедию Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Проблему «человечного человека» Горький понимал прежде всего как проблему всестороннего развития физических и нравственных сил личности. Но при существующих социальных отношениях появление такой личности было затруднено. В феодально-буржуазном обществе, писал Горький, все воспитание человека направлено на одностороннее развитие в нем частнособственнических устремлений. Система буржуазного воспитания дополняется системой бесчеловечного порабощения и угнетения, рассчитанной на то, чтобы «обратить человека в машину» (т. 23, стр. 321). Несмотря на эти неблагоприятные для развития личности условия, Горький считал, что духовное возрождение человека должно начаться уже в недрах феодально-буржуазного общества. Более того, он утверждал, что возможность появления отдельной гармонической личности в условиях помещичье-капиталистического строя не исключена. Но для всестороннего и свободного развития всех людей необходимо упразднить буржуазные общественные отношения, совершить социальную революцию. Это была революционная постановка вопроса о «человечном человеке».

В публицистике начала 900-х годов Горький продолжил разработку темы интеллигенции. В рецензии на статью Н. А. Рубакина «О „размагниченном“ интеллигенте» (см.: «Ниж. листок», 1901, № 86) он сосредоточил свое внимание на вопросе о перерождении и ренегатстве некоторой части русской демократической интеллигенции, на процессе ее обуржуазивания. Измену бывшей радикальной интеллигенции передовым убеждениям Горький связывал с особенностями экономического и политического положения этой социальной прослойки в обществе. По мысли публициста, экономическая зависимость буржуазной интеллигенции от капиталистов, хозяев, работодателей обусловила половинчатость ее взглядов, идеологические метания, беспринципность и продажность.

Об этом же Горький говорит и в статье, написанной по поводу романа молодого французского писателя Э. Эстонье «Жюльен Дарто» (см.: «Ниж. листок», 1900, № 261). Роман Эстонье, посвященный французской интеллигенции, «дипломированной молодежи», цинично рвущейся к руководству политикой и промышленностью после долгих лет голодной школьной и университетской жизни, дал возможность публицисту сделать глубокие социально-политические выводы, имеющие важ-

ное значение для французского и русского общества. На убедительных примерах Горький показывает, что в России сложились такие общественно-экономические условия, которые не исключают возможности появления русских хищников-интеллигентов типа Дарто. Вот почему он беспощадно разоблачает идеи либерально-буржуазной, и либерально-народнической публицистики о «сверхклассовости» этой социальной группы и определяет задачи людей умственного труда, отдающих все свои силы и знания народу.

Наряду с «подвальными» статьями и рецензиями М. Горького в «Нижегородском листке» в отделе «Библиографии» печатались небольшие заметки, в которых также затрагивались важные литературные, эстетические и общественные вопросы. Горький дает оценку не только произведениям художественной литературы, но и научным книгам по зоологии, праву, истории и т. д. В библиографических заметках, помещенных в «Нижегородском листке» в 1899—1901 гг., писатель откликнулся на романы, повести и рассказы В. Г. Короленко «Лес шумит» и «Сон Макара», Д. Н. Мамина-Сибиряка «Башка» и «Озорник», А. И. Эртеля «Под шум вьюги» и «Офицерша», П. Мериме «Матео Фальконе», на появление избранных сочинений французского поэта-романтика А. Мюссе, научных и научно-популярных книг А. Ф. Быковой «Рассказы из истории Англии XI—XIX века», Е. Станчевой «Несчастенькие», Н. А. Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных» и т. д.

В маленьких рецензиях на роман А. С. Вербицкой «Вавочка», книгу ее рассказов «Сны жизни» и труд проф. П. В. Безобразова «О современном разврате» писатель-журналист продолжает разрабатывать тему, которую он всесторонне обосновал в своей публицистике самарского периода, — о положении женщины в буржуазном обществе. В библиографических заметках Горький проводит идею равноправия женщин, гуманного отношения к ней, выступает против господствующих в обществе домостроевских взглядов.

Писателя-журналиста волнуют судьбы всех угнетенных в капиталистическом обществе. В библиографической заметке об исторической повести «Гарибальдийцы» и книге польского революционера Теодора Томаша Ежа «На рассвете» он обращается к истории освободительной борьбы итальянского и болгарского народов против своих угнетателей.

Статьи и рецензии Горького, напечатанные в «Нижегородском листке» в 1899—1901 гг., свидетельствуют о том, что в своей публицистике и критике он решал социальные и литературно-эстетические проблемы в революционном, пролетарском духе.

Чиновники цензуры, сознавая безуспешность своих попыток вытравить из произведений писателя революционные мотивы, перестали пропускать в печать его произведения, предназначенные для «Нижегородского листка». Так, например, о статье «По поводу Кишиневского погрома» цензор Э. Мэбнер писал: «Статья М. Горького, независимо от резкой формы ее изложения, отложена мною потому, что она представляет собою воззвание к пожертвованию без указания лиц или учреждений, коим будут пересылаться собранные пожертвования. Редакции „Нижегородского листка“ заявлено мною, что в таком виде статья М. Горького напечатана быть не может. . . „в целях устранения нежелательного обострения отношений между христианским и еврейским населением“, а также *ввиду огромного влияния на массу слова М. Горького*, я нахожусь в сильном сомнении, следует ли позволить статью его даже

в исправленном и смягченном виде».⁵³ «Сомнения» цензора «Нижегородского листка» 27 мая 1903 г. после двухмесячной проволочки разъяснило Главное управление по делам печати, признавшее «правильным недозволение к напечатанию в местн[ой] газет[е] ... статьи М. Горького „По поводу Кишиневского погрома“...».⁵⁴

Но защитники самодержавия были бессильны сковать свободное горьковское слово: его доносили до народа нелегальные газеты и журналы, гектографированные листки и брошюры.

⁵³ ЦГИА СССР. Главное управление по делам печати, 1893—1917, ф. 776, оп. 12, ед. хр. 23, ч. 1, л. 254. Курсив мой. — С. С.

⁵⁴ Там же, л. 256.

Зарождение марксистской печати. Издательская деятельность группы „Освобождение труда“

Знакомство передовой русской интеллигенции с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса началось с 40-х годов прошлого века, но имело тогда эпизодический характер.¹ В 60-х и, в особенности, в 70-х годах оно уже не было редкостью, прежде всего в кругах революционных народников, которые и положили начало изданию в России трудов основоположников научного социализма.² Но впервые органически усвоила идеи марксизма, а затем в своих произведениях стала их «излагать систематически и со всеми практическими выводами» лишь группа «Освобождение труда»,³ с деятельностью которой и связано зарождение марксистской печати в России.

Группа возникла в обстановке общего идейного кризиса народничества, одним из важных следствий которого явился раскол «Земли и воли» на две самостоятельные партии — «Народную волю» и «Черный передел». Как известно, предыстория группы тесно связана с деятельностью второй из этих партий.

Отклонив на Воронежском съезде тактику террора, Г. В. Плеханов и его сторонники заявили о своей верности программе «Земли и воли», зарекомендовавшей себя замечательными начинаниями: пропагандой на заводах и фабриках Петербурга, организацией демонстрации у Казанского собора в декабре 1876 г. и других выступлений рабочих и студентов, изданием нелегальной литературы и т. д. Но чернопередельцы унаследовали и предрассудки «Земли и воли», в том числе пренебрежительное отношение к «политике», увлечение которой казалось им «изменной социализму». Этим они оттолкнули от себя революционную молодежь, готовую на любые жертвы во имя политической свободы и поэтому все более склонявшуюся на сторону «Народной воли».

Всеобщее увлечение террором на время даже парализовало деятельность чернопередельцев в народе, налаженную еще землевольцами. Свои небольшие силы они сосредоточили на издании газеты «Черный передел», в редакцию которой вошли П. Б. Аксельрод, Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович и позднее О. В. Аптекман. Обстановка для

¹ См. подробнее: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. М., 1951; В. Н. Котов. Проникновение и распространение марксизма в России (с 40 до 90-х годов XIX в.). М., 1954.

² В 1869 г. в Женеве вышел русский перевод «Манифеста Коммунистической партии», выполненный М. А. Бакуниным; в 1871 г. в Цюрихе появилась на русском языке работа Маркса «Гражданская война во Франции»; в 1872 г. в Петербурге легально был издан первый том «Капитала» в переводе Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона («Николая -она») — факт, поразивший Маркса, так как ни на один язык эта книга еще не была переведена; на страницах некоторых нелегальных народнических газет и журналов («Народное дело», «Вперед!», «Работник») публиковались документы I Интернационала, написанные Марксом.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 95.

работы была до такой степени неблагоприятной, особенно после взрыва царского поезда осенью 1879 г., что вынудила чернопеределцев возбудить вопрос о выезде за границу наиболее видных деятелей своей партии с целью создания там постоянного центра. Местом штаба они избрали Женеву.

В январе 1880 г. покинул Россию Плеханов, вслед за ним Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и Я. В. Стефанович, а затем, в конце 1880 г., больной туберкулезом В. Н. Игнатов. Эмиграция была мерой необходимой и своевременной. С осени 1879 г. началась полоса усиленного полицейского сыска, жертвой которого стала и партия «Черный передел». В связи с разгромом петербургской типографии (ее тайну выдал наборщик А. Жарков, схваченный в Самаре с подпольной литературой) были арестованы многие чернопеределцы, в их числе Аптекман. Для восстановления нарушенной связи с центром в Женеву выехал Аксельрод.

«Черный передел» оказался еще в более трудном положении, чем во время распада «Земли и воли». Полагая, что причины постоянных неудач партии связаны с пробелами в разработку ее доктрины и тактики, чернопеределцы «усердно засели за книги». Но вместо «незыблемой теоретической основы» своей народнической практики они получили результат прямо противоположный. Позднее Плеханов писал: «Чем более знакомимся мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас народничество, как со стороны *теории*, так и со стороны *практики*».⁴ Эволюцию взглядов Плеханова и его сподвижников отразила их газета.

Первый номер «Черного передела», подготовленный еще в Петербурге и лишь немного дополненный в Женеве, показывает, что в начале 1880 г. Плеханов и его друзья оставались в общем верными землевольческой программе. Главную задачу современности они видели в осуществлении «экономической революции», основной ее силой считали движение крестьян, первый ее акт усматривали в разделе всех помещичьих и казенных земель, а конечную цель преобразований — в разрушении государства и замене его «федерацией свободных общин».

Во втором номере «Черного передела», в передовице под условным названием «Лондон, 2 сентября» (1880 г.), идея «крестьянского социализма» взята уже под сомнение. Тезис о важности социалистической агитации в крестьянской среде Плеханов, автор статьи, сопроводил оговоркой, свидетельствовавшей о кризисе народнического мирозерцания чернопеределцев: «Это не значит, чтобы в *целях* наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм. Мы совсем не отрицаем значения революционной работы в наших промышленных центрах» (т. 1, стр. 131). По его словам, главным для России остается пока аграрный вопрос, так как ее промышленное развитие ничтожно, но и в ней «центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам» (там же). С признанием этого факта связано все последующее движение мысли Плеханова и его единомышленников.

Вскоре изменяется их взгляд на значение борьбы за политическую свободу. Если во втором номере газеты они еще утверждали, что «эта борьба имеет лишь второстепенное значение», то спустя полгода, в третьем номере, вышедшем в Минске (март 1881 г.), заявили, что «Черный

⁴ Г. В. Плеханов. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли». — Соч., т. 13. М.—Л., 1926, стр. 26. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

передел» «лишился бы значительной доли практического значения, оставаясь вполне безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в России» (там же, стр. 134). В письме в редакцию, помещенном в том же номере, Плеханов предложил включить «требование политической свободы» в программу партии.

Чернопеределыцы пересмотрели с этой точки зрения и свое отношение к деятельности «Народной воли». Они продолжали считать тактику террора губительной для революционной армии. Вскоре после убийства Александра II Плеханов даже заявил, что на 1 марта надо смотреть «как на начало конца народовольства». Но в то же время они увидели и достоинства «Народной воли» как серьезной революционной партии: понимание первостепенного значения борьбы с правительством и героическую энергию в борьбе. Это побудило их к сближению с народовольцами. Им казалось, что от мании террора народовольцев излечит сама жизнь и что в будущем возможно не только сближение, но и слияние с ними. Надежда не сбылась по той причине, что их пути решительно разошлись.

Плеханов и его друзья все больше склонялись к убеждению, «что Россия не минет фазы капитализма и что, вследствие этого, промышленному пролетариату суждено стать главной силой революционного движения» (т. 13, стр. 27). В таком убеждении их укрепляли и теоретические соображения, и живые впечатления действительности. Прежде всего это относится к Плеханову. Почти всю первую половину 1881 г. он провел в Париже, где с жадным интересом изучал рабочее движение и где у него завязалась дружба с Ж. Гедом и П. Лафаргом. Вместе с ними он посещал рабочие собрания и не раз был свидетелем их блестящей полемики с синдикалистами и анархистами, поучительной для него. Он с еще большим вниманием стал изучать труды К. Маркса и Ф. Энгельса и увлек за собою друзей. О неуклонном движении к марксизму свидетельствуют работы, написанные им в 1881—1882 гг.

Первой работой Плеханова, где уже сказалось влияние марксистских идей, была статья «Новое направление в области политической экономии», появившаяся в ноябрьской книге «Отечественных записок» за 1881 г. В ней он выступил с критикой буржуазных экономистов Э. Лавеле и М. Мейера — представителей «историко-реалистической школы», ставивших экономическое развитие каждого народа в зависимость от «свойств национального человека». На большом материале Плеханов показал, что национальные свойства возникают и развиваются исторически, в зависимости от развития материальных условий жизни людей. Он, в частности, указал на то обстоятельство, «что ни одно сколько-нибудь заметное национально-политическое движение не являлось без предварительных изменений в экономических отношениях данного народа» (т. 1, стр. 185).

В работе «Экономическая теория Карла Ротбертуса-Ягцова»,⁵ преследуя полемические цели, Плеханов сопоставил взгляды этого экономиста со взглядами Маркса. Он высмеял панегирики немецких катедерсоциалистов и некоторых наших народников по адресу К. Ротбертуса, так как вовсе не ему «суждено было стать архитектором, заложившим фундамент новой науки» (там же, стр. 364). Ротбертус объяснял смену экономических форм сменой правовых институтов, некогда возникших путем «завоеваний». Естественно, что «вместо объяснения ему пришлось

⁵ Плеханов написал эту работу в 1881—1882 гг., а опубликовал в «Отечественных записках» в 1882—1883 гг. В последних ее разделах, законченных в конце 1882 г., он критикует Ротбертуса с большей последовательностью, чем в первых.

ограничиться простым *описанием* экономической жизни общества на различных стадиях ее развития» (там же, стр. 244). Учению Ротбертуса Плеханов противопоставил учение Маркса об эволюции общественно-экономических формаций как процессе объективном, совершающемся по своим внутренним законам.

Из-за цензурных условий ему пришлось опустить вопрос о предпосылках и условиях перехода общества к социализму, но он рассмотрел его в работах, предназначенных для нелегальных изданий: в предисловии к «Манифесту Коммунистической партии», который он заново перевел на русский язык (1881—1882), и в статье «Афанасий Прокофьевич Щапов» (1883).

Плеханов впоследствии писал, что перевод и комментирование «Манифеста» явились для него целой школой, позволившей сделать решающий шаг от утопии к науке. Восторженная оценка «Манифеста», данная им в предисловии, вполне соответствует этому заявлению. Подчеркнув общезначимость положений «Манифеста» о всякой классовой борьбе как борьбе политической и о социализме как необходимой стадии развития человечества, Плеханов распространил их и на Россию, но с учетом своеобразия ее исторического пути. По его словам, неременной предпосылкой движения России к социализму является свержение абсолютизма, а успешное решение этой задачи возможно лишь при условии руководящей роли пролетариата в освободительной борьбе. В связи с этим он и поставил вопрос о создании русской революционной рабочей партии.

В таком понимании характера освободительной борьбы Плеханов решительно разошелся с народниками, но в предисловии к «Манифесту» он лишь вскользь коснулся их «печальных крайностей». Свое отношение как к их теории в целом, так и к тем элементам, из которых она сложилась исторически, Плеханов высказал в статье о А. П. Щапове. Он справедливо считал этого ученого одним из родоначальников народничества. По мнению Щапова, «сельская Россия», сопротивляясь «всепоглощающей государственности», всегда стремилась к «земско-вечевому», или «федеральному», устройству, так как за централизацию расплачивалась страшной ценой. Плеханов считает, что подобные взгляды питали народническо-анархистские иллюзии. Дело, по его мнению, не в государственности вообще, а в том, в чьих руках находится государственная власть. При переходе к пролетариату она станет «главным рычагом» демократических и социалистических преобразований.

Переговоры о совместном сотрудничестве с народовольцами Плеханов и его друзья вели уже с марксистских позиций.⁶ Идя на сближение, они надеялись переубедить народовольцев, тем более, что по соглашению им было предоставлено право выступать на страницах «Вестника Народной воли» со статьями социал-демократического содержания. Но как только Плеханов и его друзья попытались реализовать это право, Л. А. Тихомиров и другие члены редакции из числа народовольцев стали чинить им всяческие препятствия. На этой почве начались столкновения, которые с течением времени приобретали все более острый характер, и разрыв стал неизбежным. 25 сентября 1883 г. Плеханов и его единомышленники объявили о создании самостоятельной организации, которая была названа группой «Освобождение труда».

⁶ Когда народовольцы предложили Плеханову войти в редакцию их журнала, он предупредил П. Л. Лаврова, что «из „Капитала“ Маркса готов создать прокрустово ложе для всех сотрудников „Вестника Народной воли“» (П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1. Берлин, 1923, стр. 424).

* *
*

Группа начала свое существование с издания «Библиотеки современного социализма», задачи которой свела к двум главным:

1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России» (т. 2, стр. 22—23).

В определении типа своих изданий группа ориентировалась на «Русскую социально-революционную библиотеку», основанную народниками в 1880 г., но издания группы отличались строгой марксистской выдержанностью и последовательностью, которая диктовалась потребностями социал-демократической работы в России. Это относится как к переводным, так и к оригинальным работам.

Выбор произведений Маркса и Энгельса определялся, во-первых, степенью их актуальности для русской жизни и, во-вторых, степенью доступности специфическому читательскому кругу, народническому по преимуществу, судившему о марксизме по аттестациям народнических теоретиков. Так, «Манифест Коммунистической партии» знакомил русского читателя с основами марксистского учения; «Наемный труд и капитал» (в переводе и с предисловием Дейча, 1883) расширял его представления об экономической теории Маркса и подготавливал к пониманию «Капитала»;⁷ изданием «Развития социализма от утопии к науке» (в переводе и с предисловием Засулич, 1884) в пропаганде марксизма оттенялась идея преемственности развития.

Последующие выпуски работ Маркса и Энгельса преследовали не только чисто пропагандистские, но и полемические цели. Хотя «Речь о свободе торговли» Маркс произнес в 1848 г., Плеханов в предисловии обосновал необходимость ее опубликования и в 1885 г. Народники уверяли, что каждый шаг России по пути промышленного развития «пойдет прежде всего на пользу буржуазии» и что по этой причине до социального переворота «лучше поддерживать существующий порядок экономических отношений, чем изменять его в невыгодном для народа направлении». Актуальность «Речи» Маркса и заключалась в том, что она представляла собою образец иного, диалектического решения аналогичной проблемы. Революционные устремления пролетариата Маркс поставил в связь с объективным ходом развития, тогда как народники оплакивали существующий факт, вместо того чтобы взять его «за исходную точку своих действий» (т. 2, стр. 389).

Не менее актуальным было издание «Нищеты философии» Маркса (в переводе Засулич, 1886): критика прудонизма была не в бровь, а в глаз русским народникам, «крестьянский социализм» которых во многом напоминал мелкобуржуазную идиллию, нарисованную Прудоном. Условиями острой борьбы с идеалистической философской реакцией начала 90-х годов было продиктовано издание работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (в переводе и с

⁷ Хотя оба произведения вышли в «Русской социально-революционной библиотеке», по существу с их издания начинается «Библиотека современного социализма» группы «Освобождение труда», члены которой не только подготовили эти произведения к печати, но и взяли на себя их распространение в России.

примечаниями Плеханова и с двумя приложениями: «Тезисами о Фейербахе» и главой о французских материалистах из «Святого семейства», 1892).

Особый интерес для русского читателя представляла брошюра «Фридрих Энгельс о России. 1) Ответ П. Н. Ткачеву (1875). 2) Послесловие к нему (1894)». Под таким названием группа издала в 1894 г. работу Энгельса «О социальном вопросе в России» и большое послесловие к ней. Обе работы перевела на русский язык Засулич, а предисловие к ним написал Плеханов. Он считал, что это издание будет содействовать рассеиванию народнических предрассудков о «чудодейственных» свойствах общины и направит внимание революционеров на решение тех проблем, от которых действительно зависит будущее России.

Группа «Освобождение труда» блестяще выполнила задачу распространения идей научного социализма и путем издания оригинальных работ.

Слова: «...пришла уже пора критической оценки всех элементов народничества» (там же, стр. 20), которыми Плеханов заключил статью о Щапове, явились программой его последующих работ. Фронтальному критическому разбору народнического учения он посвятил брошюру «Социализм и политическая борьба», написанную в 1883 г. и поэтому приобретающую значение политического манифеста группы, и книгу «Наши разногласия», написанную годом позднее, где в открытой полемике с народниками Плеханов, уже не связанный соглашением с ними, изложил взгляды группы на историческую роль капитализма в Европе и в России, на общину, революцию и террор, государство и другие вопросы, волновавшие умы русской революционной молодежи. Этими работами, ставшими классическими произведениями русской марксистской мысли, он положил начало новому периоду в развитии революционной теории в России.

Плеханов не отрицал положительной роли революционного народничества. «Все существующие у нас фракции,— писал он,— правы, каждая по-своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни» (там же, стр. 71). Особенно высоко ценил он борьбу народовольцев против абсолютизма, но в то же время пророчески предупреждал: «Пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь *некоторыми*, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно, без ведома своих участников, будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем» (там же).

В споре с народниками, не различавшими такие существенно различные моменты, как свержение царизма и социалистическая революция, Плеханов заявил, что «вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества,— значит *отдалять наступление и того, и другого*». Но тут же добавил: «От нас зависит *сблизить* эти два момента» (там же, стр. 86).

С этой точки зрения Плеханов рассматривал и вопросы тактики русской социал-демократии. Он тогда считал, что либеральная оппозиция может служить лишь дополнительным источником средств борьбы против самодержавия. Иное дело крестьянство, готовое самым решительным образом поддержать такое коренное требование демократической революции, как национализация земли. Перспективу революции Плеханов представлял себе так: «Промышленные рабочие, обладающие

большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнул к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства» (там же, стр. 87—88). Дальнейшую судьбу русской деревни Плеханов связывал с установлением диктатуры рабочих, целями которой являются, во-первых, ограждение завоеваний революции «от ударов реакции» и, во-вторых, объединение сил трудящихся для выполнения многообразных социалистических преобразований, в том числе в деревне.

«Наши разногласия» были посланы Энгельсу, который в ответном письме высоко их оценил: «... я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».⁸

В 1884 г. в «Библиотеке современного социализма» группа опубликовала отдельным изданием проект своей программы, составленный Плехановым.⁹ В программе были сжато изложены основные идеи и требования группы, которые в названных работах, особенно в «Наших разногласиях», получили глубокое историко-теоретическое обоснование.

В. И. Ленин писал об этом проекте: «... он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории»;¹⁰ «... русские социал-демократы могут и должны... положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы „Освобождение труда“...»¹¹ Ленин указал на недостатки программы, но подошел к ним конкретно-исторически. Ошибочность ее он видел в слишком общей постановке вопроса о своеобразии русских условий, но, по его словам, «было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии».¹²

Замечание Ленина относится прежде всего к тому разделу программы, где рассматривается аграрный вопрос. Плеханов и его соратники заявили, что их группа *«нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть населения России»* (там же, стр. 362); во втором проекте они повторили это положение, но в противоречии с ним высказали и другое: «Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» (там же, стр. 401—402). В такого рода противоречии Ленин видел «противоречие не теории, а са-

⁸ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 309.

⁹ Второй проект программы группы «Освобождение труда» был составлен Плехановым в 1887 г. и впервые издан «Библиотекой современного социализма» в 1888 г. в качестве приложения к переводу брошюры Ж. Геда и П. Лафарга. «Чего хотят социал-демократы?».

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 216.

¹¹ Там же, стр. 217.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 232.

мой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) отличается двойственными чертами».¹³ Все дело в том, что слишком общий подход помешал составителям программы четко поставить вопрос о двойственной природе крестьянина и с достаточной ясностью акцентировать революционные настроения деревни. Но к меньшевизму это не имело отношения. Изменения во взглядах Плеханова и других членов группы на крестьянский вопрос произошли значительно позднее.

В программе группы «Освобождение труда» имелись и другие недостатки, но они не умаляют исторических заслуг Плеханова и его соратников. Ленин писал, что составители программы выдвинули «такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии... русской общественной мысли и русского рабочего движения».¹⁴

В 1887 г. вышла брошюра Плеханова «Фердинанд Лассаль. Его жизнь и деятельность». Тщательный исторический разбор взглядов этого выдающегося деятеля немецкого рабочего движения явился ответом на усиление оппортунистического направления в социал-демократической партии Германии, лидеры которого усиленно цеплялись за ошибочные теории Лассали. Развивая в своей брошюре мысль о губительности каких бы то ни было отступлений от революционного учения, Плеханов писал, что логика подобных отступлений ведет в конце концов к поддержке реакции.

Большой интерес представляют брошюры Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (1898) и «Историческое положение и взаимные отношения либералов и социал-демократов в России» (1898). Характеризуя отношение социал-демократии к народникам, Аксельрод писал: «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, как составной элемент в программу русской социал-демократии».¹⁵ Агитация, утверждал он, «на почве экономических интересов неизбежно приведет социал-демократические кружки в непосредственное столкновение с фактами, наглядно показывающими теснейшую солидарность интересов нашего промышленного пролетариата с крестьянскими массами».¹⁶ Что касается отношения социал-демократии к «легальной оппозиции», то, по словам В. И. Ленина, Аксельрод определил его точно. Высказанной им точки зрения придерживались все члены группы. Суть ее, по Ленину, заключается в том, что либералы «вообще могут и должны служить лишь *одним из источников* добавочных сил и средств для революционной рабочей партии...»¹⁷

Но в брошюрах Аксельрода слышатся и неверные ноты, характерные для всей группы: преувеличение политической инертности крестьянства, предположение о возможности ссоры между буржуазией и царизмом и иллюзия относительно возможности общего языка между «передовыми рабочими» и либеральной интеллигенцией, правда, в тех пределах, о которых сказано выше. Все это ограничивало в общем верные

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 231.

¹⁴ Там же, стр. 217.

¹⁵ П. Б. Аксельрод. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898, стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 13.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 258.

прогнозы группы. Научный анализ движущих сил русской буржуазно-демократической революции дал впоследствии лишь В. И. Ленин.

Группа «Освобождение труда» издавала на протяжении почти десятилетия, начиная с 1885 г., и «**Рабочую библиотеку**», представлявшую собой первый в России опыт создания массовой марксистской литературы для рабочих. Правда, в объявлении об издании библиотеки, написанном Плехановым и Аксельродом, редакция предупреждала, что она ограничивает свою деятельность «тесным кругом более или менее интеллигентных читателей рабочего класса».¹⁸ Такое ограничение было естественным, если учесть возможности группы. Целью библиотеки было вооружить рабочих марксистским пониманием опыта минувших революций, современной обстановки, ближайших и последующих задач русского рабочего движения. В сознательности и организованности пролетариата Плеханов и его соратники видели средство предохранить массы в предстоящей революции «от унижительной роли слепого орудия в руках их эксплуататоров».¹⁹

Первым выпуском библиотеки явилась брошюра Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия» (1885). Она знакомила читателей с рабочим движением в других странах, объясняла закономерность возникновения подобного же движения в России и необходимость соединения его с марксизмом как научным выражением коренных интересов рабочих. В том же году вышел второй выпуск библиотеки — брошюра С. Дикштейна «Кто чем живет?» (перевод с польского, с предисловием Плеханова), в которой в популярной форме была изложена теория прибавочной стоимости Маркса. Автор брошюры — видный польский революционер, порвавший в начале 80-х годов, подобно Плеханову и его друзьям, с народничеством и утвердившийся на позициях марксизма.

Затем в издании библиотеки наступил перерыв, продолжавшийся до 1889 г. Деятельность ее редакции возобновилась с выпуска речи Петра Алексеева, произнесенной на суде 10 марта 1877 г. В предисловии Плеханов оценил эту речь как одно из ярких свидетельств появления на русской исторической арене новой политической силы и в связи с этим героев нового типа.

Засулич в брошюре «Варлен перед судом исправительной полиции» (1890) познакомила русского читателя с одним из выдающихся представителей французского рабочего класса — Л. Э. Варленом, рабочим-переплетчиком по профессии, одним из основателей I Интернационала и руководителем его французской секции, членом рабочего правительства и членом Центрального комитета Национальной гвардии в период Парижской коммуны. Версальцы захватили Варлена в плен и во время допросов подвергли его жестоким пыткам, а затем расстреляли без суда.

Следующие выпуски библиотеки были посвящены первомайским выступлениям рабочих. В 1891 г. вышла брошюра Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих» и спустя год — брошюра «Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге», в предисловии к которой Плеханов писал: «Промышленный рабочий стремится к политической свободе, он сознает ту неразрывную связь, которая существует между его *экономическими целями* и ведущими к ней *политическими средствами*. А это значит, что на сцену внутренней истории России выступает новая сила, несравненно более

¹⁸ Об издании «Рабочей библиотеки» см. в брошюре: П. Б. Аксельрод. Рабочее движение и социальная демократия. Женева, 1885, стр. V.

¹⁹ Там же, стр. IX.

грозная, чем сила нашей революционной „интеллигенции”» (т. 3, стр. 207). Эту смену политических сил Плеханов рассматривает как начало нового этапа в развитии русского революционного движения.

В 1893 г. серия пополнилась брошюрой Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России». Автор развил в ней тему своей первой работы. Вопросы о ближайших и конечных целях русской революционной рабочей партии освещены в брошюре в духе программы группы «Освобождение труда», но обращает на себя внимание настойчивое подчеркивание возможности поддержки революционной борьбы рабочих со стороны либеральной интеллигенции. Характерно также, что, говоря о современном внутреннем положении России, Аксельрод указал лишь на консервативные тенденции в настроениях крестьянства. Он писал, что «при теперешних обстоятельствах» возбуждение революционного движения в русской деревне невозможно.

* *
*

В «Библиотеке современного социализма» выходил также в 1888—1892 гг. непериодический сборник «Социал-демократ», который по существу представлял собою теоретический журнал, положивший начало марксистской журналистике в России. Для того чтобы уяснить его характер, необходимо прежде всего принять во внимание условия, в которых редакции пришлось вести борьбу за его существование.

На страницах «Социал-демократа» одно из главных мест заняла полемика с народниками. Это было естественно: без радикальной критической переоценки идейного наследия своих предшественников невозможны были становление и последующее развитие марксизма в России. В. И. Ленин писал, что участники группы «Освобождение труда», как и все социал-демократы, признавали «необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее».²⁰

Выступление небольшой группы русских эмигрантов, взявшей на себя задачу марксистского перевооружения русской революционной армии, показалось до крайности дерзким. Против нее ополчились не только Тихомиров и его сторонники, которые использовали даже закулисные средства, чтобы очернить группу в глазах эмигрантов, но и такие деятели, как Лавров. Аксельрод пишет: «Когда группа „Освобождение труда” появилась на свет, она встречена была... чуть не всем старшим поколением радикальной интеллигенции, без различия направлений, столь же неприязненно и враждебно, как и народовольческим центром».²¹

Плеханов и его друзья обратились за поддержкой в Россию, но наладить необходимые связи было делом нелегким. Первым посланцем группы в Россию был С. Гринфест — один из наборщиков типографии, вторым — Дейч. Обе попытки доставить литературу в Россию и установить контакт с подпольщиками провалились. Однако группе удалось завязать связи с некоторыми участниками революционных кружков — вначале, благодаря Засулич, на юге России, затем с московским студенческим «Обществом переводчиков и издателей» и, наконец, с кружком Д. Н. Благоева. Но вскоре обе организации были разгромлены, и связи группы с подпольной Россией если не оборвались вовсе, то сильно ослабли, что поставило группу в отчаянное положение.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 232.

²¹ П. Б. Аксельрод. Группа «Освобождение труда». Летопись марксизма. М.—Л., 1928, стр. 84.

Первоначальную материальную базу группы составили 500 руб., которые внес Игнатов и на которые была приобретена у А. Д. Трусова наборная. До 1892 г. небольшую помощь оказывали и меценаты. Дейч, а затем Аксельрод потратили много сил, чтобы на скудные средства наладить издание литературы. Наборщиками были единомышленники: Бохановский, Гринфест, Глико, Левков (Рольник) — он же заведующий типографией, которая в целях конспирации называлась «Фирмой Рольника». Только непреклонное убеждение в правильности и огромном историческом значении проповедуемых взглядов давало Плеханову и его соратникам силы для преодоления выпавших на их долю испытаний, продолжавшихся много лет. Н. Г. Кулябко-Корецкий, близко наблюдавший в те годы жизнь Плеханова и его друзей, пишет: «Голод, холод, порванная обувь, борьба с нуждой и в то же время горячее, неуклонное служение идеям, которые в конце концов получили общее, или почти общее, признание».²²

«Социал-демократ» с самого начала был задуман как марксистский теоретический журнал, но открыть его издание пришлось скромным заявлением о том, что это всего лишь сборник, причем непериодический. Только спустя два года после выхода первой книги редакция решилась назвать «Социал-демократ» «трехмесячным литературно-политическим обозрением», но намеченную периодичность не выдержала: первая книга вышла в феврале 1890 г., вторая — в августе, третья — в декабре, а четвертая, последняя — два года спустя. Это понятно, если учесть, что не только литературную, но и организаторскую работу вели три человека — Плеханов, Засулич и Аксельрод.

По поводу появления в свет «Социал-демократа» в объявлении «От редакции» сказано: «Излишне говорить о направлении нашего сборника [1888]. Оно достаточно определяется его названием. Нам остается только сказать, что во всех наших изданиях мы всегда останемся верны программе русских социал-демократов, которые, не упуская из виду современного социально-политического положения России, преследуют в то же время цели, общие рабочему классу всех цивилизованных стран» (1888, кн. I, стр. I). Выполнение своего интернационального долга редакция видела в борьбе против «нашего азиатского деспотизма», который не только тормозит развитие России, но и «угрожает делу прогресса во всей Европе» (1890, кн. I, стр. II). Содержание как сборника 1888 г., так и книг обозрения полностью отвечает этим заявлениям.

Сборник открывается программной статьей Плеханова «Как добиваться конституции?», написанной в форме диалога о настоящем и будущем России и ее роли в прогрессивном движении человечества между достойными друг друга противниками — «конституционалистом», т. е. либералом, и «социал-демократом». По форме диалог напоминает книгу Герцена «С того берега», особенно главы «Перед грозой» и «Vixerunt!».

На том основании, что и социал-демократы понимают огромное значение политической свободы, «конституционалист» советует им забыть на время социалистический идеал и присоединиться к «обществу». «Социал-демократ» полагает, что, приняв совет, т. е. «превратившись в либералов, социалисты только замедлили бы дело политического освобождения России» (т. 3, стр. 15).²³ «Общество» надеется на мирный путь получения свободы («у нас конституционная борьба, наверное, не дойдет до баррикадного боя на улицах»), но история не знает примеров подобной уступ-

²² Группа «Освобождение труда», сб. 2. М., 1924, стр. 179.

²³ Цитаты из статей Плеханова, помещенных в «Социал-демократе», даются по собранию его сочинений (М.—Л., 1923—1927).

чивости со стороны прогневивших режимов, а вздумай «общество» потребовать свободы, не опираясь на революционную поддержку народа, «одной полиции, одних дворников было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей „общества“ и рассадить их по участкам» (там же, стр. 16). Вопрос, следовательно, заключается в том, насколько развито в народе стремление к свободе; прежде всего в передовой его части — в среде промышленных рабочих, с выступлениями которых «социал-демократ» связывает надежды на свержение абсолютизма, могущее послужить толчком и к пролетарскому перевороту на Западе.

«Конституционалисту» подобная перспектива кажется фантастической уже по той причине, что в России, крестьянской стране, рабочий класс представляет «каплю в море». Он больше полагается на помощь «заграничных капиталистов», которые экономическими и военными мерами могут заставить русское правительство пойти на объявление конституции. «Социал-демократ» не исключает возможности такого поворота событий, но считает, что он приведет лишь к «турецкой конституции», которую вскоре забудут и граждане, и правительство. Плехановский «социал-демократ» — тоже «конституционалист», но «на особый, социалистический манер». По его мнению, борьба за завоевание политической свободы явится лишь «первым фазисом рабочего движения в России», так как «конституционный порядок» — это еще не «последняя ступень общественного развития», он не снимает враждебной противоположности интересов рабочих и буржуазии, а следовательно, и вопроса о социалистической революции.

В этой перспективе, как единственно реальной, «социал-демократ» и рассматривает практические задачи революционеров. Они сводятся к организации революционных сил пролетариата, что будет «способствовать не только освобождению этого класса, но и всех других прогрессивных классов России» (там же, стр. 30). Плеханов отмечает, что возможности работы в массах огромны. Не говоря уже о промышленных рабочих, «недовольство существующим порядком накопляется даже в темной крестьянской массе, число столкновений крестьян с властями возрастает и несомненно будет возрастать с каждым годом» (там же, стр. 29). Плеханов настойчиво призывал революционеров из числа «разночинцев-пролетариев» установить контакты с пролетарскими революционерами.

С этой же точки зрения характерна статья Засулич «Революционеры из буржуазной среды», опубликованная в первой книге журнала за 1890 год. Это очерк сравнительной эволюции домарксистской революционной интеллигенции Франции, Германии и России, главное содержание которого составляет мысль о постепенном угасании буржуазной и мелкобуржуазной революционности по мере того, как пролетариат осознавал себя самостоятельной политической силой. В 90-х годах некоторые русские социал-демократы склонны были видеть главную идею очерка в отрицании способности революционеров из буржуазной среды органически слиться с рабочим движением и возглавить его. Между тем его содержание сводится к доказательству противного на примерах истории революционной интеллигенции западных стран и России.

Засулич считает очень важным вопрос об отношении русских демократов к опыту революционного движения в Европе. По ее мнению, наши революционеры 60—70-х годов, внимание которых целиком поглотил крестьянский вопрос, поняли этот опыт до крайности односторонне. Они видели катастрофу буржуазной революционности, но не видели и не могли видеть, что ее конец означал в то же время начало революционности социалистического пролетариата.

Старшее поколение, включая и Н. Г. Чернышевского, не теряло нити революционной мысли Запада, приведшей в конце концов к марксизму; когда же эта нить была потеряна и разработка теории задержалась в общем на уровне Чернышевского, то «молодое поколение», ссылаясь на печальный итог буржуазной демократии, отвернулось от Запада, «решив, что „не про нас писали“ и думали его мыслители, что для нас нет ничего поучительного в его истории» (1890, кн. I, стр. 72).

После провала надежд на крестьянское восстание «все сконцентрировалось вокруг террора», который, по оценке Засулич, был «сильной бурей, но в закрытом пространстве» (там же, стр. 78). Крах народничества стал неизбежным. В 80-х годах «русский социализм» из более или менее цельного мировоззрения превратился в «мертвый догмат»; «безграничный эклектизм» стал характернейшим его признаком; многие народники утратили и широкую революционную перспективу; самый террор стал рассматриваться лишь как средство склонить царское правительство к уступкам при содействии «общества».

Засулич считает это закономерным. Народническое движение — самое мощное в Европе движение революционной интеллигенции — оказалось беспомощным без революционной поддержки народа и прежде всего рабочих. Однако Засулич подчеркнула, что в России, как и повсюду в Европе, началось слияние революционной интеллигенции с рабочим движением, и высказала надежду на то, что этот процесс в недалеком будущем найдет мощное продолжение.

К числу важнейших программных выступлений «Социал-демократа» относится и работа Плеханова о Чернышевском, опубликованная в виде цикла статей в I—IV книгах журнала (1890—1892). Она посвящена разбору политико-экономических взглядов Чернышевского, но в первой статье дана также общая характеристика его философских, политических и литературно-эстетических воззрений. В. И. Ленин писал в 1899 г.: «Плеханов... вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса». ²⁴

Появление этой работы (в 1894 г. она была издана в Штутгарте и на немецком языке) ²⁵ явилось крупным событием в идейной борьбе 90-х годов. Известно, что народники противопоставляли Марксу Чернышевского, утверждая, что ему принадлежит последнее слово в науке о «народной экономике», а себя считали истинными хранителями его наследия. Это мнение пользовалось широкой популярностью и служило одним из серьезных препятствий к распространению марксизма в России. Надо было показать ошибочность подобного мнения, отдав при этом должное Чернышевскому и как теоретику, и как выдающемуся революционеру. Эту сложную задачу и выполнил Плеханов.

Плеханов заявил, что, хотя превосходство Чернышевского перед экономистами домарксистского времени не подлежит никакому сомнению, тем не менее его взгляды «принадлежат к той эпохе в истории социализма, которая должна теперь считаться уже отжившей» (т. 5, стр. 126). Главный недостаток воззрений Чернышевского он видел в их «отвлеченном характере», явившемся следствием подхода к существующим экономическим отношениям с точки зрения «должного», последним основанием которого является так называемый «здоровый смысл», а не с точки зрения объективной необходимости, вытекающей из развития внутренних противоречий этих отношений, т. е. в том, что Чернышевский

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 259.

²⁵ В переработанном и значительно дополненном виде книга Плеханова вновь вышла в 1910 г. в издательстве «Шиповник».

«не придавал цены исторической точке зрения в области политической экономии» (там же, стр. 54).

Плеханов отверг претензии народников быть единственными хранителями наследия Чернышевского. Он писал: «Если наша „интеллигенция“ до сих пор так крепко держится за общину, то в этом сказывается неизгладимое влияние Чернышевского, так как «он сказал в ее пользу решительно все, что можно было сказать» (там же, стр. 90). Но социализм Чернышевского, и «русский социализм» народников — далеко не одно и то же. Хотя Чернышевский и придерживался той точки зрения, что община могла бы «принести свою пользу в дальнейшем развитии России», он считал, что «гордиться ею все-таки нельзя, потому что она есть признак нашей экономической отсталости» (там же, стр. 100). «...Социалистический строй может основываться только на широком применении к производству технических сил, развитых буржуазным периодом», тогда как народники «воображали его в виде федерации крестьянских общин, обрабатывающих свои поля тою же допотопною сохою, с помощью которой они ковыряли землю еще при Василии Темном» (там же, стр. 119). Плеханов также напомнил, что позднее Чернышевский, по его же словам, «стыдился той безвременной самоуверенности», с какой он защищал общинное землевладение.

Умственное развитие Чернышевского, заключает Плеханов, шло в том же направлении, в каком развивалась на Западе мысль К. Маркса и Ф. Энгельса, а в России — В. Г. Белинского и, позднее, русских марксистов. Чернышевский, как и его великий предшественник, прошел школу диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, тогда как большинство народников склонялось к позитивизму, «субъективной социологии» и метафизике. Материализм Чернышевского «заметен гораздо более в его „антропологических“, чем в его исторических воззрениях» (там же, стр. 39), но он нередко приближался к историческому материализму и вообще достиг вершин домарксистской мысли. Народникам «последней формации», призывавшим к союзу с «легальной оппозицией», Плеханов противопоставил Чернышевского как великого революционера, главу «крайней партии», беспощадного в своем холодном презрении к либералам, отличительными качествами которых он считал «трусость, недалекость, узость взглядов, бездеятельность и болтливую хвастливость» (там же, стр. 84).²⁶

Высоко оценивает Плеханов деятельность Чернышевского как теоретика искусства и литературного критика, преследовавшего «идеализм во всех его эстетических закоулках и убежищах, начиная от общих теоретических вопросов о происхождении искусства и о значении его в жизни и кончая такими частностями, как учение о трагическом и возвышенном» (там же, стр. 56). Он называет гениальным открытием Чернышевского мысль о тесной причинной связи эстетических понятий людей с их экономическим бытом. В заслугу Чернышевскому ставит он также исторический подход к литературе, но считает, что из-за антропологических предубеждений ему не удалось последовательно провести эту точку зрения в эстетическом учении, а она могла бы «придать эстетике совершенно новое теоретическое основание». Эти предубеждения оставили след на многих из предложенных Чернышевским определениях категорий эстетики, и поэтому Плеханов принимает их «с известными оговор-

²⁶ В последней редакции своей книги (1910) Плеханов опустил некоторые места, где говорится о критике Чернышевским либерализма. В меньшевистский период своей деятельности он не считал нужным заострять внимание на этой стороне позиции революционных демократов.

ками», а определение трагического как «ужасного в жизни человека» отвергает вовсе, ибо оно никак не связано с идеей исторической необходимости. Но, по его мнению, эти недостатки не умаляют огромного значения открытий Чернышевского.

Плеханов взял под защиту от «обскурантов» и роман «Что делать?». Он готов согласиться с тем, что роман тенденциозен и что в нем мало художественных достоинств. «Но пусть укажут нам, — пишет он, — хоть одно из самых замечательных художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом „Что делать?“... В чем заключалась тайна колоссального, неслыханного успеха „Что делать?“? Именно в характере его тенденции, в полной своевременности распространения у нас высказанных автором мыслей» (там же, стр. 114—115).

Первый отдел «Социал-демократа» включал также программные статьи на международные темы, авторами которых были и зарубежные деятели социал-демократического движения. Когда редакция готовила издание «Социал-демократа» как регулярного «обозрения», она поручила Засулич обратиться с просьбой о сотрудничестве к Ф. Энгельсу. Через С. М. Степняка-Кравчинского Энгельс передал свое согласие и прислал для второй книги журнала большую статью «Иностранная политика русского царства»,²⁷ поддержав направление деятельности группы «Освобождение труда».

Еще до этого в «Социал-демократе» за 1888 г. была напечатана статья П. Лафарга «Парламентаризм и буланжизм», интересная яркой критической характеристикой французских парламентских нравов и марксистским анализом рецидива цезаристского движения во Франции конца 80-х годов, которое Лафарг считал «бессознательным, но тревожным и грозным проявлением болезненного состояния общества и недовольства обездоленных классов, утративших свои иллюзии, потерявших веру в слова и дела парламентских республиканцев» (1888, кн. I, стр. 104—105).

К материалам, имеющим общетеоретическое значение, редакция отнесла переписку молодого К. Маркса с А. Руге (1843), открыв ею первый отдел четвертой книги «Социал-демократа». Письма были впервые опубликованы в Париже в 1844 г., перевод на русский язык сделал В. Наумов (Б. Н. Кричевский). Переписка привлекла внимание редакции тем, что она рисовала поучительный для русской демократии процесс постепенного перехода Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к научному социализму.

* *
- *

Во втором отделе, получившем с 1890 г. название «Современное обозрение», публиковались статьи-обзоры как о внутреннем положении России, так и о событиях зарубежной жизни, главным образом связанных с развитием рабочего движения. Среди авторов здесь тоже были деятели зарубежных социал-демократических партий. Так, в первой книге «Социал-демократа» была напечатана статья Ф. Энгельса «Отречение буржуазии» (впервые она появилась на страницах немецкого «Социал-демократа»), где обобщен опыт стачек английских пролетариев. Эту статью дополнила корреспонденция Э. Маркс-Эвелинг «По поводу

²⁷ Такой перевод названия статьи дала редакция «Социал-демократа». Советскому читателю она известна под названием «Внешняя политика русского царизма».

стачки на Лондонских доках», напечатанная в той же книге «Социал-демократа» в виде «письма в редакцию». С опытом борьбы французских рабочих читателей журнала знакомила опубликованная в третьей книге обстоятельная статья Ж. Геда «Рабочее движение во Франции со времени Коммуны».

С обзорами, посвященными характеристике массового рабочего движения и деятельности социал-демократических партий на Западе, выступали и редакторы журнала — Плеханов и Аксельрод. В статье «Иностранное обозрение», помещенной в третьей книге, Плеханов подвел итоги конгрессов социалистов разных стран — Германии, Франции, Англии, Испании и Бельгии, происходивших в 1890 г. Критически проанализировав решения конгрессов, он поддержал левые, революционные течения в западной социал-демократии и осудил всякие отступления от революционного марксизма. Эта же линия характеризует и другие его статьи на международные темы: «Столетие великой революции», «Первое мая 1890 года», «Рабочее движение в 1891 году».

Аксельрод выступил в сборнике за 1888 г. со статьей «Рабочее движение в начале шестидесятых годов и теперь». Главный итог движения за 25 лет он видит не только в его количественном, но и в идейном росте, в отказе от мелкобуржуазных доктрин П. Ж. Прудона и М. А. Бакунина и в усвоении марксистской теории. В программах социал-демократических партий он выдвигает на первый план идею завоевания пролетариатом «политического могущества», прослеживая периоды деятельности социал-демократов как «промежуточные ступени той лестницы, по которой пролетариату приходится подниматься к этой цели» (1888, кн. I, стр. 145). Он высказал также свои симпатии к левому течению в немецкой социал-демократии.

Позднее в цикле статей под общим названием «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг» (кн. II—IV) Аксельрод нарисовал картину классовых столкновений в Германии в начале 90-х годов, обратив, в частности, внимание на то, что средние и низшие слои городской и сельской буржуазии нередко ищут спасения от крупного капитала в союзе с реакцией. Но в те годы он считал, что «тройной гнет капиталистических магнатов, юнкерства и полуабсолютистской бюрократии в конце концов отеснит в сознании мелкого крестьянства и „среднего сословия“ городов антагонизм их с пролетариатом на задний план и выдвинет на первое место общность их и его интересов в борьбе с тройным врагом» (1892, кн. IV, стр. 27). Последнюю статью Аксельрод закончил предсказанием того, что «эпоха коммунизма откроется водворением гегемонии пролетариата». Слабая сторона цикла заключается в идеализации парламентской деятельности немецкой социал-демократии, что станет особенно характерным для Аксельрода в меньшевистский период деятельности.

«Внутреннее обозрение» в «Социал-демократе» (кн. I—III) вел Плеханов. В его статьях затронуты самые разнообразные вопросы экономической и политической жизни России. Много внимания он уделил характеристике неумолимого процесса разрушения «устоев» старой народной жизни под натиском буржуазного развития России. Он раскрыл диалектику этого процесса, опираясь на большой документальный материал, и сделал вывод, что ни общину, ни промысловые артели «не спасли бы теперь никакие реакционные помпадуры и никакие народники» (т. 3, стр. 223), ибо капитализм пустил свои корни повсюду. «Итак, — заключает Плеханов одно из своих обозрений, — беспримерное обеднение народа, с одной стороны, и беспримерно быстрое обогащение буржуазии, с

другой, — такова краткая формула, выражающая весь ход современного экономического развития России» (там же, стр. 308).

Внутреннюю политику правительства Александра III Плеханов рассматривает как период «реставрации николаевских порядков» — реставрации столь же злобной, как и бессильной, потому что «никакие реставрации никогда и ничего надолго не реставрируют». В связи с появлением в Женеве брошюр М. К. Цебриковой «Письмо к императору Александру III» и «Каторга и ссылка» он высмеивает политику либералов, рассчитанную на то, что самодержавие когда-нибудь само поймет безнадежность своего положения и добровольно сойдет со сцены. С грустным сожалением пишет Плеханов о том, что со сторонниками «мирного развития» сближаются народники, и предсказывает, что в конце концов народничество проникнется «сознательно-буржуазными теориями, которые и заменят нынешнее бессознательно-буржуазное народничество» (там же, стр. 263).

К названному циклу примыкает статья Плеханова «Всероссийское разорение» (1892, кн. IV), где анализируются причины и последствия голода 1891 г. В статье приведены многочисленные данные, которые доказывают, что голод явился не только результатом неблагоприятных климатических условий этого года, — неурожай стали хроническим явлением русской жизни, — причины его «заключаются в общественных отношениях России» (т. 3, стр. 340). Плеханов имеет в виду «пресловутые устои», т. е. всякого рода крепостнические пережитки. Он высмеял те меры, которые предлагали правительственные бомпадуры и либералы, в частности земские деятели, и заявил, что для того, чтобы вывести крестьян из нужды, «необходимо изменить общественные условия земледелия», т. е. «положить основы нового общественного порядка в России» (там же, стр. 350 и 353), ибо история достаточно подготовила почву для этого, и социал-демократии остается лишь взяться за ее возделывание.

Обращают на себя внимание также небольшие статьи полухроникального характера, существенно дополняющие картину внутреннего состояния России. Так, в сборнике 1888 г. Ю. Е. (Эфрос) в статье «Министр-демагог» привел факты, которые показывали, что означает «твердый курс» в области просвещения министра внутренних дел И. Д. Делянова, возбудившего вопрос о том, «желательно или нежелательно, чтобы дети кучеров, кухарок, лакеев, швей и прочих получали гимназическое и университетское образование», и твердо заключившего, что «детям низшей братии просвещение не приличествует». Этому курсу, усилив его «мерами» против «подпольного просвещения», придерживались и те, кто ведал наукой и просвещением (Владиславлевы, Брызгаловы, Грессеры и др.). Максимум старания прилагали и чиновники на местах.

Автор корреспонденции «Избиение политических ссыльных в Якутске» предал гласности «меры» временного губернатора этого края П. П. Осташкина, который спровоцировал бунт ссыльных, чтобы затем отличиться при его подавлении. В результате расправы 6 человек были убиты, 9 тяжело ранены, 3 ссыльных повешены (одного из них, тяжело раненного, принесли к виселице на кровати), а 14 отправлены на бессрочную каторгу. Якутская история нашла продолжение в третьей книге «Социал-демократа». Корреспонденты сообщали, что режим в тюрьмах на Каре и в Средне-Колымске стал еще более жестоким: политических заключенных объединили с уголовниками, официально стали применять телесные наказания и т. д.

К этому же типу материалов относятся небольшие статьи Плеханова «Французское правосудие и русское шпионство» и «Шпионские за-

бавы», темой которых является разоблачение провокаций царской охранки в отношении революционеров-эмигрантов. В первой высмеяна комедия парижского заговора русских «нигилистов», устроенная агентами охранки совместно с французской полицией; во второй выводятся на чистую воду скрывшиеся под именами «графа Грюна» и «фон Куна» русские шпики, опубликовавшие сфабрикованное ими «заявление» Плеханова, в котором он будто бы, подобно Тихомирову, отрекся от революционной деятельности.

* *
*

Уязвимым местом «Социал-демократа» была беллетристика. За все время существования журнала здесь были опубликованы отрывок из романа С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» (1890, кн. II), рассказы П. Эзи «Уличная торговка», в переводе с французского (1890, кн. I), и В. К. Дебагория-Мокриевича «За Байкалом» (1892, кн. IV), мемуарный очерк Плеханова «Русский рабочий в революционном движении» (1890—1892, кн. III—IV). Причина слабости этого отдела — опять-таки в недостатке сил и средств.

Выбор глав из романа Степняка-Кравчинского (гл. XXII—XXV) определялся, во-первых, тем, что в описании суда над революционерами, подготовки их побега, неудачи этой операции и, наконец, казни заключенных раскрылся незаурядный драматический талант писателя; во-вторых, тем, что эти главы оставляли впечатление «роковой безнадежности» борьбы горстки террористов-революционеров, «одиноким стоящих между не знающим их народом, дрожащим от страха обществом и освирепевшим правительством». ²⁸ Андрей Кожухов осознает бессилие террора против представителей власти, так как «на каждый удар правительство всегда может ответить десятью, и революция выродится в мелкую борьбу между полицией и конспираторами» (1890, кн. II, стр. 40). Хотя он увлечен планом царевубийства, его преследует роковой вопрос: «Но стоит ли игра свеч?» Он находит моральное оправдание тактики террора, в этом ему сочувствует и автор, но внутренняя логика романа, особенно глав, о которых идет речь, убеждает читателя в бессмысленности террора. Редакция «Социал-демократа» усматривала большую ценность романа в том, что автор сам являлся участником террористического движения.

Публикацию рассказа «Уличная торговка» редакция сопроводила следующим примечанием: «Поль Эзи — молодой французский реалист школы Э. Золя, но гораздо более демократического направления. Помещаемый нами рассказ автор посвящает своему учителю» (1890, кн. I, стр. 1). Оговорка относительно «демократического направления» очень характерна, так как в начале 90-х годов Плеханов считал, что «золаизм служит литературным выражением нравственной и умственной пустоты современной буржуазии, давно уже оставленной „духом всемирной истории“» (т. 10, стр. 15). Позднее, когда Золя стал склоняться к социализму, Плеханов пересмотрел свое отношение к этому писателю, но продолжал считать его метод «мало пригодным для художественного изучения и изображения великих общественных движений» (т. 14, стр. 146). Это не мешало Плеханову выделить в школе Золя левое крыло — молодых писателей, связавших свою судьбу с рабочим движением. К ним принадлежал и Эзи — художник с ясно выраженным дарованием психолога, рассказ которого «Уличная торговка» посвящен изображению

²⁸ В. И. Засулич. Статьи о русской литературе. М., 1960, стр. 118—119.

внутреннего мира женщины из рабочей среды, ведущей свою родословную от санкюлотов 1789 г. Несмотря на жестокие удары судьбы — потерю мужа, а затем и сыновей, ставших жертвами правительственного террора, — героиня Поля Эзи обретает нравственную опору в своей кровной связи с народом, рабочим классом, освободительной борьбой.

Рассказ Дебагория-Мокриевича не претендует на художественность, он привлек внимание редакции «Социал-демократа» своей документальной основой. В нем освещается история массового восстания ссыльных поляков, строивших в 1866 г. Кругоморский тракт (Иркутск — Кутулук — западный берег озера Байкал — Посольский монастырь). Очевидно, чтобы оживить историю, автор ввел романтическую любовную коллизию, имеющую в то же время политический оттенок и основанную на столкновении соперников, случайно оказавшихся вместе в ссылке. Однако интерес читателя сосредоточивается не на этой коллизии, а на перипетиях внушительного по своим масштабам восстания (в нем принимало участие несколько тысяч человек), которое окончилось неудачей и трагической гибелью инициаторов.

Мемуарный характер очерка «Русский рабочий в революционном движении» Плеханов подчеркнул подзаголовком: «По личным воспоминаниям». Здесь даны яркие зарисовки передовых русских рабочих эпохи 70-х годов — таких, как Халтурин, Митрофанов, участники революционных кружков на Патронном-заводе, в Галерной гавани и на других заводах и фабриках Петербурга. Плеханов вспоминает, как эти люди не вязались с его тогдашними представлениями о «народе». «Чем больше знакомился я с петербургскими рабочими, — пишет Плеханов, — тем больше поражался их культурностью. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они были *горожанами* в лучшем смысле этого слова» (т. 3, стр. 133). Особенно сильное впечатление произвел на Плеханова Халтурин. Человек живого ума и разносторонних познаний, волевой, целеустремленный, он обладал качествами выдающегося лидера рабочего движения. Характерно, что «народническое учение так и осталось для него чем-то почти совсем чуждым» (там же, стр. 197). По словам Плеханова, личные знакомства с деятелями рабочего движения повлияли на его последующие идейные искания.

В сравнении с беллетристикой гораздо больший вес имели литературно-критические выступления «Социал-демократа» — цикл статей Плеханова «Наши беллетристы-народники» (о Г. И. Успенском в сб. 1888 г. и о Н. Е. Каронине-Петропавловском в кн. I за 1890 г.), соответствующие разделы его работы о Чернышевском, статьи Засулич «Наши современные литературные противоречия» и «Карьера нигилиста», напечатанные в «Социал-демократе» под общим заголовком «Литературные заметки» (1890—1892, кн. III—IV). Эти выступления положили начало новому, марксистскому периоду в развитии русской критической мысли.

Если в работе о Чернышевском Плеханов сформулировал принципы марксистского историзма теоретически, то в статьях об Г. И. Успенском и Каронине он применил эти принципы на практике. Раскрывая общественно-исторический смысл и эстетические достоинства произведений Успенского и Каронина, Плеханов указал на сложность, противоречивость, двойственность идейно-эстетической позиции этих писателей. Будучи народниками, они тем не менее вынесли «смертный приговор народничеству», изобразив распад крестьянской общины как исторически закономерный процесс. Причем слабые стороны их творчества проявились главным образом в публицистических отступлениях, а сильные — в художественном изображении.

Эта двойственность, по мнению Плеханова, проистекает не из противоречий между мировоззрением и творчеством писателей (подобные противоречия он вообще считал надуманными), а из противоречий самого уклада пореформенной русской деревенской жизни, из противоречий сознания крестьянской массы — предмета их постоянных размышлений. В представлениях Успенского и Каронина о народной жизни трезвое понимание объективного хода развития сочеталось как с иллюзиями крестьянской массы, порожденными ее сбивчивой оценкой происходящего, так и с остатками народнических верований (например, теория «власти земли» у Успенского или мечта о России как высокоразвитой, но крестьянской стране у Каронина).

Плеханов признает близость беллетристов-народников к народническому учению и тем не менее считает, что «народничество, как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь „ко всеобщему благополучию“» (т. 10, стр. 39—40). В творчестве народников-беллетристов огромную роль сыграли «предания русской литературы», следуя которым они и создали «глубоко правдивое литературное направление». Плеханов называет их «художниками-социологами» школы Радищева, Герцена, Чернышевского, беллетристов-демократов 60-х годов в отличие от «художников-психологов» школы Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого. Это разграничение течений у Плеханова условно, тем не менее различие между ними он видит в решении разных творческих задач. Если творческая фантазия «художников-психологов» направлена на «изображение душевных движений личности», создание психологически сложных характеров, то «перед мысленным взором беллетристов-народников носят не яркие художественные образы, а прозаические, хотя и жгучие вопросы народной экономики» (там же, стр. 14).

Увлечение этими вопросами в пореформенный период Плеханов считал естественным. Жгучим общественным интересом, как он отмечал, были проникнуты и произведения «художников-психологов». Но беллетристы-народники увлекались этими вопросами в ущерб литературным, эстетическим, и это, по мнению Плеханова, не могло не сказаться отрицательно на их произведениях, так как вело к «небрежности художественной отделки». Но главную причину художественных несовершенств их произведений он объяснял субъективным народническим отношением к предмету, которое и вносило фальшь в созданные ими картины, хотя и в меньшей степени, чем в их публицистические отступления.

Подобная оценка народнической беллетристики не имеет ничего общего с данью Плеханова «барской эстетике», врагом которой он всегда был. Об этом свидетельствует, например, его полемика с критиками из «Северного вестника», которые, как он писал, «осуждены на полное бессилие в своей борьбе против недостатков народнической беллетристики. Они берутся за дело не с надлежащей стороны. Убедить народников-беллетристов в том, что им не следует интересоваться общественными вопросами, невозможно, а убеждать их в этом нелепо» (там же, стр. 16). Дело не в общественных вопросах самих по себе, а в их решении. Слабые стороны рассказов и очерков народников связаны со слабыми сторонами их мирозерцания. Однако существо народнической беллетристики определяют вовсе не недостатки. Имея в виду изображение в ней расслоения деревни, Плеханов говорит, что она «представляет собою настоящую летопись исторического процесса перерождения русского крестьянства» (там же, стр. 67).

На противоречиях народнической беллетристики останавливается в своих «Литературных заметках» и Засулич. «Верные своей теории, — пишет она, — но в то же время правдивые и искренние исследователи народной жизни, никогда не подгибавшие под теорию фактов действительности, писатели-народники сами сделали все, чтобы показать, что с теми особенностями этой жизни, на которых основывается, которые идеализирует их теория, связано не народное благо, а лишь избыток народного страдания».²⁹ Теория говорит о «прелестях общинного землевладения», о преимуществах «самобытного земледельческого строя», а писатели-народники, исповедуя эту теорию, «изображают страшную борьбу за существование, ведущуюся внутри общины», «рисуют современное положение нашей деревни такими мрачными красками, перед которыми все бедствия... западного пролетария кажутся благоденствием».³⁰ Засулич ссылается, в частности, на роман А. И. Эртеля «Гарденины», где рассказана суровая и печальная правда о русской деревне.

Однако тема первой статьи «Литературных заметок» шире: в ней речь идет о «литературных противоречиях», причем не только в художественной литературе, но и в литературной критике и журналистике. Эти «противоречия» Засулич рассматривает вслед за Плехановым как отражение противоречий русской жизни, ибо «проповедуемые литературой взгляды и вытекающие из них стремления соответствуют тому направлению, в котором действует и объективный, бессознательный процесс, совершающийся в стране».³¹ Она касается разных направлений русской общественной мысли и журналистики 80-х годов, но в центре ее внимания — либеральное народничество и его печать, борьба против которых являлась одной из насущных задач русских марксистов.

Сравнив взгляды «либеральных народников», поставивших в центр своей экономической программы «охранение и развитие» хозяйственной «самостоятельности» мужика, со взглядами «реакционера-народника» К. П. Победоносцева, тоже выступившего в статье «Семейные участи» за умножение «благоустроенных семейных союзов, из поколения в поколение связанных с хозяйственно устроенной земельной дачей», Засулич пришла к убийственным для народников выводам. Прочитав «Русский вестник», где напечатана статья Победоносцева, говорит она, любой либеральный народник может «почувствовать себя совершенно дома: в „Русской мысли“ или в „Вестнике Европы“», — ибо это его «собственная программа», только «под крепким реакционным соусом».³²

«Литературные заметки» Засулич принадлежат к наиболее значительным полемическим выступлениям русских марксистов против народников. Данная ею характеристика безысходных противоречий во взглядах народнических критиков и публицистов (Н. К. Михайловского, А. М. Скабичевского, М. А. Протопопова и др.) была поддержана последующими марксистами. В существенных коррективах нуждается лишь, как отмечал Р. А. Ковнатор,³³ оценка деятельности Н. В. Шелгунова, данная Засулич. У Шелгунова действительно не было ясной положительной программы, в своих «Очерках русской жизни», особенно за 1889—1890 гг., он не избежал и некоторых либеральных иллюзий; тем

²⁹ В. И. Засулич. Статьи о русской литературе, стр. 49.

³⁰ Там же, стр. 50.

³¹ Там же, стр. 48.

³² Там же, стр. 60 и 64.

³³ Р. А. Ковнатор. В. И. Засулич (К истории русской критики). — Там же, стр. 22—23.

не менее у Засулич было мало оснований считать его либеральным народником, так как он искренне возмущался оппортунизмом.

Во второй статье «Литературных заметок» Засулич положительно оценила знаменитый роман Степняка-Кравчинского, заявив, что «из него одного читатель неизмеримо лучше узнает революционеров, чем из всех вместе взятых беллетристических произведений русской литературы, бравшихся изображать людей революционного движения». ³⁴ Главное достоинство романа она видит в том, что в нем «есть такой коллективный герой, ни одной черты которого не было еще отмечено в русской литературе. Это тот революционный дух, различными проявлениями которого проникнуто все содержание романа» и сущность которого — «в жажде деятельности для осуществления общих целей». ³⁵ В то же время Засулич указывает на общий для всей народнической беллетристики недостаток романа — недорисованность «индивидуальных личностей» героев, особенно героев первого плана, в частности Андрея Кожухова, фигура которого «остаётся неясной, не складывается для нас в живую конкретную личность». ³⁶ Причина этого, по мнению Засулич, в том, что автор, утративший веру в святость прежнего пути, но все еще кровно связанный с прежними революционерами, избегает изображения умственной, идейной стороны их жизни, полной смятения. А между тем в их умственных физиономиях было, по свидетельству Засулич, гораздо больше разнообразия, чем в их нравах и привычках. Несмотря на этот существенный недостаток, Засулич считает огромной заслугой автора восстановление «типов прежних нелегальных революционеров».

* *
*

Направление «Социал-демократа» как последовательно марксистского журнала определял и библиографический отдел. Основное его содержание составляли рецензии на издания русских эмигрантских кружков, представлявших самые разные политические течения. Отдел вел Плеханов, под пером которого рецензии приобретали характер ярких полемических выступлений.

В 1887—1888 г. П. Л. Лавров и некоторые из бывших членов «Народной воли» издали в виде брошюр «Введение к критике философии права Гегеля» К. Маркса и материалы известного «Процесса 21-го» (позднее — работу К. Каутского «Экономическое учение К. Маркса»). Анализ материалов «Процесса 21-го» и предисловия Лаврова к работе Маркса позволил Плеханову сделать вывод о полном организационном и идейном распаде «Народной воли», к этому времени распавшейся на враждовавшие друг с другом кружки и группы и в целом эволюционировавшей «в правую, а не в левую сторону». Не случайно, по словам Плеханова, народовольцы обратились к изданию сочинений по научному социализму, так как понимали необходимость найти новые основания для своих требований. Но они искали реальные основания для нереальных требований и надежд. Ложные представления об особом пути

³⁴ Там же, стр. 84. — В журнальном варианте статьи, сравнивая роман Кравчинского с «Новью» Тургенева, Засулич писала, что «революционеры „Нови“ не живые люди и даже не карикатуры на людей, а нечто вовсе небывалое и невозможное» (1892, кн. IV, стр. 81). В последующих переизданиях статьи она исключила это сравнение.

³⁵ Там же, стр. 106.

³⁶ Там же, стр. 89.

развития России мешали им видеть истинный смысл научного социализма.

В 80-х годах процесс распада революционного народничества протекал в разных формах. Крайним его выражением было ренегатство Л. А. Тихомирова. О своем отказе от революционных убеждений Тихомиров впервые заявил в предисловии ко второму, французскому изданию нашумевшей книги «La Russie politique et sociale». Плеханов выступил тогда со статьей «Неизбежный поворот» (1888, кн. I), в которой проанализировал логическую сторону предсказанной им еще в «Наших разногласиях» «эволюции» Тихомирова, поставив ее в причинную связь с реакционными сторонами народнического учения. Вскоре Тихомиров издал в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером». Стала ясна и нравственная сторона его «эволюции», — на ней и остановился Плеханов в специальной рецензии, носящей характер памфлета. Бывают, по его словам, ужасные положения, когда человек «подписывает строгий приговор делу, которому служил, а следовательно, и самому себе»; в таких случаях он заслуживает больше сожаления, чем упрека. Иное дело — Тихомиров: он любит свою «эволюцию», возводит инсинуации на своих прежних единомышленников, расточает жалкую лесть самодержцу, курит фимиам покойному М. Н. Каткову. Это — «классический пример» человека, «который не столько изменил свои убеждения, сколько изменил своим убеждениям» (т. 3, стр. 42). В 1889 г. Плеханов написал на эту тему брошюру-памфлет «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», где он говорит не столько о Тихомирове, сколько о «тихомировщине» как об одном из симптомов общего перерождения народничества.

В годы распада «Земли и воли» многие из народников призывали к объединению с либералами (М. П. Драгоманов, И. И. Добровольский, В. К. Дебагорий-Мокриевич и др.). Подобные настроения нашли выражение в издававшихся за границей газетах «Самоуправление» (1887—1888) и «Свобода» (1888—1889). В рецензии на эти газеты Плеханов высмеял их планы соединения «легального давления» на правительство с «путем людей 1-го марта», в комических сценах изобразив депутации «общества» к Александру III, который в конце концов сдается и подписывает программу социалистов-федералистов, дарующую политическую свободу (т. 4, стр. 274). Плеханов охарактеризовал направление органов, подобных «Самоуправлению» и «Свободе», как вполне соответствующее эпохе распада народничества.

Вышедшая в 1890 г. в Париже брошюра А. А. Герцена «Le peuple Russe et son gouvernement» привлекла внимание Плеханова не только потому, что она была написана сыном известного деятеля, но и потому, что развиваемые в ней взгляды находили постоянное выражение в русских либеральных органах того времени. А. А. Герцен — сторонник «общинного землевладения» и в то же время поклонник реформ 1861 г. и Александра II как их творца. Он настроен оппозиционно, но решительно отвергает путь революционеров, которых называет невольными «слугами деспотизма» и даже «убийцами». По его мнению, есть и мирный путь общественных преобразований — «попугать», по выражению Плеханова, царя «историей»: не захочет же он оставить в истории память о своем царствовании как о времени «печальной реакции». К «льстивой болтовне», к «заговариванию зубов царизму» и сводится содержание брошюры А. А. Герцена. Плеханов напомнил сыну слова отца, который называл правительство Александра II «шайкой разбойников и негодеев», а либералов клеймил как «жалких людей-слизняков». Плеханов

находит оправдание для А. А. Герцена лишь в том, что он, замечательный ученый-физиолог, обратившись к публицистике, просто взялся не за свое дело.

В рецензии на гектографированный «Студенческий вестник», вышедший в Петербурге в 1890 г., Плеханов с тревогой указал на либеральные тенденции и в студенческом движении. В связи со студенческими волнениями этого года один из авторов «Вестника» писал, что уже близко то время, когда «общество» «проклянет свое бездействие» и «само пойдет навстречу молодежи». Рассеивая подобные иллюзии, Плеханов привел слова ректора Петербургского университета В. И. Сергеевича, видного представителя «общества»: «Разве им [студентам] не известно, как ничтожна сила общества перед правительством?» В словах Сергеевича, пишет Плеханов, «нет ни капли гражданского мужества», но они «объясняют происхождение той трусости и вялости „общества“, которая давно уже приводит в отчаяние революционеров» (там же, стр. 316). Он советует студентам установить связи с рабочими и прежде всего рассчитывать на них как на силу, способную противостоять правительству, тем более, что рабочие уже обращались с призывом присоединиться к их борьбе.

В рецензиях на реакционные издания Плеханов широко пользуется сатирическими приемами при изложении взглядов противников. Так построены рецензии на изданные в Париже в 1890 г. сборник статей А. Доверина-Чернова, теоретика неославянофильской «национальной партии», и книгу «Россия и свобода» некоего «Русского дворянина», который играл важную роль в правительстве, в частности принимал участие в «контрреформах» 1881 г. Их высказывания до такой степени реакционны, что достаточно было Плеханову привести их, и они зазвучали как пародия. Так, еврейский вопрос «Русский дворянин» предлагает решить с помощью гетто, желтых костюмов и ожерелий-колокольчиков на шею. Вторую из этих рецензий Плеханов заключил словами: «Посмотрите, как беспощадно дурачит история представителей отживших политических систем или даже целых общественных классов; посмотрите, до какой степени лишает она их способности к серьезному мышлению, всякой талантливости и оригинальности» (там же, стр. 293).

Высокую оценку Плеханова получила книга Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», изданная в 1889 г. в Париже. Талантливый ученый-этнограф и географ, Мечников был в то же время революционером поколения 60-х годов, участником боев, которые вел Гарибальди, деятелем I Интернационала. Научную заслугу Мечникова Плеханов видит в том, что тот привлек неизвестный до него огромный материал для решения сложной проблемы влияния географической среды на ход истории и пришел в общем к тем же заключениям, что и марксисты, хотя не являлся марксистом. С большой похвалой отзывался Плеханов и о сборнике статей американца Д. Кенана «Сибирь и ссылка», разоблачившего перед всем образованным миром те гнусности, которые царское правительство позволяло себе в отношении революционеров. Положительно оценил он изданную на немецком языке в Цюрихе в 1889 г. брошюру о замечательном деятеле немецкого революционного движения И. Беккере, начавшем свой путь в 20-х годах с неопределенной оппозиции к тогдашним порядкам, а закончившем его в рядах сознательных последователей научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

В конце каждой книги «Социал-демократа» помещалась «Хроника» — мелкие заметки о фактах, информация о которых была недоступна легальной прессе. Журнал сообщал, например, о том, как по рас-

поряжению черниговского губернатора была учинена массовая порка крестьян, протестовавших против незаконной нарезки земли в пользу саванников Красовского и Половцева, о том, как в Речецком и Бобруйском уездах Белоруссии были согнаны с земли сотни крестьянских семейств, о том, как по личному указанию царя были отданы в дисциплинарные батальоны участники студенческих волнений и т. д.

«Социал-демократ» публиковал сведения об узниках Шлиссельбургской крепости, регулярно сообщал о новых арестах революционеров и о случаях удачного побега из мест заключения. В качестве типичного примера, изобличающего произвол судебных властей, на страницах журнала был приведен обвинительный акт по делу С. Гинсбург. Почти в каждой книге «Социал-демократа» появлялись некрологи деятелям русского и зарубежного революционного движения.

* *
*

В 80-е и первую половину 90-х годов роль руководящего центра в марксистском перевооружении русской революционной армии играла группа «Освобождение труда», члены которой в многолетней полемике с народниками расчистили пути для создания других марксистских групп, ставших затем базой ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Издательская и журналистская деятельность группы «Освобождение труда» также послужила образцом для последующей подпольной работы журналистов-марксистов.

Первая из социал-демократических организаций — группа Д. Н. Благоева — возникла в Петербурге почти одновременно с группой «Освобождение труда», в конце 1883 г., и независимо от нее, но как последовательно марксистская организация она оформилась после того, когда установила необходимые контакты с Плехановым и его соратниками.

По условиям того времени группа была многочисленной — до 30 человек. В большинстве своем это были студенты высших учебных заведений Петербурга, прежде связанные с народническими кружками или находившиеся под влиянием народников. Кроме самого Благоева, большую роль в группе играли П. А. Латышев, В. Г. Харитонов, В. Е. Благодославов, несколько позднее — Н. П. Андреев, В. А. Кугушев, Н. А. Бородин, А. А. Герасимов и др. Группа ставила своей задачей пропаганду идей марксизма не только среди интеллигенции, но и среди рабочих, и в этом ее большая заслуга. Как и большинство последующих социал-демократических групп, благоевцы начали свою деятельность с издания на гектографе «рабочих листков» — этой, по выражению В. И. Ленина, первой формы социал-демократической литературы.³⁷ «Листки», выходявшие за подписью «С.-Петербургская рабочая группа русских социал-демократов», были обращены к рабочим различных районов Петербурга, но иногда пересылались через единомышленников и в провинцию.

В начале 1884 г. перед группой встал вопрос о создании собственной типографии. Ее организация была поручена Кугушеву, который вскоре и доставил из Вильно необходимое оборудование. Но осенью типография была разгромлена, и за устройство новой взялся Харитонов, на квартире которого она и была налажена с помощью рабочих типографии царской канцелярии. Типография просуществовала около года. Кроме листовок, благоевцы выпустили два номера газеты «Рабочий»

³⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 188.

тиражом в 200—300 экземпляров: первый — в январе, а второй и последний — в июле 1885 г.

Характеризуя взгляды группы, Благоев позднее писал, что они «не могли быть ничем другим, как смесью марксизма с лассальянством и с остатками старых утопических взглядов, которые в то время имели огромное влияние в России, а если хотите, и лавризма».³⁸ Подобную характеристику идейной позиции группы подтверждают материалы газеты.

В программной статье «Чего недостает рабочему народу?», помещенной в первом номере «Рабочего», Благоев развил мысль о том, что главная беда рабочего люда — отсутствие знаний, так как «незнание всегда приводит к угнетению слабых сильными». В соответствии с этим определяется и цель газеты: «распространить самое необходимое знание на рабочий народ», точнее на «лучшую часть рабочего народа».³⁹ Благоев имел в виду знание научной теории общественного развития, освещающей пути к установлению «наилучших порядков в государстве». Этой теме посвящена и статья Латышева «Знание и критика», помещенная во втором номере газеты.

Убеждая читателей в том, что «нигде, никогда и ничего из вольностей народных не добывалось без борьбы», газета «Рабочий» ссылалась на опыт революционных движений в России и на Западе, в частности на опыт восстания Пугачева. Неудачи прежних движений она объясняла прежде всего тем, что их участники не имели научно обоснованной программы действия. Задачам «рабочего народа», вытекающим из уроков истории и из современного положения, посвящены статьи Благоева «Чего добиваться рабочему народу?», где в краткой и доступной массовому читателю форме изложена программа группы, Латышева «Рабочий народ и правительство», Харитонова «Внутреннее обозрение». Лейтмотивом всех этих статей является призыв к борьбе с самодержавием как главным злом русской жизни.

Газета стремилась обобщить и опыт русского рабочего движения. Так, в статье-дистовке «По поводу фабричных явлений» подводятся итоги стачек на Вознесенской и Никольской мануфактурах. Главный недостаток подобных стачек авторы видят в их стихийном характере и, обращаясь к «более развитым и сознательным представителям рабочего люда», призывают «повсеместно создавать кружки сознательных рабочих, распространять их на все больший и больший район, связать их прочной связью общих определенных требований в единую рабочую партию и при первом удобном случае явиться перед правительством грозной силой».⁴⁰

Группу Благоева многое сближало с группой «Освобождение труда», но были между ними и существенные различия. Выше отмечалось, что благоевцы испытали сильное воздействие учения Лассала и не освободились еще полностью от пережитков народнического мирозерцания. Вслед за Лассалем они считали, что переход к социализму можно осуществить путем «всеобщей подачи голосов» и создания «производственных ассоциаций», которые конституционное правительство вынуждено будет поддерживать под давлением избирателей. Благоев и его единомышленники признавали, что Россия бесповоротно вступила на путь капиталистического развития, и поэтому им было чуждо пред-

³⁸ Д. Н. Благоев. Мои воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 54.

³⁹ Н. Л. Сергеевский. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев), 1885. Л., 1928, стр. 28.

⁴⁰ Там же, стр. 48.

ставление об общине как об исходном пункте социалистических преобразований. Но вместе с тем они полагали, что община выражает «справедливую сторону народной жизни» и, при соответствующих условиях, «способна спасти народ от кабалы». С остатками народнического мирозерцания связано и их расплывчатое представление о «рабочем народе», к которому они относили и рабочий класс, и крестьянство. Из этого проистекало нечеткое разграничение задач буржуазно-демократической и социалистической революций.

Позднее благоевцы приняли программу группы «Освобождение труда», и это благотворно сказалось на их деятельности, в частности на политической линии их газеты. Во втором номере «Рабочего» были опубликованы статьи Плеханова «Современные задачи русских рабочих» и Аксельрода «Выборы в германский рейхстаг и социал-демократическая партия». Плеханов развил мысль о нерасторжимом единстве борьбы рабочих за свое экономическое освобождение и за политическую свободу. «Не думайте, — пишет он, — что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга» (т. 2, стр. 365). Аксельрод в популярной форме изложил те идеи, которые до этого высказал в опубликованном на страницах «Социал-демократа» цикле статей на эту тему.

Имея в виду газету «Рабочий», В. И. Ленин писал о большой заслуге группы Благоева, которая предприняла едва ли не единственную за период с 1883 по 1895 г. попытку создать социал-демократическую рабочую печать в России.⁴¹ К сожалению, путь газеты был недолгим. В начале 1886 г. типография была разгромлена полицией. Еще до этого, в марте 1885 г., был выслан из России Благоев, затем арестованы Андреев, Харитонов, Латышев и другие члены группы. Те, кто уцелел после налета жандармов, приняли участие в деятельности последующих марксистских групп.

Переходный характер «Общества переводчиков и издателей» — московской студенческой организации, возникшей в начале 1883 г., — сказался на всей ее деятельности, в том числе издательской. В. Т. Распопин, студент-сибиряк физико-математического факультета университета, стоявший во главе организации, и его единомышленники были увлечены идеями марксизма, но еще не полностью порвали с народничеством. Поэтому наряду с марксистской литературой общество издавало произведения народнических теоретиков, например Лаврова, с которым оно поддерживало связи, а также сочинения Л. Блана, Е. Дюринга и других далеких от марксизма авторов. Но интерес членов общества к марксистской теории возрос после установления контактов с группой «Освобождение труда». Ближе других к марксизму стояли В. Т. Распопин и Л. Ф. Янович, который еще до приезда в Москву был связан с польской социал-демократической организацией «Пролетарий».

Главным образом по их инициативе общество развернуло издание марксистской литературы в довольно больших масштабах. Нелегальные произведения печатались в литографии Янковской под предлогом издания лекций профессоров. За короткий срок общество издало работы К. Маркса «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль», а также конспект его «Капитала», затем работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (с большими сокращениями) и «Жилищный вопрос», Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Письмо к товарищам» группы «Освобождение

⁴¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 96.

труда», работу В. Либкнехта «В защиту правды» и др.; по-видимому, дважды был издан «Манифест Коммунистической партии».

В 1884 г. Распопин и его друзья приступили к изданию неперIODического сборника под названием «Социалистическое знание». В обращении редакция писала, что задача сборника — не только познакомить читателей с «учениями западноевропейского социализма», но и «предложить им также статьи по социально-политическим вопросам русской жизни». ⁴² В сборнике были опубликованы переводы работ Ф. Энгельса и Л. Блана. Что касается разработки проблем русской жизни, то общество не успело приступить к ней из-за обрушившихся на него репрессий: в конце 1884 г. оно было разгромлено. Обществу принадлежит большая заслуга в распространении марксистской литературы; его издания проникали во многие города России.

Другой по характеру была марксистская группа П. В. Точисского «Товарищество с.-петербургских мастеровых». Она возникла в 1885 г. и просуществовала до 1888 г. Большинство участников составляли рабочие: сам Точиский, его ближайший помощник Д. В. Лазарев; Е. А. Афанасьев (Климанов), В. В. Буянов, В. А. Шелгунов, И. И. Тимофеев и др. Из представителей интеллигенции активную роль в организации играли братья Г., Л. и Э. Брейтфусы и группировавшиеся вокруг Точиской (Лебедевой) слушательницы Бестужевских женских курсов. Это была действовавшая по уставу, дисциплинированная и хорошо законспирированная организация. Входившие в нее рабочие наладили пропагандистскую работу на многих предприятиях Петербурга и среди солдат:

Товарищество располагало своей кассой, библиотекой, имевшей нелегальную литературу, которая распространялась и с помощью гектографа. Кроме листовок, обращенных к рабочим, серьезным начинанием группы был выпуск рукописной рабочей газеты. Ее содержание составляли небольшие заметки о наиболее важных событиях жизни рабочих: тех предприятий, с которыми были связаны участники группы. В заметках разьяснялся классовый смысл повседневных противоречий тогдашней фабричной и заводской жизни. Газета пользовалась большой популярностью среди рабочих. В 1887 г. группа приступила к организации собственной типографии, с помощью которой намеревалась наладить издание газеты и брошюр. Осуществить это начинание не удалось: весной 1888 г. начались аресты, прервавшие деятельность группы.

Деятельность названных групп подготовила почву для появления более зрелых в идейном отношении социал-демократических организаций России. К ним принадлежит прежде всего группа Н. Е. Федосеева, которая оформилась в начале 1888 г. и от которой затем протянулись нити к марксистским кружкам всего Поволжья. С некоторыми участниками группы установил связь и В. И. Ленин, когда после ссылки в с. Кокушкино вернулся в Казань. С Федосеевым был связан и А. М. Горький, очень тепло отозвавшийся о нем в «Моих университетах».

Группа Федосеева наладила отношения с рабочими кружками и через них распространяла листовки и прокламации, которые печатал по поручению группы один из местных типографских рабочих Г. Плетнев. Федосеев и его друзья ставили своей целью издание марксистской литературы в больших масштабах. Образцом для них служили издания группы «Освобождение труда». По свидетельству А. И. Ульяновой-

⁴² Цит. по кн.: Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 341.

Елизаровой, группа Федосеева располагала элементарной техникой для перепечатки редких нелегальных произведений, но, не удовлетворяясь этим, предприняла энергичные шаги для создания собственной типографии. С помощью рабочих были добыты шрифты для набора, и Федосеев принялся налаживать типографию в дер. Ключицы. В планы группы входило издание «Нищеты философии» и «К критике политической экономии» К. Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Экономическое учение К. Маркса» в изложении К. Каутского и других работ. Перед этим в качестве пробы было осуществлено гектографическое издание брошюры «Развитие научного социализма» (так была названа упомянутая выше работа Ф. Энгельса). Жандармский налет оборвал издательские начинания группы, по делу которой было привлечено свыше 30 человек.

Группа М. И. Бруснева возникла в Петербурге в 1889 г. в процессе централизации деятельности марксистских кружков столицы. В нее вошли некоторые участники группы Благоева или люди, прежде так или иначе связанные с нею, а также бывшие члены «Товарищества с.-петербургских мастеровых» — Афанасьев (Климанов), Буянов, Тимофеев, Шелгунов и др. Кроме перечисленных, в группу влились кружки Р. Э. Классона (С. И. Радченко, Н. К. Крупская, Я. П. Коробко) и самого Бруснева (Л. Б. и Г. Б. Красиных, В. Ф. Цивинский, В. Н. Иванов). Группа поддерживала связи с социал-демократическими кружками других городов.

Издательская деятельность группы Бруснева сосредоточилась главным образом на выпуске листовок и прокламаций, которые размножались на машинке (например, по поводу стачек рабочих порта, завода «Новое адмиралтейство», фабрики Торнтон). Группа успела выпустить и два номера рукописной рабочей газеты, которая размножалась под копирку и тоже передавалась из рук в руки. Почти вся газета заполнялась боевыми заметками, носившими хроникальный характер. Авторами были рабочие, заметки обрабатывали М. И. Бруснев и В. С. Голубев, оставивший воспоминания о деятельности группы.⁴³ Хотя рабочие писали о местных нуждах, но их освещение в газете приобретало общеполитический смысл. По воспоминаниям Бруснева,⁴⁴ газета пользовалась большой популярностью в среде рабочих, ее зачитывали до дыр. Руководство группы лелеяло мысль о создании собственного печатного органа, и такая задача была по силам этой сравнительно многочисленной организации. Но осуществить замысел не удалось: в 1892 г. группа была разгромлена.

* * *

*

Итак, период от создания группы «Освобождение труда» и до возникновения «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был, по оценке В. И. Ленина, периодом «утробного» развития русской социал-демократии. В эти годы первые марксистские группы развернули пропаганду идей научного коммунизма, главным образом в среде интеллигенции и передовых рабочих. Основное достижение этого периода за-

⁴³ В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. — «Былое», 1906, № 12, стр. 105—121.

⁴⁴ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. — «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 24—25.

ключалось в том, что появились люди, способные возглавить массовое рабочее движение в России.

К середине 90-х годов процесс «утробного» развития социал-демократии был в целом завершен. Очередная историческая задача состояла в том, чтобы объединить разрозненные группы и кружки, иначе говоря, создать революционную марксистскую рабочую партию. Плеханов, выражая общее настроение, писал: «Несколько лет тому назад ближайшей и важнейшей задачей русских социал-демократов являлась теоретическая выработка и распространение их взглядов в среде революционеров-идеологов. Теперь эта предварительная работа может считаться законченной. Теперь русские социал-демократы могут и должны взяться за практическую деятельность в среде рабочих» (т. 3, стр. 238). От пропаганды идей марксизма в узком кругу интеллигенции и передовых рабочих предстояло перейти к агитации в широких массах пролетариата. Эту историческую задачу выполнили В. И. Ленин и его соратники.

Жизнь поставила новые задачи и в области издательской деятельности русской социал-демократии. От отдельных нерегулярных изданий, рассчитанных на узкий круг, надо было переходить к более или менее систематической печатной пропаганде в широких масштабах. Рабочая печать в собственном смысле этого слова возникает с момента организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который и явился зачатком революционной марксистской рабочей партии. Создание массовой рабочей печати началось с издания многочисленных марксистских листовок и прокламаций, отвечавших насущным потребностям дня. Они создали почву для появления на следующем этапе развития социал-демократического движения регулярных и хорошо поставленных периодических марксистских изданий, предназначенных для широкой рабочей аудитории.

Очерки по истории русской журналистики и критики

Том второй

Вторая половина XIX века

Редактор *Н. А. Захарова*

Техн. редактор *Н. А. Елизирова*

Корректоры *И. А. Симкина, Г. А. Морген*

Сдано в набор 19 II 1965 г. М 28058. Подписано к печати 31 V 1965 г.
Уч.-изд. л. 44,08. Печ. л. 32,25 (усл. л. 45,15). Бум. л. 16,12. Формат бум. 70×108^{1/16}.

Тираж 2350 экз. Заказ 181. Цена 2 р. 35 к. (в переплете).

Тематический план 1964г., № 111

2 р. 35 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1965